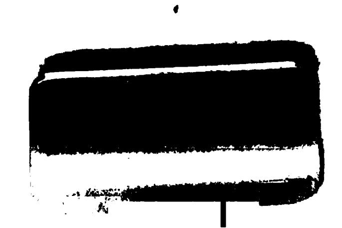

UC-NRLF
$B 320 297

В. Г. БѢЛИНСКIЙ.

...ено. Спб. 7 января 1891 г. ... Тип. тов. ...

Дозв. ценз. Спб. 29 ноября 1891 г. Тип. тов. „Общ. Польза", Б. Подьяч., 8

Новиковъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Н. И. НОВИКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. Е. Усовой

Съ портретомъ Новикова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39
1892

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біогр фическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ. Андерсенъ, Аристотель, Байронъ, Бал закъ, Беккаріа, **Ф. Беконъ**, Беранже, Клодъ-Бернаръ, Берне, Бернсъ, Бе ховенъ, Бисмаркъ, **Боккачіо**, Бокль, Бомарше, Дж. Бруно, **Будда (Сакі Муни)**, **Р. Вагнеръ**, Вашингтонъ, Виклефъ, Л. Винчи, Вирховъ, Воль Вольтеръ, Гайднъ, **Галилей**, Гарвей, Гарибальди, **Гаррикъ**, **Гегель**, **Гейн** **Гете**, Гладстонъ, **Говардъ**, Гогартъ, Гракхи, **Григорій VII**, **А. Гу больдтъ**, **Гусъ**, **Гутенбергъ**, **Гюго**, Дагерръ и Ніэпсъ, **Даламберъ**, **Дант** **Дарвинъ**, Декартъ, Дефо, **Дженнеръ**, Дидро, **Диккенсъ** Жанна Дарк Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Кантъ, **Кальвинъ**, **Канова**, **Карлейль**, **Ке леръ**, **Колумбъ**, Амосъ-Коменскій, Контъ, **Конфуцій**, Коперникъ, Кромвел Кукъ, **Кювье**, **Лавуазье**, Лапласъ, Лейбницъ, Лессепсъ, **Лессингъ**, **Ливин стонъ**, **Линкольнъ**, **Линней**, **Лойола**, Локкъ, Лютеръ, Магометъ, Макіавелл Масе (основатель международной лиги образованія), Мейерберъ, Метте нихъ, **Микель-Анджело**, Милль, Мильтонъ, Мирабо, **Мицкевичъ**, **Мол еръ**, Мольтке, Монтескье, **Морзе**, **Т. Моръ**, **Моцартъ**, Т. Мюнцеръ, Н полеонъ I, Ньютонъ, Оуэнъ, **Паскаль**, Пастеръ, Песталоцци, Платонъ, **Пр донъ**, Рабле, **Рафаэль**, Рашель, Рембрандтъ, Риттеръ, Ришелье, Ротшильд Руссо, Савонарола, **Сакіа-Муни (Будда)**, **Свифтъ**, Сервантесъ, **В. Скотт** А. Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спиноза, **Стэнли**, Стефенсонъ, Тацит **Теккерей**, **Уаттъ**, Фарадей, **Франклинъ**, Францискъ-Ассизскій, Фридрихъ Фультонъ, Цвингли, Цицеронъ, Шекспиръ, Шелли, Шиллеръ, **Шопенгауер** Шопенъ, **Эдисонъ**, **Дж. Эліотъ**, Эразмъ, Ювеналъ, Юлій Цезарь, и дру

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Аракчеевъ, Богда Хмѣльницкій, Боткинъ, Бутлеровъ, Булгаринъ и Гречъ, **Бѣлинскій**, Бэр Верещагинъ, **Волковъ** (основатель русскаго театра), Воронцовы, Глинка, Г **голь**, Гончаровъ, Грановскій, Грибоѣдовъ, Дашкова, **Демидовы**, **Достоевск** Екатерина II, Зининъ, Ивановъ, Иванъ IV, **В. Н. Каразинъ** (основате харьк. университета), Карамзинъ, Катковъ, С. В. Ковалевская, **Кол цовъ**, Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И Костомаровъ, **Крамской**, **Крылов** **Лермонтовъ**, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Меншиковъ, Миклуха-Макла Н. Милютинъ, Некрасовъ, Никитинъ, **Никонъ**, Новиковъ, Островскі Петръ Великій, Пироговъ, Писемскій, Посошковъ, Потемкинъ, **Пржи вальскій**, **Пушкинъ**, **Радищевъ**, **Салтыковъ**, **Сенковскій**, Скобелев С. Соловьевъ, Сперанскій, Струве, Суворовъ, Л. Толстой, Тургенев Гл. Успенскій, **Ушинскій**, Фонъ-Визинъ, Шевченко, Щепкинъ и друг

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особ книжка**, *въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ п тешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются гео карты, снимки съ картинъ и ноты.*

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которы вышли до 1 января 1892. г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяц

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб. Ле туковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Ноября 1891 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ:

М. Н. Лонгиновъ: „Новиковъ и московскіе мартинисты“. Моск 1867 г.

А. Незеленовъ: „Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журн ловъ 1769—1785 гг.“. С.-Петербургъ, 1875 г.

А. Незеленовъ: „Литературныя направленія въ Екатерининск эпоху“. Спб., 1889 г.

А. Неустроевъ: „Историческое розысканіе о русскихъ повреме ныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“. Спб., 1874

„Сборникъ русскаго Истор. Общества“. Томы II-й, Спб., 1867 и XXVII. Спб., 1880 г.

Журналы Новикова: „Трутень“, „Живописецъ“, „Кошелекъ“ и д

Полевой: „Исторія русской литературы“. Спб., 1878 г.

Пыпинъ: „Вѣстникъ Европы“,? 1867, 1868 и 1872 гг.

Ефремовъ: Матеріалы исторіи русской литературы.

Аѳанасьевъ: Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.

Ешевскій: Сочиненія, т. III.

„Московскія Вѣдомости“, 1859 г. и „Библіографическія Записк 1858—1859 гг.

Д. Корсаковъ: „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка Казань, 1891 г.

Кобеко: „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“.

Предисловіе.

Николай Ивановичъ Новиковъ представляетъ въ исторіи русской литературы и просвѣщенія такую крупную величину, которую не могутъ обойти молчаніемъ историки нашей культуры. Уже одного этого достаточно, чтобы всякій образованный человѣкъ зналъ его; но этого мало: онъ представляетъ еще и другой интересъ, какъ замѣчательный типъ человѣка, въ которомъ жило страстное стремленіе къ добру и свѣту и въ характерѣ котораго лежалъ запасъ такой энергіи, какая рѣдко встрѣчается. Новиковъ не блещетъ какими нибудь рѣзкими поступками и яркими индивидуальными чертами: его сплошь и рядомъ даже не видно, какъ отдѣльную фигуру, онъ какъ-то стушевывается и тонетъ въ общественномъ дѣлѣ, которое дѣлаетъ тихо, спокойно, систематически изъ года въ годъ и которое ставитъ выше всего. Объясняется это, какъ намъ кажется, чисто русскою его склонностью дѣйствовать не въ одиночку, а сообща, кружкомъ: онъ никогда не дѣйствовалъ одинъ, а всегда окружалъ себя друзьями и близкими по духу людьми. Въ Петербургскомъ періодѣ его жизни онъ еще виднѣе, хотя также вы видите только его изданія и не знаете, что именно тамъ писалъ онъ самъ. Въ московскій періодъ, когда его окружали Шварцъ, Лопухинъ, Походяшинъ и другіе, въ томъ или иномъ отношеніи выдающіеся люди,—онъ еще менѣе замѣтенъ, хотя и не перестаетъ работать и играть первенствующую роль. Не менѣе интересна также и его судьба на мрачномъ фонѣ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій. Къ сожалѣнію, о Новиковѣ далеко еще не все извѣстно, и такія подробныя изслѣдованія, какъ Лонгинова и Незеленова, заключаютъ въ себѣ не мало пробѣловъ. Такъ напр. мы очень мало знаемъ о

домашней и семейной жизни Николая Ивановича, о томъ, какія именно статьи въ издававшихся журналахъ принадлежатъ его перу, не знаемъ подробностей производившагося надъ нимъ слѣдствія и т. п. Хотя послѣ изслѣдованія Лонгинова въ трудахъ русскаго историческаго общества и появились очень цѣнные документы изъ архива Шешковскаго, но они отличаются отрывочностью и неполнотою.

Кромѣ вышеуказанныхъ источниковъ, мы заглянули и въ другіе, гдѣ могли что либо найти о Новиковѣ, но само собою разумѣется, что сказанныхъ пробѣловъ не устранили.

ГЛАВА I.

Благочестивая семья. — Служба Новикова въ Измайловскомъ полку.— Занятіе въ коммисіи депутатовъ.—Жизнь русскаго помѣстнаго дворянства въ то время.—Новиковъ выходитъ въ отставку и посвящаетъ себя просвѣтительной дѣятельности.—Первые русскіе журналы и газеты.

Николай Ивановичъ Новиковъ родился 27-го апрѣля 1744 г. въ родовомъ помѣстьѣ отца своего, отставнаго статскаго совѣтника Ивана Васильевича,—въ селѣ Авдотьинѣ, Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи. Отецъ Новикова служилъ при императорѣ Петрѣ I во флотѣ, а затѣмъ, при Аннѣ Іоанновнѣ, въ чинѣ капитана, перешелъ въ статскую службу; при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ онъ вышелъ въ отставку статскимъ совѣтникомъ. У Ивана Васильевича было порядочное состояніе: 700 душъ крестьянъ, частью въ Калужской, частью въ Московской губерніяхъ, и деревянный домъ въ Москвѣ у Серпуховскихъ воротъ. Послѣ его смерти состояніе это перешло къ женѣ его, а отъ нея къ дѣтямъ, которыхъ у Ивана Васильевича, кромѣ сына Николая, было еще трое: сынъ Алексѣй, моложе Николая Ивановича, и двѣ дочери.

О дѣтскихъ годахъ Николая Ивановича мы имѣемъ немного свѣдѣній. Знаемъ только, что онъ росъ въ благочестивой семьѣ и самъ былъ религіозенъ съ ранняго возраста; знаемъ также и о томъ, что грамотѣ училъ его сельскій дьячокъ, который конечно не могъ передать ему никакихъ свѣдѣній, кромѣ умѣнья читать, да, можетъ быть, съ грѣхомъ пополамъ писать. Однако родители Новикова сознавали потребность въ бо́льшемъ образованіи для своего сына и въ 1758 году отвезли его въ Москву, гдѣ съ 12 январв 1755 года существовалъ уже университетъ, а совмѣстно и одновременно съ нимъ была основана дворянская гимназія. Въ эту-то гимназію, во французскій классъ, какъ значится

по спискамъ, и отданъ былъ Николай Ивановичъ. Пробылъ онъ въ гимназіи три года. Преподаваніе въ этой гимназіи велось въ то время крайне плохо. Знаменитый впослѣдствіи фонъ-Визинъ, отданный туда родителями около того же времени, разсказываетъ, напримѣръ, о тогдашнемъ преподаваніи слѣдующее: учитель латинскаго языка, для вразумленія учениковъ на экзаменѣ относительно спряженій и склоненій, имѣлъ на кафтанѣ 5 пуговицъ, обозначавшихъ число склоненій, а на камзолѣ 4 для обозначенія числа спряженій. Самому фонъ-Визину, какъ онъ говоритъ, была присуждена изъ географіи медаль за то, что онъ на вопросъ, куда впадаетъ Волга?—отвѣтилъ: «не знаю». А передъ нимъ два ученика сказали: одинъ—въ «Бѣлое море», а другой—въ «Черное». Тѣмъ не менѣе и такое жалкое преподаваніе, по словамъ фонъ-Визина, заронило въ него любовь къ словеснымъ наукамъ. Весьма вѣроятно, что оно зародило такое доброе сѣмя и въ Новиковѣ, даже помимо его сознанія. Учился онъ повидимому плохо, потому что послѣ трехлѣтняго пребыванія въ гимназіи былъ исключенъ изъ нея «за лѣность» и «нехожденіе въ классы», какъ значится въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» того времени. Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что имена исключаемыхъ за нерадѣніе учениковъ, по рѣшенію университетской конференціи, печатались въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» во всеобщее свѣдѣніе, для устыженія провинившихся. Вмѣстѣ съ Новиковымъ въ числѣ исключенныхъ значится и столь знаменитый впослѣдствіи Потемкинъ.

О плохихъ успѣхахъ Новикова свидѣтельствуетъ также и то, что послѣ трехлѣтняго пребыванія во французскомъ классѣ онъ совершенно не усвоилъ себѣ этого языка и впослѣдствіи говорилъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, совершенно невѣжественномъ въ иностранныхъ языкахъ.

И такъ, въ 16 лѣтъ Новиковъ поневолѣ окончилъ курсъ образованія и поступилъ, по обычаю большинства молодыхъ дворянъ, въ военную службу. Отецъ его за два года передъ тѣмъ умеръ. Новиковъ вступилъ на службу въ л.-гвардіи Измайловскій полкъ въ январѣ 1762 года, какъ-разъ при воцареніи Петра III. Служба при этомъ государѣ была тяжелая, и Новикову пришлось волей-не-волей посвящать все свое время труднымъ и непривычнымъ для него занятіямъ.

Однако обстоятельства измѣняются скоро въ благопріятную для него сторону.

28-го іюня 1762 года произошелъ государственный переворотъ. Екатерина была провозглашена императрицей. Измайловскому полку, начальникъ котораго, графъ Разумовскій, многіе офицеры и даже двѣ роты солдатъ были посвящены въ заговоръ,— суждено было играть видную роль въ этомъ переворотѣ. Новиковъ стоялъ на часахъ у подъемнаго моста, перекинутаго черезъ ровъ, окружавшій казармы, когда туда пріѣхала Екатерина въ сопровожденіи Алексѣя Григорьевича Орлова. Измайловцы первые приняли присягу Екатеринѣ и получили за это много наградъ. Новиковъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры.

Военная служба при Екатеринѣ II скоро пріобрѣла совсѣмъ особый характеръ: она сдѣлалась не столько службою, сколько свѣтскимъ времяпрепровожденіемъ. Въ гвардіи празднества смѣнялись празднествами. Офицеры старались превзойти другъ друга въ роскоши и въ безумныхъ кутежахъ. Жить на широкую ногу, держать карету и по крайней мѣрѣ четверку лошадей, роскошную квартиру и массу прислуги было для каждаго изъ нихъ почти обязательно. Бѣдные, боясь навлечь на себя презрѣніе товарищей, тянулись за богатыми и впадали въ долги. О службѣ мало кто думалъ. Императрица смотрѣла сквозь пальцы на разныя служебныя упущенія, а между тѣмъ въ полкахъ происходили не только упущенія, но подчасъ и такія злоупотребленія, что, «если бы ихъ изобразить», говоритъ въ своихъ запискахъ Болотовъ», то потомки наши не только стали бы удивляться, но едва ли въ состояніи были повѣрить».

Вотъ въ такой-то средѣ, проводившей жизнь въ пиршествахъ и въ погонѣ за наслажденіями, довелось служить Новикову. Но онъ, повидимому, устоялъ отъ соблазна, и вмѣсто того, чтобы тратить время на разгулъ и забавы, сталъ заниматься чтеніемъ и дополнять свое скудное образованіе Въ 1767 году, когда начали отправлять въ Москву молодыхъ гвардейцевъ для занятія письмоводствомъ въ Коммиссіи депутатовъ для составленія новаго Уложенія, Новиковъ былъ взятъ въ числѣ прочихъ, какъ человѣкъ, выдававшійся образованностью среди своихъ товарищей. Въ Коммиссіи онъ велъ дневныя записки по 7-му ея отдѣленію и журналы общаго собранія депутатовъ. Послѣдніе Новиковъ читалъ при докладахъ самой императрицѣ, которая такимъ образомъ лично его узнала.

Участіе Новикова въ занятіяхъ Коммисіи имѣло, по всѣмъ вѣроятіямъ, большое вліяніе на его послѣдующую дѣятельность.

Тутъ передъ нимъ открывались разнообразные вопросы русской жизни, высказывались различныя мнѣнія участниковъ Коммиссіи; онъ знакомился съ русскимъ судоустройствомъ, съ положеніемъ и безправіемъ крестьянъ; словомъ, передъ нимъ развернулась полная картина русской жизни, со всѣми ея темными сторонами и невѣжествомъ не только низшихъ, но и высшихъ классовъ. Мысль его невольно должна была сосредоточиться на двухъ вещахъ: на необходимости просвѣщенія и борьбы съ дикостью и невѣжествомъ путемъ сатиры, для которой русское общество давало обильный матеріалъ.

Русская жизнь представляла въ то время пеструю картину, гдѣ внѣшній блескъ, стремленіе къ европейской образованности, увлеченіе новыми идеями энциклопедистовъ перемѣшивались съ крайнимъ невѣжествомъ, распущенностью и грубостью нравовъ, суевѣріемъ, ханжествомъ и самою возмутительною жестокостью.

Старые устои жизни не хотѣли уступать новымъ требованіямъ, отчасти въ силу привычки, рутины, а отчасти и потому, что это новое, шедшее на смѣну старому, являлось иногда въ такихъ комически уродливыхъ формахъ, что могло скорѣе отталкивать, чѣмъ привлекать людей болѣе серьезныхъ. Встрѣчались, конечно, и тогда уже просвѣщенные люди, но ихъ было еще очень немного; большинство же коснѣло въ невѣжествѣ, представляя изъ себя или круглыхъ неучей, смотрѣвшихъ недовѣрчиво и даже враждебно на всякія новшества, или невѣждъ, прикрытыхъ европейскимъ лоскомъ, стремившихся перенять у французовъ все, начиная съ модныхъ идей энциклопедистовъ и легкихъ нравовъ и кончая прической и туалетами.

Высшій классъ нашего общества жилъ въ то время совсѣмъ по европейски: меблировали квартиры, ѣли, пили, вели себя на балахъ, какъ европейцы, а между тѣмъ немногіе даже изъ сіятельныхъ вельможъ хорошо знали русскую грамоту. Грибовскій, статсъ-секретарь императрицы въ послѣдніе годы ея царствованія, говоритъ, что изъ всѣхъ современныхъ ему вельможъ только двое знали русское правописаніе: князь Потемкинъ и графъ Безбородко. О чиновникахъ, офицерахъ, вообще о служащихъ среднихъ классовъ нечего было и говорить. Для поступленія на службу не требовалось почти никакого образовательнаго ценза, никакихъ соотвѣтствующихъ познаній.

Такое невѣжество являлось у насъ конечно результатомъ воспитанія, которое давалось тогда нашему юношеству. Воспитаніе это было двоякаго рода: въ первомъ случаѣ наши дворянскіе сынки выростали на лонѣ природы, не утруждая себя никакими занятіями, кромѣ развѣ грамоты, преподавателями которой являлись дьячки, отставные солдаты, писаря и прочій грамотный или лучше сказать полуграмотный людъ, случайно занесенный судьбою въ помѣщичью усадьбу. Мы знаемъ, что такъ выучился грамотѣ Новиковъ, также учились и Карамзинъ, и Державинъ, и Ив. Ив. Дмитріевъ и многіе другіе, впослѣдствіи знаменитые люди, которые стали знаменитыми конечно ужъ не благодаря воспитанію, а вслѣдствіе особенныхъ выдающихся личныхъ ихъ свойствъ и самостоятельнаго труда. Каково бы ни было ихъ воспитаніе, они все равно, благодаря своей личной талантливости, не затерялись бы въ толпѣ; но за-то сколько же выходило Митрофанушекъ изъ нашихъ помѣщичьихъ семей, благодаря подобному воспитанію? Но если не привлекателенъ Митрофанушка, то еще менѣе привлекательны и въ то же время болѣе жалки типы Иванушки, даннаго намъ Фонъ-Визинымъ въ комедіи «Бригадиръ», и Фюрлюфюшкова, выведеннаго Екатериною въ комедіи «Имянины Г-жи Ворчалкиной». Невѣжественные Иванушки и Фюрлюфюшковы, презирающіе все русское, говорящіе на какомъ-то особомъ полурусскомъ полуфранцузскомъ языкѣ и ставящіе едва-ли не выше всего въ жизни— умѣнье хорошо одѣться и причесаться по модѣ, являются продуктами воспитанія другаго рода, при которомъ въ роли воспитателей фигурировали гувернеры-иностранцы и чаще всего французы. Весьма рѣдко воспитателями подобнаго рода являлись люди, достойные носить званіе педагога. Въ большинствѣ же случаевъ въ эту роль попадали проходимцы, покидавшіе свое отечество или вслѣдствіе какихъ нибудь темныхъ и неблаговидныхъ поступковъ, за которые имъ пришлось бы у себя дома подвергнуться отвѣтственности, или просто потому, что въ Россіи, они, ничего не зная и не дѣлая, могли выгодно устроиться. По невѣжеству своему наши помѣщики не могли оцѣнить познаній учителя, которому они поручали дѣтей, и потому въ учителя могъ поступать всякій, лишь бы онъ былъ иностранецъ. По сообщеніямъ Порошина (воспитателя цесаревича Павла Петровича) къ одному московскому дворянину нанялся чухонецъ, выдававшій себя за француза, и научилъ дѣтей его чухонскому языку.

Можно ли удивляться, что при томъ невѣжествѣ, въ которомъ пребывало наше общество, въ немъ царили суевѣріе, ханжество, развратъ и жестокость? Религія представлялась для большинства одной лишь формой, лишенной всякаго содержанія, и очень мало способствовала смягченію сердецъ, а постоянная праздность и совершенно безправное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ давали полный просторъ для разгула страстей и для жестокости нашихъ помѣщиковъ. Взгляды на бракъ и на любовь были въ то время самые низменные. Взаимныя измѣны супруговъ не только не осуждались въ обществѣ, но считались какъ бы въ порядкѣ вещей, и на любовь смотрѣли съ самой грубой, чувственной точки зрѣнія. Вообще можно сказать, что большинство нашего дворянства 18-го вѣка было почти чуждо истиннымъ духовнымъ интересамъ и преслѣдовало въ жизни одну цѣль—наслажденіе, понимая его въ самомъ грубомъ, почти исключительно физическомъ смыслѣ, и нисколько не думая о томъ, какою цѣною оно покупается. Оно жило, развратничало и веселилось...

* * *

Окончивъ работать въ Коммиссіи, Новиковъ вернулся въ Петербургъ. Къ этому времени въ немъ уже вѣроятно созрѣло рѣшеніе посвятить свои силы литературѣ и отечественному просвѣщенію. Въ 1768 году, будучи произведенъ въ прапорщики лейбъгвардіи Измайловскаго полка, онъ вышелъ въ отставку поручикомъ арміи.

Еще ранѣе этого, по достиженіи совершеннолѣтія, Николаю Ивановичу и брату его, Алексѣю, за выдѣломъ матери и сестеръ, досталось около 400 душъ: 250 въ Мещовскомъ уѣздѣ Калужской губ., небольшая деревня въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи и 130 душъ въ Коломенскомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Авдотьино и домъ въ Москвѣ.

Въ 1769 году Новиковъ выступилъ впервые на поприще просвѣтительной дѣятельности, которая продолжалась 20 слишкомъ лѣтъ и благодаря которой имя Новикоза заняло почетное мѣсто въ ряду благороднѣйшихъ и полезнѣйшихъ дѣятелей нашего отечества.

Мы можемъ раздѣлить эту дѣятельность на два періода: первый продолжается отъ 1769 до 1779 годъ. Въ теченіи его Новиковъ занимается изданіемъ въ Петербургѣ сатирическихъ жур-

наловъ, а также собираніемъ и изданіемъ матеріаловъ по отечественной исторіи и литературѣ. Къ этому же періоду относится начало изданія журнала «Утренній Свѣтъ», религіозно-нравственное направленіе котораго свидѣтельствуетъ о вступленіи Новикова на путь масонства.

Ко второму періоду, длившемуся отъ 1779 до 1791 года, относится типографская и издательская дѣятельность его въ Москвѣ.

Первый изъ этихъ періодовъ совпадаетъ съ очень важнымъ моментомъ въ исторіи нашего отечества, съ моментомъ вполнѣ благопріятствовавшимъ литературной дѣятельности. Съ одной стороны ей покровительствовала императрица, находившаяся тогда въ самомъ разгарѣ своихъ либеральныхъ стремленій и сознававшая яснѣе, чѣмъ кто либо, насколько Россія была невѣжественна и насколько она отстала отъ З. Европы. Желая сблизить насъ съ Европою, она не только допускала къ намъ притокъ новыхъ идей изъ Франціи, не только покровительствовала поѣздкамъ нашихъ молодыхъ дворянъ за границу и знакомству ихъ съ Европой, но старалась и Европу познакомить съ нами. Знаменитый «Наказъ» былъ переведенъ у насъ, по желанію императрицы, на иностранные языки, чтобы сдѣлать его доступнымъ для западныхъ державъ. Между прочимъ, онъ былъ посланъ въ нѣмецкомъ переводѣ самою Екатериною Фридриху II, королю прусскому.

Императрица переписывалась съ Дидро, Вольтеромъ и даже пригласила-было Даламбера въ воспитатели къ цесаревичу. Конечно Даламберъ отказался, но императрица доказала этимъ, насколько она сочувствовала тогда идеямъ энциклопедистовъ. Въ Россіи она склонна была также привѣтствовать и ободрять всякій талантъ, появлявшійся въ литературѣ.

Такъ, Фонъ-Визинъ читалъ своего «Недоросля» запросто, какъ во дворцѣ Павла Петровича, такъ и у самой императрицы. Но этого мало. Какъ мы далѣе увидимъ, императрица не только приняла скоро личное участіе въ сатирическихъ журналахъ, помѣщая въ нихъ свои статьи, но она первая начала сатирическую дѣятельность, сдѣлавшись неоффиціально редакторомъ одного изъ журналовъ.

Съ другой стороны, и въ самомъ обществѣ, хоть и слабо, но уже стало проявляться стремленіе къ просвѣщенію. Московскій университетъ, не смотря на всю бѣдность своихъ научныхъ силъ, все же началъ оказывать извѣстное вліяніе на общество. Явилась

потребность въ книгѣ, въ литературѣ. Но литературы у насъ еще не было. Хотя газеты появились въ Россіи еще при Петрѣ I, но такъ какъ онѣ не были вызваны жизнью, а явились искусственно, по желанію Петра, то и носили совершенно сухой, офиціальный характеръ. Первая газета появилась въ Москвѣ 2 января 1703 г. подъ именемъ «Вѣдомостей». 2-го января 1728 года появился 1-й № «Академическихъ Петербургскихъ Вѣдомостей». «Московскія Вѣдомости» стали издаваться уже при университетѣ съ 26-го апрѣля 1756 года. Это были чисто офиціальныя изданія.

Первый русскій журналъ разнороднаго содержанія издавался Миллеромъ съ 1755 по 1764 г. подъ такимъ заглавіемъ: «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и удовольствію служащія». Журналъ этотъ имѣлъ тоже сухой характеръ какихъ-то ученыхъ лѣтописей. Въ 1759 году стали издаваться въ Петербургѣ первые литературные журналы. Это были: «Праздное время въ пользу употребленное» и «Трудолюбивая Пчела» Сумарокова. Существовали они впрочемъ очень недолго. За то въ Москвѣ возникли: съ 1760 по 1764 г. «Полезное Увеселеніе» Хераскова, его же: «Свободные часы», «Невинное Упражненіе» Богдановича и «Доброе Намѣреніе» Сенковскаго. Это были журналы исключительно почти литературнаго характера. Профессоръ московскаго университета Рейхель издавалъ тогда журналъ съ научной цѣлью: «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знаній и къ произведенію удовольствія». Въ 1764 г. прекратились два послѣднихъ журнала и съ 1765 до 1769 г. въ Россіи журналовъ не было, а изъ газетъ издавались только С.-Петербургскія и Московскія Вѣдомости.

ГЛАВА II.

„Трутень“ и его сатирическія стрѣлы. — Полемика между Екатериной II и Новиковымъ. — „Живописецъ“ и отношеніе къ нему автора комедіи „О, время!“. — Прекращеніе сатирическихъ журналовъ въ Россіи. — Новиковъ выступаетъ въ роли издателя научныхъ сочиненій по исторіи и географіи Россіи.—„С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости“.

Въ 1769 г. въ Петербургѣ появился цѣлый рядъ сатирическихъ журналовъ. Первымъ по времени вышелъ журналъ «Всякая Всячина» подъ фирмою Г. В. Казицкаго, но истиннымъ руководителемъ котораго, по изслѣдованію академика Пекарскаго, была сама императрица, помѣщавшая въ немъ свои статьи. Такимъ образомъ императрица сдѣлала первый шагъ въ области сатирической литературы и тѣмъ какъ бы вызвала и другихъ слѣдовать ея примѣру. Необходимость и пользу сатиры сознавалъ еще Петръ I, сознавала и Екатерина II; къ тому же складъ ея ума былъ несомнѣнно нѣсколько сатирическій. Но насколько потребность въ сатирѣ была въ то время велика и сознавалась многими, лучше всего можно видѣть изъ того, что вслѣдъ за «Всякою Всячиною», въ томъ же 1769 году, вышло еще семь журналовъ, а всего до 1775 года ихъ выходило 16. Изъ числа этихъ журналовъ Новикову принадлежало три: «Трутень» (1769 — 1770 гг.) «Живописецъ» (1772—1773 гг.) и «Кошелекъ» (1774 г.) «Трутень», издававшійся потомъ небольшими книжечками, выходилъ первоначально листами. Небезлюбопытно познакомиться съ содержаніемъ этого журнала: онъ состоялъ изъ статей въ формѣ писемъ, разговоровъ, словарей и вѣдомостей, изъ стихотвореній, остроумныхъ объявленій, эпитафій и эпиграммъ, направленныхъ главнымъ образомъ противъ общихъ недостатковъ того времени, хотя подчасъ не давалось пощады и отдѣльнымъ лицамъ, если они того заслуживали.

Въ «Трутнѣ» принимали участіе извѣстные тогдашніе писатели: В. И. Майковъ, А. О. Аблесимовъ, М. А. Поповъ, Ѳ. А. Эминъ, издававшій въ томъ же году и свой собственный журналъ «Адскую Почту». Кромѣ того, было много статей, подписанныхъ разными псевдонимами, иниціалами и совсѣмъ никѣмъ не подписанныхъ, авторы которыхъ, не смотря на все стараніе библіографовъ, не были открыты. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ этихъ статей, а можетъ быть и бо̀льшая часть принадлежала самому Новикову.

Новиковскіе журналы рѣзко выдѣлялись изъ остальныхъ: по содержательности, талантливости, остроумію и живости они занимали первое мѣсто и имѣли по тому времени большой успѣхъ. Въ то время, какъ другіе сатирическіе журналы въ большинствѣ случаевъ скользили только по поверхности жизни, Новиковская сатира всегда отличалась идейностью и серьезностью мысли. Уже въ самомъ введеніи къ «Трутню», гдѣ Новиковъ шутя говоритъ о своей лѣни и якобы неспособности быть полезнымъ обществу на другихъ поприщахъ, онъ перебираетъ всѣ роды общественныхъ положеній, службы и дѣятельности того времени и ѣдко подчеркиваетъ ихъ слабыя стороны. Вотъ что напр. говоритъ онъ о придворной службѣ:

„Придворная служба всѣхъ покойнѣе и была бы всѣхъ легче, ежели бы не надлежало знать науку притворства гораздо въ вышнихъ степеняхъ, нежели сколько должно знать ее актеру; тотъ превосходно входитъ въ разныя страсти времени, а сей безпрестанно тоже дѣлаетъ, а тово-то я и не могу терпѣть. Придворный человѣкъ всѣмъ льститъ, говоритъ не то, что думаетъ, кажется всѣмъ ласковъ и снисходителенъ, хотя и чрезвычайно надутъ гордостью. Всѣхъ обнадеживаетъ и тогда же позабываетъ, всѣмъ обѣщаетъ и никому не держитъ слова; не имѣетъ истинныхъ друзей, но имѣетъ льстецовъ, а самъ такъ же льститъ и угождаетъ случайнымъ людямъ. Кажется охотникомъ до того, отъ чего имѣетъ отвращеніе. Хвалитъ съ улыбкою тогда, когда внутренно терзается завистью. Въ случаѣ нужды никого не щадитъ, жертвуетъ всѣмъ для снисканія своего счастія; а иногда, полно, не забываетъ ли и человѣчество! Ничего не дѣлаетъ, а показываетъ будто отягощенъ дѣлами: словомъ, говоритъ и дѣлаетъ почти всегда противу своего желанія, а часто и противу здраваго разсудка“.

Точно также и въ журналѣ Новиковъ постоянно смотритъ въ глубь, въ корень вещей. Осмѣивая напр. неразборчивыхъ подражателей Европѣ, онъ укоряетъ ихъ не только за то, что они подражаютъ лишь европейской внѣшности и дурнымъ сторонамъ, чѣмъ не приносятъ ни себѣ, ни отечеству никакой пользы и благодаря чему превращаются только въ ходячія каррикатуры, но и

указываетъ на непосредственный экономическій вредъ для страны, которая мѣняетъ свои богатства на предметы роскоши и моды, вообще на чужіе пустяки. Такъ напр. въ VI л. «Трутня» за 1769 г. помѣщено было такое объявленіе изъ Кронштадта:

„На сихъ дняхъ прибыли въ здѣшній портъ корабли — Trompeur изъ Руана въ 18 дней, Vetilles—изъ Марселя въ 23 дня. На нихъ слѣдующіе нужные намъ привезены товары: шпаги французскія разныхъ сортовъ, табакерки черепаховыя, бумажныя, сургучныя, кружева, блонды, бахромы, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякія такъ-называемыя галантерейныя вещи... А изъ Петербургскаго порта на тѣ корабли грузить будутъ разныя домашнія бездѣлицы. какъ-то: пеньку, желѣзо, юфть, сало, свѣчи, полотно и пр. *Многіе наши молодые дворяне смѣются глупости господъ французовъ, что они ѣздятъ такъ далеко и мѣняютъ модные свои товары на наши бездѣлицы*".

А вотъ объявленіе, направленное противъ тѣхъ молодыхъ людей, которые ѣхали моды ради за границу и не пріобрѣтали тамъ ничего, кромѣ умѣнья одѣваться и безпутно проводить жизнь:

„Молодаго россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума и который, объѣздивъ съ пользою, вернулся уже совершенною свиньею, желающіе смотрѣть могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города".

Не слѣдуетъ однако думать, что Новиковъ возставалъ вообще противъ путешествій за границу и тѣмъ болѣе противъ разумныхъ и полезныхъ наблюденій надъ европейскою жизнью. Нѣтъ, онъ возставалъ лишь противъ такихъ путешественниковъ, которые привозили изъ за границы «только извѣстія, какъ тамъ одѣваются», да пространныя описанія всѣмъ тамошнимъ «увеселеніямъ и позорищамъ». А такихъ путешественниковъ было не мало, и ихъ-то Новиковъ и имѣлъ въ виду: «я почти ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ, говоритъ онъ, чтобы сдѣлали они свои примѣчанія на нравы... народа, или на узаконенія, на полезныя учрежденія и пр. *дѣлающія путешествіе толико нужнымъ*»...

Ясно, чего хотѣлъ и требовалъ Новиковъ отъ путешествій. Указывая на то, что мы склонны были мѣнять свои старинныя добродѣтели на чужіе пороки, онъ однако не идеализировалъ огульно ни старины нашей, ни тогдашняго состоянія общества. Въ старинѣ ему нравились только простота жизни, нравовъ, доброе и заботливое отношеніе къ слабымъ, отсутствіе вражды и рѣзкой раздѣленности общества на породы и классы, вообще то, что

находило и впредь будетъ находить оправданіе съ высшихъ точекъ зрѣнія. Это все тотъ же золотой вѣкъ, о которомъ мечтали многіе философы, вѣкъ, оставшійся назади, но не только не противорѣчащій образованности, а напротивъ долженствующій, благодаря ей, опять наступить съ устраненіемъ изъ прошлаго всего дурнаго. Новиковъ вообще былъ большимъ сторонникомъ простой сельской жизни, мирнаго земледѣльческаго труда, никогда повидимому не упускалъ изъ виду этого идеала и всегда противополагалъ его дурнымъ сторонамъ и направленіямъ общественной жизни. Что же касается до тогдашняго состоянія общества, то у него много сатиръ, направленныхъ противъ невѣжества и лѣни нашихъ помѣщиковъ, противъ грубости ихъ нравовъ и ненависти къ наукамъ, противъ злоупотребленій въ судѣ и администраціи. Вотъ напр. письмо отъ проживающаго въ провинціи дяди къ столичному племяннику, которое мы находимъ въ «Трутнѣ». Дядя спрашиваетъ племянника, почему тотъ не хочетъ идти въ приказную службу и говоритъ: «и ежели ты думаешь, что она по нынѣшнимъ указамъ не наживна, такъ ты въ этомъ, другъ мой, ошибаешься». Затѣмъ онъ предлагаетъ цѣлый проэктъ взяточничества: ты просись, говоритъ, только въ прокуроры, да заручись знатными людьми, тогда «мы такъ искусно будемъ дѣлать, что на насъ и просить нельзя будетъ. А тогда, какъ мы наживемся. хоть и попросятъ, такъ бѣда будетъ не велика, отрѣшатъ отъ дѣлъ и велятъ жить въ своихъ деревняхъ. Вотъ те на, какая бѣда»!

Не дурны также объявленія: «въ нѣкоторое судебное мѣсто потребно правосудія 10 пудовъ», или: «Недавно пожалованный воевода отъѣзжаетъ въ порученное ему мѣсто и для облегченія въ пути продаетъ свою совѣсть; желающіе купить могутъ его сыскать въ здѣшнемъ городѣ».

Но особенной ѣдкостью и остроуміемъ проникнуты сатиры противъ крѣпостнаго права. Вотъ напр. нѣкій Змѣянъ ѣздитъ по городу и всѣхъ увѣщеваетъ быть жестокими съ крѣпостными людьми, чтобы «они взора его боялись, чтобы они были голодны, наги и босы и чтобы одна жестокость держала сихъ звѣрей въ порядкѣ и послушаніи».

Еще лучше рецептъ для г. Безразсуда, напечатанный въ «Трутнѣ» 1769 г.

„Безразсудъ боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки.... Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ.... никогда съ ними не только что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію предъ нимъ па землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ: *я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка; они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора.* Бѣдные крестьяне любить его, какъ отца, не смѣютъ, но, почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но со всѣмъ тѣмъ едва имѣютъ дневное пропитаніе, затѣмъ, что насилу могутъ платить господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что-нибудь собственное, но говорятъ: это не мое, но *Божіе и господское*".

Такая злая иронія скоро смѣняется у Новикова негодованіемъ:

„Безразсудный"!—восклицаетъ онъ,—„развѣ ты не знаешь, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, чѣмъ между тобой и человѣкомъ!" Затѣмъ, въ концѣ сатиры авторъ прописываетъ Безразсуду отъ его болѣзни такого рода рецептъ: „Безразсудъ долженъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, пока найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ".

Говоря о «Трутнѣ», нельзя умолчать о полемикѣ, которую вели между собою «Трутень» и «Всякая Всячина» или, лучше сказать, скрывавшіеся за ними Новиковъ и императрица Екатерина. Споръ возникъ изъ за нравственныхъ вопросовъ и воззрѣній, но не въ этомъ было дѣло: Екатерина II очевидно не ожидала, что сатира пойдетъ такъ далеко и будетъ касаться самыхъ основъ жизни, самыхъ слабыхъ и наиболѣе больныхъ ея сторонъ. Она, по всей вѣроятности, думала, что «Всякая Всячина» будетъ образцомъ и камертономъ для другихъ сатирическихъ журналовъ, что они будутъ ограничиваться обличеніями общаго свойства, ни для кого въ сущности не обидными, будутъ обличать скупость, глупость, любостяжаніе, невѣжество, щеголей и щеголихъ, петиметровъ и кокетокъ по возможности безотносительно, чтобы чтеніе, наводя на добрыя размышленія, доставляло пріятное развлеченіе. Вначалѣ Екатерина именно такъ и смотрѣла на роль сатирической литературы; только потомъ уже — и можетъ быть отчасти подъ вліяніемъ полемики съ «Трутнемъ» — она стала обнаруживать болѣе глубокій взглядъ на сатиру, что сказалось напр. въ ея собственныхъ, чисто обличительныхъ произведеніяхъ, въ сочувствіи

къ другому Новиковскому журналу («Живописцу») и въ томъ, она хотѣла повидимому не прекратить, а только сдержать поставить сатиру въ извѣстные предѣлы.

Рѣзкость Новикова была ей непріятна. Она была человѣко менѣе радикальнымъ и гораздо болѣе практичнымъ и дипломати нымъ. Въ то время какъ другіе сатирическіе журналы сдѣлали(дѣйствительно, только пріятнымъ развлеченіемъ и простымъ зуб скальствомъ, Новиковъ сразу подошелъ къ дѣлу и поставилъ д. своей сатиры твердо опредѣленную цѣль. И жизнь высших сферъ, которыхъ онъ касался, и крестьянскій вопросъ, мудрость тогдашняго двуличія—были предметами очень щекотли выми. Когда такіе огромные умы, какъ Вольтеръ и Руссо, допу скали освобожденіе крестьянъ лишь условно и постепенно, съ раз ными оговорками, когда такіе независимые люди, какъ Дидрс снискивали себѣ милости отъ монаршихъ щедротъ, то можно себѣ представить, какъ смотрѣли и относились къ подобнымъ вещамъ русское высшее общество и болѣе вліятельные люди того времени, съ которыми Екатерина ссориться, не хотѣла. Ей можно было однихъ убрать, а другихъ прибрать къ рукамъ лишь постепенно, и со многими изъ нихъ она вела настоящую дипломатическую игру....

Полемика между «Трутнемъ» и «Всякою Всячиною» началась, какъ это не рѣдко бываетъ, съ частныхъ и неважныхъ случаевъ. Такъ напр. «Трутень» изобличилъ какую-то свѣтскую барыню, совершившую въ лавкѣ кражу и велѣвшую потомъ избить купца, когда тотъ, не желая осрамить ее при публикѣ, явился къ ней на домъ за полученіемъ украденнаго. Обличеніе это не понравилось «Всякой Всячинѣ», и она отвѣтила, что къ слабостямъ человѣческимъ надо относиться снисходительнѣе. На это «Трутень» возражалъ, что странно считать воровство порокомъ и преступленіемъ въ однихъ случаяхъ, когда воруютъ простолюдины, и только слабостью въ другихъ случаяхъ, причемъ очень остроумно смѣялся надъ подобнымъ открытіемъ «Всякой Всячины». Та отвѣчала въ свою очередь, но въ отвѣтѣ ея уже слышалось раздраженіе. Отъ частнаго факта споръ незамѣтно перешелъ къ общимъ положеніямъ. По словамъ «Всякой Всячины», «всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершенъ; люди же смертные, безъ слабостей, никогда не были, не суть и не будутъ». А «Трутень» опровергалъ такой взглядъ и говорилъ: «многіе слабой

совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ нему человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ; слѣдовательно, они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ»... По мнѣнію «Трутня», «больше человѣколюбивъ тотъ, который исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по русски) потакаетъ». «Всякая Всячина» сердилась все болѣе и болѣе и говорила обидныя вещи «Трутню»; тотъ менѣе раздражался, но въ долгу также не оставался: «Вся вина «Всякой Всячины», говорилъ онъ, состоитъ въ томъ, что она «на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ»; ежели «она забывается и такъ мокротлива, что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ, то отъ этого надо лечиться» и т. п.

Въ полемикѣ этой приняли участіе и другіе журналы, причемъ особенно любопытно то обстоятельство, что сторону Новикова приняли почти всѣ остальные журналы, за исключеніемъ только Чулковскаго «Ни то, ни сё», который въ этомъ случаѣ присоединился ко «Всякой Всячинѣ». Полемика эта кончилась, какъ будто бы ничѣмъ, т. е. каждый изъ противниковъ остался повидимому при своемъ мнѣніи, но на самомъ дѣлѣ произошло слѣдующее: «Трутень», очевидно подъ внѣшнимъ давленіемъ, вскорѣ измѣнилъ свой рѣзкій характеръ, особенно въ слѣдующемъ году. На внѣшнія обстоятельства есть уже указанія въ 1769 г.; напр. въ доброжелательномъ письмѣ нѣкоего Чистосердова, напечатанномъ въ одномъ изъ іюльскихъ листовъ «Трутня», гдѣ авторъ предостерегаетъ, что въ зеркалѣ «Трутня» видятъ себя многіе знатные бояре, и добавляетъ, что самъ имѣлъ несчастіе тягаться съ боярами, «угнетавшими истину, правосудіе, честь, добродѣтель и человѣчество», и убѣдился, что «лучше имѣть дѣло съ лютымъ тигромъ».

Затѣмъ эпиграфъ къ «Трутню» 1770 года также указываетъ на непріятное заключеніе, вынесенное издателемъ изъ опыта; именно, что «опасно наставленье строго, гдѣ звѣрства и безумства много»; наконецъ лучше всего «внѣшнія обстоятельства» могутъ сказываться въ томъ, что многіе вліятельные люди, относившіеся вначалѣ совсѣмъ иначе къ «Трутню», были имъ недовольны. Это съ одной стороны. А съ другой, если мы обратимъ вниманіе на вы-

шедшія въ 1772 году комедіи императрицы: «О, время»! и «И нины г-жи Ворчалкиной», въ которыхъ сатира отличается бо шею опредѣленностью и значительною рѣзкостью, то можно дума что императрица нѣсколько склонилась на сторону взгляд Новикова. И въ отношеніяхъ ея къ нему не только не послѣ вало ухудшенія, а какъ будто бы они даже измѣнились къ лу шему, особенно съ 1772 года, когда Новиковъ сталъ издава новый сатирическій журналъ «Живописецъ». Стала ли она дѣ ствительно признавать правоту его взглядовъ и цѣнить его, ка умнаго и полезнаго человѣка, входило ли въ ея желанія, чтоб онъ вновь началъ издавать журналъ, или только она не хотѣ этому препятствовать,—сказать довольно трудно.

Ни для кого въ Петербургѣ не было тайной, что только-чт появившаяся комедія «О, время!» принадлежитъ перу императ рицы, хотя она и скрыла свое имя, и Новиковъ посвятилъ сво новый журналъ автору этой комедіи, какъ бы ему неизвѣстному. Самое это посвященіе очень интересно. Прежде всего оно полно всякихъ вѣжливостей и комплиментовъ. Новиковъ очень хвалитъ пьесу, изображающую пороки соотечественниковъ, говоритъ, что перо автора «достойно равенства съ Мольеровымъ», благодаритъ за удовольствіе и проситъ продолжать писать для исправленія нравовъ и для доказательства, что дарованная умамъ россійскимъ вольность употребляется въ пользу отечества. Но въ то же время онъ высказываетъ и нѣсколько общихъ пожеланій, небезполезныхъ для руководства автору въ будущей литературной дѣятельности: «истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе», говоритъ онъ: «не взирайте на лицо; порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя себя осмѣиваемымъ купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только единой перомъ вашимъ угнетаются». Далѣе, Новиковъ говоритъ, что примѣръ автора побудилъ и его къ подражанію и затѣмъ высказываетъ пожеланіе, чтобы авторъ открылъ свое имя: «можетъ ли, говоритъ онъ, такая благородная смѣлость опасаться угнетенія въ то время, когда по счастію Россіи и къ благоденствію человѣческаго рода владычествуетъ нами премудрая Екатерина». Впрочемъ, добавляетъ Новиковъ, если бы авторъ и не открылъ своего имени, уваженіе его къ нему вслѣдствіе этого не уменьшится. Начиная и кончая комплиментами, Новиковъ, по всей вѣроятности, платилъ

извѣстную официальную дань, хотя, можетъ быть, былъ въ значительной степени и искрененъ, такъ какъ Екатерина все таки была человѣкомъ выдающихся способностей и сочувствовала литературѣ и просвѣщенію. Въ отвѣтъ на это она написала Новикову посланіе, напечатанное также въ «Живописцѣ», въ которомъ говоритъ, что пишетъ для своей забавы, но будетъ рада, если сочиненія ея принесутъ пользу, а что имени своего она не считаетъ нужнымъ объявлять, хотя и не скрываетъ. Кромѣ того,—что́ для Новикова было особенно важно;—она выразила сочувствіе «Живописцу» и его издателю и говорила, что посвященіе ей «Живописца» считаетъ для себя честью и охотно приметъ въ немъ сотрудничество. Изъ этого можно видѣть, какъ внимательна была Екатерина въ первое время своего царствованія къ людямъ, отличавшимся образованіемъ, талантами и трудами на пользу общественную, и какъ склонна она была показывать примѣръ въ этомъ отношеніи.

«Живописецъ» также, какъ и «Трутень»,выходилъ листами. Сатирическій его отдѣлъ велся на столько живо, остроумно и талантливо, что читался съ огромнымъ удовольствіемъ и интересомъ всѣми классами русскаго общества. «Живописецъ» выдержалъ нѣсколько изданій и читался втеченіи цѣлаго полувѣка. Предметы его сатиры тѣ же, что и въ «Трутнѣ». Также нападаетъ онъ на неразборчивое подражаніе французамъ, причемъ опять говоритъ, что дурно не самое подражаніе, а подражаніе неразборчивое, не отличающее пороковъ отъ добродѣтелей, а падкое на пороки. Если въ «Трутнѣ» Новиковъ, говоря о старинныхъ русскихъ началахъ, какъ-то особенно подчеркивалъ ихъ въ положительномъ смыслѣ, чѣмъ могъ иногда порождать недоразумѣнія и предположенія о какой-то особенной склонности къ нимъ, на подобіе славянофильской, то въ «Живописцѣ» подобныхъ недоразумѣній уже не остается. Тутъ мы встрѣчаемъ такую мысль, что народу, выходящему изъ тьмы невѣдѣнія и жестокосердія, вполнѣ естественно подражать народамъ просвѣщеннымъ и что есть что̀ у нихъ позаимствовать: науки, художество, промыслы, гуманность и пр., а что не слѣдуетъ только подражать отрицательнымъ сторонамъ европейской жизни. Чрезвычайно остроумно и художественно осмѣиваетъ «Живописецъ» образъ жизни пустыхъ свѣтскихъ людей, взглядъ ихъ на жизнь и самый даже ихъ языкъ.

Вотъ какъ, напр. говоритъ нѣкая щеголиха въ своемъ письмѣ къ «Живописцу»: «Mon coeur, Живописецъ! Ты, радость, без-

примѣрный авторъ. Какъ все у тебя славно: слогъ разстеганъ, мысли прыгающи... клянусь, что я всегда фельетирую твои листы безъ всякой дистракціи... и т. д.». Не мало опять сатиръ посвящено описанію быта дворянъ, живущихъ по старинному и боящихся просвѣщенія, описанію ихъ суевѣрій, ханжества, семейнаго произвола, любви къ сутяжничеству, описанію жестокаго ихъ отношенія къ крестьянамъ, а также и такихъ общихъ служебныхъ пороковъ, какъ взяточничество, казнокрадство и т. д. Статьи о положеніи крестьянъ были опять настолько рѣзки, что вызвали сильное недовольство со стороны дворянства и высокопоставленныхъ лицъ, хотя сама императрица относилась къ нимъ повидимому снисходительнѣе. Говорятъ, что будто бы ея перу принадлежало въ «Живописцѣ» письмо, предупреждавшее его быть осторожнѣе. Въ письмѣ этомъ, писанномъ отъ лица «осьмидесятилѣтняго старика», нѣтъ никакихъ угрозъ, а напротивъ сочувствіе журналу и желаніе, чтобы онъ удержался: «я плакалъ отъ радости, говорится въ письмѣ, что нашелся человѣкъ, который противъ господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ... Однакожъ пиши осторожнѣе; любя тебя, я сожалѣть буду если прервется твой журналъ».

Очень возможно, что эта причина, т. е. недовольство лицъ вліятельныхъ, бывшая однимъ изъ поводовъ закрытія «Трутня», повлекла за собою и закрытіе въ 1773 году «Живописца», хотя, съ другой стороны, мы замѣчаемъ въ самомъ Новиковѣ какую-то перемѣну— не то охлажденіе къ сатирѣ, не то желаніе дѣйствовать въ другомъ направленіи, которое въ то время казалось ему болѣе полезнымъ. «Живописецъ» за все время своего существованія составилъ двѣ части по 36 листовъ въ каждой, и вотъ, во второй-то части, выходившей въ 1773 году, и можно замѣтить въ Новиковѣ сказанную перемѣну.

Въ этой части есть тоже сатирическія статьи, но есть за то и нѣсколько статей отвлеченнаго характера, въ которыхъ выражается уже нѣкоторое разочарованіе въ жизни и задатки будущей склонности къ мистицизму. Между прочимъ въ этой части Новиковъ впервые высказываетъ завѣтные планы своей дальнѣйшей дѣятельности. Въ письмѣ нѣкоего Любомудрова изъ Ярославля, писанномъ очевидно самимъ Новиковымъ, сообщается просьба къ издателю: дать знать всѣмъ мыслящимъ Россіянамъ объ основаніи «общества, старающагося о напечатаніи книгъ». Въ отвѣтъ на это

письмо издатель говоритъ, что общество это должно еще имѣть цѣлью и стараніе о продажѣ книгъ, особенно въ провинціи, гдѣ нѣтъ столичныхъ развлеченій, а читать трудно, потому что книги попадаютъ туда лишь случайно и продаются втридорога. Попеченіе объ этомъ Новиковъ считаетъ должнымъ возложить не на государство, а предоставить частнымъ лицамъ. Затѣмъ Новиковъ помѣщаетъ въ этой же части письмо къ Слободско-Украинскому губернатору Е. А. Щербинину, въ отвѣтъ на предложеніе послѣдняго Новикову участвовать въ учрежденіи типографіи при харьковскихъ училищахъ. Тутъ онъ высказывается о небходимости типографій для печатанія книгъ, изъ которыхъ почерпается просвѣщеніе.

Въ 1774 году Новиковъ дѣлаетъ новую и послѣднюю попытку издавать сатирическій журналъ: въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ начинаетъ издавать «Кошелекъ», который однако продолжается очень недолго и прекращается на 9-мъ листѣ.

Въ отношеніи сатиры журналъ этотъ былъ слабѣе предыдущихъ и программа его была у̀же, чѣмъ у «Трутня» и «Живописца», такъ какъ онъ почему-то сосредоточился на осмѣяніи галломаніи. Галломанія заставляетъ Новикова возвратиться опять къ защитѣ старинныхъ русскихъ добродѣтелей. Въ предисловіи къ «Кошельку» проводится мысль, что галломанія есть одна изъ причинъ многихъ пороковъ русскаго общества и что у каждаго народа свой характеръ. Вообще журналъ относился гораздо снисходительнѣе къ нѣмцамъ и къ англичанамъ, чѣмъ къ французамъ. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что въ высшемъ обществѣ въ то время было особенно много галломановъ. Кто сотрудничалъ въ «Кошелькѣ» неизвѣстно, но статьи его были очень рѣзки, какъ относительно русскихъ французолюбцевъ, такъ и относительно самихъ французовъ, которые выставлялись въ непривлекательномъ видѣ. Говорятъ, что рѣзкость статей вооружила противъ Новикова многихъ придворныхъ и высокопоставленныхъ лицъ и что непріятности, которыя онъ испытывалъ, и были причиною закрытія «Кошелька» въ сентябрѣ 1774 года. Весьма возможно, что прекращеніе «Кошелька» обусловливалось также и внутреннимъ состояніемъ Новикова, о которомъ мы сказали выше: его тянуло дѣйствовать на пользу просвѣщенія другими путями. Очень возможно, что временное возвращеніе къ сатирѣ являлось лишь плодомъ душевнаго колебанія, которыми сопровождаются подоб-

ные переходы, и было вызвано усилившеюся галломаніей и желаніемъ съ нею посчитаться.

Съ прекращеніемъ «Кошелька» Новиковъ не издавалъ уже больше сатирическихъ журналовъ, если не считать выпуска въ свѣтъ въ 1775 г. 3-го изданія «Живописца», которое онъ нѣсколько видоизмѣнилъ, а именно: выкинулъ изъ него всѣ статьи отвлеченнаго характера и прибавилъ нѣсколько сатиръ изъ «Трутня», сдѣлавъ такимъ образомъ сатирическій сборникъ. Другіе сатирическіе журналы прекратились еще раньше Новиковскихъ. Главною причиною этого, говорятъ, была перемѣна настроенія при дворѣ. Многіе приписывали эту перемѣну возвышенію Потемкина и тому, что турецкая война кончилась, послѣ чего правительству больше не надо было отвлекать общественнаго вниманія отъ внѣшнихъ событій посредствомъ литературы. Такъ-ли это было, или нѣтъ, но вѣрно одно, что обстоятельства, благопріятствовавшія существованію сатирическихъ журналовъ, прекратились. Впрочемъ, и независимо отъ этого, большинство ихъ не имѣло особеннаго успѣха и шло хуже Новиковскихъ. Своей журнальной дѣятельностью Новиковъ доказалъ, что онъ не только обладалъ большими природными дарованіями, но и успѣлъ пріобрѣсти за это время не мало знаній и сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ. Кромѣ того, чтобы заинтересовать тогдашнее еще малоразвитое и грубое общество, надо было знать и понимать это общество и его интересы. Съ прекращеніемъ «Кошелька», Новиковъ какъ бы отказался отъ сатирической литературной дѣятельности и перешелъ къ дѣятельности положительной. Мы уже сказали, что его сильно тянуло въ эту сторону. Хотя въ позднѣйшихъ московскихъ его журналахъ сатира получила опять значительное мѣсто, — что, вѣроятно, обусловливалось не только сознаніемъ ея необходимости, а и склонностью къ ней,—но въ данный періодъ мы видимъ, что онъ уходитъ совсѣмъ въ другую область. Онъ начинаетъ въ ней дѣйствовать еще во время изданія сатирическихъ журналовъ: уже тогда онъ сознавалъ недостаточность одной только отрицательной дѣятельности и не довольствовался только проповѣдываньемъ необходимости печатнаго слова и просвѣщенія въ Россіи. Сознавая потребности времени и желая принести какъ можно больше пользы своему отечеству, Новиковъ задумалъ издавать научныя сочиненія для ознакомленія общества съ Россіей, съ ея исторіею, географіею и литературой. Съ этою цѣлью онъ издалъ въ 1772 году «Опытъ

историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ». Книгу эту онъ посвятилъ Наслѣднику Цесаревичу. Въ заглавіи ея сказано, что она заимствована изъ «печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извлеченій и словесныхъ преданій». «Словарь» заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о писателяхъ свѣтскихъ и духовныхъ. Кромѣ именъ извѣстныхъ, какъ напр. Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Фонъ-Визина и др., тутъ встрѣчаются и имена писателей мало извѣстныхъ, но замѣчательныхъ тѣмъ не менѣе по уму и образованію.

Изъ предисловія къ «Словарю» видно, что цѣлью его изданія было исправленіе ошибокъ и пристрастныхъ сужденій одного русскаго путешественника, который напечаталъ въ Лейпцигскомъ журналѣ 1766 г. извѣстіе о русской литературѣ. Новиковъ убѣдительно просилъ своихъ читателей и любителей русской литературы сообщать матеріалы и критическія замѣчанія на его книгу. Такимъ образомъ, тутъ уже высказывается стремленіе Новикова дѣйствовать сообща, привлечь къ своей дѣятельности все общество. Какъ литературный критикъ, Новиковъ не можетъ быть поставленъ особенно высоко. Въ этомъ отношеніи онъ не стоялъ выше своихъ современниковъ Внѣшней сторонѣ литературнаго произведенія онъ придавалъ такое же, если не большее значеніе, какъ и содержанію его; онъ особенно цѣнилъ чистоту и возвышенность слога и находилъ, что естественное изображеніе жизни должно быть нѣсколько пріукрашено искусствомъ.

Въ 1773 г. Новиковъ приступилъ къ изданію памятниковъ, относящихся къ изученію географіи и исторіи Россіи. Въ этой работѣ конечно были у него помощники, можетъ быть и болѣе его знающіе, но ему принадлежитъ мысль о необходимости изученія своего отечества, и въ этомъ его громадная заслуга. Кромѣ того на этомъ поприщѣ у него было немного предшественниковъ: дѣло было новое и только благодаря его энергіи и предпріимчивости оно могло такъ успѣшно пойти.

Первымъ документомъ, напечатаннымъ имъ въ 1773 году, была книга: «Древняя Россійская Идрографія, содержащая описаніе Московскаго государства, рѣкъ, протоковъ, озеръ, кладезей и какіе на нихъ города и урочища».

Изъ предисловія ея видно, что она была напечатана съ рукописи, принадлежавшей тогдашнему библіофилу, Петру Кирилловичу Хлѣбникову, и сличенной съ пятью другими списками. Книга эта

заключаетъ въ себѣ описаніе Россіи при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Къ сожалѣнію, вышла только ея первая часть. Императрица была въ числѣ подписчиковъ на эту книгу.

Въ томъ же 1773 году явилось начало новаго предпріятія, которому Идрографія служила какъ бы приступомъ. Начали издаваться памятники русскаго законодательства и дипломатическихъ сношеній, всякаго рода лѣтописей, грамотъ, родословныхъ, разнаго рода описаній и пр. Собраніе это носило такое названіе: «Древняя россійская вивліоѳика, или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко то: Россійскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описаніе свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей и многія сочиненія древнихъ Россійскихъ стихотворцевъ и многія другія весьма рѣдкія и любопытства достойныя историческія достопамятности». 10 частей. Выходило оно съ 1773 до 1775 года, сначала выпусками въ 5 листовъ, а потомъ книгами. Императрица, увидѣвъ пользу въ такомъ изданіи, стала всячески ему содѣйствовать и приказала Г. В. Козицкому передать Новикову для напечатанія нѣсколько рѣдкихъ рукописей, а въ октябрѣ 1773 года предписала ученому Г. Ф. Миллеру сообщать Новикову копіи съ разныхъ актовъ московскаго архива, который Миллеръ въ то время разбиралъ. Кромѣ того, императрица содѣйствовала предпріятію Новикова и денежными пособіями. Такъ, 3-го ноября 1773 года она пожертвовала ему 1000 рублей, а 1-го января 1774 г. 200 голландскихъ червонцевъ. «Вивліоѳика» имѣла большой успѣхъ. Оканчивая въ 1775 году 10-ю часть ея, Новиковъ поднесъ императрицѣ планъ новаго сборника въ такомъ же родѣ на 76-й годъ, подъ заглавіемъ: «Сокровища Россійскихъ древностей». Онъ предполагалъ помѣщать въ немъ описаніе монастырей, церквей, городовъ, гербовъ, монетъ, разборы книгъ по русской исторіи съ приложеніемъ портретовъ государей. Императрица подписалась уже на 6 экземпляровъ, но изданіе это почему-то не состоялось.

Взамѣнъ его въ 1776 году Новиковъ напечаталъ двѣ историческія рукописи: 1) «Исторію о невинномъ заточеніи боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, состоящую изъ челобитенъ, писанныхъ имъ къ царю и патріархамъ, также изъ писемъ къ разнымъ особамъ, съ пріобщеніемъ объявленія о причинахъ его заключенія и о возвращеніи изъ онаго», и 2) первую часть

«Скиѳской исторіи», написанной въ 1692 году стольникомъ Андреемъ Лызловымъ.

Въ 1777 г. Новиковъ попытался еще разъ осуществить несостоявшееся въ 1776 году изданіе сборника подъ заглавіемъ «Повѣствователь древностей Россійскихъ или собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ исторіи и географіи Россійскихъ». Въ первомъ нумерѣ его были помѣщены, между прочимъ, документы, доставленные издателю по Высочайшему повелѣнію изъ комнатной библіотеки дворца статсъ-секретаремъ Кузьминымъ. Но Сборника этого вышла только одна первая часть. Полагаютъ, что онъ былъ уничтоженъ и этимъ объясняютъ его рѣдкость. Въ мартѣ же 1777 года Новиковъ сталъ издавать періодическое изданіе подъ названіемъ: «Санктпетербургскія ученыя Вѣдомости». Это была попытка создать органъ, посвященный критикѣ и литературѣ. Въ предисловіи приглашались всѣ ученые мужи и любители россійскихъ письменъ быть сотрудниками Вѣдомостей. Призывъ этотъ нашелъ въ обществѣ откликъ: стали присылаться статьи. Кто были сотрудники Новикова неизвѣстно такъ какъ статьи были или вовсе безъ подписи или подписаны иниціалами, но несомнѣнно, что въ то время Новиковъ имѣлъ связи съ передовыми и образованнѣйшими людьми своего времени и пользовался среди нихъ большимъ почетомъ. Такъ, въ печатныхъ спискахъ дѣйствительныхъ членовъ «Вольнаго Россійскаго Собранія», учрежденнаго въ 1771 г. при Московскомъ университетѣ кураторомъ его Мелисино, среди именъ извѣстнѣйшихъ русскихъ ученыхъ и писателей находится и имя Н. И. Новикова.

Въ «Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ» разбирались изданія самого Новикова и другія научныя и чисто литературныя произведенія, въ то время выходившія. «Вѣдомости» существовали не долго и вышли только въ количествѣ 22-хъ №№. Тѣмъ не менѣе онѣ успѣли разобрать до 37 сочиненій и изданій разнообразнаго содержанія: историческихъ, поэтическихъ, нравоучительныхъ, педагогическихъ и духовныхъ. По большей части статьи эти суть библіографическія описанія книгъ съ указаніемъ ихъ содержанія и различныхъ изданій. При этомъ высказываются литературные и научные взгляды. «Вѣдомости» относятся съ особой любовью къ русской исторіи, ставятъ очень высоко занятія этимъ предметомъ и прославляютъ нашихъ истори-

ковъ того времени: князя Щербатова, Татищева и др. Кромѣ того, доказывая пользу и необходимость собиранія историческихъ матеріаловъ, онѣ указываютъ пріемы такихъ работъ. Литературные взгляды «Вѣдомостей» сходны со взглядами, высказываемыми въ «Словарѣ».

Въ сентябрѣ 1777 года Новиковъ сталъ издавать ежемѣсячный журналъ «Утренній Свѣтъ», содержаніе и направленіе котораго тѣсно связано съ его религіозно-мистическимъ направленіемъ и съ поступленіемъ его въ масоны, къ чему намъ и предстоитъ теперь перейти.

ГЛАВА III.

Поступленіе въ масоны.—Очеркъ происхожденія и развитія масонскихъ ученій.—Исканіе истины Новиковымъ.—Ложа Рейхеля и знакомство Новикова съ ея основателемъ.—Изданіе „Утренняго Свѣта".—Характеръ этого журнала.—Открытіе Новиковымъ училищъ.—Переѣздъ въ Москву.

Говоря о содержаніи 2-й части «Живописца», мы уже указывали на заключающіяся въ ней статьи отвлеченнаго характера, выражающія какое-то разочарованіе въ жизни. Самый фактъ существованія въ журналѣ такихъ статей даетъ намъ возможность предположить, что Новиковъ уже въ 1773 году начиналъ неудовлетворяться жизнью и искать какихъ-то другихъ, высшихъ идеаловъ. Съ теченіемъ времени идеалы его молодости, придя въ столкновеніе съ дѣйствительностью, стали вызывать въ немъ все большія и большія сомнѣнія, и Новиковъ началъ искать путей для ихъ разрѣшенія.-Въ то время въ умственной жизни Европы господствовало два теченія: вольтерьянство и масонство. Къ первому изъ нихъ Новиковъ отнесся съ самаго начала недружелюбно: онъ считалъ это направленіе вреднымъ и боролся съ нимъ втеченіи всей своей дѣятельности. Ко второму же, не понимая его, онъ отнесся сначала скептически. А между тѣмъ, душевное состояніе его становилось все тяжелѣе—нуженъ былъ какой нибудь выходъ—и вотъ въ 1775 году Новиковъ попадаетъ въ масоны. Объ этомъ событіи онъ впослѣдствіи самъ говорилъ слѣдующее: находясь на распутіи между волтерьянствомъ и религіей, я не имѣлъ точки опоры, или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе, а потому неожиданно попалъ въ общество».

Какъ мы увидимъ далѣе, Новиковъ поступилъ въ общество масоновъ совсѣмъ на особыхъ условіяхъ: онъ могъ всегда выдти изъ него, еслибы нашелъ въ немъ что либо идущее въ разрѣзъ съ его нрав-

ственными воззрѣніями. Очевидно, онъ вступалъ въ масонство съ надеждою, что, можетъ быть, получивъ возможность постигнуть тайны этого ученія, онъ найдетъ въ немъ душевное успокоеніе. А не найдетъ, такъ возвращеніе назадъ остается для него возможнымъ. Новиковъ не ушелъ изъ масонства: «Употребленіе сдѣлало привычку», писалъ онъ въ своихъ отвѣтахъ Шешковскому, «привычка—привязанность и любопытство къ ученію масонства и изъясненію гіероглифовъ и аллегоріи»...

Прежде чѣмъ перейти къ подробному разсказу о томъ, на какихъ условіяхъ Новиковъ былъ принятъ въ масоны, и о дальнѣйшей его дѣятельности въ качествѣ масона, мы должны вкратцѣ разсказать, чтò такое было масонство вообще въ з. Европѣ XVIII-го вѣка, откуда оно взялось и какимъ образомъ перешло къ намъ.

Масонство появилось у насъ впервые въ 50-хъ годахъ XVIII вѣка. Оно пришло къ намъ вмѣстѣ съ тѣми новыми идеями, которыя стали около этого времени переходить въ Россію изъ Европы.

Франкъ-масонство существовало въ З. Европѣ втеченіи многихъ вѣковъ прежде чѣмъ сдѣлаться извѣстнымъ въ нашемъ отечествѣ. Франкъ-масоны, или какъ ихъ у насъ называли—свободные каменьщики, составляли общества или братства, членами которыхъ являлись люди всевозможныхъ націй, вѣроисповѣданій и состояній. Происхожденіе своего ордена масоны приписываютъ глубокой древности. Для объясненія этого происхожденія существуетъ множество легендъ, изъ которыхъ, по свидѣтельству Лонгинова, одною изъ наиболѣе уважаемыхъ въ масонскихъ системахъ, считаютъ слѣдующую: Адамъ, по изгнаніи его изъ рая, былъ въ наказаніе лишенъ первоначальнаго своего просвѣтлѣнія. Но, по истеченіи времени, Богъ смиловался надъ нимъ и далъ ему знакъ своего милосердія: лучъ того свѣта, который озарялъ покинутый имъ рай. Лучъ этотъ обладалъ такою благодатью и озарялъ умъ такими божественными познаніями, о которыхъ люди, лишенные его, не имѣютъ и понятія. Этотъ свѣтъ сталъ передаваться нѣкоторымъ избраннымъ, какъ напр. Ною, другимъ патріархамъ и наконецъ дошелъ до Іосифа-пустынножителя, который начерталъ на смарагдовой таблицѣ основанія символистическаго ученія, извѣстнаго избраннымъ, получившимъ божественный лучъ, и положилъ эти таблицы въ Мемфійскомъ храмѣ, имъ самимъ основанномъ. Такимъ образомъ, это преданіе хранилось у маговъ и дошло до Моисея».

Въ окончательную систему символистика и обрядность масонскаго ученія приведены Соломономъ. Для постройки іерусалимскаго храма были вызваны сто тридцать тысячъ каменьщиковъ разныхъ націй. Они были раздѣлены Соломономъ на три разряда или степени: мастеровъ, товарищей и учениковъ. Каждая изъ этихъ степеней получила свои правила и отличающіе ее отъ прочихъ знаки и слова, изъ которыхъ тѣ, которые принадлежали высшимъ степенямъ, были неизвѣстны нисшимъ.

Прослѣдить исторію масонства черезъ цѣлый рядъ вѣковъ очень трудно. Масонскія общества существовали и въ Греціи, и въ Римѣ среди людей, занимавшихся строительнымъ искусствомъ. Во время гоненій на христіанъ въ средѣ послѣднихъ было много римскихъ каменьщиковъ. Спасаясь отъ преслѣдованій, они перебрались въ Англію и перенесли свое ученіе въ тамошнюю корпорацію мастеровыхъ. Оттуда оно распространилось въ Шотландіи и въ Ирландіи.

Въ Великобританіи масонство впервые получило особую организацію и вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства превратилось въ стройное нравственное ученіе съ главнымъ девизомъ: «противодѣйствуй злу не зломъ, а добромъ». Поэтому-то Англію масоны считаютъ мѣсторожденіемъ масонства новыхъ временъ.

Въ XVII или даже въ началѣ XVIII вѣка франкъ-масонство, распространившись по Европѣ, преобразовалось въ нравственно-философское ученіе, на которое имѣли большое вліяніе ученія теозофовъ и алхимистовъ.

Теозофы или мистики стремились познавать неизвѣстное, познать таинственные законы, управляющіе міромъ; пониманіе этихъ законовъ было, по ихъ мнѣнію, доступно однимъ избраннымъ, удостоившимся этой благодати черезъ религіозное ученіе, любовь къ Богу и къ ближнимъ.

Алхимики же искали философскій камень, могущій превращать въ золото неблагородные металлы. Этотъ же философскій камень долженъ былъ доставлять всеобщее лекарство, или такъ назыв. «панацею». Панацея не имѣла ввиду сдѣлать человѣка безсмертнымъ, но она способствовала укрѣпленію въ немъ той жизненной силы, ослабленіе которой, по мнѣнію средневѣковой философіи, было причиною всѣхъ болѣзней. Ученія теозофовъ и алхимиковъ безпрестанно смѣшивались между собою. И то, и другое имѣло ввиду въ большинствѣ случаевъ совершенствованіе человѣка и условій

его жизни—вообще человѣческое благо, хотя у алхимиковъ нерѣдко къ этимъ высшимъ цѣлямъ примѣшивались и цѣли чисто матеріальныя: обогащеніе и продленіе возможности наслаждаться благами человѣческой жизни.

Нодъ вліяніемъ алхимиковъ и теозофовъ франкъ-масонство превратилось въ нравственно-философскую корпорацію и было оставлено людьми низшихъ сословій, которые прежде составляли его большинство.

Въ масонствѣ существовало нѣсколько системъ, сообразно которымъ масоны дѣлились: на «тампліеровъ» (система строгаго наблюденія), «циннендорфцевъ» (система слабаго наблюденія), «розенкрейцеровъ», «мартинистовъ», «иллюминатовъ» и др. Всѣ онѣ имѣли свои отличія, но слѣдовали и нѣкоторымъ общимъ обрядамъ.

У масоновъ было множество условныхъ знаковъ, по которымъ они узнавали другъ друга между непосвященными. Мѣста ихъ собраній назывались *ложами*. Ложи принадлежали къ разнымъ системамъ. Всѣ ложи той или другой системы въ одной странѣ подчинены были центральной *ложѣ-матери* и одному провинціальному *Великому мастеру*.

Масонство смотрѣло на себя нѣкоторымъ образомъ, какъ на продолженіе Апостольской церкви и допускало въ своихъ ложахъ нѣчто вродѣ священнодѣйствій. Такъ напримѣръ, тамъ произносились духовныя рѣчи; на столѣ, стоявшемъ передъ кресломъ «мастера ложи» и называвшемся *жертвенникомъ*, лежало Евангеліе, открытое на 1-ой главѣ отъ Іоанна. Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ приносилась Богу «курительная жертва ѳиміама» и совершался обрядъ помазанія. Пріемъ въ братство новаго члена производился послѣ предварительнаго его испытанія и присяги, которая обязывала его подчиняться отечественнымъ законамъ и сохранять масонскія тайны. Обряды этого пріема и принятія присяги были обставлены болѣе или менѣе торжественными церемоніями. Сначала онѣ были просты, но, съ теченіемъ времени, съ развитіемъ масонства, превратились въ цѣлыя представленія, подчасъ очень мрачнаго характера. Такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ системахъ новопринимаемый вводился въ ложу съ завязанными глазами и въ моментъ, когда снимали съ глазъ его повязку, братья стремительно приставляли къ груди его острія мечей, а одинъ изъ братьевъ стоялъ въ это время въ окровавлен-

ной рубашкѣ. При этомъ Великій Мастеръ говорилъ, что мечи эти устремятся противъ новопринимаемаго, если онъ нарушитъ клятву и союзъ. Затѣмъ, опять при особыхъ церемоніяхъ, его заставляли пролить нѣсколько капель крови въ особою чашу, въ которую раньше проливали кровь и прочіе братья, вступавшіе въ орденъ. Это пролитіе крови выражало символически соединеніе вновь вступившаго съ прочими братьями. Бывали обряды и еще ужаснѣе, какъ напримѣръ обрядъ пріема въ степень мастера. Тутъ уже ложа обивалась чернымъ сукномъ, съ нашитыми на немъ блестками въ видѣ слезъ, на сцену являлись черепа, скелеты, держащіе зажженые свѣтильники, картины изображающія мертвыя головы, наконецъ черные гробы, въ одномъ изъ которыхъ во время церемоніи лежалъ кто нибудь изъ младшихъ мастеровъ подъ кровавой простынею, а другой готовился для «брата ищущаго», какъ назывался у масоновъ членъ, вступающій въ высшую степень масонства. Этого «ищущаго брата», послѣ довольно продолжительнаго хожденія вокругъ ложи съ разными остановками и препятствіями, наконецъ ввергали въ гробъ и накрывали окровавленной простыней, причемъ всѣ остальные братья устремляли на него острія шпагъ. Въ символическомъ языкѣ масоновъ часто попадаются слова: циркуль, молотокъ, прямоугольникъ, треугольникъ и пр. Эти выраженія, равно какъ и знаки украшенія своихъ обрядовъ, они заимствовали изъ терминологіи строительнаго искусства, которымъ занимались ихъ родоначальники.

Масоны занимались исканіемъ мудрости, или, какъ они говорили, «строеніемъ храма мудрости», совершенствующей нравственность человѣка.

Во всѣхъ масонскихъ ложахъ существовали, какъ уже было сказано, три степени: ученика, товарища и мастера, причемъ сущность ученія высшихъ степеней составляла тайну для низшихъ. Въ этихъ степеняхъ преподавалась самая важная, а именно— чисто нравственная сторона масонскаго ученія.

Вотъ нѣкоторые изъ главныхъ догматовъ этого ученія, взятые нами изъ «Нравоучительнаго Катихизиса истинныхъ Франкъ-Масоновъ», составленнаго извѣстнымъ нашимъ масономъ Ив. Вл. Лопухинымъ.

Истинный франкъ-масонъ долженъ отличаться духомъ христіанской любви къ Богу и къ ближнему, котораго ему надлежитъ любить не только какъ самаго себя, но больше себя. Онъ долженъ

видѣть братьевъ во всѣхъ людяхъ, безъ различія національност вѣроисповѣданія и общественнаго положенія, и побуждать ихъ к взаимной любви и помощи. Главное упражненіе франкъ-масонов должно заключаться въ молитвѣ, упражненіи своей воли в исполненіи заповѣдей евангельскихъ и въ умерщвленіи чувств лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ.

Они должны работать среди міра и въ томъ состояніи, к которому каждый изъ нихъ призванъ. Искусство франкъ-масонов состоитъ въ наукѣ изученія тайнъ природы, пониманіе кото рыхъ доступно не всякому, а лишь избраннымъ, удостоив шимся получить эту милость черезъ духовное возрожденіе. Эт избранные должны быть готовы къ перенесенію всякихъ лишеній Они должны быть въ состояніи выносить жесточайшую бол даже если-бы обладали способомъ излечивать всѣ болѣзни, быть готовыми къ смерти во всякое время, имѣя возможност жить нѣсколько сотъ лѣтъ. Они должны быть готовы къ пере несенію величайшей бѣдности, обладая въ то же время способам производить громадныя богатства, превосходящія богатства всег міра; имѣя средство бесѣдовать съ ангелами, они должны оста ваться въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ Бо жіей и считать себя менѣе всѣхъ на свѣтѣ, имѣя силу, равну Іисусу Навину и Иліи. Франкъ-масоны не должны питать к кому либо ненависти. Они должны любить враговъ, благослов лять ихъ, молиться за нихъ и дѣлать имъ добро за зло, кото рое отъ нихъ получаютъ.

Еще лучше и полнѣе опредѣляется нравственная цѣль ма сонства однимъ опытнымъ масономъ (см. соч. Лонгинова стр. 60) «Масонство, говоритъ онъ, видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, которымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить ихъ отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій ихъ предковъ, побуждая людей къ взаимной любви и помощи. Оно никог не ненавидитъ и не преслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлитьс такъ: изгладить между людьми предразсудки кастъ, условных различій происхожденія, мнѣній и національностей; уничтожит фанатизмъ и суевѣріе, искоренить международныя вражды и бѣдствія войны, посредствомъ свободнаго и мирнаго прогресса достигнуть закрѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи котораго каждый человѣкъ призванъ къ свободному и полному развитію всѣхъ своихъ способностей, споспѣшествовать всѣми силами

общему благу и сдѣлать такимъ образомъ изъ всего человѣческаго рода одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда».

Кромѣ вышеупомянутыхъ трехъ степеней въ масонствѣ были степени высшія, число которыхъ мѣнялось сообразно обрядамъ той или другой системы. Впослѣдствіи число нѣкоторыхъ изъ нихъ возросло до 33-хъ и даже до 90. Чрезмѣрно высокіе градусы были по большей части приманкою для людей тщеславныхъ, но полезныхъ ордену своимъ положеніемъ въ обществѣ. Въ высшихъ степеняхъ занимались алхиміей и работами умозрительными по философіи и теозофіи. Если направленіе ложи было практическое, то тутъ же производились работы и по такъ называемому «великому дѣлу».

Изъ того, что мы уже сказали, видно, что истинное масонство было очень далеко отъ какихъ либо политическихъ задачъ. Преслѣдуемыя имъ цѣли были чисто нравственнаго свойства, но такъ какъ самое понятіе о нравственности очень широко и неопредѣленно, а главное неопредѣленны тѣ средства, которыя нужны для достиженія цѣли, то неудивительно, что въ масонствѣ произошло разъединеніе. Оно выразилось въ отличіяхъ обрядовъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ ученія, принятаго тѣми или другими ложами... Кромѣ того, въ орденъ попало не мало людей, которые искали въ немъ средствъ для достиженія разныхъ политическихъ цѣлей. Такимъ характеромъ отличались преимущественно ложи французскія, напримѣръ, системы мартинистовъ, съ которыми русскіе массоны не имѣли ничего общаго. Еще дальше шли германскіе иллюминаты... Кромѣ этихъ системъ, нельзя не упомянуть еще о розенкрейцерской, въ высшихъ степеняхъ которой занимались преимущественно алхиміей. Особеннаго распространенія въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ о Новиковѣ, въ Европѣ достигли двѣ системы: «система строгаго наблюденія» или «тампліерство», считавшее себя продолженіемъ храмоваго рыцарства и распространенное преимущественно въ Германіи, и «циннендорфство» или «система слабаго наблюденія», основанное Цинневдорфомъ.

Какъ мы уже говорили, въ XVIII в. изъ за границы масонство перешло и къ намъ въ Россію;—когда именно оно явилось у насъ и кто былъ основателемъ его — достовѣрно неизвѣстно. Иные говорятъ, что будто бы Петръ I привезъ изъ за границы масонскій статутъ; по другимъ извѣстіямъ родоначальникомъ его

считаютъ генерала Кейта, родомъ англичанина, долго служивша въ Россіи и въ 1747 году уѣхавшаго за границу. Въ 50-хъ года въ Петербургѣ масонами являются нѣкоторые гвардейскіе офицер изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Они имѣли здѣсь и свою лож: Вначалѣ масонство не носило у насъ серьезнаго характера. Он было принято въ подражаніе европейской модѣ и занимало сво ихъ членовъ больше своею таинственностью и внѣшними обря дами, чѣмъ самой своей сущностью. Тѣмъ не менѣе и тогда уж наше правительство смотрѣло на масоновъ очень недружелюбн и зорко за ними слѣдило, а публика относилась къ нимъ съ большимъ предубѣжденіемъ: ихъ считали за еретиковъ, богохульниковъ, преданныхъ антихристу, считали, что они могутъ сноситься съ нечистой силою и пр. Болѣе серьезный характеръ масонство принимаетъ у насъ только съ 1772 года, когда гросмейстеръ англійскаго масонства утвердилъ извѣстнаго Ивана Перфильевича Елагина намѣстнымъ мастеромъ Петербургской провинціальной ложи. Елагинъ, принявшій такимъ образомъ систему англійскаго масонства, учредилъ нѣсколько подвѣдомственныхъ ему ложъ въ Петербургѣ и въ провинціи. Петербургскія масонскія ложи посѣщались многими высокопоставленными и выдающимися людьми того времени. Засѣданія въ нихъ велись открыто и могли быть посѣщаемы всѣми масонами вообще, къ какимъ бы ложамъ они не принадлежали. Скоро однакожъ масонство стало падать и принимать совсѣмъ новый характеръ. Такъ напримѣръ, при ложѣ «Уранія» заведено было нѣчто вродѣ клуба съ карточными играми, попойками и пр. Конечно, болѣе серьезные масоны были этимъ недовольны и желали, преобразовавъ масонскія собранія, возвысить ихъ нравственное значеніе. Съ этою цѣлью они стали искать новыхъ членовъ, которые могли бы имъ быть полезны своей дѣятельностью. Многіе изъ членовъ подвѣдомственныхъ Елагину ложъ были хорошо знакомы съ Новиковымъ и зная его энергію, умъ, благородство и человѣколюбіе, пожелали привлечь его въ свои члены. Мы уже говорили, въ какомъ тревожномъ душевномъ состояніи находился въ то время Новиковъ. Слыша о томъ, что въ орденѣ преслѣдуются возвышенныя религіозныя цѣли, онъ рѣшился вступить въ масонство, думая найти въ немъ опору для борьбы со своими сомнѣніями. Но онъ согласился вступить въ него однако на нѣкоторыхъ условіяхъ: во 1 хъ, онъ желалъ, чтобы отъ него не требовали при вступленіи присяги и дали ему право

выйти изъ братства, если онъ найдетъ въ стремленіяхъ его что либо противное своей совѣсти; во 2-хъ, онъ пожелалъ быть принятымъ прямо въ 3-ью степень. Уваженіе, которое уже съумѣлъ внушить къ себѣ Новиковъ, было столь велико, что его приняли на этихъ исключительныхъ условіяхъ. Новиковъ вступилъ въ ложу, называемую «Астрея», и ревностно отдался новой для него дѣятельности. Онъ не довольствовался посѣщеніемъ только своей ложи, а ходилъ и въ другія, что являлось вполнѣ возможнымъ, благодаря публичности масонскихъ засѣданій. Скоро онъ сошелся съ самыми замѣчательными масонами изъ ложъ, подвѣдомственныхъ Елагину, какъ напримѣръ съ Я. Ѳ. Дубянскимъ, В. В. Чулковымъ, Ал. Мих. Кутузовымъ, Ив. П. Тургеневымъ и др.

Наблюдая близко дѣятельность масонскихъ ложъ въ Петербургѣ, Новиковъ, искавшій прежде всего истины и разрѣшенія мучившихъ его сомнѣній, не удовлетворялся тѣмъ, что онъ въ нихъ находилъ. Съ одной стороны ему не нравилась внѣшняя сторона ихъ: наружный блескъ, пышные ужины и пирушки, которыми оканчивались собранія, и проч. Съ другой — онъ видѣлъ много путаницы и разрозненности въ ихъ ученіи. Не тѣмъ представлялось ему истинное масонство.

Поэтому онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими болѣе близкими ему членами своей ложи сталъ искать, нѣтъ ли другихъ масонскихъ системъ, въ которыхъ было бы настоящее масонское ученіе. Вскорѣ прослышалъ онъ, что есть въ Петербургѣ ложа нѣкоего барона Рейхеля, въ которой хранится истинное масонство. Новиковъ и его друзья стали розыскивать Рейхеля, но его не оказалось—онъ находился въ Москвѣ, а въ Петербургѣ былъ лишь намѣстникъ его, Розенбергъ. Найдя Розенберга, Новиковъ и его товарищи стали просить его учредить имъ новую ложу по Рейхелевой системѣ. Розенбергъ исполнилъ ихъ желаніе и учредилъ имъ ложу съ тремя первыми или, какъ ихъ называли, іоанновскими степенями. Рейхель былъ послѣдователь «циннендорфской системы» или системы «слабаго наблюденія». Вскорѣ и Елагинскія ложи соединились съ Рейхелевыми. Но и послѣ перехода въ новую систему масонства Новиковъ не успокоился. Онъ былъ человѣкъ искренній, желалъ отдаться цѣликомъ новому ученію и найти въ немъ душевное успокоеніе, а между тѣмъ въ масонствѣ все еще происходили разныя перемѣны. Такъ, въ 1777 году князь Куракинъ вывезъ изъ Швеціи новую систему «строгаго наблюденія». Въ Пе-

тербургѣ открыта была ложа по этой системѣ и къ ней примкнуло нѣсколько ложъ Рейхелевой системы. Новиковъ не зналъ кому и чему довѣрять. Онъ боялся быть увлеченнымъ хитростью въ общество, преслѣдующее какія нибудь недостойныя цѣли. Все это до такой степени его безпокоило, что однажды, разговаривая съ бар. Рейхелемъ, съ которымъ онъ познакомился по возвращеніи послѣдняго изъ Москвы, Новиковъ со слезами просилъ его объяснить ему признаки, по которымъ истинное масонство можно отличить отъ ложнаго. Въ его представленіи масонство было ученіемъ, которое путемъ самопознанія и духовнаго просвѣщенія вело кратчайшимъ путемъ къ нравственному исправленію. На это Рейхель отвѣчалъ ему, что всякое масонство, преслѣдующее политическія цѣли, есть ложное. Истинные масоны не проповѣдуютъ равенства и вольности; они не признаютъ того, что масоны могутъ покоряться страстямъ и порокамъ; они не предаются пиршествамъ и разврату. Главный признакъ масонства—стремленіе къ самоусовершенствованію по стезямъ христіанскаго нравоученія. Истинныхъ масоновъ очень мало; они не вербуютъ въ орденъ кого попало и скрываются, избѣгая столкновеній съ ложными масонами, которыхъ очень много.

Разговоръ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Новикова и онъ сталъ послѣ этого относиться очень осторожно къ масонству другихъ системъ, а особенно къ шведскому, которому онъ просто не довѣрялъ.

Не смотря однако на всѣ колебанія и сомнѣнія, которыя испытывалъ Новиковъ по вступленіи своемъ въ масонство, главная и самая лучшая его сторона была для него ясна. Онъ глубоко проникся идеею нравственнаго самоусовершенствованія и христіанской любви къ ближнему и какъ человѣкъ, для котораго вѣрить значило дѣйствовать—началъ вскорѣ проводить эти идеи въ жизнь.

Съ этою цѣлью онъ основалъ въ сентябрѣ 1777 года ежемѣсячный журналъ «Утренній Свѣтъ», вся выручка съ котораго должна была идти на содержаніе сначала одного, а потомъ двухъ училищъ для бѣдныхъ дѣтей и сиротъ. Такимъ образомъ, Новиковъ началъ два дѣла сразу: проповѣдь религіозно-нравственныхъ идей и практическое дѣло помощи нуждавшимся въ просвѣщеніи. «Утренній Свѣтъ» былъ журналъ отвлеченно философскаго характера. Въ предисловіи къ нему говорится, что цѣль журнала

предлагать «врачеваніе и укрѣпленіе» душамъ соотечественниковъ и возвысить значеніе человѣческой личности, которая есть центръ міозданія.

Большая часть статей «Утренняго Свѣта» и прозаическихъ, и поэтическихъ были переводами изъ лучшихъ греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и шведскихъ писателей. Такъ напр. въ немъ были помѣщены переводы изъ сочиненій Платона, Плутарха, Ксенофонта, Сенеки, Виргилія, Юнга, Бекона, Паскаля, Виланда, Геснера и др. Изъ этихъ авторовъ журналъ черпалъ статьи философскія, нравственныя, педагогическія и поэтическія, причемъ ни одна изъ нихъ не выражала направленія журнала, которое уяснялось лишь изъ совокупности статей, выбранныхъ редакціей. Попадались въ журналѣ и статьи оригинальныя, но ихъ было меньше. Изъ числа этихъ статей многія носятъ отвлеченно-мистическій характеръ; въ нихъ указывается на ничтожность земной жизни, ей противополагается смерть, которая легче и лучше жизни. Однако, быть можетъ, без сознательное чувство мѣры не позволяло Новикову заходить слишкомъ далеко въ этомъ направленіи. Поэтому рядомъ со статьями, выражающими самый мрачный взглядъ на земную жизнь, читатель встрѣчаетъ тутъ цѣлый рядъ статей, восхваляющихъ природу и жизнь на лонѣ ея. Городу противуполагается деревня съ ея простотою и свободою. Жизнь людей среди природы описывается самыми восторженными красками, и описанія эти носятъ подчасъ сантиментально-идиллическій характеръ. Есть въ журналѣ статьи, направленныя противъ энциклопедистовъ и ихъ ученія. Послѣднему противупоставляется ученіе о безсмертіи души. Статей чисто масонскихъ въ узкомъ смыслѣ очень немного. Вообще все содержаніе журнала проникнуто философскимъ духомъ и уваженіемъ къ разуму и къ наукѣ. «Утренній Свѣтъ» является, такимъ образомъ, первымъ популярнымъ философскимъ журналомъ въ Россіи. Не смотря на свой отвлеченный характеръ, журналъ этотъ имѣлъ успѣхъ, что доказывается уже тѣмъ, что онъ выписывался въ 58 городахъ и мѣстечкахъ Россіи. Такому распространенію его способствовало отчасти то обстоятельство, что онъ былъ тѣсно связанъ съ училищами, основанными Новиковымъ. Журналъ поддерживалъ училища, а училища въ свою очередь поддерживали журналъ, такъ какъ многіе, желавшіе быть полез-

ными училищамъ, выписывали его, платя за него сумму большую, чѣмъ того требовала установленная подписная плата.

Вообще «Утренній Свѣтъ» съумѣлъ привлечь общество къ поддержанію училищъ. Онъ приглашалъ его къ пожертвованіямъ и къ принятію пансіонеровъ на свой счетъ. Имена всѣхъ жертвователей и количество пожертвованій печатались въ «Утреннемъ Свѣтѣ». Призывъ журнала не остался безъ отвѣта. Сотрудники его не брали платы за свой трудъ; генералъ-аудиторъ-лейтенантъ П. К. Хлѣбниковъ пожертвовалъ бумагу на годовое изданіе журнала, явились желающіе принять на свой счетъ пансіонеровъ; гофъ-фурьеръ Купреяновъ далъ для училища безденежно помѣщеніе въ своемъ домѣ; наконецъ являлось много жертвователей просто деньгами. Въ 1777 году было основано одно училище на 30 или на 40 человѣкъ при церкви Владимірской Божьей Матери, получившее потомъ названіе Екатерининскаго; а въ слѣдующемъ году явилась уже возможность открыть и другое училище—Александровское, и въ 1779 году въ обоихъ училищахъ обучалось 93 человѣка. Основывая училища, Новиковъ преслѣдовалъ не только благотворительныя, но и научно-педагогическія цѣли. Въ объявленіи объ учрежденіи Екатерининскаго училища говорится, что намѣренія учредителей заключаются не только въ обученіи бѣдныхъ дѣтей, но и въ заведеніи «порядочнаго и постояннаго училища, въ которомъ бы *наилучшимъ* и *кратчайшимъ* способомъ дѣти научались, приобыкали къ благонравію и заохочивались къ дальнѣйшему ученію для собственной своей и отечества своего пользы».

Новиковъ, управлявшій самъ всѣми дѣлами училищъ и принимавшій близко къ сердцу всѣ ихъ интересы, очевидно старался всѣми силами, чтобы ученики воспитывались въ религіозно-нравственномъ духѣ; онъ старался развивать въ нихъ чувства жалости, человѣколюбія и желаніе помочь ближнему.

Повидимому такое его стремленіе не оставалось безъ результатовъ. Такъ напр. извѣстенъ фактъ, что ученики отказались на цѣлый мѣсяцъ отъ завтрака и отъ ужина для того, чтобы помочь 50-ю рублями другимъ бѣднымъ.

Императрица Екатерина, знавшая конечно о существованіи «Утренняго Свѣта» и объ училищахъ, изъ которыхъ одно даже было названо въ честь ея «Екатерининскимъ», отнеслась и къ тому и къ другому очень холодно. Екатерина не любила масонства.

Новиковъ жилъ и работалъ въ Петербургѣ до 1779 года, а въ апрѣлѣ этого года переѣхалъ въ Москву. Переѣздъ этотъ произошелъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ 1778 году Новиковъ познакомился и даже близко сошелся съ московскими масонами, княземъ Н. Н. Трубецкимъ и Мих. Матв. Херасковымъ, которые пріѣзжали въ Петербургъ по масонскимъ дѣламъ. Они стали убѣждать Новикова переѣхать въ Москву, а Херасковъ, получившій въ іюнѣ 1777 года званіе куратора московскаго университета, предлагалъ ему и дѣло, а именно: взять въ аренду университетскую типографію, которая была тогда въ очень жалкомъ положеніи и не давала почти дохода. Херасковъ полагалъ, что дѣло это вполнѣ соотвѣтствовало призванію Новикова. Съ другой стороны, онъ былъ увѣренъ, что въ рукахъ Новикова дѣла типографіи поправятся и она будетъ давать доходъ университету. Новикову понравилось это предложеніе. Онъ съѣздилъ въ Москву, познакомился лично съ дѣломъ и рѣшился принять предложеніе. Въ началѣ 79 года Петербургская ложа, въ которой Новиковъ былъ уже мастеромъ стула, закрылась, и онъ переѣхалъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Москву. Туда же вскорѣ перебрались и тѣ изъ петербургскихъ масоновъ, съ которыми Новиковъ болѣе всего сошелся: Кутузовъ, Чулковъ и Тургеневъ.

ГЛАВА IV.

Москва временъ Новикова.—Университетъ и его кураторъ Херасковъ.—Новиковъ беретъ въ аренду университетскую типографію.—Знакомство Новикова со Шварцемъ и просвѣтительная роль послѣдняго. „Дружеское ученое общество“.—Женитьба Новикова.—Планъ общенія русскаго масонства съ европейскимъ, на основаніяхъ равноправности.—Поѣздка Шварца за границу и ея вліяніе на дѣятельность Новикова.—„Переводческая семинарія“.—Указъ о вольныхъ типографіяхъ.—Смерть Шварца.—„Типографическая компанія“.—Расширеніе издательской дѣятельности Новикова.—Принципы, проводившіеся Новиковымъ въ издаваемыхъ имъ журналахъ.

Съ переѣзда Новикова въ Москву начинается новый и самый блестящій періодъ его дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность эта могла принять столь широкіе размѣры именно только въ такомъ пунктѣ, какимъ была въ то время Москва.

Дѣло въ томъ, что съ перенесеніемъ двора въ Петербургъ, Москва почувствовала себя гораздо независимѣе и свободнѣе, чѣмъ прежде. Въ то время, какъ Петербургъ былъ средоточіемъ служилаго и придворнаго дворянства, являвшагося, благодаря своему положенію, вѣрнымъ отголоскомъ придворныхъ взглядовъ и направленій—Москва была центромъ, въ которомъ собиралось почти все богатое, независимое, неслужилое дворянство. По зимамъ въ ней жили почти всѣ богатые помѣщики центральныхъ нашихъ губерній. Они имѣли здѣсь свои дома и составляли многочисленный основной элементъ тогдашняго московскаго общества. Къ нему присоединялись лица, служившіе въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ: въ сенатѣ, въ разныхъ юстицъ, камеръ, мануфактуръ и прочихъ коллегіяхъ и учрежденіяхъ, а также и отставные, преимущественно военные, желавшіе послѣ недолгой службы отдохнуть и пожить на свободѣ въ свое удовольствіе. Наконецъ, во главѣ всего этого общества стояли знатные, родовитые дворяне, изъ которыхъ многіе были когда-то въ силѣ при дворѣ, а

потомъ попали въ опалу или ушли сами вслѣдствіе какихъ нибудь обидъ и неудовольствій. Кромѣ того въ Москвѣ имѣли дома и многіе изъ служившихъ въ Петербургѣ дворянъ. Они имѣли ихъ здѣсь на всякій случай, такъ какъ большинство считало свое пребываніе въ Петербургѣ временнымъ и смотрѣло на Москву, какъ на мѣсто отдохновенія. Здѣсь текла пестрая, шумная жизнь, въ которой сталкивались, нисколько другъ другу не мѣшая, всѣ крайности тогдашней русской жизни.

Съ другой стороны университетъ успѣлъ уже, не смотря на кратковременность своего существованія (25 лѣтъ), сгруппировать вокругъ себя людей, искавшихъ просвѣщенія, и завоевать симпатіи общества. Онъ выпустилъ изъ своихъ стѣнъ не мало образованныхъ людей, имена которыхъ пріобрѣли извѣстность, какъ имена даровитыхъ общественныхъ дѣятелей и преподавателей. Молодежь, побывавшая въ университетѣ, стала вносить въ жизнь любовь къ литературѣ и знаніямъ и устанавливать общеніе между университетомъ и обществомъ. Среди высшаго дворянства появились также истинно-просвѣщенные и гуманные люди. Вотъ эта-то группа образованныхъ людей, изъ которыхъ значительная часть принадлежала къ богатому и родовитому дворянству, и оказала Новикову поддержку въ его предпріятіяхъ и дала ему возможность развернуть свою дѣятельность во всей ея полнотѣ.

Управленіе Москвою сосредоточиволась въ то время въ рукахъ главнокомандующаго, князя Михаила Никитича Волконскаго, безмѣрно преданнаго Екатеринѣ и пользовавшагося въ свою очередь ея довѣріемъ.

Въ то время, когда Новикову пришлось впервые близко столкнуться съ университетомъ, послѣдній состоялъ изъ слѣдующихъ частей:

1) Три факультета университетскихъ курсовъ: юридическій, медицинскій и философскій.

2) Двѣ гимназіи, въ которыхъ молодые люди готовились къ университету: дворянская и разночинская.

3) Вольное Россійское собраніе. Это было учено-литературное общество, основанное въ 1771 г. по мысли куратора Меллисино.

4) Типографія, учрежденная въ 1756 году, и при ней словолитня. Она помѣщалась въ зданіи, принадлежавшемъ университету, близь Воскресенскихъ воротъ, и управлялась чиновникомъ по назначенію университетскаго начальства.

5) Книжная лавка, существовавшая тоже съ 1756 года и помѣщавшаяся въ зданіи, принадлежавшемъ университету на Моховой.

6) Редакція «Московскихъ Вѣдомостей», основанная одновременно съ типографіей и книжной лавкой.

7) Кромѣ того университетъ имѣлъ библіотеку, разные кабинеты и ученыя пособія, состоявшія въ вѣдѣніи профессоровъ и преподавателей.

Кураторомъ университета былъ въ то время, какъ мы уже говорили, извѣстный писатель Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

Главнымъ кураторомъ со времени основанія университета былъ знаменитый покровитель просвѣщенія Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Въ то время, когда Новиковъ пріѣхалъ въ Москву, Шуваловъ жилъ въ Петербургѣ, откуда онъ однако съ большимъ вниманіемъ постоянно слѣдилъ за своимъ дѣтищемъ-университетомъ.

Должности ректора въ то время въ университетѣ не было, а былъ директоръ, должность котораго занималъ М. Вас. Приклонскій.

Лучшаго выбора для куратора, какъ выборъ М. М. Хераскова, нельзя было сдѣлать. Этотъ просвѣщенный человѣкъ сталъ съ молодыхъ лѣтъ собирать вокругъ себя все, что было лучшаго и наболѣе образованнаго въ московскомъ обществѣ. Имѣя большія связи въ высшемъ, богатомъ кругу, онъ пользовался ими для того, чтобы помогать бѣднымъ молодымъ людямъ оканчивать образованіе и зарабатывать честнымъ образомъ хлѣбъ. Однимъ онъ доставлялъ мѣста и полезныя знакомства, другихъ поощрялъ въ занятіяхъ переводами и писательствомъ, третьимъ печаталъ труды и т. д. Жена его, тоже образованная по своему времени женщина, во всемъ содѣйствовала мужу, и домъ Херасковыхъ былъ гостепріимно открытъ для всѣхъ, кто искалъ сочувствія и поддержки въ стремленіяхъ къ высшимъ интересамъ.

Вступивъ въ должность куратора, Херасковъ немедленно приступилъ къ нѣкоторымъ преобразованіямъ и нововведеніямъ въ университетѣ въ либерально-просвѣщенномъ духѣ. Найдя университетскую типографію въ крайне запущенномъ состояніи и желая сдѣлать ее съ одной стороны полезной въ смыслѣ просвѣтительномъ, а съ другой—доходной для университета, Херасковъ, какъ уже было сказано, предложилъ ее Новикову. По контракту, заключенному между университетомъ и Новиковымъ, послѣднему отдава-

лась типографія на 10 лѣтъ съ уплатою 4.500 р. въ годъ. Вмѣстѣ съ нею въ его вѣдѣніе поступали университетская книжная лавка и изданіе «Московскихъ Вѣдомостей».

Переселившись въ Москву, Новиковъ помѣстился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ была типографія, чтобы быть къ ней поближе. Типографію онъ нашелъ въ крайне плачевномъ видѣ. Шрифтовъ имѣлось мало, рабочіе были избалованы, лѣнились и часто пьянствовали; поэтому, при маломъ количествѣ заказовъ, типографія

Масонскій домъ въ Москвѣ.

почти не имѣла доходовъ. Нужно было большое мужество, чтобы взять дѣло въ такомъ положеніи.

Новиковъ сталъ тотчасъ-же приводить все въ порядокъ: пополнять, чего не хватало, выписывая для этого даже нѣкоторыя вещи изъ за границы. Въ то же время, чтобы типографія не оставалась безъ работы, онъ началъ печатать, что было возможно при наличности имѣвшихся уже матеріаловъ.

Дѣла книжной лавки стояли тоже очень плохо. Чтобы поднять ея торговлю, Новиковъ вошелъ въ сношеніе съ коммиссіонерами въ Петербургѣ, въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ и условился отдавать имъ книги съ уступкою и съ разсрочкою платежа.

Характеръ издательской дѣятельности Новикова опредѣлился тотчасъ-же, какъ только онъ взялся за дѣло. Чтобы пріобрѣсти покупателей, онъ долженъ былъ печатать и книги легкаго, беллетристическаго содержанія; но главное его вниманіе было обращено на книги научнаго характера и учебники, такъ какъ цѣль его издательства была просвѣтительная. Къ тому же, какъ человѣкъ, проникнутый религіозно-нравственными идеями, онъ издавалъ научныя сочиненія по преимуществу проникнутыя этими идеями.

Въ то-же время Новиковъ началъ завязывать знакомства съ московскими масонами, а также съ людьми, которые покровительствовали просвѣщенію и могли быть ему полезны въ его дѣятельности. Въ этомъ ему много способствовалъ Херасковъ.

Однимъ изъ первыхъ его знакомствъ въ Москвѣ было знакомство съ княземъ Ю Н. Трубецкимъ. Съ братомъ его Николаемъ Никитичемъ Новиковъ познакомился еще въ Петербургѣ и теперь только возобновилъ это знакомство. Трубецкіе были просвѣщенными людьми своего времени и жили открыто. У нихъ собирались литераторы, художники, путешественники и вообще всѣ выдававшіеся люди въ области науки, искусства и литературы.

Затѣмъ въ августѣ 1779 года Новиковъ познакомился съ человѣкомъ, который, сдѣлавшись его другомъ и товарищемъ во всѣхъ его предпріятіяхъ, оказалъ огромное вліяніе, какъ на самого Новикова, такъ и на остальныхъ его друзей. Человѣкъ этотъ, оставившій глубокій и плодотворный слѣдъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, былъ нѣмецъ Иванъ Григорьевичъ Шварцъ.

Шварцъ былъ человѣкъ скромнаго происхожденія, родомъ трансильванецъ. Онъ посвятилъ себя съ юности ученой дѣятельности. Въ то время въ Европѣ стали говорить о быстромъ движеніи Россіи по пути умственнаго и гражданскаго развитія. Шварцъ, подобно многимъ другимъ европейцамъ, заинтересовался этою страною, а также личностью Новикова, объ которомъ тоже много говорили, какъ объ издателѣ «Вивліоѳики», откуда почерпались документы къ изученію Россіи. Въ 1776 году князь Ив. С. Гагаринъ, путешествуя за границей, познакомился со Шварцемъ и предложилъ ему ѣхать въ Россію въ качествѣ воспитателя въ семейство друга своего Ал. Мих. Рахманова, жившаго въ Могилевѣ. Шварцъ принялъ это предложеніе. Въ 1779 году Рахмановъ умеръ и Шварцъ перебрался въ Москву. За время пребыванія своего въ Россіи онъ успѣлъ хорошо выучиться русскому языку, полюбилъ

Россію и рѣшился остаться въ ней, посвятивъ себя педагогическому поприщу. Пріѣхавъ въ Москву, онъ, по стараніямъ Хераскова, получилъ мѣсто профессора нѣмецкаго языка при университетѣ и тогда познакомился съ Новиковымъ.

Шварцъ, какъ и Новиковъ, былъ масонъ. Онъ вступилъ въ масоны вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Россію и даже основалъ ложу въ Могилевѣ. Однако въ первое время знакомства между Новиковымъ и Шварцемъ не заходило разговоровъ о масонствѣ. Отчасти это происходило потому, что каждый изъ нихъ былъ занятъ постановкою своего ближайшаго практическаго дѣла, а отчасти еще и потому, что Шварцъ принадлежалъ къ масонамъ «строгаго наблюденія», т. е. къ системѣ, которой Новиковъ не сочувствовалъ и о которой естественно не желалъ поднимать вопроса.

Въ сентябрѣ 1779 года Шварцъ началъ читать лекціи въ университетѣ. Онъ былъ необыкновенно талантливый преподаватель и имѣлъ даръ не только увлекать слушателей своимъ предметомъ и заставлять ихъ работать, но и привязывать къ себѣ, вліяя на нихъ въ нравственномъ отношеніи.

Университетская конференція, видя талантливость Шварца, поручила ему составленіе нѣкоторыхъ учебниковъ и изслѣдованіе недостатковъ въ существовавшихъ тогда системахъ преподаванія. Шварцъ сталъ писать проэкты, которые всѣми восхвалялись, но осуществить которые не было возможности. Прежде всего у насъ ощущался недостатокъ въ преподавателяхъ вообще; еще менѣе было хорошихъ преподавателей. Требовалось ихъ создать. Въ виду этого Шварцъ представилъ проэктъ объ образованіи при университетѣ учительской или педагогической семинаріи. Самъ онъ для этой цѣли пожертвовалъ университету 5000 р. денегъ и много книгъ. Конференція, согласившись съ его проэктомъ, рѣшилась ассигновать на это дѣло проценты съ капитала Демидова, пожертвованнаго на образованіе шести учителей изъ студентовъ. Къ этой суммѣ примкнули и другія пожертвованія лицъ, сочувствовавшихъ дѣлу просвѣщенія, и между прочимъ Новикова.

Такимъ образомъ въ ноябрѣ 1779 г. была открыта педагогическая семинарія, инспекторомъ которой былъ назначенъ Шварцъ.

Кромѣ того въ это же время Шварцъ, сблизившійся уже съ Новиковымъ, задумалъ вмѣстѣ съ нимъ основать общество, которое оказывало-бы всевозможную поддержку истинному просвѣще-

нію въ Россіи. Общество это, извѣстное впослѣдствіи подъ именемъ «Дружескаго ученаго общества», должно было имѣть цѣлью издавать на свой счетъ полезныя книги, оригинальныя и переводныя, давать молодымъ людямъ возможность оканчивать курсъ въ Россіи, а также отправлять ихъ для серьезнаго образованія за границу, выписывать способныхъ учителей изъ за границы и по возможности воспитывать русскихъ преподавателей. Это тогда еще очень скромное общество, обладавшее самыми незначительными средствами, существовало вначалѣ больше въ видѣ плановъ и намѣреній небольшаго числа сочувствующихъ лицъ, нежели въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе въ концѣ 1779 г. Новиковъ и его друзья, твердо увѣренные въ успѣхѣ своего дѣла, вошли уже въ сношенія съ епархіальными начальствами о присылкѣ въ университетъ изъ семинарій способныхъ учениковъ, которыхъ они брались содержать на свой счетъ.

Въ то же время Новиковъ и Шварцъ старались всѣми силами объ увеличеніи своего кружка. Они распространяли объ немъ слухи въ обществѣ, заводили полезныя для нихъ знакомства, группировали вокругъ себя молодежь и добились, — хотя многіе считали ихъ мечтателями, а мечты ихъ неосуществимыми, — мало по малу сочувствія и уваженія въ обществѣ и даже покровительства новаго главнокомандующаго Москвы, князя Долгорукова-Крымскаго, смѣнившаго князя Волконскаго. А въ 1781 году обоимъ друзьямъ удалось наконецъ организовать задуманное ими дѣло на прочныхъ началахъ. Случилось это, благодаря тому обстоятельству, что Шварцу удалось привлечь къ дѣлу извѣстнаго въ то время богача Петра Алексѣевича Татищева, который употребилъ впослѣдствіи значительную часть своего состоянія на цѣли, указанныя ему Шварцемъ. П. А. Татищевъ былъ сынъ извѣстнаго генералъ-полицiймейстера при императрицѣ Елизаветѣ,—Алексѣя Даниловича Татищева, оставившаго о себѣ память, какъ о человѣкѣ рѣшительномъ, суровомъ и безчеловѣчномъ. Особенно онъ прославился изобрѣтеніемъ клейменія лицъ преступниковъ.

Петръ Алексѣевичъ пошелъ не въ отца... Познакомившись съ нимъ, Шварцъ съумѣлъ такъ заинтересовать его своими планами и надеждами и вмѣстѣ съ тѣмъ внушить такое довѣріе къ собственному безкорыстію, что Татищевъ рѣшился сдѣлаться членомъ его кружка. Примѣръ Татищева подѣйствовалъ ободряющимъ

образомъ и на другихъ любителей просвѣщенія, и пожертвованія полились щедрою рукою. Такимъ образомъ, «Дружеское Ученое Общество», возникшее въ небольшомъ кружкѣ, получило наконецъ прочное основаніе и могло расширить свою дѣятельность. Оффиціально оно не было открыто еще и теперь, но число пансіонеровъ его немедленно увеличилось и литературная дѣятельность оживилась.

Новиковъ, успѣвшій уже къ концу 1780 г. довести свою типографію до такого состоянія, что, по мнѣнію Шварца, она не уступала заграничнымъ, выпустилъ, въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, нѣсколько элементарныхъ руководствъ для первоначальнаго обученія и много книгъ духовно-нравственнаго содержанія, изъ которыхъ едва-ли не болѣе половины были переводы съ иностранныхъ языковъ, сдѣланные молодыми людьми, только что окончившими университетъ.

Содержаніе «Московскихъ Вѣдомостей» стало гораздо живѣе и интереснѣе, благодаря приливу новыхъ сотрудниковъ, а также и тому, что Новиковъ сталъ выписывать интересныя періодическія изданія, изъ которыхъ черпались разныя извѣстія и новости. Кромѣ того, онъ сталъ давать къ нимъ съ 1780 года «Прибавленія», продолжавшіяся до 1789 года. Кажется, въ этомъже 1780 году онъ основалъ при своемъ книжномъ магазинѣ первую библіотеку для чтенія въ Москвѣ.

Шварцъ былъ во всемъ дѣятельнымъ помощникомъ Новикова. Онъ указывалъ ему книги для перевода, рекомендовалъ переводчиковъ, просматривалъ переводы ихъ и пр.

Въ 1781 году Новиковъ такъ расширилъ свое типографское дѣло, что къ концу его, количество книгъ, отпечатанныхъ имъ менѣе чѣмъ въ три года, превышало количество книгъ, отпечатанныхъ съ основанія типографіи до перехода ея въ его руки.

Въ 1781 г. Новиковъ женился на родственницѣ князя Н. Н. Трубецкаго — Александрѣ Егоровнѣ Римской-Корсаковой, получившей образованіе въ С.-Петербургскомъ училищѣ благородныхъ дѣвицъ. Отъ этого брака у него были одинъ сынъ и двѣ дочери. Мы уже говорили, что въ первый годъ своей дѣятельности въ Москвѣ Новиковъ не могъ предаваться масонской дѣятельности въ тѣсномъ смыслѣ, по причинѣ массы занятій, связанныхъ съ устройствомъ типографіи. Но, какъ только дѣла типографіи пришли въ порядокъ, Новиковъ обратился къ занятіямъ по

масонству, съ главными адептами котораго въ Москвѣ онъ былъ уже знакомъ.

Въ Москвѣ, какъ мы уже говорили, существовало нѣсколько масонскихъ ложъ, изъ которыхъ главными были: открытая въ 1776 года ложа князя Н. Трубецкаго и учрежденная въ концѣ 70-хъ годовъ ложа «Трехъ Знаменъ» Татищева. Повидимому Татищевъ, до встрѣчи своей со Шварцемъ, относился очень холодно къ своей должности Намѣстнаго Мастера, и занятія въ его ложѣ велись не серьезно, вращаясь главнымъ образомъ вокругъ внѣшнихъ формъ и обрядовъ. Въ 1779 г. въ Москвѣ сошлись князь Трубецкой, Новиковъ и Шварцъ, бывшіе потомъ главными дѣятелями въ московскомъ масонствѣ. Всѣ трое были масонами разныхъ системъ; но это не помѣшало имъ слиться и образовать, по идеѣ Новикова, въ концѣ 1780 года, новую ложу подъ именемъ «Гармоніи». Кромѣ трехъ вышеуказанныхъ членовъ, къ ней примкнули еще 5 человѣкъ: М. М. Херасковъ, князь А. А. Черкасскій, И. П. Тургеневъ, князь Энгалычевъ и А. А. Кутузовъ. Ложа эта была тайною. Основатели ея положили—оставить въ сторонѣ всѣ второстепенные вопросы и, слившись во едино, стараться привлечь къ себѣ возможно большее число надежныхъ членовъ, а затѣмъ уже принять мѣры къ окончательному устройству своей системы и къ своему признанію въ масонскомъ мірѣ. Члены ея назвали себя братьями «внутренняго ордена», какъ бы желая выразить этимъ, что они будутъ придерживаться только коренныхъ догматовъ Общества, составляющихъ внутренній смыслъ масонства, общій для всѣхъ системъ. Формальныхъ собраній «Гармонія» не имѣла; члены ея сходились только для совѣщаній о томъ, какъ установить ее на прочныхъ основаніяхъ и достигнуть высшихъ масонскихъ степеней. Къ «Гармоніи» вскорѣ присоединился и Татищевъ. Такимъ образомъ въ 1781 году масонство въ Москвѣ представляло слѣдующую картину: ложи, существовавшія прежде, продолжали свои работы, слѣдуя разнымъ системамъ, и были разрознены; но въ каждой системѣ нашлось нѣсколько вліятельныхъ, энергичныхъ людей, которые соединились между собой въ «Гармоніи», съ тѣмъ, чтобы оставивши въ сторонѣ всѣ пререканія по второстепеннымъ деталямъ, отдаться исключительно вопросамъ о сліяніи всѣхъ существующихъ ложъ въ одинъ правильно организованный союзъ, кото-

рый бы входилъ полноправнымъ членомъ въ общеніе съ европейскимъ масонствомъ.

Предсѣдательствовали въ «Гармоніи» Татищевъ и Новиковъ. Татищевъ потому, что былъ Намѣстнымъ Мастеромъ системы «строгаго наблюденія», къ которой принадлежало большинство членовъ «Гармоніи», а Новиковъ—какъ наиболѣе вліятельный изъ масоновъ, не принадлежавшихъ къ этой системѣ.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, какъ мы уже говорили, въ Европѣ получило особенное вліяніе масонство системы «строгаго наблюденія». Оно было признано почти всѣми германскими ложами и пріобрѣло сочувствіе герцога Фердинанда Брауншвейгскаго. Значеніе этой системы признавали масоны всѣхъ оттѣнковъ, за исключеніемъ Швеціи, а также и Россіи, которая еще не пріобрѣла чести считаться самостоятельною масонскою провинціею и считалась подчиненной Швеціи. Въ концѣ 1779 г. глава шведскаго масонства, герцогъ Зюдермарландскій, совершилъ самовольный поступокъ, возмутившій противъ него всѣхъ масоновъ, въ томъ числѣ и русскихъ, ему подчиненныхъ. Они тогда же пожелали отложиться отъ него и пріобрѣсти въ Европѣ значеніе самостоятельной единицы.

Весною 1781 года Шварцъ отправлялся за границу и предложилъ членамъ «Гармоніи» выдать ему полномочія для сношенія съ Берлинскими масонами, работавшими по системѣ «строгаго наблюденія». Предложеніе это было принято, и Шварцу дана довѣренность на открытіе высшихъ степеней масонства.

Мы не будемъ излагать подробностей путешествія Шварца и сношеній его съ заграничными масонами. Скажемъ только о результатахъ его поѣздки. При помощи принца Фердинанда Брауншвейгскаго, который очень любезно его принялъ, онъ достигъ того, что русское масонство было признано вполнѣ независимою, самостоятельною провинціею въ масонскомъ мірѣ. Кромѣ того онъ привезъ право на основаніе въ Москвѣ ордена розенкрейцеровъ («Злато-розоваго креста»), имѣвшаго масонскія формы, но въ который могли быть принимаемы лишь немногіе избранные. Организація эта была высшая. Но наибольшее значеніе поѣздка Шварца имѣла для Новикова: Шварцъ устроилъ ему сношенія со многими учеными центрами Германіи и особенно съ Лейпцигомъ, чѣмъ оказалъ большое содѣйствіе оживленію торговли иностранными книгами, продажа которыхъ была заведена еще раньше въ книжной лавкѣ.

По возвращеніи въ Москву, Шварцъ засталъ въ ней перемѣну, имѣвшую большое значеніе для членовъ «Дружескаго Ученаго Общества». Главнокомандующій Москвы, князь Долгоруковъ-Крымскій умеръ и на мѣсто его назначенъ былъ графъ Чернышевъ, человѣкъ честный и большой покровитель просвѣщенія. Изъ людей, которыми онъ себя вскорѣ окружилъ, многіе были масонами и членами «Дружескаго Ученаго Общества». Нѣкоторые изъ нихъ состояли даже у него на службѣ. Такъ напримѣръ, Ив. П. Тургеневъ служилъ у него генеральсъ-адъютантомъ. Въ то же время въ число масоновъ и членовъ «Др. Об.» вскорѣ вступило еще два человѣка, служившіе подъ начальствомъ гр. Чернышева: правитель его канцеляріи Семенъ Ив. Гамалѣя и Ив. Влад. Лопухинъ, назначенный графомъ Чернышевымъ сначала совѣтникомъ, а потомъ предсѣдателемъ московской уголовной палаты.

Имена этихъ людей на всю жизнь остались тѣсно связанными съ именемъ Новикова и его кружка. С. Ив. Гамалѣя былъ малороссъ. Онъ учился въ Кіевской духовной академіи; началъ службу во флотѣ, а потомъ былъ правителемъ канцеляріи у гр. Чернышева сначала въ Бѣлоруссіи, во время его управленія, а потомъ въ Москвѣ. Гамалѣя отличался глубоко-религіознымъ направленіемъ ума, высокой честностью и необыкновенной добротою. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ, что они «не отъ міра сего». Матеріальныя блага не имѣли для него никакого значенія. Такъ, во время службы его въ Бѣлоруссіи, ему было пожаловано въ награду за усердную службу 300 душъ крестьянъ. Гамалѣя отказался отъ нихъ, говоря, что и съ одною своею душою не знаетъ что дѣлать, а какъ же управиться съ 300 чужихъ душъ. Въ Москвѣ его обокралъ разъ слуга на 500 рублей и бѣжалъ. Когда укравшаго поймали и привели къ Гамалѣѣ, тотъ сказалъ ему: «видно мнѣ не суждено имѣть людей; отпускаю тебя. Вотъ деньги, которыя ты взялъ, ступай съ Богомъ». Гамалѣя познакомился съ Новиковымъ и Шварцемъ еще раньше перехода своего на службу въ Москву, во время случайной туда поѣздки. Переселившись въ Москву совсѣмъ, онъ еще болѣе сблизился съ ними и сталъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ ихъ кружка. Его наклонности къ религіозному мистицизму и къ филантропіи нашли себѣ здѣсь полное удовлетвореніе. Какъ человѣкъ бѣдный, Гамалѣя не могъ быть конечно полезенъ Новиковскому кружку съ матеріальной стороны;

но за то онъ приносилъ Обществу свою дѣятельность и свою нравственную силу. Онъ зналъ хорошо языки: нѣмецкій, латинскій и нѣкоторые восточные, очень много переводилъ и вообще помогалъ Обществу въ его литературныхъ предпріятіяхъ. Затѣмъ Гамалѣя клалъ очень много трудовъ и заботъ на то, чтобы проложить въ жизни путь молодымъ людямъ, которые учились на счетъ «Дружескаго Общества». Онъ пріискивалъ имъ мѣста, доставлялъ работу, слѣдилъ за направленіемъ ихъ дѣятельности и т. д. Наконецъ Гамалѣя пользовался такимъ уваженіемъ въ обществѣ, что уже одно имя его возвышало въ глазахъ всѣхъ то предпріятіе, съ которымъ оно было связано.

Что касается Ив. Вл. Лопухина, то онъ принадлежалъ къ знатной и богатой фамиліи. Онъ былъ внукъ двоюроднаго брата первой супруги Петра I, царицы Евдокіи Ѳедоровны. Въ ранней молодости Лопухинъ былъ вольнодумцемъ, но потомъ раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ. Прочитавъ изслѣдованіе Сен-Мартеня «О заблужденіяхъ и истинѣ» и книгу Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ», Лопухинъ такъ проникся этими сочиненіями, что рѣшился вступить на путь масонства. Вскорѣ по возвращеніи Шварца изъ за границы онъ познакомился съ нимъ и съ Новиковымъ и сдѣлался тоже однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ московскаго масонства и «Дружескаго Ученаго Общества».

Лопухинъ помогалъ Обществу и деньгами, и своими многочисленными литературными работами, какъ переводными, такъ и оригинальными. Кромѣ того онъ приносилъ много пользы своими связями и своимъ общественнымъ положеніемъ. Лопухинъ былъ тоже очень добрый и великодушный человѣкъ. Сдѣлавшись предсѣдателемъ уголовной палаты, онъ стремился всегда къ облегченію участи преступниковъ и осмѣливался держаться во многихъ случаяхъ своего отдѣльнаго мнѣнія по этому поводу.

Съ возвращеніемъ Шварца изъ за границы и съ поступленіемъ новыхъ членовъ, дѣятельность «Дружескаго Ученаго Общества» сильно оживилась. Рѣшено было расширить до наибольшей степени изданіе и распространеніе книгъ. Но русскихъ сочиненій было мало, а книги на иностранныхъ языкахъ находили небольшой сбытъ. Надо было увеличить количество переводчиковъ. Къ этому дѣлу рѣшено было привлечь юношество, обучавшееся въ университетѣ. Съ одной стороны это должно было давать ему честный заработокъ, а съ другой — могло подвинуть

впередъ дѣло просвѣщенія. Но такъ какъ и среди студентовъ хорошо переводить могли лишь немногіе, по незнанію языковъ, то рѣшено было основать при университетѣ «Переводческую Семинарію», въ которой молодые люди должны были обучаться языкамъ на счетъ «Др. Общ.» Главнокомандующій одобрилъ этотъ проэктъ, и среди служащихъ университета онъ тоже нашелъ сочувствіе. Такимъ образомъ, въ іюнѣ 1782 года основалась Переводческая Семинарія на 16 человѣкъ, изъ которыхъ шестерыхъ бралъ на свое иждивеніе Татищевъ, а 10 остальныхъ—прочіе члены «Др. Общества». Число студентовъ въ основанной въ 1779 г. Педагогической Семинаріи возросло въ этомъ году до 30 чел., на содержаніе которыхъ отпускалось по 100 р. на каждаго. Для помѣщенія семинаристовъ Обществомъ былъ купленъ на имя Шварца домъ. Просвѣтительные планы «Др. Общества» совпали въ это время съ планами нашего правительства. Такъ, 7-го сентября 1782 г., появился указъ объ учрежденіи Коммиссіи Народныхъ Училищъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Завадовскаго. Для организаціи этихъ школъ былъ выписанъ спеціалистъ по этой части, ученый сербъ Янковичъ де Миріево.

Въ это же время члены «Друж. Уч. Общества» стали хлопотать объ оффиціальномъ утвержденіи своего общества. Для этого они обратились съ формальною просьбою чрезъ оберъ-полицмейстера къ главнокомандующему и къ архіепископу московскому Платону. Въ октябрѣ было получено разрѣшеніе главнокомандующаго и благословеніе Платона на открытіе публичныхъ засѣданій «Дружескаго Общества».

6-го ноября 1782 г. происходило первое торжественное публичное засѣданіе общества въ обширной залѣ Татищевскаго дома. Въ числѣ публики былъ и главнокомандующій.

Въ то время, когда все, кажется, сулило успѣхъ и процвѣтаніе предпріятію Новикова и Шварца, надъ головою послѣдняго стали скопляться непріятности, которыя, постепенно увеличиваясь, заставили его наконецъ выдти изъ университета и были отчасти причиною его преждевременной смерти.

Освободившись отъ обязательныхъ занятій, Шварцъ сталъ ревностнѣе чѣмъ прежде заниматься масонскими дѣлами. Основавъ орденъ Розенкрейцеровъ въ Россіи, онъ скоро объявилъ его членамъ, что по полученнымъ имъ извѣстіямъ изъ Берлина они скоро будутъ зачислены въ тамошній капитулъ, но что для этого надо послать

прошеніе въ Берлинъ. Новиковъ, относившійся недовѣрчиво къ неизвѣстнымъ ему заграничнымъ масонскимъ ложамъ, колебался подавать прошеніе и спрашивалъ у Шварца о цѣляхъ заграничнаго братства и нѣтъ ли въ нихъ чего нибудь противнаго христіанской вѣрѣ и правительственной власти. Шварцъ увѣрилъ его въ противномъ и говорилъ, что тайны Розенкрейцерскаго ученія ведутъ кратчайшимъ путемъ къ познанію Бога, человѣка и природы. Тогда Новиковъ отдалъ ему прошеніе отъ себя, а также отъ своего брата Алексѣя Ивановича, отъ Гамалѣи, Лопухина, Тургенева, Кутузова и Чулкова. Кромѣ того прошенія подали князья Трубецкіе, князь Черкасскій, князь Энгалычевъ. Весной 1783 года изъ Берлина пришло извѣстіе, что члены, подавшіе прошеніе, зачислены въ Розенкрейцерское братство и что управленіе московскимъ отдѣломъ поручено Шварцу. Тутъ кстати будетъ замѣтить, что за послѣднее время между Новиковымъ и Шварцемъ возникали частыя недоразумѣнія и явилось даже нѣкоторое охлажденіе въ отношеніяхъ изъ за масонства. Шварцъ упрекалъ Новикова, что тотъ слишкомъ холодно относится къ масонскимъ дѣламъ. А Новиковъ съ своей стороны удерживалъ Шварца отъ излишнихъ увлеченій высшими степенями и заграничными системами. Новиковъ дѣйствительно относился холоднѣе другихъ къ масонскимъ упражненіямъ, во 1-хъ потому, что занятъ былъ типографскими и издательскими дѣлами; а затѣмъ онъ всегда и раньше относился не только холодно, но даже враждебно ко всевозможнымъ масонскимъ обрядамъ и формамъ. Для него была важна сущность масонства, его идея. Проникнувшись ею, онъ старался всевозможными путями провести ее въ жизнь и въ этомъ находилъ свое удовлетвореніе.

1783 годъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ дѣятельности «Дружескаго ученаго общества». Засѣданія его велись публично. На нихъ, кромѣ денежныхъ отчетовъ, читались письма, получаемыя обществомъ, разные педагогическіе проэкты, произносились назидательныя рѣчи и пр. Число воспитанниковъ въ двухъ семинаріяхъ—педагогической и переводческой—достигало 50 человѣкъ. Пожертвованія дѣлались въ такомъ изобиліи, что, кромѣ изданія полезныхъ книгъ и содержанія семинаристовъ, часть денегъ могла быть удѣляема на филантропическія дѣла, какъ напр. на устройство больницы для бѣдныхъ. Кромѣ всего этого, общество получило возможность, благодаря указу прави-

тельства о вольныхъ типографіяхъ, съ января 1783 г. расширить свою типографскую и издательскую дѣятельность. До 1783 г. типографіи принадлежали исключительно правительству и существовали при казенныхъ учрежденіяхъ; а 15 января 1783 г. вышелъ указъ, которымъ правительство, озабоченное въ то время тоже вопросомъ о просвѣщеніи, разрѣшало заводить типографіи каждому, кто захочетъ. Вслѣдствіе этого въ столицахъ открылось постепенно много типографій. Формальности, необходимыя при печатаніи книгъ, не были строго опредѣлены. Въ столицахъ правила цензуры возлагались на управу благочинія, а въ провинціяхъ—на мѣстныя полицейскія власти. Но объ нихъ не было дано никакихъ спеціальныхъ инструкцій. На заглавномъ листѣ книги выставлялась только общая форма: «печатано въ такой-то типографіи, въ такомъ-то году, съ указнаго дозволенія». «Друж. Об.» не замедлило воспользоваться этимъ указомъ. До сихъ поръ оно имѣло возможность печатать книги, признаваемыя имъ полезными, лишь въ университетской типографіи. Но Новиковъ долженъ былъ въ ней печатать и много вещей, чуждыхъ цѣлямъ общества, отчасти по оффиціальнымъ порученіямъ, а отчасти для полученія средствъ на плату аренды университету. Теперь общество получило возможность основать типографіи, которыя отвѣчали бы только ея цѣлямъ. Поэтому въ томъ же году основано было 2 типографіи. Одна—на имя Новикова, а другая—на имя Лопухина. Кромѣ того, около этого же времени, основана была собственно розенкрейцерами «тайная» типографія, т. е. не числившаяся въ общемъ счету. Она помѣщалась въ домѣ Шварца и состояла изъ двухъ станковъ, на которыхъ работали рабочіе-нѣмцы, не имѣвшіе никакого сообщенія съ прочими и получавшіе отдѣльную плату. Въ ней печатались въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ книги, особенно важныя для масоновъ. Это были переводы съ французскаго и нѣмецкаго, сдѣланные самими розенкрейцерами. Корректуру держалъ Лопухинъ, и листы, представленные въ цензуру, держалъ у себя. Книги эти раздавались даромъ избраннымъ, а въ продажу не поступали. Не розданные экземпляры книгъ тщательно скрывались.

По примѣру Новикова частныя типографіи стали открываться съ этого времени и въ провинціи. По его же примѣру стали открываться въ Москвѣ и книжныя лавки, а самъ онъ завелъ нѣсколько книжныхъ лавокъ въ провинціальныхъ городахъ.

Въ концѣ 1783 г. оба главнѣйшихъ дѣятеля «Друж. Общества», Новиковъ и Шварцъ, тяжко захворали. Новиковъ, проболѣвъ 4 мѣсяца, поправился, а Шварцъ, силы котораго давно уже были подорваны и чрезмѣрными трудами и непріятностями, не перенесъ болѣзни и умеръ 17 февраля 1784 года въ имѣньѣ князя Николая Никитича Трубецкаго, имѣя только 33 года отъ роду.

Смерть Шварца была тяжелою утратою не только для друзей его и для «Друж. Уч. Общества», но и для университетскаго юношества, которое привыкло видѣть въ немъ высшій авторитетъ, человѣка почти идеальной честности и благородства и искренняго наставника и друга.

Послѣ смерти Шварца домъ его у Меньшиковой башни перешелъ, вѣроятно, по его предсмертному распоряженію, въ вѣдѣніе Общества. Воспитанники семинаріи, состоявшіе на иждивеніи Общества и жившіе въ этомъ домѣ, были поручены попеченію князя Энгалычева. Женѣ своей и дѣтямъ Шварцъ ничего не оставилъ, но, по предложенію Новикова, Общество назначило имъ пенсію, а кромѣ того, Татищевъ далъ отъ себя женѣ Шварца 28.000 рублей.

Въ 1784 г. вскорѣ послѣ смерти Шварца «Дружеское Общество» приступило къ основанію крупнаго коммерческаго предпріятія, получившаго вскорѣ очень большое значеніе. Предпріятіемъ этимъ было основаніе «Типографической компаніи». «Дружеское Общество», имѣя въ виду педагогическія и просвѣтительныя цѣли, не могло не считать для себя важнымъ правильную и прочную постановку типографскаго и издательскаго дѣла. До сихъ поръ типографія была исключительно въ рукахъ Новикова и дѣло шло хорошо. Но Новиковъ, какъ и всякое частное лицо, былъ подверженъ разнымъ случайностямъ. Слѣдовало поэтому создать центръ, который былъ бы отъ нихъ независимъ и обезпеченъ матеріально взносами участниковъ, связанныхъ съ нимъ общими интересами. Поэтому рѣшили составить въ складчину капиталъ, распоряжаться которымъ сообща должны были пайщики, по заключенному между собою формальному контракту. На собранныя средства рѣшено было основать обширную типографію, покупать книги для переводовъ, рукописи для изданій и т. п. Для управленія этимъ дѣломъ пайщики выработали особыя правила. Компанія составилась изъ 14 человѣкъ.

Управленіе дѣлами поручено было: Н. Ив. Новикову, Гамалѣѣ, Ив. Вл. Лопухину, Кутузову, бар. Шредеру и двумъ

Трубецкимъ. Остальные члены собирались только на общія собранія. Въ фондъ «Типографической компаніи», кромѣ значительныхъ денежныхъ взносовъ, вошло также и имущество, принадлежавшее «Друж. Обществу», какъ напр. домъ, числившійся за Шварцемъ, разныя типографскія принадлежности, книги, типографія Лопухина, и впослѣдствіи даже частное имущество, какъ напр. типографія Новикова. Капиталъ «Типографической компаніи» составился изъ взносовъ—въ общей сложности на сумму 57 тыс. рублей. Братья Новиковы передали компаніи вмѣсто денегъ книгъ на 80 тыс. руб., по оцѣнкѣ 25 к. за рубль обыкновенной продажной цѣны. Гамалѣя и кн. Энгалычевъ были приняты въ число членовъ безъ взноса. Распоряженіе всѣми этими капиталами было предоставлено Н. И. Новикову, какъ самому уважаемому члену и самому опытному человѣку въ типографскомъ и издательскомъ дѣлѣ.

Первымъ дѣломъ компаніи было завести обширную типографію на 20 становъ, которая считалась принадлежащей не частному лицу, а цѣлому товариществу. Помѣщалась она сначала тоже въ домѣ Новикова, который былъ душою всего предпріятія. Онъ не только управлялъ типографіею въ тѣсномъ смыслѣ, но кромѣ того заказывалъ переводы, просматривалъ рукописи, велъ переговоры съ переводчиками и сочинителями. До какой степени добросовѣстно Новиковъ относился къ издательскому дѣлу, до какой степени боялся кого нибудь оттолкнуть отъ него и напротивъ старался всѣми силами привлечь къ литературѣ, видно изъ слѣдующихъ фактовъ: онъ платилъ небывалыя по тому времени цѣны за переводы, а произведенія оригинальныя оплачивалъ еще лучше. Иной разъ ему случалось покупать два-три перевода одного и того же произведенія; онъ выбиралъ лучшій и печаталъ, остальные сжигалъ; но никогда не отказывался принять лишній переводъ, чтобы не отбить у переводчиковъ охоту къ работѣ.

Говоря объ издательской и литературной дѣятельности Новикова въ Москвѣ, мы почти не упоминали о журнальной его дѣятельности за это время. Не желая говорить о каждомъ изъ журналовъ въ отдѣльности, постараемся указать общее ихъ содержаніе и направленіе.

По переѣздѣ въ Москву, Новиковъ продолжалъ изданіе «Утренняго Свѣта» до конца 1780 года. Покончивъ съ этимъ журналомъ, онъ съ 1781 года начинаетъ издавать другой, подъ

названіемъ: «Московское ежемѣсячное изданіе, заключающее въ себѣ собраніе разныхъ лучшихъ статей, касающихся до нравоученія, политической и ученой исторіи и пр.». Изданіе это служило продолженіемъ «Утренняго Свѣта» и отвѣчало тѣмъ же цѣлямъ, т. е. издавалось въ пользу двухъ Петербургскихъ училищъ, Екатерининскаго и Александровскаго, существовавшихъ до 1782 года. Продолженіемъ «Московскаго ежемѣсячнаго изданія» явилась въ 1782 г. «Вечерняя Заря». Наконецъ въ 1784 г. вышелъ послѣдній Новиковскій журналъ, служившій продолженіемъ «Вечерней Зари»,—«Покоящійся Трудолюбецъ».

О содержаніи журнала «Утренній Свѣтъ» мы уже говорили. Что же касается до остальныхъ трехъ журналовъ, то, при большомъ разнообразіи содержанія каждаго изъ нихъ, они отличаются строгимъ единствомъ направленія. Въ нихъ читатель находитъ статьи философскаго характера, психологическія, педагогическія, сатирическія, статьи по общественнымъ вопросамъ, научныя и наконецъ масонскія въ тѣсномъ смыслѣ. Послѣднихъ впрочемъ очень немного. При этомъ всѣ три журнала представляютъ цѣльное и серьезное міросозерцаніе почти по каждому изъ указанныхъ вопросовъ.

Всѣ статьи проникнуты глубокимъ уваженіемъ къ разуму и къ мышленію, причемъ нравственность и различныя душевныя способности, какъ то: воля, совѣсть, страсти человѣческія ставятся отъ него въ прямую зависимость. Еще въ «Утреннемъ Свѣтѣ» говорится, что «непросвѣщеніе ума и необузданность сердца всегда вмѣстѣ». Въ «Московск. изд.» говорится, что «мышленіе есть жизнь» и что «истинная мудрость тѣсно связана съ доброй нравственностью».

Высокое значеніе, отводимое журналами разуму и мышленію, возвышаетъ и значеніе науки. «Невѣжество», говоритъ «Моск. Изд.», «есть ядовитый источникъ, изъ коего проистекаютъ всѣ мученія, обременяющія вселенную: слѣпое суевѣріе, беззаконіе и варварство, уничтожающее искусство, суть его спутники». Признавая громадную роль разума, Новиковъ проповѣдуетъ однако и необходимость вѣры, которая должна являться тамъ, гдѣ разумъ безсиленъ. Разумъ и вѣра должны подкрѣплять и дополнять другъ друга, потому что разумъ безъ вѣры приводитъ къ отрицанію Бога и священнаго писанія, къ ученію энциклопедистовъ, противъ которыхъ Новиковъ вооружается во всѣхъ своихъ журналахъ. Съ

другой стороны, вѣра, не руководимая разумомъ, приводитъ къ суевѣрію и фанатизму, противъ которыхъ издатель вооружается едва ли еще не болѣе, чѣмъ противъ энциклопедистовъ. За послѣдними онъ все таки признаетъ нѣкоторыя научныя заслуги, первыхъ же считаетъ безусловно вредными.

Сатира Новикова, почти не замѣтная въ «Утреннемъ Свѣтѣ», усиливается въ «Московскомъ Изданіи» и является наконецъ въ полномъ блескѣ въ двухъ послѣднихъ журналахъ—въ «Вечерней Зарѣ» и «Покоящемся Трудолюбцѣ». Сатира эта—не менѣе яркая, чѣмъ въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ»,—носитъ еще болѣе серьезный, еще болѣе скорбно-негодующій характеръ. Она направлена противъ коренныхъ недостатковъ русскаго общества, противъ невѣжества, противъ пустой и безсмысленной жизни, въ которой отсутствуютъ всякіе идеалы, противъ ханжества, лицемѣрія, пустосвятства, взяточничества и пр. Попрежнему особенною рѣзкостью и скорбью звучатъ его сатиры, бичующія жестокое и безчеловѣчное отношеніе къ крестьянамъ. Крестьянскій вопросъ есть одинъ изъ тѣхъ, которые Новиковъ затрогивалъ рѣшительно во всѣхъ своихъ журналахъ. Изъ всѣхъ его сатиръ и статей, касающихся положенія крестьянъ, нельзя не вывести заключенія, что онъ былъ горячій и искренній противникъ крѣпостнаго права и имѣлъ смѣлость высказывать свои взгляды безъ всякаго стѣсненія. Кромѣ крестьянскаго вопроса въ области публицистики Новиковъ касается еще женскаго вопроса. Онъ говоритъ, что женщинѣ образованіе необходимо также, какъ и мужчинѣ, и что семейное счастіе возможно только при условіи, чтобы жена могла раздѣлять интересы мужа. Затѣмъ Новиковъ возстаетъ противъ различныхъ общественныхъ предразсудковъ, какъ напр. противъ дуэлей. Онъ говоритъ, что честь свою можно защитить только добродѣтельной жизнью; поединокъ-же является преступленіемъ противъ общества, такъ какъ каждый человѣкъ созданъ для общественной жизни. Новиковъ вообще врагъ всякаго насилія и врагъ войны. Онъ признаетъ только войну оборонительную и ставитъ идеаломъ братство народовъ. Вопросовъ политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней, онъ, по обстоятельствамъ времени, мало касался. Тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ напр. о честности въ политикѣ; не высказываясь опредѣленно относительно той формы правленія, которая предпочитается имъ, онъ рисуетъ передъ читателемъ идеалъ государя, могущаго, по его мнѣнію, доставлять счастье подданнымъ.

Такой государь долженъ слѣдовать неуклонно законамъ, быть доступенъ для всѣхъ и умѣть владѣть своими страстями. Онъ обязанъ стремиться къ улучшенію положенія своихъ подданныхъ, уменьшая налоги, покровительствуя наукамъ, искусствамъ и торговлѣ, а также преслѣдуя мирную политику относительно другихъ державъ. Въ области внутренней политики Новиковъ высказывается за равномѣрное распредѣленіе налоговъ на всѣхъ гражданъ, безъ различія званія. Статьи научнаго характера по естествовѣдѣнію, этнографіи, исторіи и пр. имѣютъ мѣсто преимущественно въ двухъ послѣднихъ журналахъ, т. е. въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» и «Вечерней Зарѣ».

Ко всему сказанному нами о московскихъ журналахъ Новикова прибавимъ еще слѣдующее.

Разсматривая содержаніе «Утренняго Свѣта», мы указывали, что большая часть статей въ этомъ журналѣ были переводныя. Въ послѣдующихъ журналахъ, сотрудниками которыхъ являлись во множествѣ окончившіе студенты и питомцы «Дружескаго общества»,—мы замѣчаемъ постоянное увеличеніе оригинальныхъ статей насчетъ переводныхъ.

Переводныхъ статей достаточно конечно и въ этихъ журналахъ, но онѣ не играютъ уже такой первенствующей роли, какъ въ «Утреннемъ свѣтѣ». Это заставляетъ насъ думать, что въ промежуткѣ времени между изданіемъ «Утренняго свѣта» и «Покоящагося трудолюбца» успѣлъ уже выработаться въ достаточномъ количествѣ свой русскій писатель, вытѣснившій до нѣкоторой степени переводы со страницъ журналовъ.

Кромѣ того, въ теченіи десятилѣтняго существованія «Московскихъ Вѣдомостей», подъ редакціей Новикова при нихъ выходили въ видѣ прибавленій журналы: «Экономическій Магазинъ», «Городская и деревенская библіотека» и «Дѣтское чтеніе», а также отдѣльные листы такъ назыв. «Приложеній». Въ этихъ прибавленіяхъ Новиковъ давалъ интересныя популярныя статьи по исторіи, географіи, естествовѣдѣнію и др. Особенно замѣчательны его педагогическія статьи въ «Приложеніяхъ» за 1783—84 г.г., изъ которыхъ нѣкоторыя вѣроятно принадлежатъ его собственному перу. Въ нихъ затрогиваются всѣ существенные вопросы педагогики, и въ своей совокупности онѣ представляютъ цѣлый курсъ воспитанія. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что взгляды, заключающіеся въ этихъ статьяхъ, не только не устарѣли до нашего

времени и не стоятъ ниже современныхъ идеаловъ педагогики, но во многомъ представляютъ еще до сихъ поръ цѣль, которую желательно было бы достигнуть. Мы не станемъ излагать здѣсь въ подробностяхъ педагогическіе взгляды Новикова; скажемъ только, что, признавая тѣсную связь между воспитаніемъ и образованіемъ, онъ ставитъ цѣлью ихъ приготовленіе хорошихъ гражданъ и счастливыхъ людей и что въ то время, когда въ русской жизни вообще, а въ воспитаніи въ особенности практиковались совершенно Домостроевскіе пріемы, Новиковъ проповѣдывалъ гуманность въ обращеніи съ дѣтьми, отрицалъ пользу тѣлесныхъ наказаній и требовалъ уваженія къ личности ребенка и признанія ея самостоятельности.

ГЛАВА V.

Первыя тучки на горизонтѣ общественной дѣятельности Новикова.—Столкновеніе съ коммиссіей народныхъ училищъ и іезуитами.—Враждебное отношеніе къ московскимъ масонамъ графа Брюса.—Екатерина II поручаетъ архіепископу Платону разсмотрѣть всѣ книги, изданныя Новиковымъ и „испытать его въ законѣ Божіемъ".—Указы и комедіи императрицы, направленныя противъ масоновъ.—Допросъ Новикова въ губернскомъ правленіи.—Закрытіе масонскихъ ложъ въ Москвѣ.—Общій голодъ въ 1787 г.—Воспрещеніе печатать книги духовнаго содержанія въ свѣтскихъ типографіяхъ.—У Новикова отбираютъ университетскую типографію и „Московскія Вѣдомости".—Общая характеристика Новиковскихъ изданій.

Мы видѣли, что до сихъ поръ дѣятельность Новикова развивалась почти безпрепятственно. Особенно хорошо шли его дѣла въ Москвѣ, гдѣ съ самаго начала и до 1784 года ему не пришлось вынести ни одной непріятности со стороны оффиціальныхъ лицъ. Хотя императрица давно уже отъ него отвернулась, но ничѣмъ пока не выражала своего къ нему недоброжелательства. Происходило это, можетъ быть, отчасти потому, что Новиковъ дѣйствовалъ далеко отъ нея, а лица, стоявшія во главѣ управленія Москвою, относились къ нему не только снисходительно, но явно ему покровительствовали; а съ другой стороны, вѣроятно, просто не представлялось повода для его преслѣдованія.

Въ августѣ 1784 г. счастье измѣняетъ Новикову и для него начинается цѣлый рядъ непріятностей, сначала мелкихъ, а потомъ все болѣе и болѣе значительныхъ, которыя привели наконецъ къ полному прекращенію его дѣятельности и къ его аресту.

Первая непріятность произошла собственно изъ за пустяковъ. Коммиссія народныхъ училищъ въ Петербургѣ, издавая учебники для вновь открытыхъ ею школъ, заключила контрактъ съ нѣкіимъ Бернардомъ Брейткопфомъ, по которому она обязывалась печа-

тать всѣ свои изданія исключительно въ его типографіи втеченіи шести лѣтъ. Между тѣмъ коммиссія усмотрѣла, что въ университетской книжной лавкѣ въ Москвѣ и въ петербургской книжной лавкѣ коммиссіонера Артамонова продаются двѣ книги: «Сокращенный катехизисъ» и «Руководство къ чистописанію», перепечатанныя Новиковымъ въ своей типографіи. Находя эти дѣйствія нарушающими права Брейткопфа и вредящими интересамъ казны, коммиссія отнеслась бумагою къ графу Чернышеву, прося его разслѣдовать, кѣмъ и сколько именно перепечатано въ Москвѣ книгъ ею изданныхъ, описать имѣющіеся на лицо перепечатанные экземпляры и продать ихъ въ ея пользу, а также взыскать съ виновныхъ деньги, полученные за проданныя уже экземпляры, и представить ихъ въ коммиссію.

Въ то время, когда посылалась эта бумага, гр. Чернышевъ, искренно расположенный къ Новикову, умеръ и бумага была принята временно исполнявшимъ должность главнаго начальника, оберъ-полицмейстеромъ Архаровымъ, который распорядился объ отобраніи тотчасъ-же отъ Новикова свѣдѣній по этому вопросу. Новиковъ показалъ, что онъ не только перепечаталъ указанныя 2 книги, но что готовится перепечатать еще два учебника, изданныхъ коммиссіею начальныхъ училищъ, и что дѣлалъ онъ это по приказанію покойнаго графа Чернышева, полученному имъ оффиціально, на бумагѣ, отъ правителя канцеляріи графа Чернышева—Гамалѣи. Кромѣ того, это приказаніе было подтверждено 2 раза устно генеральсъ-адъютантами графа. Цѣна на вышеуказанные учебники была тоже назначена самимъ гр. Чернышевымъ. Генеральсъ-адъютанты И. П. Тургеневъ и Н. И. Ртищевъ вполнѣ подтвердили показанія Новикова. Тѣмъ не менѣе съ нимъ по видимому было поступлено такъ, какъ предписывала коммиссія.

Въ это же время съ Новиковымъ случилась и другая непріятность, гораздо болѣе серьезнаго характера. Онъ навлекъ на себя неудовольствіе самой императрицы по слѣдующему поводу: въ половинѣ 18-го столѣтія, орденъ іезуитовъ потерпѣлъ повсемѣстно въ Европѣ пораженіе и сталъ отовсюду изгоняться. Гонимые іезуиты нашли убѣжище въ Россіи и съумѣли заинтересовать своей участью и расположить къ себѣ императрицу и многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Между тѣмъ Новиковъ, въ одномъ изъ своихъ «Прибавленій» къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» 1784 года, напечаталъ «Исторію ордена іезуитовъ». Авторъ этой статьи

разсказываетъ исторію возникновенія ордена, отличіе его отъ другихъ монашескихъ орденовъ, цѣли его и средства, къ которымъ прибѣгали іезуиты для ихъ достиженія. Авторъ отнеeся довольно снисходительно къ іезуитамъ; онъ призналъ за ними даже нѣкоторыя заслуги. Такъ напр. онъ говоритъ, что этотъ орденъ далъ изъ себя болѣе ученыхъ, чѣмъ какой либо другой, что іезуиты были искусными воспитателями и способствовали просвѣщенію и успѣху наукъ и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ ставитъ іезуитамъ и нѣкоторыя обвиненія. Такъ напр. онъ говоритъ, что іезуиты желали создать государство въ государствѣ, что цѣли ихъ были направлены къ пріобрѣтенію власти и къ обогащенію, а средства, употребляемыя для достиженія этихъ цѣлей, были часто непозволительны и пр.

Іезуиты быстро сообразили, что, не смотря на всю сдержанность этой статьи, она для нихъ невыгодна. Они обратили на нее вниманіе императрицы и постарались ей внушить, что появленіе статьи, направленной противъ лицъ, которымъ она покровительствуетъ, есть актъ неуваженія къ ней. Императрица разсердилась и послала полицемейстеру Архарову указъ о запрещеніи печатать въ Москвѣ «ругательную исторію іезуитскаго ордена», а если она уже вышла—отобрать ея экземпляры у получившихъ ее лицъ. Приказаніе это было въ точности исполнено.

Не смотря однако на эти непріятности, дѣятельность «Дружескаго общества» продолжала еще развиваться и оно пріобрѣтало все новыхъ, полезныхъ для себя членовъ.

Такъ, въ 1785 году къ нему присоединились еще два замѣчательныхъ человѣка: Григорій Максимовичъ Походяшинъ и будущій историкъ Н. М. Карамзинъ.

Премьеръ-маіоръ Походяшинъ былъ сынъ богатѣйшаго купца, который самъ былъ личностью выдающеюся по уму, энергіи и предпріимчивости. Максимъ Михайловичъ Походяшинъ былъ когда-то крестьяниномъ Казанской губ. и занимался извозомъ въ Верхотурьѣ. Случайно онъ открылъ пріиски мѣдной руды, выхлопоталъ себѣ ссуду отъ казны на ея разработку и сталъ богатѣть. Этотъ-то замѣчательный человѣкъ, любившій самъ жить просто, по старинному, — воспиталъ дѣтей своихъ по новому, не жалѣя для того никакихъ средствъ. Григорій Максимовичъ былъ младшимъ сыномъ, служилъ въ гвардіи и въ чинѣ премьеръ-маіора вышелъ въ отставку. Еще будучи на службѣ въ

Петербургѣ, онъ поступилъ въ масоны, а по пріѣздѣ въ Москву въ 1785 г. познакомился съ Новиковымъ и сдѣлался его усерднымъ почитателемъ. Здѣсь онъ получилъ теоретическій масонскій градусъ и сдѣлался, такимъ образомъ, членомъ кружка московскихъ масоновъ.

Н. М. Карамзинъ, въ то время еще совсѣмъ юноша, примкнулъ къ членамъ «Дружескаго ученаго общества» благодаря содѣйствію Ив. П. Тургенева, познакомившагося съ нимъ въ Симбирскѣ. Тургеневъ былъ симбирскій помѣщикъ и, проживая въ 1785 году въ Симбирскѣ по дѣламъ имѣнья, встрѣтился въ обществѣ съ Карамзинымъ, игравшимъ тамъ большую роль. Карамзинъ былъ уже тогда въ отставкѣ, въ чинѣ поручика. Тургеневъ, выдѣлившій сразу Карамзина изъ окружавшей его среды, вскорѣ сошелся съ нимъ, и, оцѣнивъ его умъ и блестящія способности, сталъ говорить ему, что грѣшно тратить такія дарованія исключительно на свѣтскія удовольствія, что есть другія, высшія цѣли въ жизни. Онъ убѣждалъ Карамзина ѣхать въ Москву и примкнуть къ дѣятельности его кружка. Карамзинъ согласился, переѣхалъ въ Москву и сошелся тутъ съ членами «Дружескаго общества». Послѣдніе стали всячески помогать ему въ довершеніи образованія и въ занятіяхъ литературными трудами.

Карамзинъ поселился въ бывшемъ домѣ Шварца, вмѣстѣ съ Петровымъ, съ которымъ онъ былъ уже давно знакомъ и даже друженъ. Петровъ принималъ близкое участіе въ литературныхъ дѣлахъ «Дружескаго общества». Онъ занимался переводами для его изданій и редактировалъ съ 1785 г. журналъ «Дѣтское чтеніе», въ которомъ Карамзинъ помѣщалъ свои первые труды. Четыре года проработалъ Карамзинъ подъ руководствомъ Новиковскаго кружка. Этотъ серьезный трудъ и постоянное общеніе съ самыми лучшими и образованными людьми того времени имѣли большое вліяніе на развитіе его таланта. Карамзинъ скоро отрекся отъ солидарности сь масонскимъ ученіемъ, но навсегда сохранилъ дружескія отношенія къ Новикову и благодарныя воспоминанія о членахъ его кружка.

Въ 1785 г. «Дружескимъ обществомъ» совершена была покупка обширнаго зданія, которое, будучи перестроено сообразно нуждамъ общества, могло вмѣстить нѣсколько разнородныхъ его учрежденій. Домъ этотъ, принадлежавшій прежде Гендриковымъ, былъ купленъ сначала на имя бар. Шредера, но потомъ Шредеръ

отказался отъ него, за неимѣніемъ денегъ, и онъ былъ перекупленъ на имя «Типографической К°». Перестройкой его занимался Н. И. Новиковъ. Въ домѣ помѣстились: компанейская типографія и работавшіе въ ней рабочіе, а также аптека, устроенная обществомъ, изъ которой бѣднякамъ выдавались даромъ лекарства. Члены общества покупали за границей разные медикаменты и вводили въ Россію употребленіе неизвѣстныхъ въ ней доселѣ лекарствъ.

Въ этомъ же домѣ помѣщались: вдова Шварца съ дѣтьми, Гамалѣя и братъ Николая Ивановича—Алексѣй Ивановичъ Новиковъ. Тутъ же было устроено помѣщеніе и для розенкрейцерскихъ собраній.

Здѣсь надо упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ впослѣдствіи значеніе для Новикова. Баронъ Шредеръ, купившій было вначалѣ Гендриковскій домъ, а потомъ отъ него отказавшійся, пожелалъ послѣ этого выдѣлиться изъ компаніи и совершить сдѣлку, выгодную для него и невыгодную для компаніи. Новиковъ, понявшій разсчеты Шредера и знавшій лучше, чѣмъ кто либо другой, дѣла товарищества, воспротивился этой сдѣлкѣ, склонивъ и другихъ членовъ къ поддержкѣ своего мнѣнія. Послѣдствіемъ этого была ненависть бар. Шредера къ Новикову и желаніе ему отмстить. Въ этомъ же году при типографіи Новикова, въ числѣ другихъ рѣдкихъ книгъ, вышло замѣчательное сочиненіе Сен-Мартеня «О заблужденіи и истинѣ», въ переводѣ П. И. Страхова, бывшаго впослѣдствіи профессоромъ Московскаго университета. Въ 1785 г. Страховъ отправлялся учиться за границу на счетъ «Дружескаго общества».

Не смотря однако на такое видимое процвѣтаніе дѣлъ общества, члены его не пользовались больше такою свободою въ своихъ поступкахъ, какъ при графѣ Чернышевѣ. У нихъ теперь явился сильный врагъ въ Москвѣ. Врагомъ этимъ былъ графъ Брюсъ, человѣкъ суровый и деспотичный. Брюсъ ненавидѣлъ масоновъ, подозрѣвая ихъ въ проповѣдываніи идей, подрывающихъ власть и существующій порядокъ. Онъ выражалъ свою антипатію къ нимъ открыто, говоря, что будетъ дѣлать имъ всякое зло. Такимъ образомъ, всѣ масоны, служившіе подъ начальствомъ графа Чернышева, какъ Гамалѣя, Тургеневъ и Лопухинъ, должны были выдти въ отставку. Брюсъ писалъ часто донесенія противъ масоновъ императрицѣ и вообще вредилъ имъ, гдѣ только могъ. Такъ,

когда Екатерина въ 1785 г. пріѣхала неожиданно въ Москву изъ Тверской губ., гдѣ она осматривала водяное сообщеніе, онъ не упустилъ случая наговорить на масоновъ и успѣлъ сильно возстановить ее противъ нихъ. Въ это время въ З. Европѣ случилось событіе, благодаря которому правительство наше стало смотрѣть на масоновъ еще съ бо́льшимъ недовѣріемъ и даже враждебностью.

Мы уже говорили объ ученіи масонскаго ордена иллюминатовъ. Хотя оно открылось вполнѣ послѣ уничтоженія ихъ ордена, но и до этого времени иллюминаты возбуждали всеобщее недовѣріе въ Европѣ. Въ послѣднее время они, вмѣстѣ съ главою своимъ Вейсгауптомъ, нашли убѣжище въ Баваріи.

Однако Карлъ Теодоръ, курфирстъ баварскій, убѣдившись, благодаря неосторожности нѣкоторыхъ членовъ, въ преступности ихъ замысловъ, уничтожилъ орденъ указомъ въ августѣ 1785 г. Бумаги ордена были опечатаны и открыли свѣту истинныя цѣли иллюминатовъ. Всѣ правительства Европы заволновались, узнавъ, какая опасность угрожала ихъ спокойствію. Волненіе это не могло не отразиться и въ Петербургѣ. Къ московскимъ масонамъ, или—какъ ихъ всѣ называли—«Мартинистамъ», стали относиться еще хуже. Зложелательные языки не замедлили обвинить ихъ въ иллюминатствѣ. На самомъ дѣлѣ мартинисты не только были далеки отъ иллюминатства, но относились къ нему враждебно, такъ какъ еще раньше получали изъ Берлина циркуляры, которыми ихъ предостерегали отъ иллюминатовъ, какъ отъ людей, преслѣдующихъ политическія цѣли.

Въ данное время, въ виду волнующихъ общество обстоятельствъ, изъ Берлина пришелъ новый циркуляръ, подтверждавшій предостереженіе. Но у мартинистовъ, умѣвшихъ создать себѣ много почитателей, было вмѣстѣ съ тѣмъ и много враговъ. Одни видѣли въ нихъ шарлатановъ, которые прикрываются религіозными цѣлями для уловленія въ свои сѣти богатыхъ людей; духовенство считало ихъ какой-то особенной сектой, извращающей догматы православной церкви; люди болѣе серьезные подозрѣвали ихъ въ опасныхъ политическихъ замыслахъ, въ желаніи создать какую-то особенную отъ правительства власть въ государствѣ, а въ ихъ филантропическихъ и просвѣтительныхъ дѣлахъ видѣли просто способъ привлечь къ себѣ больше сторонниковъ и замаскировать свои истинныя цѣли. Такимъ образомъ смотрѣла на нихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и Екатерина. Настроен-

ная противъ мартинистовъ, она отправила въ октябрѣ 1785 г. въ Москву два указа: одинъ—графу Брюсу, другой—архіепископу Платону; указами этими повелѣвалось прозвести осмотръ всѣхъ имѣвшихся въ Москвѣ частныхъ училищъ, школъ и пансіоновъ, съ цѣлью узнать, какъ преподается въ нихъ Законъ Божій. «При этомъ долженствуетъ быть наблюдаемо», говорится въ указѣ, *«чтобы тутъ всякое суевѣріе, развращеніе и соблазнъ терпимы не были»*, чтобы книги были употребляемы преимущественно тѣ, которыя изданы коммиссіей по народному образованію, и чтобы въ учителя были выбираемы лица «по полнымъ одобреніямъ въ ихъ нравахъ и образѣ мыслей». Ясно, на кого мѣтила императрица, издавая эти указы. Въ декабрѣ графъ Брюсъ и архіепископъ Платонъ получили новые указы. Брюсу предписывалось черезъ губернскаго прокурора сдѣлать опись книгамъ, изданнымъ Новиковымъ, и эту опись, вмѣстѣ съ экземпляромъ каждаго сочиненія, препроводить для разсмотрѣнія архіепископу Платону. Въ указѣ Платону сообщалось о распоряженіяхъ, данныхъ Брюсу, и кромѣ того предписывалось ему призвать Новикова и испытать его въ Законѣ Божіемъ, а книги его разсмотрѣть и донести обо всемъ императрицѣ и Синоду—«не скрывается ли въ нихъ умствованій, не сходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры православной и гражданской должности». Далѣе говорится, что на основаніи полицейскихъ учрежденій всѣ книги, выходящія изъ печати, подвергаются цензурѣ, а такъ какъ иныя изъ нихъ касаются религіозныхъ вопросовъ, то архіепископъ долженъ назначить духовныхъ цензоровъ, которые должны будутъ разсматривать книги этого рода.

Московскій губернскій прокуроръ, получивъ предписаніе отъ Брюса, сдѣлалъ опись книгамъ, продававшимся у Новикова и отправилъ эту опись, съ приложеніемъ по экземпляру каждаго сочиненія, архіепископу Платону. Разсмотрѣнію подвергалось 461 сочиненіе. 11 января 1786 года Новиковъ былъ призванъ къ Платону, для испытанія его въ Законѣ Божіемъ. Ему было предложено 12 вопросовъ, на которые онъ долженъ былъ отвѣчать письменно. Изъ нихъ 11 касались собственно правовѣрія Новикова. Онъ долженъ былъ отвѣчать: признаетъ ли онъ бытіе Божіе, безсмертіе души и проч. Въ 12-мъ же спрашивалось: признаетъ ли онъ себя принадлежащимъ къ обществу франкъ-масоновъ? На первые 11 вопросовъ Новиковъ отвѣчалъ

утвердительно, а на 12-й отвѣтилъ, что издавна принадлежитъ къ обществу франкъ-масоновъ, такъ какъ не считалъ это общество противозаконнымъ, ибо къ нему принадлежали и высшіе сановники. Результатомъ этого испытанія было донесеніе императрицѣ архіепископа Платона, въ которомъ онъ говоритъ слѣдующее: «какъ передъ престоломъ Божьимъ, такъ и передъ престоломъ Твоимъ, всемилостивѣйшая государыня императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и Тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане такіе, какъ Новиковъ». Этотъ отвѣтъ архіепископа Платона указываетъ несомнѣнно на то, что онъ питалъ уваженіе къ Новикову.

Что же касается до книгъ, подвергшихся разсмотрѣнію Платона, то онъ раздѣлилъ ихъ на три разряда: къ первому причислилъ книги, которыя счелъ полезными для распространенія, ко второму книги мистическаго содержанія, о которыхъ онъ, по непониманію ихъ, судить не можетъ, наконецъ къ третьему разряду причислилъ книги, которыя считалъ безусловно вредными и подлежащими уничтоженію—то было сочиненія энциклопедистовъ.

Изъ этого мы опять таки считаемъ себя вправѣ заключить о добромъ отношеніи Платона къ Новикову. Врядъ ли онъ былъ вовсе не въ состояніи понять мистическихъ сочиненій; скорѣе онъ просто желалъ отклонить отъ себя приговоръ, могшій такъ или иначе повредить Новикову.

Впрочемъ, мнѣнію, высказанному архіепископомъ относительно разсмотрѣнныхъ книгъ, и не придали значенія. Книги, признанныя имъ вредными, были допущены къ продажѣ; тѣ же сочиненія, которыя онъ не пожелалъ понять, были признаны вредными и изъяты изъ обращенія. Этому подверглось 6 сочиненій мистическаго характера и между прочимъ соч. Сен-Мартеня: «О заблужденіи и истинѣ». Въ мартѣ 1786 г. гр. Брюсъ получилъ изъ Петербурга указъ о томъ, чтобы эти 6 сочиненій, списокъ которыхъ прилагался, были оставлены за печатью и не допускались къ продажѣ. Съ остальныхъ же книгъ, подвергшихся описи, запрещеніе было снято.

Говоря о судьбѣ, постигшей изданія Новикова, разсмотрѣнныя архіепископомъ Платономъ, мы забѣжали нѣсколько впередъ. Намъ

предстоитъ теперь еще разсказать вкратцѣ о событіяхъ начала 1786 года.

Императрица Екатерина, вооружившись противъ мартинистовъ, рѣшилась дѣйствовать противъ нихъ во всевозможныхъ направленіяхъ. Не довольствуясь мѣрами оффиціальныхъ репрессій, которыя она практиковала относительно Новикова, бывшаго въ ея глазахъ главою ненавистнаго ей общества, она задумала испробовать противъ мартинистовъ старое средство—сатиру. Екатерина снова начала писать комедіи, въ которыхъ осмѣивала суевѣрія всякаго рода и изображала масоновъ обманщиками и лицемѣрами, эксплуатирующими довѣріе общества въ свою личную пользу Въ январѣ 1786 г. она написала ком. «Обманщикъ», которая была представлена на сценѣ эрмитажнаго театра. За этою комедіей слѣдовала другая: «Обольщенный», игранная и въ эрмитажномъ, и въ публичномъ Петербургскомъ театрѣ въ февралѣ того же года. Въ іюлѣ 1786 года она написала комедію «Шаманъ Сибирскій». Всѣ три комедіи имѣли громадный успѣхъ и на сценѣ, и въ продажѣ, когда онѣ вышли въ печати. Кромѣ того, онѣ вызвали своимъ появленіемъ въ Петербургѣ массу сатиръ, эпиграммъ и статей, направленныхъ противъ того же предмета.

За то въ Москвѣ комедіи эти, кажется, на сценѣ играны не были и не нашли никакого отклика въ московской журналистикѣ. Выражая свое негодованіе на масоновъ путемъ осмѣянія, императрица въ то же время продолжаетъ посылать въ Москву указъ за указомъ, направляя ихъ противъ мартинистовъ вообще и противъ Новикова въ частности. Въ концѣ января гр. Брюсъ получаетъ отъ нея опять два указа. Первымъ изъ нихъ повелѣвалось подчинить Приказу Общественнаго Призрѣнія всѣ школы и больницы въ Москвѣ, кромѣ тѣхъ, которыя имѣютъ особыя грамоты или привилегіи, или состоятъ въ особомъ правленіи свѣтскомъ или духовномъ. Затѣмъ повелѣвалось осмотрѣть больницу, заведенную въ Москвѣ людьми, составляющими «скопище новаго раскола», осмотрѣть школы, заведенныя ими и наблюдать, чтобы впредь училища учреждались не иначе, какъ подъ вѣдѣніемъ Приказа, на основаніи общихъ законовъ, и чтобы въ нихъ «расколъ, праздность и обманъ не скрывались». Вторымъ указомъ повелѣвалось объявить Новикову, что типографіи заведены для печатанія полезныхъ книгъ, а не сочиненій, наполненныхъ «новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ», и затѣмъ допросить его о причинахъ,

побудившихъ его къ изданію такихъ книгъ и о цѣляхъ его. Вѣроятно, въ силу перваго изъ этихъ указовъ, оберъ-полицмейстеръ сдѣлалъ осмотръ помѣщенія студентовъ въ бывшемъ Шварцевомъ домѣ. Этотъ осмотръ побудилъ Новикова и его друзей къ такому шагу, который имъ впослѣдствіи повредилъ. Какъ мы уже говорили, въ Шварцевомъ домѣ помѣщалась тайная типографія, состоявшая изъ двухъ станковъ для печатанія масонскихъ книгъ. Въ виду осмотра дома, оба станка были перенесены въ компанейскую типографію, а напечатанныя здѣсь книги сложены ночью на подводы и отправлены на храненіе въ подмосковную князя Черкасскаго. Впослѣдствіи изъ имѣнья князя Черкасскаго онѣ были перевезены къ Новикову, въ Авдотьино, гдѣ и лежали до 1792 года.

По второму указу Новиковъ былъ допрошенъ въ губернскомъ правленіи по вопросамъ въ немъ обозначеннымъ. Онъ показалъ, что печаталъ разныя сочиненія, получаемыя отъ авторовъ и переводчиковъ съ разрѣшенія законной цензуры, имѣя въ виду «приносить трудами пользу отечеству чрезъ распространеніе книжной торговли и честнымъ образомъ получать законами не возбраненный прибытокъ». Какія же напечатанныя у него сочиненія противны законамъ, того онъ не знаетъ, ибо «читалъ изъ нихъ малое число, полагаясь на цензуру, которой онъ обязанъ былъ подвергать ихъ по контракту своему съ университетомъ».

Вопросы, предложенные Новикову вмѣстѣ съ его письменными отвѣтами, были препровождены въ Петербургъ.

Кромѣ мартовскаго указа Брюсу о томъ, какъ поступать съ книгами, опечатанными у Новикова въ университетской книжной лавкѣ, у него были отобраны экземпляры шести запрещенныхъ сочиненій, уложены въ короба, запечатаны и оставлены въ его кладовой, причемъ съ него была взята подписка въ томъ, что онъ ни перепечатывать, ни продавать эти изданія не будетъ. Тутъ Новиковъ сдѣлалъ опять оплошность, много ему впослѣдствіи повредившую. Производя у него въ лавкѣ обыскъ, губернскій прокуроръ не догадался осмотрѣть книжный складъ, въ которомъ хранились между прочимъ и экземпляры сочиненій, изъятыхъ изъ продажи. Новиковъ же не только не заявилъ объ нихъ, но чрезъ нѣсколько времени, съ вѣдома своихъ компаньоновъ, сдалъ ихъ на храненіе книгопродавцу Кольчугину, который сталъ разсылать ихъ по ярмаркамъ и продавать.

Послѣ всѣхъ случившихся непріятностей, Новиковъ и това-

рищи его увидѣли очень ясно, что императрица сильно возстановлена противъ нихъ и что дальнѣйшую дѣятельность надо продолжать очень осторожно. Къ этому времени «Типографическая Компанія» сосредоточивала уже въ своихъ рукахъ всѣ дѣла, какъ печатныя и издательскія въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и тѣ, завѣдыванье которыми принадлежало прежде «Дружескому Ученому Обществу». Преслѣдуя однѣ и тѣ же цѣли и имѣя однихъ и тѣхъ же членовъ, «Типографическая К°» съ самаго своего возникновенія постепенно сливалась съ «Друж. Обществомъ», пока наконецъ послѣднее не исчезло совершенно, какъ нѣчто отдѣльное и независимое. Въ то же время, благодаря отчасти внѣшнимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, а отчасти ухудшенію матеріальныхъ средствъ К°, семинаріи переводческая и педагогическая едвали не были уничтожены, а число питомцевъ ея при университетѣ уменьшилось до 15 человѣкъ. Однако компанія продолжала еще посылать молодыхъ людей учиться заграницу. Такъ, въ 1786 г. на ея счетъ поѣхалъ учиться медицинѣ молодой Багрянскій.

Въ этомъ году, вѣроятно вслѣдствіе негласнаго распоряженія правительства, были уничтожены всѣ масонскія ложи въ Москвѣ, и собранія въ нихъ прекратились. Событіе это не имѣло особенно важнаго значенія для мартинистовъ, потому что масонскія ложи еще до закрытія были уже рѣдко посѣщаемы въ послѣднее время не только второстепенными, но даже и главными масонами. Это не мѣшало послѣднимъ быть однако ревностными розенкрейцерами. О розенкрейцерствѣ, существованіе котораго было тогда тайной, никто не догадывался, и распоряженіе о закрытіи ложъ ничуть до него не касалось. Однако члены этого кружка старались замкнуться еще болѣе и даже прекратили сношенія со многими вліятельными масонами, не бывшими въ то же время розенкрейцерами. Въ это время орденъ ихъ существовалъ въ Москвѣ подъ начальствомъ барона Шредера.

Въ іюнѣ 1786 г. случилось событіе, давшее возможность Новикову и его кружку хоть на время вздохнуть спокойнѣе. Событіемъ этимъ была отставка Брюса. На его мѣсто назначенъ былъ Еропкинъ, человѣкъ чрезвычайно энергичный, но вмѣстѣ съ тѣмъ добрый и благородный. Въ Москвѣ онъ пользовался громаднымъ уваженіемъ послѣ того, какъ въ 1771 г. во время чумы добровольно принялъ бразды правленія и успокоилъ этотъ брошенный на произволъ судьбы городъ. Еропкинъ не былъ враждебно на-

строенъ противъ мартинистовъ, и если что нибудь предпринималъ противъ нихъ, то по приказанію, а не по своей иниціативѣ. Успокоенные съ этой стороны, розенкрейцеры скоро почувствовали однако снова безпокойство, благодаря другого рода обстоятельствамъ, складывавшимся для нихъ неблагопріятно. Въ августѣ 1786 г. умеръ Фридрихъ Великій и на прусскій престолъ взошелъ Фридрихъ Вильгельмъ, человѣкъ безхарактерный, относившійся враждебно къ Россіи, подъ вліяніемъ своего министра Герцберга. Король этотъ былъ ревностный масонъ. Онъ приблизилъ къ себѣ главу берлинскаго масонства, Вельнера, и сдѣлалъ его впослѣдствіи министромъ духовныхъ дѣлъ. Наши розенкрейцеры приняли розенкрейцерство черезъ Шварца отъ Вельнера и считались подъ его начальствомъ. Теперь они оказались, такимъ образомъ, подъ начальствомъ лица, приближеннаго къ монарху враждебной намъ державы.

Въ концѣ этого года баронъ Шредеръ заявилъ московскимъ розенкрейцерамъ, что, вслѣдствіе усилившихся происковъ иллюминатовъ, онъ получилъ изъ Берлина приказаніе наложить на орденъ такъ наз. *силанумъ* или бездѣйствіе, когда всякая переписка и оффиціальная дѣятельность членовъ ордена должна прекращаться. Силанумъ этотъ продолжался нѣсколько лѣтъ до самаго разгрома розенкрейцеровъ. Наступилъ 1787 годъ. Это былъ годъ очень тяжелый для Россіи, одинъ изъ тѣхъ годовъ, воспоминаніе о которыхъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, долго живетъ въ памяти народной. Почти повсемѣстно свирѣпствовалъ голодъ. Цѣны на хлѣбъ страшно поднялись, люди питались сушенымъ мохомъ, корою, листьями и прочими веществами, которыми старались замѣнить хлѣбъ, болѣли и во множествѣ умирали. Были однако люди, горячо принимавшіе къ сердцу народное горе и старавшіеся помочь бѣдствовавшимъ всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами. Людьми этими были мартинисты. Они часто собирались и обсуждали средства, какъ помочь бѣдѣ. На одномъ изъ такихъ собраній Новиковъ говорилъ рѣчь. По окончаніи ея къ нему подошелъ Гр. Макс. Походяшинъ и предложилъ ему часть своего состоянія на помощь голодающимъ. Новиковъ согласился и на деньги Походяшина сталъ скупать хлѣбъ большими партіями и раздавать его голодающимъ въ Москвѣ и у себя въ Авдотьинѣ. Въ обществѣ не знали, что хлѣбъ покупается на средства богача Походяшина и всѣ неудомѣвали, откуда у мартинистовъ берутся

такія деньги. Стали поговаривать даже о фальшивыхъ бумажкахъ. Къ голоду присоединилось еще новое бѣдствіе: война съ Турціею. Казалось бы, императрица, удрученная такими заботами, должна была временно забыть о мартинистахъ. Она доказала противное, издавъ въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года указъ, которымъ воспрещалось печатаніе книгъ религіознаго содержанія въ свѣтскихъ типографіяхъ. Печатаніе ихъ отнынѣ должно было принадлежать духовнымъ типографіямъ. Въ силу этого закона, были осмотрѣны книжныя лавки, причемъ всѣ найденныя въ нихъ духовныя сочиненія отобраны и сданы на храненіе въ синодальную контору. Изданіе этого указа имѣло большое значеніе для «Типографической Компаніи», которая ежегодно выпускала въ большомъ количествѣ духовныя сочиненія. Ликвидировать свои дѣла ей было просто невозможно, вслѣдствіе запутанности общихъ счетовъ, да и кромѣ того не хотѣлось бросать излюбленнаго дѣла. Поэтому Новиковъ рѣшилъ продолжать свою издательскую дѣятельность, измѣнивъ нѣсколько ея направленіе. Въ этомъ году баронъ Шредеръ уѣзжалъ совсѣмъ за границу. Онъ просилъ прислать кого нибудь въ Берлинъ для полученія тамъ масонскихъ наставленій, необходимыхъ для принятія начальствованія надъ розенкрейцерами по окончаніи силанума. Съ общаго совѣта въ Берлинъ былъ посланъ на средства кружка Кутузовъ.

Въ томъ же году у мартинистовъ черезъ преданнаго имъ архитектора Бажанова завязались было сношенія съ наслѣдникомъ Павломъ Петровичемъ. Бажановъ передавалъ, что Павелъ Петровичъ интересуется дѣломъ мартинистовъ, и Новиковъ послалъ ему нѣсколько экземпляровъ мистическихъ сочиненій, но продолжать съ нимъ дальнѣйшія сношенія онъ побоялся.

Отказавшись по необходимости отъ печатанія духовно-нравственныхъ сочиненій, Новиковъ не только рѣшилъ продолжать издательскую дѣятельность, но мечталъ даже о возобновленіи контракта, по истеченіи его срока въ 89 году, съ тѣмъ, чтобы вернуться на старый путь и заняться изданіемъ документовъ по русской исторіи. Такъ въ 1787 году онъ издалъ «Исторію Скиѳскую» Лызлова, 1-ю часть «Исторіи Россійской» Левека. «Родословную книгу князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ» и др. Въ 1788 году онъ между прочимъ издалъ вторымъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ, «Россійскую вивліоѳику». Однако дѣла «Типографической Компаніи», не смотря на эти изданія, сильно

пошатнулись. Книги шли туго и не давали прежняго барыша. Компанія должна была продать домъ, купленный на имя Шварца и отказаться отъ содержанія Кутузова за границей. Съ этихъ поръ Кутузовъ жилъ тамъ на счетъ частнаго лица, а не на средства общества.

Между тѣмъ Новикова ожидало еще новое разочарованіе. Императрица велѣла отказать ему въ возобновленіи контракта на содержаніе университетской типографіи. Въ маѣ 1789 г. содержаніе ея и изданіе «Московскихъ Вѣдомостей» сдано было коллежскому ассесору Свѣтушкину.

Съ прекращеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей» прекратились и журналы «Дѣтское Чтеніе» и «Экономическій Магазинъ».

Послѣ отнятія у Новикова университетской типографіи, онъ продолжалъ еще печатаніе въ компанейской, но собственно новаго имъ уже ничего не было издано, а только перепечатывались старыя изданія. Теперь мы можемъ подвести итоги его литературной и издательской дѣятельности.

Больше двадцати лѣтъ (1769—1791) подвизался Новиковъ на этомъ поприщѣ. Онъ издавалъ три сатирическихъ журнала: «Трутень», «Живописецъ» и «Кошелекъ», четыре популярно-философскихъ—«Утренній Свѣтъ», продолженіе его, называвшееся «Ежемѣсячнымъ московскимъ изданіемъ», «Вечернюю Зарю» и «Покоющійся Трудолюбецъ», затѣмъ нѣсколько журналовъ разнороднаго содержанія и «Дѣтское Чтеніе», которое онъ давалъ въ видѣ приложеній къ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Кромѣ того, въ теченіе 10-ти лѣтъ Новиковъ редактировалъ «Московскія Вѣдомости», превративъ ихъ изъ сухаго, чисто оффиціальнаго органа въ живую газету, отвѣчавшую разнообразнымъ вопросамъ времени. Всѣ эти изданія, за весьма малыми исключеніями, Новиковъ самъ редактировалъ и во многихъ помѣщалъ свои собственныя статьи, благодаря чему его журналы отличались единствомъ и цѣльностью направленія. Мы уже указывали на ихъ содержаніе, а потому теперь отмѣтимъ только тѣ главные принципы, которые проводились въ нихъ и выражали направленіе всей его дѣятельности.

Прежде всего, съ первыхъ шаговъ своего вступленія въ литературу, Новиковъ высказываетъ глубокое уваженіе къ человѣческому разуму, а слѣдовательно къ наукѣ и къ просвѣщенію. Онъ ставитъ все житейское зло, какъ напр. жестокость, лицемѣріе

и ханжество, всякаго рода несправедливости и пр. въ прямую зависимость отъ невѣжества, отъ «непросвѣщенія разума». На ряду съ разумомъ Новиковъ признаетъ однако и необходимость вѣры, какъ дополненія къ нему. По его убѣжденію, разумъ и вѣра должны находиться въ тѣсной зависимости, подкрѣпляя другъ друга.

Какъ идеалистъ, Новиковъ искалъ примиренія между умомъ и сердцемъ; онъ не могъ остановиться на признаніи одного ума, потому что тогда передъ нимъ открылась бы цѣлая бездна сомнѣній и неизвѣстности, чего не могла допустить его любвеобильная натура, побуждавшая его вносить въ жизнь положительные идеалы. Эти-то два основныхъ принципа, т. е. желаніе пробудить общественный умъ и открыть ему путь къ просвѣщенію, съ одной стороны, и желаніе указать ему способъ къ нравственному усовершенствованію посредствомъ христіанской вѣры съ другой—даютъ направленіе всей остальной издательской дѣятельности Новикова. Онъ издаетъ множество книгъ съ просвѣтительной цѣлью, начиная отъ элементарныхъ учебниковъ и кончая научными сочиненіями по всевозможнымъ областямъ знаній, которыя были тогда доступны и необходимы русскому обществу. Тутъ были и историческія сочиненія, между которыми особенно замѣчательны его сборники матеріаловъ для изученія русской исторіи, и педагогическія, философскія, агрономическія, медицинскія и пр. По беллетристикѣ онъ издалъ переводы многихъ классическихъ сочиненій, какъ напр. «Потерянный рай» Мильтона, «Донъ-Кихотъ»—Сервантеса, нѣсколько сочиненій Шекспира, въ переводахъ Карамзина и пр. По беллетристикѣ Новиковымъ было выпущено и много другихъ сочиненій, отчасти вѣроятно для того, чтобы хоть этимъ пріохотить публику къ чтенію, а отчасти и просто въ виду матеріальной необходимости: надо же было соблюдать интересы типографіи, за которую приходилось платить аренду университету.

Проповѣдуя необходимость образованія, Новиковъ естественно не могъ пройти мимо вопроса о воспитаніи. Онъ первый заговорилъ у насъ въ литературѣ о педагогикѣ и высказалъ по этому поводу болѣе столѣтія тому назадъ такіе взгляды, которые представляютъ еще и въ наше время не достигнутый идеалъ. Онъ же положилъ начало изданію перваго дѣтскаго журнала въ Россіи. Въ интересахъ вѣры, Новиковымъ было издано также

очень много книгъ по религiознонравственнымъ вопросамъ; принадлежность его къ масонству давала большинству изъ этихъ сочиненiй мистическiй характеръ.

Такимъ образомъ Новиковъ является человѣкомъ, который впервые начинаетъ мужественно и энергически пробивать со всѣхъ сторонъ толстую стѣну русскаго невѣжества. Въ теченiе 20-ти лѣтъ онъ безпрерывно будитъ общество то сатирой, переходящей порой въ негодованiе, то усиленными попытками заинтересовать его наукой, литературой, вопросами педагогическими и религiозными. Старанiя эти не остаются безъ результатовъ. Новикову удается создать читателя, да и не только читателя, но и писателя. Мысль, однажды пробужденная и заинтересованая вопросами духа, вызвала у людей даровитыхъ желанiе писать, а Новиковъ поддерживалъ это желанiе, употребляя всѣ усилiя, чтобы дать окрѣпнуть и выработаться молодымъ талантамъ. Мы уже указывали на то, что въ «Утреннемъ Свѣтѣ», первомъ философскомъ журналѣ Новикова, было гораздо болѣе переводныхъ статей, чѣмъ въ послѣдующихъ.

Въ срединѣ 1780-хъ годовъ, въ самомъ блестящемъ перiодѣ своей дѣятельности, Новиковъ стоитъ во главѣ цѣлаго кружка лицъ, которыя всецѣло посвящаютъ свои силы интересамъ литературы и науки. При этомъ нельзя не вспомнить о безвременно погибшемъ Иванѣ Григорьевичѣ Шварцѣ, который можетъ по справедливости раздѣлить заслугу Новикова передъ потомствомъ.

Новиковъ и Шварцъ съумѣли разжечь и поддержать тотъ божественный огонь, который съ тѣхъ поръ то ярче, то слабѣе, но непрерывно горитъ въ обществѣ и напоминаетъ ему, что не о единомъ хлѣбѣ должно жить человѣчество.

ГЛАВА VI.

Переѣздъ Новикова въ Авдотьино. — Назначеніе въ Москву князя Прозоровскаго. – Травля мартинистовъ. — Ликвидація „Типографической Компаніи". — Обыскъ у Новикова. — Арестъ его и доставленіе въ Москву подъ конвоемъ. — Допросъ у Шешковскаго. — Заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость. — Воцареніе Павла и освобожденіе Новикова. — Послѣдніе годы его жизни въ Авдотьинѣ.

Непріятности послѣднихъ лѣтъ подорвали окончательно и безъ того разстроенное здоровье Новикова и вынудили его съ конца 1788 года поселиться въ Авдотьинѣ, откуда онъ могъ изрѣдка пріѣзжать въ Москву по дѣламъ издательства.

Плохо жилось Новикову и его друзьямъ въ эти послѣдніе годы ихъ дѣятельности. Не говоря уже о томъ, что издательскія дѣла ихъ шли все хуже и хуже—они жили подъ гнетомъ недружелюбнаго отношенія къ нимъ правительства и подъ вѣчнымъ опасеніемъ навлечь на себя какія-нибудь новыя неудовольствія. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, въ 1789 году во Франціи разыгралась революція.

Императрица, давно уже отказавшаяся отъ своихъ первоначально либеральныхъ стремленій, теперь, подъ вліяніемъ ужасовъ революціи, рѣшилась стереть съ лица земли все, что носило у насъ хоть тѣнь какой-нибудь независимости. То, что считалось законнымъ и возможнымъ 10, даже 5 лѣтъ тому назадъ, — сдѣлалось теперь нетолько невозможнымъ, но и подвергалось гоненію. Просвѣщенные вельможи, сподвижники первыхъ годовъ царствованія Екатерины, сошли со сцены; ихъ замѣнили другіе.... Злонамѣренные люди, пользуясь случаемъ проявить свое усердіе, стали изощряться въ доносахъ. Мартинистовъ стали обвинять въ революціонныхъ намѣреніяхъ, особенно послѣ того, какъ оказалось, что многіе видные дѣятели французской революціи вышли изъ тамош-

нихъ масонскихъ ложъ. Надъ мартинистами, очевидно, собиралась гроза. На ихъ несчастіе Еропкинъ, относившійся къ нимъ безъ всякой непріязни, былъ въ 1790 году уволенъ по прошенію въ отставку. На его мѣсто назначенъ былъ генералъ-аншефъ князь Прозоровскій, человѣкъ невѣжественный, ограниченный и надменный. Очевидно, онъ былъ посланъ Екатериною въ Москву спеціально для того, чтобы ее подтянуть и не дать развиться въ ней элементамъ, которыхъ правительство, при данныхъ политическихъ обстоятельствахъ, очень опасалось. Князь Прозоровскій оправдалъ вполнѣ возлагавшіяся на него надежды. По пріѣздѣ въ Москву, онъ окружилъ мартинистовъ шпіонами, которые доносили ему о каждомъ ихъ шагѣ. Письма ихъ вскрывались на почтѣ, и всѣ казавшіяся почему-либо подозрительными задерживались. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить одно обстоятельство, касающееся Новикова. Мы уже знаемъ, что баронъ Шредеръ, ненавидѣвшій его и желавшій ему отмстить, уѣхалъ въ 1787 г. заграницу. Живя въ Германіи, Шредеръ тѣмъ не менѣе слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ Россіи. Зная о гоненіяхъ, воздвигнутыхъ на мартинистовъ, онъ нашелъ это время самымъ удобнымъ для отмщенія Новикову. Съ этою цѣлью онъ сталъ писать ему изъ-за границы о какихъ-то таинственныхъ дѣлахъ, будто бы извѣстныхъ Новикову. Письма эти конечно не доходили по адресу. Они задерживались на почтѣ, возбуждая противъ Новикова сильныя подозрѣнія, и впослѣдствіи были поставлены ему въ вину.

Прозоровскій слалъ на мартинистовъ доносъ за доносомъ Екатеринѣ и наконецъ до такой степени раздражилъ ее противъ нихъ, что она даже спросила его, почему же онъ не велитъ арестовать Новикова. Прозоровскій отвѣчалъ, что ей стоитъ лишь приказать. Но Екатерина не рѣшалась еще на эту мѣру, не находя причины для ареста. Между тѣмъ дѣла «Типографической Компаніи» шли все хуже и хуже, и наконецъ, съ общаго согласія ея членовъ, въ ноябрѣ 1791 года былъ подписанъ актъ объ ея ликвидаціи. Въ силу его, Новиковъ оставилъ за собой домъ у Никольскихъ воротъ, купленный на его имя, всѣ книги, напечатанныя въ типографіяхъ, которыми онъ завѣдывалъ, т. е. въ университетской, компанейской и Лопухинской,—типографскія принадлежности и аптеку. При этомъ Новиковъ принималъ на себя долги общества, простиравшіеся тогда до 300 тысячъ. Въ 1791 г. Новиковъ овдовѣлъ и сталъ уже безвыѣздно жить въ Авдотьинѣ,

занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей и племянниковъ, Хрущовыхъ, жившихъ у него вмѣстѣ съ учителемъ. У него же поселился въ это время и молодой Багрянскій, вернувшійся въ этомъ году изъ-за границы, гдѣ онъ получилъ степень доктора медицины.

Но не долго пользовался Новиковъ спокойною жизнью въ Авдотьинѣ. Императрица, давно уже рѣшившая съ нимъ покончить и дожидавшаяся только предлога, наконецъ нашла его.... Ей была доставлена книга съ выдраннымъ заглавнымъ листомъ, напечатанная церковнымъ шрифтомъ и содержащая въ себѣ раскольничьи сочиненія. То была «Исторія объ отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ», написанная и когда-то напечатанная старообрядцами, а потомъ перепечатанная неизвѣстно кѣмъ (можетъ быть и дѣйствительно Новиковымъ), вѣроятно, въ видахъ сохраненія рѣдкаго раскольничьяго документа. Въ перепечаткѣ этой книги, заключавшей статьи, противныя духу православія и правительству, императрица заподозрѣла Новикова, который, по дошедшимъ до нея слухамъ, устроилъ даже у себя въ имѣніи тайную типографію, и указомъ отъ 12-го апрѣля 1792 г. предписала Прозоровскому произвести у Новикова внезапный обыскъ, какъ въ Авдотьинѣ, такъ и въ московскомъ его домѣ. Еслибы у Новикова нашлись церковные шрифты и экземпляры вышеуказанной книги, то они должны были быть конфискованы, а самъ онъ, какъ издатель, подвергнуться отвѣтственности, т. е. взятъ подъ присмотръ и допрошенъ. Затѣмъ, Прозоровскому предписывалось также изслѣдовать вопросъ, какимъ образомъ Новиковъ, не получившій большаго состоянія ни по наслѣдству, ни другими законными путями, считается теперь въ числѣ богатыхъ людей и какъ пріобрѣлъ онъ свое состояніе. Обо всемъ, что откроется, повелѣвалось донести немедленно и обстоятельно.

Утромъ 22-го апрѣля, лица, уполномоченныя Прозоровскимъ произвести обыскъ, прибыли въ Авдотьино и приступили къ дѣлу. Шрифтовъ и церковныхъ литеръ не оказалось, но за то найдены были книги, напечатанныя въ тайной розенкрейцерской типографіи и перевезенныя въ Авдотьино изъ имѣнія кн. Черкасскаго. Обстоятельство это такъ подѣйствовало на Новикова, что онъ захворалъ. Съ нимъ стали дѣлаться частые обмороки, поэтому его не рѣшились везти тотчасъ же въ Москву, а оставили въ Ав-

дотьинѣ, на попеченіи Багрянскаго и подъ присмотромъ Никитскаго городничаго и его команды.

Между тѣмъ въ Москвѣ тоже производились обыски. Обысканы были: компанейскій домъ, Новиковская и всѣ вольныя книжныя лавки. Тутъ было найдено: 20 книгъ, продажа которыхъ была запрещена въ 1786—87 годахъ, и 48, напечатанныхъ безъ указнаго дозволенія. Книгопродавцы были призваны къ отвѣту и, хоть сначала и запирались, но потомъ показали, что книги эти они получали отъ Новикова и развозили ихъ по ярмаркамъ, а Кольчугинъ, бывшій прикащикомъ въ лавкѣ у Новикова, заявилъ, что такихъ книгъ хранится въ складахъ гостинаго двора и на суконной фабрикѣ за Москвой рѣкой на сумму до 5 тысячъ рублей. Кольчугинъ и сидѣльцы въ лавкѣ Новикова были задержаны, остальные отпущены.

Прозоровскій, получивъ извѣстіе, что Новиковъ оставленъ въ Авдотьинѣ по случаю болѣзни, нашелъ, что команды городничаго мало для охраны такого важнаго преступника, и послалъ въ Авдотьино гусарскаго маіора, князя Жевахова, съ 12 солдатами. при оберъ и унтеръ-офицерахъ и капралѣ.

Князь Жеваховъ долженъ былъ имѣть караулъ надъ Новиковымъ и привезти его въ Москву при первой возможности. Появленіе Жевахова въ деревнѣ было въ то время событіемъ неслыханнымъ и возбудило всеобщее недоумѣніе и испугъ, а на дѣтей Новикова появленіе солдатъ произвело такое впечатлѣніе, что съ сыномъ его и одною изъ дочерей сдѣлались припадки падучей болѣзни, которою они страдали до конца жизни. Жеваховъ нашелъ возможнымъ везти Новикова тотчасъ же, не смотря на то, что послѣдній былъ совсѣмъ боленъ. Черезъ два часа по прибытіи Жевахова въ Авдотьино, Новикова везли уже подъ конвоемъ въ Москву. Событіе это сильно огорчило какъ крестьянъ Николая Ивановича, которые оплакивали его, какъ роднаго отца, такъ и всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, которые любили его и уважали. Съ Новиковымъ поѣхали Багрянскій и одинъ изъ слугъ, а дѣти Николая Ивановича и его племянники остались въ Авдотьинѣ, гдѣ поселился гусарскій офицеръ съ четырьмя солдатами для того, чтобы помѣшать вывозу чего либо запретнаго изъ имѣнія.

По прибытіи въ Москву, Новиковъ былъ тотчасъ же доставленъ къ Прозовскому, который снялъ съ него допросъ, а затѣмъ отпустилъ его подъ домашній арестъ, такъ какъ Новиковъ былъ

слишкомъ боленъ и не могъ быть посаженъ въ острогъ; да и по буквѣ предписанія его слѣдовало арестовать въ томъ лишь случаѣ, если у него окажутся «литеры», а ихъ не оказалось.

Съ Новиковымъ поселился Багрянскій. Жевахову велѣно было имѣть надъ ними самый строгій надзоръ, и даже лекарства дозволялось прописывать не иначе, какъ въ его присутствіи. Прозоровскій допрашивалъ Новикова нѣсколько разъ и каждый разъ, донося объ нихъ императрицѣ, характеризовалъ его, какъ человѣка «коварнаго» и «лукаваго», имѣющаго «дерзкій и смѣлый характеръ», человѣка, отъ котораго трудно добиться показаній, и просилъ прислать для допроса знаменитаго въ то время сыщика Шешковскаго. Дѣло въ томъ, что Прозоровскій былъ человѣкъ очень недалекій и къ тому же невѣжественный; онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о масонствѣ, а потому затруднялся вести дѣло Новикова и желалъ отъ него избавиться. Императрица, очень довольная энергіею и распорядительностью Прозоровскаго, тѣмъ не менѣе, сама вѣроятно убѣдилась, что веденіе этого дѣла ему не по силамъ. Донесенія его по поводу масонскихъ бумагъ, найденныхъ у Новикова, представляли цѣлый рядъ неправильныхъ и неосновательныхъ сужденій и только запутывали дѣло. Поэтому императрица рѣшила передать Новикова Шешковскому. Для этого велѣно было со всею осторожностью, не по петербургскому тракту, а черезъ Ярославль и Тихвинъ, препроводить его въ Шлиссельбургскую крѣпость. Коменданту крѣпости велѣно было принять арестанта, котораго привезутъ отъ Прозоровскаго, безъ обозначенія фамиліи.

10-го мая, въ два часа ночи, къ дому Новикова въ Москвѣ подъѣхала кибитка, въ которую былъ посаженъ больной вмѣстѣ со своимъ слугою и съ Багрянскимъ, получившимп разрѣшеніе добровольно раздѣлить его участь. Передъ отъѣздомъ они всѣ трое были обысканы и отъ нихъ отобрали всѣ вещи, которыми они могли бы нанести себѣ какой-нибудь вредъ. Арестованнаго сопровождалъ конвой изъ двухъ офицеровъ, трехъ унтеръ-офицеровъ и шести солдатъ, подъ начальствомъ князя Жевахова. Всю дорогу за Новиковымъ неустанно слѣдили, чтобы онъ надъ собой чего-нибудь не сдѣлалъ и въ то же время тщательно умалчивали о томъ, куда его везутъ. Наконецъ больного, измученнаго, разбитаго физически и нравственно, его привезли въ Шлиссельбургскую

крѣпость и посадили въ тотъ самый казематъ, гдѣ нѣкогда томился несчастный Іоаннъ Антоновичъ.

Отправляя Новикова, Прозоровскій слѣдующимъ образомъ характеризовалъ его въ письмѣ къ Шешковскому: «птицу Новикова къ вамъ направилъ; правда, что не безъ труда вамъ будетъ съ нимъ, лукавъ до безконечности, безсовѣстенъ, и смѣлъ, и дерзокъ». Прозоровскій, преувеличивая значеніе дѣла о личной «злонамѣренности» Новикова, самъ сознавалъ свое безсиліе и неоднократно звалъ на помощь Шешковскаго: «сердечно желаю, писалъ онъ ему 4-го мая, чтобы вы ко мнѣ пріѣхали, а одинъ съ нимъ не слажу. Экова плута тонкаго мало я видывалъ». Затѣмъ, въ отвѣтъ на письмо Шешковскаго, въ которомъ тотъ тоже жаловался, что усталъ отъ слѣдствія, онъ отвѣчалъ: «вѣрю, что вы замучились, я не много съ нимъ имѣлъ дѣла, да по полету уже примѣтилъ какова сія птичка!» Въ письмахъ Прозоровскаго къ Шешковскому много таинственнаго, встрѣчаются какіе то намеки, полуслова: «дѣло нежное», «въ случаѣ остерегите» и т. п. Вообще дѣлу Новикова придавалось несоотвѣтственно большое значеніе. Объ этомъ можно судить уже по одному письму Прозоровскаго отъ 24-го августа, которое онъ послалъ со вторымъ нарочнымъ курьеромъ: «при отправкѣ нынѣшняго курьера, ошибкой директоръ моей канцеляріи не приложилъ бумаги при реляціи къ Е. И. Величеству... Бумага сія есть развратное ихъ мнѣніе объ Адамѣ. Того для при семъ оную прилагаю, отправляю другаго нарочнаго для догнанія перваго курьера и прошу Ваше Превосходительство, при поднесеніи всеподданнѣйшихъ моихъ Ея Величеству донесеній, и сію бумагу поднести».

Не успѣлъ еще Новиковъ оправиться отъ своего путешествія, какъ передъ нимъ уже предсталъ грозный Шешковскій, одно имя котораго наводило въ тѣ времена ужасъ. Шешковскій предложилъ Новикову вопросные пункты, на которые тотъ долженъ былъ отвѣчать письменно. Новиковъ отвѣчалъ на 57 вопросныхъ пунктовъ и еще на 18 дополнительныхъ. Нѣкоторые вопросы дѣлались на *вы*, другіе на *ты*. Говорятъ, что по окончаніи допроса Шешковскій предложилъ Новикову дать подписку въ томъ, что онъ отрекается отъ своихъ убѣжденій и считаетъ ихъ ложными. Но тотъ отказался это сдѣлать. Очень возможно, что кромѣ разныхъ соображеній того времени, самый видъ и способъ отвѣтовъ Новикова внушали подозрѣніе.

Къ выразительнымъ, энергичнымъ чертамъ его лица, сохраненнымъ намъ портретомъ Боровиковскаго, вотъ что добавляетъ еще кн. Е. Р. Дашкова въ письмѣ къ Ив. Вл. Лопухину: «мнѣ онъ тотчасъ бросился въ глаза и я бы тотчасъ узнала его, безъ всякихъ вашихъ рекомендацій, по одному его черному пастырскому кафтану, по его башмакамъ съ черными же, особенно глянцевитыми пряжками. Лицо его открыто, но не знаю, я какъ-то боюсь его: въ его прекрасномъ лицѣ есть что то тайное»...

Болѣе двухъ мѣсяцевъ Новиковъ томился неизвѣстностью относительно рѣшенія своей участи. Полагаютъ, что императрица была нѣсколько разочарована его показаніями. Онъ оказался менѣе виновнымъ, чѣмъ она ожидала, и можетъ быть поэтому медлила подписаніемъ приговора. Но предубѣжденіе одержало верхъ, и 1-го августа 1792 года вышелъ наконецъ указъ, которымъ опредѣлялось Новикову наказаніе. Въ этомъ указѣ перечислялись сначала вины Новикова, сводившіяся къ слѣдующему: Новиковъ, признававшійся вреднымъ государственнымъ преступникомъ, имѣвшимъ сообщниковъ, обвинялся въ составленіи вмѣстѣ съ ними тайныхъ сборищъ, на которыхъ произносились клятвы, съ цѣлованіемъ креста и евангелія, въ повиновеніи ордену розенкрейцеровъ и въ сохраненіи его тайнъ. Они, т. е. Новиковъ и его сообщники, подчинялись герцогу Брауншвегскому помимо законной власти; были въ перепискѣ съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ и съ Вельнеромъ, во время «недоброхотства» Пруссіи къ Россіи, чѣмъ нарушали вѣрноподданническую присягу. Они издавали и продавали «непозволенныя, развращенныя и противныя закону православному книги», даже послѣ двухъ запрещеній, и завели тайную типографію. Въ уставѣ ордена, писанномъ рукой Новикова, значатся храмы, епископы, эпархіи, мѵропомазаніе и другія установленія, свойственныя лишь церкви, а показанія Новикова, что все это лишь аллегорическія выраженія, для приданія вящшей важности обществу, свидѣтельствуютъ еще болѣе о томъ, что для колебанія «слабыхъ умовъ» употреблялись коварство и обманъ.

Затѣмъ говорилось, что хотя Новиковъ и не открылъ своихъ тайныхъ замысловъ, но всего сказаннаго довольно, чтобы подвергнуть его, по силѣ законовъ, «тягчайшей и нещадной казни»; но Екатерина, «слѣдуя сродному ей человѣколюбію и желая оставить ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія», огра-

ничивалась приказаніемъ: «запереть его на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость».

Замѣчательно, что такая кара постигла лишь одного Новикова. Изъ всѣхъ его товарищей, названныхъ въ указѣ «сообщниками», пострадали только двое, да и то очень легко. Наиболѣе виновными изъ нихъ были признаны: князь Н. Трубецкой, Тургеневъ и Лопухинъ. Всѣ они привлекались Прозоровскимъ къ допросу по 18 пунктамъ, присланнымъ Екатериною, послѣ чего имъ было объявлено, что они ссылаются на жительство въ свои отдаленныя помѣстья, съ воспрещеніемъ выѣзжать за предѣлы своей губерніи.

Князь Н. Трубецкой и Тургеневъ подверглись объявленному имъ приговору; что-же касается Лопухина, боявшагося огорчить своею высылкою стараго больного отца, то онъ съумѣлъ избѣжать и этого сравнительно ничтожнаго наказанія, благодаря смѣлому и прочувствованному обращенію къ императрицѣ, приложенному имъ къ своимъ письменнымъ показаніямъ. Обращеніе это, въ которомъ Лопухинъ энергично оправдывается во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, было такъ искренно написано, что тронуло Екатерину до слезъ и побудило ее простить Лопухина и разрѣшить ему остаться въ Москвѣ, подъ наблюденіемъ начальства. При этомъ съ него было взято честное слово, что онъ отстанетъ отъ своихъ прежнихъ московскихъ связей. Во время производства слѣдствія надъ Новиковымъ, Лопухинымъ, Н. Трубецкимъ и Тургеневымъ, подверглись обыскамъ и допросамъ и нѣкоторые другіе члены розенкрейцерства; но все это было предоставлено уже низшимъ полицейскимъ чинамъ и не имѣло никакихъ послѣдствій. Такъ, мы знаемъ, что къ Гамалѣѣ являлся полицейскій чиновникъ, и, желая, по сердечной добротѣ, помочь ему написать получше показанія, сталъ учить его, какъ писать, на что Гамалѣя отвѣтилъ: «а развѣ можно лгать, да еще при этомъ нарушать присягу», и сталъ такъ убѣждать чиновника слѣдовать всегда по пути христіанскаго закона и нравственности, что тотъ прослезился, сталъ работать надъ своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ и называлъ потомъ Гамалѣю своимъ благодѣтелемъ. Послѣ рѣшенія участи Новикова, Гамалѣя переѣхалъ въ Авдотьино и сталъ жить съ дѣтьми Новикова. Онъ прожилъ въ Авдотьинѣ тридцать лѣтъ, занимаясь чтеніемъ и переводами душеспасительныхъ сочиненій, и тамъ же и умеръ. Братъ Новикова

къ дѣлу не привлекался, хотя Прозоровскій и доносилъ о немъ, что онъ «лихъ и фанатикъ». Нѣкоторыхъ изъ участниковъ и близкихъ къ дѣлу лицъ Прозоровскій характеризовалъ совсѣмъ иначе: «кн. Юрья Трубецкой глупъ и ничего не значитъ», писалъ онъ Шешковскому, «Татищевъ глупъ» и т. п. Хотѣлъ ли при этомъ онъ выгородить ихъ изъ дѣла или искренно былъ о нихъ такого мнѣнія—сказать довольно трудно.

Такъ окончилась дѣятельность Новикова и его друзей и единомышленниковъ. Теперь остается только выяснить, за что постигло Новикова такое тяжелое наказаніе, по сравненію съ другими участниками? Чѣмъ объяснить такую неравномѣрность въ наказаніяхъ, а также и то обстоятельство, что императрица, преслѣдуя мартинистовъ, выместила все свое раздраженіе на человѣкѣ, который былъ гораздо менѣе усерднымъ масономъ, чѣмъ другіе, а занимался главнымъ образомъ практическимъ дѣломъ распространенія просвѣщенія въ Россіи? Объясненіе этого, какъ намъ кажется, заключается въ слѣдующемъ: императрица начала борьбу съ мартинистами не за принадлежность ихъ собственно къ масонству. Она могла лично несочувствовать масонству, смѣяться надъ нимъ, презирать его, считая его шарлатанствомъ, но до тѣхъ поръ, пока масоны не выступили на поприще общественной дѣятельности и не сдѣлались силой въ глазахъ общества,—она ихъ не трогала. Затѣмъ, начавъ преслѣдованіе, она вооружилась только противъ московскихъ масоновъ, оставляя безъ всякаго вниманія петербургскихъ, продолжавшихъ спокойно существовать у нея подъ бокомъ. Послѣднее обстоятельство можно объяснить именно только тѣмъ, что петербургскіе масоны ограничивались въ своей дѣятельности простой благотворительностью и никакой роли въ общественной жизни не стремились играть... Новиковъ былъ человѣкъ выдающійся, умѣвшій собирать вокругъ себя людей, воодушевлять ихъ своими идеями и заставлять дѣйствовать. За какое бы дѣло онъ ни взялся,—будь то изданіе журнала, устройство школы, типографское дѣло,—онъ постоянно обращался къ обществу, просилъ его содѣйствія и успѣвалъ собрать около себя кружокъ людей, безусловно ему довѣрявшихъ и готовыхъ жертвовать для задуманнаго имъ дѣла и временемъ, и трудомъ, и даже всѣмъ своимъ состояніемъ.

Такъ, напримѣръ, Походяшинъ, обладавшій очень большими

средствами, совершенно разорился на предпріятія компаніи и умеръ въ бѣдности, сохраняя однако до послѣдней минуты благоговѣйное воспоминаніе о Новиковѣ.

Новиковъ провелъ въ крѣпости 4 года. Жизнь его тамъ была очень тяжела. Ему позволено было взять съ собою только одну книгу—Библію, которую онъ и выучилъ тамъ наизусть. Одно время онъ сидѣлъ безвыходно въ камерѣ, лишенный воздуха и какого бы то ни было развлеченія, но потомъ ему позволили гулять внутри крѣпостнаго двора. По донесеніямъ шлиссельбургскаго коменданта, Колюбакина, чиновника тайной экспедиціи Макарова и командированнаго тогдашнимъ генералъ-прокуроромъ Самойловымъ—Крюкова, для обозрѣнія секретныхъ арестантовъ и ихъ содержанія, видно, что Новикову приходилось плохо питаться и терпѣть нужду въ самой необходимой одеждѣ и въ лекарствахъ. Крюковъ, послѣ того, какъ ходатайство коменданта о лекарствахъ для Новикова было оставлено безъ послѣдствій, говоритъ въ своемъ донесеніи слѣдующее: «онъ (т. е. Новиковъ), будучи обдержимъ разными припадками и не имѣя никакого себѣ отъ этого пособія, получилъ наконецъ нынѣ внутренній желудочный прорывъ, отъ чего и терпитъ тягчайшее страданіе, онъ и проситъ къ облегченію судьбы своей отъ вашего сіятельства человѣколюбивѣйшаго милосердія, а притомъ стражадутъ они съ Багрянскимъ и отъ опредѣленнаго имъ къ содержанію малаго числа кормовыхъ»..

Просьбы Новикова о помилованіи и объ облегченіи участи оставлялись безъ послѣдствій. О немъ точно забыли.

6 ноября 1796 г. императрица умерла. Императоръ Павелъ, по восшествіи на престолъ, немедленно велѣлъ выпустить Новикова изъ крѣпости и предоставить ему полную свободу. Въ то же время кн. Н. Трубецкому и Тургеневу позволено было выѣхать изъ деревень, куда они были сосланы на житье, а съ Лопухина снятъ былъ надзоръ. По совѣту коменданта, Новиковъ отправился прямо къ себѣ въ Авдотьино и прибылъ туда 19 ноября. Вотъ какъ описываетъ Гамалѣя въ одномъ письмѣ его возвращеніе: «онъ прибылъ къ намъ 19 ноября поутру—дряхлъ, старъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ». Изъ дѣтей больной сынъ «въ безпамятствѣ подбѣжалъ къ нему, старшая дочь въ слезахъ подошла, а меньшая не помнила его, и ей надобно было сказать, что онъ ея отецъ». «Нѣкоторое отсвѣчиваніе лучей небесной ра-

дости.—говоритъ онъ далѣе,—видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они обнимали Николая Ивановича, вспоминая при томъ, что они въ голодный годъ великую черезъ него помощь получали; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленныхъ чужихъ селеній».

Не успѣлъ еще Новиковъ оправиться и отдохнуть отъ дороги, какъ въ Авдотьино прискакалъ фельдъегерь съ приказаніемъ везти его въ Петербургъ и представить государю. 5 декабря Новиковъ, прямо съ дороги, въ дорожномъ платьѣ и съ отросшею бородою, былъ доставленъ въ кабинетъ къ государю. Павелъ встрѣтилъ его очень милостиво и съ ласковымъ упрекомъ сказалъ: «какъ же я тебя освободилъ, а ты не хотѣлъ меня поблагодарить?» Новиковъ извинился, говоря, что шлиссельбургскій комендантъ посовѣтовалъ ему ѣхать прямо домой. Государь предложилъ Новикову вознагражденіе за понесенныя имъ гоненія и убытки, но тотъ отказался отъ денежной помощи и просилъ его лишь объ освобожденіи всѣхъ заключенныхъ по его дѣлу (до 8 человѣкъ) и о содѣйствіи скорѣйшей продажѣ своего имущества для уплаты долговъ или о передачѣ его главному кредитору—Походяшину. Дѣло въ томъ, что по приказанію покойной императрицы, послѣ ареста Новикова, надъ имуществомъ его назначена была опека, которая должна была это имущество продать съ аукціона и покрыть его долги; но дѣло затянулось, шла переписка и обычная волокита и продажа не состоялась до самаго освобожденія Новикова. Государь обѣщалъ сдѣлать все, что будетъ отъ него зависѣть для скорѣйшей ликвидаціи его дѣлъ; вообще, очень обласкалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ около часа. Заключенные по Новиковскому дѣлу были немедленно же освобождены, и Павелъ дѣйствительно первое время помнилъ о Новиковѣ (даже спросилъ объ его здоровьѣ во время коронаціи у брата его Алексѣя Ивановича, при представленіи послѣдняго въ числѣ прочихъ дворянъ); но потомъ забылъ о немъ и не исполнилъ обѣщанія относительно ускоренія волокиты, которой подвергалось его имущество.

По вторичномъ возвращеніи своемъ въ Авдотьино, Николай Ивановичъ принялся за приведеніе въ порядокъ своихъ дѣлъ съ цѣлью уплаты долговъ.

Не смотря однако на всѣ его старанія, дѣло это долго не приходило къ развязкѣ. Втеченіи четырехъ лѣтъ оно перехо-

дило изъ одной инстанціи въ другую и привело къ полному разоренію не только самаго Новикова, но и его кредиторовъ. Наконецъ въ 1801 году состоялось между ними соглашеніе, въ силу котораго рѣшено было освободить присутственныя мѣста отъ нѣскончаемаго разбора дѣлъ Новикова и продать все его имущество не съ аукціоннаго торга, а хозяйственнымъ образомъ, для чего и отдать все это имущество Походяшину, которому поручить продажу съ тѣмъ, чтобы онъ, по мѣрѣ выручекъ, платилъ по разсчету кредиторамъ. Долги Новикова исчислялись въ 753,537 р. 43¹/₄ копѣйки. Эта громадная сумма достаточно говоритъ о томъ, какъ велико было довѣріе, которымъ пользовался въ обществѣ Николай Ивановичъ. Послѣ передачи всего имущества Походяшину, Новиковъ остался при одномъ Авдотьинѣ, которое было также уже заложено. На Авдотьино (Тихвенское тожъ) опека не распространилась, потому что оно находилось въ нераздѣльномъ владѣніи съ братомъ, Алексѣемъ Ивановичемъ, который и раньше имъ завѣдывалъ, и потомъ жилъ тамъ съ дѣтьми Николая Ивановича, такъ что оно было оставлено собственно на его долю.

Остатокъ своей жизни Николай Ивановичъ провелъ въ крайней бѣдности, которая вынуждала его иногда даже обращаться къ знакомымъ съ письменными просьбами о денежномъ пособіи. Послѣ его смерти и Авдотьино было продано за долги съ аукціона. Купилъ его генералъ-маіоръ П. А. Лопухинъ. Послѣ смерти послѣдняго, жена его передала это имѣніе въ собственность Московскаго Комитета для разбора и призрѣнія просящихъ милостыню съ тѣмъ, чтобы Комитетъ устроилъ въ этомъ имѣньѣ богадѣльню и больницу.

Послѣдніе годы жизни Новиковъ провелъ въ уединеніи, изрѣдка выѣзжая изъ Авдотьина по неотложнымъ дѣламъ или къ нѣкоторымъ сосѣдямъ, съ которыми былъ друженъ. Внукъ его, г-нъ Рябовъ, говоритъ, что вообще онъ былъ удрученъ болѣзнями, несчастіемъ своего семейства и тягостнымъ положеніемъ дѣлъ, особенно послѣ смерти брата своего; не принималъ никакого участія въ литературѣ, почти со всѣми прежними знакомыми разстался, кромѣ лишь очень не многихъ; что нѣкоторые изъ нихъ помогали ему денежными средствами, но что вообще твердость духа ему никогда не измѣняла и что онъ всегда казался спокойнымъ, не жаловался и терпѣливо переносилъ свою судьбу. Вотъ что

писалъ самъ онъ одному изъ друзей: «силы мои изнуряются подъ тяжкимъ бременемъ крестовъ: я такъ одряхлѣлъ, что вы бы меня не узнали». Новиковъ дѣйствительно несъ нѣсколько крестовъ: на его старческихъ рукахъ оказались двое больныхъ дѣтей— сынъ и дочь, у которыхъ, какъ мы уже сказали, была падучая болѣзнь. Никакія медицинскія средства не помогали. Николай Ивановичъ въ концѣ концовъ самъ пытался лечитъ ихъ и выписывалъ разныя универсальныя средства изъ-за границы, но безполезно. Только одна изъ дочерей, Вѣра, хотя и слабаго здоровья, служила ему утѣшеніемъ: она писала за него всѣ письма, и онъ называлъ ее своимъ секретаремъ, а самъ едва могъ дрожавшею рукою подписывать фамилію.

Домъ, въ которомъ онъ жилъ, существуетъ и до сихъ поръ. Онъ построенъ на возвышенномъ берегу рѣчки Сѣверки и состоитъ изъ двухъ этажей. Николай Ивановичъ занималъ 2 крайнія комнаты верхняго этажа, изъ которыхъ одна служила ему спальней и кабинетомъ, а другая библіотекой. Въ этомъ же этажѣ жилъ и больной его сынъ. Обѣ дочери помѣщались внизу подъ комнатою брата, а подъ кабинетомъ Николая Ивановича жила вдова Шварца. Гамалѣя занималъ большую комнату внизу же. Новиковъ велъ очень регулярный образъ жизни: вставалъ въ 4 часа утра, выпивалъ чашку чая и до 8 часовъ занимался чтеніемъ или письмомъ за своимъ письменнымъ столомъ. Въ первомъ часу подавали обѣдъ, къ которому собирались всѣ, кромѣ двухъ больныхъ дѣтей. Въ это время Новиковъ имѣлъ обыкновеніе сообщать присутствующимъ о томъ, что̀ онъ читалъ и что̀ особенно обратило на себя его вниманіе. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ часа полтора или два; затѣмъ до чаю, который пили въ 7 час. вечера, Николай Ивановичъ или гулялъ по своему огромному саду, занимавшему 12 десятинъ, или ходилъ на гумно, въ ригу и на деревню, гдѣ у него было много паціентовъ, которыхъ онъ не безуспѣшно лечилъ. Вообще Новиковъ, послѣ своего освобожденія, приложилъ много стараній къ устройству своихъ крестьянъ: на деньги, полученныя отъ залога въ Опекунскій Совѣтъ Авдотьина, онъ обстроилъ ихъ и до конца жизни заботился о нихъ, какъ только могъ. Неудивительно, что память о Николаѣ Ивановичѣ долго сохранялась и жила въ Авдотьинскихъ крестьянахъ. Особенно тепло и ласково относился онъ къ крестьянскимъ дѣтямъ. Вотъ что разсказывала въ 1858 г. объ Авдотьинѣ Ло-

пухина: «крестьяне этого села образованнѣе всѣхъ въ окрестности живущихъ, знаютъ грамоту и оканчиваютъ всѣ распри сами собою, помня сентенціи стариковъ, слышанныя ими отъ Николая Ивановича». Новиковъ очень много писалъ и диктовалъ, и послѣ него осталось множество бумагъ, которыя неизвѣстно куда дѣвались. До конца жизни онъ сохранилъ любовь къ литературѣ и просвѣщенію и еще въ 1805 году выражалъ желаніе взять на аренду университетскую типографію, съ платою 11 тыс. рублей въ годъ, но дѣло это почему-то не состоялось. Впрочемъ, болѣе всего въ этотъ періодъ его занимали вопросы религіозно-мистическаго характера.

Въ 1812 году тихая жизнь его была потревожена нашествіемъ французовъ. Всѣ сосѣдніе помѣщики разбѣжались, а онъ не тронулся съ мѣста. Проникнутый христіанскимъ смиреніемъ и покорный волѣ Божіей, онъ сказалъ: «что́ Богу угодно, то и будетъ». Мародеры однако не потревожили его. Грабя въ окрестностяхъ, они боялись заходить въ Авдотьино, разсчитывая встрѣтить тамъ засаду. Тутъ Новиковъ выказалъ опять свойственное ему человѣколюбіе и великодушіе: онъ выкупалъ у крестьянъ французовъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ, платя за нихъ по рублю, лечилъ ихъ, кормилъ, а по выходѣ непріятеля изъ Москвы—сдавалъ ихъ французскому начальству, не требуя конечно вознагражденія.

Своими сношеніями съ французами Новиковъ навлекъ на себя подозрѣніе тогдашняго главнокомандующаго Москвы, графа Ростопчина, который предписалъ даже бронницкому исправнику разслѣдовать эти сношенія. Новиковъ прожилъ въ Авдотьинѣ больше 20 лѣтъ послѣ своего освобожденія и умеръ 74 л. отъ роду 31-го іюля 1818 года. Смерть произошла отъ удара, послѣ котораго онъ прожилъ однако еще болѣе трехъ недѣль. Гамалѣя и обѣ дочери Николая Ивановича не долго прожили послѣ него. Одинъ только несчастный сынъ, лежавшій въ постели безъ всякихъ умственныхъ способностей, оставался еще въ живыхъ. Возвращаясь въ 1826 году изъ Петербурга, г-нъ Рябовъ заѣхалъ въ Авдотьино поклониться праху дѣда и засталъ еще больнаго живымъ. О немъ заботились новые владѣльцы Авдотьина, Лопухины.

Тѣло Николая Ивановича было похоронено 2-го августа въ Авдотьинской церкви, имъ самимъ построенной. Могила его находится влѣво отъ алтаря, противъ иконы Спасителя.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Дал ле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена. профессора Лозан. университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.
МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.
РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи Домашнія занятія ремеслами. Съ франц 400 рис Ц. 1 р. 50 к.
ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.
ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.
УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис Ц. 1 р. 75 к
КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч. часовъ. Съ 13 рис Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к
СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.
ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В Чиколева. Ц. 30 к.
О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Ц. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ А. Гано и Ж. Маневрье. Перев Ф Павленкова, В Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц 1 р. 50 к
СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.
ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.
СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ. Д ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.
ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2 е изд. Ц. 1 р.
ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО. Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.
ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина, Ц. 75 к.
ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа. съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.
ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.
ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Тисандье. Съ рис. Переводъ съ французск. Ц. 50 к.
СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр., Ц 2 р. 50 к
ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста Съ нѣм 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к
ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к

ЗАКОНЫ ПОДРАЖАНІЯ. Тарда. Переводъ съ французск. Ц. 1 р. 50 к
ДОМАШНІЙ ОПРЕДѢЛИТЕЛЬ ПОДДѢЛОКЪ. А Альмедингена Ц. 60 к.
НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. А. Альмедингена Ц 50 к
НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! А. Альмедингена. Ч. II. Ц. 50 к.
БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіенич бесѣды доктора Нимейера. Съ 30 рис. Ц 75 к
ГИГІЕНА ЖЕНЩИНЫ М. Тило. Ц. 40 к.
СОХРАНЕНІЕ ЗДОРОВЬЯ. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. Доктора Эйдама. Съ 7 рисунками. Ц 40 к
ДАРВИНИЗМЪ. Э. Ферьера. Перев. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц. 60 к
ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. (Отъ полюса до экватора). А. Грема Дополненіе къ его сочиненію „Жизнь животныхъ“. Со многими рис. Ц. 2 р.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ Деббера. Перевелъ съ французск. и дополнилъ М Энгельгардъ. Со многими рисунк. Ц 1 р.
ФАБРИЧНАЯ ГИГІЕНА. В. В. Святловскаго. 720 стр. и 153 рисунка. Ц. 4 р
ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическія наставленія для народныхъ учителей Ф Шублера Съ 137 рис. Ц 60 к
ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Майра и Пресса Перевелъ съ нѣмецк. и англійскаго Д. Головъ. Съ 293 рисунками. Ц 2 р 50 к. Одобрено Морскимъ Ученымъ Комитетомъ
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ Сочинен. Ніоде Перевелъ и дополнилъ Д Головъ. Со многими рисунками. Ц 2 р.
ШКОЛЬНЫЙ САДОВОДЪ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. А. Волотовскаго. Ц. 20 к.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА. Шуточный разсказъ въ стихахъ. В. Буша. Переводъ съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Дѣтскіе разсказы. А. Лякидэ. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ — 1 р., въ переплетѣ—1 р. 25 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. А. Брянчанинова. Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 50 к., въ переп. 3 р.

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. Е. Конради. Съ 50 рисунк. Ц. 2 р. Въ перепл.—2 р. 75 к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. П. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ перепл.—2 р.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ. В. Острогорскаго. 45 рис. Въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ. А. Арсеньева. Съ рис., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ПОСЛУШАЕМЪ! Разсказы. А. Нольде. 28 рис. Въ папкѣ 1 р. Въ пер. 1 р. 50 к.

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. Н. Лобелева. Съ 16 рис. Цѣна 20 к.

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 200 рисунковъ на 10 листахъ Ц. 1 р. „Объясненіе" къ нимъ 5 к.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 89 кастетами. Ц. 1 р.

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ В. Обреимовъ. 2-е изд. Ц. 40 к.

ИСКРЫ БОЖЬИ. Біографическіе очерки А. Островидской. Цѣна 1 р. 25 к.

20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ Составилъ В. Острогорскій Съ 20 портретами. 2 изд. Ц. 50 к.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Ц. 1 р. 25 к., въ пап.—1 р 50 к., въ переп.—1 р. 75 к.

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. Ламе-Флёри Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никльби, 9) Крошка Доррить. 10) Два города. Цѣна каждаго романа—40 к. Въ папкѣ 50 к.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. С. Ворисгофера. Съ 78 рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер.—2 р. 50 к.

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ пап.—2 р. 25 к., въ пер. 2 р 75 к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. С. Ворисгофера. Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переп. 2 р. 75 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. С. Ворисгофера. Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. Г. Тисандье. Переводъ подъ ред. Ф. Павленкова. Съ 55 рис. Ц. 2 р. Въ пер. 2 р. 50 к.

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Тисандье. Пер. подъ редакціей Ф. Павленкова. 353 рис Ц. 2 р., въ переп.—2 р. 75 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Люкаса. Съ франц. Ц. 1 р.

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. А. Круглова Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл.—2 р.

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимскаго. Съ рисун. Ц. каждой книжки по 35 к.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. А. Смирнова. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ переплетѣ—2 р.

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. А. Круглова. Съ 6 рис. Ц. 25 к.

НЕЗАБУДКИ. А. Круглова. Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ перепл.—2 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. Э Кандеза. 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ—2 р 25 к., въ переплетѣ—2 р. 50 к.

Иллюстрированные романы ВАЛЬТЕРЪ СКОТТА,

въ сокращенномъ переводѣ **Л. Шелгуновой:**

1) Веверлей, 2) Антикварій. 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ. 6) Квентинъ Дорвардъ 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста. 10) Легенда о Монтрозѣ и др. Цѣна каждаго романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 5 романовъ. Цѣна 2 р. 80 к.

[illegible] 39.

А. С. Пушкинъ.

КОПІИ СЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ПОРТРЕТОВЪ ПУШКИНА.

182?. рис. Ж. Верне.

1827. рис. Тропининъ.

1827. рис. Кипренскій.

1823. грав. Уткинъ.

?. рис. Мазеръ.

1836. рис. Брюлловъ (съ 1827.)

КОПІИ СЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ПОРТРЕТОВЪ ПУШКИНА.

1836. рис. Соколовъ.

1836. рис. Райтъ.

† 1837. рис. Львовъ.

† 1837. рис. Калининъ.

1838. грав. Уткинъ.

1839. грав. въ Англіи.

ДОМА, ВЪ КОТОРЫХЪ ЖИЛЪ ПУШКИНЪ.

Домъ Инзова въ Кишиневѣ, гдѣ жилъ Пушкинъ.

Домъ въ Одессѣ, гдѣ жилъ Пушкинъ въ 1823 г.

А С. Пушкинъ въ селѣ Михайлов

екомъ (съ картины г. Ге.)

Пушкинъ—мальчикъ.

Пушкинъ—лицеистъ

А. П. Ганнибалъ — дѣдъ поэта со стороны матери.

С. Л. Пушкинъ — отецъ поэта.

Н. О. Пушкина — мать поэта.

Пушкинъ въ Гурзуфѣ. (По картинѣ Айвазовскаго).

Дуэль Пушкина съ Дантесомъ 27 Я

я 1837 г. (съ картины г. Наумова).

Жена Пушкина (урожденная Гончарова).

Мѣсто дуэли Пушкина съ Дантесомъ.

Пушкинъ въ гробу.

Гипсовая маска, снятая съ лица Пушкина.

Могила Пушкина въ Святогорскомъ монастырѣ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

А. С. ПУШКИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. М. Скабичевскаго

Съ 15 портретами Пушкина и многими рисунками.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГР. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39.

1891

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Ноября 1890 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Происхожденіе Пушкина; годы дѣтства и первые проблески дарованія.

1799—1811.

Со стороны отца А. С. Пушкинъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, упоминаемому въ лѣтописяхъ со временъ Іоанна Грознаго, причемъ съ наибольшимъ уваженіемъ относился поэтъ къ предку своему Григорію Гавриловичу Пушкину, служившему при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посломъ въ Польшѣ, съ титуломъ нижегородскаго намѣстника. Отъ него-то и произошелъ Пушкинъ по прямой линіи.

Мать Пушкина была внучкой Ибрагима Ганнибала, прославленнаго поэтомъ «Арапа Петра Великаго». Но надо замѣтить, что, изъ тщеславія передъ столичною знатью, Пушкинъ слишкомъ разукрасилъ какъ происхожденіе, такъ и положеніе при дворѣ Петра своего чернаго предка. Пушкинъ рисуетъ его человѣкомъ въ своемъ родѣ знатнаго происхожденія изъ рода вліятельныхъ абиссинскихъ князей; свидѣтельствуетъ о томъ, что, взятый изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ аманатомъ, Ибрагимъ былъ препровожденъ къ Петру русскимъ посланникомъ; Петръ его самъ крестилъ, воспиталъ, сдѣлалъ потомъ любимымъ своимъ камердинеромъ и секретаремъ, послалъ за границу, гдѣ, не жалѣя денегъ на его содержаніе, доставилъ ему возможность блистать въ высшемъ парижскомъ обществѣ, а когда онъ вернулся въ Россію, государь выѣхалъ ему на встрѣчу за 28 верстъ. На самомъ-же дѣлѣ Ибрагимъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими арапченками, столь-же темнаго про-

исхожденія, какъ и онъ самъ, былъ выкраденъ изъ константинопольскаго гарема русскимъ посланникомъ и препровожденъ Петру, какъ любителю всякаго рода «курьезовъ» и «монстровъ», такъ какъ въ то время было въ большой модѣ у насъ содержать среди дворни всякаго рода инородцевъ: арановъ, калмыковъ, турчатъ и т. п. Онъ дѣйствительно былъ воспитанъ при дворѣ Петра и затѣмъ посланъ въ Парижъ, гдѣ записался во французскую инженерную школу, совершилъ походъ въ Испанію, но не только не имѣлъ возможности блистать въ высшемъ обществѣ, а во все время пребыванія за границей проживалъ въ крайней бѣдности. Изъ его писемъ видно, что, назначивъ ему на содержаніе всего двѣсти сорокъ франковъ въ годъ, Петръ часто совсѣмъ забывалъ о существованіи своего арапа и не всегда выплачивалъ аккуратно жалованье его. По крайней мѣрѣ въ письмахъ Ибрагимъ постоянно жалуется на крайнюю бѣдность и проситъ «не учинить его отчаяннымъ» и и не дать «пропасть въ нищетѣ». Изъ Парижа его «выгоняли» въ Россію, «какъ собаку, безъ денегъ», по его выраженію, и онъ былъ въ такомъ безпомощномъ положеніи, что собирался идти пѣшкомъ, и «ежели не достанетъ жалованья, то милостыню будетъ просить дорогою». Возвратился онъ въ свитѣ князя В. Л. Долгорукова, который очень имъ тяготился и не хотѣлъ кормить дорогою, такъ что Ганнибалъ выражалъ опасеніе, «какъ бы ему съ голоду не умереть»...

Нраву онъ былъ жестокаго и крутого. Женившись насильно на дочери флотскаго капитана, грека Діопера и заподозривъ жену въ невѣрности, онъ ее безчеловѣчно пыталъ и истязалъ; потомъ, пользуясь связями, выхлопоталъ разводъ, заточилъ жену въ монастырь, а самъ женился на другой, дочери капитана, Христинѣ Шебергъ. Отъ этого брака родилось у него шестеро дѣтей: четыри сына и двѣ дочери. Изъ нихъ наиболѣе прославился сынъ Иванъ Абрамовичъ, какъ одинъ изъ участниковъ и героевъ Наваринской битвы и основатель Херсона, гдѣ ему былъ воздвигнутъ памятникъ.

Совсѣмъ иныхъ свойствъ былъ другой сынъ Ибрагима, Осипъ. Служа въ артиллеріи, сначала сухопутной, потомъ морской, онъ отличался пылкимъ темпераментомъ и необузданнымъ нравомъ

и до такой степени былъ преданъ всякаго рода дикимъ увлеченіямъ и излишествамъ, что сдѣлался ужасомъ семьи, и отецъ долго не пускалъ его на глаза свои. Женившись затѣмъ на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, онъ скоро развелся съ нею, и въ Псковѣ, служа по выборамъ, сказавшись вдовцомъ, обвѣнчался, при живой женѣ, на вдовѣ капитана У. Е. Толстой. Результатомъ этого двоеженства былъ уголовный процессъ, кончившійся тѣмъ, что Осипа Абрамовича высочайшей резолюціей 1784 года развели со второю женою, утвердивши первый бракъ его, и сослали на службу въ Средиземное море, а затѣмъ онъ былъ сосланъ на жительство въ свое имѣніе, с. Михайловское, гдѣ и пребывалъ до своей смерти.

Отъ Марьи Алексѣевны у Осипа Абрамовича родилась дочь Надежда. По смерти мужа, Марья Алексѣевна, женщина энергическая, практическая и опытная хозяйка, проживала въ доставшемся ей отъ мужа сельцѣ Кобринѣ (Петерб. губерніи) и, тщательно воспитывая дочь, вывозила ее въ свѣтъ въ самое утонченное высшее петербургское общество, пользуясь положеніемъ и связями дяди ея и крестнаго отца, Ивана Абрамовича. Здѣсь молодая, красивая креолка, избалованная съ дѣтства лестью и потворствами, капризная, пылкая, властолюбивая, имѣла успѣхъ и между прочимъ плѣнила сердце блиставшаго въ свѣтскихъ кругахъ своимъ утонченнымъ французскимъ образованіемъ гвардейскаго офицера, Сергѣя Львовича Пушкина.

Братья Пушкины—Сергѣй и Василій Львовичи—представляли собою типы передовыхъ дворянъ того времени: писали стихи, знали много умныхъ изреченій и острыхъ словъ изъ стараго и новаго періода французской литературы и смѣло разсуждали о чемъ угодно съ голоса французскихъ энциклопедистовъ, послѣдней прочитанной книжки и на лету подхваченнаго сужденія. Василій Львовичъ былъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ одинъ изъ арзамасцевъ, принятый въ это общество Жуковскимъ, и какъ авторъ сатиры «Опасный сосѣдъ». Въ теченіи 25 лѣтъ непрестанно вращался онъ въ литературныхъ кружкахъ и умеръ съ книжкою Беранже въ рукахъ. Сергѣй Львовичъ въ свою очередь постоянно гонялся за разными знаменитостями, русскими и иностранными. Домъ его въ Москвѣ

былъ посѣщаемъ членами того блестящаго литературнаго круга, который въ началѣ столѣтія образовался тамъ около Карамзина; въ числѣ друзей и знакомыхъ дома встрѣчались самыя почтенныя имена того времени—Жуковскій, Тургеневъ, Дмитріевъ и проч. вмѣстѣ съ именами заѣзжихъ эмигрантовъ, туристовъ, артистовъ и т. п. Вращаясь вѣчно въ свѣтскихъ и литературныхъ кругахъ и ведя разсѣянную и чисто праздничную жизнь, братья поражали современниковъ своей крайнею безпечностью. Это были бонвиваны эпохи регентства на подкладкѣ русской распущенности. Въ положеніе своихъ дѣлъ они не вникали, деревенскую жизнь ненавидѣли; домъ ихъ, по словамъ одного очевидца того времени, всегда былъ на изнанку: въ одной комнатѣ богатая, старинная мебель, въ другой—пустыя стѣны или соломенный стулъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня съ баснословною неопрятностью; ветхіе рыдваны съ тощими клячами и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ до послѣдняго стакана. Имѣнія-же ихъ находились въ такомъ плачевномъ состояніи, что когда для спасенія Болдина посланъ былъ туда дѣятельный управляющій, онъ бѣжалъ изъ имѣнія, при видѣ страшнаго разоренія крестьянъ, до котораго они были доведены безпечностью и передовыми стремленіями помѣщика.

Но какова бы ни была изнанка жизни братьевъ Пушкиныхъ, съ внѣшней стороны они были такъ блестящи, и Сергѣй Львовичъ такъ съумѣлъ плѣнить стараго наваринскаго героя, Ивана Абрамовича Ганнибала, что тотъ безъ долгихъ колебаній рѣшился отдать за него свою племянницу и крестницу, Надежду Осиповну, промолвя: «онъ не очень богатъ, но образованъ».

Послѣ брака и рожденія первой дочери Ольги, Сергѣй Львовичъ, по заведенному тогда порядку, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву на покой. Послѣ того, вплоть до нашествія французовъ, Пушкины жили попеременно то въ Москвѣ, то въ своей подмосковной деревнѣ, Захарьинѣ. И вотъ, въ 1799 году, 26 мая, въ четвергъ, въ день Вознесенія, въ Москвѣ, на Молчановкѣ родился у нихъ сынъ Александръ.

До семилѣтняго возраста Пушкинъ не только не предста-

влялъ изъ себя чего либо замѣчательнаго, но напротивъ того, своею неповоротливостью, тучностью, робостью и неподвижностью приводилъ въ отчаяніе своихъ родителей, и они серьезно опасались даже за его умственныя способности. Заставить его бѣгать и играть со сверстниками можно было лишь насильно. Разъ на прогулкѣ онъ незамѣтно отсталъ отъ общества и преспокойно усѣлся посреди улицы. Сидѣлъ онъ такъ до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ, что изъ одного дома кто-то смотритъ на него и смѣется.—«Ну, нечего скалить зубы!»—сказалъ онъ съ досадою и отправился домой.

Когда настойчивыя требованія быть поживѣе превосходили мѣру терпѣнія ребенка, онъ убѣгалъ къ бабушкѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, залѣзалъ въ ея корзинку и подолгу смотрѣлъ на ея работу. Въ этомъ убѣжищѣ уже никто не тревожилъ его.

Вслѣдствіе этого ему не пришлось быть любимымъ и балованнымъ сыномъ своей матери. Напротивъ того, Надежда Осиповна выказывала открытое предпочтеніе старшей дочери Ольгѣ и младшему сыну Льву. Это обстоятельство однако-же имѣло впослѣдствіи благодѣтельное вліяніе на Пушкина. Не избалованный въ дѣтствѣ излишними угожденіями, онъ легко переносилъ лишенія и рано привыкъ къ мысли—искать опоры въ самомъ себѣ.

Единственными друзьями его ранняго дѣтства были бабушка Марья Алексѣевна и знаменитая, воспѣтая имъ впослѣдствіи, нянюшка Арина Родіоновна. Марья Алексѣевна была женщина замѣчательная, бывалая, прошедшая сквозь огонь и воду послѣ разлуки съ своимъ мужемъ и отличавшаяся не только опытностью, но и здравымъ смысломъ. Нянюшка Арина Родіоновна, представлявшая изъ себя типъ старинныхъ, преданныхъ барскихъ слугъ, отказавшаяся отъ предложенной ей отпускной за себя и за своихъ родныхъ, поражала знаніемъ народной поэзіи: ей извѣстенъ былъ весь сказочный міръ, и она передавала его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нея съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны. Такимъ

образомъ этимъ двумъ женщинамъ обязанъ былъ Пушкинъ наиболѣе поэтическими элементами своей музы: въ то время какъ Анна Родіоновна раскрывала передъ нимъ сокровища народнаго эпоса, Марья Алексѣевна увлекала его своими разсказами о старинѣ и о своихъ молодыхъ, полныхъ приключеніями, годахъ въ историческій міръ старыхъ дворянскихъ преданій и нравовъ 18-го столѣтія.

На седьмомъ году съ мальчикомъ произошелъ внезапный переворотъ: изъ вялаго и неповоротливаго онъ вдругъ сдѣлался развязнымъ, рѣзвымъ, шаловливымъ. Няню и бабушку, успѣвшую выучить ребенка грамотѣ, смѣнили по общему обычаю того времени иностранные гувернеры и учителя. Кромѣ священника Бѣликова и еще другого, обучавшихъ закону Божію и нѣкоторымъ другимъ предметамъ, всѣ остальные наставники были иностранцы: первымъ былъ французскій эмигрантъ графъ Монфоръ, музыкантъ и живописецъ; потомъ Руссо, хорошо писавшій французскіе стихи; далѣе Шадель и пр. Нѣмецкому языку, нелюбимому Пушкинымъ въ дѣтствѣ, учила г-жа Лоржъ, англійскому—гувернантка миссъ Бели. Былъ еще учитель, нѣмецъ Шиллеръ, обучавшій и русскому языку. Ученіе шло довольно безпорядочно вслѣдствіе частой смѣны преподавателей и не всегда удачнаго выбора ихъ. Обладая счастливой памятью, Пушкинъ выучивалъ уроки лишь слушая, какъ отвѣчала ихъ его сестра; когда-же перваго спрашивали его, ему приходилось ограничиваться постыднымъ молчаніемъ. Кромѣ нѣмецкаго языка не долюбливалъ онъ и ариѳметику, надъ которою пролилъ не мало слезъ, — особенно не давалось ему дѣленіе. Зато французскій языкъ, при безпрерывномъ упражненіи и въ классахъ, и въ разговорахъ между собою, усвоенъ былъ отлично, и впослѣдствіи Пушкинъ владѣлъ имъ, какъ своимъ роднымъ. Знаменитый графъ Алексѣй Сенъ-При говорилъ, что слогъ французскихъ писемъ Пушкина сдѣлалъ-бы честь любому французскому писателю. По итальянски Пушкинъ выучился также въ дѣтствѣ: отецъ его и дядя отлично знали этотъ языкъ.

Съ 9-го года начала развиваться въ Пушкинѣ страсть къ чтенію, не покидавшая его всю жизнь. Онъ прочелъ сперва

Плутарха, потомъ Гомера въ переводѣ Битобе, потомъ приступилъ къ библіотекѣ своего отца, состоявшей изъ эротическихъ произведеній французскихъ писателей XVIII вѣка, а также Вольтера, Руссо, энциклопедистовъ. Сергѣй Львовичъ поддерживалъ въ дѣтяхъ расположеніе къ чтенію и вмѣстѣ съ ними читывалъ избранныя сочиненія. Говорятъ, онъ особенно мастерски передавалъ Мольера, котораго зналъ почти наизустъ. Напролетъ цѣлыя ночи проводилъ Пушкинъ за чтеніемъ всѣхъ книгъ, попадавшихся ему въ руки.

Къ этому слѣдуетъ присоединить вліяніе тѣхъ литературныхъ и политическихъ разговоровъ, которые непрестанно велись въ гостиной Сергѣя Львовича образованнѣйшими людьми того времени, причемъ дѣтямъ позволялось безпрепятственно присутствовать при этихъ разговорахъ, лишь-бы они не вмѣшивались въ рѣчи старшихъ. Наконецъ, въ домѣ устраивали домашніе спектакли и всякаго рода jeux d'ésprit, въ которыхъ участвовали и дѣти. Все это, вмѣстѣ взятое, сильно вліяло на умственныя способности воспріимчиваго и талантливаго ребенка и влекло къ очень раннему развитію ихъ. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что первые опыты въ стихотворствѣ появились у Пушкина очень рано, на 12-мъ году. Началось дѣло, по обыкновенію, съ подражаній. «Любимымъ упражненіемъ Пушкина, по словамъ сестры его, сначала было импровизировать маленькія комедіи и самому разыгрывать ихъ передъ сестрою, которая въ этомъ случаѣ составляла публику и произносила свой судъ». Однажды какъ-то она освистала его пьеску «Escamoteur». Онъ не обидѣлся и самъ на себя написалъ слѣдующую эпиграмму:

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas—c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

т. е. «Скажи, за что партеръ освисталъ моего «Похитителя»? Увы! за то, что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера». Ознакомившись съ Лафонтеномъ, Пушкинъ сталъ писать басни. Начитавшись Генріады, онъ задумалъ шуточную поэму въ бас-

няхъ, содержаніе которой заключалось въ войнѣ между карлами и карлицами во времена Дагобера. Гувернантка похитила тетрадку поэта и отдала Шаделю, жалуясь, что M. Alexandre за подобными вздорами забываетъ о своихъ урокахъ. Шадель расхохотался при первыхъ стихахъ. Раздраженный авторъ тутъ же бросилъ свое произведеніе въ печку. Макаровъ разсказываетъ стыдъ и замѣшательство Пушкина, когда въ домѣ графа Бутурлина, вслѣдствіе молвы о поэтическихъ его дарованіяхъ, къ нему приступили всѣ жившія тамъ дѣвушки съ альбомами и просьбами написать что нибудь. Какой-то господинъ прочелъ русское четверостишіе Пушкина и, для большей торжественности, ударялъ на ‹. Мальчикъ только успѣлъ сказать «Ah, mon Dieu!» — и убѣжалъ безъ памяти въ библіотеку графа, гдѣ долго еще не могъ придти въ себя.

Къ этому ко всему слѣдуетъ замѣтить, что большинство первыхъ стихотворныхъ опытовъ Пушкина было написано имъ на французскомъ языкѣ, изъ чего можно заключить, что въ эту пору дѣтства роднымъ языкомъ поэта, на которомъ онъ и думалъ, и писалъ, былъ французскій.

II.

Лицейскіе годы А. С. Пушкина.

1811—1817.

Въ то время какъ въ первые годы своей жизни Пушкинъ тревожилъ своихъ родителей своею вялостью и неподвижностью, въ послѣдующіе, наоборотъ, онъ привелъ ихъ къ опасеніямъ за его будущее неукротимою пылкостью страстнаго темперамента. Напрасно воспитатели, по большей части плохіе, старались обуздать эту вулканическую натуру; добиваясь одного наружнаго повиновенія и употребляя для этой цѣли пошлыя и рутинныя мѣры строгости, они не только не достигли никакихъ результатовъ, но встрѣтили въ мальчикѣ отчаянное сопротивленіе, ежеминутно разрушавшее всѣ ихъ усилія. Къ такому-же отпору приводили увѣщанія и требованія родителей, сопровождаемыя вспышками гнѣва и тщетными угрозами съ ихъ стороны. И вотъ, какъ это всегда бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, у родителей составилось мнѣніе о сынѣ, какъ о натурѣ вполнѣ извращенной, какъ о выродкѣ, котораго ожидаетъ самая печальная будущность. Единственную надежду начали они питать на удаленіе его изъ родительскаго дома въ какое-либо закрытое заведеніе, гдѣ могли-бы обуздать его чужіе люди суровыми мѣрами строгости. Долго колебались они между двумя модными въ то время заведеніями: іезуитскимъ коллегіумомъ и частнымъ пансіономъ, устроеннымъ аббатомъ Николемъ и находившимся въ то время въ вѣдѣніи аббата Макара. Наконецъ порѣшили въ пользу іезуитскаго коллегіума и отправились уже въ Петербургъ хлопотать о поступленіи

сына туда, какъ вдругъ учрежденіе Царскосельскаго лицея совершенно измѣнило планы ихъ. Директоромъ лицея былъ назначенъ В. Ѳ. Малиновскій, съ которымъ Сергѣй Львовичъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. При помощи его, а особенно при содѣйствіи А. И. Тургенева, двѣнадцатилѣтній Пушкинъ былъ принятъ въ числѣ 30 воспитанниковъ, изъ которыхъ долженъ былъ состоять лицей.

По единогласному свидѣтельству всѣхъ знавшихъ внутреннюю жизнь семьи Пушкиныхъ, юноша покидалъ родительскій домъ безъ малѣйшаго сожалѣнія; съ своей стороны и семья провожала его холодно, словно сваливая съ плечъ тяжелую обузу. Исключеніе составляла лишь сестра Пушкина, къ которой онъ былъ привязанъ, и лишь съ одной ею прощался онъ съ грустью.

Василій Львовичъ привезъ племянника въ Петербургъ и держалъ его у себя въ домѣ все время, покуда онъ приготовлялся къ экзамену. 12-го августа 1811 года Пушкинъ, вмѣстѣ съ Дельвигомъ, выдержалъ пріемный экзаменъ и поступилъ въ лицей; 19-же октября послѣдовало торжественное открытіе лицея и послѣ того начались лекціи.

На лицей, при его основаніи, возлагали большія надежды, предполагая сдѣлать его образцомъ высшихъ учебныхъ заведеній, поставить на одномъ уровнѣ съ наполеоновскими Lycées и англійскими Colleges. Лучшіе и самые передовые свѣтила науки и педагоги того времени были избраны преподавателями лицея, каковы А. И. Куницинъ, Л. И. Карцевъ, И. К. Кайдановъ, потомъ А. И. Галичъ и др.

Но быстрое охлажденіе къ дѣлу и распущенность, эти два неизмѣнныя качества, сопровождающія всѣ россійскія предпріятія, не замедлили сказаться и здѣсь. Послѣ смерти въ 1814 г. перваго директора лицея, В. Ѳ. Малиновскаго, лицей безъ малаго два года состоялъ подъ управленіемъ профессоровъ, которые поочередно вступали въ директорство, мѣшали другъ другу, безпрестанно ссорились между собою, и для обузданія ихъ оказалось нужнымъ помѣстить въ званіе сперва инспектора классовъ, а потомъ и директора, военнаго человѣка аракчеевской школы, отставного подполковника С. С.

Фролова, принявшагося за дѣло круто, чисто по фельдфебельски, но скоро уволеннаго и оставившаго послѣ себя массу шутовскихъ воспоминаній.

Весь этотъ періодъ, до назначенія директоромъ Е. А. Энгельгардта, Пушкинъ называетъ временемъ анархіи, а другіе его товарищи—междуцарствіемъ. Преподаватели въ свою очередь на второй-же годъ спустили рукава: Куницинъ началъ ограничиваться требованіемъ буквальной выучки своихъ тетрадей, и его упрекали вообще въ наклонности къ лѣнивому, апатическому существованію. Кошанскій, читавшій древніе языки и русскую словесность, въ первый годъ увлекалъ слушателей своими бесѣдами о великихъ образцахъ древности и тщательно поправлялъ учениковъ упражненія въ слогѣ, но на второй годъ запилъ и совсѣмъ бросилъ преподаваніе. Математикъ Карцевъ, будучи отъ природы юмористомъ и видя общее нерасположеніе къ математикѣ воспитанниковъ, занимался на урокахъ выслушиваніемъ лицейскихъ анекдотовъ и остроумною болтовнею. Добродушный и слабый Галичъ, замѣнившій Кошанскаго, до такой степени былъ осѣдланъ своими воспитанниками, что допускалъ устройство тайныхъ студенческихъ попоекъ въ отведенной ему въ лицеѣ аудиторіи.

При такихъ порядкахъ воспитанники были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. Учебныя занятія не особенно обременяли ихъ, знанія, требуемыя по программѣ, достигались легко, а въ случаѣ недостатка ловко маскировались подставными вопросами и отвѣтами, выбранными съ общаго согласія учителей и учениковъ. У воспитанниковъ такимъ образомъ оставалась масса празднаго времени, въ которое они разгуливали свободно по всему лицею и царскосельскому саду, заводя любовныя интрижки съ горничными и крѣпостными актрисами домашняго театра графа Варѳ. Вас. Толстого. «Наташа», которой посвящено одно или два лицейскихъ стихотворенія Пушкина, принадлежала къ лицейскимъ нянюшкамъ; пьесы «Къ актрисѣ» и «Ты не наслѣдница Клеронъ» обращены къ крѣпостной актрисѣ. Отъ кутежей между собою въ стѣнахъ лицея воспитанники въ старшихъ классахъ перешли къ кутежамъ съ гвардейцами и вообще золотою молодежью, проживавшею лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ на

дачахъ. Изрѣдка они устраивали школьные бунты и протесты; такъ, они изгнали изъ заведенія инспектора, М. Ст. Пилецкаго-Урбановичъ, ожесточившаго воспитанниковъ своею религіозною навязчивостью, презрительными отзывами о семействахъ своихъ питомцевъ и іезуитскимъ обращеніемъ, скрывавшимъ подъ личиной снисхожденія много жестокости и коварства.

Нужно-ли послѣ этого удивляться той малоуспѣшности, которую обнаружилъ Пушкинъ на экзаменахъ, и тому, что въ аттестатѣ его даже по русскому языку значится посредственная отмѣтка? Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такъ ужъ совсѣмъ ничѣмъ и не былъ обязанъ онъ лицею. Кое-что запало въ голову воспитанниковъ и отъ лекцій Куницина и Кошанскаго. Не мало вліянія оказали на нихъ, по свидѣтельству М. А. Корфа, бесѣды учителя французской словесности, де-Бужи, брата Марата; онъ весьма способствовалъ укрѣпленію мыслительныхъ силъ въ воспитанникахъ, постоянно стараясь пріучать ихъ къ отчетливому представленію и изложенію того, что они слышали, видѣли и что возникло въ ихъ головѣ.—Но наиболѣе обязанъ былъ Пушкинъ лицею богатою библіотекою, пользованіе которою было предоставлено воспитанникамъ безъ малѣйшихъ ограниченій.

Имѣя массу свободнаго времени и предоставленный вполнѣ самому себѣ, съ жаромъ набросился Пушкинъ на книги лицейской библіотеки; дни и ночи читалъ онъ безъ отдыха, причемъ болѣе всего интересовали его книги по исторіи и французской словесности. Напрасно Дельвигъ старался пріохотить его къ изученію нѣмецкой литературы; Пушкинъ покинулъ своего товарища на первыхъ попыткахъ ознакомиться съ Клопштокомъ. Товарищи относились къ Пушкину сначала нѣсколько непріязненно, видя его умственное превосходство надъ ними и замѣчая, что онъ многое прочелъ, о чемъ они и не слыхали, и все, что читалъ, помнилъ. Они прозвали его французомъ за отличное знаніе французскаго языка, что очень оскорбляло юношу въ эпоху войны 1812 года, при всеобщей ненависти ко всему французскому. Не мало въ первое время отталкивало отъ него расположеніе его къ насмѣшкамъ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго от-

чаянія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце Пушкипа и скромность, заставлявшая его не только не кичиться и не важничать передъ товарищами—своими знаніями и талантами, но, напротивъ того, показывать, что все научное онъ не считаетъ ни во что и мастеръ только бѣгать, прыгать черезъ стулья, бросать мячикъ и проч. При такихъ качествахъ характера, Пушкинъ скоро побѣдилъ непріязнь къ себѣ товарищей и сдѣлался, напротивъ того, душою класса, а затѣмъ коноводомъ литературнаго кружка. Этотъ литературный кружокъ образовался едва-ли не тотчасъ по открытіи лицея; участниками въ немъ были Дельвигъ, Илличевскій, Корсаковъ, князь А. М. Горчаковъ, баронъ М. А. Корфъ, С. Г. Ломоносовъ, Д. Н. Масловъ, Н. Г. Ржевскій, В. К. Кюхельбекеръ, М. Л. Яковлевъ. Литературныя занятія кружка заключались во-первыхъ—въ изданіи рукописныхъ журналовъ, въ которыхъ члены помѣщали свои произведенія, а во-вторыхъ—въ особенной литературной игрѣ. Составивъ одинъ общій кругъ, товарищи обязывали каждаго разсказать повѣсть или по крайней мѣрѣ начать ее. Въ послѣднемъ случаѣ, слѣдующій за разсказчикомъ принималъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась, и развивалъ далѣе; третій въ свою очередь продолжалъ ее, и т. д., пока повѣсть не приходила къ окончанію. Дельвигъ первенствовалъ на этой гимнастикѣ воображенія; его никогда нельзя было застать въ расплохъ: интриги, завязки и развязки были у него всегда готовы. Пушкинъ уступалъ ему въ способности придумывать на-скоро происшествія и часто прибѣгалъ къ хитрости. Разъ онъ изложилъ восхищеннымъ слушателямъ исторію 12 спящихъ дѣвъ, умолчавъ объ источникѣ, откуда почерпнулъ ее. Тогда-же, въ грубыхъ конечно чертахъ, онъ передалъ двѣ повѣсти, имъ самимъ придуманныя: Метель и Выстрѣлъ, которыя впослѣдствіи явились въ «Повѣстяхъ Бѣлкина».

Подъ вліяніемъ этихъ литературныхъ игръ и занятій кружка, Пушкинъ очень скоро перешелъ отъ французскихъ стиховъ къ русскимъ и на первыхъ порахъ наиболѣе прославился между товарищами своими колкими и мѣткими эпиграммами. Н. Ѳ. Кошанскій очень строго отнесся къ первымъ опытамъ своего ученика, старался отвратить его отъ попытокъ сочинительства и

только позднѣе, убѣдившись въ его талантѣ, съ жаромъ принялся знакомить его съ теоріей словесности и классическими произведеніями древности; но это продолжалось недолго и кончилось съ несчастною болѣзнью наставника, о которой мы выше говорили.

Первые опыты Пушкина, извѣстные подъ именемъ «лицейскихъ стихотвореній», носятъ на себѣ вліяніе всѣхъ тѣхъ писателей, которыми увлекался Пушкинъ въ своемъ отрочествѣ. Изъ русскихъ писателей это были Карамзинъ, Жуковскій и въ особенности Батюшковъ. Послѣдній производилъ на Пушкина самое сильное впечатлѣніе и былъ главнымъ учителемъ его въ отношеніи пластичности формъ и той тонкой, граціозной, чисто классической гармоніи между формой и содержаніемъ, какою наиболѣе отличался авторъ «Умирающаго Тасса». Пушкинъ высоко цѣнилъ даже сходство, какое могутъ представлять нѣкоторые изъ собственныхъ его стиховъ съ манерой Батюшкова. Что-же касается содержанія лицейскихъ стихотвореній, то въ этомъ отношеніи Пушкинъ подчинялся вліянію той школы французскихъ анакреонтическихъ писателей, на которой онъ былъ воспитанъ въ родительскомъ домѣ, каковы—Шенье, Шапель, Берни, Грессе, Грекуръ, Парни. Этимъ вліяніемъ обусловливается и тотъ веселый и нѣсколько легкомысленный взглядъ на жизнь, и то обиліе эротическаго и вакхическаго элементовъ, какое мы встрѣчаемъ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Но какъ бы ни были расположены смотрѣть отрицательно на всѣ подобныя бездѣлки люди, требующіе отъ поэзіи серьезнаго содержанія, нельзя отрицать и нѣкоторой доли благотворнаго вліянія, какое оказали вышеупомянутые писатели на характеръ поэзіи Пушкина: они сразу поставили ее на реальную почву изображенія земныхъ, опредѣленныхъ, всѣми ощущаемыхъ и каждому знакомыхъ радостей и печалей. Это одно составляло большой шагъ впередъ отъ господствовавшаго въ то время въ нашей литературѣ мистическаго романтизма съ его скорбными томленіями—неизвѣстно о чемъ, и порываніями—неизвѣстно куда.

Первое стихотвореніе Пушкина, вышедшее въ свѣтъ, было посланіе къ Другу Стихотворцу, напечатанное въ № 13

«Вѣстника Европы» съ подписью: Александръ Н. К. ш. п. Затѣмъ, въ томъ-же году, появились въ томъ-же «В. Евр.» издававшемся Вл. В. Измайловымъ: Кольна, Венерѣ отъ Лаисы, Опытность и Блаженство. Но наиболѣе памятный для Пушкина годъ былъ 1815-й. Съ него начинается литературная извѣстность и слава его. Въ этомъ году подъ стихами Пушкина уже находимъ полное его имя. О немъ заговорили.

Въ январѣ 1815 года, 4-го и 8-го, въ первый разъ происходило въ лицеѣ торжественное публичное испытаніе, на которое нарочно пріѣхали изъ Петербурга многіе важные государственные люди и ревнители просвѣщенія; между прочимъ присутствовалъ и Державинъ. Вотъ какъ вспоминаетъ Пушкинъ объ этомъ, глубоко врѣзавшемся въ его память, экзаменѣ: «Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, поджавши голову рукою; лицо его было безсмыслено, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его—гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ—очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ изъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина; голосъ мой отрочески зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи, онъ меня требовалъ, хотѣлъ обнять... Меня искали, но не нашли»...

Послѣ этого слухи о появленіи необыкновеннаго таланта не замедлили распространиться по Петербургу. Всѣ дивились. На большомъ обѣдѣ у министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, о Пушкинѣ шелъ общій говоръ. Всѣ предсказывали будущую славу его. Хозяинъ, обратясь къ Сергѣю Львовичу, который находился тутъ-же, замѣтилъ между прочимъ: «Я бы желалъ однако-жъ образовать сына вашего къ прозѣ».—«Оставьте его поэтомъ»—возразилъ съ жаромъ Державинъ.

*

Столь льстивые отзывы, понятно, помирили родителей съ ихъ блуднымъ сыномъ. Въ то же время Пушкинъ тогда-же сблизился уже съ первоклассными писателями того времени, Жуковскимъ, Карамзинымъ и Батюшковымъ. Жуковскій, бывши въ Москвѣ, получилъ отъ Василія Льв. стихи Пушкина «Воспоминанія въ Ц. С.», отправился къ друзьямъ своимъ и тамъ, читая ихъ вслухъ, останавливался на лучшихъ мѣстахъ и восклицалъ: «вотъ у насъ настоящій поэтъ!»—Лѣтомъ 1815 года, посѣщая часто Царское село и читая императрицѣ стихи свои, Жуковскій сблизился съ Пушкинымъ и полюбилъ его, какъ родного. Это было время самой громкой славы Жуковскаго. Три изданія «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» раскупились въ одинъ годъ; «Посланіе къ Имп. Александру» было принято съ восторгомъ, какъ выраженіе общихъ народныхъ чувствъ. Друзья носили Жуковскаго на рукахъ. Вдовствующая императрица, Марья Ѳедоровна, весьма благоволила къ нему. И можете себѣ представить, что этотъ 32-лѣтній поэтъ, дожившій до полнаго развитія своего таланта и апогея своей славы, до такой степени сразу былъ увлеченъ геніемъ Пушкина, что ему, 15-лѣтнему мальчику, сидѣвшему на школьной скамейкѣ, нарочно читалъ свои стихи, и если въ слѣдующія свиданія Пушкинъ не вспоминалъ и не повторялъ ихъ, то Жуковскій считалъ такіе стихи слабыми и уничтожалъ ихъ или передѣлывалъ. Въ то-же время съ нѣжнымъ отеческимъ участіемъ Жуковскій радовался блестящимъ успѣхамъ Пушкина, снисходилъ къ его увлеченіямъ, прощалъ его заносчивость, берегъ его, заботился о немъ. Самъ Пушкинъ впослѣдствіи называлъ его своимъ ангеломъ-хранителемъ.

Къ тому-же времени относится и сближеніе Пушкина съ Карамзинымъ. Карамзинъ и прежде уже, будучи знакомъ съ Сергѣемъ Льв. и бывая у нихъ въ домѣ, мелькомъ видѣлъ талантливаго юношу. Въ февралѣ 1816 года онъ привезъ въ Петербургъ къ печати восемь томовъ «Исторіи Госуд. Россійскаго» и читалъ друзьямъ своимъ посвященіе, которымъ начинается первый томъ исторіи. Пушкинъ присутствовалъ при чтеніи, запомнилъ все и, пришедши домой, записалъ отъ слова до слова, такъ что посвященіе сдѣлалось извѣстно въ лицей-

скомъ кружкѣ гораздо прежде, чѣмъ было напечатано. Уже тогда Карамзинъ познакомился съ Пушкинымъ ближе и успѣлъ привлечь его къ себѣ лаской, одобреніями и участіемъ. Но наибольшее сближеніе послѣдовало лѣтомъ въ 1816 году, когда Карамзинъ поселился въ Царскомъ Селѣ. Тамъ, занимаясь продолженіемъ исторіи и печатаніемъ первыхъ ея томовъ, Карамзинъ приглашалъ къ себѣ Пушкина, бесѣдовалъ съ нимъ, и Пушкинъ имѣлъ возможность слушать Исторію Госуд. Рос. изъ устъ самого исторіографа; Пушкинъ горячо полюбилъ Карамзина и все его семейство и сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ. Какъ и Жуковскій, Карамзинъ любовался молодымъ поэтомъ, предостерегалъ, удерживалъ, берегъ его и послѣ спасъ въ одну изъ рѣшительныхъ минутъ его жизни.

Къ этому-же періоду относится знакомство и сближеніе Пушкина съ другими передовыми силами русской литературы того времени, каковы — И. И. Дмитріевъ и Батюшковъ. Съ Дмитріевымъ онъ познакомился черезъ Карамзина: Батюшковъ былъ старый другъ Сергѣя Льв. Наконецъ тогда-же сблизился съ Пушкинымъ и А. И. Тургеневъ, который до конца жизни оставался съ нимъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ и часто съ нимъ переписывался.

Ранніе и быстрые литературные успѣхи побудили Пушкина еще съ бóльшимъ рвеніемъ и страстностью приняться за развитіе своего поэтическаго таланта. Отбывая кое-какъ школьную науку, неглижируя и лѣнясь, въ то-же время дни и ночи просиживалъ юноша въ своей коморкѣ подъ № 14, бесѣдуя съ музами. Довольно сказать, что въ стѣнахъ лицея онъ успѣлъ написать около ста двадцати стихотвореній и тутъ-же задумалъ и началъ писать первую свою поэму «Русланъ и Людмила».—Но такъ велика была скромность молодого поэта, что и тогда весьма немногія изъ своихъ стихотвореній онъ рѣшался посылать въ печать, причемъ сердился и выходилъ изъ себя, когда нѣкоторыя стихотворенія были печатаемы друзьями, помимо его вѣдома. Даже и впослѣдствіи, выпустивши въ 1826 году первое изданіе своихъ произведеній, Пушкинъ изъ 120 лицейскихъ стихотвореній своихъ удостоилъ печати лишь 23 пьесы.

Въ половинѣ мая 1817 года начались въ лицеѣ выпускные экзамены и тянулись 15 дней при многочисленной публикѣ. Посѣтителямъ предоставлено было задавать лицеистамъ вопросы, что̀ дало поводъ къ занимательнымъ отвѣтамъ и преніямъ. На экзаменѣ изъ русской словесности Пушкинъ читалъ сочиненное имъ на этотъ случай стихотвореніе «Безвѣріе», но отвѣчалъ плохо и былъ выпущенъ 19-мъ, съ чиномъ X класса или гвардіи офицера.

III.

Жизнь и дѣятельность А. С. Пушкина въ С.-Петербургѣ.

1818—1830.

Передъ выходомъ изъ лицея, Пушкинъ мечталъ о военной службѣ. Незадолго передъ тѣмъ появившійся Высочайшій указъ предоставлялъ лицеистамъ право опредѣляться прямо въ гвардію офицерами, и 12 товарищей Пушкина тотчасъ-же избрали военное поприще. Жизнь военная и молодому поэту представлялась въ самомъ привлекательномъ видѣ. Уже давно онъ познакомился съ нею въ кругу квартировавшихъ въ Царскомъ Селѣ офицеровъ. Къ тому-же, повидимому, онъ имѣлъ всѣ данныя для нея: физическая организація его, крѣпкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражненіями. Онъ славился, какъ неутомимый ходокъ пѣшкомъ, страстный охотникъ до купанья, ѣзды верхомъ, и отлично дрался на эспадронахъ, считаясь чуть-ли не первымъ ученикомъ у извѣстнаго фехтовальнаго учителя Вальвиля. Пушкину хотѣлось поступить въ лейбъ-гусары, и одинъ знакомый генералъ обѣщалъ ему содѣйствіе, но не удалось молодому поэту носить военнаго мундира. Свиданіе съ отцомъ разстроило всѣ его планы. Сергѣй Львовичъ наотрѣзъ объявилъ, что не въ состояніи содержать сына въ гусарскомъ полку, и позволилъ ему опредѣлиться въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ гвардіи; но Пушкинъ не захотѣлъ этого и черезъ 4 дня по выходѣ изъ лицея записался въ министерство иностранныхъ дѣлъ, что

вполнѣ соотвѣтствовало его склонностямъ: служба эта, будучи номинальною, предоставляла ему много досуга.

По выходѣ изъ лицея, Пушкинъ снова вернулся подъ родительскій кровъ. Родители его жили теперь уже въ Петербургѣ, а на лѣто уѣзжали въ Псковскую губернію, въ родовое свое село Михайловское. Сюда и пріѣхалъ Пушкинъ съ родными тотчасъ по выпускѣ изъ лицея. «Вышедъ изъ лицея, говоритъ Пушкинъ въ своихъ запискахъ, я тотчасъ почти уѣхалъ въ Псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался я сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ, и пр., но все это нравилось мнѣ не долго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу».

Эта страсть къ городской жизни и къ толпѣ очевидно была унаслѣдована Пушкинымъ отъ своихъ родителей и особенно отъ отца. Сергѣю Львовичу обязанъ онъ былъ и своимъ тщеславіемъ, страстью тянуться во что-бы то ни стало въ высшее свѣтское общество. Страсть эта, сгубившая его впослѣдствіи, не замедлила обнаружиться при первыхъ-же шагахъ его въ жизни.

Казалось-бы, что и по умственнымъ склонностямъ Пушкина, и по средствамъ родителей онъ долженъ былъ вращаться преимущественно въ литературной средѣ, тѣмъ болѣе, что въ этой средѣ онъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ принятъ съ участіемъ, лаской и любовью первыми литературными свѣтилами того времени. Съ перваго шага въ свѣтъ, Пушкинъ очутился въ обществѣ тогдашнихъ литераторовъ, какъ извѣстный и заслуженный его членъ. Онъ почти совсѣмъ не былъ въ положеніи начинающаго. Едва вышелъ онъ изъ лицея, какъ уже осенью 1817 года онъ былъ принятъ въ члены литературнаго общества Арзамасъ, вокругъ котораго группировались всѣ молодые писатели новаго романтическаго направленія, ратовавшіе противъ устарѣлыхъ классиковъ, которые въ свою очередь группировались вокругъ московскаго общества «Бесѣды любителей русскаго слова» и «Вѣстника Европы» Каченовскаго. По обычаю арзамасскаго общества всѣмъ членамъ давать особенныя шутливыя прозвища, Пушкина назвали сверчкомъ, потому что, по выраженію одного изъ арзамасцевъ, «въ нѣкоторомъ

отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ лицея, прекрасными стихами уже подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ». Новый членъ Арзамаса произносилъ обыкновенно шуточное похвальное слово какому-либо члену враждебной «Бесѣды любителей русскаго слова». Неизвѣстно, кому произнесъ похвальное слово Пушкинъ при вступленіи своемъ, но ему дозволено было сказать рѣчь свою александрійскими стихами, которые, къ сожалѣнію, не дошли до насъ. Къ несчастью Пушкина, Арзамасъ скоро разсѣялся. Собраніе, въ которомъ Пушкинъ произнесъ свою рѣчь, было послѣднимъ, такъ какъ члены Арзамаса отозваны были изъ столицы разными обязанностями. Но кромѣ Арзамаса въ Петербургѣ было нѣсколько другихъ литературныхъ обществъ, кружковъ и салоновъ (Общ. любит. словесности, наукъ и художествъ, Общ. соревнователей просвѣщенія и благотворенія, кружокъ А. Н. Оленина, вечера В. А. Жуковскаго), и хотя Пушкинъ не принадлежалъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, однакоже слѣдилъ внимательно за ихъ занятіями. На вечерахъ Жуковскаго читалъ онъ пѣсни «Руслана и Людмилы», подвергая ихъ передѣлкамъ подъ вліяніемъ сужденій и приговоровъ друзей. Извѣстно, что послѣ чтенія послѣдней пѣсни Жуковскій подарилъ автору свой портретъ, украшенный подписью: «Ученику отъ побѣжденнаго учителя». Батюшковъ-же, прочтя посланіе Пушкина къ Ѳ. Ф. Юрьеву, сжалъ въ рукахъ листокъ бумаги съ этимъ посланіемъ и проговорилъ: «О! какъ сталъ писать этотъ злодѣй!»

Къ этому-же времени относится знакомство Пушкина съ П. А. Катенинымъ, этой благороднѣйшей и замѣчательной личностью того времени. Пушкинъ просто пришелъ въ 1818 году въ Катенину и, подавая ему свою трость, сказалъ: «Я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисфену: побей—но выучи!»—Ученаго учить—портить! отвѣчалъ Катенинъ. Съ тѣхъ поръ дружескія связи не прерывались, и Катенинъ оказывалъ большое вліяніе на Пушкина, какъ знатокъ языковъ и европейскихъ литературъ. Пушкинъ именно Катенину былъ обязанъ осторожностью въ оцѣнкѣ иностранныхъ поэтовъ, умѣньемъ находить свои достоинства въ писателяхъ различныхъ школъ и особенно хладнокровіемъ при жаркихъ спорахъ, скоро возникшихъ у

насъ по поводу классицизма и романтизма. Катенинъ, между прочимъ, помирилъ Пушкина съ кн. Шаховскимъ, приверженцемъ классицизма, и съ актрисой А. М. Колосовой, дебюты которой Пушкинъ встрѣтилъ злой эпиграммой.

Но, къ сожалѣнію, Пушкинъ только мелькомъ бывалъ въ литературныхъ кружкахъ и видался со своими друзьями и сотоварищами по перу. Болѣе-же всего его тянуло въ высшій свѣтъ, гдѣ онъ считалъ неприличнымъ носить званіе литератора и всячески старался, чтобы забыли о томъ, что онъ пишетъ стихи. Связи отца и служба по министерству иностранныхъ дѣлъ открыли Пушкину входъ въ лучшіе дома большого свѣта, каковы были гр. Бутурлиныхъ и Воронцовыхъ, кн. Трубецкихъ, гр. Лаваль, Сушковыхъ и пр. Здѣсь Пушкинъ на первыхъ порахъ съ пылкою страстностью увлекся балами и всѣми великосвѣтскими развлеченіями, но большой свѣтъ скоро наскучилъ ему, и онъ кинулся въ вихрь полусвѣта. Страсть къ обществамъ, явнымъ и тайнымъ, различныхъ наименованій, была такъ сильна въ то время, что безпрестанно возникали общества не только литературныя, масонскія, политическія, но эротическія и вакхическія. Таково было между прочимъ общество «Зеленой лампы», основанное Н. В. Всеволожскимъ и у него собиравшееся. Это было оргическое общество, которое въ числѣ различныхъ домашнихъ представленій, какъ изгнаніе Адама и Евы, гибель Содома и Гоморры, устраиваемыхъ имъ на своихъ засѣданіяхъ, пародировало между прочимъ собранія съ парламентскими и масонскими формами, но было посвящено исключительно обсужденію плановъ волокитства, закулисныхъ проказъ и всякаго рода отчаянныхъ шалостей, иногда крайне скандальныхъ, рискованныхъ и опасныхъ; сюда-же входили и кутежи съ богатырскими пари относительно количества выпитыхъ напитковъ и безпрестанныя дуэли изъ за самыхъ ничтожныхъ пустяковъ, вродѣ какой нибудь случайной театральной ссоры.

Пушкинъ присоединился именно къ этому обществу великосвѣтскихъ безобразниковъ, и какъ велики были излишества, которымъ онъ предавался въ это время, можно судить по тому, что втеченіи трехъ лѣтъ онъ два раза лежалъ на краю гроба,

въ горячкѣ, именно вслѣдствіе постоянныхъ возбужденій организма, не выдерживавшаго подобнаго богатырскаго разгула. При этомъ нужно принять во вниманіе, что кутежи съ золотою молодежью были не только не по физическимъ силамъ Пушкина, но и не по карману его, и онъ очень нуждался въ деньгахъ. За стихи въ то время еще не платили ему; 700 р., получаемые имъ на службѣ, были капля въ морѣ для великосвѣтскихъ кутежей, отецъ-же Пушкина не особенно раскошеливался для молодого повѣсы и выводилъ его изъ себя своею скупостью. Такъ, одинъ современникъ, добрый пріятель Пушкина, разсказывалъ, какъ поэту приходилось упрашивать, чтобъ ему купили бывшіе тогда въ модѣ бальные башмаки съ пряжками; Сергѣй же-Львовичъ предлагалъ ему свои старые, павловскихъ временъ. «Мнѣ больно видѣть, говоритъ Пушкинъ въ одномъ письмѣ къ брату, равнодушіе отца моего къ моему состоянію. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда больной, въ осеннюю грязь или трескучіе морозы, я бралъ извозчика отъ Аничкина моста, онъ вѣчно бранился за 80 копѣекъ, которыхъ, вѣрно-бы, ни ты, ни я не пожалѣлъ для слуги». Если-же и попадала въ карманъ Пушкина лишняя копѣйка, онъ тотчасъ [redacted] разсудствомъ. Такъ, однажды ему случилось кататься на лодкѣ, въ обществѣ, въ которомъ находился и отецъ его. Погода стояла тихая, и вода была такъ прозрачна, что виднѣлось самое дно. Пушкинъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ и одну за другою сталъ бросать въ воду, любуясь паденіемъ и отраженіемъ ихъ въ чистой влагѣ.

И не смотря на то, что скудность денежныхъ средствъ ставила его безпрестанно въ двусмысленныя и неловкія положенія, сильно тревожившія и огорчавшія его, онъ все-таки продолжалъ тянуться къ знати. «Пушкинъ,—разсказываетъ о немъ одинъ изъ лицейскихъ друзей его—либеральный по своимъ воззрѣніямъ, часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напримѣръ, вертѣться у оркестра, около знати, которая съ покровительственной улыбкой выслушивала его шутки, остроты. Случалось изъ креселъ сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжитъ. Говоришь, бывало: «что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ—ни въ одномъ изъ

нихъ ты не найдешь сочувствія». Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется; потомъ, смотришь, Пушкинъ опять съ тогдашними львами».

Надо удивляться, какъ среди этой разсѣянной жизни, исполненной безпрерывныхъ оргій, у Пушкина хватало времени на литературныя работы. Между тѣмъ, оставшіяся послѣ него тетради свидѣтельствуютъ объ упорномъ, усидчивомъ трудѣ, который онъ положилъ на обработку «Руслана и Людмилы», трудѣ не менѣе четырехъ лѣтъ, такъ какъ задуманная еще на скамьяхъ лицея поэма вышла въ свѣтъ въ 1820 г. Появленіе «Руслана и Людмилы» произвело сильную сенсацію и въ литературѣ, и въ обществѣ, равносильную внезапному пушечному выстрѣлу среди мертвой тишины или яркому лучу свѣта, блеснувшему среди непроницаемаго мрака. Поэма шла совершенно въ разрѣзъ съ установившимися литературными пріемами и не была похожа ни на что, существовавшее въ литературныхъ кружкахъ того времени. Тутъ и тѣни не было ни того высокопарнаго, чопорнаго тона, съ какимъ передавались сюжеты народнаго эпоса классиками, ни плаксиваго сентиментализма и туманной мечтательности романтиковъ: бездна остроумія, шутливое отношеніе къ сказочному міру, живой и здравый реализмъ, проглядывающій сквозь чудеса, и свободное, простое теченіе разсказа при безпрестанныхъ отступленіяхъ и неожиданныхъ обращеніяхъ къ посторонниимъ предметамъ—все это производило впечатлѣніе неслыханной новизны и въ то-же время подкупало своею поэтическою обаятельностью. И между тѣмъ какъ публика на-расхватъ покупала поэму, читала и перечитывала ее до заученія наизусть, въ журнальномъ мірѣ занялся цѣлый сыръ-боръ изъ за нея. Затихавшіе въ послѣднее время споры между классиками и романтиками вспыхнули съ новою силою. И между тѣмъ какъ романтики до небесъ расхваливали поэму, приписывая ей рядъ знаменитыхъ предковъ и у себя, и на сторонѣ, сравнивая ее съ «Душенькой» Богдановича и съ «Обернономъ» Виланда, и съ «Неистовымъ Орландомъ» Аріоста, классики на страницахъ «Вѣстника Европы» обрушились на нее съ ожесточеніемъ и ужасомъ. «Об-

ратите вниманіе, писалъ критикъ «В. Евр.», на новый ужасный предметъ, возникающій среди океана россійской словесности.... Наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова... Просвѣщеннымъ людямъ предлагаютъ поэму, писанную въ подраженіе Еруслану Лазаревичу». Критикъ допускаетъ еще собираніе русскихъ сказокъ, какъ собираютъ и безобразныя старыя монеты, но уваженія къ нимъ не понимаетъ. Выписавъ сцену Руслана съ головой, критикъ восклицаетъ: «Но увольте меня относительно описанія и позвольте спросить: если бы въ московское благородное собраніе какъ нибудь втерся (предполагая невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ зычнымъ голосомъ: «здорово, ребята!» неужели-бы стали такимъ проказникомъ любоваться?... зачѣмъ допускать, чтобы классическія шутки старины снова появлялись между нами». (В. Евр. 1820 г. № XI).

Но въ то время, какъ поэма «Русланъ и Людмила» произвела такой шумъ въ литературномъ обществѣ, автора ея уже не было въ Петербургѣ, и очень можетъ быть, что успѣху поэмы на половину содѣйствовало именно это обстоятельство. Дѣло въ томъ, что, крайне чуткій ко всему, что окружало его въ жизни того времени, Пушкинъ не могъ оставаться глухимъ къ тому броженію, которымъ было преисполнено наше высшее общество послѣ войны 1812 года. Не съ одними повѣсами и кутилами сталкивался Пушкинъ въ большомъ свѣтѣ и въ гвардейскихъ кружкахъ. Рядомъ съ такими забубенными людьми, какъ бр. Всеволожскіе или Якубовичъ, Пушкинъ былъ близокъ и съ личностями совсѣмъ иного рода, каковы были Катенинъ, Н. И. Тургеневъ, Чаадаевъ, Раевскій, Пущинъ и затѣмъ масса людей, горячо увлекавшихся общественными вопросами своего времени. Онъ былъ охваченъ сѣтью политическихъ кружковъ и тайныхъ обществъ, которые не принимали его въ свои нѣдра, считая слишкомъ легкомысленнымъ и суетнымъ, но въ то же время вліяли на его образъ мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали въ немъ желаніе проникнуть въ эти кружки и сдѣлаться членомъ ихъ. И вотъ, оскорбленный этимъ непризнаніемъ, Пушкинъ вздумалъ составить себѣ самостоятельно видное положеніе между ними и разразился массою политическихъ памфлетовъ

и эпиграммъ, которые быстро расходились среди публики, увеличивали его популярность, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлали положеніе поэта съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе опаснымъ. Распространившіеся въ обществѣ слухи объ арестѣ и наказаніи его въ тайной канцеляріи еще болѣе подлили масла. «Мнѣ было 20 лѣтъ въ 1820 г., говоритъ онъ въ своей позднѣйшей запискѣ: —нѣсколько необдуманныхъ словъ, нѣсколько сатирическихъ стиховъ обратили на меня вниманіе. Раснесся слухъ, что я былъ позванъ въ тайную канцелярію и высѣченъ. Слухъ былъ давно общимъ, когда дошелъ до меня. Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрался—мнѣ было 20 лѣтъ! Я размышлялъ, не приступить-ли мнѣ къ самоубійству или... Но въ первомъ случаѣ я самъ-бы способствовалъ къ укрѣпленію слуха, который меня безчестилъ; я не смывалъ никакой обиды, потому что обиды не было; я только совершалъ преступленіе и приносилъ жертву общественному мнѣнію, которое презиралъ... Таковы были мои размышленія; я сообщилъ ихъ одному другу, который вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ. Онъ совѣтывалъ мнѣ начать попытки оправданія себя передъ правительствомъ: я понялъ, что это безполезно. Тогда я рѣшился выказать столько наглости, столько хвастовства и буйства въ моихъ рѣчахъ и въ моихъ сочиненіяхъ, сколько нужно было для того, чтобы понудить правительство обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири, какъ возстановленія чести...»

Результатомъ всего этого было то, что въ одинъ прекрасный день Пушкинъ былъ приглашенъ къ тогдашнему петербургскому генералъ-губернатору, гр. Милорадовичу. «Когда привезли Пушкина, говоритъ И. И. Пущинъ, гр. Милорадовичъ приказываетъ полиціймейстеру ѣхать на его квартиру и опечатать всѣ его бумаги. Пушкинъ, слыша это приказаніе, говоритъ ему: «Графъ! Вы напрасно это дѣласте. Тамъ не найдете того, чего ищете. Лучше велите дать мнѣ перо и бумаги, я здѣсь-же все вамъ напишу». Милорадовичъ, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнулъ: «Ah! c'est chevaleresque» и пожалъ ему руку. Пушкинъ сѣлъ, написалъ всѣ контрабандные стихи свои и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Послѣ этого Пушкина отпу-

стили домой и велѣли ждать дальнѣйшаго приказанія». Между тѣмъ Пушкинъ не унимался. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ убійства герцога Беррійскаго, онъ въ театрѣ вынималъ изъ кармана портретъ Лувеля и показывалъ его своимъ сосѣдямъ. Жалобы на него дошли наконецъ до царя. Преданіе увѣряетъ, будто нѣкоторые предлагали сослать Пушкина въ Соловецкій монастырь. Но государь отвергъ эту строгую мѣру, и такъ какъ Пушкинъ былъ лицеистъ, то онъ обратился за совѣтомъ къ Энгельгардту. Встрѣтившись съ нимъ въ царскосельскомъ саду, Александръ пригласилъ его пройтись съ собою.

— «Энгельгардтъ, сказалъ онъ ему: Пушкина надо сослать въ Сибирь. Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизустъ ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла». Энгельгардтъ отвѣчалъ на это:—«Воля вашего величества; но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ—теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, государь, лучше вразумитъ его».

Между тѣмъ Пушкинъ бросился къ Карамзину, разсказалъ свои обстоятельства, просилъ совѣта и помощи, со слезами на глазахъ выслушавъ дружескіе упреки и наставленія. «Можете-ли вы, сказалъ Карамзинъ, покрайней мѣрѣ обѣщать мнѣ, что впродолженіи года ничего не напишете противнаго правительству? Иначе я выйду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи». Пушкинъ далъ ему слово и сдержалъ его: не раньше 1821 года прислалъ онъ изъ Бессарабіи, безъ подписи, стихотвореніе «Кинжалъ». И. Я. Чаадаевъ въ свою очередь былъ у Карамзина и упрашивалъ его съѣздить къ императрицѣ Марьѣ Ѳедоровнѣ и къ начальнику Пушкина по службѣ, гр. Каподистріи. Но заступничество Энгельгардта и Карамзина могло только смягчить, а не отмѣнить наказаніе. Пушкинъ былъ, собственно говоря, не сосланъ, а лишь переведенъ на службу въ попечительный комитетъ о колонистахъ южной Россіи, состояв-

шій въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и находившійся тогда въ Екатеринославѣ. Наскоро собрался онъ въ дорогу, не успѣвъ даже какъ должно проститься со своими пріятелями; до Царскаго Села проводили его два товарища, баронъ Дельвигъ и М. Л. Яковлевъ. Родители дали ему надежнаго слугу, человѣка пожилыхъ лѣтъ, Никиту; и вотъ 5-го мая 1820 г. Пушкинъ оставилъ Петербургъ.

IV.

Пребываніе А. С. Пушкина на югѣ.

1820—1824.

Пушкинъ оставилъ Петербургъ безъ особеннаго унынія. Съ одной стороны, его, какъ 20-ти лѣтняго юношу, увлекало интересное положеніе страдальца за идею, а съ другой—онъ былъ увѣренъ, что изгнаніе его продолжится недолго. Въ красной рубашкѣ съ опояскою, въ поярковой шляпѣ, скакалъ онъ въ страшную жару на перекладныхъ по такъ-называемому бѣлорусскому тракту (на Могилевъ и Кіевъ). Въ половинѣ мая онъ пріѣхалъ въ Екатеринославль и съ письмомъ отъ гр. Каподистріи явился къ своему новому начальнику, Инзову. Не успѣлъ онъ еще оглядѣться въ своей новой обстановкѣ, какъ занемогъ: онъ простудился, купаясь въ Днѣпрѣ, и схватилъ сильную лихорадку. Положеніе его было очень незавидное. Въ полномъ одиночествѣ онъ лежалъ въ скверной избенкѣ на досчатомъ диванчикѣ, небритый, блѣдный, худой. Въ такомъ видѣ застали его петербургскіе знакомые, Раевскіе, проѣзжавшіе черезъ Екатеринославль на Кавказъ. Николай Николаевичъ Раевскій, ветеранъ 12-го года, командовавшій въ то время 4-мъ корпусомъ первой арміи, по просьбѣ сына своего, принялъ большое участіе въ положеніи больного поэта и рѣшился взять его съ собою на Кавказъ. Инзовъ не сталъ этому препятствовать и уволилъ своего чиновника въ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Такимъ образомъ Пушкинъ прожилъ въ Екатеринославлѣ всего двѣ недѣли, и отъ этого города остался въ его поэтической памяти одинъ только образъ: два скованные разбойника, убѣжавъ изъ екате-

ринославской тюрьмы, спаслись въ цѣпяхъ вплавь по Днѣпру. Это происшествіе послужило впослѣдствіи темою для извѣстной поэмы Пушкина «Братья-разбойники».

Съ Раевскимъ ѣхали на Кавказъ, кромѣ сына Николая и военнаго врача Рудыковскаго, двѣ младшія дочери его—Марія и Софья, гувернантка ихъ—миссъ Маттенъ и компаньонка. Нужно-ли говорить о томъ, что эта поѣздка на Кавказъ весьма живительно повліяла и на тѣло, и на духъ поэта. Онъ выздоровѣлъ отъ своей болѣзни и въ то же время кавказская природа сильно подѣйствовала на его воображеніе и дала могучій толчекъ его творчеству. Уже во время этой поѣздки была задумана Пушкинымъ поэма «Кавказскій плѣнникъ» подъ живыми впечатлѣніями кавказскаго края. «Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ—разсказываетъ Пушкинъ въ письмѣ своемъ къ брату, писанному вскорѣ послѣ возвращенія оттуда,—воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія; впрочемъ я купался и въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали на ясной зарѣ кажутся странными облаками, разноцвѣтными, радужными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной, Змѣиной...» Но поѣздка на Кавказъ ограничилась минеральными водами: вообще, въ глубь Кавказа Пушкинъ не ѣздилъ въ тотъ разъ и не видалъ ни Терека, ни Казбека. Въ первыхъ числахъ августа путешественники наши окончили купанье и отправились на южный берегъ Крыма, въ Юрзуфъ, гдѣ находилось остальное семейство Раевскаго. Этотъ переѣздъ и трехнедѣльная жизнь въ Юрзуфѣ оставили въ Пушкинѣ лучшія воспоминанія его жизни. Путешествіе окружено было всѣми удобствами—изъ Керчи до Юрзуфа они плыли на военномъ бригѣ, отданномъ въ распоряженіе генерала. Здѣсь, въ прелестную южную ночь, расхаживая по палубѣ, Пушкинъ создалъ свою элегію «Погасло дневное свѣтило».

Въ Юрзуфѣ, очаровательнѣйшемъ уголкѣ южнаго крым-

скаго берега, вся семья Раевскаго была въ сборѣ. Здѣсь впервые Пушкинъ увидѣлъ и познакомился съ двумя старшими дочерьми Раевскаго, Катериною Николаевною, поражавшею своимъ твердымъ характеромъ и развитымъ, чисто мужскимъ умомъ, и съ Еленою Николаевною, 16-лѣтнею дѣвушкою, высокою, стройною, съ прекрасными голубыми глазами. Нѣсколько ранѣе, во время поѣздки на Кавказъ, онъ сошелся со старшимъ сыномъ Раевскаго, Александромъ, весьма образованнымъ и умнымъ, и очень увлекался этимъ человѣкомъ. Вообще, онъ очень близко и тѣсно сошелся съ семействомъ Раевскаго, въ которомъ всѣ его полюбили, и въ письмахъ своихъ онъ вспоминаетъ о жизни въ Юрзуфѣ не иначе, какъ съ восторгомъ. «Старшій сынъ его (Раевскаго), пишетъ Пушкинъ своему брату: будетъ болѣе чѣмъ извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть, старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ-ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не насладишься; счастливое, полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда—увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго»... «Въ Юрзуфѣ, пишетъ Пушкинъ Дельвигу, жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ. Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, исполненнымъ дружбы». Къ воспоминаніямъ о жизни въ Юрзуфѣ относится и тотъ женскій образъ, который безпрестанно является въ стихахъ Пушкина этого періода и преслѣдуетъ его впродолженіи трехъ лѣтъ до самой Одессы, и тамъ только смѣняется другимъ.

Но не одни только наслажденія природою и влюбчивость занимали Пушкина въ это время. Въ домѣ нашлась старинная библіотека, въ которой Пушкинъ тотчасъ отыскалъ сочиненія Вольтера и началъ ихъ перечитывать. Въ то-же время, подъ руководствомъ молодыхъ Раевскихъ, онъ практиковался въ англійскомъ языкѣ, и эта практика состояла въ чтеніи Байрона.

*

Знакомство съ британскимъ поэтомъ, бывшимъ въ то время властителемъ думъ и сердецъ во всей Европѣ, произвело могучее вліяніе на Пушкина, и не только на его поэтическое творчество, но и на весь образъ жизни и мыслей. Тотъ оппозиціонный задоръ, который повлекъ за собою высылку Пушкина и который до сихъ поръ скорѣе имѣлъ характеръ молодого буйства, чѣмъ какую либо серьезную идейную подкладку, теперь окрашивается въ цвѣтъ моднаго байронизма. Байронизмъ этотъ на русской почвѣ сразу получилъ совершенно особенный характеръ. Политическая сторона байронизма стояла здѣсь на послѣднемъ планѣ; на первомъ-же было гордое и презрительное отрицаніе всѣхъ традиціонныхъ обычаевъ, приличій и предразсудковъ и стремленіе къ необузданной свободѣ личности въ проявленіи глубокихъ, сильныхъ и демоническихъ страстей. Поѣздка изъ Юрзуфа въ Каменку, имѣніе Раевскихъ-Давыдовыхъ въ Кіевской губерніи, гдѣ Пушкинъ нашелъ цѣлый кружокъ людей, проникнутыхъ байронизмомъ (А. Раевскій, В. Л. Давыдовъ, князь С. Г. Волконскій, В. А. Поджіо), довершила развитіе въ немъ байроновскаго духа. Каменка подчинила себѣ Пушкина тономъ своихъ сужденій о лицахъ и предметахъ, образомъ мышленія, въ ней господствовавшимъ, способомъ относиться къ явленіямъ жизни и людямъ. Ни передъ кѣмъ такъ не старался Пушкинъ блеснуть либерализмомъ, свободой отъ предразсудковъ, смѣлостью выраженій и сужденій, какъ передъ друзьями, оставленными въ Каменкѣ. Можно сказать, что Каменка постоянно носилась передъ его глазами и служила какъ-бы орудіемъ, которое держало его на крайнихъ вершинахъ русско-байроновскаго настроенія.

Между тѣмъ какъ Пушкинъ путешествовалъ, во внѣшнемъ положеніи его произошла новая перемѣна. Вслѣдствіе болѣзни и отпуска намѣстника Бессарабской области А. Н. Бахметева, должность его была возложена временно на Инзова, который, переѣхавъ въ Кишиневъ, перевелъ туда и попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края. Такимъ образомъ Пушкину пришлось прибыть изъ Каменки въ Кишиневъ, гдѣ онъ и поселился въ домѣ самого Инзова. Эта новая обстановка совершенно соотвѣтствовала байроновскому настроенію Пушкина. На-

селеніе Кишинева въ ту эпоху было чрезвычайно пестрое и представляло собою картинную смѣсь «племенъ, нарѣчій, состояній»: тутъ встрѣчались на каждомъ шагу и евреи, и болгары, и турки, и французы, и итальянцы. Возстаніе грековъ наполнило городъ значительнымъ количествомъ греческихъ и молдаванскихъ фамилій, бѣжавшихъ отъ смутъ своей родины. Присутствіе ихъ сообщило Кишиневу сильный восточный характеръ, въ которомъ европейская образованность и восточное варварство смѣшивались оригинально и живописно. Пестрота, шумъ, разнообразіе и полная распущенность нравовъ тогдашняго Кишинева произвели сильное впечатлѣніе на Пушкина: онъ полюбилъ городъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій его настроенію духа.

Вмѣшавшись въ эту пеструю толпу, Пушкинъ повелъ жизнь полную развлеченій, шумныхъ пиршествъ, ухаживаній, ссоръ, дуэлей и всяческихъ приключеній. Не было многочисленнаго собранія или картежной игры, гдѣ бы не являлся Пушкинъ, нечесанный, небритый, въ молдаванской фескѣ на головѣ, въ архалукѣ, въ бархатныхъ шароварахъ и съ желѣзною дубинкою въ рукахъ, вообще въ костюмѣ самомъ картинномъ, безпорядочностью своею приводившемъ въ ужасъ чопорныхъ кишиневскихъ чиновниковъ. Безпощадная насмѣшливость, готовность каждую минуту выйти изъ себя и подраться произвели то, что Пушкинъ нажилъ себѣ въ городѣ массу враговъ и недоброжелателей. Солидные и степенные люди смотрѣли на него съ негодованіемъ, какъ на дерзкаго отрицателя всего святого, какъ на какое-то чудовище. Распространилось даже среди общества шуточное прозвище, данное Пушкину какимъ-то острякомъ—бѣсъ арабскій (каламбуръ—на слово бессарабскій). Послѣ же двухъ дуэлей (съ З. изъ за картъ и съ Старовымъ изъ-за того, что́ танцовать—вальсъ или мазурку) и дикаго скандала съ молдаваниномъ Балшемъ, Пушкина положительно стали бояться въ городѣ, какъ бретера и скандалиста. Между тѣмъ добрый и мягкій Инзовъ относился къ своему невозможному подчиненному чисто по отечески. Онъ журилъ его послѣ каждой шалости, наказывалъ арестами, причемъ приставлялъ даже солдатъ къ его квартирѣ, или же посылалъ въ командировки. Такъ, во второй половинѣ 1822

года, послѣ одной буйной карточной ссоры, во время которой Пушкинъ, снявши сапогъ, ударилъ противника каблукомъ въ лицо, онъ былъ посланъ въ Измаилъ, и во время этой именно поѣздки Пушкинъ, встрѣтивъ на дорогѣ цыганскій таборъ, присталъ къ нему и нѣсколько времени кочевалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Около трехъ лѣтъ прожилъ Пушкинъ въ Кишиневѣ такою жизнью, отлучаясь очень часто то въ Кіевъ и Каменку, то въ Одессу и степи: 28 мая 1823 г. Инзовъ сдалъ должность новороссійскаго генералъ-губернатора новому начальнику, М. С. Воронцову. Тогда-же было соединено въ одной власти и управленіе Бессарабіей; административнымъ центромъ сдѣлалась Одесса, куда переѣхалъ и Пушкинъ, зачисленный въ канцелярію генералъ-губернатора. Сначала Пушкинъ былъ очень радъ этому переводу. Его манила жизнь въ Одессѣ, шумномъ приморскомъ городѣ съ итальянской оперой, богатымъ и образованнымъ купечествомъ, русскими и иностранными путешественниками, наконецъ съ молодыми, способными чиновниками, прибывшими въ край, по выбору Воронцова. Все это сулило Пушкину много новыхъ развлеченій, занятій и связей, какихъ Кишиневъ, потерявшій значеніе административнаго центра, не могъ уже дать. Но молодому поэту вскорѣ пришлось горько разочароваться. Оказалось, что здѣсь не могло быть и помина о той свободѣ, простотѣ и фамиліарности отношеній къ службѣ, какія существовали въ Кишиневѣ. Новый начальникъ съ блестящей свитой чиновниковъ и адъютантовъ сразу поставилъ себя центромъ управляемой страны. Только-что пріобрѣтенный край впервые увидалъ власть со всѣми аттрибутами блеска, могущества и стойкости. Отъ подчиненныхъ прежде всего теперь требовались бюрократическая *«порядочность»* въ образѣ мыслей, наружное приличіе въ формахъ жизни и преданность къ службѣ, олицетворяемой главой управленія. Пушкинъ, очевидно, не могъ удовлетворить всѣмъ этимъ новымъ требованіямъ и въ то-же время видѣлъ, что тысяча глазъ слѣдятъ за его словами и поступками изъ одного побужденія—наблюдать явленіе, неподходящее къ общему строю; онъ терялся въ этомъ мірѣ приличія, вѣжливаго, дружелюбнаго коварства и холод-

наго презрѣнія ко всѣмъ его вспышкамъ, хотя-бы и подсказаннымъ благороднымъ движеніемъ сердца. Онъ пытался сначала принаровиться къ новой сферѣ: обстригся, почистился, пріодѣлся; но этого было мало: по существу онъ оставался все тѣмъ-же страстнымъ, увлекающимся и необузданнымъ, а не ревностнымъ и подтянутымъ бюрократомъ, какимъ его хотѣли видѣть. Извѣстно враждебное отношеніе Пушкина въ командировкѣ, сдѣланной ему Воронцовымъ—изслѣдовать саранчу въ южныхъ степяхъ Новороссіи. Командировка придумана была Воронцовымъ съ цѣлью дать Пушкину случай отличиться по службѣ, а П. принялъ порученіе это за желаніе насмѣяться надъ нимъ, и всѣмъ извѣстенъ тотъ шуточный рапортъ въ стихахъ о саранчѣ, который былъ представленъ Пушкинымъ вмѣсто дѣловой бумаги:

Саранча летѣла, летѣла
И сѣла.
Сидѣла, сидѣла—все съѣла
И вновь улетѣла.

Болѣе всего оскорбляло самолюбіе Пушкина то обстоятельство, что Воронцовъ игнорировалъ въ немъ поэта и смотрѣлъ лишь какъ на чиновника. И вотъ кончилось тѣмъ, что Пушкинъ, долго сдерживая свое негодованіе, разразился, наконецъ, въ одесскомъ обществѣ потокомъ и прозаическихъ, и стихотворныхъ сарказмовъ противъ своего начальника. Сарказмы эти дошли до Воронцова, и онъ 23 марта 1824 г. обратился къ управляющему министерствомъ иностр. дѣлъ гр. Нессельроде, прося его доложить государю о необходимости отозвать П. изъ Одессы. Въ началѣ письма гр. Воронцовъ говоритъ, что, заставъ уже П. въ Одессѣ, при своемъ прибытіи въ городъ, онъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ причинъ жаловаться на него, а напротивъ, обязанъ сказать, что замѣчаетъ въ немъ стараніе показать скромность и воздержность, какихъ въ немъ никогда не было прежде. Если теперь онъ ходатайствуетъ объ его отозваніи, то единственно изъ участія къ молодому человѣку не безъ таланта и изъ желанія спасти его отъ послѣдствій главнаго его порока—самолюбія. «Здѣсь есть много людей, пишетъ гр.

Воронцовъ: а съ эпохой морскихъ купаній число ихъ еще увеличится, которые, будучи восторженными поклонниками его поэзіи, стараются показать дружеское участіе непомѣрнымъ восхваленіемъ его и оказываютъ ему черезъ то вражескую услугу, ибо способствуютъ къ затмѣнію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ какъ онъ, въ сущности, только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца—лорда Байрона—и единственно трудомъ и долгимъ изученіемъ истинно великихъ классическихъ поэтовъ могъ-бы оплодотворить свои счастливыя способности, въ которыхъ ему невозможно отказать.... Вотъ почему необходимо извлечь его изъ Одессы. Переводъ снова въ Кишиневъ къ генералу Инзову не пособилъ-бы ничему—Пушкинъ все-таки остался-бы въ Одессѣ, но уже безъ наблюденія, да и въ Кишиневѣ онъ нашелъ-бы еще между молодыми греками и болгарами довольно много дурныхъ примѣровъ. Только въ какой либо губерніи могъ-бы онъ найти менѣе опасное общество и болѣе времени для усовершенствованія своего возникающаго таланта и избавиться отъ вредныхъ вліяній лести и отъ заразительныхъ крайнихъ и опасныхъ идей». Въ концѣ-же письма гр. Воронцовъ выражаетъ твердую надежду, что настоящее его представленіе не будетъ принято въ смыслѣ осужденія или порицанія Пушкина.

Но не успѣло это письмо дойти до Петербурга, какъ о Пушкинѣ возникло новое дѣло. Не задолго до того поэтъ написалъ одному пріятелю письмо, въ которомъ находились между прочимъ слѣдующія строки: «Читаю библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю? Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь англичанинъ—глухой философъ и единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ написалъ листовъ тысячу, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et regulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе чѣмъ правдоподобная».

Письмо это было перехвачено на почтѣ и какимъ-то обра-

зомъ распространилось въ спискахъ по Москвѣ. Можно себѣ представить, въ какое негодованіе привело оно тогдашнее мистическое начальство. И вотъ, 11-го іюля 1824 года, отъ гр. Нессельроде послѣдовала гр. Воронцову въ отвѣтъ на его письмо слѣдующая бумага:

«Графъ! Я подавалъ на разсмотрѣніе императора письма, которыя В. Сіят. прислали мнѣ по поводу кол. секр. Пушкина. Его Величество вполнѣ согласился съ вашимъ предположеніемъ объ удаленіи его изъ Одессы, послѣ разсмотрѣнія тѣхъ основательныхъ доводовъ, на которыхъ вы основываете ваши предположенія, и подкрѣпленныхъ въ это время другими свѣдѣніями, полученными Его Величествомъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Все доказываетъ, къ несчастію, что онъ слишкомъ проникся вредными началами, такъ пагубно выразившимися при первомъ вступленіи его на общественное поприще. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ приложеннаго при семъ письма. Его Величество поручилъ мнѣ переслать его вамъ; объ немъ узнала московская полиція, потому что оно ходило изъ рукъ въ руки и получило всеобщую извѣстность. Вслѣдствіе этого, Его Величество, въ видахъ законнаго наказанія, приказалъ мнѣ исключить его изъ списковъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ за дурное поведеніе; впрочемъ, Его Величество не соглашается оставить его совершенно безъ надзора, на томъ основаніи, что, пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ, онъ будетъ, безъ сомнѣнія, все болѣе и болѣе распространять тѣ вредныя идеи, которыхъ онъ держится, и вынудитъ начальство употребить противъ него самыя строгія мѣры. Чтобы отдалить, по возможности, такія послѣдствія, императоръ думаетъ, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться только его отставкою, но находитъ необходимымъ удалить его въ имѣніе родителей, въ Псковскую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго начальства. В. Сіят. не замедлитъ сообщить Пушкину это рѣшеніе, которое онъ долженъ выполнить въ точности, и отправить его безъ отлагательства въ Псковъ, снабдивъ прогонными деньгами».

Гр. Воронцовъ получилъ это предписаніе въ Крыму, гдѣ путешествовалъ и былъ въ это время боленъ лихорадкой. По его приказанію, правитель дѣлъ его походной канцеляріи А. И.

Левшинъ передалъ исполненіе высочайшей воли относительно Пушкина тогдашнему градоначальнику Одессы, гр. А. Д. Гурьеву. Такъ кончилась годичная служба Пушкина въ свитѣ гр. Воронцова.

Но было-бы ошибочно думать, что всѣ вышеизложенныя мытарства и приключенія совершенно исчерпывали жизнь Пушкина на югѣ. По совершенно справедливому и единодушному замѣчанію всѣхъ біографовъ, Пушкинъ постоянно жилъ какою-то двойною жизнью, точно какъ-будто въ немъ подъ одною тѣлесною оболочкою были соединены два человѣка, нисколько не похожіе другъ на друга, и въ то время какъ одинъ Пушкинъ, заносчивый, высокомѣрный и тщеславный денди, задорный бретеръ, игрокъ и волокита, прожигалъ жизнь въ непрестанныхъ оргіяхъ, другой Пушкинъ, скромный и даже застѣнчивый, съ нѣжною и любящею душею, поражалъ усидчивостью и плодотворностью своей умственной дѣятельности. Можно положительно сказать, что онъ пожиралъ всѣ книги, какія только попадались ему на глаза и въ Кіевѣ—у Раевскихъ, и въ Каменкѣ—у Давыдовыхъ, и въ Кишиневѣ—у Инзова, у Орлова, Пущина, И. П. Липранди. Не ограничиваясь однимъ чтеніемъ, онъ дѣлалъ большія выписки изъ книгъ. Въ то же время онъ собиралъ народныя пѣсни, легенды, этнографическіе документы. Подъ конецъ-же пребыванія на югѣ страсть къ собиранію книгъ развилась у него до такой степени, что онъ сравнивалъ себя со стекольщикомъ, разоряющимся на покупку необходимыхъ ему алмазовъ. Большая часть его денегъ уходила этимъ путемъ, и превосходная библіотека, оставленная имъ послѣ смерти, свидѣтельствуетъ о разнообразіи и основательности его чтенія. Между прочимъ онъ успѣлъ выучиться на югѣ по англійски и довершилъ знаніе итальянскаго языка. Съ жадностью слѣдилъ онъ за ходомъ греческаго возрожденія и велъ даже журналъ событіямъ его.—Не ограничиваясь однѣми книгами, Пушкинъ, по словамъ И. П. Липранди, прибѣгалъ даже въ хитрости для пополненія недостающихъ ему свѣдѣній: онъ искусственно возбуждалъ споры о предметахъ, его интересовавшихъ, у людей болѣе въ нихъ компетентныхъ, чѣмъ онъ самъ, и за-

тѣмъ пользовался указаніями спора для пріобрѣтенія нужныхъ ему сочиненій.

Какъ плодовито въ то-же время было его творчество, можно судить по тому, что впродолженіи четырехъ лѣтъ жизни его на югѣ были написаны имъ, кромѣ массы лирическихъ стихотвореній, всѣ поэмы его байроновскаго стиля: въ 1821 году—«Кавказскій плѣнникъ» и «Братья разбойники», въ 1822-мъ—«Бахчисарайскій фонтанъ», въ 1824-мъ—«Цыганы»; рядомъ со всѣмъ этимъ въ 1823-мъ году была уже написана имъ первая глава «Евгенія Онѣгина». Сверхъ того, по черновымъ тетрадямъ, оставшимся послѣ Пушкина, можно судить, что въ разгарѣ своего байроновскаго свободомыслія онъ задумывалъ политическую трагедію «Вадимъ», предполагая написать картину заговора и возстанія «славянскихъ племенъ» противъ иноплеменнаго ига, напомнить именемъ Вадима извѣстную трагедію Княжнина, удостоенную оффиціальнаго преслѣдованія въ прошлое столѣтіе, и наконецъ открыть эру мужественныхъ Альфіеровскихъ трагедій въ русской литературѣ, на мѣсто любовныхъ классическихъ, которыя въ ней господствовали. Все содержаніе новой трагедіи должно было вертѣться около движенія народныхъ массъ и служить апоѳеозой гражданскимъ доблестямъ ихъ руководителя Вадима, причемъ и *«славянскія племена»*, и *«иноплеменники»* составляли только весьма прозрачную аллегорію, за которой легко было разобрать настоящихъ дѣятелей и настоящихъ враговъ, подразумѣваемыхъ трагедіей. Тѣ-же черновыя тетради свидѣтельствуютъ, что тогда-же Пушкинъ началъ было писать сатирическую поэму, дѣйствіе которой должно было происходить въ аду, при дворѣ сатаны. Наконецъ къ 1822 году слѣдуетъ отнести и ту рукописную поэму, которая была навѣяна очевидно чтеніемъ Вольтера и впослѣдствіи доставила ему не мало раскаяній, навлекши непріятности со стороны духовенства.

Находясь подъ вліяніемъ Байрона и Ан. Шенье, увлекаясь въ то-же время Овидіемъ и сравнивая свою участь съ участью древняго изгнанника, сосланнаго на тѣ-же самые берега Дуная,—въ то-же время Пушкинъ и самъ не замѣчалъ, какъ изъ него вырабатывался совершенно самобытный народный русскій

художникъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ болѣе и болѣе проглядывало совершенно новое направленіе, о которомъ въ то время н кто еще не помышлялъ у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ друзья и приверженцы Пушкина ставили его во главѣ русскаго романтизма, въ то время какъ Пушкинъ въ горячей перепискѣ съ друзьями (Бестужевымъ, Рылѣевымъ, Дельвигомъ, кн. Вяземскимъ), разсуждая о животрепещущихъ литературныхъ вопросахъ того времени и о задачахъ критики, путался въ опредѣленіи того самаго романтизма, во главѣ котораго его ставили, никому и въ голову не приходило, что вовсе не романтизмъ составляетъ главную силу и достоинство новыхъ произведеній Пушкина, а ихъ непосредственная, органическая связь съ окружающею поэта жизнью. Но слово *реализмъ* не было еще въ то время произнесено въ нашей литературѣ.

И дѣйствительно, все то обновленіе, которое внесъ Пушкинъ въ нашу литературу, и весь переворотъ, который онъ произвелъ, главнымъ образомъ заключались въ томъ, что по самому существу своему Пушкинъ обладалъ глубоко реальнымъ чутьемъ. Съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ, съ лицейскихъ стихотвореній уже, онъ творитъ по большей части подъ непосредственнымъ внушеніемъ впечатлѣній жизни. То-же самое мы видимъ и во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности— байроническомъ. И здѣсь живыя впечатлѣнія постоянно берутъ перевѣсъ, вытѣсняютъ чуждыя, заимствованныя вѣянія, и этимъ живымъ впечатлѣніямъ обязанъ былъ Пушкинъ лучшимъ, что только создано имъ въ этотъ періодъ. Слѣдя за его жизнью въ связи съ творчествомъ, вы видите, какъ сама жизнь непосредственно внушаетъ ему его созданія: подъ впечатлѣніемъ Кавказа является «Кавказскій плѣнникъ», Крыму былъ обязанъ Пушкинъ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ», поѣздкою въ Измаилъ обусловливается поэма «Цыганы».—Обратите затѣмъ вниманіе на то, что является лучшимъ, наиболѣе художественнымъ и обаятельнымъ во всѣхъ этихъ поэмахъ. Конечно, не характеры героевъ, безцвѣтные и отвлеченные, внушенные вліяніемъ Байрона, а живыя картины мѣстной природы и быта. До такой степени тогда уже реализмъ составлялъ главную суть

его генія, что каждый разъ, когда онъ сходилъ съ реальной почвы, онъ начиналъ мучиться въ тщетныхъ усиліяхъ создать что либо, и творчество покидало его. Этимъ и объясняются неудачи его создать трагедію «Вадимъ», сатирическую поэму изъ адской жизни; наконецъ извѣстно, что и поэму «Братья-Разбойники» Пушкинъ не кончилъ и сжегъ, а то, что мы имѣемъ подъ этимъ названіемъ, составляетъ лишь отрывокъ, случайно уцѣлѣвшій у Н. Н. Раевскаго. Все это Пушкину не удалось именно потому, что здѣсь онъ не имѣлъ живыхъ красокъ, непосредственно навѣянныхъ дѣйствительностью, и долженъ былъ создавать отвлеченно. Въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» онъ сознательно уже становится на реальную почву. Когда появилась первая глава романа еще въ рукописи, друзья Пушкина увидѣли въ ней подражаніе байроновскому Донъ-Жуану; но Пушкинъ съ жаромъ возсталъ противъ этого мнѣнія, возражая, что ничего нѣтъ общаго между Онѣгинымъ и Д.-Жуаномъ; что у него и въ помышленіи не имѣлась байроновская сатира; что 1-ая глава романа есть не болѣе какъ вступленіе, которымъ онъ остается доволенъ, что слѣдуетъ ожидать другихъ главъ, того, что будетъ далѣе, а далѣе, конечно, и тогда уже носились передъ его глазами картины русской жизни со всѣми ея особенностями. Наконецъ къ этому-же періоду жизни Пушкина относится впервые возникшее въ немъ сознаніе, что онъ можетъ существовать безъ службы, безъ покровительства властей и посторонней поддержки,однимъ своимъ литературнымъ трудомъ. До тѣхъ поръ стихи давали ему очень мало денегъ. «Русланъ» и «К. Плѣнникъ» оставили его съ пустыми руками. Издатель послѣдняго, Гнѣдичъ, раздѣлался съ Пушкинымъ тѣмъ, что прислалъ ему 550 р. асс. и одинъ экземпляръ поэмы. Не то было съ «Бахчисар. фонтаномъ». Изданіе его принялъ на себя кн. Вяземскій, предпославшій ему, какъ извѣстно, свое остроумное предисловіе и вскорѣ послѣ выхода книжки отправившій къ Пушкину въ Одессу 3,000 р. асс., да и то, какъ кажется, этимъ не ограничившійся.

V.

А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ.

1824—1826.

Пушкинъ выѣхалъ изъ Одессы 30-го іюля 1824 года, получивъ триста восемьдесятъ девять рублей прогонныхъ денегъ и сто пятьдесятъ рублей недоданнаго ему жалованья. Онъ обязался подпиской слѣдовать до мѣста назначенія своего черезъ Николаевъ, Елизаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ. нигдѣ не останавливаясь на пути. Маршрутъ этотъ составленъ былъ съ ясною цѣлью удалить его отъ Кіева и тѣхъ польскихъ и русскихъ знакомыхъ, какихъ онъ могъ встрѣтить на пути.

Пушкинъ ѣхалъ скоро, въ точности исполняя свою подписку. По донесенію Псковской земской полиціи, 9-го августа онъ уже прибылъ въ Михайловское, гдѣ его ожидали близкіе— отецъ, мать, братъ и сестра. Но не радостна была встрѣча опальнаго сына съ родителями, не видавшими его нѣсколько лѣтъ. Трусливому отцу Пушкина и легко воспламеняющейся его супругѣ сдѣлалось страшно и за самихъ себя, и за остальныхъ членовъ семьи при мысли, что въ средѣ ихъ находится опальный человѣкъ, преслѣдуемый властями, къ тому-же за атеизмъ. Съ ужасомъ смотрѣли они на дружбу поэта съ младшимъ братомъ и сестрою, опасаясь, что онъ и ихъ совратитъ въ безбожіе. Между тѣмъ начальникъ края, маркизъ Паулуччи, поручилъ уѣздному Опочецкому предводителю дворянства, Пещурову, пригласить отца Пушкина принять на себя надзоръ за поступками сына, обѣщаясь, въ случаѣ его согласія, воздержаться съ своей стороны отъ назначенія всякихъ другихъ за

нимъ наблюдателей. Серг. Льв. имѣлъ слабость принять это предложеніе, и что изъ этого вышло, можно судить по слѣдующему письму Пушкина къ Жуковскому, 31-го окт. 1824 г.:

«Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та-же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче—быть моимъ шпіономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясняться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу: нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ. Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ... Потомъ, что хотѣлъ бить!... Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего-же онъ хочетъ отъ меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?—Рудниковъ сибирскихъ, лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что̀ терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня. Поспѣши, обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что́ будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я «hors de lois».

Въ то-же время псковскому губернатору Бор. Ант. Адеркасу Пушкинъ писалъ:

«М. Г. Борисъ Антоновичъ! Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая

тѣмъ обезпечить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить его имп. вел., да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего пр—ва».

Совѣты-ли Жуковскаго или урокъ, полученный отъ сына, подѣйствовали на Сергѣя Льв., только, уѣхавъ вскорѣ со всѣмъ семействомъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ, онъ оттуда въ ноябрѣ 1824 г. послалъ отказъ отъ возложенной на него обязанности наблюденія за сыномъ. Ссора между отцомъ и сыномъ длилась однакоже вплоть до 1828 г., когда они примирились, благодаря усиліямъ Дельвига и особенно тому обстоятельству, что Пушкинъ былъ уже освобожденъ отъ надзора и ласково принятъ молодымъ государемъ. Во второй разъ такимъ образомъ Серг. Льв. мирился съ сыномъ, благодаря лишь его успѣхамъ.

Пушкинъ остался теперь одинъ въ Михайловскомъ на всю зиму 1824 и 25 гг. Надзоръ за нимъ перешелъ опять къ Пещурову, а для религіознаго руководства назначенъ былъ настоятель сосѣдняго Святогорскаго монастыря (въ 3 верстахъ отъ Михайловскаго), простой, добрый и, какъ описываетъ его наружность И. И. Пущинъ, нѣсколько рыжеватый и малорослый монахъ, который отъ времени до времени навѣщалъ поэта въ деревнѣ.

Въ октябрѣ 1824 г. Пушкинъ оффиціально былъ вызванъ въ Псковъ для представленія мѣстному начальству. Осталось преданіе въ этомъ городѣ, что онъ тогда-же являлся на базаръ и въ частные дома, къ изумленію обывателей, въ мужицкомъ костюмѣ. Дѣлалъ-ли онъ это ради изученія народности, или это было такое-же шутовство, которое побудило его въ Кишиневѣ носить восточные костюмы, неизвѣстно. Рядомъ съ этимъ стоитъ другой анекдотъ, что въ годовщину смерти Байрона Пушкинъ отправился въ Святогорскій монастырь къ своему духовному опекуну и отслужилъ тамъ соборнѣ панихиду по новопреставшемся бояринѣ Георгіѣ.

Образъ жизни Пушкина въ деревнѣ напоминаетъ жизнь Онѣ-

гина въ IV главѣ романа. Онъ также вставалъ рано и тотчасъ же отправлялся налегкѣ къ бѣгущей подъ горой рѣчкѣ и купался. Зимой онъ, какъ и Онѣгинъ, садился въ ванну со льдомъ передъ своимъ завтракомъ. Утро посвящалъ онъ литературнымъ занятіямъ: созданію и приготовительнымъ трудамъ, чтенію, выпискамъ, планамъ. Осенью—въ эту всегдашнюю эпоху его сильной производительности—онъ принималъ чрезвычайныя мѣры противъ разсѣянности и вообще красныхъ дней: или не покидалъ постели, или не одѣвался вовсе до обѣда. По замѣчанію одного изъ его друзей, онъ и въ столицахъ оставлялъ до осенней деревенской жизни исполненіе всѣхъ творческихъ своихъ замысловъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ сырой погоды приводилъ ихъ къ окончанію. Пушкинъ былъ между прочимъ неутомимый ходокъ пѣшкомъ и много ѣздилъ верхомъ, но во всѣхъ его прогулкахъ поэзія неразлучно сопутствовала ему. Самъ онъ разсказывалъ, что, бродя надъ озеромъ, тѣшился тѣмъ, что пугалъ дикихъ утокъ сладкозвучными строфами своими. Если случалось ему оставаться дома безъ дѣла и гостей, онъ игралъ двумя шарами на биліардѣ самъ съ собой, а длинные зимніе вечера проводилъ въ бесѣдахъ съ няней, Ариной Родіоновной. Онъ посвящалъ почтенную старушку во всѣ тайны своего генія. Арина Родіоновна была посредницей въ его сношеніяхъ съ русскимъ сказочнымъ міромъ, руководительницей его въ изученіи повѣрій, обычаевъ и самыхъ пріемовъ народа, съ какими подходилъ онъ къ вымыслу и поэзіи. Пушкинъ отзывался о нянѣ, какъ о послѣднемъ своемъ наставникѣ, и говорилъ, что этому учителю онъ много обязанъ исправленіемъ недостатковъ своего первоначальнаго, французскаго воспитанія.

Въ двухъ верстахъ отъ Михайловскаго лежитъ село Тригорское, гдѣ жило доброе, благородное семейство Пр. Ал. Осиповой, съ которымъ Пушкинъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, часто тамъ обѣдывалъ, заходилъ туда въ своихъ прогулкахъ и проводилъ тамъ цѣлые дни, пользуясь искреннею дружбою и привязанностью всѣхъ членовъ семьи. Онъ посвятилъ Пр. Ос. Осиповой свои подражанія корану, написанныя, можно сказать, передъ ея глазами, и вообще семейство это дѣйствовало успокоительно на Пушкина. Онъ встрѣчалъ въ немъ и строгій

умъ, и расцвѣтающую молодость, и рѣзвость дѣтскаго возраста; усталый отъ увлеченій первой эпохи своей жизни, Пушкинъ находилъ удовольствіе въ тихомъ чувствѣ и родственной веселости: граціозная гримаса, дѣтская шалость нравились ему и занимали его. Двѣ старшія дочери Осиповой отъ перваго мужа, Анна и Евпраксія Вульфъ, составляли между собою такую-же противоположность, какую мы видимъ между Татьяной и Ольгой въ «Ев. Онѣгинѣ», и существуютъ догадки, что Пушкинъ написалъ свои безсмертные типы именно подъ вліяніемъ созерцанія этихъ двухъ барышень. Кромѣ нихъ тутъ были еще многочисленныя кузины, напр. Анна Ивановна, впослѣдствіи Трувенеръ (въ семействѣ ее называли Netty), Анна Петровна Кернъ, оставившая записки о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ, Алек. Ив. Осипова (Алина), кузина Вельяшева; всѣ онѣ были почтены Пушкинымъ стихотворными изъясненіями, похвалами, признаніями и пр.

Но Пушкинъ, оставаясь холоднымъ зрителемъ всѣхъ волненій этой мирной сельской жизни, мало принималъ въ нихъ личнаго участія; мысль его постоянно жила въ далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы съ печатью, изукрашенной такими-же кабалистическими знаками, какіе находились и на его перстнѣ,—постоянно составляло событіе въ уединенномъ Михайловскомъ. Пушкинъ запирался тогда въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ настроенія поэта при такихъ случаяхъ служитъ стихотвореніе «Сожженное письмо», отъ 1825 г.

Въ то-же время однообразіе деревенской жизни такъ сильно тяготило Пушкина, что онъ постоянно рвался изъ своего заточенія, мечтая о бѣгствѣ за-границу. Уже въ Одессѣ начались у Пушкина помыслы о бѣгствѣ; это видно изъ стихотворенія «Къ морю» (1824 г.), гдѣ говорится, что одна только страсть, приковавъ автора къ берегу, помѣшала устроить ему «поэтическій побѣгъ» и тѣмъ отвѣтить на соблазнительные призывы «свободной стихіи». Затѣмъ, въ письмѣ къ брату Льву Серг. весной 1824 г. изъ Одессы, Пушкинъ пишетъ, что онъ два раза просилъ о заграничномъ от-

пускѣ съ юга Россіи и оба раза не получалъ дозволенія. «Осталось одно, прибавляетъ онъ: взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится невтерпежъ.» Въ Михайловскомъ онъ постоянно строилъ планы бѣгства въ сообществѣ со старшимъ сыномъ Осиповой, дерптскимъ студентомъ А. Н. Вульфомъ, который пріѣзжалъ почти на всѣ вакаціи зимой и лѣтомъ въ деревню и тотчасъ-же посвященъ былъ Пушкинымъ въ свои замыслы. Сначала Вульфъ, мечтая ѣхать за границу, предлагалъ Пушкину увезти его съ собой подъ видомъ слуги. Но затѣмъ, когда подобный фантастическій замыселъ оказался неудобоисполнимымъ, друзья составили новый планъ. Пушкинъ выдумалъ у себя мнимый аневризмъ и обратился при посредствѣ родныхъ съ просьбою къ высшимъ властямъ о разрѣшеніи ему отправиться въ Дерптъ лечиться у дерптскаго профессора хирургіи И. Ф. Майера (родственника Жуковскаго). Друзьямъ казалось, что изъ Дерпта ничего уже не стоило удрать за границу. Но и этотъ планъ остался безъ осуществленія, такъ какъ Пушкину вышло разрѣшеніе ѣхать лечиться всего на все въ Псковъ.

Все это происходило въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 года, и въ этихъ мечтахъ и порываніяхъ незамѣтно подкралось 14 декабря. Пушкинъ находился въ Тригорскомъ, когда дворовый человѣкъ Осиповой вернулся изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что тамъ бунтъ, дороги перехвачены войсками, и онъ самъ едва пробрался между ними на почтовыхъ. Пушкинъ страшно поблѣднѣлъ, услыхавъ новость, досидѣлъ кое-какъ вечеръ и уѣхалъ въ Михайловское.

Всю ночь провелъ онъ въ тревожныхъ размышленіяхъ о томъ, что онъ долженъ дѣлать. Ему казалось необходимымъ явиться поскорѣе въ среду новыхъ людей, нуждающихся теперь въ пособникахъ и совѣтникахъ. И вотъ, не медля, раннимъ утромъ слѣдующаго дня Пушкинъ уже выѣхалъ изъ Михайловскаго по направленію къ Петербургу, но, не доѣхавъ до первой станціи, онъ вернулся обратно въ деревню вслѣдствіе дурныхъ примѣтъ: именно, при выѣздѣ изъ Михайловскаго, онъ встрѣтилъ попа, а затѣмъ, когда выбрался въ поле, заяцъ трижды перебѣжалъ ему дорогу.

Послѣдствія бунта не замедлили оправдать эти дурныя примѣты. Пушкинъ пришелъ въ ужасъ и первымъ дѣломъ началъ бросать въ огонь письма и бумаги, мало-мальски компрометирующія его; такъ, между прочимъ сжегъ онъ свою автобіографію, которую писалъ въ то время. Каждый день приносилъ извѣстія объ арестованіи лицъ, всего менѣе подозрѣвавшихся въ чемъ-либо. Мало-по-малу вокругъ Пушкина начала образовываться пустота, словно послѣ жаркой битвы. Нѣсколько разрозненныхъ и уцѣлѣвшихъ личностей поглощено было теперь мыслью о спасеніи самихъ себя. То-же приходилось дѣлать и Пушкину. Съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что единственный способъ выйти на свободу состоялъ въ томъ, чтобы обратиться за нею къ новому правительству, не имѣвшему такихъ поводовъ сердиться и преслѣдовать его, какъ прежде. Въ началѣ 1826 года Пушкинъ уже пишетъ Дельвигу слѣдующее любопытное письмо, видимо составленное и перебѣленное такъ, чтобы его можно было показывать, кому слѣдуетъ: «Насилу ты мнѣ написалъ, и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю; переписка моя отовсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились до сыта. Конечно, я ни въ чемъ не замѣшанъ, и если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особливо нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый 6 лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я, конечно, не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ, но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущенія, ни революціи. Напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности. И если 14 декабря доказало у насъ иное, то на это есть особая причина. Какъ-бы то ни-было, я желалъ-бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ и, конечно, это ни отъ кого кромѣ его не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости, съ моей стороны. Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и об-

народованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодого нашего царя. Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни, какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. Прощай, душа моя».

Друзья Пушкина не замедлили принять горячее участіе въ его стремленіи къ освобожденію, и изъ Петербурга сообщены были ему правильные, формальные пути къ этому. Пушкинъ исполнилъ въ точности программу друзей, и когда наступила надлежащая минута, онъ представилъ псковскому губернатору Адеркасу слѣдующее прошеніе на Высочайшее имя:

«Всемилостивѣйшій Государь! Въ 1824 г., имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго Императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно аѳеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ исключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

«Нынѣ, съ надеждой на великодушіе Вашего Имп. Величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), осмѣлился я прибѣгнуть къ В. Имп. В. со всеподданнѣйшею моею просьбою:

«Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго леченія, въ чемъ и представляю свидѣтельство медиковъ: осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края».

Къ прошенію были приложены медицинское свидѣтельство Псковской врачебной управы о болѣзни Пушкина и слѣдующее обязательство его: «Я нижеподписавшійся обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ-бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу *и никогда не зналъ о нихъ.* 10-го класса Александръ Пушкинъ. 11-мая 1826 года».

Прошеніе Пушкина, препровожденное Адеркасомъ генералъ-губернатору, маркизу Паулуччи, а имъ графу К. В. Нессельроде, лежало безъ движенія въ Москвѣ, куда переѣхалъ дворъ,

до дня коронованія. Черезъ шесть дней послѣ этого событія, именно 28 августа, состоялась высочайшая резолюція о препровожденіи Пушкина съ фельдъегеремъ въ Москву.

Между тѣмъ какъ во внѣшней жизни Пушкина происходили всѣ эти событія, во внутреннемъ мірѣ его совершился весьма важный переворотъ во время его пребыванія въ Михайловскомъ. Здѣсь онъ окончательно отдѣлался отъ байронизма и увлекался теперь уже Шекспиромъ. Поэма «Цыганы», написанная въ 1824 году, была послѣднею данью направленію, которому онъ подчинялся на югѣ. Уже въ 1825 году онъ пишетъ Н. Н. Раевскому: «Правдоподобіе изложеній и истина разговора—вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Веги, но что за человѣкъ Шекспиръ! Не могу прійти въ себя! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ, этотъ Байронъ, всего на всего постигшій только одинъ характеръ (у женщинъ нѣтъ характера; у нихъ страсти въ ихъ молодости, и вотъ почему такъ легко выводить ихъ). И вотъ Байронъ раздѣлилъ между своими героями тѣ и другія черты собственнаго характера: одному далъ свою гордость, другому—свою ненависть, третьему—меланхолію и проч., и такимъ то образомъ изъ одного характера—полнаго, мрачнаго и энергичнаго—создалъ множество характеровъ ничтожныхъ. Это вовсе ужъ не трагедія»....

Увлеченіе Шекспиромъ повело Пушкина къ весьма благотворнымъ результатамъ. Во-первыхъ, подъ вліяніемъ великаго драматурга, умѣвшаго сохранять геніальную простоту и вѣрность дѣйствительности даже въ моменты самаго трагическаго паѳоса, Пушкинъ окончательно выступаетъ на путь реализма. Не даромъ въ томъ-же самомъ письмѣ онъ говоритъ: «есть и еще заблужденіе: задумавъ какой нибудь характеръ, стараются высказать его даже въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ (таковы педанты и моряки въ старыхъ романахъ Фильдинга). Заговорщикъ говоритъ: «дайте мнѣ пить»—какъ заговорщикъ, а это смѣшно. Вспомните Байронова «Озлобленнаго»: «онъ заплатилъ»! (ha payeto). Это однообразіе, тупость лаконизма, непрерывная ярость—*развѣ это естественно?* Отсюда и неловкость, и робкость разговора. Читайте Шекспира. Нисколько не боясь

скомпрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать *съ полной непринужденностью жизни*, ибо увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ онъ найдетъ языкъ, соотвѣтствующій его характеру.»

Во-вторыхъ, подъ вліяніемъ изученія Шекспира и особенно его хроникъ, Пушкинъ тогда уже началъ проникаться тѣмъ исторически объективнымъ взглядомъ на жизнь, какой мы видимъ во всѣхъ крупныхъ произведеніяхъ послѣдняго періода его дѣятельности. Наконецъ Шекспиру-же былъ обязанъ Пушкинъ и тѣмъ, что онъ съ большимъ еще усердіемъ, чѣмъ прежде, бросился на собираніе русскихъ пѣсенъ, пословицъ, на изученіе русской исторіи, и такъ какъ силы его пришли въ лихорадочное напряженіе вслѣдствіе чтенія Шекспира, то онъ тотчасъ-же и предался мысли осуществить все, имъ навѣянное и указанное, и втеченіи 1825 года написалъ свою «Комедію о Царѣ Борисѣ», которой прощался со всѣми старыми своими направленіями и начиналъ новый періодъ своего развитія.

Одновременно съ драмою «Борисъ Годуновъ» Пушкинъ успѣлъ написать въ Михайловскомъ: шесть главъ «Евгенія Онѣгина», «Графа Нулина», въ свою очередь навѣяннаго чтеніемъ Шекспира, и свои записки, сожженныя имъ послѣ 14-го декабря. Наконецъ, подъ впечатлѣніемъ чтенія Тацита, которое онъ сопровождалъ своими «замѣтками», онъ тогда уже написалъ стихотворную часть «Египетскихъ ночей». Мы не упоминаемъ здѣсь о массѣ мелкихъ его произведеній, написанныхъ въ это-же время. Такъ богата и плодотворна была его поэтическая дѣятельность въ тиши уединенія села Михайловскаго.

VI.

Послѣдніе годы холостой жизни А. С. Пушкина.

1826—1831.

Появленіе въ селѣ Михайловскомъ фельдъ-егеря, пріѣхавшаго за Пушкинымъ, произвело всеобщій ужасъ и недоумѣніе. Всѣмъ показалось, что поэтъ совсѣмъ исчезалъ изъ числа живыхъ. Это было 2-го или 3-го сентября. Пушкинъ весело провелъ вечеръ въ Тригорскомъ и часу въ 11-мъ отправился домой, провожаемый до дороги, по обыкновенію, молодымъ женскимъ поколѣніемъ семьи. На другой день рано утромъ въ Тригорское прибѣжала няня Пушкина, Арина Родіоновна, съ поразительнымъ извѣстіемъ, что какой-то человѣкъ, не то солдатъ, не то офицеръ, прискакавшій въ Михайловское подъ вечеръ, увезъ съ собою Пушкина, и притомъ такъ заторопилъ его, что Пушкинъ успѣлъ только накинуть на себя шинель и захватить деньги.

По пріѣздѣ въ Москву, Пушкинъ былъ тотчасъ-же представленъ императору Николаю. Вотъ какъ разсказывалъ впослѣдствіи Ан. Гр. Хомутовой объ этомъ представленіи самъ Пушкинъ:

«Фельдъ-егерь подхватилъ меня изъ моего насильственнаго уединенія и на почтовыхъ привезъ въ Москву, прямо въ Кремль, и, всего покрытаго грязью, меня ввели въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ:

— «Здравствуй, Пушкинъ, доволенъ-ли ты своимъ возвращеніемъ?»—Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало. Государь долго говорилъ со мною, потомъ спросилъ:—«Пушкинъ, принялъ-ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, еслибъ былъ въ Петербургѣ?»—

«Непремѣнно, государь: всѣ друзья мои были въ заговорѣ, и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога!»—«Довольно ты надурачился, возразилъ императоръ:—надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ, и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ».

Сверхъ того разсказываютъ еще о слѣдующей подробности свиданія Пушкина съ императоромъ Николаемъ: поэтъ и здѣсь остался поэтомъ. Ободренный снисходительностью государя, онъ дѣлался болѣе и болѣе свободенъ въ разговорѣ; наконецъ дошелъ до того, что незамѣтно для себя самого, приперся къ столу, который былъ позади его, и почти сѣлъ на этотъ столъ. Государь быстро отвернулся отъ Пушкина и потомъ говорилъ: «съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ».

Между тѣмъ вѣсть объ освобожденіи Пушкина по милостивой аудіенціи, полученной имъ у государя, быстро разнеслась по Москвѣ и въ торжествахъ, сопровождавшихъ день коронованія, она была радостно встрѣчена публикой, особенно литературно-образованной. И въ великосвѣтскихъ салонахъ, въ литературныхъ кружкахъ Пушкинъ былъ принятъ, какъ первый гость; вездѣ встрѣчали его восторженныя оваціи и поклоненіе. Послѣ шестилѣтней ссылки, увлекшись свободою, Пушкинъ весело кружился въ шумѣ и вихрѣ московской жизни, только что отпраздновавшей коронацію. То было горячее литературное время въ Москвѣ: на безпрерывныхъ и многочисленныхъ литературныхъ собраніяхъ обсуждались животрепещущіе вопросы, литературные и философскіе, начиная съ судебъ русской словесности до судебъ самой Россіи. Пушкинъ все болѣе и болѣе сходился съ молодыми московскими литераторами: былъ на обѣдѣ у Хомякова въ честь основанія «Московскаго Вѣстника» и затѣмъ на двухъ собраніяхъ читалъ свою новую, только что написанную драму, сначала у С. А. Соболевскаго, а потомъ у Веневитинова. На первомъ чтеніи слушатели состояли изъ тѣснаго, интимнаго кружка близкихъ знакомыхъ хозяина: П. Я. Чаадаева, Д. В. Веневитинова, гр. М. Ю. Вьельгорскаго и И. В. Кирѣевскаго. Второе-же чтеніе, 12-го сентября, происходило при мно-

гочисленномъ собраніи ученыхъ и литераторовъ; здѣсь, кромѣ братьевъ Веневитиновыхъ, присутствовали братья Хомяковы, Кирѣевскіе, Мицкевичъ, Баратынскій, Шевыревъ, Погодинъ, Раичъ, Соболевскій и др. Чтеніе это кончилось оваціями. «Мы смотрѣли другъ на друга долго, вспоминаетъ объ этомъ чтеніи Погодинъ: и потомъ бросились къ Пушкину; начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія... Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ; предисловіе къ «Руслану и Людмилѣ»; началъ разсказывать о планѣ для «Дмитрія Самозванца», о палачѣ, который шутитъ съ черныо, стоя у плахи на Красной площади въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекъ съ Самозванцемъ — сцену, которую написалъ онъ, гуляя верхомъ, и потомъ позабылъ половину, о чемъ глубоко сожалѣлъ. О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь! Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва-ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ!»

Но не долго продолжалось радостное настроеніе Пушкина подъ первымъ впечатлѣніемъ только-что полученной свободы. Онъ не замедлилъ вскорѣ горько разочароваться и убѣдиться, что эта свобода была крайне условна и ограничена. Между тѣмъ какъ онъ безпечно наслаждался свѣтскою жизнью въ Москвѣ и упивался литературными оваціями, онъ и не замѣтилъ, какъ нажилъ себѣ врага во всесильномъ гр. Бенкендорфѣ, который каждый день ждалъ отъ него визита, но, не дождавшись, обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ отъ 30 сентября:

«М. Г. Ал. С. Я *ожидалъ пріѣзда Вашего*, чтобы объявить высочайшую волю по просьбѣ вашей, но, отправляясь теперь въ С.-Петербургъ *и не надѣясь видѣть здѣсь*, честь имѣю увѣдомить, что государь императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда вашего въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобъ предварительно испрашивали раз-

рѣшенія черезъ письмо. Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на преданіе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности, его имп. величеству благоугодно, чтобъ вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, вамъ предоставляется совершенная и полная свобода—когда и какъ представить ваши мысли и соображенія, и предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, *что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія*. Сочиненій вашихъ никто разматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь имп. самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ. Объявляя вамъ его монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія ваши, такъ и письма можете до представленія его величеству доставить ко мнѣ; но впрочемъ отъ васъ зависитъ и прямо адресовать на высочайшее имя».

Пушкинъ и не замѣтилъ въ этомъ письмѣ намека гр. Бенкендорфа на то, что поэтъ не удостоилъ его посѣщеніемъ. Напротивъ того, онъ былъ въ восхищеніи отъ письма графа и показывалъ его всѣмъ и каждому, какъ выраженіе лестной для него царской милости. Онъ воображалъ, что въ подчиненіи его высочайшей цензурѣ самого государя заключается такое-же довѣріе къ нему, какимъ пользовался нѣкогда Карамзинъ. Но онъ не замедлилъ горько разочароваться въ этомъ. Въ письмѣ гр. Бенкендорфа не было договорено самаго главнаго: именно, что Пушкинъ не только не могъ ничего печатать до высочайшаго просмотра, но и показывать кому-либо вновь написанное. И вотъ, когда Пушкинъ мирно отдыхалъ въ с. Михайловскомъ послѣ всѣхъ московскихъ овацій, вдругъ онъ получаетъ 22 ноября слѣдующаго рода строгое внушеніе отъ гр. Бенкендорфа:

«М. Г. А. С! При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ вами переговорить, обратился я къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до напечатанія и распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ, или черезъ

посредство мое, или даже прямо его императорскому величеству. Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи моего отзыва, я долженъ, однако же, заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ. Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Это меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня: справедливо-ли такое извѣстіе, или нѣтъ? Я увѣренъ, впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобъ не чувствовать въ полной мѣрѣ великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго».

Письмо это произвело на Пушкина самое подавляющее впечатлѣніе. Онъ убѣдился, что участь его чуть-ли не болѣе зависитъ отъ гр. Бенкендорфа, чѣмъ отъ государя, и тотчасъ-же написалъ въ Москву М. П. Погодину, съ которымъ онъ условился участвовать въ его новомъ журналѣ, чтобы тотъ остановилъ печатаніе его произведеній: «Милый и почтенный, писалъ онъ:— ради Бога, какъ можно скорѣе остановите въ московской цензурѣ все, что носитъ мое имя. Покамѣстъ не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ; но все перемелется и будетъ мука, а намъ—хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до скораго свиданья. Жалѣю, что договоръ нашъ не состоялся».

Въ тотъ-же день (29 ноября) онъ послалъ гр. Бенкендорфу извинительное письмо, въ самыхъ подобострастныхъ и льстивыхъ выраженіяхъ объясняя, что онъ дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ — конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ препровождалъ на высочайшее усмотрѣніе свою трагедію. Затѣмъ, по требованію гр. Бенкендорфа, были высланы и стихи, предназначенные Пушкинымъ къ печати, каковы были: «Анчаръ», «Стансы», 3-я глава «Онѣгина», «Фаустъ», «Друзьямъ» и «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ». Всѣ эти произведенія, кромѣ двухъ послѣднихъ, были разрѣшены. Относительно «Пѣсней о Стенькѣ Разинѣ», гр. Бенкендорфъ писалъ Пушкину, что «онѣ, при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанію своему неприличны къ напечатанію, и что, сверхъ того, церковь прокли-

наетъ Разина, равно какъ и Пугачева». Пѣсни эти не были возвращены Пушкину, и онѣ до сихъ поръ не отыскиваются ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ.

Въ декабрѣ послѣдовалъ докладъ гр. Бенкендорфа государю о драмѣ Пушкина. Императоръ, прочтя драму, замѣтилъ нѣкоторыя мѣста, требующія очищенія, и то, что цѣль была бы болѣе выполнена, если бы сочинитель передѣлалъ свою комедію въ историческій романъ, на подобіе романовъ В. Скотта. Пушкинъ отвѣчалъ гр. Бенкендорфу на извѣщеніе его объ этомъ: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего пр—ства, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное».

Принявъ этотъ высочайшій отзывъ за неблагопріятный, Пушкинъ положилъ свою драму въ портфель, гдѣ она пролежала до 1829 г., когда онъ рѣшился вновь представить ее на высочайшее благоусмотрѣніе. Но и во второй разъ пьеса не получила одобренія; потребовалось перемѣнить нѣкоторыя тривіальныя мѣста, слова и выраженія, слишкомъ простонародныя и нарушающія скромность, замѣнить названіе «комедія» драмою, и лишь послѣ новыхъ измѣненій пьеса могла явиться въ свѣтъ въ 1831 году.

Въ концѣ того-же 1826 года Пушкинъ представилъ гр. Бенкендорфу заказанную «Записку о народномъ воспитаніи», гдѣ ясно отражается вся та паника, которую переживалъ поэтъ въ это время. Вы видите въ ней поразительное сплетеніе подчиненія взглядамъ государственныхъ сановниковъ вродѣ гр. Бенкендорфа съ стремленіемъ провести либеральную тенденцію. Тѣмъ не менѣе записка не понравилась, и гр. Бенкендорфъ 23 дек. 1826 г., извѣщая Пушкина, что государь съ удовольствіемъ читалъ разсужденіе его и изъявляетъ ему высочайшую признательность, прибавилъ: «Его величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто-бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ

на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе—предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ».

Все это показываетъ, какими подозрительными глазами еще смотрѣли на Пушкина, и какъ тѣсенъ былъ кругъ дарованной ему свободы. Отеческія внушенія гр. Бенкендорфа преслѣдовали поэта не только за каждый мало-мальски неосторожный шагъ, но и безъ всякаго повода, въ зачетъ, такъ сказать, будущаго. Такъ напримѣръ, въ началѣ 1827 г. онъ обратился съ просьбою о разрѣшеніи пріѣзда въ Петербургъ по семейнымъ обстоятельствамъ, и хотя разрѣшеніе было ему дано, но гр. Бенкендорфъ не преминулъ при этомъ внушить поэту: «Его величество не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано».

Благонадежность Пушкина еще болѣе поколебалась въ глазахъ полиціи, когда въ 1827 г. возгорѣлось дѣло о стихотвореніи «Андрей Шенье». Стихотвореніе это, посвященное Н. Н. Раевскому, было написано Пушкинымъ въ началѣ 1825 года и помѣщено въ первомъ собраніи его стихотвореній, изданномъ въ 1826 году. Цензура, разсмотрѣвъ стихотвореніе 8-го окт. 1825 г. (слѣдовательно за 2 мѣсяца до 14-го декабря), выпустила изъ него 44 стиха, со стиха «Привѣтствую тебя» и до стиха «И буря мрачная». Между тѣмъ этотъ отрывокъ распространился по Москвѣ, какъ стихотвореніе, написанное будто-бы Пушкинымъ спеціально по поводу 14 дек. Одинъ изъ списковъ съ надписью «По поводу 14 дек.», принадлежавшій кандидату московскаго университета Ал. Леопольдову, попалъ въ руки полиціи, и вотъ возгорѣлось дѣло, длившееся два года. Пушкинъ неоднократно былъ призываемъ по этому дѣлу, и относительно его состоялся слѣдующій указъ пр. сената: «Хотя Пушкина надлежало подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но, какъ преступленіе сдѣлано имъ до манифеста 22 авг. 1826 г., то, избавя

его отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою впредь никакихъ своихъ стихотвореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливаться выпускать въ свѣтъ, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія». Государствен. совѣтъ, сверхъ этого, усмотрѣвъ въ самыхъ отвѣтахъ Пушкина на слѣдствіи неприличныя выраженія, присудилъ его къ секретному полицейскому надзору. Замѣчательно, что это опредѣленіе государствен. совѣта, состоявшееся 29 авг. 1828 г., при постоянныхъ разъѣздахъ Пушкина, слѣдовало за нимъ по пятамъ изъ губерніи въ губернію и, наконецъ, было объявлено ему московскою полиціею лишь въ концѣ января 1831 г., за нѣсколько дней до свадьбы.

Всѣ эти непріятности сильно вліяли на расположеніе духа Пушкина и его душевное спокойствіе. Онъ часто теперь хандрилъ, находился въ раздраженномъ, нервномъ состояніи; раскаяніе о годахъ молодости, утраченныхъ въ «праздности, въ неистовыхъ пирахъ, въ безумствѣ гибельной свободы», мысли о смерти начали посѣщать его чаще и чаще. Онъ ведетъ теперь кочующую жизнь, нигдѣ не оставаясь болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, словно не можетъ найти себѣ мѣста на землѣ. Трудно слѣдить за всѣми его постоянными переѣздами въ этотъ періодъ времени. То онъ бросается въ омутъ столичной жизни и стремится словно забыться отъ снѣдающей его тоски, снова предаваясь свѣтскимъ развлеченіямъ, оргіямъ и картамъ; то, напротивъ того, бѣжитъ изъ столицъ и клянетъ столичную жизнь. Такъ напр., лѣтомъ 1827 г. онъ писалъ П. А. Осиповой: «Нелѣпость и глупость нашихъ обѣихъ столицъ равносильна, хотя и различна, и такъ какъ я стараюсь быть безпристрастнымъ, то если бы мнѣ предоставленъ былъ выборъ между обоими городами, я избралъ бы Тригорское, подобно арлекину, который на вопросъ что онъ предпочитаетъ—быть колесованнымъ или повѣшеннымъ—отвѣчалъ: я предпочитаю молочный супъ». Въ свою очередь, въ январѣ 1828 г. онъ пишетъ въ Тригорское: «для меня шумъ и суета петербургской жизни дѣлаются все болѣе и болѣе несносными, и я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и прелестный берегъ Сороти; видите, милостивая государыня, что настроеніе мое еще поэтично, не смотря на гадкую прозу моей настоящей жизни».

И въ то время, какъ городская жизнь его раздражаетъ и злитъ, деревня, совершенно наоборотъ, сравнительно съ его юными годами, успокаиваетъ его нервы, и онъ снова дѣлается среди деревенской обстановки ясенъ душой и веселъ. Такъ, уѣхавши осенью 1828 года въ Малинники, деревню Тверской губерніи, принадлежавшую Пр. Алек. Осиповой, онъ пишетъ оттуда Дельвигу въ ноябрѣ: «Здѣсь очень весело. Прасковью Алекс. люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все безпокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито (ученая собака, которая въ то время показывалась въ Петербургѣ). Скажи это гр. Хвостову. Петръ Марковичъ (Полторацкій, родственникъ Осиповой) здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На-дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованныя ребятишки, хотѣли непремѣнно туда-же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться; но Петръ Марк. ихъ взбудоражилъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ: «дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте чернослива, поѣзжайте съ нею—тамъ будетъ Пушкинъ, весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ, и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку». Дѣти разревѣлись: «не хотимъ чернослива, хотимъ Пушкина». Нечего дѣлать, ихъ повезли—и они сбѣжались ко мнѣ облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили. Здѣсь очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ. Я съ ними вожусь платонически, и оттого толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьѣ».

Но эти возвраты яснаго и рѣзваго настроенія духа, словно послѣдніе проблески юности, посѣщаютъ Пушкина теперь довольно рѣдко и быстро смѣняются снова тревожнымъ и мрачнымъ настроеніемъ, и снова онъ мечется, не зная, куда ему дѣться. Такъ, въ началѣ турецкой войны онъ заявляетъ вдругъ желаніе участвовать въ ней. Въ январѣ 1830 г. просится заграницу или сопровождать нашу миссію въ Китай. Всѣ эти планы не получили разрѣшенія. За то въ мартѣ 1829 г. онъ, не испрашивая никакого разрѣшенія, уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ, находясь въ русскомъ лагерѣ подъ Эрзерумомъ, словно нарочно искалъ смерти, становясь подъ непріятельскія пули. Плодомъ

этой поѣздки и было его «Путешествіе въ Эрзерумъ во время похода 1829 года».

Самовольное путешествіе на Кавказъ, равно какъ и стремительный переѣздъ изъ Петербурга въ Москву въ мартѣ 1830 г. съ цѣлью ухаживанія за своею будущею женою, не обошлись Пушкину безъ нагоняя со стороны гр. Бенкендорфа, и онъ писалъ Пушкину, что «всѣ непріятности, которымъ онъ можетъ подвергнуться за своевольные поступки, онъ долженъ будетъ отнести къ *собственному своему поведенію*». Удрученный этимъ письмомъ, Пушкинъ отвѣчалъ, что съ 1826 г. онъ каждую весну проводилъ въ Москвѣ, а осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительнаго разрѣшенія и не получая никакого замѣчанія; что это отчасти было причиной и невольнаго проступка его—поѣздки въ Эрзерумъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ выражалъ горесть, которую приносятъ ему выговоры, и описывая себя въ гоненіи, говоритъ, что другіе еще болѣе злопамятствуютъ ему, и что гр. Бенкендорфъ *остается единственнымъ его защитникомъ*: «Если завтра, прибавилъ онъ, вы не будете министромъ, то послѣ завтра меня посадятъ въ тюрьму». При этомъ поэтъ жаловался на Булгарина, который хвалился близостью къ гр. Бенкендорфу и, злобясь на него, по словамъ поэта, за критики, впрочемъ не имъ писанныя, готовъ въ остервенѣніи своемъ рѣшиться на все.

Гр. Бенкендорфъ успокаивалъ Пушкина, увѣряя, что Булгаринъ никогда не говорилъ ему ничего дурного о немъ, что журналистъ этотъ вовсе не близокъ къ нему, и если бывалъ у него, то развѣ одинъ или два раза въ годъ; что въ послѣднее время онъ призывалъ къ себѣ Булгарина только для того, чтобы обуздать его.

Къ этому-же времени относится сватовство Пушкина. Онъ познакомился съ семействомъ Натальи Николаевны Гончаровой еще въ 1828 г., когда Н. Н. было всего 15 лѣтъ. Онъ былъ представленъ ей на балѣ и тогда-же сказалъ, что участь его будетъ навѣки связана съ молодой особой, обращавшей на себя всеобщее вниманіе. Въ 1830 г. прибытіе части Высоч. двора въ Москву оживило столицу и сдѣлало ее средоточіемъ увеселеній и празднествъ. Н. Н. участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ, кото-

рыми встрѣтила древняя столица Августѣйшихъ гостей, и между прочимъ въ великолѣпныхъ живыхъ картинахъ, данныхъ московскимъ генер.-губерн. Дм. Вл. Голицынымъ. Молва объ ея красотѣ и успѣхахъ достигла Петербурга, гдѣ жилъ тогда Пушкинъ. И вотъ стремительно уѣхавъ въ Москву, какъ мы выше говорили, онъ возобновилъ прежнія свои исканія. Въ самый день Свѣтлаго Воскресенія 21 апр. 1830 г. онъ сдѣлалъ семейству Н. Н. предложеніе, которое и было принято.

Вслѣдъ за тѣмъ въ исходѣ лѣта Пушкинъ отправился въ Петербургъ для устройства своихъ дѣлъ и переговоровъ съ отцомъ касательно основанія будущаго своего дома и состоянія. Серг. Львв. выдѣлилъ сыну часть своего родового имѣнія Болдина, Нижегородской губерніи, и Пушкинъ отправился туда въ августѣ 1830 г. для принятія своего наслѣдства. Въ Болдинѣ провелъ онъ осень и часть зимы, окруженный со всѣхъ сторонъ карантинами по случаю холеры, и, равнодушный къ своей собственной особѣ, сильно безпокоился объ участи родныхъ.— Только въ декабрѣ успѣлъ онъ пробраться въ Москву съ свидѣтельствомъ для залога въ Опекунскомъ Совѣтѣ выдѣленной ему части. Новый 1831 годъ засталъ его въ приготовленіяхъ къ женитьбѣ, но за мѣсяцъ до свадьбы его расположеніе духа было вновь омрачено извѣстіемъ о смерти Дельвига 14 января 1831 г., и эта внезапная смерть ближайшаго друга и однокашника сильно потрясла его и глубоко огорчила. Наконецъ, въ среду 18 февраля 1831 года, въ Москвѣ, въ церкви Стараго Вознесенія, Пушкинъ былъ обвѣнчанъ съ Н. Н. Гончаровой.

Не смотря на все скитальчество въ разсматриваемые нами годы жизни Пушкина, этотъ періодъ жизни былъ самый плодотворный въ творческой его дѣятельности. Такъ, мы видимъ, что тотъ реализмъ, на путь котораго рѣшительно выступилъ Пушкинъ въ концѣ своего пребыванія въ с. Михайловскомъ, не замедлилъ привести его къ попыткамъ въ той формѣ, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ этому литературному направленію,— именно въ формѣ прозаическаго романа. И вотъ лѣтомъ и въ началѣ осени 1827 года Пушкинъ написалъ бо́льшую часть исторической повѣсти «Арапъ Петра Великаго» и сразу создалъ тотъ безыскусственно простой, кристально-чистый и вмѣстѣ съ

тѣмъ въ высшей степени художественный повѣствовательный слогъ, который и до сихъ поръ остается неподражаемымъ.

Писаніе исторической повѣсти изъ эпохи Петра показываетъ, что Пушкинъ въ то время занимался историческимъ изученіемъ этой эпохи. Но колоссальная личность Петра такъ поразила и вдохновила поэта, что онъ не могъ ограничиться одной прозою; и вотъ онъ тогда-же предпринялъ воспѣть великаго преобразователя Россіи въ поэмѣ. И замѣчательно, что, вопреки своему обыкновенію замыкаться осенью для своихъ поэтическихъ работъ въ деревнѣ, Пушкинъ поѣхалъ въ Петербургъ, словно нарочно для того, чтобы воспѣвать Петра на самомъ мѣстѣ его кипучей дѣятельности, и вотъ здѣсь осенью того-же года онъ создалъ свою «Полтаву». Какъ сильно было напряженіе творчества въ этотъ разъ, мы можемъ судить по тому, что поэма была написана всего на все въ 13 дней, причемъ Пушкинъ отнюдь не уединялся отъ свѣта, а велъ такую-же свѣтскую и разсѣянную жизнь, какъ и всегда, когда бывалъ въ столицѣ.

Второй не менѣе сильный порывъ творчества въ этотъ періодъ своей жизни Пушкинъ испыталъ осенью 1830 года, въ Болдинѣ, когда въ какіе-нибудь два-три мѣсяца онъ написалъ, какъ самъ говоритъ въ письмѣ Плетневу, «двѣ послѣднія главы Онѣгина, совсѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами («Домикъ въ Коломнѣ»); нѣсколько драматическихъ сценъ: «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», и «Донъ-Жуанъ». Сверхъ того я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ прозою (весьма секретно) пять повѣстей (Повѣсти Бѣлкина). Въ этотъ списокъ не попали еще «Лѣтопись села Горохина» и «Пиръ во время чумы».

VII.

Послѣдніе годы жизни Пушкина.

1831—1837.

Проживъ до весны въ Москвѣ, новобрачные послѣ Святой выѣхали въ Петербургъ, и Пушкинъ переѣхалъ со своею женою на дачу въ Царское Село, гдѣ въ это лѣто проживалъ и Жуковскій. Въ Петербургѣ вскорѣ развилась холера, что затруднило сношенія съ городомъ, и Пушкинъ «прижатый», какъ онъ выражался, къ Царскому Селу, былъ предоставленъ небольшому обществу друзей, великолѣпнымъ садамъ дворца, семейнымъ радостямъ медовыхъ мѣсяцевъ и воспоминаніямъ золотыхъ дней своего дѣтства. Здѣсь Пушкинъ, подъ вліяніемъ общаго положенія дѣлъ того времени, отчасти и друга своего Жуковскаго, утомленный въ то-же время всѣми тѣми гоненіями, которыя онъ испыталъ въ предшествовавшіе годы, впервые выступилъ на поприще того оффиціальнаго патріотизма, который, не избавивъ его отъ тѣни подозрѣнія, лежавшей на немъ въ глазахъ высшей администраціи, въ то-же время произвелъ охлажденіе къ нему въ значительной части русскаго общества. 5 августа написано было имъ стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи», за которымъ вскорѣ послѣдовала «Бородинская годовщина». Тамъ-же, въ Ц. Селѣ, состязаясь съ Жуковскимъ), Пушкинъ написалъ свои сказки «О царѣ Салтанѣ», «О попѣ Остолопѣ», «О мертвой царевнѣ», «О золотомъ пѣтушкѣ».

Впрочемъ патріотическія стихотворенія не остались совсѣмъ безъ слѣда, и 14 ноября 1831 г. Пушкинъ зачисленъ былъ на службу въ вѣдомство Государственной Коллегіи Иностранныхъ

Дѣлъ съ жалованьемъ 5,000 ассигн. въ видѣ особенной Высочайшей милости. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему былъ дозволенъ входъ въ Государственные архивы для собиранія матеріаловъ къ исторіи Петра В., чѣмъ онъ и не замедлилъ воспользоваться въ ту-же зиму, по переѣздѣ съ дачи въ Петербургъ. Изъ квартиры своей въ Морской отправлялся онъ каждый день въ разныя вѣдомства, предоставленныя ему для изслѣдованій. Онъ предался новой работѣ съ жаромъ, почти со страстью. Такъ протекла зима 1832 г. 7 янв. слѣдующаго года онъ былъ принятъ въ число членовъ Имп. Рос. Академіи и началъ прилежно посѣщать засѣданіи Академіи по субботамъ. Плодомъ этихъ посѣщеній были статьи его «Россійская Академія» и «О мнѣніи М. А. Лобанова». Весной 1833 года онъ переѣхалъ на дачу, на Черную рѣчку, и отправлялся каждый день въ Архивъ, туда и обратно пѣшкомъ; когда-же чувствовалъ утомленіе, шелъ купаться, и этого средства было достаточно, чтобы снова возвратить ему бодрость и силы. Въ архивахъ Пушкинъ не ограничивался однимъ собираніемъ матеріаловъ къ исторіи Петра; ему попалось случайно подъ руки нѣсколько бумагъ, относящихся къ Пугачевскому бунту: онъ быстро увлекся изученіемъ этого событія и вскорѣ весь ушелъ въ него. При такой непрерывной и страстной дѣятельности, къ осени 1833 года, у него были уже готовы матеріалы для «Исторіи Пугачевскаго бунта», написана вчернѣ «Капитанская дочка», и сверхъ этого были совсѣмъ отдѣланы— «Русалка» и «Дубровскій».

Не ограничиваясь одними архивными изысканіями, Пушкинъ, какъ истый реалистъ, предпринялъ тогда уже то, что нынѣ, полстолѣтіе спустя, ставятъ въ особенную заслугу современнымъ намъ французскимъ натуралистамъ, какъ нѣчто новое, ими только-что введенное:—именно онъ захотѣлъ посѣтить всѣ мѣста, ознаменованныя пугачевскимъ бунтомъ. И вотъ осенью въ 1833 г. онъ совершилъ поѣздку по Казанской, Симбирской, Пензенской и Оренбургской губерніямъ. Вездѣ онъ, обозрѣвая мѣстности, въ то-же время искалъ живыхъ преданій и свидѣтельства очевидцевъ. Такъ, въ Казани онъ провелъ съ этою цѣлью полтора часа у нѣкоего старожила, купца Крупенина; въ Оренбургской губерніи разговаривалъ со старикомъ Дмитріемъ Пьяновымъ, сыномъ

того Пьянова, о которомъ упоминается въ «Исторіи Пугачевскаго бунта», а въ селеніи Берды встрѣтилъ старую казачку, помнившую происшествія того времени очень живо. Онъ пишетъ, что чуть не влюбился въ нее, не смотря на мало привлекательную наружность. Въ Уральскѣ Пушкинъ былъ принятъ съ большимъ радушіемъ всѣмъ обществомъ города, соединившимся въ одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь поэта.

Истративъ на все это путешествіе мѣсяцъ, Пушкинъ возвратился въ Болдино 2-го октября, и до конца ноября пробылъ въ деревнѣ, послѣ чего возвратился въ Петербургъ на службу. Въ этотъ промежутокъ времени были имъ закончены «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», «Пѣсни западныхъ славянъ», которыя онъ писалъ между дѣломъ, втеченіе 1832 и 33 годовъ, «Мѣдный всадникъ» и «Исторія Пугачевскаго бунта».

По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ представилъ въ декабрѣ 1833 года на разсмотрѣніе начальства свою «Исторію Пугачевскаго бунта» и получилъ дозволеніе на изданіе ея; сверхъ того, въ видѣ награды, онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а на напечатаніе книги дано ему было заимообразно 20,000 р. асс. съ правомъ избрать одну изъ казенныхъ типографій.

Повидимому Пушкинъ былъ на верху милостей, почестей и славы; со стороны могло казаться, что жизнь улыбается ему какъ нельзя болѣе. А на самомъ дѣлѣ онъ былъ глубоко несчастный человѣкъ и тысячи острыхъ пилъ со всѣхъ сторонъ подтачивали его существованіе.— Начать съ того, что положеніе Пушкина было крайне двусмысленно. Съ одной стороны казалось, что это было поднятіе въ высшія сферы общества, весьма льстившее тщеславію поэта; но въ то-же время это внѣшнее возвышеніе соединялось съ цѣлымъ рядомъ нравственныхъ униженій всякаго рода. Пушкинъ не могъ войти въ высшія сферы человѣкомъ равнымъ людямъ, находившимся въ нихъ, ни по своему состоянію, ни по родовитости, что неотразимо развивало въ немъ болѣзненную мнительность, при которой каждый неотплаченный визитъ, малѣйшій признакъ небрежности въ отношеніяхъ къ нему и къ его дому раздувались въ его воображеніи въ умышленное пренебреженіе къ нему, въ желаніе доказать ему, что онъ сидитъ

не въ своихъ саняхъ. Въ то-же время, это новое положеніе, при всей его кажущейся высотѣ, носило характеръ своего рода заточенія, такъ какъ оно было обязательно: Пушкинъ не могъ самовольно выйти изъ него, видя его ненормальность, не могъ даже жить, гдѣ ему вздумалось бы; когда-же онъ просился въ отставку, ему или отказывали, или грозили опалою, лишеніями—вродѣ запрещенія посѣщать архивы.

И особенно положеніе Пушкина при дворѣ сдѣлалось тягостно, когда ему пожаловали камеръ-юнкерство. Это придворное званіе было уже не по лѣтамъ Пушкина, и положеніе его невольно было комично, когда ему приходилось на выходахъ стоять среди безбородыхъ юношей. Этимъ и объясняются исполненныя горечи слова его дневника отъ 1-го янв. 1834 г.

«Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Меня спрашивали, доволенъ-ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ.—Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только-бъ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ». Отсюда-же вытекаетъ и отвѣтъ его великому князю, который поздравилъ его въ театрѣ съ назначеніемъ:—«Покорнѣйше благодарю, ваше высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись, вы первый меня поздравили».

Самое исполненіе придворныхъ этикетовъ въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ крайне тяготило Пушкина своею формальностью, соединенной съ выговорами и замѣчаніями чисто школьническаго характера. «Третьяго дня, писалъ онъ своей женѣ: возвратился я изъ Царскаго въ 5 часовъ вечера, нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ-же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръ-геровъ и камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ имъ это объявить. Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ или Реймерсомъ—ни за какія

благополучія! j'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ mr. Jourdain».

Въ то-же время обязательная придворная жизнь, навязанная Пушкину, соединенная съ выходами, пріемами, нарядами жены, требовала такихъ расходовъ, которые были совершенно не по средствамъ Пушкина, остававшагося при своемъ высокомъ положеніи все тѣмъ-же помѣщикомъ средней руки, да еще помѣщикомъ съ крайне разстроеннымъ состояніемъ. Всѣ имѣнія родныхъ его къ этому времени успѣли придти въ полный упадокъ. Мы уже замѣтили выше, что управляющій, честный нѣмецъ, посланный въ Болдино, убѣжалъ оттуда въ ужасѣ. Тщетно умолялъ Пушкинъ своихъ родныхъ поселиться года на два, на три въ Михайловскомъ. Сер. Льв. пришелъ въ ужасъ и неистовство отъ перспективы закабаленія въ деревенскую глушь. «Вы не можете вообразить, пишетъ Пушкинъ къ Осиповой 29-го іюня 1835 г., какъ тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ (Болдинымъ). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что спасти Болдино необходимо, хотя бы только для Ольги и Льва, которымъ въ будущемъ предстоитъ нищенство, или, по крайней мѣрѣ, бѣдность. Но я и самъ не богатъ, я имѣю собственное семейство, которое зависитъ отъ меня и которое безъ меня впадетъ въ крайность. Я взялъ имѣніе, которое, кромѣ хлопотъ и непріятностей, ничего мнѣ не приноситъ. Родители мои и не знаютъ, что они шагахъ въ двухъ отъ разоренія; если бы они могли рѣшиться пробыть нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, дѣла могли бы поправиться; но этого никогда не будетъ».

И вотъ, какъ неизмѣнные спутники разоренія, пошли залоги и перезалоги имѣній, безпрестанныя хлопоты о томъ, гдѣ бы и какъ бы раздобыть денегъ, а долги росли не по днямъ, а по часамъ. Къ тѣмъ 20,000 р., которыя Пушкинъ получилъ заимообразно на изданіе Пугачева, присоединился новый казенный долгъ: именно 16 августа 1835 г. пожаловано было ему въ ссуду 30,000 р. асс. безъ процентовъ, съ тѣмъ, чтобы въ уплату общей суммы долга, возросшей такимъ образомъ до 50,000, шло получаемое имъ жалованье, по 5,000 р. въ годъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, передъ самою смертью уже, Пушкинъ вновь хлопочетъ у министра финансовъ Канкрина о томъ, что нельзя-ли принять

въ уплату этого долга 200 душъ, принадлежащихъ лично ему въ Нижегородской губерніи и заложенныхъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Это печальное финансовое положеніе не могло не отражаться и на творчествѣ поэта! И тутъ мы видимъ весьма прискорбное раздвоеніе: въ то время какъ Пушкинъ болѣе чѣмъ когда-либо ратовалъ за чистое и свободное искусство и восклицалъ надменно презрѣнной черни «подите прочь, какое дѣло поэту мирному до васъ»,— въ дѣйствительности литературная дѣятельность его съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе принимала спекулятивный характеръ и вся обращалась къ тому, какъ бы добыть болѣе денегъ. Конечно, не ради «звуковъ чистыхъ и молитвъ» предпринималъ онъ обширные историческіе труды въ родѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта» или «Исторіи Петра В.,» труды, такъ мало свойственные его генію и потому крайне слабые, сухіе, въ которыхъ вы и слѣда не видите того, что вы привыкли соединять съ именемъ Пушкина. Это-же желаніе добыть какъ можно болѣе денегъ побуждало его взяться за какое-нибудь періодическое изданіе. Такъ, сначала онъ мечталъ о газетѣ, но когда газета не была ему разрѣшена, предпринялъ въ послѣдній годъ жизни ежемѣсячный журналъ «Современникъ». Цѣль изданія журнала была, повидимому, весьма почтенная: именно противодѣйствовать тому легкомысленно насмѣшливому, парадоксальному взгляду на литературу нашу, который господствовалъ въ то время въ петербургской журналистикѣ, особенно на страницахъ «Библіотеки для Чтенія»; возвратить критику снова въ руки малаго избраннаго кружка писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики; но сквозь всѣ эти чисто литературныя цѣли постоянно проглядываетъ надежда поправить свое состояніе.

Вообще, весьма грустное впечатлѣніе производилъ этотъ геніальный человѣкъ, которому поклонялась вся Россія, затертый въ блестящей толпѣ расшитыхъ мундировъ, въ качествѣ выскочки, глотающій поминутно если не пренебреженіе, то еще того хуже — снисходительность, съ тоскливой скукой одиноко бродящій по бальнымъ заламъ или взирающій изъ-за колонны, какъ увиваются свѣтскіе франты за его женою. Она отплясы-

ваетъ, разодѣтая въ пухъ и прахъ, веселая и безпечная, а у него въ это время кошки скребутъ на сердцѣ, и не отъ одной ревности, а при мысли, что вотъ всѣ вокругъ веселятся, счастливые, довольные, обезпеченные, не думая о завтрашнемъ днѣ, а ему предстоитъ завтра ѣхать въ Опекунскій Совѣтъ послѣднее имѣніе закладывать или вести торгашескіе переговоры съ литературными барышниками. Нѣтъ ничего мудренаго, что всѣ письма его въ послѣдніе два-три года его жизни, особенно къ женѣ, постоянно носятъ характеръ какихъ-то стоновъ, какъ объ этомъ можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ:

«Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ: съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной, доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ, и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства. Вотъ тебѣ и мораль». «Милый мой ангелъ! пишетъ онъ въ другомъ:—я было написалъ тебѣ письмо на 4 страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебѣ не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно сплинъ. Скучно жить безъ тебя и не смѣть даже писать тебѣ все, что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо бы туда засѣсть, да мудрено. Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ имъ можно поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Гос-

пода Бога. Но ты во всемъ этомъ невиновата, а виноватъ я изъ добродушія, коимъ преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни».

...«Я передъ тобой кругомъ виноватъ въ отношеніи денежномъ. Были деньги—я проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ были жолченъ, что надобно было развлечься чѣмъ нибудь. Все тотъ виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ-бы лишь меня во свояси».

...«На дняхъ я чуть было бѣды не надѣлалъ: съ тѣмъ чуть было не поссорился—струхнулъ-то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь—другого неналиву. А долго на него сердиться не умѣю; хоть онъ и не правъ...

...«Канкринъ шутитъ—а мнѣ не до шутокъ. Г. обѣщалъ мнѣ газету, а тотъ запретилъ, заставляетъ меня жить въ ПБ. и не даетъ мнѣ способа жить своими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія, какъ безъ разсчета; твои теряютъ свое отъ глупости и безпечности покойника Аѳ. Ник. Что изъ этого будетъ, Господь вѣдаетъ»...

...«Какъ ты съ хозяиномъ управилась? Что дѣти? Экое горе! Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80,000 доходу. И буду ихъ имѣть. Не даромъ же пустился въ журнальную спекуляцію, а вѣдь это все равно, что золотарство, которое хотѣла взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу, чистить... и зависѣть отъ полиціи. Того и гляди, что... Чортъ ихъ побери! У меня кровь въ желчь превращается...»

Прибавьте ко всѣмъ этимъ непріятностямъ нескончаемыя полицейскія и цензурныя дрязги. Дѣло въ томъ, что ни приближеніе ко двору, ни всѣ изливаемыя на Пушкина высочайшія милости не избавляли его отъ строгаго полицейскаго надзора. По прежнему относительно всѣхъ своихъ занятій и каждаго шага онъ долженъ былъ испрашивать предварительное разрѣшеніе, по прежнему прочитывалась его переписка, и гр. Бенкендорфъ дѣлалъ ему выговоры. То придирались къ нему, зачѣмъ онъ ограничивается одною общею цензурою, въ то время, какъ онъ подчиненъ высочайшей цензурѣ, то наоборотъ требо-

вали, чтобы сочиненія, одобренныя къ напечатанію самимъ государемъ, онъ затѣмъ представлялъ въ общую цензуру. Поэма его «Мѣдный всадникъ» была не допущена къ печати, и при жизни ему не пришлось видѣть ее напечатанною. Благодаря гр. Бенкендорфу, отъ котораго безусловно зависѣло допущеніе пьесъ на сцену, Пушкину не удалось видѣть ни одной своей пьесы на сценѣ. Онъ очень желалъ, чтобы А. М. Каратыгина съ мужемъ своимъ прочитала на театрѣ сцену у фонтана Дмитрія съ Мариною, но не смотря на многочисленныя личныя просьбы Каратыгиныхъ, гр. Бенкендорфъ отказалъ имъ въ своемъ согласіи. Послѣ того Пушкинъ подарилъ Каратыгину для бенефиса «Скупого рыцаря», но и эта пьеса не была играна при жизни автора по какимъ-то цензурнымъ недоразумѣніямъ.

Но особенно увеличились цензурныя придирки и непріятности, когда въ 1833 г. министромъ народ. просв. былъ сдѣланъ гр. Уваровъ, относившійся къ Пушкину весьма недружелюбно. Распоряженія его выводили Пушкина изъ себя, и чаша гнѣва его окончательно переполнилась, когда однажды на вечерѣ у Карамзина къ нему подошелъ Уваровъ и по поводу ходившей въ то время по рукамъ эпиграммы «Въ академіи наукъ» свысока и внушительно началъ выговаривать, что онъ роняетъ свой талантъ, осмѣивая почтенныхъ и заслуженныхъ людей такими эпиграммами.—«Какое право имѣете вы дѣлать мнѣ выговоръ, когда не смѣете утверждать, что это мои стихи?»—возразилъ Пушкинъ, выйдя изъ себя.—«Но всѣ говорятъ, что ваши!»—«Мало-ли, что говорятъ! а я вамъ вотъ что скажу: я на васъ напишу стихи и напечатаю ихъ съ моею подписью».

И вотъ когда Уваровъ захворалъ, а наслѣдникъ его, предполагая близкую смерть министра, позаботился заранѣе опечатать его имущество и посрамился на всю столицу при неожиданномъ его выздоровленіи, Пушкинъ на эту скандальную исторію написалъ стихи подъ заглавіемъ «На выздоровленіе Лукула» (съ латинскаго). Ни одинъ петербургскій журналъ не согласился напечатать эти стихи. Тогда Пушкинъ послалъ ихъ въ Москву, и тамъ ода была напечатана во 2-й сентябрьской книжкѣ «Московскаго Наблюдателя» 1835 года. Появленіе оды вызвало большую сенсацію въ придворныхъ сферахъ и привело за собою

не мало непріятностей Пушкину, начиная съ оскорбительной переписки съ кн. Репнинымъ, дурно отозвавшемся о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ, въ салонѣ Уварова, и кончая неудовольствіемъ самого государя. Пушкинъ былъ тотчасъ-же вызванъ къ гр. Бенкендорфу. Вотъ какъ самъ онъ разсказывалъ этотъ свой визитъ къ шефу жандармовъ:

«Вхожу. Графъ съ серьезной, даже съ строгой миной, впрочемъ, учтиво отвѣтивъ на мой поклонъ, пригласилъ меня сѣсть у стола vis-à-vis. Журналъ съ развернутой страницей моихъ стиховъ лежалъ передъ нимъ, и онъ сейчасъ-же предъявилъ мнѣ его, сказавъ:—«Александръ Сергѣевичъ! Я обязанъ сообщить вамъ непріятное и щекотливое дѣло по поводу вотъ этихъ вашихъ стиховъ. Хотя вы и назвали ихъ Лукуломъ и переводомъ съ латинскаго, но согласитесь, что мы, да и все русское общество въ ваше время на столько просвѣщено, что умѣемъ читать между строкъ и понимать настоящій смыслъ, цѣль и намѣреніе сочинителя!»—«Совершенно согласенъ и радуюсь за развитіе общества»...—«Но позвольте замѣтить (строго перебилъ онъ меня), что подобное произведеніе недостойно вашего таланта тѣмъ болѣе, что осмѣянная вами личность—особа значительная въ служебной іерархіи»...—Тутъ я перебилъ его:—«Но позвольте-же узнать, кто эта жалкая особа, которую вы узнали въ моей сатирѣ?»—«Не я узналъ, а Уваровъ самъ себя узналъ, принесъ мнѣ жалобу и просилъ обо всемъ доложить Государю! и даже то, какъ вы у Карамзиныхъ сказали ему, что напишите на него стихи и не отопретесь, то-есть подпишетесь подъ ними!»—«Сказалъ, и теперь не отпираюсь... только эти-то именно стихи я написалъ совсѣмъ не на него»—«А на кого-же?»—«На васъ!»—Бенкендорфъ, пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ, опрокинулся на спинку кресла, такъ что оно откатилось отъ стола и, вытаращивъ на меня глаза, вскрикнулъ:—«Что? на меня?» А я, заранѣе восхищаясь развязкой, вскочилъ съ мѣста и быстро дѣлая по четыре шага передъ столомъ или передъ его носомъ, три раза оборачиваясь къ нему лицомъ, повторялъ: «На васъ, на васъ, на васъ!» Тутъ уже Александръ Христофоровичъ, во всемъ величіи власти, громовержцемъ поднимаясь съ кресла, схватилъ журналъ и, подойдя

ко мнѣ, дрожащей отъ злобы рукой тыкая на извѣстныя мѣста стиховъ, сказалъ:—«Однако, послушайте, сочинитель! Что-же это такое! Какой-то пройдоха наслѣдникъ... (читаетъ): «Теперь ужъ у вельможъ не стану няньчить ребятишекъ»... Ну, это ничего... (продолжаетъ читать): «Теперь мнѣ честность—трынъ-трава, жену обманывать не буду!»—Ну, и это ничего, вздоръ... но вотъ, вотъ ужасное, непозволительное мѣсто (читая): «И воровать ужъ не забуду казенныя дрова!»—«А? что вы на это скажете?»—«Скажу только, что вы не узнаете себя въ этой колкости!»—«Да развѣ я воровалъ казенныя дрова?»—«Такъ, стало быть, Уваровъ воровалъ, когда подобную улику принялъ на себя!»—Бенкендорфъ понялъ силлогизмъ, сердито улыбнулся и промычалъ: «Гмъ! да! самъ виноватъ!»—«Вы такъ и доложите государю. А за симъ имѣю честь кланяться вашему сіятельству».

Наконецъ, ко всему этому присоединились и непріятности чисто литературныя. Подписка на «Современникъ» шла плохо. Пушкинъ замѣчалъ вообще охлажденіе къ нему въ литературныхъ сферахъ. Кое-гдѣ въ журнальной критикѣ начинали проскальзывать опасенія, что онъ исписался, и при нервной раздражительности Пушкинъ глубоко принималъ къ сердцу всѣ эти толки и выходилъ изъ себя. И вотъ передъ смертью у него все болѣе и болѣе развивается отвращеніе къ жизни. «Я ошеломленъ, писалъ онъ осенью Осиповой не задолго до своей смерти, и нахожусь въ сильнѣйшемъ раздраженіи. Повѣрьте мнѣ, жизнь, какая она ни на есть пріятная привычка, а все-же заключаетъ въ себѣ горечь, которая дѣлаетъ ее подъ конецъ отвратительною. Свѣтъ—это гадкая лужа грязи».

Такимъ образомъ всѣ обстоятельства, повидимому, прямо вели поэта къ какой-либо катастрофѣ, особенно, принимая въ разсчетъ пылкость и увлекаемость его натуры. Между тѣмъ въ великосвѣтскомъ обществѣ образовалась противъ Пушкина цѣлая коалиція, съ гр. Уваровымъ и Бенкендорфомъ во главѣ; ожидали только случая, чтобы такъ или иначе погубить его, и случай этотъ не замедлилъ представиться: достаточно было, правда, нѣсколько легкомысленнаго, но совершенно невиннаго ухаживанія за женою Пушкина блиставшаго въ то время въ большомъ

свѣтѣ, красиваго, ловкаго, вкрадчиваго кавалергарда, барона Жоржа Геккерна Дантеса, французскаго подданнаго, легитимиста, состоявшаго подъ особеннымъ покровительствомъ Императора Николая,—и вотъ въ свѣтѣ была распущена по этому поводу гнусная сплетня, позорившая честь Пушкина. Въ то-же время Пушкинъ началъ получать рядъ отвратительныхъ анонимныхъ писемъ, исполненныхъ оскорбительнѣйшихъ намековъ и насмѣшекъ. Результатомъ этой адской интриги была ссора Пушкина съ Дантесомъ, раздѣлившая все великосвѣтское общество на два лагеря. Ссора эта не была затушена и женитьбою Дантеса на свояченицѣ Пушкина, Катеринѣ Ник. Гончаровой. Напротивъ того, все болѣе и болѣе разгораясь, разжигаемая недоброжелателями Пушкина, дошла наконецъ до дуэли, которая состоялась 27 янв. 1837 года за Черной рѣчкой, близъ Комендантской дачи, въ 5 часу дня. По словамъ секунданта Пушкина, лицейскаго товарища его Данзаса, гр. Бенкендорфъ зналъ объ этой дуэли, но, обязанный предупредить ее, онъ послалъ жандармовъ не на Черную рѣчку, а въ Екатерингофъ, будто-бы по ошибкѣ. Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, смертельно раненъ въ верхнюю часть бедра, причемъ пуля, пробивъ кость, глубоко засѣла въ животѣ. Два дня боролся онъ со смертью, въ ужасныхъ мученіяхъ, и наконецъ 29 января утромъ его не стало.

Между тѣмъ вѣсть о несчастной дуэли и безнадежномъ состояніи Пушкина быстро разлетѣлась по городу. Уже рано утромъ, когда Пушкинъ былъ еще живъ, подъѣздъ его квартиры на Мойкѣ у Пѣвческаго моста былъ аттакованъ публикой до такой степени, что Данзасъ долженъ былъ обратиться въ преображенскій полкъ съ просьбою поставить у крыльца часовыхъ, чтобъ возстановить какой-нибудь порядокъ: густая масса собравшихся загораживала на большое разстояніе все пространство передъ квартирой Пушкина, и къ крыльцу не было возможности протискаться. Толпы народа и экипажи весь день осаждали домъ; извощиковъ нанимали, просто говоря: «къ Пушкину», и извощики везли прямо туда. Всѣ классы петербургскаго народонаселенія, даже люди безграмотные, считали какъ бы своимъ долгомъ поклониться тѣлу поэта. Это было похоже на очнувшееся вдругъ общественное мнѣніе. Университетская и литературная молодежь рѣшила нести

на рукахъ гробъ до церкви. Стихи молодого поэта Лермонтова на смерть Пушкина переписывались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, перечитывались и выучивались наизустъ всѣми. Возникли опасенія, и тѣло поэта изъ квартиры въ Конюшенную церковь было провождено вечеромъ; при отпѣваніи 1-го февраля присутствовали одни приглашенные по билетамъ. Послѣ отпѣванія, гробъ заперли въ подвалъ церкви, гдѣ онъ оставался до 3-го февраля, а въ этотъ день поздно ночью гробъ былъ отправленъ въ Святогорскій-Успенскій монастырь, въ сопровожденіи жандармовъ и А. И. Тургенева, которому было поручено совершить погребеніе праха поэта. Прахъ былъ похороненъ возлѣ матери, въ той могилѣ, которую Пушкинъ приготовилъ для себя за годъ до смерти. Тамъ возвышается нынѣ надгробный памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ подписью «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ» въ лавровомъ вѣнкѣ.

Пушкинъ умеръ, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ долга въ 50,000 р. Но сверхъ того, что на похороны ему было отпущено 10 т. р. асс., при кончинѣ его весь казенный долгъ былъ снятъ съ имѣній наслѣдниковъ и сверхъ того высочайше пожаловано было 50,000 р. асс. на напечатаніе его сочиненій, сборъ съ которыхъ опредѣленъ былъ на составленіе отдѣльнаго капитала для дѣтей покойнаго. Тогда-же и два сына его зачислены были въ Пажескій корпусъ, и какъ имъ, такъ и вдовѣ поэта назначены пенсіи.

Въ 1880 году 5 іюня Москва праздновала открытіе на одномъ изъ лучшихъ своихъ бульваровъ, на Тверскомъ, памятника геніальному и безсмертному поэту, которымъ могла-бы достойно гордиться каждая страна, и это всенародное литературное торжество, собравшее у ногъ поэта всю русскую интеллигенцію, безспорно занимаетъ одну изъ лучшихъ страницъ русской исторіи.

Дозв. ценз. Спб. 12 ноября 1890 г. Тип. Тов. „Общ. Польза“, Б. Подъяч., 39

Гоголь.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Н. В. ГОГОЛЬ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. Н. Анненской.

Съ портретомъ Гоголя, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГР. ГАЗ. «НОВОСТИ», ЕКАТЕРИН. КАН., 113.
1891.

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ

„ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ".

Въ составъ этой библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Байронъ, Бальзакъ, Ф. Беконъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, Боккачіо, Будда, Р. Вагнеръ, Вашингтонъ, Л. Винчи, Вольтеръ, Галилей, Гарибальди, Гаррикъ, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ, Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дантъ, Дарвинъ, Декартъ, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Кантъ, Кальвинъ, Кеплеръ, Колумбъ, Контъ, Конфуцій, Коперникъ, Кромвель, Кукъ, Кювье, Лавуазье, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Локкъ, Лютеръ, Магометъ, Маккіавелли, Мальтусъ, Меттернихъ. Микель Анджело, Мольеръ, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Т. Моръ, Моцартъ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци, Прудонъ, Рабле, Рафаэль, Ротшильдъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, А. Смитъ, Спиноза, Стенли, Стефенсонъ, Теккерей, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ, Францискъ Ассизскій, Фультонъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Эдисонъ, Эразмъ, и др.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

Аксаковы, Аракчеевъ, Боткинъ, Бѣлинскій, Верещагинъ, Глинка, Гоголь, Грановскій, Грибоѣдовъ, Демидовы, Достоевскій, Зининъ, Каразинъ (основатель харьковскаго университета), Карамзинъ, Катковъ, Кольцовъ, Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Некрасовъ, Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ, Посошковъ, Пржевальскій, Пушкинъ, Радищевъ, Салтыковъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ будетъ посвящена особая книжка, заключающая въ себѣ около 100 страницъ текста и портретъ.

Цѣна каждой книжки—25 к. *Все изданіе будетъ закончено втеченіе двухъ лѣтъ, т. е. до наступленія 1893 года.*

Дозв. ценз. СПБ., 8 Сентября 1890 г. Тип. газ. „Новости", Екатер. к., 113.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Семья и школа.

Родительскій домъ.—Даровитый отецъ и домовитая мать.—Страсть къ театру въ семьѣ Гоголя.—Лицей князя Безбородко. — Отсутствіе друзей у Гоголя въ школѣ.—«Таинственный Карло».—Раннie проблески наблюдательности.—Слабая постановка преподаванія въ лицеѣ. — Невѣжественные учителя. — Лѣность Гоголя.—Домашніе спектакли. — Маленькій библіотекарь. — Первые стихотворные опыты Гоголя въ школѣ. — Онъ дѣлается редакторомъ школьнаго журнала.—Мечты о службѣ въ Петербургѣ.—Дружба съ Высоцкимъ.

Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій родился 19-го марта 1809 г. въ мѣстечкѣ Сарочинцахъ, на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго уѣздовъ. Отецъ его былъ небогатый полтавскій помѣщикъ и раннее дѣтство Николай Васильевичъ провелъ въ кругу семьи въ родовомъ имѣніи отца, селѣ Васильевкѣ. Картины природы и быта Малороссіи, которыя впослѣдствіи наполнили живыми образами произведенія Гоголя, окружали его въ первые годы жизни, будили первыя впечатлѣнія его души.

Низенькій, ветхій домикъ съ затѣйливыми зубцами вдоль крыши, съ боковыми башенками и остроконечными окнами по угламъ, вокругъ него старый, тѣнистый садъ, за садомъ на холмѣ бѣлая, одноглавая церковь, у подножія ея село съ маленькими домиками и

группами высокихъ деревьевъ—вотъ та обстановка, среди которой росъ и развивался отъ природы мечтательный ребенокъ.

Отецъ его, Василій Аѳанасьевичъ, былъ человѣкъ очень неглупый, необыкновенно остроумный, много видавшій и испытавшій на своемъ вѣку, неистощимый балагуръ и разсказчикъ. Въ Васильевку безпрестанно собирались близкіе и дальніе сосѣди, гостепріимный хозяинъ радушно угощалъ ихъ произведеніями малороссійской кухни и потѣшалъ разсказами, приправленными солью чисто малороссійскаго юмора. Тутъ-то, среди этихъ сосѣдей, нашелъ Николай Васильевичъ прототипы своихъ Аѳанасьевъ Ивановичей, Ивановъ Никифоровичей, Шпанекъ, Голопузѣй и проч., и проч.

Не далеко отъ Васильевки въ селѣ Кибинцахъ жилъ въ то время извѣстный Д. П. Трощинскій. Отставной министръ, богатый вельможа устроился въ своемъ сельскомъ уединеніи на широкую ногу. Его окружалъ цѣлый штатъ всевозможной прислуги, шутовъ, приживальщиковъ, бѣдныхъ родственниковъ. Въ домѣ его собиралось многолюдное общество, безпрестанно давались пиры, празднества и между прочимъ устроенъ былъ домашній театръ. Василій Аѳанасьевичъ, дальній родственникъ Трощинскаго, былъ своимъ человѣкомъ въ его домѣ. Бывшій государственный дѣятель успѣлъ оцѣнить оригинальный умъ и рѣдкій даръ слова сосѣда. Кромѣ того Василій Аѳанасьевичъ, страстный театралъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ постановкѣ спектаклей на его театрѣ. Въ то время только что появились „Наталка Полтавка“ и „Москаль Чаривныкъ“ Котляревскаго; пьесы эти восхищали малороссовъ и возбуждали въ нихъ желаніе замѣнить переводы французскихъ и нѣмецкихъ комедій сценами, взятыми изъ родной дѣйствительности. Василій Аѳанасьевичъ написалъ нѣсколько комедій изъ малороссійскаго быта для театра Трощинскаго, самъ дирижировалъ постановкой ихъ и исполнялъ въ нихъ разныя роли. Не знаемъ, присутствовалъ ли маленькій „Никола“, какъ звали Николая Васильевича въ семьѣ,—на представленіи этихъ пьесъ въ домѣ богатаго родственника, но, во всякомъ случаѣ, онъ слышалъ толки и разговоры о нихъ, былъ свидѣтелемъ всей той веселой суеты, которая обыковенно сопро-

вождаетъ устройство домашнихъ спектаклей, и это зародило въ душѣ его вкусъ къ театру, къ драматическимъ представленіямъ.

Отъ отца Николай Васильевичъ унаслѣдовалъ юморъ, даръ увлекательнаго разсказчика, любовь къ искусству вообще и къ театру въ особенности; мать передала ему горячее религіозное чувство и стремленіе приносить пользу окружающимъ, если нельзя дѣломъ, то хоть совѣтомъ, хоть словомъ утѣшенія и ободренія. Марья Ивановна Гоголь была, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ ее людей, въ высшей степени симпатичная личность. Послѣ ранняго замужества она почти безвыѣздно жила въ деревнѣ, сосредоточивъ всѣ свои интересы на тѣсномъ кругѣ семьи и хозяйства. Василій Аѳанасьевичъ умеръ, когда старшій изъ дѣтей, Николай Васильевичъ, еще учился въ лицеѣ, а кромѣ него дома было пять дѣвочекъ; воспитаніе дѣтей и всѣ заботы по хозяйству въ имѣніи лежали исключительно на Марьѣ Ивановнѣ.

„Мало что ѣзжу по хозяйственнымъ дѣламъ и дрожки никогда не откладываются, а только перемѣняютъ лошадей“,—описывала она свое времяпровожденіе одному родственнику, — „надобно еще смотрѣть за порядкомъ въ домѣ, за дѣтьми маленькими смотрѣть и о большихъ думать“. Эти хлопоты не мѣшали ей строго исполнять всѣ религіозные обряды и вести дѣятельную переписку съ родными и знакомыми, а особенно съ сыномъ. Николай Васильевичъ былъ уже въ Петербургѣ и хлопоталъ о поступленіи на государственную службу, а она все еще считала необходимымъ писать ему „нѣсколько строкъ морали“, такъ какъ онъ „еще не установился“. Во всей перепискѣ Марьи Ивановны безпрестанно высказывается ея смиренная покорность волѣ Провидѣнія, ея искренняя любовь къ окружающимъ, ея практическій, здравый смыслъ, странно соединявшійся съ самымъ наивнымъ незнаніемъ людей и общественныхъ отношеній. Гоголь до конца жизни относился къ матери съ самою нѣжною любовью, она обожала его и гордилась имъ. Его первыя ученическія сочиненія хранились какъ драгоцѣнность въ Васильевкѣ, малѣйшая невзгода его мучительно тревожила мать, она хвастала его литературными успѣхами и въ кругу своихъ знакомыхъ прямо называла его геніемъ. Къ ней, какъ имѣю-

щей „тонкій наблюдательный умъ“, обращался Гоголь изъ Петербурга съ просьбой сообщать ему названія разныхъ частей малороссійскихъ костюмовъ, разныя народныя преданья и повѣрья, разные малороссійскіе обряды и обычаи.

Книжное обученіе Николая Васильевича началось довольно рано. Восьми лѣтъ онъ уже учился грамотѣ у учителя-семинариста, а на слѣдующій годъ отецъ отвезъ его и младшаго брата Ивана въ Полтаву и помѣстилъ ихъ у одного учителя, который долженъ былъ приготовить ихъ къ поступленію въ гимназію. У этого учителя дѣти прожили не долго. Въ слѣдующемъ году, когда ихъ взяли на каникулы домой, маленькій Иванъ заболѣлъ и умеръ, а родителямъ жалко было отправлять къ чужимъ людямъ „Николу“, сильно скучавшаго о братѣ, и они оставили его на нѣсколько мѣсяцевъ дома. Въ это время въ Нѣжинѣ открылась „Гимназія Высшихъ Наукъ“ или Лицей князя Безбородко, и въ началѣ 1821 г. Василій Аѳанасьевичъ помѣстилъ туда сына.

Гимназія была еще плохо организована, въ ней насчитывалось всего около 50 воспитанниковъ, раздѣленныхъ на 3 отдѣленія; учебный персоналъ былъ не въ полномъ составѣ. Но за то помѣщеніе ея было просторное, въ большихъ классныхъ и спальняхъ много свѣта и воздуха, а вокругъ разстилался густой, тѣнистый садъ, почти лѣсъ, и протекала тихая рѣчка, полузаросшая камышемъ. Въ этомъ саду дѣти проводили все время, свободное отъ классныхъ уроковъ. Надзоръ за ними былъ очень слабый и имъ предоставлялось самостоятельно развивать свои нравственныя и умственныя силы, безъ руководства старшихъ, исключительно въ кругу товарищей. Многіе проводили все время въ праздности и шалостяхъ, но болѣе даровитыя личности не удовлетворялись ребяческими играми. Въ обширномъ саду имъ было гдѣ уединиться отъ шумныхъ товарищей; въ укромномъ тѣнистомъ уголку они углублялись въ книгу, впервые пробудившую въ нихъ любовь къ мысли и знанію; взгромоздясь на сукъ какого-нибудь стараго дерева, они обдумывали и даже набрасывали на бумагу свои первые опыты литературныхъ произведеній.

Когда Гоголя привезли въ лицей, это былъ худенькій, болѣзнен-

ный, 12-ти лѣтній мальчикъ; лицо его поражало прозрачною блѣдностью, вслѣдствіе золотухи у него была частая течь изъ ушей. Онъ дичился новыхъ товарищей, устранялся отъ ихъ шумныхъ игръ. Такого рода новички обыкновенно не нравятся школьникамъ, и Гоголь долго былъ жертвою ихъ насмѣшекъ и разныхъ продѣлокъ. Чтобы „Николѣ" была не такъ жутко среди чужихъ, родители отправили съ нимъ вмѣстѣ своего крѣпостного лакея, Симона, который долженъ былъ исполнять роль слуги въ пансіонѣ при гимназіи, а главное—ухаживать за „барченкомъ". Первое время Гоголь сильно скучалъ по семьѣ и родномъ домѣ; тоска эта особенно усиливалась вечеромъ, когда онъ ложился въ постель. Часто Симонъ просиживалъ надъ нимъ цѣлыя ночи, утѣшая его, уговаривая не плакать.

Мало по малу мальчикъ привыкъ къ школьной жизни, пересталъ чуждаться товарищей, съ одними изъ нихъ сблизился, на насмѣшки другихъ отвѣчалъ такими мѣткими и ѣдкими сарказмами, что шутникамъ приходилось прикусить языки. Гоголь никогда не былъ рѣзвымъ шалуномъ. Слабый и тихій отъ природы, онъ не принималъ участія не только въ буйныхъ шалостяхъ мальчиковъ, но даже въ играхъ, требовавшихъ напряженія физическихъ силъ: одурачить учителя, запустить гусара въ носъ сонному товарищу, снабдить кого-нибудь мѣткимъ прозвищимъ—это было по его части. Одного лицеиста, часто нападавшаго на него, онъ прозвалъ за коротко остриженные волоса: „Разстригою Спиридономъ", и вотъ вечеромъ, въ день именинъ его, онъ уставилъ въ гимназическомъ залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія съ изображеніемъ чорта, стригущаго дершива, и съ слѣдующимъ акростихомъ:

Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище дервишей всѣхъ
И ..... строптивой,
Разстрига, сотворившій грѣхъ.
И за сіе то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О чтецъ! имѣй терпѣнье,
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй.

Одинъ разъ, чтобы избѣжать наказанія, Гоголь такъ ловко прикинулся сумасшедшимъ, что обманулъ и перепугалъ все гимназическое начальство.

Ни учителя, ни товарищи не считали Гоголя талантливымъ, многообѣщавшимъ мальчикомъ. Его съ раннихъ лѣтъ проявлявшаяся тонкая наблюдательность не обращала на себя ихъ вниманія; его способность не только подмѣчать всѣ характеристическія черты наружности и обращенія окружающихъ, но и поразительно вѣрно передавать ихъ забавляла мальчиковъ, а взрослымъ представлялась просто шутовствомъ, глупымъ передразниваньемъ.

Настоящихъ друзей у Гоголя никогда не было. Съ самаго дѣтства въ немъ не замѣчалось простодушной откровенности и сообщительности, всегда былъ онъ какъ-то странно скрытенъ. всегда въ душѣ его оставались уголки, куда не смѣлъ заглядывать ничей глазъ. Часто даже о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ онъ говорилъ не спроста, облекая ихъ какою то таинственностью или скрывая свою настоящую мысль подъ маской шутки, балагурства. Со свойственною дѣтямъ проницательностью лицеисты скоро подмѣтили эту черту въ характерѣ Гоголя и долго носилъ онъ у нихъ прозваніе „таинственный Карло". Изъ общей массы школьниковъ онъ выдѣлилъ трехъ, четырехъ (Г. Высоцкій, А. Данилевскій, Н. Прокоповичъ), съ которыми былъ дружнѣе, чѣмъ съ остальными, которымъ иногда повѣрялъ свои дѣтскія затѣи, свои юношескія мечты и думы.

Свыкшись съ лицейскою жизнью, войдя въ ея интересы, Гоголь не переставалъ рваться душой домой, въ кругъ семьи, въ свою родную Васильевку. Поѣздки въ деревню на каникулы были во все время школьной жизни истиннымъ праздникомъ для него. Обыкновенно за нимъ и его двумя товарищами, сосѣдями по имѣнію, присылали помѣстительный экипажъ, мальчиковъ снабжали разною домашнею провизіей и они отправлялись въ путь на долгихъ съ крѣпостнымъ кучеромъ и лакеемъ. Дня три тянулось путешествіе, во время котораго они могли шалить и проказить сколько угодно, а Гоголь, кромѣ того, изощрялъ свою наблюдательность на всѣхъ встрѣчныхъ предметахъ. Всякое зданіе, всякій

прохожій—все возбуждало его дѣтское любопытство, заставляло работать его воображеніе. „Уѣздный чиновникъ пройди мимо",—вспоминаетъ онъ въ „Мертвыхъ душахъ" (т. I гл. II)—„я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому нибудь своему брату или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ или мальчикъ въ толстой курткѣ принесетъ уже послѣ супа сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока раздадутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь, съ своею тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшей сестрицей, и черноглазы ли онѣ и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу".

* * *

Научное преподаваніе въ лицеѣ было поставлено весьма слабо. По количеству преподаваемыхъ предметовъ программа была широка и разностороння. Въ нее входили, кромѣ закона Божія, русскаго языка, математики, физики, исторіи и географіи, еще: нравственная философія и логика, римское право, русское гражданское и уголовное право, государственное хозяйство, начало химіи, естественная исторія, технологія, военныя науки, языки: латинскій, греческій, французскій и нѣмецкій, рисованіе, музыка,

пѣніе, танцы, фехтованіе. Изъ одного этого перечня предметовъ, которые ученики должны были усвоить себѣ въ теченіе семи лѣтъ, видно, что объ основательномъ прохожденіи курса не могло быть и рѣчи. Къ этому надобно прибавить, что большинство преподавателей не удовлетворяли самымъ скромнымъ педагогическимъ требованіямъ. Класcный журналъ, въ которомъ записывались проступки учениковъ, поражаетъ своею безграмотностью; учитель русской словесности, Никольскій, не признавалъ поэтовъ послѣ Державина и Хераскова; Пушкина онъ глубоко презиралъ, хотя никогда не читалъ. Одинъ изъ учениковь представилъ ему подъ видомъ собственнаго сочиненія отрывокъ изъ „Евгенія Онѣгина", и онъ не заподозрилъ обмана. Школьная дисциплина, даже просто порядокъ очень слабо поддерживались въ заведеніи. Директоръ лицея И. С. Орлай вообще человѣкъ мягкій, склонный смотрѣть сквозь пальцы на недостатки своихъ воспитанниковъ, особенно снисходительно относился къ Гоголю, съ родителями котораго былъ сосѣдомъ по имѣнію и познакомился въ домѣ Трощинскаго.

Такъ, Гоголь часто во время урока выходилъ изъ класса и спокойно прогуливался по корридорамъ. Завидя издали директора, который очень не любилъ подобные проступки, онъ не прятался, какъ другіе воспитанники, а употреблялъ иного рода уловку. Онъ прямо подходитъ къ И. С. Орлаю и говоритъ ему: „Ваше превосходительство! я сейчасъ получилъ отъ матушки письмо. Она поручила засвидѣтельствовать вашему превосходительству усерднѣйшій поклонъ и донести, что по вашему имѣнію все идетъ очень хорошо".—„Душевно благодарю,—отвѣчалъ обыкновенно директоръ,—будете писать матушкѣ, не забудьте поклониться ей отъ меня и поблагодарить ее".

Гоголь могъ безпрепятственно лѣниться и дѣйствительно лѣнился, не обращая вниманія на такія мелкія непріятности, какъ плохая отмѣтка въ журналѣ, наказаніе безъ обѣда или безъ чая, стояніе въ углу за дурно отвѣченный урокъ. Способности у него были хорошія: на скоро проглядѣвъ предыдущую лекцію, онъ почти всегда могъ довольно удовлетворительно передать ее, а засѣвъ за книги въ послѣдній мѣсяцъ передъ экзаменомъ, успѣвалъ

приготовиться на столько, что безпрепятственно переходилъ въ слѣдующій классъ. Изъ всѣхъ предметовъ преподаванія однимъ только рисованьемъ Гоголь занимался усердно. Онъ неохотно слушалъ теоретическія резсужденія объ искусствѣ своего учителя Павлова, человѣка преданнаго дѣлу, и самъ много рисовалъ и карендашемъ, и красками.

Вообще же занятіе науками или тѣмъ, что читалось въ классѣ подъ именемъ науки, привлекало очень немногихъ лицеистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ проводили время въ шалостяхъ, даже кутежахъ, производившихъ въ городѣ скандалы, другіе придумали себѣ болѣе благородное развлеченіе—устройство домашнихъ спектаклей. Иниціаторомъ этихъ спектаклей былъ, по всей вѣроятности, Гоголь, который, возвратясь послѣ каникулъ въ училище, съ увлеченіемъ разсказывалъ о домашнемъ театрѣ Трощинскаго и привезъ пьесы на малороссійскомъ языкѣ. Въ первыхъ представленіяхъ участвовавали немногіе воспитанники; они играли въ классѣ безъ подходящихъ постановокъ и декорацій, безъ занавѣса, взамѣнъ котораго просто разставляли классныя доски. Но мало по малу страсть къ театру распространилась среди лицеистовъ. Они сложились, устроили себѣ костюмы и кулисы. Въ январѣ 1824 г. Гоголь пишетъ отцу:

.... „Прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ комедіи, какъ то: „Бѣдность и Благородство души“, „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“, „Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ“, и ежели какихъ можно прислать другихъ, за что я вамъ очень буду благодаренъ и возвращу въ цѣлости. Также, ежели можете, то пришлите мнѣ полотна и другихъ пособій для театра. Первая пьеса у насъ будетъ представлена „Эдипъ въ Аѳинахъ“, трагедія Озерова. Я думаю, дрожайшій папенька, вы не откажете мнѣ въ удовольствіи семъ и прислать нужныя пособія, такъ если можно прислать и сдѣлать нѣсколько костюмовъ, сколько можно, даже хоть одинъ, получше ежели бы побольше; также хоть немного денегъ. Сдѣлайте только милость, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ. Когда же я сыграю свою роль, о томъ я васъ извѣщу».

Начальство гимназіи покровительствовало этой затѣѣ воспи-

танниковъ, находя, что она отвлекаетъ ихъ отъ вредныхъ шалостей и служитъ къ развитію ихъ эстетическаго вкуса. И. С. Орлай вздумалъ воспользоваться ею, чтобы побудить лицеистовъ прилежнѣе заниматься иностранными языками и требовалъ, чтобы они время отъ времени ставили у себя на театрѣ французскія пьесы. Они согласились, но предпочитали представленія на русскомъ языкѣ. Мало по малу театръ въ лицеѣ такъ усовершенствовался, что на него стали приглашать и городскую публику.

Въ февралѣ 1827 года Гоголь пишетъ матери: „Масляницу всю недѣлю мы провели такъ, что желаю всякому ее провесть, какъ мы: всю недѣлю веселились безъ устали. Четыре дня сряду былъ у насъ театръ и къ чести нашей признали единогласно, что изъ провинціальныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего. Правда, играли всѣ прекрасно. Декораціи были отличныя, освѣщеніе великолѣпное, посѣтителей много и все пріѣзжіе и всѣ съ отличнымъ вкусомъ“.

Лучшими актерами въ этомъ лицейскомъ театрѣ считались Гоголь и Кукольникъ, будущій авторъ пьесы „Рука Всевышняго отечество спасла“. Гоголь возбуждалъ общій восторгъ въ комическихъ роляхъ, Кукольникъ—въ трагическихъ. Женскія роли исполнялись также лицеистами. Роль Простаковой изъ „Недоросля“ была одной изъ лучшихъ въ репертуарѣ Гоголя, пріятель его Данилевскій, хорошенькій, граціозный мальчикъ, изображалъ Монну, Антигону и вообще всякихъ нѣжныхъ красавицъ.

Кромѣ театра Гоголь сталъ рано увлекаться и чтеніемъ. Онъ доставалъ книги отъ своего отца, отъ учителей, изъ библіотеки Трощинскаго, тратилъ на нихъ значительную часть своихъ карманныхъ денегъ и въ складчину съ нѣсколькими товарищами выписывалъ сочиненія Жуковскаго и Пушкина, „Сѣверные цвѣты“ Дельвига и другіе журналы и альманахи. „Евгеній Онѣгинъ“, выходившій тогда по частямъ и считавшійся до нѣкоторой степени запретнымъ плодомъ, приводилъ въ восторгъ юныхъ лицеистовъ. Гоголь выбранъ былъ хранителемъ книгъ, выписываемыхъ въ складчину. Онъ выдавалъ ихъ для чтенія, строго наблюдая очередь; получившій книгу долженъ былъ съ нею

усѣсться чинно на опредѣленное мѣсто и не вставать съ него, пока не возвратитъ. Мало того, такъ какъ руки читателей рѣдко отличались чистотой, то библіотекарь, прежде чѣмъ выдать книгу, завертывалъ каждому бумажкой большіе и указательные пальцы.

Увлекаясь чтеніемъ, лицеисты и сами пробовали писать. Первые литературные опыты Гоголя были написаны въ стихотворной формѣ.

Въ одномъ изъ младшихъ классовъ гимназіи онъ читалъ своему товарищу Прокоповичу балладу „Двѣ рыбки", въ которой изобразилъ себя и своего рано-умершаго брата. Позднѣе онъ написалъ пятистопными ямбами цѣлую трагедію: „Разбойники". Но главное содержаніе его стихотвореній было сатирическое: онъ осмѣивалъ въ нихъ не только товарищей и учителей, но и другихъ обывателей города. Одинъ изъ школьныхъ пріятелей Гоголя имѣлъ въ рукахъ довольно объемистую сатиру его на жителей Нѣжина: „Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ". Въ ней изображались типическія лица разныхъ сословій при торжественныхъ случаяхъ и раздѣлялась она на слѣдующія главы: 1) Освященіе церкви на Греческомъ кладбищѣ, 2) Выборъ въ городской магистратъ, 3) Всеѣдная ярмарка; 4) Обѣдъ у Предводителя Дворянства; 5) Роспускъ и съѣздъ студентовъ.

Гоголь не придавалъ никакого значенія всѣмъ этимъ шуточнымъ стихотвореніямъ, считалъ ихъ простою забавой; онъ, и всѣ его товарищи находили, что настоящія сочиненія должны касаться предметовъ серьезныхъ и быть написаны торжественнымъ, высокимъ слогомъ. Примѣръ „Вѣстника Европы" Карамзина, книжки котораго Гоголь получалъ отъ отца, соблазнялъ лицеистовъ, и они рѣшили издавать свой собственный журналъ. Гоголь былъ выбранъ редакторомъ этого журнала, носившаго заглавіе: „Звѣзда". Мальчикамъ хотѣлось придать своему изданію видъ печатныхъ книгъ, и Гоголь просиживалъ цѣлыя ночи, разрисовывая заглавные листы. Сотрудники держали статьи свои въ величайшей тайнѣ отъ прочихъ товарищей и они знакомились съ ними только 1-го числа, когда вся книжка была готова, „выходила въ свѣтъ". Гоголь, и тогда уже отличавшійся умѣньемъ очень хорошо читать,

часто громко прочитывалъ всему классу свои и чужія произведенія. Онъ помѣстилъ въ „Звѣздѣ“ нѣсколько своихъ стихотвореній и большую повѣсть: „Братья Твердиславичи“, подражаніе повѣстямъ Марлинскаго. Къ сожалѣнію, ни одно изъ этихъ полудѣтскихъ произведеній Гоголя не уцѣлѣло и о самой „Звѣздѣ“, издававшейся не долго, сохранилось у бывшихъ лицеистовъ очень смутное воспоминаніе. Одно только помнятъ они, что всѣ статьи ихъ журнала были написаны самымъ напыщеннымъ слогомъ и преисполнены риторики; только такой родъ писанія считали они дѣломъ серьезнымъ, настоящей литературой.

Подобный взглядъ ясно видѣнъ и въ перепискѣ Гоголя за время его ученичества. Въ письмахъ къ товарищамъ, даже иногда къ дядѣ, онъ шутитъ, балагуритъ, вставляетъ крѣпкія словечки и просто народныя выраженія. Ничего подобнаго не видимъ мы въ его письмахъ къ матери, на которыя онъ очевидно смотрѣлъ, какъ на дѣло серьезное. Всѣ они „сочинены“ въ благородно-возвышенномъ тонѣ, всѣ переполнены напыщенными фразами. Даже при извѣстіи о смерти отца, сильно поразившей его, онъ не можетъ выражать свои чувства просто, безъ риторическихъ прикрасъ и преувеличеній! „Не безпокойтесь, дражайшая маменька,— пишетъ 16 лѣтній мальчикъ,—я сей ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ, однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ; оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія; хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою. Но Богъ удержалъ меня отъ сего и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему. Благословляю тебя, священная вѣра! въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія моей горести. Такъ, дражайшая маменька, я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга, всего драгоцѣннаго моему сердцу. Но развѣ не осталось ничего, чтò бы меня привязывало къ жизни? Развѣ я не имѣю еще чувствительнѣйшей, нѣжной, добродѣтельной матери, которая мо-

жетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга, и всего? Что есть милѣе? Что есть драгцѣннѣе?)".

Мысль о томъ, что дѣлать, какъ устроить свою жизнь по выходѣ изъ лицея, рано стала занимать Гоголя. Литературнымъ попыткамъ своимъ онъ не придавалъ никакого значенія и никогда не мечталъ быть писателемъ. Ему казалось, что, только состоя на службѣ государственной, человѣкъ можетъ приносить пользу ближнимъ и отечеству. Вотъ что онъ писалъ въ октябрѣ 1827 г. дядѣ своему по матери, П. П. Косяровскому:

„Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ желаніемъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принесть ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ имени своего ни однимъ прекраснымъ дѣломъ—быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи, я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага".

И въ этомъ письмѣ, какъ во всѣхъ „серьезныхъ" письмахъ Гоголя того времени, есть много преувеличеній и въ тоже время много дѣтскаго незнанія жизни, но оно ясно показываетъ, какія мечты, какія стремленія наполняли душу юноши. Повѣреннымъ этихъ стремленій былъ товарищъ Гоголя по лицею, ученикъ старшаго класса г. Высоцкій. Изъ всѣхъ лицеистовъ Гоголь былъ, кажется, всего дружнѣе съ нимъ. „Насъ сроднила глупость людская",—говоритъ Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ. Дѣйствительно, Высоцкій отличался, подобно своему младшему товарищу,

способностью подмѣчать смѣшныя или пошлыя стороны въ характерахъ окружающихъ людей и зло подсмѣиваться надъ ними. Въ лазаретѣ, гдѣ онъ часто сидѣлъ вслѣдствіе болѣзни глазъ, вокругъ постели его собирался цѣлый клубъ, въ которомъ сочинялись мѣткія прозвища для всѣхъ живущихъ въ лицеѣ, разсказывались разные забавные анекдоты, передавались съ комической стороны лицейскія и городскія происшествія. Вѣроятно, отчасти подъ его вліяніемъ Гоголь сталъ вполнѣ отрицательно относиться не только ко всему гимназическому начальству, начиная съ директора, котораго раньше очень хвалилъ, но и къ другимъ лицамъ, внушавшимъ ему въ дѣтствѣ благоговѣйное почтеніе, какъ напр. къ Трощинскому. Съ Высоцкимъ же вмѣстѣ мечтали они тотчасъ по окончаніи курса ѣхать въ Петербургъ, поступить на государственную службу, сдѣлаться полезными членами общества, а для себя пріобрѣсти славу и общее уваженіе. Высоцкій кончилъ курсъ двумя годами раньше Гоголя и, дѣйствительно, уѣхалъ въ Петербургъ въ 1826 г.

Послѣ его отъѣзда Гоголь сталъ еще болѣе прежняго стремиться покинуть надоѣвшій ему Нѣжинъ, со всѣми населяющими его „существователями", которые „задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка". Петербургъ представлялся ему какимъ то волшебнымъ краемъ, съ одной стороны открывающимъ поле для широкой всесторонней дѣятельности, съ другой представляющимъ возможность наслаждаться всѣми дарами искусства, всѣми благами умственной жизни.

„Ты уже на мѣстѣ, — пишетъ онъ товарищу въ началѣ 1827 г.,—уже имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ, а я?.. зачѣмъ намъ такъ хочется скоро видѣть наше счастье? зачѣмъ намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ и днемъ, и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце; душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители и я весь нетерпѣніе. Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнію, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще

не ближе полутора года видѣть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ"...

Убѣдясь на опытѣ, что петербургская дѣйствительность мало соотвѣтствовала ихъ юношескимъ мечтамъ, Высоцкій старался разочаровать товарища и представить ему тѣ трудности и непріятности, какія встрѣтятъ его въ столицѣ, но на Гоголя эти предостереженія производили мало впечатлѣнія.

„Ты ужаснулъ меня чудовищами разныхъ препятствій,—пишетъ онъ въ 1827 г., но они безсильны, или—странное свойство человѣка! Чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе прѐградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Вмѣсто того чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе".

Очевидно, неопытный юноша весьма смутно представлялъ себѣ „чудовища" мелкихъ непріятностей, дрязгъ, уколовъ самолюбія, неудачъ, сопровождающихъ первые шаги на практической жизни. Прося мать выслать ему денегъ на покупку необходимыхъ для занятій книгъ, онъ самоувѣренно заявляетъ, что всѣ траты на его образованіе вернутся ей „утроенными съ большими процентами, что ему придется просить у нея нѣкотораго вспоможенія развѣ въ первые два, три года петербургской жизни, з тамъ онъ и самъ прочно устроится и будетъ имѣть возможность перевезти ее къ себѣ, чтобы она была его „ангеломъ хранителемъ".

Разсчитывая на успѣхъ въ Петербургѣ, онъ упрашиваетъ и мать, и дядю устроить такъ, чтобы его часть имѣнія перешла къ матери и она была-бы самостоятельно обезпечена въ матерьяльномъ отношеніи.

Отъ этихъ мечтаній о счастливой петербургской жизни Гоголю приходилось отрываться и засаживаться за учебники. Выпускной экзаменъ приближался, надобно было отдать отчетъ въ тѣхъ знаніяхъ, какія были пріобрѣтены за 6 лѣтнее пребываніе въ лицеѣ, а юноша съ ужасомъ видѣлъ, какъ ничтожны эти знанія: по математикѣ онъ былъ очень слабъ, изъ иностранныхъ языковъ могъ съ грѣхомъ пополамъ понимать только легкія французскія книги, по латыни въ три года выучился переводить только первый параграфъ христоматіи Кашанскаго; изъ нѣмецкаго пробовалъ съ по-

мощью словаря читать Шиллера, но этотъ трудъ оказался ему не подъ силу, даже по русски онъ писалъ далеко не правильно и въ ороографическомъ, и въ стилистическомъ отношеніи.—„Я теперь совершенный затворникъ въ своихъ занятіяхъ", сообщаетъ онъ матери въ концѣ 1827 года.—„Цѣлый день съ утра до вечера ни одна праздная минута не прерываетъ моихъ глубокихъ занятій. О потерянномъ времени жалѣть нечего; нужно стараться вознаградить его; и въ короткіе эти полгода я хочу произвесть и произведу вдвое больше нежели во все время моего здѣсь пребыванія"...

Трудно себѣ представить, чтобы въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ Гоголю удалось въ значительной степени пополнить пробѣлы своего образованія. Во всякомъ случаѣ въ іюнѣ 1828 г. онъ выдержалъ выпускной экзаменъ и могъ осуществить свою мечту—ѣхать въ Петербургъ. Какія то семейныя дѣла задержали его до конца года въ деревнѣ и только въ декабрѣ онъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ и сосѣдомъ по имѣнію А. Данилевскимъ усѣлся въ кибитку и двинулся въ дальній путь.

II.

Пріѣздъ Гоголя въ Петербургъ и начало его литературной извѣстности.

Разочарованіе и неудачи.—Экспромтомъ въ Любекъ.—Поступленіе на службу и отставка.—Первые успѣхи на литературномъ поприщѣ.—«Вечера на хуторѣ».—Знакомство съ Жуковскимъ, Пушкинымъ и Карамзинымъ.—Въ кругу нѣжинскихъ товарищей.—«Старосвѣтскіе помѣщики», «Тарасъ Бульба», «Женитьба», «Ревизоръ».—Гоголь въ роли неудачнаго адъюнкта по каѳедрѣ исторіи.—Тяготѣніе къ литературѣ. — Бѣлинскій предсказываетъ Гоголю славную будущность. — «Ревизоръ» ставится на сцену по личному желанію императора Николая I.

Сильно волновались молодые люди, подъѣжая къ столицѣ. Они, какъ дѣти, безпрестанно высовывались изъ экипажа посмотрѣть—не видны ли огни Петербурга. Когда наконецъ замелькали вдали эти огни; ихъ любопытство и нетерпѣніе достигли высшей степени. Гоголь даже отморозилъ себѣ носъ и схватилъ насморкъ, безпрестанно выскакивая изъ экипажа, чтобы лучше насладиться вожделѣннымъ зрѣлищемъ. Остановились они вмѣстѣ, въ меблированныхъ комнатахъ, и сразу должны были познакомиться съ разными практическими хлопотами и мелкими непріятностями, встрѣчающими неопытныхъ провинціаловъ при первомъ появленіи ихъ въ столицѣ. Эти дрязги и мелочи обыденной жизни удручающимъ образомъ подѣйствовали на Гоголя. Въ его мечтахъ Петербургъ былъ волшебною страною, гдѣ люди наслаждаются всѣми матерьяльными и духовными благами, гдѣ они дѣлаютъ великія

дѣла, ведутъ великую борьбу со зломъ—и вдругъ, вмѣсто всего этого, грязная, неуютная меблированная комната, заботы о томъ, какъ бы подешевле пообѣдать, тревога при видѣ, какъ быстро опустошается кошелекъ, казавшійся въ Нѣжинѣ неистощимымъ! Дѣло пошло еще хуже, когда онъ началъ хлопотать объ осуществленіи своей завѣтной мечты,—о поступленіи на государственную службу. Онъ привезъ съ собой нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ и, конечно, былъ увѣренъ, что они немедленно откроютъ ему пути къ полезной и славной дѣятельности; но, увы, тутъ снова ждало его горькое разочарованіе. „Покровители“ или сухо принимали молодого, неловкаго провинціала и ограничивались одними обѣщаніями, или предлагали ему самыя скромныя мѣста на низшихъ ступеняхъ бюрократической іерархіи, мѣста, которыя ни мало не соотвѣтствовали его горделивымъ замысламъ. Онъ попробовалъ было вступить на литературное поприще, написалъ стихотвореніе „Италія“ и послалъ его подъ чужимъ именемъ въ редакцію „Сына Отечества“. Стихотвореніе это, весьма посредственное и по содержанію и по мысли, написанное въ романтически-напыщенномъ тонѣ, было однако напечатано. Этотъ успѣхъ пріободрилъ молодого автора и онъ рѣшилъ издать свою поэму Гансъ Кюхельгартенъ (подражаніе „Луизѣ“ Фосса), задуманную и по всей вѣроятности даже написанную имъ еще въ гимназіи. Втайнѣ отъ самыхъ близкихъ друзей своихъ, скрываясь подъ псевдонимомъ В. Алова, напечаталъ онъ свое первое большое литературное произведеніе (71 страница въ 12-ю долю листа), роздалъ экземпляры книгопродавцамъ на коммиссію и съ замираніемъ сердца ждалъ приговора о немъ публики. Увы! знакомые или совсѣмъ ничего не говорили о Гансѣ, или отзывались о немъ равнодушно, а въ „Московскомъ Телеграфѣ“ появилась коротенькая, но ѣдкая замѣтка Полевого, что Идилію г. Алова всего лучше было бы навсегда оставить подъ спудомъ. Этотъ первый неблагосклонный отзывъ критики взволновалъ Гоголя до глубины души.

Онъ бросился по книжнымъ лавкамъ, отобралъ у книгопродавцевъ всѣ экземпляры своей Идиліи и тайно сжегъ ихъ.

Еще одна попытка добиться славы, сдѣланная Гоголемъ въ это же время, привела къ такимъ же печальнымъ результатамъ. Вспомнивъ свои успѣхи на сценѣ Нѣжинскаго театра, онъ вздумалъ поступить въ актеры. Тогдашній директоръ театра, князь Гагаринъ, поручилъ чиновнику своему Храповницкому испытать его. Храповницкій, поклонникъ напыщенной декламаціи, нашелъ, что онъ читаетъ слишкомъ просто, мало выразительно и можетъ быть принятъ развѣ на „выходныя роли".

Эта новая неудача окончательно разстроила Гоголя. Перемѣна климата и матеріальныя лишенія, какія ему приходилось испытывать послѣ правильной жизни въ Малороссіи, повліяли на его отъ природы слабое здоровье, при этомъ всѣ непріятности и разочарованія чувствовались еще сильнѣе; кромѣ того, въ одномъ письмѣ къ матери, онъ упоминаетъ, что безнадежно и страстно влюбился въ какую то красавицу, недосягаемую для него по своему общественному положенію. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, Петербургъ опротивѣлъ ему, ему захотѣлось скрыться, убѣжать, но куда? Вернуться домой, въ Малороссію, ничего не добившись, ничего не сдѣлавъ, это было немыслимо для самолюбиваго юноши. Еще въ Нѣжинѣ онъ мечталъ о заграничной поѣздкѣ и вотъ, воспользовавшись тѣмъ, что небольшая сумма денегъ матери попала ему въ руки, онъ, не долго думая, сѣлъ на корабль и отправился въ Любекъ.

Судя по его письмамъ этого времени, онъ не связывалъ съ этой поѣздкой никакихъ плановъ, не имѣлъ никакой опредѣленной цѣли, развѣ полечиться немного морскими купаньями; онъ просто въ юношескомъ нетерпѣніи бѣжалъ отъ непріятностей петербургской жизни. Вскорѣ однако письма матери и собственное благоразуміе заставили его одуматься и послѣ двухмѣсячнаго отсутствія онъ вернулся въ Петербургъ, стыдясь своей мальчишеской выходки и въ тоже время рѣшившись мужественно продолжать борьбу за существованіе.

Въ началѣ слѣдующаго 1830 г. счастье наконецъ улыбнулось ему. Въ „Отечественныхъ Запискахъ" Свиньина появилась его повѣсть: „Басаврюкъ, или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала", а

вскорѣ послѣ того онъ получилъ скромное мѣсто помощника столоначальника въ департаментѣ удѣловъ. Давнишнее желаніе его приносить пользу обществу, состоя на государственной службѣ, исполнилось, но какая разница между мечтой и дѣйствительностью! Вмѣсто того, чтобы благодѣтельствовать цѣлому государству, всюду распространять правду и добро, искоренять ложь и злоупотребленія, скромному помощнику столоначальника приходилось переписывать да подшивать скучныя бумаги о разныхъ мелкихъ, вовсе не интересовавшихъ его дѣлахъ. Понятна, служба очень скоро надоѣла ему, онъ сталъ небрежно относиться къ ней, часто не являлся въ должность. Не прошло и года, какъ ему предложено было выйти въ отставку, на что онъ съ радостью согласился: въ это время литературныя работы поглощали всѣ его мысли. Въ теченіе 1830 и 31-аго годовъ въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ появилось нѣсколько его статей почти всѣ еще безъ подписи автора: „Учитель", „Успѣхъ посольства", отрывокъ изъ романа „Гетманъ", „Нѣсколько мыслей о преподаваніи географіи", „Женщина". Средя холода и неуютности петербургской жизни, мысли его невольно неслись въ родную Малороссію; кружокъ товарищей нѣжинцевъ, къ которымъ онъ съ самаго пріѣзда сохранялъ дружескую связь, раздѣлялъ и поддерживалъ его симпатіи. Каждую недѣлю сходились они вмѣстѣ, говорили о своей дорогой Украйнѣ, пѣли малороссійскія пѣсни, угощали другъ друга малороссійскими кушаньями, вспоминали свои школьническія продѣлки и свои веселыя поѣздки домой на каникулы.

Поющія двери, глиняные полы, низенькія комнаты, освѣщенныя огаркомъ въ старинномъ подсвѣчникѣ, покрытыя зеленою плѣсенью крыши, подоблачные дубы, дѣвственныя чащи черемухъ и черешень, яхонтовыя моря сливъ, упоительно-роскошные лѣтніе дни, мечтательные вечера, ясныя зимнія ночи—всѣ эти съ дѣтства знакомые родные образы снова воскресли въ воображеніи Гоголя и просились вылиться въ поэтическихъ произведеніяхъ! Къ маю 31-го года у него были готовы повѣсти, составившія первый томъ „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки".

Въ началѣ 31-го года Гоголь познакомился съ Жуковскимъ,

который отнесся къ начинающему писателю съ своею обычною добротою и горячо рекомендовалъ его Плетневу. Плетневъ съ большимъ сочувствіемъ взглянулъ на его литературныя работы, посовѣтовалъ ему издать первый сборникъ его повѣстей подъ псевдонимомъ и самъ выдумалъ для него заглавіе, разсчитанное на то, чтобы возбудить интересъ въ публикѣ. Чтобы обезпечить Гоголя въ матерьяльномъ отношеніи, Плетневъ, состоявшій въ то время инспекторомъ Патріотическаго института, далъ ему мѣсто старшаго учителя исторіи въ этомъ институтѣ и предоставилъ ему уроки въ нѣсколькихъ аристократическихъ семействахъ. Въ первый разъ Гоголь былъ введенъ въ кругъ литераторовъ въ 1832 г. на праздникѣ, который давалъ извѣстный книгопродавецъ Смирдинъ, по случаю перенесенія своего магазина на новую квартиру. Гости подарили хозяину разныя статьи, составившія альманахъ „Новоселье", въ которомъ помѣщена и Гоголева „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ".

Съ Пушкинымъ Гоголь познакомился лѣтомъ 1831-го года. Благодаря ему и Жуковскому, онъ былъ введенъ въ гостиную Карамзиныхъ, составлявшую какъ бы звено между литературнымъ и придворно-аристокраческимъ кругомъ, и познакомился съ княземъ Вяземскимъ, съ семействомъ графа Віельгорскаго, съ фрейлинами, красою которыхъ считалась Александра Осиповна Рессети, впослѣдствіи Смирнова. Всѣ эти знакомства не могли не оказать на Гоголя вліянія, и вліянія очень сильнаго. Молодой человѣкъ, обладавшій скуднымъ житейскимъ опытомъ и еще болѣе скудными теоретическими знаніями, долженъ былъ подчиниться обаянію болѣе развитыхъ и образованныхъ людей. Жуковскій, Пушкинъ — были имена, которыя онъ съ дѣтства привыкъ произносить съ благоговѣніемъ; когда онъ увидѣлъ, что подъ этими именами скрываются не только великіе писатели, но истинно добрые люди, принявшіе его съ самымъ искреннимъ дружелюбіемъ, онъ — всѣмъ сердцемъ привязался къ нимъ, онъ охотно воспринялъ ихъ идеи, и идеи эти легли въ основу его собственнаго міросозерцанія. По отношенію къ политикѣ, убѣжденія того литературно-аристокра-

тическаго круга, въ которомъ пришлось вращаться Гоголю, могутъ быть охарактеризованы словомъ: либерально-корсервативныя. Всякія коренныя реформы русскаго быта и монархическаго строя Россіи отвергались имъ безусловно, какъ нелѣпыя и вредоносныя, а между тѣмъ стѣсненія, налагаемыя этимъ строемъ на отдѣльныя личности, возмущали его; ему хотѣлось болѣе простора для развитія индивидуальныхъ способностей и дѣятельности, болѣе свободы для отдѣльныхъ сословій и учрежденій; всякія злоупотребленія бюрократическаго произвола встрѣчали его осужденіе, но онъ отвергалъ какъ энергическій протестъ противъ этихъ злоупотребленій, такъ и всякія доискиванья коренной причины ихъ. Впрочемъ, надобно сказать, что вопросы политическіе и общественные никогда не выдвигались впередъ въ томъ блестящемъ обществѣ, которое собиралось въ гостиной Карамзиныхъ и группировалось около двухъ великихъ поэтовъ. Жуковскій и какъ поэтъ, и какъ человѣкъ, чуждался вопросовъ, волновавшихъ жизнь, приводившихъ къ сомнѣнію или отрицанію. Пушкинъ съ пренебреженіемъ говорилъ о „жалкихъ скептическихъ умствованіяхъ прошлаго вѣка“ и о „вредныхъ мечтаніяхъ“, существующихъ въ русскомъ обществѣ, и самъ рѣдко предавался подобнымъ мечтаніямъ.

«Не для житейскаго волненія
«Не для корысти, не для битвъ»...

рождены на свѣтъ избранники судьбы, одаренныя геніемъ творчества. Жрецы чистаго искусства, они должны стоять выше мелкихъ страстей черни. Съ этой точки зрѣнія служенія искусству разсматривались кружкомъ и всѣ произведенія, выходившія изъ подъ пера тогдашнихъ писателей. Свѣжая поэзія, веселый юморъ первыхъ произведеній Гоголя обратили на себя вниманіе корифеевъ тогдашней литературы, не подозрѣвавшихъ, какое общественное значеніе будутъ имѣть дальнѣйшія произведенія остроумнаго „хохла“, какое толкованіе придастъ имъ новое, уже нарождавшееся литературное поколѣніе.

Знакомства въ аристократическомъ мірѣ не заставили Гоголя прервать связи съ его однокашниками по Нѣжинскому лицею. Въ

маленькой квартирѣ его собиралось довольно разнообразное общество: бывшіе лицеисты, изъ числа которыхъ Кукольникъ уже пользовался громкою извѣстностью, начинающіе писатели, молодые художники, знаменитый актеръ Щепкинъ, какой нибудь никому неизвѣстный скромный чиновникъ. Тутъ разсказывались всевозможные анекдоты изъ жизни литературнаго и чиновничьяго міра, сочинялись юмористическіе куплеты, читались вновь выходившія стихотворенія. Гоголь читалъ необыкновенно хорошо и выразительно. Онъ благоговѣлъ передъ созданіями Пушкина и дѣлился съ пріятелями каждою новинкою, выходившею изъ подъ его пера. Стихотворенія Языкова пріобрѣтали въ его чтеніи особенную выпуклость и страстность. Оживленный, остроумный собесѣдникъ, онъ былъ душою своего кружка. Всякая пошлость, самодовольство, лѣнь, всякая неправда, какъ въ жизни, такъ въ особенности въ произведеніяхъ искусства, встрѣчали въ немъ мѣткаго обличителя. И сколько тонкой наблюдательности высказывалъ онъ, отмѣчая малѣйшія черты лукавства, мелкаго искательства и себялюбивой напыщенности! Среди самыхъ жаркихъ споровъ, одушевленныхъ разговоровъ его не покидала способность слѣдить за всѣми окружающими, подмѣчать скрытыя душевныя движенія и тайныя побужденія каждаго. Часто случайно услышанный анекдотъ, повидимому вовсе не интересный разсказъ какого нибудь посѣтителя, зароняли въ душу его образы, которые разростались въ цѣлыя поэтическія произведенія. Такъ, анекдотъ о какомъ-то канцеляристѣ, страстномъ охотникѣ, скопившемъ съ большимъ трудомъ денегъ на покупку ружья и потерявшемъ это ружье, зародило въ немъ идею „Шинели"; разсказъ какого то старичка о привычкахъ сумасшедшихъ породилъ „Записки Сумасшедшаго". Самыя „Мертвыя души" обязаны своимъ происхожденіемъ случайному разсказу. Одинъ разъ Пушкинъ, среди разговора, передалъ Гоголю извѣстіе о томъ, что какой-то авантюристъ занимался въ Псковской губерніи покупкою у помѣщиковъ мертвыхъ душъ и за свои продѣлки арестованъ. „Знаете-ли,—прибавилъ Пушкинъ,—это отличный матерьялъ для романа, я какъ нибудь займусь имъ". Когда нѣсколько времени спустя Гоголь показалъ ему первыя главы

своихъ „Мертвыхъ Душъ“, онъ сначала немного подосадовалъ и говорилъ своимъ домашнимъ: „Съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: оонъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя“. Но затѣмъ, увлекшись прелестью разсказа, вполнѣ примирился съ похитителемъ своей идеи и поощрялъ Гоголя продолжать поэму.

* * *

Отъ 1831 до 1836 года, Гоголь почти сплошь прожилъ въ Петербургѣ. Только два раза удалось ему провести по нѣсколько недѣль въ Малороссіи, да побывать въ Москвѣ и въ Кіевѣ. Это время было періодомъ самой усиленной литературной дѣятельности его. Не считая разныхъ журнальныхъ статей и неоконченныхъ повѣстей, онъ въ эти годы выпустилъ 2 части „Вечеровъ на хуторѣ“ и подарилъ насъ такими произведеніями, какъ „Старосвѣтскіе помѣщики“ „Тарасъ Бульба“, „Вій“, „Портретъ“, „Женитьба“, „Ревизоръ“, первыя главы „Мертвыхъ душъ“.

Самъ Гоголь относился очень скромно къ своимъ первымъ литературнымъ произведеніямъ. Всеобщія похвалы льстили его самолюбію, были ему пріятны, но онъ считалъ ихъ преувеличенными и повидимому не сознавалъ нравственное значеніе смѣха, возбуждаемаго его разсказами. Онъ по прежнему мечталъ о великомъ дѣлѣ, о подвигѣ на благо многимъ, но все еще искалъ этого дѣла внѣ литературы. Въ 1834 году при открытіи Кіевскаго университета онъ сильно хлопоталъ о каѳедрѣ исторіи при немъ; когда же хлопоты эти не удались, онъ, при содѣйствіи своихъ покровителей, получилъ должность адъюнкта по каѳедрѣ всеобщей исторіи при Петербургскомъ университетѣ. Нельзя не удивляться, что человѣкъ съ такой слабой теоретической подготовкой, съ такимъ скуднымъ запасомъ научныхъ знаній, рѣшился взяться за чтеніе лекцій. Но, можетъ быть, именно потому, что онъ никогда не занимался наукой, она и казалась ему дѣломъ не труднымъ.

„Ради нашей Украйны, ради отцовскихъ могилъ, не сиди надъ книгами!“—пишетъ онъ въ 1834-мъ г. М. Максимовичу, получившему каѳедру русской словесности въ Кіевѣ. «Будь таковъ, какъ

ты есть, говори свое. Лучше всего ты дѣлай эстетическіе съ ними (со студентами) разборы. Это для нихъ полезнѣе всего; скорѣе разовьетъ ихъ умъ и тебѣ будетъ пріятно". Впрочемъ, самъ Гоголь повидимому имѣлъ серьезное намѣреніе или, по крайней мѣрѣ, мечталъ посвятить себя наукѣ. Въ своихъ письмахъ отъ того времени онъ не разъ говоритъ, что работаетъ надъ исторіей Малороссіи и кромѣ того, собирается составить «Исторію среднихъ вѣковъ томовъ въ 8 или 9, если не больше». Блестящимъ результатомъ его занятій украинскими древностями явился «Тарасъ Бульба", мечты же объ исторіи среднихъ вѣковъ такъ и остались мечтами. Профессорскій персоналъ Петербургскаго университета очень сдержанно относился къ своему новому собрату: многихъ не безъ основанія возмущало назначеніе на каѳедру человѣка, извѣстнаго только нѣсколькими беллетристическими произведеніями и вполнѣ чуждаго въ мірѣ науки. За то студенты съ нетерпѣливымъ любопытствомъ ожидали новаго лектора. Первая лекція его *) привела ихъ въ восторгъ. Живыми картинами освѣтилъ онъ имъ мракъ средневѣковой жизни. Затаивъ дыханіе, слѣдили они за блестящимъ полетомъ его мысли. По окончаніи лекціи, продолжавшейся 3/4 часа, онъ сказалъ имъ: «На первый разъ я старался, господа, показать вамъ только главный характеръ Исторіи среднихъ вѣковъ; въ слѣдующій разъ мы примемся за самые факты и должны будемъ для этого вооружиться анатомическимъ ножемъ».

Но этихъ то фактовъ и не было въ распоряженіи молодого ученаго, а кропотливое собираніе и «анатомированіе» ихъ было не подъ силу уму его, слишкомъ склонному къ синтезу, къ быстрому обобщенію. Вторую лекцію онъ началъ громкою фразой: «Азія была всегда какимъ то народовержущимъ вулканомъ». Затѣмъ вяло и безжизненно поговорилъ о переселеніи народовъ, указалъ нѣсколько курсовъ по исторіи и черезъ 20 минутъ сошелъ съ каѳедры. Послѣдущія лекціи были въ томъ же родѣ. Студенты скучали, зѣвали и сомнѣвались, неужели этотъ бездарный г. Гоголь-

*) Она напечатана въ «Арабескахъ» подъ заглавіемъ «О характерѣ Исторіи среднихъ вѣковъ».

Яновскій тотъ самый Рудый Панько, который заставлялъ ихъ смѣяться такимъ здоровымъ смѣхомъ. Еще только одинъ разъ удалось ему оживить ихъ. На одну изъ его лекцій пріѣхали Жуковскій и Пушкинъ. Вѣроятно, Гоголь зналъ заранѣе объ этомъ посѣщеніи и приготовился къ нему. Онъ прочелъ лекцію, подобную своей вступительной,такую же увлекательную, живую, картинную: „Взглядъ на исторію Аравитянъ". Кромѣ этихъ двухъ лекцій, всѣ остальныя были до крайности слабы. Скука и недовольство, ясно выражавшіяся на лицахъ молодыхъ слушателей, не могли не дѣйствовать удручающе на лектора. Онъ понялъ, что взялся не за свое дѣло и сталъ тяготиться имъ. Когда въ концѣ 1835 г, ему предложили выдержать испытаніе на степень доктора философіи, если онъ желаетъ занять профессорскую должность, онъ безъ сожалѣнія отказался отъ каѳедры, которую не могъ занимать съ честью.

Напрасно старался Гоголь убѣдить себя и другихъ, что можетъ посвятить себя научнымъ изслѣдованіямъ. Инстинктъ художника подталкивалъ его воплощать въ живые образы явленія окружающей жизни и мѣшалъ ему предаваться серьезному изученію сухихъ матерьяловъ. Задумавъ составить большое сочиненіе по географіи: „Земля и Люди", онъ вскорѣ писалъ Погодину: „Не знаю, отчего на меня напала тоска... корректурный листикъ выпалъ изъ рукъ моихъ и я остановилъ печатанье. Какъ то не такъ теперь работается, не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что-нибудь свершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй по объему, то вдругъ зиждется новая система и рушиться старая". Затѣмъ онъ сообщаетъ, что помѣшался на комедіи, что она не выходитъ у него изъ головы, и сюжетъ и заглавіе уже готовы. „Примусь за исторію—передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ; рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы и исторія къ чорту!" Вмѣсто того чтобы подговляться къ лекціяхъ, онъ издавалъ свой „Миргородъ", создавалъ „Ревизора", вынашивалъ въ головѣ первый типъ „Мертвыхъ Душъ", принималъ дѣятельное участіе въ литератур-

ныхъ дѣлахъ того времени. Злобой дня тогдашняго литературнаго міра было ненормальное состояніе журналистики. Ею окончательно овладѣлъ извѣстный тріумвиратъ: Гречъ, Сенковскій и Булгаринъ. Благодаря большимъ денежнымъ средствамъ издателя-книгопродавца Смирдина, „Библіотека для Чтенія“ сдѣлалась самымъ толстымъ и самымъ распространенымъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Сенковскій царилъ въ ней безраздѣльно. Подъ разными псевдонимами онъ наполнялъ ее своими собственными сочиненіями; въ отдѣлѣ критики, по своему усмотрѣнію, однихъ писателей производилъ въ геніи, другихъ топталъ въ грязь; произведенія, печатавшіяся въ его журналѣ, самымъ безцеремоннымъ образомъ сокращалъ, удлинялъ, передѣлывалъ на свой ладъ. Оффиціальнымъ редакторомъ „Библіотеки для Чтенія“ значился Гречъ, а такъ какъ онъ, кромѣ того издавалъ вмѣстѣ съ Булгаринымъ „Сѣверную Пчелу“ и „Сынъ Отечества“, то, понятно, все, что говорилось въ одномъ журналѣ, поддерживалось въ двухъ другихъ. Притомъ надобно замѣтить, что для борьбы съ противниками тріумвиратъ не брезгалъ никакими средствами, даже доносомъ, такъ что чисто литературная полемика нерѣдко оканчивалась при содѣйствіи администраціи. Нѣсколько періодическихъ изданій въ Москвѣ и Петербургѣ („Молва“, „Телеграфъ“, „Телескопъ“, „Литературныя прибавленія къ Инвалиду“) пытались противодѣйствовать тлетворному вліянію „Библіотеки для Чтенія“. Но отчасти недостатокъ денежныхъ средствъ, отчасти отсутствіе энергіи и умѣлости вести журнальное дѣло, а гнавнымъ образомъ, тяжелыя цензурныя условія мѣшали успѣху борьбы. Съ 1835 г. въ Москвѣ съ тою же цѣлью противодѣйствія петербургскому тріумвирату явился новый журналъ „Московскій Наблюдатель“. Гоголь горячо привѣтствовалъ появленіе новаго члена журналиной семьи. Онъ былъ знакомъ лично и состоялъ въ перепискѣ съ издателемъ его Шевыревымъ и съ Погодинымъ; кромѣ того и Пушкинъ благосклонно отнесся къ московскому изданію. „Телеграфъ“ и „Телескопъ“ возмущали его рѣзкостью своего тона и несправедливыми, по его мнѣнію, вападками на нѣкоторыя литературныя имена („Дельвига, Вяземскаго, Катенина). „Московскій Наблюдатель“ обѣщалъ болѣе почтительности къ ав-

торитетамъ, болѣе солидности въ обсужденіи разныхъ вопросовъ, менѣе молодого задора, непріятно дѣйствовавшаго на аристократовъ литературнаго міра. Гоголь самымъ энергическимъ образомъ пропагандировалъ его среди своихъ петербургскихъ знакомыхъ. Каждый членъ его кружка непремѣнно долженъ былъ подписаться на новый журналъ „имѣть своего „Наблюдателя"; всѣхъ своихъ знакомыхъ писателей онъ упрашивалъ посылать туда статьи. Вскорѣ пришлось ему однако сильно разочароваться въ московскомъ органѣ. Отъ его книжекъ вѣяло скукой, онѣ были блѣдны, безжизненны, лишены руководящей идеи. Такой противникъ не могъ быть страшенъ для петербургскихъ воротилъ журнальнаго дѣла. А между тѣмъ, Гоголю пришлось испытать на себѣ непріятныя стороны ихъ владычества. Когда вышли его „Арабески" и „Миргородъ", вся Булгаринская клика съ ожесточеніемъ набросилась на него, а „Московскій Наблюдатель" очень сдержанно и уклончиво высказывалъ ему свое одобреніе. Правда, въ защиту его изъ Москвы раздался голосъ, но онъ еще не предчувствовалъ всей мощи этого голоса. Въ „Телескопѣ" появилась статья Бѣлинскаго: „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя", въ которой говорилось, что „чувство глубокой грусти, чувство глубокаго соболѣзнованія къ русской жизни и ея порядкамъ слышится во всѣхъ разсказахъ Гоголя" и прямо заявлялось, что въ Гоголѣ русское общество имѣетъ будущаго „великаго писателя". Гоголь былъ и тронутъ и обрадованъ этой статьей; но благосклонный отзывъ критика еще не авторитетнаго, помѣщенный въ органѣ, которому не симпатизировали его петербургскіе друзья, не вознаграждалъ его за непріятности, какія приходилось ему терпѣть съ другихъ сторонъ. Кромѣ ѣдкихъ критикъ литературныхъ враговъ, онъ подвергался еще болѣе тяжелымъ нападкамъ на свою личность. Вступленіе его въ университетъ, благодаря протекціи, а не ученымъ заслугамъ, было встрѣчено неодобрительно въ кружкѣ его близкихъ знакомыхъ и неодобреніе это возростало по мѣрѣ того, какъ выяснялась полная неспособность его къ профессорской дѣятельности. Онъ отказался отъ каѳедры въ концѣ 1835 г, но въ душѣ его остался осадокъ горечи отъ осужденія, справедливость котораго онъ не могъ не сознавать.

Въ томъ-же 1835-омъ году Гоголь началъ хлопотать о постановкѣ на сцену Петербургскаго театра своего „Ревизора". Это было первое его произведеніе, которымъ онъ сильно дорожилъ, которому онъ придавалъ большое значеніе. „Это лицо,—говоритъ онъ про Хлестакова,—должно быть типомъ многаго разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но натурально въ этомъ не хочетъ только признаться." „Въ Ревизорѣ я рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надо всѣмъ". Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ создать серьезную комедію нравовъ и больше всего боялся, какъ-бы она, вслѣдствіе непониманія или неумѣлости актеровъ, не показалась фарсомъ, карикатурой. Чтобы избѣжать этого, онъ усердно слѣдилъ за постановкой пьесы, читалъ актерамъ ихъ роли, присутствовалъ на репетиціяхъ, хлопоталъ о костюмахъ, о бутафорскихъ принадлежностяхъ. Въ вечеръ перваго представленія театръ былъ полонъ избранной публикой. Гоголь сидѣлъ блѣдный, взволнованный, грустный. Послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ; по временамъ раздавался смѣхъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже слышался этотъ смѣхъ, аплодисментовъ почти совсѣмъ не было, за то замѣтно было общее напряженное вниманіе, которое въ концѣ перешло въ негодованіе большинства: „Это—невозможность, это—клевета, это—фарсъ!" слышалось со всѣхъ сторонъ. Въ высшихъ чиновничьихъ кругахъ называли пьесу либеральною, революціонною, находили, что ставить подобныя вещи на сценѣ—значитъ прямо развращать общества, и „Ревизоръ" избавился отъ запрещенія только благодаря личному желанію Императора Николая Павловича. Петербургская журналистика обрушилась на него всѣми своими громами. Булгаринъ въ „Сѣверной Пчелѣ" и Сенковскій въ „Библіотекѣ для чтенія" обвиняли пьесу въ нелѣпости и неправдоподобности содержанія, въ каррикатурности характеровъ, въ цинич-

ности и грязной двусмысленности тона. Гоголь былъ сильно огорченъ и разочарованъ: его любимое произведеніе, отъ котораго онъ ждалъ себѣ славы, унижено, заброшено грязью! „Я усталъ и душою, и тѣломъ,—писалъ онъ Пушкину послѣ перваго представленія „Ревизора".—„Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій... Богъ-же съ ними со всѣми! Мнѣ опротивѣла моя пьеса!"

Въ письмѣ къ Погодину онъ подробно описываетъ свои ощущенія: „Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь; не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня; не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты. Но грустно мнѣ это всеообщее невѣжество, движущее столицей; грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими-же оплеваннаго и опозореннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ-же самихъ и ихъ-же водитъ за носъ. Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносилькой стороны за него. „Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ! И кто-же это говоритъ? Это говорятъ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные, люди, которые должны-бы имѣть на сколько нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ—по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ—называетъ образованными. Выведены на сцену плуты—и всѣ въ ожесточеніи: „зачѣмъ выводить на сцену плутовъ?" Пусть сердятся плуты, но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитого на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что-же бы сказала столица, если-бы выведены были, хотя слегка, ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы, меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны. Но жизнь петербургская ясна передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники?

И то, что бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ—то самое возмущаетъ желчь невѣжества; а это невѣжество всеобщее. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ—считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и вѣрную черту—значитъ въ переводѣ опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами—утѣшитъ-ли это его“?

Пониманіе небольшого круга передовыхъ людей не могло утѣшить Гоголя, потому что самъ онъ не ясно сознавалъ значеніе и нравственную силу своего произведенія. Для него, какъ и для его друзей, которымъ онъ читалъ „Ревизора“ въ квартирѣ Жуковскаго, это была живая, вѣрная картина провинціальнаго общества, ѣдкая сатира надъ всѣми признанною язвою бюрократическаго міра—надъ взяточничествомъ. Когда онъ писалъ ее, когда онъ такъ усердно хлопоталъ о постановкѣ ея на сцену, ему и въ голову не приходило, что она можетъ имѣть глубокій общественный смыслъ, что, ярко изображая пошлость и неправду, среди которой жило общество, она заставитъ это общество задуматься, поискать причинъ всей этой пошлости и неправды. И вдругъ: „Либералъ! бунтовщикъ! клеветникъ на Россію!“. Онъ былъ ошеломленъ, сбитъ съ толку. Петербургскій климатъ убійственно дѣйствовалъ на его здоровье, нервы его расшатались; больной, усталый умственно послѣ усиленной работы послѣднихъ лѣтъ, разочарованный въ своихъ попыткахъ найти истинно полезное поприще дѣятельности, онъ рѣшилъ отдохнуть отъ всего, что волновало его послѣднее время, подальше отъ тумановъ и непогодъ сѣверной столицы, подъ болѣе яснымъ небомъ, среди совершенно чужихъ людей, которые отнесутся къ нему и безъ вражды и безъ назойливой пріязни. „Я хотѣлъ бы убѣжать теперь Богъ знаетъ куда,—писалъ онъ Пушкину въ маѣ 1836 г.—и предстоящее мнѣ путешествіе—пароходъ, море и другія далекія небеса—могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ какъ Богъ знаетъ чего!“.

III.

Первыя поѣздки за границу.

Въ Германіи и Швейцаріи.—Въ Женевѣ и Парижѣ.—Извѣстіе о смерти Пушкина.—Въ Римѣ.—Впечатлѣнія и встрѣчи. — Смерть Віельгорскаго.—Пріѣздъ на короткое время въ Москву и Петербургъ. — Вторичный пріѣздъ въ Римъ. — Жизнь и литературныя занятія Гоголя въ Римѣ.

Въ іюнѣ 1836 г. Гоголь сѣлъ на пароходъ, отправлявшійся въ Любекъ. Съ нимъ вмѣстѣ ѣхалъ пріятель его А. Данилевскій. Опредѣленной цѣли не было ни у одного изъ нихъ: имъ просто хотѣлось отдохнуть, освѣжиться, полюбоваться всѣмъ, что есть замѣчательнаго въ Европѣ. Поѣздивъ вмѣстѣ по Германіи, пріятели разстались: Данилевскаго тянуло въ Парижъ, къ тамошнимъ развлеченіямъ, Гоголь сдѣлалъ одинъ путешествіе по Рейну и оттуда направился въ Швейцарію. Красоты природы производили на него сильное впечатлѣніе. Особенно поражали его своимъ величавымъ великолѣпіемъ снѣговыя вершины Альпъ. Подъ вліяніемъ путешествія мрачное настроеніе, въ какомъ онъ выѣзжалъ изъ Петербурга, разсѣялось, онъ укрѣпился и ободрился духомъ: „Клянусь, что я сдѣлаю то, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ,—писалъ онъ Жуковскому.—Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ“.

Осенью живя въ Женевѣ и Веве, онъ усердно принялся за продолженіе „Мертвыхъ Душъ“, первыя главы которыхъ были уже

написаны въ Петербургѣ. „Если совершу это твореніе такъ, какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! это будетъ первая моя порядочная вещь, которая вынесетъ мое имя!“ —говорилъ онъ въ письмѣ къ Жуковскому.

Зиму Гоголь провелъ опять вмѣстѣ съ Данилевскимъ, въ Парижѣ; вдвоемъ осматривали они всѣ его достопримѣчательности: картинную галлерею Лувра, Jardin des Plantes, Версаль и проч., посѣщали кафе, театры, но вообще Гоголь нашелъ мало привлекательнаго въ этомъ городѣ. То, что могло быть новаго и интереснаго для русскаго въ столицѣ конституціонной монархіи—борьба политическихъ партій, пренія въ палатѣ, свобода слова и печати—мало занимало его. При всѣхъ путешествіяхъ на первомъ планѣ стояла для него природа и произведенія искусства; людей онъ наблюдалъ, и изучалъ какъ отдѣльныя личности, а не какъ членовъ извѣстнаго общества; всѣ политическія страсти и интересы были чужды его по преимуществу созерцательной натурѣ. Заграницей онъ мало сближался съ иностранцами: вездѣ онъ входилъ въ кругъ своихъ, русскихъ или изъ новыхъ, или изъ старыхъ петербургскихъ знакомыхъ. Въ Парижѣ онъ просиживалъ большую часть вечеровъ въ уютной гостиной Александры Осиповны Смирновой. Смирнова, урожденная Россети, бывшая фрейлина императрицъ Маріи Өедоровны и Александры Өедоровны блистала въ свѣтскихъ кругахъ красотой и умомъ. Черезъ Плетнева, бывшаго ея учителемъ въ Екатерининскомъ институтѣ, и Жуковскаго она познакомилась со всѣми выдающимися писателями того времени и „всѣ мы были болѣе или менѣе ея военноплѣнными“, говоритъ князь Вяземскій. Пушкинъ и Лермонтовъ посвящали ей стихотворенія, Хомяковъ, Самаринъ, Иванъ Аксаковъ увлекались ею, Жуковскій называлъ ее „небеснымъ дьяволенкомъ“. Гоголь познакомился съ ней еще въ 1829 г., давая уроки въ одномъ аристократическомъ семействѣ. Она обратила вниманіе на скромнаго, застѣнчиваго учителя ради его хохлацкаго происхожденія. Сама она родилась въ Малороссіи, провела тамъ первое дѣтство и любила все малороссійское. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что Гоголь не остался равно-

душнымъ къ чарамъ остроумной и кокетливой свѣтской красавицы; но онъ тщательно скрывалъ эту любовь отъ всѣхъ окружающихъ и во всѣхъ его многочисленныхъ письмахъ къ Александрѣ Осиповнѣ видна одна только искренняя дружба, которая находила и въ ней отвѣтъ. Въ Парижѣ они встрѣтились, какъ добрые, старые знакомые, и всѣ разговоры ихъ вертѣлись главнымъ образомъ на воспоминаніяхъ о Малороссіи. Она пѣла ему: „Ой не ходы Грыцю на вечорныци“ и вмѣстѣ вспоминали они малороссійскую природу и малороссійскія галушки. Свои парижскія наблюденія онъ передавалъ ей въ видѣ комическихъ сценъ, дышавшихъ такою наблюдательностью и неподдѣльнымъ юморомъ.

Въ Парижѣ застало Гоголя извѣстіе о смерти Пушкина. Какъ громомъ поразила его эта вѣсть! „Ты знаешь, какъ я люблю свою мать, говорилъ онъ Данилевскому, но если бы я потерялъ даже ее, я не могъ бы быть такъ огорченъ, какъ теперь. Пушкинъ въ этомъ мірѣ не существуетъ больше!“. „Что мѣсяцъ, что недѣля, то новая утрата,—писалъ онъ позднѣе Плетневу изъ Рима:—но никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи... Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ предвкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу .. Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо—и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!“

Очень можетъ быть, что именно эта тоска ускорила отъѣздъ Гоголя изъ Парижа. Въ мартѣ 1837 г. онъ уже былъ въ Римѣ. Вѣчный городъ произвелъ на него обаятельное впечатлѣніе. Природа Италіи восхищала, очаровывала его. Живя въ Петербургѣ, онъ постоянно вздыхалъ о веснѣ, завидовалъ тѣмъ, кто можетъ наслаждаться ею въ Малороссіи, а тутъ вдругъ его охватила вся прелесть итальянской весны. „Какая весна! Боже, какая весна!“—

въ восторгѣ восклицаетъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ. Но вы знаете, что такое молодая, свѣжая весна среди дряхлыхъ развалинъ, зацвѣтшихъ плющемъ и дикими цвѣтами. Какъ хороши теперь синіе клочки неба промежь деревъ, едва покрывшихся свѣжею, почти желтою зеленью, и даже темные, какъ воронье крыло, кипарисы и еще далѣе голубыя, матовыя, какъ бирюза, горы Фраскати, и Албанскія, и Тиволи. Что за воздухъ! Удивительная весна! Гляжу и не нагляжусь. Розы усыпали теперь весь Римъ; но обонянію моему еще слаще отъ цвѣтовъ, которые теперь зацвѣли и которыхъ имя я, право, въ эту минуту позабылъ. Ихъ нѣтъ у насъ. Вѣрите ли, что часто приходитъ неистовое желаніе превратиться въ одинъ носъ, чтобы не было ничего больше—ни глазъ, ни рукъ, ни ногъ, кромѣ одного только большущаго носа, у котораго бы ноздри были въ добрыя ведра, чтобы можно было втянуть въ себя какъ можно побольше благовонія и весны".

Вѣроятно, въ другія минуты жизни Гоголь точно также страстно желалъ весь превратиться въ глаза, чтобы ничего не потерять изъ тѣхъ чудныхъ картинъ, которыя резвертывались передъ нимъ на каждомъ шагу, постоянно открывая новыя и новыя прелести. „О если бы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи"—писалъ онъ Плетневу. „Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина, на человѣкѣ какой то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства—все, кажется, дышетъ и говоритъ подъ этимъ небомъ. Когда вамъ все измѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, чтобы привязывало васъ къ какому-нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Богу.

Все въ Римѣ нравилось Гоголю, все плѣняло его. Отъ наслажденія природой, онъ переходилъ къ произведеніямъ искусства и тутъ уже не было конца его восторгамъ. Памятники древней жизни и созданія новѣйшихъ художниковъ, Колизей и св. Петръ равно очаровывали его. Онъ изучилъ всѣ картинныя галлереи города; онъ по цѣлымъ часамъ простаивалъ въ церквахъ передъ картинами и статуями великихъ мастеровъ; онъ посѣщалъ ма-

стерскія всѣхъ художниковъ и скульпторовъ, жившихъ тогда въ Римѣ. Показывать Римъ знакомымъ, пріѣзжавшимъ изъ Россіи, было для него величайшимъ удовольствіемъ. Онъ просто гордился Римомъ, какъ чѣмъ то своимъ, хотѣлъ чтобы всѣ имъ восхищались, обижался на тѣхъ, кто холодно относился къ нему. Римскій народъ также очень нравился ему своею веселостью, своимъ юморомъ и своимъ остроуміемъ. Научившись хорошо понимать итальянскій языкъ, онъ часто подолгу сидѣлъ у открытаго окна своей комнаты, съ удовольствіемъ прислушиваясь къ перебранкѣ какихъ-нибудь мастеровыхъ или къ пересудамъ римскихъ кумушекъ. Онъ наблюдалъ отдѣльные типы, восхищался ими; но и здѣсь, какъ въ Парижѣ, у него не было охоты сойтись поближе съ обществомъ или съ народомъ, узнать чѣмъ живетъ, на что надѣется, чего ждетъ этотъ народъ. Онъ велъ знакомство съ нѣсколькими итальянскими художниками, но бо̀льшую часть времени проводилъ или одинъ въ работѣ и въ уединенныхъ прогулкахъ, или въ обществѣ русскихъ. Изъ русскихъ художниковъ, жившихъ въ то время въ Римѣ, онъ близко сошелся только съ А. И. Ивановымъ, да развѣ со скульпторомъ Іорданомъ и вообще симпатизировалъ немногимъ: большинство не нравилось ему своею заносчивостью, недостаткомъ образованія и таланта въ соединеніи съ громаднымъ самомнѣніемъ. Русскихъ гостей Гоголю приходилось часто принимать въ Римѣ и „угощать" Римомъ. Не считая Данилевскаго, который одновременно съ нимъ странствовалъ по Европѣ, у него въ первые же годы жизни въ Римѣ побывали: Жуковскій, Погодины (мужъ и жена), Панаевъ, Анненковъ, Шевыревъ и многіе другіе. Въ Римѣ же ему пришлось ухаживать за однимъ больнымъ, который и умеръ на его рукахъ. Это былъ Іосифъ Віельгорскій, сынъ гофмейстера графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, молодой человѣкъ, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ его, богато-одаренный отъ природы. Гоголь былъ знакомъ въ Петербургѣ съ нимъ и его семьей. У него развилась чахотка, доктора послали его въ Италію и мать его просила Гоголя принять въ немъ участіе, позаботиться о немъ на чужбинѣ. Гоголь исполнилъ ея просьбу болѣе чѣмъ добросовѣстно: онъ окружилъ больного самою нѣжною заботли-

востью, почти не разставался съ нимъ цѣлые дни, проводилъ ночи безъ сна у его постели. Смерть юноши сильно огорчила его. „Я похоронилъ на дняхъ моего друга, котораго мнѣ дала судьба въ то время, въ ту эпоху жизни, когда друзья уже не даются,—писалъ онъ Данилевскому.—Мы давно были привязаны другъ къ другу, давно уважали другъ друга, но сошлись тѣсно, неразлучно и рѣшительно братски только, увы! во время его болѣзни. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени благородна была эта высокая, младенчески-ясная душа? Это былъ бы мужъ, который бы украсилъ одинъ будущее царствованіе Александра Николаевича. И прекрасное должно было погибнуть, какъ гибнетъ все прекрасное у насъ на Руси"!...

Подъ живительными лучами итальянскаго солнца здоровье Гоголя укрѣплялось, хотя вполнѣ здоровымъ онъ себя никогда не считалъ. Знакомые подтрунивали надъ его мнительностью, но онъ еще въ Петербургѣ говорилъ совершенно серьезно, что доктора не понимаютъ его болѣзни, что у него желудокъ устроенъ совсѣмъ не такъ, какъ у всѣхъ людей, и это причиняетъ ему страданія, которыхъ другіе не понимаютъ. Живя за границей, онъ почти каждое лѣто проводилъ на какихъ-нибудь водахъ, но рѣдко выдерживалъ полный курсъ леченія; ему казалось, что онъ самъ лучше всѣхъ докторовъ знаетъ какъ и чѣмъ лечиться. Всего благотворнѣе, по его мнѣнію, на него дѣйствовали путешествія и жизнь ъ Римѣ. Путешествія освѣжали его, прогоняли всякія мрачныя или тревожныя мысли. Римъ укрѣплялъ и бодрилъ его. Тамъ принялся онъ за продолженіе „Мертвыхъ Душъ", кромѣ того онъ писалъ „Шинель" и „Анунціату", повѣсть впослѣдствіи передѣланную имъ и составившую статью „Римъ"; много работалъ онъ также надъ большой трагедіей изъ быта запорожцевъ, но остался недоволенъ ею и послѣ нѣсколькихъ передѣлокъ уничтожилъ ее.

* * *

Осенью 1839 года Гоголь отправился вмѣстѣ съ Погодинымъ въ Россію, прямо въ Москву, гдѣ кружокъ Аксаковыхъ принялъ

его съ распростертыми объятіями. Съ семействомъ Аксаковыхъ онъ былъ знакомъ раньше, и все оно принадлежало къ числу восторженныхъ поклонниковъ его. Вотъ какъ описываетъ С. Т. Аксаковъ впечатлѣніе, произведенное на нихъ пріѣздомъ Гоголя: „Я жилъ это лѣто съ семьею на дачѣ въ Аксиньинѣ, въ 10 верстахъ отъ Москвы. 26 сентября вдругъ получаю я слѣдующую записку отъ Щепкина: „Спѣшу увѣдомить васъ, что М. П. Погодинъ пріѣхалъ и не одинъ; ожиданія наши исполнились, съ нимъ пріѣхалъ Н. В. Гоголь. Послѣдній просилъ никому не сказывать, что онъ здѣсь; онъ очень похорошѣлъ, хотя сомнѣніе о здоровьѣ у него безпрестанно проглядываетъ; я до того обрадовался его пріѣзду, что совершенно обезумѣлъ, даже до того, что едва ли не сухо его принялъ; вчера просидѣлъ цѣлый вечеръ у нихъ и кажется путнаго слова не сказалъ; такое волненіе его пріѣздъ во мнѣ произвелъ, что я нынѣшнюю ночь почти не спалъ. Не утерпѣлъ чтобы не извѣстить васъ о такомъ для насъ сюрпризѣ". Мы всѣ обрадовались чрезвычайно. Сынъ мой (Константинъ), прочитавши записку прежде всѣхъ, поднялъ отъ радости такой кликъ, что всѣхъ перепугалъ, тотчасъ же поскакалъ въ Москву и повидался съ Гоголемъ, который остановился у Погодина".

Понятно, какое согрѣвающее впечатлѣніе долженъ былъ произвести на душу Гоголя такой сердечный пріемъ. Онъ почти каждый день бывалъ у Аксаковыхъ и являлся передъ ними такимъ, какимъ видали его всѣ близкіе знакомые: веселымъ, остроумнымъ и задушевнымъ собесѣдникомъ, чуждымъ всякой заносчивости, всякой церемонности. Въ его внѣшности Аксаковы нашли большую перемѣну противъ того, какимъ видали его въ 1834 году.

„Слѣдовъ не было прежняго гладко выбритаго и обстриженнаго, кромѣ одного хохла, франтика въ модномъ фракѣ. Прекрасные, бѣлокурые, густые волосы лежали у него почти по плечамъ; красивые усы, эспаньолка довершали перемѣну; всѣ черты лица получили совсѣмъ другое значеніе; особенно въ глазахъ, когда онъ говорилъ, выражалась доброта, веселость и любовь ко всѣмъ; когда же онъ молчалъ или задумывался, то сейчасъ изображалось въ нихъ серьезное устремленіе къ чему то не внѣшнему. Сюртукъ

въ родѣ пальто замѣнилъ фракъ, который Гоголь надѣвалъ только въ совершенной крайности; сама фигура Гоголя въ сюртукѣ сдѣлалось благообразнѣе“.

Гоголь собирался въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ взять изъ Патріотическаго института двухъ своихъ сестеръ. Сергѣю Тимофѣевичу Аксакову нужно было ѣхать туда же съ сыномъ и дочерью. Они отправились всѣ вмѣстѣ въ одномъ экипажѣ и всю дорогу Гоголь былъ неистощимо веселъ. Въ Петербургѣ онъ остановился у В. А. Жуковскаго, который въ качествѣ наставника тогдашняго Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича имѣлъ большую квартиру въ Зимнемъ дворцѣ, и тотчасъ же для него начались непріятныя хлопоты. Литературныя работы не обезпечивали его въ матеріальномъ отношеніи. Деньги, полученныя имъ съ дирекціи Императорскихъ театровъ за „Ревизора“ (2500 р. ассигн.), дали ему средства уѣхать изъ Россіи въ 1836 г., но, конечно, не могли обезпечить его существованія за границей. Въ 1837 г. Жуковскій выхлопоталъ для него пособіе отъ Государя въ размѣрѣ 5000 р. ассигн. и на эти деньги онъ жилъ до пріѣзда въ Россію. Но теперь ему предстояли экстренные расходы: надобно было, взявъ сестеръ изъ института, сдѣлать имъ полную экипировку, довезти ихъ до Москвы, да еще заплатить за нѣкоторые приватные уроки, которые онѣ брали въ институтѣ. Мать его не могла ничего удѣлить дочерямъ изъ своихъ средствъ. Хотя имѣніе, оставшееся послѣ Василія Аѳанасьевича Гоголя, было не особенно маленькое (200 душъ крестьянъ, около 1000 дес. земли), но заложенное, и доходами съ него Марья Ивановна еле могла существовать. Пріѣздъ изъ Малороссіи въ Москву за дочерьми и безъ того представлялся ей довольно раззорительнымъ. Гоголь не рѣшился обратиться съ просьбою о денежномъ пособіи къ своимъ старымъ друзьямъ, Жуковскому и Плетневу, такъ какъ они и безъ того много разъ ссужали его деньгами, и онъ считалъ себя ихъ неоплатнымъ должникомъ; изъ другихъ знакомыхъ его, одни, не смотря на все желаніе, не въ состояніи были помочь ему, съ другими онъ не былъ настолько близокъ, чтобы явиться въ роли просителя. Гоголь волновался, хандрилъ, обвинялъ Петербургъ

въ холодности, въ равнодушіи. С. Т. Аксаковъ съ чуткостью, свойственной его истинно доброму сердцу, угадалъ, что происходило въ душѣ поэта и самъ, безъ всякой просьбы съ его стороны, предложилъ ему 2000 руб. Гоголь очень хорошо зналъ, что Аксаковы совсѣмъ не богаты, что имъ самимъ часто приходится нуждаться въ деньгахъ, тѣмъ болѣе тронула его эта неожиданная помощь. Успокоившись на счетъ матеріальныхъ дѣлъ, Гоголь и въ Петербургѣ не оставлялъ вполнѣ своихъ литературнымъ занятій и каждый день проводилъ опредѣленные часы за письменнымъ столомъ, запершись въ своей комнатѣ отъ всѣхъ посѣтителей. У него въ то время была готова большая часть перваго тома „Мертвыхъ душъ“ и первыя главы были даже окончательно отдѣланы. Онъ читалъ ихъ въ кружкѣ своихъ пріятелей, собравшихся для этой цѣли въ квартирѣ Прокоповича. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ мастерское чтеніе, только иногда взрывы неудержимаго смѣха прерывали общую тишину. Гоголь при передачѣ самыхъ смѣшныхъ сценъ сохранялъ полную серьезность, но искренняя веселость и неподдѣльный восторгъ, возбуждаемый въ слушателяхъ, видимо были ему очень пріятны.

Въ Петербургѣ онъ оставался въ этотъ разъ не долго и, взявъ сестеръ изъ института, вернулся вмѣстѣ съ Аксаковыми въ Москву. Въ Москвѣ умственная жизнь шла въ это время гораздо живѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Рѣзкаго разрыва между славянофилами и западниками еще не произошла, въ передовой интеллигенціи господствовало увлеченіе Гегелемъ и нѣмецкою философіей. У Аксаковыхъ, у Станкевича, у Елагиной, вездѣ, гдѣ собирались молодые профессора или литераторы, шли горячіе, оживленные споры о разныхъ отвлеченныхъ вопросахъ и философскихъ системахъ. Гоголь, ни по своему развитію, ни по складу ума своего, не могъ принимать участія въ подобныхъ словопреніяхъ. Его московскіе друзья вовсе и не ожидали этого отъ него. Онъ нравился имъ, какъ человѣкъ, тонко наблюдающій и нѣжно-отзывчивый, они поклонялись его таланту, они любили его какъ художника, который смѣлою и въ то же время тонкою кистью касался язвъ современнаго общества. Причины этихъ язвъ, средства увраче-

вать ихъ они искали и находили на основаніи своихъ собственныхъ убѣжденій. Именно потому что Гоголь не высказывалъ своихъ теоретическихъ взглядовъ, каждая партія считала себя въ правѣ называть его своимъ и заключать о его міровоззрѣніи на основаніи тѣхъ выводовъ, которые сама дѣлала изъ его произведеній.

„Чѣмъ болѣ я смотрю на него, тѣмъ болѣе удивляюсь и чувствую всю великость этого человѣка и всю мелкость людей, его не понимающихъ!"—восклицалъ всегда восторженный Константинъ Аксаковъ. Что, это за художникъ! какъ полезно съ нимъ проводить время!

Станкевичъ восхищался каждою строчкой, выходившей изъ подъ пера его; при первыхъ словахъ его чтенія онъ заливался неудержимымъ хохотомъ отъ одного предчувствія того юмора, какимъ проникнуты его произведенія.

„Поклонись отъ меня Гоголю",—писалъ съ Кавказа Бѣлинскій, въ то время еще москвичъ по духу,—и скажи ему, что я такъ люблю его и какъ поэта, и какъ человѣка, что тѣ немногія минуты, въ которыя я встрѣчался съ нимъ въ Питерѣ, были для меня отрадою и отдыхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ даже не хотѣлось и говорить съ нимъ, но его присутствіе давало полноту душѣ моей".

Отправивъ одну изъ сестеръ своихъ въ деревню съ матерью, которая пріѣзжала въ Москву, чтобы взять ее и повидаться съ сыномъ, помѣстивъ другую къ одной знакомой барынѣ, взявшейся докончить ея образованіе, Гоголь сталъ собираться назадъ въ Римъ. Друзья старались удержать его, высказывая опасеніе, что среди роскошной природы и правильной жизни Италіи онъ забудетъ Россію; но онъ увѣрялъ ихъ, что совершенно наоборотъ, чтобы настоящимъ образомъ любить Россію, ему необходимо удалиться отъ нея; во всякомъ случаѣ, онъ обѣщалъ черезъ годъ вернуться въ Москву и привезти первый томъ „Мертвыхъ Душъ" совсѣмъ готовымъ. Аксаковы, Погодинъ и Щепкинъ проводили его до первой станціи варшавской дороги и тамъ распрощались самымъ дружескимъ образомъ.

Выдержавъ въ Вѣнѣ курсъ леченія водами, Гоголь затѣмъ

вернулся въ свой любимый Римъ, про который онъ говорилъ: „мнѣ казалось, что будто я увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ, а въ которой жили только мои мысли. Но нѣтъ, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ душа моя жила еще прежде меня, прежде чѣмъ я родился на свѣтъ". Теперь уже этотъ Римъ пересталъ служить для него предметомъ постояннаго восторженнаго наблюденія и изученія: онъ безсознательно, какъ чѣмъ то привычнымъ, наслаждался и его природой и его художественными красотами, и вполнѣ предался своимъ литературнымъ трудамъ. „Я обрадовался моимъ проснувшимся силамъ, освѣженнымъ послѣ водъ и путешествія,—пишетъ онъ,—и сталъ работать изо всѣхъ силъ, почуя просыпающееся вдохновеніе, которое давно уже спало во мнѣ". Онъ дописывалъ послѣднія главы перваго тома „Мертвыхъ Душъ," кромѣ того передѣлывалъ нѣкоторыя сцены въ „Ревизорѣ", переработывалъ на бѣло „Шинель", занимался переводомъ итальянской комедіи „Ajo nell Jmbarazzo" (Дядька въ затруднительномъ положеніи), о постановкѣ которой на сцену московскаго театра давалъ подробныя указанія Щепкину. Но, увы! слабый организмъ поэта не вынесъ первнаго напряженія, сопровождающаго усиленную творческую дѣятельность. Онъ схватилъ сильнѣйшую болотную лихорадку (malaria). Острая, мучительная болѣзнь едва не свела его въ могилу и надолго оставила слѣды какъ на физическомъ, такъ и на психическомъ состояніи его. Припадки ея сопровождались нервными страданіями, слабостью, упадкомъ духа. Н. П. Боткинъ, бывшій въ то время въ Римѣ и съ братскою любовью ухаживавшій за Гоголемъ, разсказываетъ, что онъ говорилъ ему о какихъ-то видѣніяхъ, посѣщавшихъ его во время болѣзни. „Страхъ смерти", мучившій отца Гоголя въ послѣдніе дни его жизни, передался отчасти и сыну. Гоголь съ раннихъ лѣтъ отличался мнительностью, всегда придавалъ большое значеніе всякому своему нездоровью; болѣзнь мучительная, не сразу поддавшаяся врачебной помощи, показалась ему преддверіемъ смерти или, по крайней мѣрѣ, концомъ дѣятельной, полной жизни. Серьезныя, торжественныя мысли, на которыя наводитъ насъ близость могилы, охватили его и не поки-

дали болѣе до конца жизни. Оправившись отъ физическихъ страданій, онъ опять принялся за работу, но теперь она пріобрѣла для него иное, болѣе важное значеніе. Отчасти подъ вліяніемъ размышленій, навѣянныхъ болѣзнью, отчасти, благодаря статьямъ Бѣлинскаго и разсужденіямъ его московскихъ почитателей, въ немъ выработался болѣе серьезный взглядъ на свои обязанности. какъ писателя, и на свои произведенія. Онъ, чуть не съ дѣтства искавшій поприща, на которомъ можно прославиться и принести пользу другимъ, пытавшійся сдѣлаться и чиновникомъ, и актеромъ, и педагогомъ, и профессоромъ, понялъ наконецъ, что его настоящее призваніе есть литература, что смѣхъ, возбуждаемый его твореніями, имѣетъ подъ собою глубокое воспитывающее значеніе. „Дальнѣйшее продолженіе „Мертвыхъ Душъ“, — говоритъ онъ въ письмѣ къ Аксакову,—выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что сдѣлаю, можетъ быть, современемъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя силы мои. По крайней мѣрѣ, вѣрно немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначущій сюжетъ, котораго первыя невинныя и скромныя главы вы уже знаете“.

Въ то же время религіозность, отличавшая его съ дѣтскихъ лѣтъ, но до сихъ поръ рѣдко проявлявшаяся наружу, стала чаще выражаться въ его письмахъ, въ его разговорахъ, во всемъ его міровоззрѣніи. Подъ ея вліяніемъ онъ сталъ придавать своей литературной работѣ какой-то мистическій характеръ, сталъ смотрѣть на свой талантъ, на свою творческую способность, какъ на даръ, ниспосланный ему Богомъ ради благой цѣли, на свою писательскую дѣятельность, какъ на предопредѣленное свыше призваніе, какъ на долгъ, возложенный на него Провидѣніемъ.

„Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей—писалъ онъ въ началѣ 1841 года, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета“.

Этотъ миститически-торжественный взглядъ на свое произве-

деніе Гоголь высказывалъ пока еще очень немногимъ изъ своихъ знакомыхъ. Для остальныхъ онъ былъ прежнимъ пріятнымъ, хотя нѣсколько молчаливымъ собесѣдникомъ, тонкимъ наблюдателемъ, юмористическимъ разсказчикомъ.

Россія и все русское по прежнему возбуждали въ немъ самый горячій интересъ. Русскихъ, заѣзжавшихъ къ нему въ Римъ, онъ выспрашивалъ о всемъ, что дѣлалось въ Россіи, безъ устали слушалъ разсказы ихъ о всякихъ новостяхъ литературныхъ и нелитературныхъ, о всѣхъ интересныхъ статьяхъ, появлявшихся въ журналахъ, о всѣхъ новыхъ писателяхъ.

При этомъ онъ умѣлъ узнавать не только все, что ему хотѣлось, но и взгляды, мнѣнія, характеръ разсказчика, самъ же оставлялъ при себѣ свои задушевныя мысли и убѣжденія. „Онъ беретъ полною рукою все, что ему нужно, ничего не давая“, — выражался про него его римскій пріятель, граверъ Іорданъ.

Кромѣ Россіи и Рима ничто, повидимому, не интересовало Гоголя. Въ періоды усиленной творческой работы онъ обыкновенно почти ничего не читалъ. „Одна хорошая книга достаточна въ извѣстныя эпохи для наполненія всей жизни человѣка“, — говорилъ онъ и ограничивался тѣмъ, что перечитывалъ Данте, Илліаду въ переводѣ Гнѣдича и стихотворенія Пушкина. Политическая жизнь Европы менѣе чѣмъ когда-нибудь привлекала его вниманіе; о Франціи, какъ родоначальницѣ всякихъ новшествъ, какъ истребительницѣ того, что онъ называлъ: „поэзіей прошлаго“, онъ отзывался чуть не съ ненавистью. Тогдашній Римъ, Римъ папскаго владычества и австрійскаго вліянія, былъ ему по сердцу. Григорій XVI по наружности такой добродушный, такъ ласково улыбавшійся на всѣхъ церемоніальныхъ выходахъ, умѣлъ подавлять всѣ стремленія своихъ подданныхъ пріобщиться къ общей жизни европейскихъ народовъ, къ общему ходу европейской цивилизаціи. Безпокойная струя невидимо просачивалась подъ почвой тогдашняго зданія итальянской жизни, тюрьмы были переполнены не уголовными преступниками, а безпокойными головами, не уживавшимися съ монастырски-полицейскимъ режимомъ, но на поверхности все было гладко, мирно, даже весело. На площадяхъ города

гремѣли великолѣпные оркестры музыки, по улицамъ безпрестанно двигались торжественныя религіозныя процессіи, сопровождаемыя толпами молящихся, библіотеки, музеи, картинныя галлереи гостепріимно открывали двери свои для всѣхъ желающихъ. Художники, артисты, ученые находили здѣсь всѣ средства для занятія своею спеціальностью и тихій, укромный уголокъ, защищенный отъ тѣхъ бурь, отголоски и предвозвѣстники которыхъ нарушали покой остальной Европы.

Поселившись въ сравнительно малолюдной улицѣ Via Felice, въ очень скромно меблированной, но просторной и свѣтлой комнатѣ, Гоголь велъ правильную, однообразную жизнь.

Вставалъ онъ обыкновенно рано и тотчасъ же принимался за работу, выпивая въ промежуткахъ графинъ или два холодной воды. Онъ находилъ, что вода необыкновенно благотворно на него дѣйствуетъ, что только съ помощью ея онъ поддерживаетъ свои силы. Завтракалъ онъ въ какомъ-нибудь кафе чашкой кофе со сливками, потомъ до поздняго обѣда опять работалъ, если не было русскихъ, съ которыми предпринималъ прогулки по Риму и окрестностямъ, а вечера, большею частью, проводилъ въ кругу своихъ пріятелей-художниковъ.

Къ лѣту 1841 года, первый томъ „Мертвыхъ Душъ“ былъ окончательно отдѣланъ и приготовленъ къ печати. Гоголь хотѣлъ самъ руководить его изданіемъ и пріѣхать для этой цѣли въ Россію. По мѣрѣ того какъ подвигалась обработка его произведенія и передъ нимъ выяснялся весь его планъ, онъ все болѣе проникался мыслью о его великомъ значеніи. „Мнѣ тягостно и почти невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами,—писалъ онъ С. Т. Аксакову:—мнѣ нужно спокойствіе и самое счастливое, самое веселое, сколько можно, расположеніе души; меня теперь нужно беречь и лелѣять. Я придумалъ вотъ что: пусть за мною пріѣдутъ Михаилъ Семеновичъ (Щепкинъ) и Константинъ Сергѣевичъ (Аксаковъ). Имъ нужно же: Михаилу Семеновичу—для здоровья, Константину Сергѣевичу—для жатвы, за которую уже пора ему приняться, а милѣе душѣ моей этихъ двухъ, которые бы могли за мною пріѣхать, не могло бы для меня найтиться никого!

Я бы ѣхалъ тогда съ тѣмъ же молодымъ чувствомъ, какъ школьникъ въ каникулярное время ѣдетъ изъ надоѣвшей школы домой подъ родную крышу и вольный воздухъ. Меня теперь нужно лелѣять—не для меня, нѣтъ. Они сдѣлаютъ не безполезное дѣло. Они привезутъ съ собой глиняную вазу. Конечно, эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится, но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище. Стало быть, ее нужно беречь".

IV.

Предвѣстники душевнаго разстройства.

Перемѣны въ душевномъ настроеніи Гоголя по возвращеніи изъ заграницы.—Затрудненія съ первымъ томомъ «Мертвыхъ душъ». —Физическія и нравственныя страданія Гоголя. — Непріятности московской жизни.—Сборы въ Іерусалимъ.—Гоголь приходитъ въ домъ Аксаковыхъ съ образомъ Спасителя въ рукахъ.—Отъѣздъ заграницу.—«Блюстители огней истины».—Любовь и мистицизмъ.— Уединенныя чтенія отцовъ церкви съ А. О. Смирновой—Страсть къ проповѣдничеству въ бесѣдахъ и письмахъ. — Денежныя затрудненія. Трехлѣтняя субсидія отъ императора Николая I.— Трудные роды 2-го тома «Мертвыхъ душъ».—Молитва для испрашиванія вдохновенія у Бога.

Личныя дѣла помѣшали и Щепкину и К. Аксакову исполнить просьбу Гоголя и встрѣтить его на дорогѣ въ Россію. Онъ пріѣхалъ одинъ, сначала на короткое время въ Петербургъ, а затѣмъ въ Москву, гдѣ старые знакомые встрѣтили его съ прежнимъ радушіемъ. С. Т. Аксаковъ нашелъ въ немъ большую перемѣну за послѣдніе полтора года. Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ, тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ. Его веселость и проказливость въ значительной степени изчезли; въ разговорахъ его прорывался порой прежній юморъ, но смѣхъ окружающихъ какъ будто тяготилъ его и быстро заставлялъ перемѣнять тонъ разговора.

Изданіе перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ доставило Гоголю не мало волненій и внутреннихъ страданій. Московскій цензурный

комитетъ не разрѣшилъ печатанья поэмы; его смущало самое заглавіе ея „Мертвыя Души“, когда извѣстно, что душа безсмертна. Гоголь отправилъ рукопись въ петербургскій цензурный комитетъ и долго не зналъ, какая судьба постигнетъ ее, будетъ она пропущена или нѣтъ. Ему пришлось по этому поводу обращаться съ просительными письмами къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ: къ Плетневу, Віельгорскимъ, Уварову, кн. Дондукову-Корсакову, даже черезъ Смирнову посылать прошеніе на Высочайшее имя. Наконецъ, въ февралѣ мѣсяцѣ онъ получилъ извѣстіе, что рукопись разрѣшена къ печатанью. Новая бѣда! Несмотря на его письма и просьбы рукопись не присылали въ Москву и никто не могъ сообщить ему, гдѣ она находится. Зная, какое значеніе онъ придавалъ своему произведенію, можно себѣ представить, какъ волновался Гоголь. Онъ безпрестанно наводилъ справки на почтѣ, обращался съ вопросами ко всѣмъ, кто могъ указать ему, куда дѣвалось его сокровище, считалъ его погибшимъ. Наконецъ, въ первыхъ числахъ апрѣля 1842 г. рукопись была получена. Петербургская цензура не нашла ничего подозрительнаго въ томъ, что смутило московскую, только „Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ“ оказалась сплошь зачеркнутою красными чернилами. Гоголь тотчасъ принялся передѣлывать ее и въ тоже время приступилъ къ печатанью поэмы въ количествѣ 2,500 экземпляровъ.

Всѣ эти тревоги и непріятности болѣзненно отзывались на здоровьѣ Гоголя. Нервы его расшатались, холодъ русской зимы удручалъ его: „Голова моя,—писалъ онъ Плетневу,—страдаетъ всячески: если въ комнатѣ холодно, мои мозговые нервы ноютъ и стынутъ и вы не можете себѣ представить, какую муку чувствую я всякій разъ, когда стараюсь въ то время пересилить себя, взять власть надъ собою и заставить голову работать. Если же комната натоплена, тогда этотъ искусственный жаръ меня душитъ совершенно, малѣйшее напряженіе производитъ въ головѣ такое странное сгущеніе всего, какъ будтобы она хочетъ треснуть“. Въ другомъ письмѣ онъ такъ описываетъ свои болѣзненные припадки: „Болѣзнь моя выражается такими страшными припадками, какихъ никогда со мною еще не было, но страшнѣе всего мнѣ показалось,

когда я почувствовалъ то подступившее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполина, всякое незначительное пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль тяжкую, мучительную печаль, и потомъ слѣдовали обмороки, наконецъ, совершенно сомнамбулистическое состояніе.

С. Т. Аксаковъ разсказываетъ, что при одномъ изъ такихъ обмороковъ Гоголю очень долго пришлось пролежать безъ всякой помощи, одному въ своей комнатѣ, въ мезонинѣ квартиры Погодина.

Въ письмахъ къ знакомымъ Гоголь жаловался исключительно на физическія страданія, но кромѣ нихъ не мало и нравственныхъ непріятностей отравляли его жизнь въ Москвѣ. Съ Погодинымъ и въ особенности съ семьею Аксаковыхъ его связывали личныя отношенія дружбы и благодарности, но онъ не могъ всецѣло раздѣлять ихъ теоретическихъ воззрѣній. Вліяніе петербургскихъ литературныхъ круговъ, въ которыхъ онъ провелъ молодость, продолжавшіяся связи съ Плетневымъ и Жуковскимъ, наконецъ, долгая жизнь за-границей,—все мѣшало этому. Славянофилы считали его вполнѣ своимъ, и онъ дѣйствительно сходился съ ними во многомъ, но ихъ исключительность была чужда ему. Въ то время, какъ они считали Бѣлинскаго злѣйшимъ врагомъ своимъ—и даже добродушный Сергѣй Тимофѣевичъ Аксаковъ выходилъ изъ себя, говоря о немъ,—Гоголь видѣлся съ нимъ въ одномъ знакомомъ домѣ и поручилъ ему доставку „Мертвыхъ Душъ" въ Петербургъ. Выяснить друзьямъ прямо и откровенно свое отношеніе къ ихъ партіи, показать имъ до которыхъ поръ онъ идетъ съ ними—Гоголь не могъ, какъ вслѣдствіе природной уклончивости своего характера, такъ и потому, что тѣ философскія теоріи, которыми они волновались, тѣ выводы, которые они дѣлали изъ этихъ теорій, далеко не ясно представлялись уму его, да онъ и не пытался разбираться въ нихъ. Мистическое настроеніе, охватившее его во время болѣзни въ Римѣ, развивалось все сильнѣе и сильнѣе; мысль его устремлялась къ небу, къ средствамъ достигнуть небеснаго блаженства, а земные споры о различныхъ фило-

софскихъ и общественныхъ вопросахъ казались ему ничтожными, не стоющими большого вниманія. Друзья не подозрѣвали того процесса, который происходилъ въ душѣ его, но часто замѣчали его скрытность, неискренность; это огорчало и возмущало ихъ. Особенно обострились отношенія Гоголя съ Погодинымъ, въ домѣ котораго онъ жилъ.

Погодинъ оказалъ много услугъ Гоголю, ссужалъ его деньгами, хлопоталъ по его дѣламъ, предлагалъ въ своемъ домѣ щедрое гостопріимство ему и всей его семьѣ и въ силу этого считалъ себя вправѣ предъявлять ему извѣстныя требовнія. Журналъ его „Москвитянинъ" шелъ плохо: вялыя статьи его наводили уныніе на читателей, подписчиковъ было мало,—ему во что-бы то ни стало хотѣлось привлечь къ сотрудничеству Гоголя и именемъ талантливаго популярнаго писателя поправить свои литературныя дѣла. Напрасно Гоголь увѣрялъ его, что не имѣетъ ничего готоваго, что не въ состояніи въ данное время писать, онъ не допускалъ въ жизни автора такихъ періодовъ, когда ему „не творится" и безпрестанно мучилъ Гоголя, требуя у него статей въ свой журналъ, причемъ грубо упрекалъ его въ неблагодарности. Легко понять, какъ болѣзненно дѣйствовали на нервную, впечатлительную натуру Гоголя подобные требованія и упреки! Ему не хотѣлось ни открыто поссориться съ Пагодинымъ, уѣхавъ изъ его дома, ни даже разсказывать другимъ о его неделикатныхъ поступкахъ. Онъ молчалъ, но втайнѣ мучился и раздражался. Знакомые, не понимавшіе настоящей причины этой раздражительности, слышавшіе постоянныя жалобы Погодина на дурной характеръ Гоголя, обвиняли его въ неуживчивости, въ сварливости.

Непріятности московской жизни заставили Гоголя отказаться отъ своего первоначальнаго предположенія „пожить подольше въ Россіи, узнать тѣ ея стороны, которыя были не такъ коротко знакомы ему" и онъ сталъ снова собираться въ путь. Друзья и знакомые упрашивали его остаться, засыпали его вопросами, куда именно онъ ѣдетъ, на долго-ли, скоро ли вернется, но эти просьбы и вопросы были видимо непріятны ему, онъ отвѣчалъ на нихъ уклончиво, неопредѣленно. Одинъ разъ онъ очень удивилъ Акса-

ковыхъ явившись къ нимъ съ образомъ Спасителя въ рукахъ и съ необыкновенно радостнымъ, сіяющимъ лицомъ. „Я все ждалъ, — сказалъ онъ,—что кто-нибудь благословитъ меня образомъ; но никто не сдѣлалъ этого. Наконецъ, Иннокентій благословилъ меня, и теперь я могу объявить, куда я ѣду: я ѣду ко гробу Господню".

Гоголь провожалъ преосвященнаго Иннокентія, отъѣзжавшаго изъ Москвы и тотъ на прощанье благословилъ его образомъ, а онъ увидѣлъ въ этомъ указаніе свыше, божеское одобреніе предпріятія, о которомъ онъ мечталъ въ глубинѣ души, никому не говоря ни слова.

Неожиданное намѣреніе Гоголя возбудило сильнѣйшее недоумѣніе и любопытство, вызвало массу толковъ и пересудъ въ московскихъ кружкахъ: его считали чѣмъ то страннымъ, нелѣпымъ, едва ли не безумнымъ. Гоголь никому не объяснялъ тѣхъ нравственныхъ побужденій, въ силу которыхъ явилось у него это намѣреніе и вообще избѣгалъ всякихъ разговоровъ о предполагаемомъ путешествіи, особенно съ людьми, не раздѣлявшими его религіознаго настроенія.

По мѣрѣ того, какъ печатанье „Мертвыхъ Душъ" благополучно приближалось къ концу, а погода становилась теплѣе, здоровье Гоголя поправлялось и расположеніе духа его прояснялось. 9 мая онъ отпраздновалъ свои именины большимъ обѣдомъ въ саду у Погодина, и на этомъ обѣдѣ друзья опять увидѣли его веселымъ, разговорчивымъ, оживленнымъ. Тѣмъ не менѣе, какъ только первый томъ „Мертвыхъ Душъ" вышелъ изъ печати въ концѣ мая мѣсяца, Гоголь уѣхалъ изъ Москвы. Въ іюнѣ онъ былъ въ Петербургѣ, но и оттуда торопился уѣхать. Сначала онъ предполагалъ одновременно съ первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ" издать полное собраніе своихъ сочиненій и самъ слѣдить за ихъ печатаніемъ. Теперь ему показалось, что это слишкомъ задержитъ его въ Россіи, онъ поручилъ изданіе своему пріятелю Прокоповичу и въ маѣ мѣсяцѣ уѣхалъ за-границу, не дождавшись даже отзывовъ печати о своемъ новомъ произведеніи. А между тѣмъ, отзывы эти были такого рода, что могли бы заставить его позабыть многія непріятности послѣдняго года.

Всѣ три литературные лагеря, начинавшіе дѣлить господство надъ общественнымъ мнѣніямъ, встрѣтили книгу его съ восторженнымъ сочувствіемъ. Плетневъ помѣстилъ очень обстоятельную и хвалебную статью о ней въ своемъ „Современники"; Константинъ Аксаковъ въ своей брошюрѣ сравнивалъ Гоголя съ Гомеромъ; для Бѣлинскаго и его круга „Мертвыя Души" были знаменительнымъ явленіемъ, утверждавшимъ въ литературѣ новую эпоху.

Къ сожалѣнію, Гоголь совсѣмъ не понималъ того значенія, какое пріобрѣтала въ это время русская литература, русская журналистика, какъ руководительница общественнаго мнѣнія и общественнаго сознанія. Чуждый тѣхъ глубокихъ принципіальныхъ вопросовъ, которые производили расколъ въ передовыхъ умахъ его времени, онъ принималъ страстный политическій задоръ представителей разныхъ литературныхъ партій за личное раздраженіе и негодовалъ на него. Вотъ что онъ писалъ Шевыреву вскорѣ по отъѣздѣ за-границу: „.... въ душевномъ состояніи твоемъ кромѣ другого слышна между прочимъ грусть—грусть человѣка, взглянувшаго на положеніе журнальной литературы. На это я тебѣ скажу вотъ что: это чувство непріятно и мнѣ оно вполнѣ знакомо. Но является оно тогда, когда приглядываешься болѣе чѣмъ слѣдуетъ къ этому кругу. Это зло представляется тогда огромнымъ и какъ бы обнимающимъ всю область литературы, но какъ только выберешься хотя на мигъ изъ этого круга и войдешь на мгновеніе въ себя,—увидишь, что это такой ничтожный уголокъ, что о немъ даже и помышлять не слѣдуетъ. Вблизи, когда побудешь съ ними, мало-ли чего не вообразится? покажется даже, что это вліяніе страшно для будущаго, для юности, для воспитанія; а какъ взглянешь съ мѣста повыше,—увидишь, что все это на минуту, все подъ вліяніемъ моды. Оглянешься, уже на мѣсто одного—другое; сегодня гегелисты, завтра шеллингисты, потомъ опять какіе-нибудь исты. Что-же дѣлать? Уже таково стремленіе общества быть какими-нибудь истами. Человѣчество бѣжитъ опрометью, никто не стоитъ на мѣстѣ; пусть его бѣжитъ, такъ нужно. Но горе тѣмъ, которые поставлены стоять недвижно у огней истины, если они увлекутся общимъ движеніемъ, хотя бы даже съ тѣмъ, чтобы

образумить тѣхъ, которые мчатся. Хороводъ этотъ кружится, кружится и наконецъ можетъ вдругъ обратиться на мѣсто, гдѣ огни истины. Что-жъ, если онъ не найдетъ на своихъ мѣстахъ блюстителей и если увидятъ, что святые огни пылаютъ неполнымъ свѣтомъ? Не опроверженіемъ минутнаго, а утвержденіемъ вѣчнаго должны заниматься многіе, которымъ Богъ далъ не общіе всѣмъ дары. Человѣку, рожденному съ силами большими, слѣдуетъ, прежде чѣмъ сразиться съ міромъ, глубоко воспитать себя. Если же онъ будетъ живо принимать къ себѣ все что современно, онъ выйдетъ изъ состоянія душевнаго спокойствія, безъ котораго невозможно наше воспитаніе".—„И такъ, мнѣ кажется, современная журнальная литература должна производить въ разумныхъ скорѣе равнодушіе къ ней, чѣмъ какое-либо сердечное огорченіе. Это просто плошка, которая не только что подъ часъ плохо горитъ, но даже еще и воняетъ".

Однимъ изъ блюстителей священнаго огня истины Гоголь очевидно считалъ и себя. Онъ отправлялся въ уединеніе, чтобы тамъ въ тишинѣ продолжать трудъ, который считалъ своимъ призваніемъ. Едва доѣхавъ до Гаштейна, гдѣ онъ проводилъ конецъ лѣта съ больнымъ Языковымъ, онъ уже писалъ Аксакову, прося прислать ему какихъ-либо статистическихъ сочиненій о Россіи и реестръ всѣхъ сенатскихъ дѣлъ за истекшій годъ. Они очевидно нужны были ему для правдиваго изображенія разныхъ подробностей въ жизни его героевъ. За послѣдующее время Гоголь не разъ обращался ко многимъ лицамъ съ просьбами подобнаго же рода: ему хотѣлось знать, какіе доходы приносятъ разныя имѣнія, чѣмъ землевладѣльцы могутъ быть полезны окружающимъ, насколько уѣздный судья въ своей должности можетъ приносить пользы или вреда и т. под. Хотя онъ говорилъ: „Въ самой природѣ моей замѣчена способность только тогда представлять себѣ живо міръ, когда я удаляюсь отъ него. Вотъ почему о Россіи я могу писать только въ Римѣ. Только тамъ она представляется мнѣ вся, во всей своей громадѣ", но очевидно невозможность наблюдать явленія, ложившіяся въ основу его произведенія, давала себя чувствовать.

Окончаніе „Мертвыхъ Душъ“ связывалось въ душѣ его съ предполагаемымъ путешествіемъ въ Іерусалимъ. Онъ находилъ, что можетъ предпринять этотъ путь только по совершенномъ окончаніи своего труда, что это окончаніе такъ-же необходимо ему передъ путешествіемъ, „какъ душевная исповѣдь передъ святымъ причащеніемъ“. Онъ мечталъ значительно расширить рамки своего произведенія, кромѣ второго тома написать еще третій, создать нѣчто важное и великое о чемъ первый томъ не даетъ и понятія.

„Это больше ничего какъ крыльцо къ моему дворцу, который во мнѣ строится“,—писалъ онъ Плетневу.

„Мертвыя Души“ должны были представить типы не только отрицательные, но и положительные; яркое изображеніе людской пошлости и низости казалось автору не достаточно поучительнымъ; ему хотѣлось кромѣ того дать образцы, которые показали бы людямъ, какимъ путемъ могутъ и должны они достигать нравственнаго совершенства. Задавшись такими дидактическими цѣлями, Гоголь не могъ уже писать подъ вліяніемъ непосредственнаго творчества. Ему прежде всего надобно было разрѣшить вопросъ, въ чемъ состоитъ то нравственное совершенство, къ которому онъ намѣренъ вести своихъ читателей, и отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ, какъ человѣкъ религіозный, искалъ въ евангеліи и въ писаніяхъ св. отцовъ церкви. Затѣмъ у него естественно являлось сомнѣніе, можетъ ли человѣкъ порочный, грѣховный вести другихъ по пути добродѣтели, и сильное желаніе самому очиститься отъ грѣха, поднять нравственно самого себя.

* * *

Гоголь писалъ Щепкину о постановкѣ на театръ своихъ пьесъ, переработывалъ нѣкоторыя сцены „Ревизора“, отдѣлывалъ окончательно „Женитьбу“ и „Игроковъ“, шутилъ въ письмахъ къ пріятелямъ, велъ съ Плетневымъ и Прокоповичемъ дѣловую переписку по поводу изданія „Мертвыхъ Душъ“ и полнаго собранія своихъ сочиненій; никто изъ этихъ корреспондентовъ не подозрѣвалъ того процесса, который совершался въ душѣ его; о немъ онъ

намекалъ только немногимъ близкимъ: матери, сестрамъ, С. Т. Аксакову, поэту Языкову и нѣкоторымъ другимъ; вполнѣ же откровенно высказывался онъ почти исключительно въ письмахъ и разговорахъ съ А. О. Смирновой.

Въ Москвѣ ходили разные слухи о любви Гоголя къ Александрѣ Осиповнѣ, и московскіе знакомые боялись, какъ бы эта любовь не погубила поэта. Можетъ быть любовь и дѣйствительно существовала, но Гоголь старался придать ей чисто духовный характеръ, превратить ее въ „любовь душъ". Смирнова переживала именно въ это время мучительный душевный кризисъ. Съ раннихъ лѣтъ она блистала въ свѣтскихъ гостиныхъ, видѣла у ногъ своихъ толпы поклонниковъ, увлекала и сама увлекалась. Но мало по малу, какъ женщина умная, она поняла пустоту окружающей жизни; салонные разговоры, легкія побѣды надъ мужчинами перестали занимать ее. Серьезнаго интереса къ чему бы то ни было она не испытывала, семейная жизнь не удовлетворяла ее, мужъ ея, Н. М. Смирновъ, былъ добрый, честный человѣкъ, но не обладалъ ни блестящимъ умомъ, ни выдающимися дарованіями; онъ не понималъ безпокойныхъ порывовъ жены; она не могла раздѣлять его слишкомъ „матерьяльныхъ" вкусовъ и мучилась, не находя себѣ опоры въ жизни. Въ этомъ душевномъ настроеніи она попробовала обратиться къ религіи и въ ней искать утѣшенія. Зиму 1843 года она провела въ Римѣ, гдѣ жилъ и Гоголь. Онъ открывалъ передъ ней всѣ чудеса искусства вѣчнаго города, онъ заставлялъ ее любоваться древними развалинами и новыми произведеніями живописи и скульптуры, съ ней онъ снова обошелъ всѣ свои любимыя церкви и каждую прогулку по Риму кончалъ непремѣнно соборомъ Св. Петра, на который, по его мнѣнію, нельзя было довольно наглядѣться. При томъ душевномъ настроеніи, въ какомъ находилась Александра Осиповна, она не всегда могла раздѣлять его увлеченіе міромъ искусства, ея мысли заняты были другимъ. Въ Римѣ она вошла въ кружокъ З. Волконской, князя Гагарина и другихъ русскихъ аристократовъ, ревностныхъ католиковъ. Внѣшняя сторона католичества имѣла много привлекательнаго для артистической натуры Александры Осиповны; но Гоголь, глубже понимавшій религію,

удерживалъ ее отъ этого увлеченія и старался направить вниманіе ея главнымъ образомъ къ общимъ основамъ христіанскаго ученія. Эти разговоры, жалобы Смирновой на неудовлетворенность жизнью, религіозныя утѣшенія, которыя предлагалъ ей Гоголь, съ одной стороны скрѣпляли болѣе и болѣе ихъ дружбу, съ другой—заставляли Гоголя все чаще и чаще уходить мыслью отъ всего земного въ область духовно-нравственныхъ вопросовъ. Онъ не оставлялъ работы надъ „Мертвыми Душами", но теперь на первомъ планѣ стояли для него личное усовершенствованіе, и онъ все строже и строже относился какъ къ самому себѣ, такъ и къ своей работѣ, „Чѣмъ болѣе торопимъ себя, тѣмъ менѣе подвигаемъ дѣло",—писалъ онъ.—„Да и трудно это сдѣлать, когда внутри тебя заключился твой неутомимый судья, строго требующій отчета во всемъ и поворачивающій всякій разъ назадъ при необдуманномъ стремленіи впередъ".—„Я знаю, что послѣ буду творить полнѣе и даже быстрѣе: но до этого еще не скоро мнѣ достигнуть. Сочиненія мои, такъ сказать, связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самаго, и такое мнѣ нужно до того времени внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій".

Религіозное настроеніе и Гоголя, и Смирновой особенно развилось послѣ зимы 1843—44 г., проведенной ими въ Ниццѣ. Тамъ въ это время была цѣлая колонія русскихъ аристократовъ. Александра Осиповна не пренебрегала своими свѣтскими обязанностями, посѣщала общество, была однимъ изъ украшеній гостинной Великой Княгини Марьи Николаевны; Гоголь писалъ, гулялъ на берегу моря, читалъ небольшому кружку знакомыхъ „Тараса Бульбу", часто оживлялъ общество веселыми, остроумными разговорами; но все это было только внѣшняя сторона ихъ жизни, главная же суть ея состояла въ другомъ. Оставаясь наединѣ, они читали сочиненія св. отцовъ церкви, вели безконечные разговоры о разныхъ душевно-нравственныхъ вопросахъ, взаимно поддерживали другъ въ другѣ религіозное настроеніе. На Смирнову часто находили минуты безотчетной тоски, мучительнаго недовольства жизнью. Чтобы успокоить ее, Гоголь совѣтывалъ ей заучивать наизусть псалмы

и внимательно слѣдилъ за исполненіемъ этого совѣта. Каждое послѣ обѣда должна была она отвѣчать ему заданный имъ отрывокъ одного изъ псалмовъ, и если она запиналась на какомъ-нибудь словѣ, онъ говорилъ: „не твердо" и отсрочивалъ урокъ до слѣдующаго дня. Свидѣтельницами и до нѣкоторой степени участницами этой интимной жизни Гоголя и Смирновой были Віельгорскія, проводнвшія эту зиму также въ Ниццѣ. Послѣ смерти Іосифа Віельегорскаго вся его семья относилась къ Гоголю самымъ дружелюбнымъ образомъ. Отецъ его, гофмейстеръ графъ Михаилъ Юрьевичъ, принималъ дѣятельное участіе въ судьбѣ Гоголя и не разъ оказывалъ ему услуги своимъ вліяніемъ при дворѣ; мать и сестры смотрѣли на него, какъ на роднаго. Семейство Віельгорскихъ всегда отличалось набожностью и стремленіемъ къ мистицизму. Михаилъ Юрьевичъ былъ въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра Павловича однимъ изъ извѣстныхъ массоновъ, а жена его—ревностная католичка. Луиза Карловна и ея двѣ дочери, изъ которыхъ старшая была замужемъ за извѣстнымъ писателемъ гр. Салогубомъ, окружали Гоголя атмосферой искренней дружбы и довѣрія. Благодаря своей способности наблюдать тайныя движенія души, „угадывать" людей, онъ скоро сталъ повѣреннымъ и матери, и дочерой. Онѣ говорили съ нимъ о всѣхъ непріятностяхъ, совѣтывались о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ. Одна изъ дочерей повѣряла ему невзгоды своей супружеской жизни, другую онъ руководилъ въ выборѣ книгъ для чтенія и въ распредѣленіи занятій. Среди всѣхъ этихъ женщинъ Гоголь игралъ роль друга, совѣтника, проповѣдника.

„Да благословитъ васъ Богъ,—писала ему нѣсколько позднѣе Смирнова,—вы, любезный другъ, выискали мою душу, вы ей показали путь, этотъ путь такъ разъукрасили, что другимъ идти не хочется. На немъ ростутъ прекрасныя розы благоуханныя, сладко душу успокаивающія. Если бы мы всѣ хорошо вполнѣ понимали, что душа сокровище, мы бы берегли ее больше глазъ, больше жизни, но не всякому дано почувствовать это самому и не всякій такъ счастливо нападаетъ на друга, какъ я".

Стремленіе приносить пользу, жившее съ самаго дѣтства въ

Гоголѣ, находило такимъ образомъ очевидное осязательное удовлетвореніе: онъ видѣлъ, что его совѣты, его поученія и наставленія ободряютъ, укрѣпляютъ, заставляютъ людей серьезнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ, разумнѣе устраивать жизнь. Онъ сталъ распространять свою учительскую дѣятельность на болѣе широкій кругъ лицъ: мать, сестры, а вслѣдъ за тѣмъ и многіе знакомые (Аксаковы, Языковъ, Анненковъ, Перовскій, Данилевскій, Погодинъ, даже Жуковскій) получали отъ него письма, удивлявшія ихъ своимъ проповѣдническимъ тономъ, своею претензіей заглядывать въ душу, руководить чужія мысли и чувства.

Въ томъ душевномъ настроеніи, въ какомъ находился въ то время Гоголь, всякія чисто матерьяльныя заботы были ему особенно тяжелы. Онъ велъ самый умѣренный, простой образъ жизни, нанималъ недорогія квартиры, не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ; на одно только приходилось ему тратить много—на путешествія. Послѣ 1842 г. онъ безпрестанно мѣнялъ мѣстожительства: онъ жилъ по нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ, въ Ниццѣ, во Франкфуртѣ, въ Парижѣ, въ Дюссельдорфѣ, лечился водами въ разныхъ нѣмецкихъ курортахъ, пользовался морскими купаньями въ Остенде. Эти переѣзды съ мѣста на мѣсто вызывались главнымъ образомъ слабостью его здоровья. Нѣсколько разъ повторялись съ нимъ тѣ болѣзненные припадки, на которые онъ такъ горько жаловался въ Москвѣ; ему приходилось то искать успокоенія для нервовъ въ тиши римской Via Felice, то убѣгать отъ удушливаго итальянскаго зноя, то, по совѣту врачей, укрѣплять себя купаньями. Путешествіе, по его собственному убѣжденію, самымъ благотворнымъ образомъ дѣйствовало на его организмъ и онъ прибѣгалъ къ нему всякій разъ, когда чувствовалъ себя очень дурно. А между тѣмъ въ то время, когда желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ не существовало, путешествія эти обходились очень дорого. Денежныя дѣла Гоголя находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Часть выручки за первый томъ „Мертвыхъ Душъ“ шла на уплату прежде сдѣланныхъ долговъ, изданіе полнаго собранія его сочиненій встрѣчало разныя задержки. Прокоповичъ отчасти по неопытности, отчасти сбитый разнорѣ-

чивыми указаніями, какія давалъ ему по этому поводу Гоголь въ своихъ письмахъ, повелъ дѣло не практично. Явились разныя проволочки, препятствія, непріятныя объясненія. Печатанье стоило страшно дорого, да кромѣ того типографія напечатала больше указаннаго числа экземпляровъ и продавала котрафакцію въ свою пользу со значительной уступкой. Все это сильно волновало Гоголя: ему хотѣлось бы отрѣшиться отъ всякихъ мірскихъ заботъ, не отрываться отъ мысли о спасеніи души своей и о свершеніи подвига, назначеннаго ему самимъ Богомъ, о созданіи великаго литературнаго произведенія, а между тѣмъ денежные разсчеты и связанныя съ ними дрязги постоянно отклоняли его въ сторону. Не зная, какъ помочь себѣ, онъ обратился къ своимъ московскимъ пріятелямъ—Шевыреву, Погодину и Аксакову—съ довольно странною просьбою: взять въ свои руки всѣ дѣла его по изданіямъ, получать за него всѣ причитающіяся ему деньли, а ему взамѣнъ того въ теченіе трехъ лѣтъ высылать по 6000 р. ассигн. въ годъ. Этой суммы было, по его разсчету, совершенно достаточно для обезпеченыя ему спокойнаго, безбѣднаго существованія, которое дастъ ему возможность и укрѣпить здоровье, и окончить „Мертвыя Души“. Ни одинъ изъ корреспондентовъ его не согласился взять на себя подобнаго рода обязательство, и Гоголю пришлось опять прибѣгать къ займамъ, чтобы какъ-нибудь свести концы съ концами.

Не смотря на всѣ свои денежныя затрудненія или, можетъ быть, именно потому, что они слишкомъ мучили его, слишкомъ часто мѣшали ему заниматься „душой и дѣломъ душевнымъ“, онъ рѣшилъ часть денегъ, выручаемыхъ отъ продажи его сочиненій—этихъ „выстраданныхъ“, какъ онъ ихъ называлъ денегъ,—употребить на помощь ближнимъ. Въ концѣ 1844-аго года онъ написалъ Плетневу въ Петербургъ и Аксакову въ Москву, прося ихъ, чтобы они больше не пересылали ему деньги, получаемыя отъ книгопродавцевъ за полное собраніе его сочиненій, а сохраняли ихъ и изъ нихъ выдавали пособія наиболѣе талантливымъ студентамъ университета, тщательно скрывая при этомъ, отъ кого именно идетъ пособіе. Эта просьба крайне удивила знакомыхъ Гоголя. Они находили нелѣпою

такую филантропическую затѣю со стороны человѣка, который самъ постоянно нуждался. Смирнова, бывшая въ то время въ Петербургѣ, написала ему по этому поводу рѣзкое письмо, напоминая, что у него на рукахъ мало обезпеченная мать и сестры, что и самъ онъ не имѣетъ права морить себя голодомъ или жить въ долгъ, отдавая чужимъ свои деньги. Гоголь былъ обиженъ тѣмъ несочувствіемъ, какое встрѣтило его желаніе среди знакомыхъ, но скоро факты ясно убѣдили его въ непрактичности и даже неудобоисполнимости этого желанія. Изданіе его сочиненій распродавалось очень туго, печатанье стоило дорого, получаемыхъ денегъ едва хватало ему на жизнь, а между тѣмъ дѣла по имѣнію его матери часто запутывались, не смотря на всю ея хлопотливую дѣятельность и, чтобы спасти Васильевку отъ продажи за невзносъ процентовъ въ Опекунскій Совѣтъ, необходимо было время отъ времени посылать ей небольшія суммы.

„Вамъ бы надо было о немъ позаботиться у Царя и Царицы— писалъ Жуковскій Смирновой:—ему необходимо надо имѣть что-нибудь вѣрное въ годъ. Сочиненія ему мало даютъ, и онъ въ безпрестанной зависимости отъ завтрашняго дня. Подумайте объ этомъ: вы лучше другихъ можете характеризовать Гоголя съ настоящей, лучшей стороны“. Смирнова охотно взялась похлопотать за своего друга, и дѣйствительно Императоръ Николай Павловичъ назначилъ Гоголю по 1,000 р. сер. въ годъ на три года.

Тотъ срокъ, черезъ который Гоголь обѣщалъ вернуться въ Москву съ готовымъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“, прошелъ, а никто не зналъ, въ какомъ положеніи находится его работа. На любопытные вопросы пріятелей, онъ или молчалъ или отвѣчалъ съ неудовольствіемъ, что „Мертвыя Души“ не блинъ, который можно спечь, когда захотѣлъ“. Очевидно трудъ подвигался впередъ медленно и это раздражало его самого. Можетъ быть, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, можетъ быть вслѣдствіе нервнаго напряженія, съ которымъ онъ поддерживалъ и развивалъ въ себѣ религіозное настроеніе—но его непосредственное творчество, въ прежніе годы создававшее яркіе образы на канвѣ какого-нибудь случайно услышаннаго происшествія, теперь рѣдко посѣщало его. А между тѣмъ

онъ не могъ оставить трудъ, который считалъ своимъ священнымъ долгомъ, своимъ подвигомъ на благо человѣчества, и онъ писалъ, недовольный собою, безпрестанно уничтожая, передѣлывая написанное. Чтобы понять, съ какимъ трудомъ и какимъ путемъ давалось ему теперь то, что прежде являлось совсѣмъ легко, само собой, стоитъ прочесть письмо, въ которомъ онъ совѣтуетъ Языкову молитвой испрашивать себѣ у Бога вдохновенія: „Нужно, чтобы эта молитва была отъ всѣхъ силъ души нашей. Если такое постоянное напряженіе хотя на двѣ минуты въ день соблюсти въ продолженіи одной или двухъ недѣль, то увидишь ея дѣйствіе непремѣнно. Къ концу этого времени въ молитвѣ окажутся прибавленія. Вотъ какія произойдутъ чудеса. Въ первый день еще ни ядра мысли нѣтъ въ головѣ твоей; ты просишь просто вдохновенія. На другой или на третій день ты будешь говорить просто: „Дай произвести мнѣ въ *такомъ-то* духѣ. Потомъ на четвертый или пятый: *съ такою-то силой*. Потомъ скажутся въ душѣ вопросы: „Какое впечатлѣніе могутъ произвести задумываемыя творенія и къ чему могутъ послужить?“ И за вопросами въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ прямо отъ Бога. Красота этихъ отвѣтовъ будетъ такова, что весь составъ уже самъ собою превратится въ восторгъ и къ концу какой-нибудь недѣли увидишь, что уже все получилось, что нужно: и предметъ, и значеніе его, и сила, и глубокій внутренній смыслъ, словомъ—все; стоитъ только взять въ руки перо *да и писать*“.

V.

Неожиданное крушеніе.

Гоголь пишетъ «Размышленія о божественной литургіи». — Онъ сжигаетъ рукопись 2-го тома «Мертвыхъ душъ». «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». — Буря, вызванная этой книгой.— Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу его переписки съ друзьями. — Дѣйствіе, произведенное на Гоголя всѣмъ этимъ погромомъ.—Путешествіе ко св. мѣстамъ.

1845-ый годъ былъ очень тяжелъ для Гоголя. Въ концѣ 1844-го года онъ, живя во Франкфуртѣ, почувствовалъ приступы болѣзни и, по своему обыкновенію лечиться путешествіемъ, отправился въ Парижъ. Тамъ ему первое время стало какъ будто лучше. Онъ жилъ въ тѣсномъ кругу своихъ друзей Віельегорскихъ и графа А. П. Толстого, каждый день ходилъ къ обѣднѣ въ русскую церковь, изучалъ чинъ литургіи съ помощью одного знатока греческаго языка, отставного учителя Бѣляева, и писалъ: „Размышленія о божественной литургіи". Но съ февраля болѣзненные припадки его усилились и онъ опять уѣхалъ во Франкфуртъ. Къ физическимъ страданіямъ присоединялась тоска, ипохондрія. „Душа изнываетъ вся отъ страшной хандры, которую приноситъ болѣзнь,—жалуется онъ въ письмѣ къ Смирновой,—и ни души не было около меня въ продолженіе самыхъ трудныхъ минутъ, тогда какъ всякая душа человѣческая была бы подаркомъ". — „Болѣзненныя состоянія до такой степени были невыносимы,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,— что повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое

то лекарство и облегченіе". Страхъ смерти снова овладѣвалъ имъ. Онъ чувствовалъ, мучительно чувствовалъ, что жизнь уходитъ отъ него, что онъ умираетъ, умираетъ ничего не сдѣлавъ великаго, полезнаго! Въ послѣдніе годы онъ, по мѣрѣ развитія религіознаго чувства, все болѣе и болѣе отрицательно относился къ своимъ литературнымъ произведеніямъ. Въ письмахъ къ Смирновой онъ высказывалъ желаніе, чтобы всѣ экземпляры его сочиненій сгорѣли; онъ говорилъ, что натворилъ въ нихъ много глупостей, что не любитъ ихъ, особенно перваго тома „Мертвыхъ Душъ". Всѣ они писались подъ наитіемъ непосредственнаго творчества, безъ серьёзно задуманной цѣли поучать. Передъ нимъ лежалъ почти готовый, хотя еще въ рукописи, второй томъ „Мертвыхъ Душъ", каждая строка, каждый характеръ котораго были строго обдуманы, вымолены у Бога, но и онъ не удовлетворялъ автора, готовившагося предстать на судъ Божій и отдать отчетъ въ употребленіи таланта, полученнаго отъ Бога. Съ тоскою, съ болью въ сердцѣ, сжегъ онъ рукопись, принесъ ее въ жертву Богу и вдругъ, какъ только сгорѣла рукопись, новое содержаніе ея представилось уму его „въ очищенномъ, свѣтломъ видѣ подобно фениксу изъ костра". Ему казалось, что теперь наконецъ онъ знаетъ какъ слѣдуетъ писать, чтобы „устремить все общество къ прекрасному". А между тѣмъ болѣзненные припадки продолжались, слабость, зябкость во всѣхъ членахъ, мучительная тоска не давала приняться за работу...

Во время одного изъ такихъ болѣзненныхъ припадковъ, ему пришло въ голову, что кромѣ печатныхъ сочиненій, польза которыхъ казалась ему болѣе чѣмъ сомнительной, онъ писалъ еще письма и нѣкоторыя изъ нихъ имѣли несомнѣнно благотворное дѣйствіе на тѣхъ, кому были адресованы. Что если собрать, издать ихъ для всеобщаго назиданія? Благотворное вліяніе ихъ распространится на сотни, на тысячи, на всю массу читающаго люда... При томъ мистическомъ настроеніи, въ какомъ находился въ то время Гоголь, онъ принялъ эту мысль за внушеніе свыше. Какъ только силы позволили ему, онъ немедленно принялся за приведеніе ея въ исполненіе: онъ потребовалъ отъ знакомыхъ тѣ письма, которыя считалъ наиболѣе подходящими къ своей цѣли, нѣкоторыя изъ нихъ

передѣлывалъ, обработывалъ, нѣкоторыя ранѣе написанныя статьи. Какое значеніе придавалъ онъ своему труду, видно изъ переписки его съ Плетневымъ по поводу его изданія въ свѣтъ: „Наконецъ моя просьба! — пишетъ онъ, посылая ему первую тетрадь: „Ее ты долженъ выполнить, какъ наивѣрнѣйшій другъ выполняетъ просьбу своего друга. Всѣ свои дѣла въ сторону и займись печатаньемъ этой книги подъ названіемъ: *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.* Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ; вотъ что покамѣсть могу сказать, все прочее объяснитъ тебѣ сама книга".

Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Ради Бога, употреби всѣ силы и мѣры къ скорѣйшему отпечатанью книги, это нужно, нужно и для меня, и для другихъ; словомъ, нужно для общаго добра".

Назначая цѣну книги, онъ находитъ, что ее можно сдѣлать подороже, „соображая то, что ее будутъ болѣе покупать люди богатые и достаточные, а бѣдные получатъ даромъ отъ ихъ великодушныхъ раздачъ". Гоголь даетъ подробныя указанія, на какой бумагѣ должна печататься книга, какимъ шрифтомъ въ какомъ форматѣ, чтобы внѣшность ея была проста и какъ можно болѣе удобна для чтенія; онъ подробно перечисляетъ, кому слѣдуетъ послать даровые экземпляры ея, начиная со всѣхъ лицъ царствующаго дома; очень боится, какъ бы цензура не испортила его произведенія; хочетъ, чтобы въ случаѣ надобности Смирнова представила книгу на усмотрѣніе Государя, который несомнѣнно найдетъ, что это дѣло вполнѣ полезное, требующее поддержки и поощренія. Онъ былъ убѣжденъ, что его книга встрѣтитъ общее сочувствіе, что она разсѣетъ недоумѣніе и разные нелестные слухи, ходившіе о немъ въ литературныхъ кругахъ вслѣдствіе страннаго мистико-учительскаго тона нѣкоторыхъ его писемъ, что она создастъ ему настоящую, прочную славу, что она явится тѣмъ общеполезнымъ дѣломъ, о которомъ онъ постоянно мечталъ.

Между тѣмъ какъ Гоголь, вдали отъ Россіи, ставилъ на первый планъ свое собственное нравственное усовершенствованіе и, собираясь выступить въ роли моралиста-проповѣдника отрица-

тельно относился ко всѣмъ своимъ предшествовавшимъ произведеніямъ, произведенія эти пріобрѣтали все болѣе и болѣе сторонниковъ, создавали автору ихъ первенствующее положеніе въ литературѣ. Онъ становился родоначальникомъ такъ называемой натуральной школы; вся читавшая и мыслившая Россія съ нетерпѣніемъ ждала продолженія его „Мертвыхъ Душъ", первый томъ которыхъ завоевывалъ себѣ все болѣе обширный кругъ читателей и поклонниковъ. Нѣкоторые намеки въ письмахъ Гоголя понимались его знакомыми въ томъ смыслѣ, что второй томъ „Мертвыхъ Душъ„ уже готовъ къ печати. Каково же было удивленіе Плетнева, когда вмѣсто этого ему принесли тоненькую первую тетрадь „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями" и письмо Гоголя, въ которомъ онъ проситъ печатать это произведеніе втайнѣ, въ мало извѣстной типографіи, и не говорить о немъ никому изъ знакомыхъ. Не смотря на стараніе Плетнева исполнить странную просьбу пріятеля, тайна разгласилась и, прежде чѣмъ книга вышла въ свѣтъ, о ней уже говорили въ литературныхъ кругахъ, она вызывала недоумѣніе, изумленіе, негодованіе.

Такое же впечатлѣніе произвели и три небольшія произведенія Гоголя, надъ которыми онъ трудился въ то же время и которыя онъ отправилъ въ Россію черезъ нѣсколько дней послѣ „Выбранныхъ мѣстъ", а именно: „Предисловіе ко 2 изд. Мертвыхъ Душъ" гдѣ онъ сознается, что многое въ его книгѣ написано невѣрно и проситъ читателей присылать ему свои критическія замѣчанія и вмѣстѣ съ тѣмъ, разсказы о разныхъ извѣстныхъ имъ происшествіяхъ и личностяхъ; „Развязка Ревизора", придающая всей пьесѣ характеръ какой то странной аллегоріи, и „Предувѣдомленіе", въ которомъ объявляется, что 4 и 5 изданія „Ревизора" продаются въ пользу бѣдныхъ и назначаются лица, которыя будутъ завѣдывать раздачей пособій неимущимъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Негодованіе было, можно сказать, общее; на немъ опять таки сошлись всѣ главныя литературныя партіи. И славянофилы, и западники нашли въ „Перепискѣ" мысли и выраженія, оскорблявшія самыя святыя убѣжденія ихъ; люди, возмущавшіеся многими безобразными явленіями современной жизни, негодовали на спо-

койно примирительное, даже сочувственное отношеніе къ нимъ автора; смиреніе, съ какимъ онъ говорилъ о собственномъ ничтожествѣ и о слабости всѣхъ своихъ предшествовавшихъ произведеній, казалось маской, прикрывавшей высочайшее самомнѣніе; проповѣдническій рѣзко-обличительный тонъ нѣкоторыхъ страницъ поражалъ своимъ высокомѣріемъ, самое религіозное настроеніе автора возбуждало сомнѣніе, обвиненіе въ неискренности, въ какихъ то практическихъ разсчетахъ.

Изъ Петербурга и Москвы посыпался на Гоголя цѣлый градъ писемъ съ вопросами, съ выраженіями удивленія, съ упреками, съ криками негодованія. Даже лица, которыя соглашались съ большинствомъ основныхъ положеній его книги (Жуковскій, Плетневъ, кн. Вяземскій, Вигель и пр.), возставали противъ ея рѣзкости, угловатости, противъ ея заносчиваго тона.

С. Т. Аксаковъ убѣждалъ Плетнева и Шевырева не печатать послѣднихъ произведеній Гоголя, такъ какъ „все это ложь, дичь и нелѣпость и если будетъ обнародована, то сдѣлаетъ Гоголя посмѣшищемъ всей Россіи". Самому Гоголю онъ писалъ: „Если вы желали произвести шумъ, желали, чтобы высказались и хвалители и порицатели ваши, которые теперь отчасти перемѣнились мѣстами, то вы вполнѣ достигли своей цѣли. Если это была съ вашей стороны шутка, то успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія: все одурачено! Противники и защитники представляютъ безконечно-разнообразный рядъ комическихъ явленій... Но, увы! нельзя мнѣ обмануть себя: вы искренно подумали, что призваніе ваше состоитъ въ возвѣщеніи людямъ высокихъ нравственныхъ истинъ въ формѣ разсужденій и поученій, которыхъ образчикъ содержится въ вашей книгѣ... Вы грубо и жалко ошиблись. Вы совершенно сбились, запутались, противорѣчите сами себѣ безпрестанно и, думая служить небу и человѣчеству, оскорбляете и Бога, и человѣка. Еслибъ эту книгу написалъ обыкновенный писатель—Богъ бы съ нимъ! Но книга написана вами; въ ней блещетъ мѣстами прежній, могучій талантъ вашъ и потому книга ваша вредна: она распространяетъ ложь вашихъ умствованій и заблужденій. О, недобрый былъ тотъ день и часъ, когда вы взду-

мали ѣхать въ чужіе края, въ этотъ Римъ, губитель русскихъ умовъ и дарованій! Дадутъ Богу отвѣтъ эти друзья ваши, слѣпые фанатики и знаменитые Маниловы, которые не только допустили, но и сами помогли вамъ запутаться въ сѣти собственнаго ума вашего, дьявольской гордости, которую вы принимаете за христіанское смиреніе. Горько убѣждаюсь я, что никому не проходитъ безнаказанно бѣгство изъ отечества: ибо продолжительное отсутствіе есть уже бѣгство—измѣна ему.

Въ печати явились статьи, строго осуждавшія „Выбранныя мѣста". Въ „Современникѣ" Бѣлинскій энергично протестовалъ противъ идей, выраженныхъ авторомъ, противъ отреченія его отъ прежнихъ произведеній, противъ догматическаго тона, какимъ проникнута его книга. Гоголь не былъ близко знакомъ съ Бѣлинскимъ, но зналъ и цѣнилъ его мнѣнія о своихъ первыхъ произведеніяхъ и не могъ отнестись равнодушно къ его нападкамъ. „Я прочелъ съ прискорбіемъ статью вашу обо мнѣ въ № 2 „Современника",—писалъ онъ ему,—не потому, чтобы мнѣ было прискорбно униженіе, въ которомъ вы меня хотѣли поставить на виду всѣхъ, но потому, что въ ней слышенъ голосъ человѣка, на меня разсердившагося. А мнѣ не хотѣлось бы разсердить человѣка, нелюбившаго даже меня, тѣмъ болѣе васъ, о которомъ я думаю, какъ о человѣкѣ меня любящемъ. Я вовсе не имѣлъ въ виду огорчить васъ ни въ какомъ мѣстѣ моей книги; какъ же вышло, что на меня разсердились всѣ до одного въ Россіи, этого покуда я еще не могу понять; восточные, западные и нейтральные—всѣ огорчились. Это правда: я имѣлъ въ виду небольшой щелчекъ каждому изъ нихъ, считая это нужнымъ, не испытавши надобности его на собственной кожѣ (всѣмъ намъ нужно побольше смиренія). Но я не думалъ, чтобы щелчекъ мой вышелъ такъ грубъ, неловокъ и такъ оскорбителенъ. Я думалъ, что мнѣ великодушно простятъ, и что въ книгѣ моей зародышъ всеобщаго, примиренія а не раздора". Бѣлинскій лежалъ больной въ Зальцбрунѣ, когда получилъ это письмо Гоголя. Оно еще болѣе усилило негодованіе его противъ автора „Переписки" Смиренно-заносчивой тонъ письма, сведеніе всего дѣла какъ бы на личную почву, игнорированье тѣхъ важныхъ об-

щественныхъ вопросовъ, на неправильное пониманіе которыхъ онъ намекалъ въ статьѣ своей—все это возмутило его до глубины души. Слабый, полуумирающій, онъ съ лихорадочнымъ возбужденіемъ взялся за перо и написалъ длинное отвѣтное письмо, въ которомъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ указывалъ Гоголю вредоносное значеніе идей, проводимыхъ имъ въ его „Перепискѣ“.

„Вы только отчасти правы—писалъ онъ между прочимъ — увидѣвъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка; этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы совсѣмъ не правы, приписавъ это вашимъ дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства. Нельзя промолчать, когда проповѣдываютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель. Да, я любилъ васъ со всею страстью, какъ человѣкъ, кровью связанный со своею страною, можетъ любить ея надежду, честь и славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хотя на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія вашего духа, потерявъ право на такую любовь.

„Я думаю, что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ своей фантастической книгѣ; но это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому что вы столько уже лѣтъ смотрѣли на Россію изъ вашего прекраснаго далека“.—„Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности, въ пробужденіи въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и навозѣ. Ей нужны права и законы, сообразные со здравымъ смысломъ и справедливостью и строгое по возможности выполненіе ихъ“.

„Самые живые современные національные вопросы Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостнаго права и отмѣна тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть. Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ своемъ апатическомъ полуснѣ. И въ это время великій писатель, который дивно художественными и глубокомысленными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на себя самое, какъ будто въ зеркалѣ, явился съ книгою, которою учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, ругая ихъ „неумытыми рылами".—Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣ возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки. Нѣтъ, если бы вы дѣйствительно прониклись духомъ Христова ученія, совсѣмъ не то писали бы вы къ вашему адепту изъ помѣщиковъ; вы бы писали ему, что такъ какъ крестьяне его братья по Христу и такъ какъ братъ его не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ долженъ дать имъ свободу или, по крайней мѣрѣ, пользоваться ихъ трудами какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ глубинѣ своей совѣсти въ ложномъ къ нимъ положеніи".—„И такая то книга можетъ быть результатомъ труднаго внутренняго прогресса, высокаго духовнаго просвѣщенія? Не можетъ быть!.. Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ правъ, что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною!"—„Вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастіе съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вы должны съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги и тяжелый грѣхъ ея изданія искупить новыми твореніями, которыя напомнили бы ваши прежнія".

* * *

Неожиданное впечатлѣніе, произведенное „Выбранными мѣстами", поразило, ошеломило Гоголя. Такъ внезапно быть свергну-

тымъ съ того пьедестала, на который онъ ставилъ себя и свое произведеніе—это было ужасно! Онъ пробовалъ утѣшать себя мыслью, что въ этомъ виновата главнымъ образомъ цензура, что, не пропустивъ нѣкоторыя его статьи, сокративъ другія, она лишила книгу ея цѣлости, сдѣлала цѣль и намѣренія ея не довольно ясными. Онъ усиленно хлопоталъ о возстановленіи пропущенныхъ мѣстъ, надѣясь на вмѣшательство Верховной власти и на то, что книга въ полномъ своемъ объемѣ разсѣетъ всѣ недоразумѣнія. При первыхъ нападкахъ онъ крѣпился и отвѣчалъ довольно благодушно, увѣряя, что радъ имъ, что любитъ слышать себѣ осужденіе, даже самое жесткое, что оно показываетъ ему съ одной стороны его самого, съ другой—читателей. Но время шло: многіе прочли въ рукописи мѣста, непропущенныя цензурой, и это нисколько не заставило ихъ смягчить своихъ приговоровъ, а приговоры эти были жестоки.

„Подозрительно и недовѣрчиво разобрано было всякое слово и всякъ на перерывъ спѣшилъ объявить источникъ, изъ котораго оно произошло. Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ",—жалуется онъ въ своей „Авторской Исповѣди".

Письмо Бѣлинскаго произвело сильное впечатлѣніе на Гоголя. Онъ написалъ на него два отвѣта, изъ которыхъ одинъ только дошелъ по назначенію, и этотъ одинъ свидѣтельствуетъ о сильномъ упадкѣ духа: „Я не могъ отвѣчать на ваше письмо,—говоритъ онъ.— Душа моя изнемогла, все во мнѣ потрясено, могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено пораженіе еще прежде нежели я получилъ ваше письмо. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно, но тѣмъ не менѣе былъ не въ силахъ отвѣчать на него. Да и что мнѣ отвѣчать? Богъ вѣсть, можетъ быть въ вашихъ словахъ есть часть правды". Онъ недоумѣваетъ, почему многіе умные и благородные люди высказываютъ противорѣчивыя мнѣнія о его книгѣ, и убѣждается въ одномъ только, что не знаетъ Россіи, что многое въ ней измѣнилось и что онъ не можетъ ничего больше писать „до тѣхъ поръ, покуда, пріѣ-

хавши въ Россію, не увижу многаго собственными глазами и не пощупаю собсвенными руками".

Другой отвѣтъ Гоголя Бѣлинскому написанъ имъ только начерно и найденъ въ его бумагахъ разорваннымъ. Онъ гораздо длиннѣе и отличается совершенно инымъ характеромъ: „Съ чего начать мой отвѣтъ на ваше письмо,—такъ начинаетъ Гоголь,—если не съ вашихъ же словъ: опомнитесь, вы стоите на краю бездны! Какъ далеко вы сбились съ прямого пути! въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи! въ какомъ грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ приняли вы мою книгу!". Далѣе онъ обвиняетъ Бѣлинскаго въ томъ, что тотъ отклонился отъ своего прямаго призванія „показывать читателямъ красоты въ твореньяхъ нашихъ писателей, возвышать ихъ душу и силы до пониманія всего прекраснаго, наслаждаться трепетомъ пробужденнаго въ нихъ сочувствія и такимъ образомъ дѣйствовать на ихъ души"; жалѣетъ, что онъ вдался „въ омутъ политической жизни, въ эти мутныя событія современности, среди которой и твердая осмотрительность многосторонняго ума теряется"; находитъ, что упрекая его въ незнаніи Россіи и русскаго общества, Бѣлинскій и самъ ничѣмъ не доказалъ этого знанія, да и не могъ пріобрѣсти его, „живя почти безъ прикосновенія съ людьми и свѣтомъ, ведя мирную жизнь журнальнаго сотрудника". Особенно возмутилъ Гоголя высказанный въ письмѣ Бѣлинскаго намекъ на практическія выгоды, какія можетъ принести исповѣданіе идей, высказываемыхъ въ „Перепискѣ". „Я попалъ въ излишества,—сознается онъ,—но я этого даже не замѣтилъ. Своекорыстныхъ же цѣлей я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, тѣмъ болѣе теперь, когда мнѣ пора подумать о смерти. Это не въ моей натурѣ. Вспомнили бы вы, по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ даже угла и что я стараюсь о томъ, какъ бы еще облегчить мой небольшой походный чемоданъ, чтобы легче было разставаться съ міромъ. Стало быть, вамъ бы слѣдовало поудержаться клеймить меня тѣми обидными подозрѣніями, которыми, признаюсь, я бы не имѣлъ духа запятнать послѣдняго мерзавца".

Откровенности, строгихъ замѣчаній, осужденій просилъ и тре-

бовалъ Гоголь отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ послѣ изданія перваго тома „Мертвыхъ Душъ“. Но теперь, когда эти замѣчанія превратились въ ѣдкія нападенія, въ жесткіе упреки, онъ былъ подавленъ ими: „Ради самаго Христа“, писалъ онъ къ Аксакову въ іюлѣ 1847 г., „прошу васъ теперь не изъ дружбы, но изъ милосердія, которое должно быть свойственно всякой доброй и сострождущей душѣ, изъ милосердія прошу васъ взойти въ мое положеніе, потому что душа моя изныла, какъ ни крѣплюсь и ни стараюсь быть хладнокровнымъ. Отношенія мои стали слишкомъ тяжелы со всѣми тѣми друзьями, которые поторопились подружиться со мною, не узнавши меня. Какъ у меня еще совсѣмъ не закружилась голова, какъ я не сошелъ еще съ ума отъ всей этой безтолковщины! этого я и самъ не могу понять. Знаю только, что сердце мое разбито и дѣятельность моя отнялась. Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ всякаго отъ этой страшной битвы съ друзьями. Тутъ все изнемогаетъ, что ни есть въ тебѣ“.

Тяжело было Гоголю перенести бурю, вызванную его книгой, но она послужила ему на пользу. Она заставила его построже оглянуться на себя, сойти съ той проповѣднической каѳедры, на которую онъ вознесъ себя съ помощью своихъ восторженныхъ поклонниковъ и поклонницъ, заставила его не съ напускнымъ, а съ дѣйствительнымъ смиреніемъ сознаться, что слишкомъ самонадѣянно вздумалъ онъ учить другихъ, когда, по собственному признанію, еще самъ не успѣлъ „состроиться“. Въ письмахъ писанныхъ имъ послѣ 1847 года, замѣтно гораздо меньше дидактически-наставническаго тона, гораздо больше сердечности и задушевности, чѣмъ въ предшествовавшіе три, четыре года. „Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее“,—сознавался онъ Жуковскому. Кромѣ того изъ полученныхъ замѣчаній и возраженій онъ увидѣлъ, что былъ не правъ, настаивая исключительно на нравственномъ совершенствованіи отдѣльныхъ личностей и вполнѣ игнорируя общественные вопросы, что въ обществѣ является интересъ къ этимъ, какъ онъ называлъ, государственнымъ вопросамъ и что художественное

произведеніе, не затрогивающее ихъ, не можетъ пользоваться вліяніемъ.

Религіозное чувство помогло Гоголю перенести удары, неожиданно обрушившіеся на него, но между тѣмъ положеніе его было ужасно: кромѣ осужденій, направленныхъ противъ его личности, онъ слышалъ толки, что талантъ его погибъ, что онъ отказывается отъ писательской дѣятельности, и минутами ему казалось, что это можетъ быть справедливо... Второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ былъ сожженъ; въ умѣ его мелькалъ общій планъ перестройки его, но творчество давно уже не посѣщало его, да и матеріаловъ для постройки у него не было. Все, что ему сообщали о Россіи знакомые, навѣщавшіе его заграницей, касалось или литературнаго міра, или столичныхъ аристократическихъ и правительственныхъ круговъ, а не тѣхъ провинціальныхъ захолустьевъ, гдѣ жили и дѣйствовали его герои. Онъ много разъ обращался къ своимъ пріятелямъ и знакомымъ въ разные города, упрашивая ихъ описывать ему всякіе случающіяся тамъ происшествія и давать подробныя характеристики, какъ наружныхъ, такъ и нравственныхъ свойствъ всѣхъ лицъ, съ которыми они вступали въ сношенія; но всѣ эти просьбы оставались безъ исполненія: описывать маловажныя происшествія казалось его корреспондентамъ скучнымъ и безцѣльнымъ, а составлять живые характеристики— далеко не легкимъ дѣломъ. Гоголь видѣлъ, что прежде всего ему необходимо узнать Россію, а узнать ее можно только—самому поѣздивъ по ней, поживъ въ ней. Чтобы имѣть возможность жить на родинѣ, онъ готовъ былъ взять какое-нибудь мѣсто на государственной службѣ, хоть самое скромное, но которое давало бы ему возможность наблюдать, собирать матеріалъ и писать не торопясь, когда творческая сила снова явится. Тотъ тяжелый кризисъ, который ему приходилось переживать въ это время, заставилъ его снова вернуться къ давно лелѣянному плану путешествія въ Іерусалимъ. Прежде онъ думалъ предпринять это путешествіе по окончаніи своего большого произведенія, теперь онъ чувствовалъ, что не можетъ приняться ни за какое дѣло, пока не свершитъ его. Тамъ, у гроба Господня, должна была снизойти на него благо-

дать, которая очиститъ душу его, разрѣшитъ всѣ его сомнѣнія и колебанія, покажетъ ему его путь...

О томъ, какое значеніе придавалъ онъ этому путешествію, можно заключить по всѣмъ его письмамъ того времени. Всѣхъ своихъ знакомыхъ, которыхъ онъ зналъ за людей благочестивыхъ, онъ упрашивалъ помолиться, чтобы Богъ сподобилъ его достойно свершить этотъ подвигъ; мать свою просилъ не выѣзжать изъ Васильевки и молиться о немъ именно тамъ; онъ сочинилъ даже особаго рода молитву, которую должны были произносить молящіеся о немъ. Самъ онъ всѣми силами старался держаться на высотѣ религіознаго настроенія, чтобы достойно поклониться гробу Христа Спасителя и „со дня этого поклоненія повсюду носить въ своемъ сердцѣ образъ Христа“, чтобы „возстать отъ св. гроба съ обновленными силами, съ духомъ бодрымъ и освѣженнымъ возвратиться къ дѣлу и труду своему на добро землѣ своей“.

Въ концѣ 1847 г. Гоголь перебрался въ Неаполь, а оттуда въ январѣ 1848 года сѣлъ на корабль, который долженъ былъ привезти его черезъ Мальту въ Яфу. Страхъ и тревога наполняли сердце его; никто изъ знакомыхъ не ѣхалъ съ нимъ, онъ былъ одинъ среди чужихъ, а при слабости его здоровья, при его мнительности это усиливало его волненіе. Онъ принималъ это волненіе за доказательство слабости своей вѣры и вдвойнѣ страдалъ отъ него. Морская болѣзнь страшно измучила его и онъ чуть живой высадился на берегъ. Сухопутное путешествіе ему пришлось сдѣлать въ сопровожденіи своего бывшаго товарища по Нѣжину, занимавшаго мѣсто русскаго консула въ Сиріи, но это не устранило неудобствъ пути: приходилось переносить и утомленіе и зной пустыни, и жажду. Трудности перенесеннаго пути естественно отразились на расположеніи духа Гоголя. Тотъ поэтическій ореолъ, которымъ онъ осѣнялъ св. мѣста, поклоненія, померкъ передъ прозаической обстановкой, на самомъ дѣлѣ окружавшей ихъ, передъ массою мелкихъ непріятностей и дрязгъ, какія приходилось преодолѣть, прежде чѣмъ, достигнуть ихъ. Онъ такъ давно, въ такихъ яркихъ краскахъ представлялъ себѣ минуту, когда преклонитъ колѣна у св. гроба и благодать Божія осѣнитъ, очиститъ

его, что дѣйствительность не могла не оказаться ниже его ожиданій. „Еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима, — говоритъ онъ.—У гроба Господня я былъ какъ будто затѣмъ, чтобы тамъ на мѣстѣ почувствовать, какъ много во мнѣ холода сердечнаго, какъ много себялюбія и самолюбія". Въ отвѣтъ на просьбу Жуковскаго сообщить ему всѣ подробности путешествія по Палестинѣ, онъ писалъ ему: „Всякій простой русскій человѣкъ, даже русскій мужичекъ, если только онъ съ трепетомъ вѣрующаго сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку св. земли, можетъ разсказать тебѣ болѣе всего того, что тебѣ нужно. Мое путешествіе въ Палестину точно было совершено мною за тѣмъ, чтобы узнать лично и какъ бы узрѣть собственными глазами, какъ велика черствость моего сердца... Я удостоился провести ночь у гроба Спасителя, я удостоился причаститься отъ св. тайнъ, стоявшихъ на самомъ гробѣ вмѣсто алтаря, и при всемъ томъ я не сталъ лучшимъ. Что могутъ доставить тебѣ мои сонныя впечатлѣнія? Гдѣ то въ Самаріи сорвалъ я полевой цвѣтокъ, гдѣ то въ Галилеѣ—другой, въ Назаретѣ, застигнутый дождемъ, просидѣлъ два дня, позабывъ, что сижу въ Назаретѣ, точно какъ бы это случилось въ Россіи на станціи".

Дѣйствительность не соотвѣтствовала мечтѣ поэта. Чудо, котораго онъ такъ страстно вымаливалъ у Бога, не свершилось, но напрасно обвинялъ онъ себя въ черствости: „Блеститъ вдали какой то лучъ спасенья"—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,—святое слово—любовь. Мнѣ кажется, какъ будто теперь становятся мнѣ милѣе образы людей, чѣмъ когда-либо прежде, какъ будто я гораздо больше способенъ теперь любить, чѣмъ когда-либо прежде".

VI.

Печальный конецъ.

Лѣто въ дѣтствѣ. — Гоголь принимается съизнова за 2-й томъ «Мертвыхъ душъ» и заканчиваетъ его вчернѣ. — Переѣздъ въ Москву. — Чтеніе первыхъ главъ въ семьѣ Аксаковыхъ и общій восторгъ.—Постоянныя передѣлки рукописи.—Гоголя охватываетъ «страхъ смерти».—Вторичное сожженіе рукописи.—Смерть Гоголя.

Изъ Іерусалима Гоголь черезъ Константинополь и Одессу проѣхалъ въ Малороссію и провелъ конецъ весны и все лѣто въ Васильевкѣ съ матерью и сестрами. Это было тревожное лѣто: революціонныя движенія въ разныхъ частяхъ Европы отразились въ Россіи съ одной стороны смутнымъ броженіемъ умовъ, съ другой—строгими мѣрами правительства къ охраненію порядка. Къ этому присоединилась холера, свирѣпствовавшая въ столицахъ и многихъ мѣстностяхъ государства и наводившая паническій ужасъ на населеніе. О политическихъ событіяхъ Гоголь узнавалъ только изъ отрывочныхъ извѣстій газетъ, случайно попадавшихъ въ Васильевку, да изъ осторожныхъ писемъ своихъ столичныхъ знакомыхъ; холеру же онъ видѣлъ вокругъ себя и въ Полтавѣ и въ окрестностяхъ Васильевки.

Вообще тѣ картины, которыя ему пришлось встрѣтить на родинѣ, были не отраднаго свойства: домикъ, въ которомъ жила его мать съ сестрами, приходилъ въ разрушеніе; хозяйство въ имѣніи велось неумѣлою рукою, плохой урожай грозилъ голодомъ,

всюду бѣдность, болѣзни. Нѣтъ ничего удивительнаго, что родные часто видѣли его грустнымъ, задумчивымъ, разсѣяннымъ.

Онъ помѣщался въ маленькомъ флигелькѣ, выходившемъ въ садъ, и уединялся туда на все утро, пытаясь заниматься литературной работой: „Хоть что-нибудь вынести на свѣтъ и сохранить отъ всеобщаго разрушенія—это уже есть подвигъ всякаго честнаго человѣка“,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ. Второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ былъ тою „гражданскою обязанностью“, тою „службою государству“, за которую онъ снова принялся, освѣживъ силы путешествіемъ. Работа его туго подвигалась впередъ, сильные жары изнуряли его, все, что ему приходилось видѣть и слышать, болѣзненно дѣйствовало на его нервы. Большую часть дня проводилъ онъ не за письменнымъ столомъ, а въ полѣ, въ саду, вникая во всѣ мелочи хозяйства, всѣхъ разспрашивая, всѣмъ интересуясь: „На все дывытця та въ усему кохаетця“—разсказывалъ о немъ впослѣдствіи одинъ старый пастухъ. Онъ рисовалъ планъ новаго господскаго дома въ Васильевкѣ, сажалъ деревья въ саду, составлялъ для матери узоры ковровъ, которые ткали ея крѣпостныя мастерицы, съ наслажденіемъ слушалъ, какъ сестры пѣли малороссійскія пѣсни.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Гоголь оставилъ Васильевку и переѣхалъ въ Москву. Семейство Аксаковыхъ и весь ихъ кружокъ приняли его съ прежнимъ дружелюбіемъ. Недоразумѣнія, вызванныя „Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями“ были забыты, и Гоголь сталъ опятѣ своимъ человѣкомъ у Аксаковыхъ. Почти всѣ вечера проводилъ онъ у нихъ и очень часто читалъ имъ что-нибудь вслухъ: или русскія пѣсни, или Одиссею въ переводѣ Жуковскаго. „Прежде чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью“,—говорилъ онъ. Въ то же время онъ не оставлялъ и „Мертвыхъ Душъ“. Судя по нѣкоторымъ намекамъ въ его письмахъ, работа его подвигалась не дурно, вѣроятно къ концу зимы весь 2-й томъ былъ готовъ вчернѣ и послѣ этого онъ сталъ заниматься уже чистовой отдѣлкой и передѣлкой каждой главы. Общество онъ посѣщалъ мало. Въ большихъ собраніяхъ былъ молчаливъ, разсѣянъ, угрюмъ. Фило-

софскіе и общественные вопросы, волновавшіе въ то время умы, были ему не по душѣ. Онъ вздыхалъ по литературнымъ кружкамъ временъ Пушкина и своей молодости, по тѣмъ кружкамъ, въ которыхъ литературныя произведенія, разбирались главнымъ образомъ съ эстетической точки зрѣнія гдѣ объ общихъ вопросахъ почти не заходило рѣчи, гдѣ, вмѣсто туманныхъ разсужденій, разсказывались остроумные анекдоты, гдѣ безобразныя явленія окружающей дѣйствительности вызывали ѣдкую эпиграмму или безобидный смѣхъ.

„Время настало сумашедшее,—писалъ онъ Жуковскому.— Умнѣйшіе люди завираются и набалтываютъ кучи глупостей". Холодность, съ какою публика отнеслась къ Одиссеѣ Жуковскаго, возмущала его, казалась ему признакомъ отсутствія вкуса, умственнаго безсилія общества, и онъ находилъ, что ему нечего торопиться съ окончаніемъ „Мертвыхъ Душъ", такъ какъ современные ему люди не годятся въ читатели, не способны ни къ чему художественному и спокойному. „Никакія рецензіи не въ силахъ засадить нынѣшнее поколѣніе, *обмороченное политическими броженіями*, за чтеніе свѣтлое и успокоивающее душу".

Лѣто 1849 г. Гоголь провелъ у Смирновой сначала въ деревнѣ, затѣмъ въ Калугѣ, гдѣ Н. М. Смирновъ былъ губернаторомъ. Тамъ онъ въ первый разъ прочелъ нѣсколько главъ изъ второго тома „Мертвыхъ Душъ". Первыя двѣ главы были совершенно отдѣланы и являлись совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ мы читаемъ ихъ теперь. Александра Осиповна помнила, что первая глава начиналась торжественнымъ лирическимъ вступленіемъ, въ родѣ той страницы, какою заканчивается первый томъ; далѣе ее поразило необыкновенно живое описаніе чувствъ Тентетникова послѣ согласія генерала на его бракъ съ Уленькой, а въ послѣдующихъ семи главахъ, еще требовавшихъ, по словамъ Гоголя, значительной переработки ей понравился романъ свѣтской красавицы, которая провела молодость при дворѣ, скучаетъ въ провинціи и влюбляется въ Платонова, также скучающаго отъ ничего недѣланья. Въ Калугѣ Гоголь не оставлялъ своей литературной работы и все утро проводилъ съ перомъ въ рукѣ, за-

першись у себя во флигелѣ. Очевидно, творческая способность, на время измѣнившая ему, отчасти вслѣдствіе физическихъ страданій, отчасти вслѣдствіе того болѣзненнаго направленія, какое приняло его религіозное чувство, снова вернулась къ нему послѣ его путешествія въ Іерусалимъ. О томъ, какою живостью и непосредственностью обладало въ то время его творчество, можно судить по небольшому разсказу князя Д. Оболенскаго, ѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ изъ Калуги въ Москву. Гоголь сильно заботился о портфелѣ, въ которомъ лежали тетради второго тома „Мертвыхъ Душъ“ и не успокоился, пока не уложилъ ихъ въ самое безопасное мѣсто дормеза. „Къ утру мы остановились на станціи пить чай“,—разсказываетъ Оболенскій.—Выходя изъ кареты, Гоголь вытащилъ портфель и понесъ его съ собою; это дѣлалъ онъ всякій разъ, какъ мы останавливались. Веселое расположеніе духа не оставляло Гоголя. На станціи я нашелъ штрафную книгу и прочелъ въ ней довольно смѣшную жалобу какого-то господина. Выслушавъ ее, Гоголь спросилъ меня: „А какъ вы думаете, кто этотъ господинъ? Какихъ свойствъ и характера человѣкъ?“—„А вотъ я вамъ разскажу“. —И тутъ же началъ самымъ смѣшнымъ и оригинальнымъ образомъ описывать мнѣ сперва наружность этого господина, потомъ разсказалъ всю его служебную карьеру, представляя даже въ лицахъ нѣкоторые эпизоды его жизни. Помню, что я хохоталъ, какъ сумашедшій, а онъ все это выдѣлывалъ совершенно серьезно“.

Осенью того же года Гоголь гостилъ въ подмосковной у Аксаковыхъ и тамъ опять читалъ первую главу второго тома „Мертвыхъ Душъ“. Вотъ какъ разсказываетъ Сергѣй Тимофѣевичъ объ этомъ чтеніи: „18-го вечеромъ Гоголь, сидя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, вдругъ сказалъ: „Да не прочесть ли намъ главу „Мертвыхъ Душъ“. Сынъ мой, Константинъ, даже всталъ, чтобы принести ихъ съ верху, изъ своей библіотеки, но Гоголь удержалъ его за рукавъ и сказалъ: „Нѣтъ, ужъ я вамъ прочту изъ второго.“ И съ этими словами вытащилъ изъ своего огромнаго кармана большую тетрадь. Не могу выразить, что сдѣлалось со всѣми нами. Я былъ совершенно уничтоженъ. Не радость, а страхъ, что я

услышу что-нибудь недостойное прежняго Гоголя, такъ смутилъ меня, что я совсѣмъ растерялся. Гоголь былъ самъ сконфуженъ. Ту же минуту всѣ мы придвинулись къ столу и Гоголь прочелъ 1-ую главу второго тома „Мертвыхъ Душъ". Съ первыхъ страницъ я увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ и пришелъ въ совершенный восторгъ. Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью. Гоголь нѣсколько усталъ и, осыпаемый нашими искренними и радостными привѣтствіями, скоро ушелъ на верхъ въ свою комнату, потому что прошелъ часъ, въ который онъ обыкновенно ложился спать, т. е. 11 часовъ".

На просьбы Аксаковыхъ прочесть и слѣдующія главы Гоголь отозвался, что онѣ еще не готовы, что въ нихъ многое надобно измѣнить. За это измѣненіе онъ и принялся по возвращеніи въ Москву. Въ началѣ слѣдующаго года онъ еще разъ прочелъ Аксаковымъ первую главу и они были поражены удивленіемъ: глава показалась имъ еще лучше и какъ будто написана вновь. Гоголь былъ очень доволенъ такимъ впечатлѣніемъ и сказалъ: „Вотъ что значитъ, когда живописецъ даетъ послѣдній тушъ своей картинѣ. Поправки повидимому самыя ничтожныя: тамъ одно словцо убавлено, здѣсь прибавлено, а тутъ переставлено—и все выходитъ другое. Тогда надо печатать, когда всѣ главы будутъ такъ отдѣланы". Оказалось, что онъ воспользовался всѣми замѣчаніями, какія Сергѣй Тимофѣевичъ сдѣлалъ ему послѣ перваго чтенія. Вторая глава привела Аксакова въ положительный восторгъ. Онъ находилъ, что она еще выше и глубже первой, что Гоголь можетъ выполнить ту свою задачу, о которой самонадѣянно говорилъ въ первомъ томѣ. Втеченіе зимы Гоголь прочелъ 3-ю и 4-ю главы также однимъ только Аксаковымъ. Очевидно, весь томъ былъ у него готовъ вчернѣ, но онъ находилъ его не достаточно обработаннымъ и отдѣлывалъ его тщательно по главамъ и частямъ. Въ то же время онъ продолжалъ много читать, интересуясь преимущественно тѣми сочиненіями, въ которыхъ описывалась Россія и какія либо стороны жизни въ Россіи.

Зима 1849—50 г. не прошла для здоровья поэта такъ благополучно, какъ предшествовавшая. Онъ сильно страдалъ отъ хо-

лода, опять явился у него упадокъ силъ, зябкость, нервность, опять тянуло его погрѣться на южномъ солнцѣ. Но теперь онъ уже твердо рѣшилъ не покидать Россію и намѣревался провести слѣдующую зиму въ Одессѣ. Весной онъ отправился вмѣстѣ со своимъ знакомымъ, профессоромъ кіевскаго университета Максимовичемъ въ Малороссію на долгихъ. Ѣзда на почтовыхъ казалась Гоголю слишкомъ дорогою, да и кромѣ того путешествіе на долгихъ было для него какъ бы началомъ осуществленія его давнишняго плана: онъ хотѣлъ объѣздить всю Россію по проселочнымъ дорогамъ отъ монастыря къ монастырю, останавливаясь отдыхать у помѣщиковъ. Отъ Москвы до Глухова они ѣхали 12 дней; по дорогѣ заѣзжали къ знакомымъ и въ монастыри, гдѣ Гоголь молился съ большимъ умиленіемъ; въ селахъ заслушивались деревенскихъ пѣсень; въ лѣсу выходили изъ экипажа и собирали травы и цвѣты для одной изъ сестеръ Гоголя, занимавшейся ботаникой.

Лѣто Гоголь провелъ въ Васильевкѣ опять въ кругу родныхъ, въ заботахъ о садѣ и новомъ домѣ; осенью жилъ въ Москвѣ, а на зиму перебрался въ Одессу. Здоровье его было все время довольно плохо: лѣтніе жары расслабляли его, зима, даже въ Одессѣ, казалась ему не достаточно теплой, онъ жаловался на морской вѣтеръ, на невозможность согрѣться. Впрочемъ, работа его подвигалась и онъ уже началъ въ письмахъ намекать на скорое окончаніе ея. Изъ Одессы онъ писалъ Шевыреву, что слѣдуетъ предпринять 2-е изданіе его сочиненій, такъ какъ послѣ выхода 2-го тома „Мертвыхъ Душъ" на нихъ явится спросъ, а, поздравляя Жуковскаго съ новымъ 1851-мъ годомъ, онъ говоритъ ему: „Работа идетъ съ прежнимъ постоянствомъ и хоть еще не окончена, но уже близка къ окончанію.—Покуда писатель молодъ, онъ пишетъ много и скоро. Воображеніе подталкиваетъ его безпрерывно; онъ творитъ, строитъ очаровательные воздушные замки и не мудрено, что писанью, какъ и замкамъ нѣтъ конца. Но когда уже одна чистая правда стала его предметомъ и дѣло касается того, чтобы прозрачно отразить жизнь въ ея высшемъ достоинствѣ, въ какомъ она должна быть и можетъ быть на землѣ и въ какомъ она есть покуда въ немногихъ избранныхъ и луч-

шихъ, тутъ воображенье не много подвигнетъ писателя, нужно добывать съ боя всякую черту“.

Проведя весну въ Васильевкѣ, Гоголь, не смотря на сильные жары, вернулся среди лѣта въ Москву съ тѣмъ чтобы скорѣе приступить къ печатанью своего произведенія. Но чѣмъ больше перечитывалъ и перепpавлялъ онъ его, тѣмъ болѣе оставался недоволенъ разными частностями, тѣмъ болѣе считалъ передѣлки необходимыми. Въ октябрѣ 1851-го года онъ даже сказалъ женѣ Сергѣя Тимофѣевича Аксакова, что не стоитъ печатать второй томъ, что въ немъ все никуда не годится и что надо все передѣлать. Впрочемъ, подобныя мысли являлись у него очевидно рѣдко, въ минуты отчаянія и особеннаго недовольства собою. Вообще же онъ аккуратно каждый день проводилъ нѣсколько часовъ за своимъ письменнымъ столомъ, подготовляя къ печати какъ полное собраніе своихъ сочиненій,такъ и второй томъ „Мертвыхъ Душъ“.

До сихъ поръ осталось не выясненнымъ къ чему клонились тѣ безконечныя поправки, которымъ онъ подвергалъ свои „Мертвыя Души“. Подсказывало ли ему болѣе зрѣлое художническое чутье, что его добродѣтельные герои, его Костанжогло, Муразовъ, генералъ-губернаторъ не „сострoены изъ того же тѣла, какъ и мы“, что это лица выдуманныя, что „мертво и холодно все то, что должно быть живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно, какъ правда“; или, можетъ быть, въ припадкахъ религiознаго самобичеванія онъ отвергалъ великое значеніе своего художественнаго таланта и силился сочинить образцы добродѣтели, которые должны были послужить назидательнымъ примѣромъ для современниковъ и для потомства. Во всякомъ случаѣ онъ работалъ много и серьезно: въ душѣ его часто происходила тяжелая борьба между художникомъ и піэтистомъ и борьба эта подъ конецъ сломила его отъ природы слабый организмъ.

То религіозное настроеніе, подъ вліяніемъ котораго онъ предпринималъ путешествіе въ Іерусалимъ, не покидало его. Онъ не говорилъ о немъ съ людьми равнодушными къ религіознымъ вопросамъ, но оно явно сказывалось во всѣхъ его письмахъ къ матери, къ сестрамъ и къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ считалъ одинако-

выхъ съ собою убѣжденій. Онъ усердно читалъ Четіи-Минеи и разныя книги духовнаго содержанія, любилъ посѣщать монастыри, со слезами молился въ церквахъ...

* * *

Зиму 1851—52 г. онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, часто жаловался на слабость, на разстройство нервовъ, на припадки тоски, но никто изъ знакомыхъ не придавалъ этому значенія; всѣ знали, что онъ мнителенъ и давно привыкли къ его жалобамъ на разныя болѣзни. Въ кругу близкихъ пріятелей, въ тѣхъ домахъ, куда онъ могъ приходить „безъ фрака", онъ былъ иногда по прежнему веселъ и шутливъ, охотно читалъ свои и чужія произведенія, напѣвалъ своимъ „козлинымъ",—какъ самъ онъ называлъ,—голосомъ малороссійскія пѣсни и съ наслажденіемъ слушалъ, когда ихъ пѣли хорошо. Къ веснѣ онъ предполагалъ уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ свою родную Васильевку, чтобы тамъ укрѣпиться въ силахъ, и обѣщалъ пріятелю своему Данилевскому привезти ему уже совсѣмъ готовый второй томъ „Мертвыхъ Душъ".

Въ концѣ января 1852 года умерла жена Хомякова, урожденная Языкова, сестра поэта, съ которымъ Гоголь былъ очень друженъ. Гоголь всегда любилъ и высоко цѣнилъ ее, называя одною изъ достойнѣйшихъ женщинъ. Ея почти скоропостижная смерть (она болѣла очень недолго) сильно потрясла его. Къ естественной горести объ утратѣ близкаго человѣка, у него примѣшивался ужасъ передъ открытой могилой. Его охватилъ тотъ мучительный „страхъ смерти", который онъ испытывалъ не разъ и прежде. Онъ признался въ немъ своому духовнику, и тотъ старался успокоить его, но напрасно. На масляной Гоголь началъ говѣть и прекратилъ всѣ свои литературныя занятія; у знакомыхъ онъ бывалъ и казался спокойнымъ, только всѣ замѣчали, что онъ очень похудѣлъ и поблѣднѣлъ. Всѣ эти дни онъ не ѣлъ ничего, кромѣ просвиры, а въ четвергъ — исповѣдывался у своего духовника въ отдаленной части города и причастился. Передъ

принятіемъ св. даровъ Гоголь молился, обливаясь слезами. Священникъ замѣтилъ, что онъ очень слабъ, еле держится на ногахъ. Несмотря на то, онъ вечеромъ опять пріѣхалъ къ нему и просилъ отслужить благодарственный молебенъ. Во все время говѣнья онъ проводилъ ночи безъ сна на молитвѣ и въ ночь съ пятницы на субботу ему вдругъ послышались голоса, говорившіе, что онъ скоро умретъ. Онъ тотчасъ разбудилъ слугу и послалъ его за священникомъ, чтобы пособороваться, но, когда священникъ пришелъ, онъ нѣсколько успокоился и отложилъ совершеніе таинства до другого дня. Мысль о близкой смерти не оставляла его. Второй томъ „Мертвыхъ Душъ", его завѣтное произведеніе, былъ уже готовъ къ печати и онъ хотѣлъ оставить его на память друзьямъ своимъ. Онъ позвалъ къ себѣ графа А. П. Толстого, въ домѣ котораго жилъ, просилъ его взять рукопись къ себѣ и послѣ его смерти отвезти ее къ одному духовному лицу, которое должно было рѣшить, что изъ нея можно напечатать. Графъ Толстой не согласился взять бумаги, чтобы не показать больному, что друзья считаютъ положеніе его опаснымъ. Ночью, оставшись одинъ, Гоголь снова испыталъ тѣ ощущенія, которыя описывалъ въ своей „Перепискѣ съ друзьями". Душа его „замерла отъ ужаса при одномъ только представленьи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ; весь умирающій составъ его застоналъ, почуявъ исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся". Его произведеніе представилось ему, какъ представлялось часто и прежде, исполненіемъ долга, возложеннаго на него Создателемъ; его охватилъ страхъ, что долгъ этотъ выполненъ не такъ, какъ предначерталъ Творецъ, одарившій его талантомъ, что писанье его вмѣсто пользы, вмѣсто приготовленія людей къ жизни вѣчной, окажетъ на нихъ дурное, растлѣвающее вліяніе. Долго, со слезами молился онъ; потомъ въ три часа ночи разбудилъ слугу своего, велѣлъ ему открыть трубу въ каминѣ, отобралъ изъ портфеля бумаги, связалъ ихъ въ трубку и положилъ въ каминъ. Слуга бросился передъ

нимъ на колѣни и умолялъ его не жечь бумагъ, чтобы не жалѣть потомъ, когда выздоровѣетъ. „Не твое дѣло»,—отвѣчалъ Гоголь и зажегъ бумаги. Углы тетрадей обгорѣли и огонь сталъ потухать. Гоголь велѣлъ развязать тесемку и самъ ворочалъ бумаги, крестясь и молясь, пока онѣ не превратились въ пепелъ. Слуга плакалъ и говорилъ: „Что это вы сдѣлали!"

„—Тебѣ жаль меня?" —сказалъ Гоголь, обнялъ, поцѣловалъ его и самъ заплакалъ.

Онъ вернулся въ спальню, легъ на постель и продолжалъ горько плакать. На утро, когда свѣтъ дня разсѣялъ мрачныя картины, рисовавшіяся воображенію его ночью, ужасное аутодафе, которому онъ подвергъ свое лучшее, любимое созданіе, представилось ему въ иномъ видѣ. Онъ съ раскаяніемъ расказалъ о немъ графу Толстому, считалъ, что оно было сдѣлано подъ вліяніемъ злого духа и жалѣлъ, что графъ не взялъ у него раньше рукописи.

Съ этого времени онъ впалъ въ мрачное уныніе, не пускалъ къ себѣ друзей или, когда они приходили, просилъ ихъ удалиться подъ предлогомъ, что хочетъ спать; онъ почти ничего не говорилъ, но часто писалъ дрожащею рукою тексты изъ евангелія и краткія изреченія религіознаго содержанія. Отъ всякаго леченья онъ упорно отказывался, увѣряя, что никакія лекарства не помогутъ ему. Такъ прошла первая недѣля поста. Въ понедѣльникъ на второй духовникъ предложилъ ему пріобщиться и пособороваться. Онъ съ радостью согласился на это, во время обряда молился со слезами, за евангеліемъ держалъ слабой рукой свѣчу. Во вторникъ ему стало какъ будто легче, но въ среду у него сдѣлался страшный припадокъ нервной горячки и въ четвергъ, 21-го февраля, онъ скончался.

Вѣсть о смерти Гоголя поразила всѣхъ его друзей, до послѣднихъ дней не вѣрившихъ его мрачнымъ предчувствіямъ. Тѣло его, какъ почетнаго члена московскаго университета, было перенесено въ университетскую церковь, гдѣ оставалось до похоронъ. На похоронахъ присутствовали: московскій генералъ-губернаторъ Закревскій, попечитель московскаго учебнаго округа Назимовъ, про-

фессора, студенты университета и масса публики. Профессора вынесли гробъ изъ церкви, а студенты на рукахъ несли его до самого Данилова монастыря, гдѣ онъ опущенъ въ землю рядомъ съ могилой поэта Языкова. На надгробномъ памятникѣ Гоголя вырѣзаны слова пророка Іереміи: „Горькимъ моимъ словамъ посмѣюся“.

Умеръ великій писатель, а съ нимъ вмѣстѣ погибло и произведеніе, которое онъ создавалъ такъ долго, съ такою любовью. Было ли это произведеніе плодомъ вполнѣ развитого художническаго творчества или только воплощеніемъ въ образахъ тѣхъ идей, какія выражаются въ „Выбранныхъ мѣстахъ переписки съ друзьями“—это тайна, которую поэтъ унесъ съ собой въ могилу.

Найденныя въ бумагахъ его и изданныя послѣ его смерти отрывки принадлежатъ къ болѣе раннимъ редакціямъ поэмы и не даютъ понятія о томъ, какой видъ она приняла послѣ окончательной обработки автора.

Какъ мыслитель, какъ моралистъ, Гоголь стоялъ ниже передовыхъ людей своего времени, но онъ былъ съ раннихъ лѣтъ одушевленъ благороднымъ стремленіемъ приносить пользу обществу, живымъ сочувствіемъ къ человѣческимъ страданіямъ и находилъ для ихъ выраженія поэтическій языкъ, блестящій юморъ, живые образы. Въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ онъ отдавался непосредственному влеченію творчества, его наблюдательность, его могучій талантъ глубоко проникали въ жизненныя явленія и своими ярко-правдивыми картинами человѣческой пошлости и низости содѣйствовали пробужденію общественнаго самосознанія.

КОНЕЦЪ.

СОЧИНЕНІЯ А. М. СКАБИЧЕВСКАГО.

Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики 1868—1887.

Содержаніе: Новое время и старые боги. Русское недомыслие. Труеонъ объ искусствѣ. Герои голубиннаго полета. Теорія Лассаля. Живая струя. И. Д. Писаревъ. Старая правда. Чего нужно добиваться реальному поэту. Сорокъ лѣтъ русской критики. Герои вѣчныхъ ожиданій. Графъ Левъ Толстой. Старый идеализмъ въ современной оболочкѣ. Три человѣка сороковыхъ годовъ. Сентиментальное прекраснодушіе. Наши грядущіе Бисмарки. Литературные противорѣчія. Винигредъ современной морали. Наша современная беззавѣтность. Три письма о русской словесности. А. И. Левитовъ. Н. А. Некрасовъ. Разладъ художника и мыслителя. Эпидемія легкомыслія. Женскій вопросъ. Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни. Новый человѣкъ деревни. О нравственно-философскихъ идеяхъ гр. Л. Толстого. Власть тьмы. Пѣсни о женской неволѣ. Русскій историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ. Женщины въ пьесахъ Островскаго. А. С. Пушкинъ.

Къ «Сочиненіямъ» приложенъ портретъ автора, гравированнный въ Лейпцигѣ **Геданомъ**. Цѣна за два большихъ тома (около 1700 стр.) — **3** руб. Въ простомъ переплетѣ — **3** руб. **50** коп. Въ роскошномъ—**4** руб.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова.

Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ, и съ вступительной статьей М. Протопопова. Цѣна за два тома (около 1500 стр.) 2 р. 50 к. Въ простомъ переплетѣ—3 руб. Въ роскошномъ—3 р. 50 к.

Содержаніе: **Романы**: Подлиповцы.—Гдѣ лучше? — Ставленникъ.—Свой хлѣбъ.—Между людьми. **Мелкіе разсказы:** Николай Знаменскій — Макся. — Шилохвостовъ. — Тетушка Опариха. Кумушка Мирониха.—Яшка.—Очерки обозной жизни. Горнорабочіе (начало неоконченнаго романа).

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА.

Соч. П. Мантегацца.

Переводъ съ 5-го итальянскаго изданія. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Что такое экстазъ. Классификація экстазовъ. — **Экстазы дружбы и братской любви.**—**Экстазы материнской любви:** Человѣческое дитя въ глазахъ всѣхъ и въ глазахъ матери. Материнская гордость. Отецъ и дочь. **Экстазы дѣтской любви.**—**Экстазы платонической любви:** Существованіе и отрицаніе этой любви. 30 опредѣленій этой любви. Психологическій анализъ этой формы любви. Великія привязанности. Ураганы любви. Аскетическая стыдливость. Видѣнія платонической любви.—**Религіозные экстазы:** Глубокая аналогія между религіознымъ экстазомъ и любовью. Благоговѣніе. Данте и св. Тереза. Уничиженіе, жертвы, добровольное мученичество. Аскетическія видѣнія. Психическое вліяніе свѣта. Молитва, по опредѣленію богослововъ и психологовъ. Почему молятся. Прелести молитвы. Окружающая среда при религіозномъ экстазѣ. Церковь, колокола и органъ. Религіозные экстазы графини ***.—**Экстазы любви къ отечеству:** Маска Мадзини. Отечество и религія, герои отечества и святые. Лучше шовинизмъ, чѣмъ недостатокъ любви къ отечеству. Герои исторіи и безвѣстные герои. Эпидемическіе экстазы. Лѣсные пожары и пожары въ сердцѣ народномъ. **Эстетическіе экстазы:** Различные эстетическіе вкусы и необходимыя условія экстаза. Энтузіазмъ. Какого человѣка я болѣе всего жалѣю. Экстазы, вызываемые произведеніями искусства. Какой экстазъ самый великій? **Экстазы, вызываемые природой:** Экстазы, вызываемые моремъ. Земля и море. Экстазы человѣка при созерцаніи неба. **Музыкальные экстазы:** Музыка, быть можетъ, величайшее изъ человѣческихъ творчествъ. Простой или акустическій музыкальный экстазъ и его замѣчательная экспансивная сила. Различные характеры музыкальнаго экстаза. **Экстазы мысли:** Стремленіе къ истинѣ. Постепенное развитіе этого стремленія отъ любопытства до религіи и до экстаза. Очарованія, вызываемыя лабораторіей. Математическій экстазъ. Экстазъ въ библіотекѣ. **Экстазы фантазіи:** Бездны глубины и вышины. Ничтожное и громадное въ фантастическихъ полетахъ. Искусственные и самопроизвольные экстазы фантазіи. Возможное и будущее. **Экстазы красноречія:** Разница между писаннымъ и устнымъ словомъ. Всемогущество слова и его причины. Ораторъ и его слушатели. Экстазы обоихъ. Орфей. **Экстазы борьбы и могущества:** Очарованія Кавура, Гарибальди, Мольтке и Бисмарка. Сложная и неопредѣлимая природа этихъ экстазовъ. Два слова о психологіи воли. Локомотивы и геніи дѣла. Кратковременность и интенсивность этихъ экстазовъ. **Экстазы творчества:** Моисей и Дарвинъ. Создатель и его созданіе. Различные роды творчества. «А все-таки движется». Какой экстазъ самый возвышенный? Какая вершина самая выдающаяся на Гималаяхъ мысли? Природа и творчество. Заключеніе.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена. профессора Лозан университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.

МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ. гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис Ц. 1 р. 50 к.

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Монтегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.

ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис Ц. 1 р. 75 к.

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч часовъ. Съ 13 рис Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к.

СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міроведѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона Съ франц. 100 рис Ц. 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В Чиколева Ц. 30 к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В Чиколева. Ц. 25 к

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ А. Гано и Ж Маневрье. Перев Ф. Павленкова, В Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО. Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.

ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина, Ц. 75 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Барона Н. Корфа Ц. 10 к.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Гисандье. Съ рис. Переводъ съ французъ. Ц. 50 к.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц Ф Павленковъ. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.

ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста Съ нѣм 704 стр., 48 рис. Ц. 3 р. 50 к.

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

ОТЪ СѢВЕРНАГО ПОЛЮСА ДО ЭКВАТОРА. А. Брема. (Дополненіе къ „Жизни животныхъ"). Со многими рисунками. 2 тома. Цѣна за оба 2 р.

ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Д-ра Мейера и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

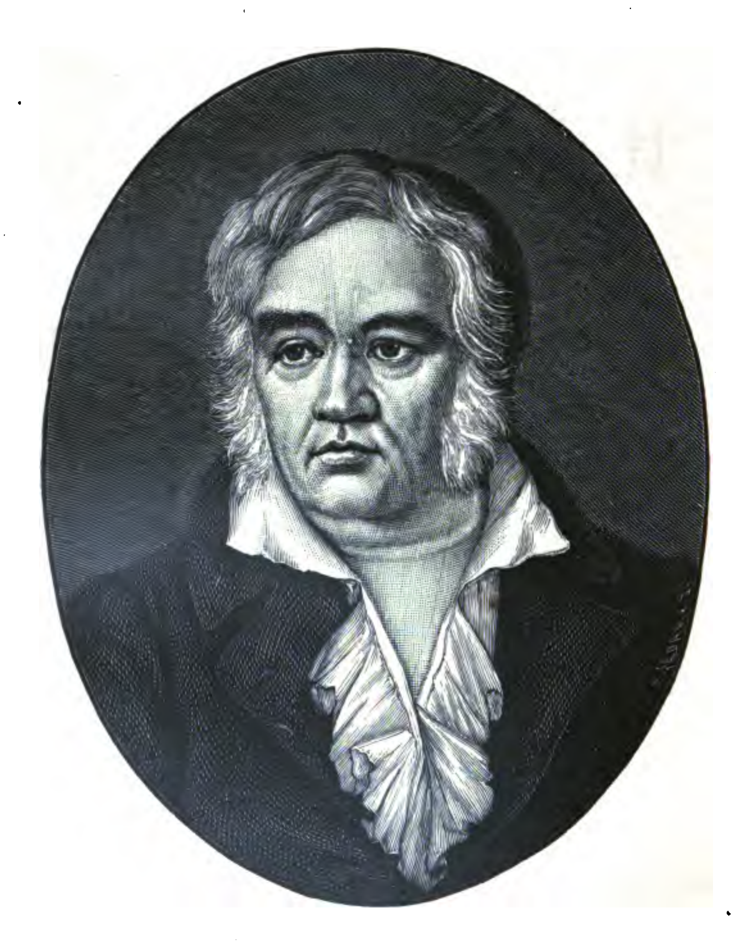
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Ніоде. Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. Д. Саломенса. Перев. съ англійск. Д. Головъ. Со мног. рисун. Ц. 1 р.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. А. Альмадингена. Ц. 60 к.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев. съ французск. М. Энгельгардта. Со многими рисун. Ц. 1 р.

ДАРВИНИЗМЪ. Популярное изложеніе ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растеній, животныхъ и человѣка. Ц. 60 к.

И. А. Крыловъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

И. А. КРЫЛОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. М. Бриліанта

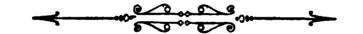
Съ портретомъ И. А. Крылова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГР. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39.
1891

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Января 1891 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Источники, послужившіе основаніемъ для біографіи И. А. Крылова.

1) Сборникъ статей, чит. въ отдѣленіи русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, 69 г., т. VI.

2) *Л. Н. Майковъ*, академикъ. Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ, „Р. В.“, 1889 г., кн. 5-я.

3) Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова съ біографіей П. А. Плетнева, изд. 1847 и 59 г.г.

4) Журналы: „Почта Духовъ“ 1789 г., „Зритель“ 1792 г., „Спб. Меркурій“—1793 г.

5) Примѣчанія къ баснямъ Крылова *В. Ѳ. Кеневича.*

6) Статья академика *А. Ѳ. Бычкова* о переводахъ басенъ Крылова на иностранные языки.

7) *Князь Вяземскій.* Полное собраніе сочиненій изд. гр. Шереметьева

8) *Батюшковъ.* Письма и сочиненія. Изд. Акад. Наукъ.

9) Басни И. А. Крылова съ біографіей *П. А. Плетнева.* изд. подъ редакціей *В. Кеневича.*

10) *Державинъ.* Біографія, т. IX, изд. Ак. Наукъ.

11) *М. И. Лобановъ*, академикъ. «Жизнь и соч. Крылова», 1847 г.

12) *Вигель.* Воспоминанія.

13) *И. И. Дмитріевъ.* „Взглядъ на мою жизнь“.

14) *М. И. Дмитріевъ.* „Изъ запаса моей памяти“.

15) *Жихаревъ.* „Дневникъ чиновника, О. З. 1855-го года, кн. 4, 5, 7, 8 и 9-ая.

16) *Пыпинъ.* Общественное движеніе при Александрѣ I.

17) *Колбасинъ.* Литературные дѣятели прежняго времени.

18) «Русская Старина» и другіе историческіе журналы.

ГЛАВА I.

Дѣтство и юность.

Равнодушіе Крылова къ его біографамъ.— Крыловъ — представитель прошлаго вѣка.—Рожденіе его.— Отецъ.—Пугачевщина.— Наслѣдственныя черты характера —Находчивость и хладнокровіе. — Опасность въ дѣтствѣ.— Лагерная жизнь.—Тверь.—Служба отца.—Воспитаніе того времени. — Ученіе Крылова. - - Смерть отца.—Мать.—Юноша-чиновникъ.— Домъ Львова. — Развлеченія.—Крѣпостной бытъ.—Вѣкъ Екатерины.— Журналы.—14-ти-лѣтній авторъ „Кофейницы".— Переѣздъ въ столицу.— Отставка. – Казенная палата.

Крыловъ не любилъ вспоминать о своей молодости и дѣтствѣ. Мудрый старикъ сознавалъ, что только въ басняхъ своихъ переживетъ онъ самого себя, своихъ сверстниковъ и внуковъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы родился въ сорокъ лѣтъ. Въ періодѣ полной своей славы онъ уже пережилъ своихъ сверстниковъ, и не отъ кого было узнавать подробностей его юнаго возраста. Крыловъ не интересовался тѣмъ, что о немъ пишутъ и говорятъ, оставлялъ безъ вниманія присылаемыя ему для просмотра собственныя его біографіи—русскія и французскія. На одной изъ нихъ онъ написалъ карандашемъ: «Прочелъ. Ни поправлять, ни выправлять ни время, ни охоты нѣтъ». Неохотно отвѣчалъ онъ и на устные разспросы. А насъ интересуютъ конечно малѣйшія подробности его жизни и дѣтства. Послѣднее интересно еще тѣмъ болѣе, что Крыловъ весь, какъ по рожденію и воспитанію, такъ и по складу ума и характера, принадлежитъ прошлому вѣку. Двадцать пять лѣтъ уже истекаетъ съ того дня, какъ вся Россія праздновала столѣтній юбилей дня рожденія славнаго баснописца. Онъ родился 2-го

февраля 1768 года въ Москвѣ. Знаменитый впослѣдствіи анекдотической лѣнью, Крыловъ началъ свой жизненный путь среди странствій, трудовъ и опасностей. Онъ родился въ то время, когда отецъ его, бѣдный армейскій офицеръ, стоялъ со своимъ драгунскимъ полкомъ въ Москвѣ. Но поднялась пугачевщина, и Андрей Прохоровичъ двинулся со своимъ полкомъ на Уралъ. Ревностный воинъ,—отецъ Крылова съ необыкновенной энергіей отстаивалъ отъ Пугачева Яицкій городокъ.

«Къ счастью», говоритъ Пушкинъ въ своей «Исторіи Пугачевскаго бунта»: «въ крѣпости находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія». Нашъ баснописецъ наслѣдовалъ отъ отца эти качества и нерѣдко проявлялъ въ оригинальной формѣ какъ осторожность и благоразуміе, такъ и находчивость или рѣшительность.

Хладнокровіе и рѣшительность были вѣроятно причиной успѣховъ его и въ карточной игрѣ, которой со страстью предавался онъ одно время. Тѣми же качествами, хотя и не въ той оригинальной формѣ, обладалъ отецъ Крылова, а это въ борьбѣ съ такимъ врагомъ, какъ Пугачевъ, было гораздо важнѣе, чѣмъ безразсудная слѣпая отвага, въ которой и у послѣдняго не было недостатка. Въ самомъ дѣлѣ, оборона капитана Крылова привела въ такую ярость Пугачева, что онъ «скрежеталъ» зубами послѣ неудачнаго приступа и грозилъ повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. «Такимъ образомъ», говоритъ Пушкинъ, «обреченъ былъ смерти и четырехлѣтній ребенокъ, впослѣдствіи славный Крыловъ». Но Пушкинъ ошибался въ возрастѣ Крылова: ему шелъ уже въ то время седьмой годъ.

Ужасы того времени должны были оставить неизгладимый слѣдъ въ умномъ и наблюдательномъ ребенкѣ. Во всякомъ случаѣ походная жизнь, семейная обстановка бѣднаго армейскаго офицера и тѣсное соприкосновеніе съ военнымъ бытомъ, съ его тревогами, откровенными нравами и сценами то трагическаго, то комическаго характера, имѣли не-

сомнѣнное вліяніе на образованіе характера Крылова. Быть можетъ не покидавшая его во всю жизнь страсть къ пожарамъ, благодаря которой лѣнивый и равнодушный Крыловъ подымался съ постели и дѣлался проворнымъ и торопливымъ, была именно плодомъ впечатлѣній того періода дѣтства. Но что еще важнѣе, впечатлѣнія этого времени имѣли вліяніе на его позднѣйшее отношеніе къ народу, къ его бурной силѣ и порывамъ.

Конечно, тревожное дѣтство не было хорошей подготовкой къ правильному образованію и воспитанію. Правда, вслѣдъ за окончаніемъ бунта отецъ Крылова вышелъ въ отставку и поселился въ Твери, гдѣ получилъ мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата. Но условія жизни даже губернскаго города были не таковы, чтобы поправить дѣло. Ни постоянныхъ пансіоновъ, ни городскихъ школъ въ то время еще не знали. Народныя училища стали возникать только съ 1786 года. Современникъ Крылова, извѣстный поэтъ и баснописецъ Дмитріевъ, сынъ родового помѣщика, не жалѣвшаго средствъ для его образованія, обучался однако ариѳметикѣ у гарнизоннаго солдата, сержанта Копцева, отъ котораго слышалъ одни только «непонятныя слова»: искомое, дѣлимое и т. д.

Все-же, на ряду съ «обязанностями чиновъ», Дмитріевъ въ въ пансіонѣ знакомился съ исторіей и писалъ письма «по темамъ». Маленькій Крыловъ лишенъ былъ даже такого скуднаго образованія. Учителей русскаго языка тогда не было, какъ не было ихъ и позже, даже въ началѣ царствованія Александра; въ замѣнъ того учили французскому языку и миѳологіи. Не было учителей и для Закона Божія. Сельскіе священники, происходя изъ дьячковъ, знали только по навыку одну церковную службу, а о катехизисѣ не имѣли понятія. Между тѣмъ любознательность въ обществѣ росла. Родители Крылова воспитаны были въ то время, когда даже самое слово «воспитаніе» понимали совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. «Могу сказать», говорила одна барыня, «мы у нашего батюшки хорошо воспитаны: «одного меду невпроѣдъ было». Правда, если не было еще воспитанія и правильнаго ученія, то былъ уже Ломоносовъ, примѣръ котораго дѣйствовалъ возбудительно на многихъ, а начало царствованія Екатерины II создало

обширную литературу, переводную и оригинальную. Къ счастью отецъ и мать Крылова понимали и цѣнили образованіе. Отецъ его оставилъ послѣ себя цѣлый сундукъ книгъ, что въ то время было большой рѣдкостью и роскошью, особенно при походной жизни бѣднаго армейскаго офицера.

Предсѣдателемъ губернскаго магистрата въ Твери отецъ Крылова былъ недолго, и черезъ три года умеръ, оставивъ семью—нашего Крылова, одиннадцатилѣтняго отрока, съ матерью и младшимъ братомъ Львомъ—безъ всякихъ средствъ. Пока отецъ былъ живъ, онъ помогалъ матери въ воспитаніи сына и училъ его, чему могъ, по крайней мѣрѣ русской грамотѣ. Теперь мать могла лишь давать наставленія дѣтямъ въ правилахъ религіи, насколько дозволяло ей время, уходившее на хозяйство и хлопоты о пропитаніи семьи. Кромѣ того юноша учился французскому языку у гувернера-француза въ домѣ помѣщика Львова, вмѣстѣ съ его дѣтьми. Благодаря почетному положенію отца Крылова въ городѣ, ему не трудно было получить отъ Львова дозволеніе сыну приходить на уроки его дѣтей. Это было въ то время въ общемъ обыкновеніи, но часто вліяло дурно на характеръ дѣтей, такъ какъ гувернеры не забывали указывать ученикамъ на разницу ихъ положенія и воспитывали часто спѣсивость въ однихъ, зависть и лесть въ другихъ. Можетъ-быть поэтому Крыловъ учился неохотно. Мать лаской и разными средствами старалась однако поощрять его. Крыловъ самъ впослѣдствіи, измѣнивъ разъ своей обычной сдержанности и молчанію, простодушно отвѣтилъ г-жѣ Карлгофъ на вопросъ о томъ, отличался ли онъ чѣмъ-нибудь въ дѣтствѣ: «и, матушка, былъ дитя, какъ и всѣ: игралъ, рѣзвился, учился не отлично, иногда меня и сѣкали». Но такъ-ли это? Не отличаясь ничѣмъ отъ сверстниковъ, при обстановкѣ мало удобной для образованія и развитія, едвали могъ явиться 14-лѣтній юноша уже авторомъ литературнаго произведенія—слабаго, но не лишеннаго интереса и таланта.

* * *

Девяти лѣтъ Крыловъ записанъ былъ—конечно только формально—подканцеляристомъ въ Калязинскомъ магистратѣ.

Со смертью отца перечислили его съ тѣмъ-же чиномъ въ Тверской магистратъ на дѣйствительную службу.

Одиннадцати лѣтъ становится онъ опорой семьи. Положеніе безотрадное, но Крылову, можно сказать, было счастье. Заключалось оно въ томъ, что родители его были честные люди. Протянуть всю жизнь военную лямку, потомъ занять мѣсто предсѣдателя магистрата и хотя бы въ три года службы ничего не оставить семьѣ, для человѣка способнаго, какимъ былъ отецъ Крылова, значило въ то время быть честнымъ человѣкомъ.

Въ прошеніи о пенсіи на имя государыни вдова писала, что мужъ оставилъ ее въ нищетѣ, такъ какъ, «не имѣя вотчинъ», содержалъ семью однимъ жалованіемъ. Но вдовьи слезы не дошли до императрицы. Да и наивна была ея просьба. Жалованье въ то время гражданскимъ чинамъ давалось ничтожное, взамѣнъ того имъ предоставлялось «кормиться». «Кормленіе» заключалось въ «благодарности» и взяткахъ. Съ этимъ явленіемъ мирилась сама Екатерина, и строгіе указы противъ взятокъ не тревожили сна Частобраловыхъ и Кривосудовыхъ.

Взамѣнъ денегъ отецъ Крылова оставилъ сыну неслыханное въ то время при его состояніи наслѣдство—сундукъ съ книгами. Тутъ были конечно и «Свѣтъ зримый въ лицахъ», и «Древняя Вивліоѳика» Новикова, и его-же «Дѣянія Петра Великаго» «съ дополненіями»—настольныя книги того вѣка и начала нынѣшняго, а рядомъ съ этимъ несомнѣнно были Жиль-Блазъ, Шехеразада, Телемакъ и быть-можетъ Донъ-Кихотъ. Вмѣстѣ съ книгами наслѣдовалъ Крыловъ отъ отца и охоту къ чтенію. Причиной того, что Крыловъ неохотно учился, были конечно и случайность, отрывочность его скуднаго ученія, и недостатокъ наглядности, которой требовалъ его живой, наблюдательный умъ. Но охота, можно сказать даже страсть къ чтенію осталась у него на всю жизнь. Впослѣдствіи, уже славный баснописецъ, Крыловъ во время дежурства на службѣ въ Публичной Библіотекѣ не скучалъ, подобно своимъ сослуживцамъ. Въ то время какъ Гнѣдичъ во время дежурства нервно ходилъ по двору и приходившимъ знакомымъ

молча указывалъ лишь пальцемъ на орденскій крестъ на груди, поясняя этимъ свое нервное состояніе, Крыловъ, взобравшись съ ногами на диванъ, запоемъ читалъ глупѣйшіе романы. Подобные романы читалъ тогда Крыловъ конечно не изъ интереса къ ихъ содержанію, и часто только при развязкѣ восклицалъ: «Ахти, да кажется я эту книгу ужъ читалъ», и дѣйствительно случалось, что читалъ онъ ее лишь за нѣсколько дней до того. Конечно это машинальное чтеніе необходимо было для того, чтобы удалить на время тѣ образы, что наполняли наблюдательный умъ баснописца. «Надобно дать отдыхъ уму», говаривалъ онъ самъ. Какъ-бы то ни было, этою страстью къ чтенію отличался онъ уже въ отрочествѣ. На ряду съ этимъ работалъ по своему и его наблюдательный умъ, рано обнаруживая въ немъ врожденную склонность къ каррикатурѣ и сатирѣ. Въ образованномъ домѣ Львова онъ не могъ не познакомиться тогда уже съ Лафонтеномъ и французской сатирой и каррикатурой, хотя конечно очень поверхностно, а сатирическіе журналы Екатерининскаго вѣка изощрили его наблюдательность и направили ее на современные типы. Въ этихъ журналахъ, разъ попали они въ его руки, онъ немедленно долженъ былъ узнать черты окружающаго быта—такъ обыденны были типы журнальной сатиры. Въ то время было принято писать лица съ натуры, «съ подлинниковъ», какъ это называли; этимъ пріемомъ восполнялся недостатокъ художественнаго таланта и достигалась обличительная цѣль. Лица были замаскированы, но такъ, что ихъ не трудно было узнать. Въ Твери, какъ въ губернскомъ городѣ, проживали временно неслужащіе дворяне, здѣсь спускали они оброки на неприхотливыя развлеченія и модные наряды. Крѣпостной бытъ со всѣмъ его произволомъ, дикимъ невѣжествомъ, грубыми нравами и суевѣріемъ ярко блисталъ и въ городѣ. По простаковски раздѣлывались дворяне со своими челядинцами. Въ магистратѣ устраивались кляузныя дѣла и вымогательства. Крыловъ, какъ доказываетъ его опера «Кофейница», рано сталъ относиться къ жизни болѣе или менѣе сознательно. Ему помогали въ этомъ раннее физическое и умственное развитіе и сама судьба, поставившая его еще мальчикомъ въ положеніе кормильца семьи.

Маленькій чиновникъ зналъ многое, чего другому и не снится еще въ его возрастѣ. Онъ любилъ кромѣ того толкаться среди простого народа. Его привлекали зрѣлища—пожары, кулачные бои; любилъ онъ также по цѣлымъ часамъ просиживать гдѣ нибудь у портомоенъ, слушая разсказы простыхъ и крѣпостныхъ людей. Здѣсь вѣроятно почерпнулъ онъ изъ какого-нибудь разсказа и сюжетъ своей «Кофейницы».

* * *

Быть можетъ болѣе, чѣмъ думалъ онъ самъ, былъ правъ тотъ тверской обыватель, который говорилъ: «Знаменитый баснописецъ принадлежитъ особенно нашей Твери. Здѣсь онъ воспитался и провелъ первые годы юности своей, здѣсь онъ началъ свое гражданское служеніе». Правъ, если смотрѣть на Тверь, какъ на миніатюръ Россіи прошлаго вѣка. Но особенно радоваться тверскому обывателю здѣсь нечему. Характеръ Крылова и многое въ его произведеніяхъ и во взглядахъ говоритъ о потерѣ этого именно возраста для правильнаго его образованія и развитія. Въ тогдашней Твери было много такого, чего Крылову можетъ-быть не привелось видѣть потомъ въ зрѣломъ возрастѣ и что воплотилось въ его басняхъ въ образахъ не совсѣмъ чистыхъ животныхъ; въ этомъ смыслѣ тоже правъ товарищъ его дѣтства.

Сатира вѣка Екатерины осмѣивала въ особенности нелѣпыя подражанія иностранцамъ: моды, манеры и употребленіе некстати иностранныхъ словъ—все, что совершенно не ладило со строемъ русскаго, да еще крѣпостнаго быта и въ чемъ многіе думали видѣть плоды просвѣщенія. Крылову, съ его чисторусскимъ умомъ, насмѣшливымъ и мѣткимъ въ остроумной каррикатурѣ, эта война пришлась особенно по душѣ; впослѣдствіи онъ даже дошелъ до чрезмѣрной крайности въ непріязни ко всему иноземному, что красной нитью проходитъ черезъ всѣ его произведенія. Юноша попробовалъ силы въ комедіи, подражая въ этомъ отношеніи самой императрицѣ. Плодомъ такой пробы пера и явилась комическая опера «Кофейница». Здѣсь Крыловъ намѣтилъ въ каррикатурѣ то, къ чему потомъ вернулся въ журнальной сатирѣ и наконецъ въ

баснѣ, изобразивъ «ворону въ павлиньихъ перьяхъ». Въ духѣ сатиры того времени юноша назвалъ свою героиню «Новомодова», уже обличая этимъ наиболѣе комичную сторону ея характера. Вотъ образецъ ея разсужденій:

Кофейница. (Гадаетъ, глядя на гущу). «Какъ ваше имя сударыня?»

Новомодова. «Да развѣ ты не можешь угадать это на кофе? Да на что-жь тебѣ его и знать? Не по имени-ли и по отчеству хочешь ты меня звать?»

Кофейница. «Конечно, сударыня».

Новомодова. «О мадамъ! Пожалуйста не дѣлайте этого дурачества, для того что это пахнетъ русскимъ обычаемъ и ужасть какъ не хорошо. Я никогда во Франціи не слыхала, чтобъ тамъ другъ дружку звали по имени и отчеству, а всегда зовутъ мамзель или мадамъ, а это только наши русскіе дураки дѣлаютъ, и это безмѣрно какъ дурно».

Поклонница Франціи и французскаго языка, она однако въ совершенствѣ спрягаетъ глаголъ «драть» и склоняетъ «палки».

Опера слаба, но она не слабѣе оперъ того времени, принадлежавшихъ болѣе опытнымъ писателямъ; по крайней мѣрѣ въ ней нѣтъ баласта, есть юморъ и мѣстами недурные стихи, хотя есть и такіе, какъ «драться я не не умѣю» и т. д. При всѣхъ ея недостаткахъ, въ ней чувствуется та «свѣжесть созданія, которая всегда отличаетъ раннія, съ любовью отдѣланныя произведенія пробуждающихся сильныхъ дарованій» (Майковъ).

Въ то время какъ юный чиновникъ и сатирикъ пробовалъ свои еще не окрѣпшіе *львиные когти*, мать его рѣшилась отправиться съ семьей въ Петербургъ и тамъ искать протекціи для сына по службѣ или хлопотать о пенсіи. Въ самый годъ появленія «Недоросля», въ 1782 году, Крыловъ съ матерью и братомъ очутились въ этой новой столицѣ, въ томъ городѣ, который уже тогда современники называли «прекраснымъ».

Крыловъ получилъ мѣсячный отпускъ. Срокъ этотъ скоро истекъ, но Твери уже не суждено было увидѣть своего блуднаго сына. Только въ слѣдующемъ году тверской магистратъ хватился пропавшаго подканцеляриста «крылова» и послалъ въ Петербургъ требованіе: «крылова, яко проживающаго засрокомъ, сыскавъ прислать за присмотромъ».

Отецъ Крылова оставилъ военную службу вѣроятно вслѣдствіе личныхъ неудовольствій, такъ какъ при переходѣ на статскую службу не былъ награжденъ даже повышеніемъ чина. За него просилъ самъ Потемкинъ, но ему отвѣчали, что Крыловъ уже уволенъ и награжденіе его зависитъ отъ сената, куда военная коммиссія постановила «сообщить». Что сталось съ этимъ сообщеніемъ, неизвѣстно. Быть можетъ, еслибы Крыловъ-отецъ дожилъ до старости, его привезли-бы съ *фельдъегеремъ* въ Петербургъ и наградили за старую службу, какъ это сдѣлалъ императоръ Павелъ съ однимъ бѣднымъ маіоромъ, состарившимся въ своей глухой деревенькѣ.

Не знаемъ, нужно-ли жалѣть, что капитанъ Крыловъ не дожилъ до запоздавшаго награжденія, когда къ нему, какъ и къ маіору, вполнѣ была-бы приложима басня «Бѣлка», написанная позднѣе его сыномъ. Бѣлка при отставкѣ получила возъ орѣховъ:

«Орѣхи славные, какихъ не видѣлъ свѣтъ;
Всѣ на подборъ орѣхъ къ орѣху—чудо,
Одно лишь только худо:
Давно зубовъ у бѣлки нѣтъ».

Однако матери Крылова повидимому удалось отыскать покровителя, если не въ лицѣ самого Потемкина, то кого-нибудь изъ прежнихъ начальниковъ или сослуживцевъ мужа, и вслѣдъ за грознымъ приказомъ о розыскѣ Крылова послѣдовалъ приказъ тверского и новгородскаго генералъ-губернатора графа Брюсса, коимъ подканцеляристъ Крыловъ, согласно прошенію его, за слабостью здоровья, на основаніи указа о вольности дворянства—«поелику онъ изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей»—уволенъ отъ должности, съ награжденіемъ *за безпорочную службу* чиномъ канцеляриста. Вслѣдъ за тѣмъ Крыловъ поступаетъ на службу въ Казенную Палату, съ жалованьемъ 25 рублей въ годъ, и остается навсегда въ Петербургѣ.

ГЛАВА II.

Первые шаги на литературномъ поприщѣ.

Старый Петербургъ.— Увлеченіе Крылова сценой.—Дмитревскій въ „Семирѣ“.—Театръ въ Эрмитажѣ.—Сумароковъ.—Расинъ и Буало.—„Клеопатра“.—Судъ Дмитревскаго.—Новая попытка въ ложно-классическомъ родѣ: „Филомела“ и новая неудача.—Дмитревскій.—Вліяніе его на Крылова.—Дворъ Екатерины.—Комедіи Крылова.—Перемѣна службы.—Смерть матери.—Новыя связи и знакомства.—Литераторы и вельможи.—Ссора съ Княжнинымъ и Соймоновымъ.—Мстительность.—Письма Крылова. —«Проказники».

«Старый Петербургъ» въ 1782 году не былъ красивъ и грандіозенъ, какъ теперь, но все-же не даромъ его называли «прекраснымъ». Не говоря уже о царственной Невѣ и каналахъ, городъ поражалъ глазъ своею стройностью и свѣжестью новизны. Здѣсь было «окно въ Европу», и даже сами враги всего, что не Русью пахло, смирялись предъ этимъ новымъ величіемъ. Правда, на Невскомъ дворцы и каменныя зданія перемежались еще деревянными домиками и пустырями,но этотъ недостатокъ скрадывали огромные сады. Еще недавно Фонтанка была границей города и на ней вырубали лѣса, «дабы ворамъ пристанища не было», а теперь здѣсь красовались дворцы, построенные Растрелли и другими знаменитыми архитекторами, тянулись сады вельможъ и т. д. Границы города отодвинулись дальше; онъ росъ какъ сказочный младенецъ «не по днямъ, а по часамъ». Уже высился во всемъ своемъ величіи Зимній Дворецъ. Екатерина закончила его и основала Эрмитажъ. Особое и драгоцѣннѣйшее достояніе Петербурга представлялъ тотъ рѣдкій по красотѣ и величію памятникъ его основателю, которымъ и теперь любуемся мы и наши гости.

Мать Крылова поселилась съ сыновьями въ Измайловскомъ полку. Хотя это было уже въ чертѣ города, но все напоминало здѣсь больше Тверь, чѣмъ столицу. И здѣсь на каждомъ окнѣ можно было видѣть горшокъ бальзамина, а огороды и домашняя птица составляли подспорье въ хозяйствѣ обитателей. Однимъ годовымъ жалованьемъ сына въ 25 рублей жить было нельзя, даже при баснословной дешевизнѣ того времени. Первое время Крылова занимала новая обстановка. Но не городъ и не служба были главнымъ предметомъ его вниманія. Его влекла литература. Крыловъ понесъ свою «Кофейницу» къ извѣстному тогда въ Петербургѣ типографу-книжному торговцу и любителю музыки—Брейткопфу. Думалъ-ли послѣдній что-нибудь сдѣлать изъ этой оперы, или хотѣлъ только поддержать смѣлаго юношу, въ которомъ замѣтилъ если не талантъ, то по крайней мѣрѣ умъ и увѣренность, только онъ купилъ у Крылова «Кофейницу» за 60 рублей. Такой успѣхъ конечно возвысилъ Крылова въ его собственныхъ глазахъ и доставилъ ему уваженіе и почетное мѣсто въ средѣ сослуживцевъ. Театръ былъ въ это время единственнымъ источникомъ, удовлетворявшимъ эстетическимъ потребностямъ, пробуждавшимся въ обществѣ; но за то онъ имѣлъ такихъ горячихъ любителей, такихъ страстныхъ поклонниковъ, какихъ не знаетъ уже наше время. Ничто такъ не сближало людей, какъ страсть къ театру, къ сценѣ. Въ канцеляріяхъ чиновники въ то время не были обременены работой и могли свободно вести разговоры, иногда даже горячіе споры о достоинствѣ пьесы и артистовъ; каждый актеръ и актриса имѣли свою партію. Первыми знакомствами Крыловъ былъ обязанъ своему имени автора театральной пьесы. Знакомства завязывались не только въ канцеляріи, но и въ театрѣ. Вольнаго театра еще не существовало, но зато былъ не труденъ доступъ въ придворный театръ въ Эрмитажѣ.

«Екатерина хотѣла по два раза въ недѣлю доставлять своимъ подданнымъ счастье видѣть ее и наслаждаться плодами ума, таланта и изящнаго вкуса». Мѣста въ ложахъ и партерѣ назначены были по чинамъ, въ райкѣ-же дозволялось быть зрителямъ всякаго состоянія. Здѣсь Крыловъ въ первый разъ увидѣлъ Дмитревскаго въ «Семирѣ» и Сандуновыхъ въ оперѣ

«Cosa rara» (Рѣдкая вещь). Семира была вѣнцомъ славы Сумарокова, который особенно въ Петербургѣ «утвердилъ вкусъ публики надолго». Это не могло не имѣть вліянія на развитіе и направленіе таланта Крылова. Театръ не только удовлетворялъ потребности въ развлеченіи, но служилъ чуть-ли не единственнымъ источникомъ и эстетическаго развитія.

Въ райкѣ театра знатоки и любители имѣли уже свои условленныя мѣста. Сужденія и споры, начатые здѣсь, продолжались на другой день въ канцеляріяхъ. Крыловъ, хотя онъ уже въ свои 15—16 лѣтъ не легко поддавался чужому вліянію,—не устоялъ противъ вліянія театра и чтенія.

Вмѣсто денегъ за свою «Кофейницу» взялъ онъ у Брейткопфа книги, а именно Расина, Мольера и Буало. Съ этой минуты слава «русскаго Расина»—Сумарокова и лавры Княжнина не давали юношѣ спать. Но у Расина были талантъ и знаніе, у Сумарокова тоже была частица таланта, у Крылова-же и другихъ подражателей не было ни драматическаго таланта, ни образованія, ни развитого вкуса. Въ монологахъ Сумарокова слышались идеи Вольтера и проводились понятія великаго, блестящаго и разнообразнаго XVIII вѣка. У Крылова конечно не могло быть и тѣни чего-нибудь подобнаго. Тѣмъ не менѣе онъ принялся и написалъ «Клеопатру».

Кончивъ пьесу, понесъ онъ ее къ знаменитому тогда актеру Дмитревскому. Послѣдній жилъ на Гагаринской набережной, но Крылову вообразилось, что у Дмитревскаго, который принялъ его ласково и оставилъ пьесу у себя, не будетъ теперь никакого дѣла, кромѣ чтенія его трагедіи, и онъ изъ Измайловскаго полка сталъ ежедневно «навѣдываться о судьбѣ своего дѣтища». Наконецъ Дмитревскій принялъ его и сталъ читать трагедію съ нимъ вмѣстѣ. «Добродушно и охотно слушалъ умный, тактичный старикъ, разбиралъ содержаніе, дѣлалъ свои замѣчанія осторожно, но вѣско; хвалилъ, что было можно, поощряя къ труду, но не пропустивъ безъ замѣчанія ни одного явленія, ни одного даже стиха, ясно показалъ, отчего дѣйствіе незанимательно, явленія скучны, языкъ разговоровъ не соотвѣтствуетъ предметамъ, словомъ, что трагедія никуда не годится и легче написать новую, чѣмъ исправить старое». Кры-

ловъ понялъ и уничтожилъ Клеопатру. Взамѣнъ ея написалъ онъ «Филомелу», взявъ сюжетомъ миѳологическое преданіе древней Греціи. Миѳологія была тогда неизбѣжной приправой ко всякому знанію или, вѣрнѣе сказать, ко всякому невѣжеству. Крыловъ успѣлъ съ нею познакомиться по принятымъ руководствамъ, но наука сводилась къ знанію лишь именъ миѳическихъ существъ и героевъ, безъ малѣйшаго понятія о духѣ древняго міра. Это отразилось конечно и на «Филомелѣ».

«Я люблю только ужасное—таковъ мой вкусъ», говоритъ авторъ одной пьесы въ романѣ «Жиль-Блазъ»: «Я согласенъ съ Аристотелемъ: надо возбуждать ужасъ». «Это одинъ изъ тѣхъ трагическихъ сюжетовъ, которые волнуютъ душу образами смерти. Ахъ, еслибы я писалъ для театра! я никого-бы не выставлялъ на сцену, кромѣ кровожадныхъ принцевъ, кромѣ свирѣпыхъ героевъ, я-бы въ моихъ трагедіяхъ губилъ не только главныхъ лицъ, но даже стражу. Всѣхъ-бы убивалъ до суфлера». Таковъ былъ общій вкусъ того времени, и Плавильщиковъ вызывалъ восторгъ образованной публики тѣмъ, что былъ похожъ на «рыкающаго льва». «Филомела» дошла до насъ. Герой ея, согласно характеру Крылова, очень добродушно разсуждаетъ объ ужасныхъ страстяхъ. «Я имя на себя злодѣя возлагаю», говоритъ Терей: «а ставъ злодѣемъ, я весь свѣтъ пренебрегаю».

Дѣйствующія лица—манекены въ греческихъ тогахъ. «Всѣ условія, необходимыя по тогдашнему времени въ трагедіи соблюдены строго. Въ ней пять дѣйствій, Александрійскіе рифмованные стихи, возвышенный языкъ, т. е. смѣсь русскаго и церковно-славянскаго, при герояхъ—наперсники, превышающіе ихъ догадливостью въ крайнихъ случаяхъ; страсти—благородныя, свойственныя лицамъ идеальнымъ, злодѣянія выступаютъ за предѣлы человѣческихъ силъ, словомъ все, чему полагалось непремѣнно быть, кромѣ художественной истины и жизни. съ ея красками страны и народности».

Три года спустя Крыловъ самъ еще злѣе осмѣялъ подобныя пьесы и ихъ авторовъ.

Дмитревскій забраковалъ Филомелу. Но эта строгая оцѣнка его произведеній не оттолкнула умнаго юноши

отъ опытнаго актера. Напротивъ, онъ видѣлъ въ немъ своего руководителя и друга. Да, несмотря на разницу лѣтъ—Дмитревскій былъ 32 годами старше Крылова—ихъ отношенія становились все тѣснѣе и перешли въ дружбу. Конечно, это говоритъ въ пользу ума и развитія Крылова, но надо помнить также и необыкновенный тактъ Дмитревскаго. Притомъ образованіе и европейское просвѣщеніе не стерло съ его характера національныхъ красокъ и не уничтожило въ немъ привычекъ чисто-русскаго человѣка. Такимъ образомъ, въ характерѣ его и Крылова было много общаго.

Но при блестящемъ дворѣ Екатерины, умѣвшей соединять простоту и величіе, образовалъ онъ свой характеръ и манеры такъ, что больше походилъ на царедворца, чѣмъ на актера. Самъ грозный Павелъ сказалъ ему разъ, смѣясь его находчивому отвѣту: «ну, ты извѣстный куртизанъ матушкина двора». Крыловъ нашелъ у него такимъ образомъ школу не только для своего таланта, но и для характера и житейскаго воспитанія, чего не могла ему дать ни домашняя среда, ни приказная. И онъ съумѣлъ воспользоваться этими уроками, хотя и не сразу. Крыловъ, мнѣніемъ котораго всѣ дорожили, когда онъ успѣлъ развить въ себѣ тонкій вкусъ и пониманіе, всегда или хвалилъ, или молчалъ, какъ-бы со всѣмъ соглашаясь, или тонко улыбался, не давая замѣтить, кому не слѣдовало, этой улыбки или предоставляя каждому толковать ее въ свою пользу. Нѣкто изъ писателей напечаталъ въ предисловіи къ плохому, вездѣ забракованному сочиненію похвалы, слышанныя имъ отъ Ив. Андр. «Вотъ вамъ конфетка за неосторожность вашу», сказалъ ему Гнѣдичъ, но Ив. Андр. продолжалъ слѣдовать своей системѣ. Извѣстный въ молодости своимъ острымъ языкомъ, шутками и эпиграммами, Крыловъ-баснописецъ ушелъ однажды вдругъ среди одного литературнаго обѣда подъ предлогомъ нездоровья. Пріятель его, Лобановъ, догадался, что причиной были эпиграммы противъ нѣкоторыхъ лицъ. Ив. Андр. дѣйствительно сознался, что такъ. Хотя на него уже никто не могъ подумать, но «все-таки лучше дальше отъ зла», говорилъ онъ. «Вѣдь могутъ подумать: онъ тамъ былъ, стало быть дѣлитъ ихъ образъ мыслей».

Такъ остороженъ сталъ Крыловъ, умудренный долгимъ опытомъ, съ трудомъ лишь въ зрѣломъ возрастѣ добившись покоя, который онъ такъ высоко цѣнилъ, который такъ нуженъ былъ въ самомъ дѣлѣ славному баснописцу для его мудрой творческой работы.

* * *

Вернемся къ его первымъ шагамъ на литературномъ пути.

Онъ какъ-бы очнулся теперь отъ долгаго сна. Петербургъ съ его европейскими зданiями, порядками и образомъ жизни заставилъ Крылова забыть на время вражду къ иноземцамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Петербургѣ, не только сравнительно съ Тверью, но даже съ Москвой, жизнь была проще. Не такъ силенъ былъ контрастъ нелѣпой старины и не менѣе нелѣпыхъ, ложныхъ внѣшнихъ подражанiй. Контрастъ значительно сглаживался, особенно благодаря влiянiю самой императрицы, соединявшей вокругъ себя все лучшее, что только выражало собою образованiе и вкусъ, любезность и простоту. Вмѣстѣ съ тѣмъ привычки, развлеченiя, интересы и правила общежитiя столичнаго населенiя заимствовали свой свѣтъ отъ нея. Екатерина II дѣйствовала не только какъ царица, но и какъ женщина обаянiемъ своего такта, ума и любезности. Очень возможно, что Крылову уже въ первое время пребыванiя въ Петербургѣ случалось видѣть близко этотъ кругъ. Есть указанiя на то, что позднѣе, во время своей журнальной дѣятельности, онъ бывалъ на собранiяхъ въ Эрмитажѣ, но Лобановъ говоритъ, что Бецкiй читалъ и одобрилъ его первую басню, написанную на 14-мъ году. Даровитый юноша рано обратилъ на себя вниманiе и можетъ-быть тогда-же, какъ интересный самородокъ, показанъ былъ императрицѣ и двору.

Неудача «Филомелы» отклонила его отъ ложной дороги. Онъ вернулся снова къ оперѣ и комедiи. Вмѣстѣ съ тѣмъ воротился онъ къ осмѣянiю нелѣпыхъ заимствованiй, страсти къ модамъ и нарядамъ. Здѣсь, казалось, вступалъ онъ на свой истинный путь сатиры или по крайней мѣрѣ каррикатуры, но ему пришлось еще долго блуждать въ исканiи пути. Онъ

не былъ рожденъ писателемъ-драматургомъ. Умный и наблюдательный, Крыловъ не способенъ былъ сливаться съ другимъ лицомъ въ одно цѣлое и ни минуты не могъ жить сердцемъ ни съ кѣмъ изъ своихъ героевъ. Въ его трагедіяхъ герои разсуждаютъ въ моментъ самыхъ сильныхъ увлеченій, а дѣйствующія лица комедій подобны маріонеткамъ. Совершенно другимъ является Крыловъ, когда онъ, извлекая отдѣльныя черты, даетъ имъ живые образы, создавая такимъ образомъ типы болѣе или менѣе каррикатурные и въ то-же время живые, какъ сама дѣйствительность. Вслѣдъ за Филомелой въ томъже году явились двѣ его комедіи: «Бѣшеная семья» (комическая опера) и «Сочинитель въ прихожей».

Театральную дирекцію заваливали пьесами. Многіе любители пробовали писать съ единственною цѣлью добиться безплатнаго постояннаго билета въ партеръ. Входъ стоилъ мѣдный рубль, и молодые люди нерѣдко не доѣдали и не допивали, сберегая для театра послѣдніе гроши.

Крылову какъ будто повезло для начала въ этомъ родѣ. Директоромъ русской труппы былъ въ это время — Павелъ Александровичъ Соймоновъ, генералъ-маіоръ, служившій въ Кабинетѣ Ея Величества, человѣкъ умный, получившій образованіе въ Московскомъ университетѣ. Онъ обратилъ вниманіе на Крылова, принялъ его оперу «Бѣшеная семья» и поручилъ придворному композитору Деви положить ее на музыку. Крылову былъ выданъ постоянный билетъ въ театръ и заказанъ переводъ оперы: «Инфанты» (L'infante di Zamora).

Въ Соймоновѣ Крыловъ нашелъ въ первый разъ снисходительнаго покровителя и благодаря ему перешелъ на службу въ Кабинетъ Ея Величества подъ непосредственное начальство Соймонова. Для матери Крылова послѣднее было конечно гораздо радостнѣе, чѣмъ его литературный успѣхъ. Она скоро умерла и для нея въ послѣдній часъ ея трудной жизни было утѣшеніемъ видѣть сына на хорошей служебной дорогѣ. Крыловъ горячо любилъ мать, и конечно ея радость была для него пріятнѣе чѣмъ самая удача, такъ какъ онъ службу скоро бросилъ и даже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ не дорожилъ ею. Въ Кабинетѣ Ея Величества чиновники также болѣе занимались спо-

рами «о троянской войнѣ» и театрѣ, чѣмъ бумагами. Крыловъ продолжалъ писать и переводить. Хотя его «Кофейницѣ» не удалось увидать сцены, а «Бѣшеная семья» еще долго оставалась въ забвеніи, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ уже литературное имя, отчасти благодаря этимъ вещамъ и переводамъ или передѣлкамъ, отчасти благодаря нѣкоторымъ стихотворнымъ мелочамъ, въ особенности эпиграммамъ, которыя тогда быстро распространялись. Насмѣшливый умъ и острый языкъ, наконецъ самая внѣшность его обращали уже на себя вниманіе. Юноша 18, 19 лѣтъ, Крыловъ, говорятъ, былъ въ это время худощавъ, но высокаго роста, съ большой головой и спутанными прядями волосъ, падавшими на открытый, умный лобъ, выкупавшій некрасивыя, крупныя черты его лица. Подсмѣивался онъ надъ всѣмъ и надъ всѣми, не исключая и самого себя. Страсть къ каррикатурѣ проникала его такъ, что онъ вездѣ умѣлъ подмѣтить какую-нибудь смѣшную, комичную черту. Изъ знакомствъ по службѣ въ Казенной палатѣ сохранилъ онъ близкія отношенія съ Радищевымъ и Перепечинымъ, извѣстнымъ любителемъ театра, угадавшимъ талантъ знаменитаго потомъ актера Яковлева, когда послѣдній былъ еще сидѣльцемъ въ лавкѣ гостинаго двора. Теперь кругъ знакомствъ Крылова значительно расширился. Онъ сталъ бывать и въ кругу литературномъ, и у вельможъ-меценатовъ. Среди послѣднихъ были искренніе любители литературы, но были и такіе, что вѣшали портреты писателей на стѣнахъ, но съ неособеннымъ почтеніемъ относились къ живымъ. Ихъ осмѣялъ впослѣдствіи Крыловъ въ своей сатирѣ. Впрочемъ сознаніе собственнаго достоинства, сознаніе личности не было еще развито, и равенство отношеній между бѣднымъ сочинителемъ и вельможей было немыслимо. Крыловъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ анекдотъ о бѣдномъ сочинителѣ, повадившемся ходить къ вельможѣ, у котораго за обѣденный столъ садилось отъ 30 до 40 человѣкъ, «званыхъ и не званыхъ». Сочинитель садился на концѣ стола, и его часто обносили блюдами слуги. Однажды ему особенно не посчастливилось, онъ всталъ почти голодный. Случайно послѣ стола вельможа проходилъ мимо него и ласково спросилъ: «доволенъ-ли ты?» «Доволенъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ: все вид-

но было». Кто знаетъ, не былъ-ли этотъ сочинитель-«инкогнито» самъ Крыловъ. Въ молодости ему часто приходилось не доѣдать и, при его аппетитѣ, это было очень возможно. Притомъ современникъ его, Вигель, познакомившійся съ нимъ позже въ имѣніи князя Голицына, рисуетъ его въ этомъ отношеніи не слишкомъ щепетильнымъ. Онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о занятіяхъ Крылова съ нимъ и сыновьями Голицына русскимъ языкомъ, но сохранилъ непріязнь къ Крылову за то, что послѣдній указывалъ ему разницу въ рожденіи его и сыновей князя, хотя въ то-же время другимъ дѣтямъ указывалъ на преимущество общественнаго положенія семьи самого Вигеля. Этому можно вѣрить. Крыловъ былъ самолюбивъ, но таково было и его собственное воспитаніе въ домѣ Львова, и понятія общества. Но если Крыловъ мирился такимъ образомъ съ преимуществами «высшихъ», то не могъ позволить равнымъ оскорблять его самолюбіе. Въ подобныхъ случаяхъ онъ былъ мстителенъ и злопамятенъ. Вспышка мести повела его однажды далеко, при чемъ много помогла ему природная страсть къ осмѣянію и каррикатурѣ.

* * *

Эпизодъ, въ которомъ выказалъ онъ эту мстительность, ярко рисуетъ его характеръ въ молодости, его настойчивость и самоувѣренность. Въ основаніи эпизода лежитъ отчасти недостатокъ воспитанія, образованія и развитія вкуса молодого Крылова, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нравы общества, положеніе писателя и чинопочитаніе, даже въ литературномъ кругу, между собратьями по перу. Неряшливый и безпечный по природѣ, Крыловъ не особенно тяготился своимъ костюмомъ и всѣмъ тѣмъ, что обличало его скудныя средства, но бѣдность все-же дѣлала его щекотливымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ одномъ домѣ встрѣтился онъ съ женой Княжнина, занимавшаго тогда извѣстное положеніе въ обществѣ, какъ по своему таланту, такъ быть-можетъ еще больше по своимъ чинамъ, которыми жаловала его императрица. Жена его была женщина неглупая, но безтактная—довольно сказать, что она была дочь знаменитаго безтактностью, не менѣе чѣмъ талантомъ,

Сумарокова. Крыловъ въ это время занимался переводами для театра. «Что вы получили», спросила у него эта барыня: «за ваши переводы?» — «Мнѣ дали свободный входъ въ партеръ». — «Сколько-же разъ вы пользовались этимъ правомъ?» — «Да разъ пять», отвѣчалъ Крыловъ. «Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей!»

Можетъ-быть насмѣшка относилась больше къ дирекціи и положенію вещей вообще. Во всякомъ случаѣ тому, кто обладалъ увѣренностью въ себѣ, въ своей силѣ, незачѣмъ было придавать большое значеніе подобной выходкѣ. Наконецъ Крыловъ могъ отомстить шуткой или эпиграммой. Но общественное положеніе обидчицы, оскорбленное самолюбіе человѣка, сознающаго, что общество будетъ на сторонѣ обидчика только потому, что тотъ силенъ чинами и богатствомъ, вызвало злую и упорную месть Крылова. Онъ не отвѣтилъ ничего на оскорбленіе, но тѣмъ хуже было для Княжнина и его супруги. Оба эти лицá выставилъ онъ на сцену въ комедіи «Проказники», которая впрочемъ на театральныя подмостки тоже попала не скоро. Княжнину далъ онъ имя Рифмокрада, а жену его окрестилъ пикантнымъ прозвищемъ Тараторы! Рифмокрадъ—бездарный стихотворецъ, воображающій себя великимъ писателемъ, потому что онъ сочиняетъ трагедіи, безцеремонно наполняя ихъ заимствованіями. Онъ подъ башмакомъ у своей жены, которая впрочемъ очень высокаго мнѣнія о его талантѣ. Таратора—женщина уже не молодая, но еще желаетъ прельщать своей красотой» и т. д. Въ журналѣ «Почта Духовъ», гдѣ Крыловъ продолжалъ свое мщеніе, есть между прочимъ сказка, начинающаяся такъ:

Ко славѣ множество имѣемъ мы путей:
Гомеръ хвалить себя умѣлъ весь свѣтъ заставить.
А Рифмокрадъ, чтобы вѣрнѣй себя прославить,
Нажилъ себѣ жену, а женушка—дѣтей,
Которы въ зрѣлищахъ и кстати и некстати
Въ ладоши хлопая, кричатъ согласно *тятѣ*.

Комедія такъ-же неудачна, какъ и прочія произведенія его въ этомъ родѣ. Только лица ближе къ жизни по той причинѣ, что списаны съ натуры. Впрочемъ Соймоновъ не замѣтилъ грѣха,

когда Крыловъ показалъ ему комедію, и разрѣшилъ ему ее напечатать. Но прежде чѣмъ Крыловъ могъ привести это въ исполненіе, содержаніе комедіи стало извѣстно въ городѣ и дошло до Княжнина. Послѣдній заподозрилъ и Дмитревскаго въ соучастіи или въ томъ, по крайней мѣрѣ, что онъ, просматривавшій всѣ сочиненія Крылова, навѣрно зналъ объ этомъ и не удержалъ его. Дмитревскій, какъ тонкій политикъ, не желая вмѣшивать себя въ это дѣло, показалъ письмо Крылову. Тогда Крыловъ, какъ бы пользуясь случаемъ лично обратиться къ Княжнину—онъ не былъ съ нимъ знакомъ — и ужалить его больнѣе, пишетъ къ нему оправдательное письмо, наполненное ядомъ ироніи, подъ видомъ невинности и наивности. Онъ удивляется, что Княжнинъ, самъ комикъ, вооружается противъ комедіи на пороки и «въ толпѣ развращенныхъ людей» находитъ сходство со своимъ домомъ. Онъ разсказываетъ самъ содержаніе своей комедіи. Говоритъ, что въ мужѣ выводитъ онъ «парнасскаго шалуна», крадущаго лоскутки изъ французскихъ и итальянскихъ авторовъ (черта, въ которой Княжнинъ не могъ не узнать себя), приводящаго въ восхищеніе дураковъ и «обижающаго честныхъ людей»—намекъ на подозрѣніе его, Крылова, въ пасквилѣ и Дмитревскаго въ соучастіи. «Признаюсь», говоритъ онъ, «что сей характеръ учтиваго гордеца и бездѣльника, не предвидя вашего гнѣва, старался я рисовать столько, сколько дозволяло мнѣ слабое мое перо». (!) Дальше описываетъ онъ свою Таратору, опять-таки прямо рисуя извѣстныя черты жены Княжнина, и съ колкой *наивностью* прибавляетъ: «вы видите, есть-ли хотя одна черта, схожая съ вашимъ домомъ».

Онъ готовъ даже уничтожить комедію и написать другую, «но границы, полагаемыя вами писателю», говоритъ онъ, «такъ тѣсны, что нельзя бранить ни одного порока, не прогнѣвя васъ или вашей супруги: такъ простите мнѣ, что я не могу въ оныя себя заключить».

Наконецъ Крыловъ предлагаетъ Княжнину «выписать тѣ гнусные пороки, которые ему или супругѣ его кажутся личностью» и сообщить ему, Крылову; тогда онъ постарается ихъ смягчить или уничтожить. Но не довольствуясь этой довольно

грубой ироніей, Крыловъ впадаетъ въ еще болѣе пошлый тонъ: «повѣрьте», говоритъ онъ, что васъ обидѣлъ не я, описывая негодный домъ, который отъ трактира только разнится тѣмъ, что на немъ нѣтъ вывѣски (!), но обидѣли тѣ, кои сказали, что это картина вашего дома». Причина такой злости, запальчивости ярко сказывается однако въ заключительныхъ словахъ письма: «Впрочемъ напоминаю вамъ, что я благородный человѣкъ, *хотя и не былъ столь много разъ жалованъ чинами*, какъ вы, милостивый государь».

* * *

Комедія «Проказники» написана въ 1788 году. Въ мартѣ слѣдующаго 1789 года Соймоновъ снова вступилъ въ управленіе театрами, которое временно было оставилъ. Отношеніе его къ Крылову теперь нѣсколько перемѣнилось, и онъ прямо далъ понять послѣднему, что не доволенъ его сатирой на лица. Все-же до слѣдующаго года Крыловъ оставался на службѣ, хотя, возмущенный и оскорбленный отказомъ и нежеланіемъ Соймонова поставить принятую уже давно отъ него комедію «Бѣшеная семья», написалъ и ему запальчивое письмо.

Письмомъ этимъ, раньше чѣмъ басней, Крыловъ доказалъ, что «мстятъ сильно иногда безсильные враги». Письмо грубо и дерзко, но нельзя отказать ему въ умѣ и въ тонкой ироніи. Онъ знаетъ больное мѣсто человѣка. Какъ директоръ театра, меценатъ и любитель, Соймоновъ конечно вѣрилъ въ свой вкусъ и умѣнье оцѣнить и выбрать пьесу. Крыловъ пишетъ ему, что даже о собственной комедіи не можетъ быть дурного мнѣнія только для того, чтобы не опорочить разумъ, выборъ и вкусъ Соймонова, который ее принялъ, и не заставить этимъ другихъ думать, что вкусу директора театра могутъ быть пріятны негодныя сочиненія! «По той-же причинѣ», прибавляетъ Крыловъ, «старался онъ защищать совершенство «Инфанты», которую Соймоновъ поручилъ ему перевести, но ни одинъ умный человѣкъ ему не вѣритъ». Онъ увѣряетъ, что публика бранитъ многія пьесы и просыпается только «отъ му-

зыки въ антрактахъ», но онъ не хочетъ называть эти пьесы, не желая «опорочивать тонкій вкусъ директора». Если играютъ «столько скучныхъ вещей», то почему не сыграть его «бѣдную оперу», «и неужели, ваше превосходительство», прибавляетъ онъ, «сія опера—самая негодная изъ всего вашего выбора?»

Этимъ больнымъ мѣстомъ онъ пользуется широко и язвитъ и жалитъ Соймонова на всѣ лады, все «не желая опорочивать его тонкій вкусъ». Онъ проситъ выдать ему деньги за переводъ «Инфанты», надъ которымъ онъ работалъ только по приказанію Соймонова, такъ какъ «самъ никогда бы не осмѣлился выбрать для перевода оперу, въ которой нѣтъ ни здраваго смысла, ни хорошаго слога, ни правилъ», и т. д. Хитрый юноша отлично понимаетъ, какъ горьки эти пилюли для Соймонова, хотя-бы и отъ маленькаго человѣка, бывшаго однако въ то время уже не безъизвѣстнымъ, но какъ-бы вовсе этого не думая, въ изысканныхъ выраженіяхъ заявляетъ, что имѣетъ намѣреніе «припечатать» это письмо при своихъ произведеніяхъ, которыя хочетъ отдать на судъ публики.

Съ поразительной самоувѣренностью говоритъ онъ при этомъ, что нѣкоторымъ образомъ долженъ дать публикѣ отчетъ, почему его «творенія» не приняты на театрѣ. Но въ сущности всѣ его комедіи, включая и «Бѣшеную семью», всего меньше заслуживали подобнаго названія. Дѣйствующія лица въ этихъ «твореніяхъ» таковы, что «не можешь надивиться, откуда эти люди зашли на сцену. Все, что ни говорятъ они, что ни дѣлаютъ, о чемъ ни шумятъ, за что ни сердятся, такъ чуждо общественной жизни и условій свѣта, что театръ привыкнешь почитать невѣдомой планетой, куда волшебникъ-сочинитель забрасываетъ насъ для изученія диковинокъ». Кромѣ того они носятъ печать того-же грубаго и пошлаго тона, какъ и письма, что можно объяснить конечно однимъ только «низменнымъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ той среды, гдѣ протекала обыденная жизнь автора» (Майковъ).

Въ письмѣ къ Соймонову онъ указываетъ еще на то, что Казасій—итальянецъ, служившій при театрѣ—сталъ дѣлать ему затрудненія относительно входа по безплатному билету и посылаетъ его въ низшія мѣста. И здѣсь находитъ онъ случай

уколоть Соймонова, говоря, что конечно нѣтъ причины обвинять его, Крылова, въ нарушеніи порядка.

«Правда», говоритъ онъ, «я нерѣдко смѣюсь въ трагедіи и зѣваю въ комедіи», но въ этомъ виноваты глупыя пьесы, и притомъ онъ «такъ счастливъ, что часто публика его въ томъ поддерживаетъ».

***

Изъ всѣхъ драматическихъ произведеній Крылова остается для насъ самою интересною «Кофейница», которая напечатана была въ первый разъ по случаю столѣтняго юбилея дня рожденія Крылова. Она интересна какъ раннее произведеніе—проба пера, какъ зачатокъ его таланта, какъ первый узелокъ красной нити его сатиры.

На пути образованія своего таланта Крыловъ былъ не разъ *около* своего настоящаго призванія—призванья баснописца. Несомнѣнно, что нѣкоторыя басни, напечатанныя безъ подписи въ журналѣ «Утренніе часы», принадлежатъ его перу. Такимъ образомъ съ дѣтства ищетъ онъ эту форму, какъ отыскиваютъ предметъ подъ звуки музыки; то приближаясь къ ней, то удаляясь, постоянно прислушиваясь къ этому призванію, требующему тонкой отдѣлки, установившагося характера и зрѣлаго опыта, онъ медленно подвигается къ цѣли. Самыя неудачи даютъ ему случай упражнять силу воли и вырабатывать характеръ. Достоинство писателя ставитъ онъ все выше и выше. Въ письмѣ къ Соймонову это сознаніе и смѣлость выкупаютъ даже грубость тона. Жалуясь на то, что его посылаютъ на низшія мѣста, онъ говоритъ съ справедливымъ негодованіемъ и горькой ироніей бѣдняка-сочинителя, которымъ могутъ еще помыкать: «авторъ, которому дается входъ въ театръ въ рублевыя мѣста, можетъ ожидать, что вы со временемъ пересадите его въ полтинныя, потомъ въ четвертныя, *а потомъ и подлѣ дверей у входа поставить его изволите*!»

ГЛАВА III.

Крыловъ журналистъ.—Періодъ бездѣйствія.

Крыловъ—сынъ вѣка Екатерины.—Цѣльность натуры и сила убѣжденія.—«Почта Духовъ».—Вліяніе Рахманинова.—Стремленіе Крылова къ отдѣлкѣ въ изложеніи.—Риѳмокрадъ и Таратора—«Вадимъ».—Карамзинъ.—Журналы: «Зритель», «СПБ Меркурій» Отношеніе Крылова къ Карамзину.—Конецъ журнальной дѣятельности.—Закрытіе типографіи.—Анюта.—Неудача въ любви.—Борьба чувства и воли.—«Чинъ человѣка».—«Порывы и бездѣйствіе». Кочевая жизнь и село Казацкое.—

«Геній и улыбка Екатерины II творили чудеса, и перемѣны во всей Россіи шли гораздо быстрѣе, чѣмъ при Петрѣ Великомъ». Въ самомъ дѣлѣ перемѣны, которыя вносилъ въ русскую жизнь Петръ, держались только его сильной волей. Внутренняя неурядица продолжалась еще и при Екатеринѣ, доказательствомъ чего явилась пугачевщина.

Какъ знаменитый «Наказъ» былъ выраженіемъ прекрасныхъ и благородныхъ стремленій лишь на бумагѣ, такъ въ нравахъ и обычаяхъ подъ красивыми нарядами, манерами и рѣчами, взятыми на прокатъ у французовъ, царили по старому невѣжество и произволъ. Большинство россіянъ, даже побывавъ за-границей, возвращались оттуда «свинья-свиньей», какъ говоритъ въ своей баснѣ Крыловъ.

Но Петръ Великій «прорубилъ окно въ Европу» и по новому пути стали являться гости къ Екатеринѣ. Ее окружали философы и поэты. Своимъ умомъ и тактомъ она вліяла, сколько могла, на окружающее ее общество, а проводникомъ новыхъ понятій въ остальную массу явилась литература. Въ

числѣ орудій геніальнаго работника между топоромъ и сохой, которая такъ глубоко врѣзалась въ цѣлину русскаго чернозема, что и до сихъ поръ еще пашетъ, была и книга. Но она служила тѣмъ-же практическимъ цѣлямъ. Петру нужны были работники и мастера. Геніальный поэтъ-ученый, сподвижникъ Петра, писалъ о пользѣ стекла, но Державинъ былъ уже «пѣвцомъ Фелицы», а фонъ-Визинъ началъ «чистить нравы». Писатели стали воевать «со страстьми и заблужденьемъ». Сама императрица подавала примѣръ своими сатирическими комедіями, журнальными статьями, нравоучительными сказками и наставленіями о воспитаніи дѣтей. Казалось, что хорошимъ воспитаніемъ можно все исправить. И Крыловъ, какъ сынъ Екатерининскаго вѣка, остался навсегда того убѣжденія, что все дѣло въ нравахъ, а не въ учрежденіяхъ, не въ общемъ строѣ. Въ этомъ была ошибка, наложившая особую печать на всѣ произведенія Крылова. Его взгляды на современныя явленія родины и Европы были часто ошибочны, но сила убѣжденія была такъ велика и выразилась у него такъ ярко, что сохраняетъ свою цѣну до сихъ поръ, представляя намъ уроки трезваго ума, житейской мудрости и знанія человѣка, независимо отъ эпохи.

Сочиненія Екатерины играли ту-же роль въ литературѣ минувшаго вѣка, какую ботикъ Петра Великаго въ созданіи русскаго флота. За нею вслѣдъ явились Новиковъ, фонъ-Визинъ и др. Журнальная сатира уже сдѣлала свое дѣло и отцвѣла, когда явился Крыловъ и снова поднялъ старое знамя.

Въ 1789 году сталъ выходить въ Петербургѣ журналъ «Почта Духовъ». Кто былъ его издателемъ—самъ-ли Крыловъ или Радищевъ, или Рахманиновъ, неизвѣстно, но Крыловъ принималъ въ немъ значительное участіе. Нелѣпыя заимствованія у французовъ, утрата старыхъ хорошихъ нравовъ, разорительныя моды, пустота и волокитство, а главное иноземное воспитаніе и вредныя, по мнѣнію Крылова, ученія составляютъ главный предметъ его статей; эти-же темы переходятъ потомъ и въ басни. Двадцатилѣтній юноша Крыловъ выказалъ здѣсь умъ, устойчивость, твердое убѣжденіе, даже

смѣлость въ бичеваніи знатныхъ и сильныхъ, недостойныхъ своего сана, но не обладалъ образованіемъ настолько, чтобы понять настоящія причины бѣдствій народа, найти корни зла, таившіеся въ крѣпостномъ строѣ русской жизни. Тамъ, гдѣ онъ становится смѣлѣе и основательнѣе, замѣтно вліяніе болѣе образованнаго Рахманинова, одного изъ тѣхъ страстныхъ поклонниковъ Вольтера, у которыхъ «глаза наливались кровью», когда кто-нибудь не признавалъ мнѣній этого геніальнаго философа единственнымъ закономъ; но натура Крылова упорно не поддавалась никакому вліянію, особенно въ духѣ Вольтера, къ которому онъ, съ его патріархальнымъ складомъ ума и характера, чувствовалъ инстинктивную непріязнь. Отъ вліянія Рахманинова поэтому онъ скоро освободился, но во время участія въ «Почтѣ Духовъ» Рахманиновъ по собственному сознанію Крылова «давалъ ему матеріалы».

Принималъ-ли участіе Радищевъ въ журналѣ перомъ или хотя-бы даже только деньгами въ изданіи, которое не могло окупить расходовъ при 80 подписчикахъ, во всякомъ случаѣ присутствіе его замѣтно въ нѣкоторыхъ обличеніяхъ, напримѣръ въ нападкахъ на царедворцевъ. Когда судили его за книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», Екатерина написала на дѣлѣ, что Радищевъ *завидуетъ* *) приближеннымъ ко двору!

Журналъ выходилъ подъ названіемъ «Почта Духовъ», или «ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами». Такъ окрестилъ его Крыловъ, настоявъ на этомъ въ спорѣ съ Рахманиновымъ.

Младшій членъ и сотрудникъ, не вносившій никакой матеріальной поддержки, онъ былъ очевидно на столько необходимъ для успѣха дѣла, что самъ Рахманиновъ, извѣстный своимъ упрямствомъ—хозяинъ типографіи и быть-можетъ самаго журнала — уступилъ молодому человѣку. Крыловъ вполнѣ оправдалъ ожиданія, хотя публика не оцѣнила достоинства журнала. Сатирическое дарованіе его развернулось съ большимъ

*) Сухомлиновъ. Очерки по исторіи просвѣщенія.

успѣхомъ въ новой формѣ. Онъ не умѣлъ оживить драматическаго дѣйствія — этому мѣшала сухость въ собственномъ его отношеніи къ дѣйствующимъ лицамъ, но въ каррикатурныя свои изображенія и сатирическіе портреты онъ внесъ движеніе, чѣмъ и отличается его сатира отъ сатиры тѣхъ старыхъ журналовъ, которые «Почта Духовъ» напоминала своимъ названіемъ, какъ-то «Адская Почта» и др., гдѣ находимъ одно лишь резонерство. Конечно здѣсь нѣтъ жизни, но есть движеніе. Изображаемыя лица—маріонетки, которыя разсуждаютъ и движутся по волѣ автора. Ясно замѣтно, какъ эта повѣствовательная форма служитъ Крылову мостомъ къ его баснѣ.

Кто бы ни были эти духи: Зоры, Вѣстодавы и Дальновиды, ведущіе между собой переписку, Крыловъ чувствуетъ себя въ ихъ средѣ прекрасно.

Характеры ихъ различны, но цѣль одна, и другъ другу они не мѣшаютъ. Работая съ ними, Крыловъ вмѣстѣ съ тѣмъ учился и развивался. Не только сотрудники, болѣе образованные чѣмъ онъ, помогали ему своимъ вліяніемъ, но самъ онъ изощрялъ наблюдательность и вкусъ, много читалъ и въ особенности думалъ. Въ это время успѣлъ онъ значительно развить свой вкусъ и продолжалъ работать въ томъ-же направленіи. Онъ вскорѣ сталъ однимъ изъ самыхъ тонкихъ знатоковъ и цѣнителей искусства, особенно благодаря своему тонкому остроумію и оригинальному, трезвому и мѣткому уму. Уже въ письмахъ гномовъ Крыловъ проявляетъ стремленіе къ тонкой отдѣлкѣ въ изложеніи. Его «письма», по прекрасному опредѣленію г. Майкова, «напоминаютъ собою новеллы, въ которыхъ нетолько описаны нравы общества, но и очерчены характеры лицъ, разсказаны ихъ похожденія, и все это скрашено тонкимъ юморомъ, все вызываетъ тотъ свѣтлый смѣхъ, о высокомъ нравственномъ значеніи котораго говоритъ Гоголь».

Уже комедія «Проказники» была удачнѣе другихъ, потому что лица списаны были съ живыхъ «подлинниковъ»; тоже самое отчасти находимъ и въ его журнальныхъ статьяхъ. Здѣсь, между прочимъ, встрѣчаемся мы опять съ Рифмокрадомъ и Тараторой, которымъ неумолимый Крыловъ не даетъ по-

щады. Онъ не становится изъ Ахиллеса «Омиромъ», какъ комаръ въ его баснѣ, даже и теперь, когда Княжнинъ и безъ того въ опалѣ за свою трагедію «Вадимъ».

Теперь, въ 1789 году, Екатерина отнеслась къ невинному «Вадиму» Княжнина уже не съ той ясностью взгляда и терпимостью, какія она выказывала въ былое время. Это былъ годъ французской революціи. Екатерина измѣнила отношеніе ко всякимъ заимствованіямъ у французовъ и подражанію имъ даже въ модахъ. Когда, послѣ революціи, вошли въ моду у насъ жабо выше подбородка, стриженныя головы à la Titus, à la guillotine, лорнеты и коротенькія косы flambeau d'amour, Екатеринѣ подобное франтовство очень не понравилось. Она приказала одѣть въ этотъ нарядъ всѣхъ будочниковъ и дать имъ въ руки лорнеты. Франты послѣ того быстро исчезли. Съ этихъ поръ непріязнь къ подражанію французамъ все росла. Императоръ Павелъ, по вступленіи своемъ на престолъ, приказалъ выпустить на улицы двѣсти солдатъ съ извѣстной инструкціей, и многіе вернулись въ этотъ день домой съ разорванными на нихъ французскими жилетами и помятыми шляпами, а иногда и безъ оныхъ. Хотя даже и въ мѣрахъ, вызванныхъ подобнымъ неудовольствіемъ, императрица проявляла нѣкоторый тактъ, все-же извѣстная журнальная сатира въ этомъ духѣ становилась излишней съ той минуты, какъ «со страстьми и заблужденьемъ» уже были не «одни писатели въ войнѣ».

Журналъ выходилъ всего съ января по августъ. Неизвѣстно, почему прекратился онъ раньше срока. Виною могли быть недостатокъ средствъ и малое число подписчиковъ, но могли быть и внѣшнія препятствія, такъ какъ въ это время уже судили Радищева за его книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву».

Каковы бы ни были причины прекращенія «Почты Духовъ», Крыловъ подмѣтилъ самъ, что она не удовлетворяла нарождавшимся потребностямъ, которымъ долженъ былъ служить журналъ въ то время. Въ обществѣ росло стремленіе къ сближенію съ Европой, и счастливымъ соперникомъ Крылова на журнальной нивѣ явился вскорѣ Карамзинъ. Въ са-

мый годъ изданія «Почты Духовъ» 23-хъ лѣтній юноша Карамзинъ отправился въ свое путешествіе по Европѣ, плодомъ котораго явились его знаменитыя «Письма». Успѣхъ этихъ послѣднихъ показывалъ, что отъ общественнаго писателя требовалось нѣчто новое. Эта роль не годилась для Крылова, для этого ему недоставало качества, которымъ обладалъ Карамзинъ, помимо своего европейскаго образованія и таланта,—это качество было—настроеніе.

Настроеніе Карамзина было сантиментальное. Оно было чуждо трезвому уму Крылова, но отвѣчало настроенію общества, въ которомъ нашло отзвукъ чувство гуманности, сознаніе личности, сочувствіе угнетеннымъ рабамъ. Гнетъ крѣпостного права начиналъ становиться невыносимымъ.

Возвратившись изъ-за границы, Карамзинъ сталъ издавать въ 1791 г. «Московскій журналъ», имѣвшій большой успѣхъ. Образованный и впечатлительный, Карамзинъ привезъ изъ-за границы запасъ наблюденій и личныхъ знакомствъ съ корифеями литературы, философіи и поэзіи. Имена Шекспира, Шиллера и Гете уже окружены были очарованіемъ и поэзія ихъ вызывала у насъ подражаніе. Крыловъ понялъ необходимость перемѣны программы журнала для успѣха въ публикѣ и рѣшился попытаться писать въ этомъ направленіи. Соединившись съ Клушинымъ, однимъ изъ лучшихъ критиковъ того времени, онъ сталъ издавать журналъ «Зритель». «Зритель» печатался уже въ собственной типографіи Крылова, пріобрѣтенной имъ отъ Рахманинова. Во введеніи къ журналу Крыловъ говоритъ между прочимъ: «Не подумаетъ-ли кто, что здѣсь стиховъ не будетъ? Боже сохрани! Безъ стиховъ ежемѣсячникъ, какъ пища безъ питья, или какъ чай безъ сахара. Угоститъ-ли тотъ хозяинъ гостей, который представитъ имъ обѣдъ, хотя-бы преизобильный и превкусный, но безъ всякихъ напитковъ? Безъ стиховъ нельзя!»

Въ послѣднихъ словахъ слышится иронія въ устахъ Крылова, но какъ бы то ни было, онъ рѣшился на все, лишь-бы угодить публикѣ и добиться успѣха. Все можно сдѣлать при сильномъ желаніи—таковъ былъ его девизъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ писать и печатать стихи собственнаго издѣлія въ

духѣ Державина и даже врага своего, Карамзина, проникнутые сентиментальностью. Конечно эти опыты были неудачны. Съ другой стороны, сатира его въ «Зрителѣ» стала менѣе интересна, чѣмъ была она въ «Почтѣ Духовъ». Время было уже для сатиры неудобное, да и отсутствіе Рахманинова и Радищева сказывалось невыгодно въ выборѣ матеріала. «Зритель» не имѣлъ успѣха; но Крыловъ твердо вѣрилъ въ свою волю, и новой попыткой его былъ журналъ «С.-Петербургскій Меркурій», появившійся въ 1793 году.

Эта новая попытка была и послѣдней. Крыловъ убѣдился, что «плетью обуха не перешибешь», а тратить силы напрасно было не въ его характерѣ. Въ Карамзинѣ онъ видѣлъ личнаго врага. Упорный и настойчивый, Крыловъ готовъ былъ сломить препятствіе, если невозможно обойти, но переварить его онъ не могъ. Его цѣльная натура и желѣзная воля не допускали компромиссовъ. На Карамзина обрушилась теперь та ненависть, которую питалъ онъ прежде къ Соймонову. Впослѣдствіи онъ сошелся съ Карамзинымъ въ одномъ кругу въ Петербургѣ, и консерватизмъ связалъ ихъ отношенія, но это было тогда, когда Крыловъ уже перешелъ въ зрѣлый возрастъ, когда установилось въ немъ его эпическое равновѣсіе и равнодушіе къ мелочамъ жизни.

Въ «Меркуріѣ» онъ осмѣялъ Карамзина. Здѣсь-же, кромѣ злой сатиры, не поскупился Крыловъ на личныя выходки дурного тона, но въ этомъ «похвальномъ словѣ Ермалафиду» много правды, комизма и тонкой ироніи. Нельзя не замѣтить, что Крыловъ былъ правъ, предсказывая забвеніе произведеніямъ Карамзина и его журналу. Все это современемъ потеряло всякій интересъ, кромѣ историческаго. Напротивъ, въ сатирѣ Крылова такъ много ума, лукавой каррикатуры, тонкаго остроумія, столько ироніи, что и теперь она читается съ удовольствіемъ и интересомъ. Естественно, что молодому автору было досадно не имѣть успѣха, тѣмъ болѣе, что его трезвой натурѣ казалось комичнымъ и неестественнымъ сентиментальное чувство, вошедшее въ моду въ литературѣ съ Карамзинымъ. Это чувство вызвало идеализацію народа. «Какая свѣжесть въ воздухѣ!» писалъ Карамзинъ. «Уже стада разсыпаются вокругъ

холмовъ; уже блистаютъ косы на лугахъ зеленыхъ; поющій жаворонокъ вьется надъ трудящимся поселяниномъ и нѣжная Лавинія приготовляетъ завтракъ своему Палемону» — и т. д. Въ дѣйствительности-же Лавинія и Палемонъ были крѣпостные люди... Каково было это въ глазахъ Крылова!—Не такъ понималъ онъ народность, онъ, которому суждено было еще стать на многіе вѣка первымъ народнымъ русскимъ поэтомъ. Впрочемъ въ свое время и Крыловъ не вполнѣ избѣгнулъ сантиментализма. Припомнимъ басню «Оселъ и Соловей», въ которой видно вліяніе легкой поэзіи Лафонтена:

...«Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался
И только иногда, внимая соловью пастушкѣ улыбался».

Эти строки напоминаютъ больше картинку Ватто, чѣмъ русскую природу и жизнь.

Кромѣ журнала, въ типографіи Крылова печатались изданія переводныхъ романовъ.

Вь 1796 году вышелъ указъ императора Павла, упразднившій всѣ типографіи, кромѣ казенныхъ. Послѣднимъ изданіемъ типографіи Крылова былъ романъ въ 13 частяхъ «Приключенія Шевалье-де-Фоблаза, сочиненіе Лувета де-Кувре», переводъ съ французскаго.

Съ этого времени Крыловъ долго ведетъ кочующую жизнь. Имя его исчезаетъ въ литературѣ, и самъ онъ живетъ то въ деревнѣ у кого-либо изъ вельможъ, то въ столицѣ, то пропадаетъ совершенно изъ виду.

* * *

Въ 1790 году вслѣдъ за прекращеніемъ «Почты Духовъ» Крыловъ оставилъ службу въ Кабинетѣ и уѣхалъ изъ Петербурга. Вь это время въ Брянскомъ уѣздѣ познакомился онъ съ молодой дѣвушкой—Анной Алексѣевной Константиновой. Онъ старается понравиться вѣтренной дѣвушкѣ, но сознаетъ, что съ его наружностью это трудно, и склонность его къ каррикатурѣ и подсмѣиванью выражается въ подтруниваньи надъ самимъ собой:

*

«Нерѣдко милымъ быть желая,
Я передъ зеркаломъ верчусь,
И женскій вкусъ къ ужимкамъ зная,
Ужимкамъ ловкимъ ихъ учусь.
Лицомъ различны строю маски,
Кривляю носикъ, губки, глазки,
И испугавшись самъ себя
Ворчу, что вялая природа
Не доработала меня
И такъ пустила, какъ урода».

Въ то время въ модѣ была любовь платоническая, но Крыловъ былъ къ ней неспособенъ. Впрочемъ одно время дѣвушка повидимому выказывала расположеніе выйти за него.

Ради нея онъ дѣлаетъ долги и разныя безразсудства, словомъ находится въ періодѣ болѣзни, которою долженъ переболѣть всякій, какъ ребенокъ корью. Она любитъ наряды. Онъ находитъ, что ей они не нужны—такъ она хороша, но оправдывается передъ ней въ томъ, что воюетъ съ модами. Впрочемъ Аннушка его—хороша, онъ съ восхищеніемъ говоритъ о ея красотѣ и скромности, но не идеализируетъ ее.

Жизнь въ столицѣ, заботы, дѣла и развлеченія помогаютъ ему забыть Аннушку. Правда, онъ жалуется на свою слабость:

«Задумалъ цѣлый вѣкъ я свой
Противъ страстей стоять горой.
Кто-жъ могъ мнѣ быть тогда опасенъ,
Ужель дитя въ пятнадцать лѣтъ?
Конечно. Вотъ каковъ здѣсь свѣтъ.

Но Крыловъ самъ ошибался. Эта страсть не была для него опасна, какъ и всякая другая. Въ самомъ увлеченіи его мало чувства, какъ и въ стихахъ поэтому мало лиризма.

Онъ можетъ, по собственному признанью, любоваться ею «безъ ощущенія въ сердцѣ муки».

«Влюбился-бъ смертно—я не камень»

говоритъ онъ послѣ первой встрѣчи,

Но рокъ судилъ—любовный пламень
Къ иной красавицѣ питать».

Кто эта красавица, видно изъ слѣдующихъ строкъ въ «Посланіи къ другу»:

«Мнѣ чинъ одинъ лишь лестенъ былъ,
Который я ношу въ природѣ,
Чинъ человѣка: въ немъ лишь быть
Я ставилъ должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считалъ одной неложной славой».

Этотъ «чинъ человѣка» заключался для него въ его призваніи. Недаромъ онъ такъ горячо ссорился съ тѣми, кто задѣвалъ въ немъ это призваніе или былъ препятствіемъ на его пути. Онъ горячо любилъ литературу, медленно, но упорно отыскивалъ свой путь и впослѣдствіи, имѣя на своихъ плечахъ 60 лѣтъ, вернулся къ опредѣленію этой «неложной славы» и увѣковѣчилъ свой взглядъ въ баснѣ «Богачъ и поэтъ». «Едва одѣтъ, едва обутъ», поэтъ жалуется Юпитеру на богача, который «весь въ золотѣ и спесью весь раздутъ», тогда какъ у него, говоритъ онъ:

«Ни ложки, ни угла—и все мое имѣнье въ одномъ воображеньѣ».

«А это развѣ ничего», отвѣчаетъ ему судья-Зевсъ, «что въ поздній вѣкъ твоей достигнутъ лиры звуки... не самъ-ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?»

* * *

Страсти Крылова были хотя несложны, но такъ-же широки, какъ его лѣнь. Закрытіе типографій и вообще все время царствованія Павла неудобно было для литературнаго движенія; Крыловъ поневолѣ давалъ исходъ своимъ силамъ въ кое-какихъ порывахъ, особенно въ карточной игрѣ. Чаще всего Крыловъ въ это время живетъ въ домѣ князя Голицына, въ его имѣніи, въ селѣ Казацкомъ. По временамъ онъ исчезаетъ и оттуда. Ему надоѣдаетъ бездѣйствіе и онъ ищетъ развлеченій. Тогда появляется онъ гдѣ-нибудь на ярмаркѣ. Какъ въ дѣтствѣ любилъ онъ кулачные бои, такъ и теперь привлекаетъ его этотъ ничѣмъ не стѣсняемый въ то время ярмарочный разгулъ. Сюда съѣзжаются богатые помѣщики и въ одну минуту спускаютъ въ ва-банкъ оброки, а иногда въ придачу и самыя души. Иной спускаетъ домъ и послѣднюю утварь, не-

рѣдко тарантасъ, въ которомъ пріѣхалъ, съ лошадьми и кучеромъ, со всѣмъ скарбомъ до погребца съ ромомъ включительно.

Не смотря на умъ и развитіе Крыловъ, какъ любитель сильныхъ ощущеній, хорошо себя чувствовалъ въ этой сферѣ. Здѣсь поправлялъ онъ свои дѣла, счастливо играя въ карты.

Остроумный собесѣдникъ и забавный шутникъ, онъ бывалъ въ деревнѣ душою общества. Часто проводилъ онъ здѣсь время въ полномъ бездѣйствіи, но въ его умѣ и тогда неустанно совершалась работа. Однажды князь, зайдя въ его комнату, нашелъ его лежащимъ на диванѣ, въ полномъ бездѣйствіи и въ такомъ видѣ, что Крыловъ сконфузился и долженъ былъ оправдываться. Этотъ анекдотъ говоритъ о лѣни Крылова; но несомнѣнно также, что въ это время умъ его переваривалъ плоды наблюденій. Особенно долженъ былъ онъ бездѣйствовать послѣ своихъ разъѣздовъ и порывовъ. Тогда въ тишинѣ укладывалось все накопленное въ его умѣ и принимало своеобразную форму. Не мало работалъ онъ въ это время и надъ языкомъ, иначе не могъ бы вдругъ заговорить съ тѣмъ мастерствомъ, какое видимъ мы въ первыхъ-же его басняхъ. Имя его уже было извѣстно. Въ 1794 году ему удалось наконецъ увидѣть на сценѣ свою комедію «Сочинитель въ прихожей», но онъ уже сознавалъ, что сцена—не для него, и этотъ успѣхъ не побудилъ его къ новымъ трудамъ въ томъ-же родѣ. Въ это время онъ уже начиналъ сознавать тотъ путь, по которому суждено было ему идти. Когда онъ привезъ въ Москву свои первыя басни—переводъ изъ Лафонтена, и Дмитріевъ сказалъ ему: «наконецъ вы нашли вашъ истинный путь», эти пророческія слова лишь выразили то, что уже несомнѣнно было въ сознаніи Крылова. Во всякомъ случаѣ это была цѣль, къ которой велъ его геній.

Мысли и образы зрѣли въ это время въ его душѣ, облекаясь въ фантастическія и вмѣстѣ реальныя формы, быть можетъ благодаря природѣ, съ которою онъ сблизился сознательно только лишь теперь, во время своего бездѣйствія въ домѣ князя Голицына. А умъ и воля, опытъ и зрѣлый возрастъ установили равновѣсіе въ его характерѣ. Медленно перерождался Крыловъ, но зато дѣйствительно какъ-бы родился вновь. Съ

этой поры личность его становится анекдотичной, и какъ талантъ его принялъ новую форму, такъ и онъ самъ какъ-бы отлился въ форму баснописца.

Раздраженіе, вызванное у Крылова неудачами на драматическомъ поприщѣ и неуспѣхомъ изданій, могло улечься отчасти на привольѣ деревенской жизни и природы, отчасти забыться въ увлеченіи страстей. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы богатыря, и его духъ незримо работалъ. Теперь нетолько исчезло раздраженіе, но и опредѣлился его путь. Уже въ журналѣ «Почта Духовъ» видно сознаніе важности сатиры и исканіе формы. Она должна быть *краткой*, въ этомъ главная ея цѣнность. Онъ говоритъ, что должно награждать писателя, который въ *краткой* формѣ даетъ поученія людямъ. Это вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ анонимнымъ попыткамъ, которыя онъ дѣлалъ уже тогда въ журналѣ «Утренніе Часы». Если онъ не подписывалъ имени, то конечно потому, что сознавалъ несовершенство формы, особенно сравнивая эти басни свои съ баснями славнаго тогда Дмитріева. Очевидна связь этого исканія формы басни съ дѣтскими попытками въ томъ-же родѣ, о которыхъ говоритъ преданіе устами Лобанова. Стремясь въ письмахъ гномовъ къ болѣе тонкой отдѣлкѣ, онъ въ то-же время продолжалъ втихомолку работать надъ басней. Краткость формы дѣлаетъ ее трудной. Уже выступивъ съ басней открыто, онъ заново передѣлываетъ первый свой опытъ «Дубъ и Трость» еще во всѣхъ изданіяхъ отъ 1806 до 1830 года. Начавъ почти съ пасквиля, онъ все больше и больше маскируетъ свою сатиру, стремясь къ иносказательности. Въ «Почтѣ Духовъ» рядомъ съ лицами, списанными съ натуры, стоятъ уже типы, въ которыхъ авторъ художественно воплотилъ извѣстныя черты характера, мотивы и движенія.

Въ предисловіи къ «Зрителю» Крыловъ рекомендуетъ публикѣ видѣть въ издателѣ «Зрителя» «не одно и не нѣсколько лицъ, а просто зрителя, который, наблюдая жизнь, выбираетъ то то, то другое, *не касаясь личности*, но описывая порокъ и добродѣтель». Такъ стремится Крыловъ освободиться въ сатирѣ отъ собственной личности, отъ своего *я*, но это ему еще не удается. Личныя волненія увлекаютъ его

на прежній путь, напримѣръ въ сатирѣ противъ Карамзина. Только тогда, когда, переживъ страсти и волненія, вступаетъ онъ въ періодъ полнаго равновѣсія умственныхъ и душевныхъ силъ, сатира его становится вполнѣ объективной. Лишь тогда создаетъ онъ свой фантастически-реальный міръ и свою форму, въ которую укладывается этотъ міръ. Въ этомъ процессѣ созрѣванія его генія особенно интересенъ упомянутый періодъ бездѣйствія. Какъ плодъ, снятый съ дерева незрѣлымъ, дозрѣваетъ процессомъ броженія внутреннихъ соковъ, такъ и въ натурѣ Крылова въ это время бродятъ страсти и волненія, и наконецъ улегаются постепенно въ стройномъ порядкѣ.

ГЛАВА IV.

Крыловъ—баснописецъ.

Кочевая жизнь.—Рига.—Карты.—Петербургъ.—Положеніе Крылова въ обществѣ.—Жизнь въ столицѣ.—Война и патріотизмъ.—Комедіи Крылова.—«Кукла».—Успѣхъ «Модной лавки».—Домъ Оленина.—«Илья-богатырь».—Первыя басни.—Слава.—Друзья.—Дмитревскій.—А. Н. Оленинъ.—Князь Шаховской.—Эпиграмма Хвостова.—Месть Крылова.—Сдержанность.—Осторожность Крылова.—Литературные вечера.—«Драматическій Вѣстникъ».—Терпимость Крылова.—Художественное значеніе его басенъ.—Развитіе Крылова.—Умъ и сердце.—«Листы и корни».—«Колосъ».—Смѣхъ Крылова.

Крыловъ продолжаетъ вести кочевую жизнь, то уединяясь въ деревнѣ, то забываясь среди развлеченій столицы. Говорятъ, что въ Ригѣ выигралъ онъ въ карты большую сумму, тысячъ тридцать, которую однако опять проигралъ. Игру продолжаетъ онъ и въ Петербургѣ; однажды онъ впутался въ какую-то шайку шулеровъ и по приказанію генералъ-губернатора едва не былъ высланъ изъ столицы. Державинъ, извѣстный своей прямотой и честностью, также подвергался обвиненіямъ подобнаго рода—до такой степени увлекала тогда многихъ игра.

Однако вся послѣдующая жизнь Крылова говоритъ о томъ, что онъ силою воли и ума вышелъ чистымъ изъ всѣхъ этихъ увлеченій и страстей. Да и въ то время уже, несмотря на нѣкоторые недостатки, Крыловъ пользовался уваженіемъ и любовью многихъ.

«Литераторъ уже съ извѣстнымъ именемъ, молодой человѣкъ, умѣвшій образовать въ себѣ нѣсколько талантовъ, за

которые такъ любятъ въ свѣтѣ, драматическій писатель, вошедшій въ дружескія отношенія съ первыми артистами театра, журналистъ, съ которымъ были въ связи современные литераторы — Крыловъ не могъ почти замѣтить, какъ ускользалъ отъ него годъ за годомъ посреди развлеченій столицы. Онъ участвовалъ въ пріятельскихъ концертахъ первыхъ тогдашнихъ музыкантовъ, прекрасно играя на скрипкѣ. Живописцы искали его общества, какъ человѣка съ отличнымъ вкусомъ. Въ дополненіе пособій по литературѣ Крыловъ выучился по-итальянски и свободно читалъ книги на этомъ языкѣ. Ему не было уже чуждо и высшее общество столицы, гдѣ въ то время такъ радушно принимались люди съ дарованіями». Жизнь въ Петербургѣ текла въ это время весело и разнообразно. Недаромъ въ день воцаренія Александра I на улицахъ города встрѣчные обнимались и цѣловались, поздравляя другъ друга. Столица ожила. Вернулись литература и искусство. Особая коммисія изыскивала способы устройства и украшенія города, а Гваренги и другіе архитекторы строили дворцы, каналы, мосты и т. п. Салонамъ придавали особое оживленіе французы-эмигранты и постоянные споры и толки о Наполеонѣ и событіяхъ войны. Послѣдняя вызывала сильный подъемъ патріотическаго духа. Въ театрѣ нерѣдко собирались въ ложахъ нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ узнавать вѣсти съ поля битвы и забывали о спектаклѣ. На сценѣ имѣли успѣхъ всѣ произведенія, намекавшія на текущія событія, особенно все, что относилось къ величію Александра I. Вмѣстѣ съ модами вернулась и сатира на нихъ. Крыловъ написалъ двѣ комедіи: «Урокъ дочкамъ» и «Модная Лавка». Послѣдняя имѣла особенно большой успѣхъ. Въ одной сценѣ комедіи помѣщица хочетъ видѣть хозяйку модной лавки, мадамъ Каре. Дѣвушка Маша говоритъ, что пойдетъ ей доложить.

Сумбурова. Ужъ и доложить, жизнь моя! вѣдь это только у знатныхъ.

Маша. И, сударыня, тотъ уже знатенъ, до кого многимъ нужда.

До француженки-модистки всѣмъ была нужда и не въ одной лишь Россіи. «Пріѣхала-ли кукла?» вотъ вопросъ, волновавшій всю Европу. «Каждую недѣлю изъ улицы

Сентъ-Оноре въ Парижѣ отправлялась кукла, одѣтая по послѣдней модѣ, принятой въ Тюильри. Она должна была просвѣщать дамъ въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ на счетъ того, какъ слѣдовало чесаться, обуваться и душиться, чтобы не отстать отъ моды. Она проникала, говорятъ, даже въ гаремъ турецкаго султана, гдѣ приводила въ восхищенье султаншъ и всѣхъ другихъ болѣе или менѣе законныхъ его женъ. У этой знаменитой куклы, надъ которой трудилось пятьдесятъ рабочихъ рукъ и двадцать различныхъ искусствъ, все заслуживало вниманія, начиная отъ рубашки и кончая вѣеромъ, отъ пряжекъ на башмакахъ до локоновъ на головѣ». Въ день взятія Бастиліи кукла впервые была задержана. Вскорѣ она стала появляться неаккуратно. Парижъ не утратилъ первенства вкуса, но республиканцы относились къ куклѣ какъ къ аристократкѣ. Теперь, въ началѣ новаго вѣка, негодованіе Европы противъ Наполеона опять обратилось на всю Францію: Европа попрежнему покорно принимала парижскія моды, но воины коалиціи задерживали куклу, точно новаго троянскаго коня, какъ эмисарку революціонныхъ идей.

* * *

Въ Петербургѣ даже въ высшемъ свѣтѣ возникли салоны, задавшіеся цѣлью бороться съ французскимъ вліяніемъ изъ ненависти къ Наполеону, врагу Россіи. Салоны эти прекрасно изображены въ романѣ Толстого «Война и Міръ». На литературныхъ вечерахъ у Державина, Оленина, князя Шаховского также энергично велась война съ этимъ вліяніемъ. Крыловъ принадлежалъ всей душой къ этому кругу, былъ связанъ самыми дружескими узами со всѣми членами его, и по просьбѣ и внушенію этихъ друзей взялся за перо, написавъ упомянутую уже комедію «Модная Лавка». «Во время представленія ея партеръ былъ всегда полонъ и хохотъ не умолкалъ», словомъ успѣхъ былъ огромный, но не надолго. Комедію скоро забыли, какъ только прошелъ воинственный задоръ. Князь Шаховской завѣдывалъ репертуаромъ театра. Онъ не любилъ переводныхъ комедій и чтобы уничтожить совсѣмъ любимую

тогда легкую вѣнскую оперу «Русалку», которую уже и безъ того впрочемъ передѣлали въ «Днѣпровскую Русалку», онъ упросилъ Крылова написать новую оперу. Крыловъ въ самомъ дѣлѣ написалъ оперу «Илья-Богатырь», которую поставили съ необыкновенно-роскошной обстановкой. Подъемъ патріотическаго духа создалъ успѣхъ и этому слабому нроизведенію. Во всякомъ случаѣ Крыловъ былъ и остался главнымъ выразителемъ вражды къ подражанію и заимствованіямъ.

* * *

Въ 1809 году въ первый разъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ 23 басни Крылова, кончая баснею «Пѣтухъ и Жемчужное зерно». Никогда еще ни одна книжка на Руси не имѣла такого успѣха. Всюду проникали его басни, одинаково вызывая восторгъ и въ богатыхъ чертогахъ вельможъ, и въ самомъ бѣдномъ закоулкѣ, и среди заброшенныхъ на чужбину воиновъ.

Съ той-же минуты стали по этой книжкѣ учиться грамотѣ дѣти, а иногда и взрослые. Вмѣстѣ съ грамотой стали учиться по ней и чести, и правдѣ. Какъ вѣтеръ заноситъ летучія сѣмена въ трещину скалы, и на безплодномъ камнѣ выростаетъ прекрасный кустъ, такъ эти басни, попадая въ темное царство лжи, невѣжества и порока, давали новые,свѣжіе ростки въ сердцахъ людей.

Много свѣтлыхъ минутъ принесли онѣ съ собой, и съ каждой новой басней отголоски свѣжаго, звучнаго смѣха стали будить темное, непробудное царство. Слава Крылова началась уже раньше выхода книжки.

Въ концѣ 1805 года Крыловъ сознавалъ уже свои силы въ этомъ родѣ литературы и въ Москвѣ, какъ мы сказали выше, передалъ славному тогда поэту И. И. Дмитріеву свой первый переводъ изъ Лафонтена. «Это истинный вашъ родъ», сказалъ тотъ ему: «наконецъ вы нашли его».

Такимъ образомъ Крыловъ убѣдился, что инстинктъ и разумъ не обманули его. Но если еще могли быть въ немъ сомнѣнія, то успѣхъ первыхъ-же басенъ ихъ устранилъ. Не

смотря на то, что больше года осторожный Крыловъ беретъ еще сюжеты у Лафонтена, свѣжесть его таланта, сила и оригинальность въ передачѣ и мастерствѣ разсказа таковы, что ореолъ славы сразу окружаетъ его имя въ столицѣ. Крыловъ становится центромъ и душою того круга людей, гдѣ ему прежде покровительствовали, какъ талантливому человѣку. Его ищутъ вездѣ. Авторы пьесъ ищутъ его одобренія; иногда они недовольны его появленіемъ въ театрѣ—его оригинальная фигура и некрасивое лицо отвлекаютъ вниманіе зрителей отъ сцены. Его появленія ждутъ съ нетерпѣніемъ на литературныхъ вечерахъ, и вопросъ: «прочтетъ-ли что-нибудь Крыловъ» — занимаетъ всѣхъ и привлекаетъ слушателей. А Крыловъ читаетъ мастерски, да не всегда его можно упросить. Ласкаемый и любимый всѣми — простыми и знатными, предметъ особыхъ попеченій женщинъ—хозяекъ дома, это уже не тотъ Крыловъ, какого видѣли раньше. Тяжелый на подъемъ, но незлобивый и добродушный, онъ всегда одинаково остроуменъ и ласковъ. Цѣльность натуры и мощь таланта соединились въ гармоническомъ покоѣ. Улеглось броженіе силъ, стихли волненія молодости, и его личность, характеръ житейскихъ отношеній тѣсно слились съ его эпическимъ талантомъ.

Престарѣлый Дмитревскій, когда-то жестоко поразившій надежды юноши-Крылова, теперь радостно привѣтствуетъ его успѣхи. Разница въ 32 года исчезаетъ совершенно. «Крыловъ приходилъ къ нему, какъ въ домъ своего родственника. За сытнымъ обѣдомъ, всегда состоявшимъ изъ однихъ чисто-русскихъ блюдъ, въ халатахъ (если не было постороннихъ), они по своему роскошничали, и послѣ стола оба любили, по обычаю предковъ, порядочно выспаться».

Крылову всѣ друзья: и старые, и молодые. Первые цѣнятъ въ немъ особенно мудрость, послѣдніе—очарованіе генія-художника. Онъ—*Оленистъ*, т. е. принадлежитъ къ тому кругу, что собирается въ домѣ Оленина. Оленинъ бюрократъ, занимающій видное общественное положеніе съ различными должностями, считается центромъ петербургскихъ патріотовъ. Домъ его становится центромъ, главнымъ образомъ благодаря чисто-

русскому радушію его жены, Елизаветы Марковны. Крылова называетъ она ласкательнымъ именемъ «Крылышко», заставляя этимъ смѣяться Крылова, который самъ не прочь подтрунить надъ своей увѣсистой фигурой. Онъ умѣетъ отомстить и теперь неосторожному врагу или насмѣшнику, но такъ, *«какъ только умѣетъ мстить умный и добрый Крыловъ»*. Какъ ни сдержанъ былъ Крыловъ, онъ не могъ не посмѣяться надъ знаменитымъ въ своемъ родѣ графомъ Д. И. Хвостовымъ, бездарнымъ стихокропателемъ, безпощадно мучившимъ публику чтеніемъ вслухъ своихъ произведеній. Этотъ Хвостовъ писалъ и басни, и даже упрекалъ Крылова въ заимствованіи у него, Хвостова. Крыловъ посмѣялся надъ нимъ. Хвостовъ сочинилъ грубую эпиграмму:

Небритый и нечесаный,
Развалившись на диванъ,
Какъ-будто неотесанный
Какой нибудь чурбанъ,
Лежитъ совсѣмъ разбросанный
Зоилъ Крыловъ Иванъ:
Объѣлся онъ иль пьянъ?

Не смѣя выдать свое имя, Хвостовъ распускалъ эти стихи съ видомъ сожалѣнія, что находятся люди, которые язвятъ таланты вздорными эпиграммами. Но его выдавало уже слово «зоилъ». Сдержанный Крыловъ никогда не порицалъ, скорѣе, напротивъ, хвалилъ все или молчалъ, какъ будто соглашаясь. Если Хвостовъ вызвалъ его эпиграмму или сатирическое замѣчаніе, то только потому, что былъ смѣшонъ со своимъ непремѣннымъ желаніемъ быть поэтомъ во что бы то ни стало. Крыловъ угадалъ автора эпиграммы и сказалъ: «въ какую хочешь нарядись кожу, мой милый, а ушка не спрячешь»; подъ предлогомъ желанія прослушать какіе-то новые стихи графа Хвостова, онъ успѣлъ обмануть дозѣрчиваго въ этой слабости графа, напросился къ нему на обѣдъ и ѣлъ за троихъ. «Когда же послѣ обѣда Амфитріонъ, пригласивъ гостя въ кабинетъ, началъ читать свои стихи, онъ безъ церемоніи повалился на диванъ, заснулъ и проспалъ до поздняго вечера». Эпиграммами въ то время не обижались. И онѣ, въ подражаніе французамъ, вошли въ моду. Крѣпостное право давало возмож-

ность жить весело и привольно, а о неудобствахъ этого порядка никто пока не думалъ. Въ гостиныхъ горячо спорили о разныхъ вопросахъ, но безъ гнѣва, только «для свареніи желудка». Нѣкоторые славились остротами и экспромтами. Одинъ изъ главныхъ членовъ патріотическаго кружка Оленина и Шишкова—А. С. Хвостовъ, особенно былъ знаменитъ въ этомъ родѣ. Когда генералъ Львовъ, любитель сильныхъ ощущеній, рѣшился подняться съ Гарнереномъ на воздушномъ шарѣ, А. Хвостовъ сказалъ ему экспромтъ:

Генералъ Львовъ
Летитъ до облаковъ
Просить боговъ
Объ уплатѣ долговъ.

На что тотъ, не задумываясь, отвѣчалъ:

Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ,
Хвосты есть у кнутовъ.
«Берегись Хвостовъ!»

Всю остроту своего языка сохранилъ Крыловъ для своей басни, все больше уходя въ себя въ жизни. Самые крупные таланты дорожили теперь его мнѣніемъ. Озеровъ давалъ ему одному изъ первыхъ читать свои произведенія. Крыловъ все хвалилъ. Какъ ни былъ сдержанъ Дмитревскій, онъ не молчалъ, но за то умѣлъ сказать. Когда онъ говорилъ съ авторомъ какой-нибудь новой пьесы, люди, хорошо знавшіе его, вертѣлись на стулѣ отъ сдержаннаго смѣха. Когда Державинъ замѣтилъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ «Дмитрія Донского» Озерова, трагедіи, имѣвшей необыкновенный успѣхъ, такъ какъ всѣ слова въ ней относились къ современнымъ событіямъ, къ Александру и французамъ,—«да, конечно», отвѣчалъ Дмитревскій: «иное и невѣрно, да какъ быть! Можно бы сказать много кой-чего о содержаніи трагедіи, но впрочемъ надо благодарить Бога, что у насъ есть авторы, работающіе безвозмездно для театра. *Обстоятельства не тѣ, чтобы критиковать такую патріотическую пьесу*. Такихъ людей, какъ Озеровъ, надо пріохочивать и превозносить, а то неравно, Богъ съ нимъ, обидится и перестанетъ писать. Нѣтъ, ужъ лучше предоставимъ критику времени; оно возьметъ свое, а теперь не станемъ огор-

чать такого достойнаго человѣка безвременными замѣчаніями». Крыловъ молчалъ, но конечно думалъ также.

* * *

Одинаковые вкусы и симпатіи связывали Крылова дружбою не только съ семьей Оленина, но и съ княземъ Шаховскимъ. Крыловъ поселился въ томъ-же домѣ Гунаропуло у Синяго моста, на углу Большой Морской. Квартиры ихъ были рядомъ. Ни чтеніе на литературномъ вечерѣ, ни чаепитіе не начиналось раньше, чѣмъ придетъ Крыловъ. «Теперь всѣ на лицо, Катенька», говорилъ князь, «какъ бы чаю».—«Ивана Андреевича еще нѣтъ», отвѣчала она и посылала сказать Крылову, что чай готовъ. Являясь, онъ всегда находилъ не занятымъ свое кресло въ углу, возлѣ печи. «Спасибо, умница, что мѣсто мое не занято», говорилъ онъ Екатеринѣ Ивановнѣ: «тутъ потеплѣе». Если читали новую пьесу и неумѣренно хвалили автора, Крыловъ никогда не возражалъ, и лишь иногда улыбался или переглядывался съ кѣмъ-нибудь поумнѣе изъ общества. «За что-же, не боясь грѣха, кукушка хвалитъ пѣтуха? За то, что хвалитъ онъ кукушку». Такъ сказалъ онъ въ баснѣ своей, много лѣтъ спустя. Впрочемъ Шаховской, котораго, какъ начальника репертуарной части, забрасывали произведеніями, самъ разъ отвѣтилъ на совѣтъ топить этими пьесами свою холодную квартиру, что у него стало бы еще холоднѣе, такъ мало въ нихъ жизни и огня. «Совсѣмъ бы заморозило».

«А ты не слыхалъ», говоритъ князь Шаховской графу Пушкину, «что Крыловъ написалъ новую басню, да и притаился, злодѣй!» Съ этимъ словомъ онъ вскакиваетъ съ дивана и кланяется въ поясъ Крылову. Князь Шаховской толстъ и неуклюжъ, но проворенъ. Вся фигура его очень оригинальна, но всего оригинальнѣе носъ и маленькіе живые глаза, которые онъ безпрестанно прищуриваетъ; говоритъ онъ скоро и пришепетываетъ.

«Батюшка, Иванъ Андреичъ», проситъ онъ: «будьте милостивы до насъ бѣдныхъ, разскажите намъ одну изъ тѣхъ сказочекъ, которыя вы умѣете такъ хорошо разсказывать». Крыловъ смѣется, «а когда смѣется Крыловъ, такъ это не да-

ромъ, должно-быть смѣшно». Слушающіе басню въ первый разъ уже знаютъ ее наизусть. Обыкновенно умоляютъ его прочесть снова. Иногда—ко всеобщему восторгу—у него есть басенки двѣ-три, иногда напротивъ нельзя упросить его читать. Читаетъ онъ обыкновенно подъ конецъ литературнаго вечера, вознаграждая такимъ образомъ всѣхъ за скуку. Его приберегаютъ къ концу еще и потому, что послѣ него никто не можетъ рѣшиться читать. Здѣсь, на вечерѣ у Шаховскаго, прочелъ Крыловъ въ маѣ 1807 года свою первую оригинальную басню «Ларчикъ», потомъ — «Оракулъ». Конечно и раньше не было-бы недостатка у Крылова въ оригинальномъ сюжетѣ, но осторожный авторъ, сознавая, на какой великій путь вступаетъ онъ, и имѣя соперника въ знаменитомъ и популярномъ тогда баснописцѣ Дмитріевѣ, счелъ болѣе осмотрительнымъ начать съ подражанія ему и Лафонтену. Но какъ скоро превзошелъ онъ его! «Ларчикъ»—первая оригинальная басня Крылова; она почти не потерпѣла измѣненій, тогда какъ первую переводную басню «Дубъ и Трость» онъ передѣлывалъ 11 разъ, все приближаясь къ оригиналу. Напротивъ «Разборчивая невѣста» написана имъ свободно и поэтому очень мало потребовала передѣлки. Также и впослѣдствіи всѣ басни, сюжеты которыхъ взяты имъ у Лафонтена или Эзопа, обработаны такъ свободно, въ духѣ русской народности и языка, что подъ его перомъ стали вполнѣ оригинальны и мастерствомъ разсказа часто превосходятъ даже Лафонтена. Такова, напримѣръ, басня «Муха и Дорожные», гдѣ такъ прекрасенъ колоритъ русской жизни и природы:

«Гуторя слуги вздоръ, плетутся вслѣдъ шажкомъ,
«Учитель съ барыней шушукаютъ тишкомъ,
«Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ,
«Ушолъ съ служанкой въ боръ искать грибовъ на ужинъ».

* * *

Литературные вечера не были однако особенно веселы, особенно для человѣка съ умомъ и вкусомъ Крылова. Только дружескія связи заставляли его являться, а ужины выкупали нѣсколько обязанность скучать. Ужина многіе, какъ и онъ, ждали съ нетерпѣніемъ, и жаловаться въ этомъ отношеніи обыкновенно

никто не могъ. Крыловъ говорилъ, что перестанетъ ужинать лишь въ тотъ день, когда перестанетъ и обѣдать. Ему старались угодить русскими тяжелыми блюдами, и утомить его количествомъ ихъ было невозможно. Врагъ иноземцевъ, онъ не былъ врагомъ иноземныхъ устрицъ, истребляя ихъ заразъ хотя не болѣе 100 штукъ, но и не менѣе 80.

Раннею весною любимѣйшимъ мѣстомъ гулянья всего Петербурга были, какъ и теперь, Невскій проспектъ да еще Адмиралтейскій бульваръ. Но и Биржа становилась тогда клубомъ цѣлаго города; открытіе навигаціи и прибытіе перваго иностраннаго корабля составляли эпоху въ жизни петербуржца. Въ лавкахъ, за накрытыми столиками, прельщались гастрономическими устрицами, привезенными извѣстнымъ въ то время голландскимъ рыбакомъ на маленькомъ ботикѣ, въ сообществѣ одного юнги и большой собаки. Тутъ-же коренастый голландецъ, въ чистомъ фартукѣ, быстро вскрывалъ ихъ обломкомъ ножа. Крыловъ отдавалъ честь устрицамъ, какъ гастрономъ, и въ то-же время оставался наблюдателемъ. Изъ маленькихъ окошечекъ трехъ-мачтоваго корабля выглядывали хорошенькія розовыя личики—нѣмокъ, швейцарокъ, англичанокъ, француженокъ, пріѣхавшихъ на должности въ барскіе дома. Тутъ-же выгружались англійскіе буцефалы, и ихъ окружали знатоки. Набережная и лавки превращались въ импровизированныя рощи померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ, пальмъ, фигъ, вишень въ цвѣту и т. д. Были тутъ и птицы заморскія, и другія рѣдкости. На Невѣ по воскреснымъ днямъ бывали еще кулачные бои. Крыловъ любилъ развлеченія и зрѣлища всякаго рода. Послѣ обѣда, подъ вечеръ, гулялъ онъ въ Лѣтнемъ саду, слушая музыку. Еще въ Екатерининское время давались здѣсь празднества для народа, и гуляющихъ привлекала роговая музыка придворныхъ егерей въ великолѣпныхъ мундирахъ, тогда зеленыхъ, а теперь красныхъ съ золотымъ позументомъ, и въ трехугольныхъ черныхъ шляпахъ съ бѣлыми плюмажами. Въ увеселительныхъ садахъ Крыловъ охотно смотрѣлъ пантомимы, потѣшные огни и представленія «мастеровъ физическихъ искусствъ», и т. п. Одна только часть Петербурга была еще въ запустѣніи—невскіе острова,

оставвшіеся необитаемыми. Сообщенія между ними, т. е. мостовъ, не было. «Густая зелень сихъ острововъ меня восхищала», говоритъ современникъ: «зелень береговъ отражалась въ зеркалѣ Невы. Само глубокое молчаніе, которое царило вокругъ и было прерываемо только шумомъ веселъ, имѣло что-то величественное. Изрѣдка попадались ялики, нагруженные купеческой семьей и самоваромъ». Нева еще не успѣла одѣться въ свой гранитъ, но и это совершилось на глазахъ «дѣдушки» Крылова, въ его долгій вѣкъ.

* * *

Князь Шаховской своимъ происхожденіемъ съ одной стороны, службой и любовью къ сценѣ съ другой—связываетъ два міра: вельможъ и знатныхъ лицъ съ кругомъ литераторовъ. Но и литературные друзья его часто занимаютъ видное положеніе: Оленинъ, Державинъ, Шишковъ и др.—все люди съ высокимъ положеніемъ и связями. На литературныхъ вечерахъ, происходившихъ поочереди у нихъ, а также у сенатора Захарова, общество бываетъ такое, что вечеръ часто больше походитъ на раутъ у дипломата. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь толкуютъ о войнѣ,—иногда присутствуетъ самъ главнокомандующій Каменскій, тоже любитель литературы,—или о мѣрахъ внутренней политики. Споры о Наполеонѣ и Европѣ кончаются иногда заявленіемъ Шишкова, что императоръ знаетъ во всякомъ случаѣ, что дѣлать. Либеральными мѣрами Александра и его дружбой съ Наполеономъ послѣ Тильзитскаго мира здѣсь недовольны, тѣмъ болѣе, что это сближеніе отражается опять-таки въ заимствованіяхъ, которыхъ эти люди такъ не любятъ. Это настроеніе неудовольствія противъ перемѣнъ отразилось въ басняхъ Крылова: «Огородникъ и Философъ», «Парнасъ», «Синица», «Воспитаніе Льва» и другихъ. Литературные вечера были прелюдіей знаменитаго концерта «Бесѣды любителей русскаго слова», общества, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ просто «Бесѣды». Раньше чѣмъ сложилось общество, выразителемъ мнѣній этого кружка служилъ «Драматическій Вѣстникъ».

Издателемъ его былъ князь Шаховской, но главной поддержкой—Крыловъ. Подписчиковъ было не много, но, благода-

ря баснямъ, которыя помѣщалъ здѣсь Иванъ Андреичъ, номера его переходили изъ рукъ въ руки и попадали иногда въ самые далекіе углы провинціи. Органъ этотъ боролся съ новымъ направленіемъ въ литературѣ и на сценѣ— со школой Карамзина, съ европеизмомъ. Изъ всего кружка шишковцевъ и оленистовъ, одинъ Державинъ понималъ достоинства Карамзина. Крыловъ несомнѣнно чувствовалъ крайности узкаго патріотизма Шишкова въ языкѣ и слогѣ и говорилъ о его «руководствѣ», что читать его должно, но руководиться имъ не слѣдуетъ; однако патріархальность его натуры, воспитаніе, котораго корни были въ почвѣ прошлаго вѣка, пробѣлы въ его образованіи и полное незнакомство съ Европой, дѣлали его врагомъ всего иноземнаго, при всей его гуманности и любви къ просвѣщенію. Пріятельскія связи съ Оленинымъ и его друзьями утвердили въ немъ взгляды и убѣжденія, выразителемъ которыхъ онъ остался навсегда. Отъ всѣхъ другихъ членовъ дружескаго кружка отличался онъ однако трезвымъ умомъ и талантомъ. То и другое спасло его отъ нетерпимости къ чужому мнѣнію. Никогда не воздвигалъ онъ гоненія на что бы то ни было новое, свѣжее. Онъ подмѣчалъ лишь смѣшную, комичную сторону явленія и подсмѣивался надъ этимъ въ басняхъ. Правда, и это было несвоевременно, когда новое, свѣжее и безъ того съ трудомъ пробивало себѣ путь, но, благодаря иносказательной формѣ, Крыловъ оставилъ много цѣннаго даже въ тѣхъ басняхъ, за которыя—одни обвиняли его, а другіе неудачно защищали. Все оправданіе Крылова въ томъ, что, благодаря художественному таланту, басни эти хороши, а понимать ихъ и толковать мы можемъ теперь помимо той морали, какая навязывалась имъ тогда, хотя бы даже самимъ авторомъ. Геніальный баснописецъ и сатирикъ, онъ не могъ быть и не былъ общественнымъ писателемъ уже потому, что не стоялъ по развитію впереди своего вѣка, а также потому, что обладалъ мудростью, трезвымъ умомъ и талантомъ сатирика, но не настроеніемъ и чувствомъ. Когда написалъ онъ комедію «Урокъ Дочкамъ» и «Модную Лавку», его хвалили за «совершенное отсутствіе самого автора» въ пьесѣ. Конечно, присутствія автора не должно быть замѣтно, но пульсъ его долженъ слышаться въ пьесѣ, чего Крыловъ никогда не проявлялъ.

Его отношеніе къ брату и къ семьѣ Оленина показываетъ однако, что онъ былъ великодушенъ, добръ и привязчивъ. Его всѣ любили. «Онъ желалъ всѣмъ счастья и добра, но въ немъ не было горячихъ порывовъ доставить ихъ своему ближнему» — такъ говорятъ о немъ тѣ, кто понималъ его хорошо, кто зналъ его мысли, благородныя побужденія и поступки. Въ немъ было равновѣсіе ума и сердца. Однако трезвый умъ преобладалъ, благодаря можетъ-быть физическимъ качествамъ, и онъ жилъ по разсчету разсудка: «физическая-ли тяжесть, крѣпость-ли нервовъ, любовь къ покою, лѣнь или безпечность, только Крылова не такъ легко было подвинуть на одолженіе или на помощь ближнему». «Крыловъ всячески отклонялся отъ соучастія въ судьбѣ того или другого лица». Этотъ разсчетъ холоднаго, трезваго ума внесъ онъ и въ свои басни.

Его покоя не смущалъ крѣпостной гнетъ, не смотря на его гуманность. Въ баснѣ «Листы и Корни» онъ выразилъ трезвое убѣжденіе лишь въ важномъ значеніи производящаго класса, въ баснѣ «Колосъ» онъ какъ бы отвѣчаетъ тѣмъ, кто находитъ это недостаточнымъ, и дополняетъ значеніе басни «Листы и Корни» тою мыслью, что всякое состояніе имѣетъ свои права и требованія. Всѣ недостатки Крылова, какъ представителя патріархальнаго прошлаго, значительно выкупаются его терпимостью. Подъ сѣнью этого дуба расцвѣтало новое поколѣніе, и знаменитыя слова Грибоѣдова—

„А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима“

не коснулись стараго уже тогда Крылова. Напротивъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ, сочувственно внимавшихъ молодому поэту, когда послѣдній читалъ свою, еще не напечатанную, комедію въ небольшомъ кругу избранныхъ.

Не даромъ такъ часто тонкая улыбка являлась на губахъ Крылова въ архаическихъ бесѣдахъ членовъ «Бесѣды». Крыловъ не былъ впереди своего времени и не понималъ многихъ новыхъ явленій, что отразилось въ нѣкоторыхъ его басняхъ, но это не мѣшало ему будить своимъ смѣхомъ спящее царство...

ГЛАВА V.

1812—1825 г.

Бесѣда любителей русской словесности.—«Демьянова уха».—«Огородникъ и Философъ».—«Гуси».—Оселъ и Соловей».—«Квартетъ».—Архаизмъ «Бесѣды».—Публичная библіотека.—«Щука и Котъ».—Пенсія.—Д. С. Хвостовъ.—Эпиграмма на Шишкова.—Эпиграмма на критику Руслана.—«Водолазы».—Батюшковъ. — Вандалы. — Попытки освобожденія отъ французскаго вліянія.—Путаница идей.—Вольтеръ.—«Сочинитель и Разбойникъ».— Елизавета Марковна. — «Свое кресло». — Пожалованіе перстня.—Критика басенъ Крылова.—«Любопытный».—Басня Анютѣ.—Извѣщеніе при изданіи басенъ 1819 года.—Перерывъ дѣятельности Крылова до 1825 г. — Греческій языкъ.—Переводъ изъ Одиссеи. — Эзопъ.—Отвѣтъ Крылова.—Воробей въ гостяхъ у Крылова.—Купанье.—Гнѣдичъ.—Безпечность Крылова.—Левъ Андреичъ Крыловъ.—Переписка.—Въ кабинетѣ у Жуковскаго. — Рукопись въ Публичной библіотекѣ.

Въ 1811 году начались засѣданія «Бесѣды любителей русскаго слова» въ домѣ Державина, на Фонтанкѣ—въ огромномъ домѣ съ колоннами, въ два свѣта. Литературные вечера у Державина, Шишкова, Оленина, Шаховского и др. были подготовкой къ образованію «Бесѣды». Самымъ талантливымъ изъ всѣхъ членовъ «Бесѣды» былъ конечно Державинъ, но *былъ* уже давно. Даже тотъ, кто еще недавно смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ, не могъ уже безъ смущенія слушать стиховъ старика, въ присутствіи автора. Скучны были эти собранія невообразимо. Уже и прежде на литературныхъ вечерахъ, несмотря на ихъ многолюдность и разнообразіе публики, многіе старались ускользнуть тайкомъ отъ невозможно-длинныхъ чтеній. Два года спустя, Крыловъ въ собраніи «Бесѣды» прочелъ свою

«Демьянову Уху». Невтерпежъ стало умному Крылову, да и зналъ онъ, что здѣсь, въ этомъ собраніи, гдѣ напыщенные члены всѣ были столь высокаго о себѣ мнѣнія, не представлялось опасности кого нибудь обидѣть. А если гдѣ ужъ очень смѣшно,

„Тамъ Петръ киваетъ на Ивана,
Иванъ киваетъ на Петра“.

Дѣло было такъ. Крыловъ пріѣхалъ въ собраніе поздно. Читали очень длинную пьесу; онъ усѣлся въ свое кресло. «Иванъ Андреичъ, что—привезли?» спросилъ у него черезъ столъ Хвостовъ.—«Привезъ».—«Пожалуйте мнѣ».—«А вотъ ужо послѣ». Крыловъ не торопится. Наконецъ пьеса кончена. Иванъ Андреевичъ вытаскиваетъ изъ кармана своего широкаго сюртука помятый листокъ, и знаменитая «Уха» на столѣ.

Въ первомъ собраніи «Бесѣды», 14 марта 1811 года, прочелъ онъ басню «Огородникъ и Философъ». Это была одна изъ тѣхъ несвоевременныхъ басенъ, въ которыхъ выразилась натура Крылова, его непріязнь къ европейскимъ заимствованіямъ. Конечно, въ этой баснѣ онъ осмѣиваетъ «недоученаго» философа, но попытки къ нововведеніямъ были еще такъ рѣдки, были такимъ нѣжнымъ раннимъ цвѣткомъ, что его слѣдовало охранять, обходиться съ нимъ бережно. Осмѣиванье было тѣмъ болѣе опасно, что глупцы и невѣжды понимали по своему подобныя басни и глумились надъ всякимъ стремленіемъ къ новому, свѣжему, ко всякой перемѣнѣ въ старинѣ, въ затхломъ быту крѣпостного права. Басня эта, какъ и другія въ подобномъ родѣ, получаютъ, впрочемъ, болѣе правильное значеніе по отношенію къ нѣкоторымъ современнымъ имъ явленіямъ.

Съ другой стороны, на Крылова опирались авторы книжекъ вродѣ: «Плугъ и соха» съ эпиграфомъ: «Отцы наши не глупѣе насъ были» и т. п., совсѣмъ не въ духѣ какого бы то ни было просвѣщенія.—Тамъ-же прочитана была Крыловымъ басня «Оселъ и Соловей», въ которой подъ соловьемъ, говорятъ, разумѣлъ онъ себя. Думали, что критика осла есть мнѣніе князя Вяземскаго, который считалъ И. М. Дмитріева выше Крылова. Это—возможно. Князь, въ самомъ дѣлѣ, долго и упорно не хотѣлъ понять величія нашего баснописца, оставаясь вѣрнымъ поэту,

который «ввелъ въ наши салоны легкую французскую поэзію». Есть анекдотъ также объ одномъ вельможѣ (гр. Разумовскомъ или князѣ А. Н. Голицынѣ), пригласившемъ Крылова къ себѣ—прочесть двѣ-три басни. Въ числѣ послѣднихъ, мастерски прочтенныхъ Крыловымъ, была одна изъ Лафонтена.—«Это хорошо; но почему вы не переводите такъ, какъ Дмитріевъ?» благосклонно спросилъ будто-бы глубокомысленный вельможа. Крыловъ отвѣчалъ: «не умѣю», и написалъ свою басню. Это похоже на нашего хитраго дѣдушку. Но та-же басня могла относиться и къ другому случаю.

Кого думалъ задѣть Крыловъ въ своемъ затѣйливомъ квартетѣ: четырехъ-ли вельможъ, которыхъ не знали, какъ разсадить въ четырехъ отдѣлахъ государственнаго совѣта, или четыре отдѣленія «Бесѣды», основанной съ хитроумными затѣями, на манеръ казеннаго учрежденія—съ 4 разрядами, въ которыхъ не было нужды, и 4 «попечителями»? Если послушать разноголосицу членовъ «Бесѣды»—очень похожъ на нихъ квартетъ. Въ засѣданіяхъ ея читались стихи на случай избранія въ адмиралы кого-нибудь изъ друзей Шишкова или въ министры—другого пріятеля, читались съ пафосомъ трагедіи и съ умиленіемъ стихи къ «Трубочкѣ» или къ «Пѣночкѣ», причемъ спорили, можно-ли въ легкомъ стихѣ къ птичкѣ сказать «драгая» вмѣсто «дорогая» и «крыло» вмѣсто «крылья». Рѣшали такъ, что можно простить автору слово «драгая», но никакъ нельзя сказать «крыло», потому что однимъ крыломъ птица на воздухѣ держаться не можетъ. Иванъ Андреичъ насмѣшливо улыбался во время этихъ споровъ, или дремалъ. Стихи:

„Деревня милая, отчизна дорогая,
Когда я возвращусь подъ кровъ счастливый твой?“

вызывали замѣчаніе, что *милый* можно сказать только о женщинѣ, о другѣ, а „*кровомъ*“ нельзя назвать деревню, потому что она состоитъ изъ многихъ крововъ, и т. п.

7-го января 1812 года Иванъ Андреевичъ былъ опредѣленъ помощникомъ библіотекаря въ учрежденную тогда Императорскую Публичную Библіотеку. Директоромъ ея назначенъ былъ А. Н. Оленинъ, другъ и покровитель Крылова; подъ его-же на-

чальствомъ служилъ И. А. уже нѣсколько лѣтъ при Монетномъ дворѣ. Служба въ библіотекѣ вполнѣ подходила къ характеру Крылова—лѣнивому и безпечному. Тароватый на выдумки, онъ завелъ здѣсь особые футляры для летучихъ изданій, но дѣлалъ самъ немного. Благодаря трудолюбію и знанію библіотекаря Сопикова, ему и нечего было дѣлать. Четыре года спустя Сопиковъ вышелъ въ отставку, и Крыловъ занялъ его квартиру, въ среднемъ этажѣ зданія библіотеки, на углу къ Невскому проспекту; здѣсь прожилъ онъ почти тридцать лѣтъ до своей отставки. Занявъ мѣсто Сопикова, онъ получилъ въ помощники барона Дельвига, не менѣе лѣниваго и безпечнаго поэта. Прошли-было красные дни для Крылова. Но Дельвига смѣнилъ потомъ другой. Крыловъ впрочемъ не особенно мучилъ свою совѣсть упреками. Двадцать пять лѣтъ спустя онъ сказалъ своему помощнику: «А я, мой милый, лѣнивъ ужасно... Да что, мой милый, говорить! И французы знаютъ, что я лѣнивъ». Онъ показалъ ему отношеніе Оленина отъ 1812 года съ предложеніемъ составлять особыя критическія замѣчанія для каталоговъ. «Каковъ же я молодецъ», говорилъ онъ. «Да и Алексѣй Николаевичъ не принуждалъ меня... Другое дѣло, если бы потребовалъ... А то ну... вы постараетесь за меня, мой милый»... Въ томъ-же году назначена ему была сверхъ жалованья пенсія изъ Кабинета Государя въ 1,500 р. Къ этому времени относится цѣлый рядъ его басенъ, вызванныхъ отечественной войной и непріязнью къ Франціи.

Поводомъ къ баснѣ «Щука и Котъ» была неудача адмирала Чичагова, возбудившая въ публикѣ сильное негодованіе. Въ современной каррикатурѣ Кутузовъ скачетъ на конѣ и тянетъ одинъ конецъ сѣти, въ которую долженъ попасть Наполеонъ, а на другомъ ея концѣ—Чичаговъ, сидящій на якорѣ, восклицаетъ: «Je le sauve!» и Наполеонъ въ видѣ зайца проскальзываетъ за его спиной. Въ другой каррикатурѣ, говорятъ, дѣло было изображено такъ: Кутузовъ съ усиліемъ затягиваетъ мѣшокъ, а Чичаговъ съ другого конца перочиннымъ ножомъ разрѣзываетъ этотъ мѣшокъ и выпускаетъ изъ него маленькихъ французскихъ солдатъ.

Всегда тяжелый на подъемъ, Крыловъ остается однако не ме-

нѣе забавнымъ и шутливымъ. На торжественномъ молебнѣ въ Казанскомъ соборѣ, по случаю отъѣзда Государя къ театру войны, Крыловъ встрѣтилъ графа Д. Хвостова. «Ну что, графъ», спросилъ онъ его: «не напишете-ли оды? Вы конечно пришли сюда за вдохновеніемъ?» Графъ обидѣлся.—«Почему же я именно долженъ писать?» спросилъ онъ: «вы также пишете стихи и, *какъ говорятъ*, очень хорошіе». «Мои стихи», отвѣчалъ Крыловъ: «ничтожныя басни, а вы парите высоко, вы лирикъ!» Крыловъ никогда не переставалъ осмѣивать высокопарныя оды, а въ отвѣтъ на обвиненіе въ томъ, что онъ одинъ не славитъ Александра, написалъ свою басню «Чижъ и и Ежъ», которая такъ оригинально выдѣлялась въ ряду напыщенныхъ стиховъ своею простотой и пережила всѣ шумныя выраженія восторговъ.

Ему приписываютъ эпиграмму на Шишкова, который во время войны назначенъ былъ государственнымъ секретаремъ, ради его патріотическаго духа и стиля. Государь пожаловалъ ему на дорогу придворную карету. На прощальномъ обѣдѣ у А. С. Хвостова хозяину подали пакетъ,—въ немъ находились слѣдующіе стихи:

„Шишковъ, оставя днесь Бесѣды свѣтлый домъ,
Ты ѣдешь въ дальній путь въ каретѣ подъ орломъ.
Нашъ добрый царь, тебѣ вручая важно дѣло,
Старается твое беречь, покоить тѣло;
Лишь это надобно, о тѣлѣ только рѣчь,
Неколебимый духъ умѣешь самъ беречь“.

Иванъ Крыловъ.

Хозяинъ сказалъ: «не диво то, что нашъ Крыловъ умно сказалъ, а диво, что онъ самъ стихи переписалъ». Крыловъ всячески открещивался отъ литературнаго «подкидыша», какъ онъ самъ называлъ эти стихи, но они остались за нимъ. Крыловъ не любилъ ссориться и умѣлъ ладить со всѣми. Не смотря на дружескія связи съ членами «Бесѣды», онъ сразу не менѣе дружески и съ честью принятъ былъ въ кругъ молодыхъ писателей, собравшихся въ это время въ Петербургѣ. Сюда перебрались изъ Москвы Жуковскій и Карамзинъ и соединились съ

Батюшковымъ, Гнѣдичемъ, Блудовымъ и др. Когда критика встрѣтила бранью «Руслана и Людмилу» юнаго Пушкина, Крыловъ написалъ эпиграмму:

„Напрасно говорятъ, что критика легка:
Я критику читалъ Руслана и Людмилы—
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка“.

* * *

И молодежь причислила его къ своимъ. Онъ не былъ конечно членомъ дружескаго «Арзамаса»: это не подходило ни къ его связямъ съ кругомъ Оленина, ни къ его возрасту, хотя по затѣйливости и остроумію могъ бы онъ играть тамъ значительную роль.

Въ годовщину празднованія открытія Публичной Библіотеки прочелъ онъ басню «Водолазы», ради этого случая написанную на дачѣ у Оленина. Послѣдній писалъ объ этой баснѣ: «Иванъ Андреичъ знаетъ, съ какимъ удовольствіемъ прекрасный его трудъ былъ уже принятъ *въ кругу его пріятелей и знакомыхъ...*» Эта басня рѣшаетъ вопросъ «о пользѣ истиннаго просвѣщенія и пагубныхъ слѣдствіяхъ суемудрія».

Говорятъ, Тургеневъ на горячія хвалы таланту Крылова сказалъ смѣясь: «Увидимъ, что скажетъ потомство». Послѣднее слишкомъ много говорило о баснѣ «Водолазы», путаясь въ неудачной защитѣ ея. Одинъ Стоюнинъ прямо и просто, не мудрствуя лукаво, опредѣлилъ ея значеніе. «Здѣсь высказывается странный взглядъ на науку», замѣчаетъ Стоюнинъ, «въ которой баснописецъ хочетъ видѣть какую-то гибельную глубину, забывая, что наука развиваетъ только истину, а она несетъ лишь добро и свѣтъ людямъ».

Но во времена Крылова «кидали въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескье, французскую армію и французскія книги». Французское вліяніе было однако такъ сильно, что ему покорялись сами враги. Батюшковъ, бывшій подъ стѣнами Парижа и потомъ въ самомъ Парижѣ съ побѣдоносною русской арміей, клеймитъ французовъ именемъ вандаловъ, но, по-

живъ въ Парижѣ, съ восторгомъ пишетъ объ Академіи и даже о народѣ: «Послѣ посѣщенія Лувра», говоритъ онъ, «какъ отъ бесѣды мудраго мужа и милой, умной женщины лучшимъ возвращаешься». Конечно, это не похоже на впечатлѣнія тѣхъ, что возвращались изъ-за границы, «изрывъ весь заднiй дворъ» и не увидавъ ничего хорошаго. На томъ-же праздникѣ, въ день открытія Библіотеки, читалъ рѣчь Гнѣдичъ и тоже громилъ французскій языкъ — «языкъ враговъ нашихъ, который русскіе должны забыть», говорилъ онъ. «Ah, que c'est beau» («прекрасно»), замѣтилъ кто-то изъ публики сосѣду, а этотъ отвѣчалъ: «Oui, mais ce n'est pas possible» (да, прекрасно, но это невозможно). У самого Гнѣдича въ этомъ яростномъ гнѣвѣ противъ языка сказалась лишь одна его театральность. «Путаница идей не знала предѣловъ». Неумѣренное поклоненіе смѣнилось столь-же неумѣренной враждой. Въ ослѣпленіи гнѣвомъ просвѣщенные люди разбивали драгоцѣнный сосудъ, который едва успѣли пріобрѣсти. Письмо Батюшкова къ Гнѣдичу говоритъ ясно объ этой путаницѣ понятій: «Ужасные поступки *вандаловъ* въ Москвѣ разстроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ». Но Крылова, собственно, путаница эта не коснулась. Напротивъ, сила убѣжденія и цѣльность натуры сказались въ самыхъ его ошибкахъ. Если и онъ смѣшивалъ армію, революцію и философовъ, то это было слѣдствіемъ отчасти пробѣловъ въ его образованіи и развитіи, отчасти-же патріархальности его натуры. Впрочемъ сами французы, въ особенности эмигранты, приписывали революцію Вольтеру. Многіе изъ нихъ говорили: «это все негодяи-философы надѣлали». Удивительно-ли, что въ прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду» появлялись такого рода афиши:

„Хвала Богу!
Побѣда.
Да здравствуетъ императоръ!
Пламенникъ революціи угасаетъ“.

Такимъ образомъ связывали гибель Наполеона, бывшаго

въ то время законнымъ императоромъ французовъ, съ гибелью давно уже забытой революціи.

Академикъ Гротъ и многіе другіе старались оправдать Крылова въ томъ, что онъ написалъ въ 1817 году басню «Сочинитель и Разбойникъ», въ которой «посадилъ въ адъ Вольтера». Но лучше всѣхъ опредѣлилъ значеніе этой басни Гоголь, отрицая отношеніе ея къ Вольтеру. «Въ ней Крыловъ укоряетъ писателя, избравшаго развратное и злое направленіе», говоритъ онъ:—въ этомъ смыслѣ, конечно, басня не можетъ относиться къ философу и ученому, а только къ писателю, торгующему своимъ талантомъ и умомъ; къ тому, кто ради своекорыстнаго разсчета сѣетъ въ обществѣ вражду и взаимную непріязнь, къ тѣмъ «разбойникамъ пера», кого бичевалъ покойный нашъ сатирикъ, тоже воспитанный на басняхъ Крылова. Въ ушахъ этихъ людей вѣчно пусть раздаются слова:

„Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною“.

Крылова упрекали за строгій судъ надъ собратомъ-писателемъ. Скорѣе здѣсь, въ этой баснѣ, сказались тѣ-же добродушіе и терпимость Крылова. Онъ предоставляетъ наказаніе высшему суду, что́ не зависитъ отъ мнѣнія и воли человѣка. Этотъ судъ не страшенъ тому, кто чистъ душою, тогда какъ нашъ судъ и наказаніе не всегда справедливы, въ особенности тамъ, гдѣ не сходятся въ убѣжденіяхъ.

* * *

Живя въ своей квартирѣ, въ Публичной Библіотекѣ, Крыловъ мало-по-малу совершенно облѣнился. Большею частью проводилъ онъ время на диванѣ, оставляя его лишь для выѣздовъ на обѣды къ Оленину, графу Строганову, или въ англійскій клубъ. Въ клубѣ послѣ обѣда онъ игралъ въ карты, или смотрѣлъ игру на билліардѣ и держалъ пари за игроковъ. Поздно ночью возвращался въ свою холостую квартиру, и только съ лѣтами сталъ ложиться въ постель все раньше и раньше. Въ домѣ Олениныхъ добрѣйшая изъ женщинъ, Елизавета Марковна,

кормила на убой своего «Крылочку», а послѣ обѣда онъ засыпалъ въ своемъ креслѣ. «Свое кресло» было у него, кажется, вездѣ, гдѣ онъ только бывалъ. Такъ спокойно ему жилось. Если что причиняло еще ему иногда безнокойство, такъ это—его слава, требуя отъ него иногда писемъ или визитовъ въ отвѣтъ на хвалы и просьбы. Послѣ выхода въ свѣтъ изданія басенъ 1816 года, посыпались на его голову почести, хвалы и награды... Отъ императрицы Елизаветы Алексѣевны получилъ онъ брилліантовый перстень; различныя ученыя и воспитательныя учрежденія присылали ему дипломы и выбирали почетнымъ членомъ. Вельможи приглашали на маскарады и обѣды.

Критика давно признала его заслуги. Первый оцѣнилъ его Жуковскій еще въ 1809 году. Десять лѣтъ спустя, по поводу изданія басенъ, въ которомъ было много опечатокъ, рецензентъ «Сына Отечества» писалъ уже, что «недостатокъ этотъ очень непріятенъ въ книгѣ, *которая должна быть и будетъ классическою*». Его уже не только называли «русскимъ Лафонтеномъ», но признавали въ немъ оригинальныя достоинства, ставящія его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше всѣхъ другихъ славныхъ баснописцевъ: качества эти—трезвая мудрость и тонкое остроуміе, живая связь лукавой ироніи и серьезной мысли, мастерство разсказа, простота и наконецъ та печать народности, которая даетъ намъ право называть его нашимъ, русскимъ поэтомъ.

Слава не ослѣпляла Крылова. Онъ оставался по прежнему простъ и добродушенъ. Умѣлъ онъ однако и добродушно отомстить, если случалось кому задѣть его самолюбіе. Такъ, появились стихи, въ которыхъ говорилось, что три знаменитыхъ баснописца всѣ были Иваны. Подъ этими тремя поэтъ разумѣлъ Лафонтена, Хемницера и Дмитріева. Какъ ни скроменъ былъ Крыловъ, онъ не могъ не сознавать, насколько выше его басни, которыя тогда уже называли «неувядаемыми цвѣтами поэзіи», и написалъ басню «Любопытный». Басня была его орудіемъ, которымъ онъ и мстилъ, и награждалъ. Иногда дарилъ онъ ихъ дѣтямъ. Такъ, басню «Ягненокъ» написалъ онъ для Анюты, младшей дочери Оленина; другую басню онъ подарилъ племяннику Оленина. Наконецъ,

баснею «Василекъ» неуклюжій, увѣсистый Крыловъ съ изысканной граціей выразилъ, какъ увидимъ, благодарность самой императрицѣ.

Излѣнился-ли въ самомъ дѣлѣ Крыловъ на столько, что думалъ перестать писать, или, что вѣроятнѣе, хитрый и осторожный мудрецъ хотѣлъ избавиться отъ назойливыхъ льстецовъ, отъ приглашеній читать на вечерахъ, только къ изданію басенъ въ 1819 году онъ прибавилъ извѣщеніе, что этимъ изданіемъ хочетъ заключить свою дѣятельность. Только въ 1825 году сталъ появляться снова рядъ его басенъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» барона Дельвига, и эти «цвѣты» оказались тогда въ самомъ дѣлѣ «неувядаемыми». Казалось, И. А. погрузился совершенно въ бездѣйствіе; но насколько оно было лишь видимое, доказываетъ то, что въ это именно время изучалъ онъ греческій языкъ — самостоятельно, безъ посторонней помощи. Не останавливаясь даже предъ трудностью въ его лѣта читать стереотипныя изданія, онъ надѣвалъ для этого очки. Сохраняя тайну—подъ предлогомъ безпорядка въ комнатѣ—онъ не пускалъ къ себѣ даже сосѣда и ближайшаго пріятеля, Гнѣдича, который впрочемъ изъ-за двери хвалилъ пробудившуюся совѣсть И. А. относительно опрятности. Весь эпизодъ прекрасно переданъ Плетневымъ. Гнѣдичъ, страстный классикъ, готовъ былъ думать, что найдетъ себѣ въ Крыловѣ помощника по переводу Гомера, и уговорилъ И. А. заняться этимъ. Крыловъ перевелъ отрывокъ Одиссеи, но скоро сознался, что гекзаметръ ему не дается. Зато часто находили его съ Эзопомъ въ рукахъ, и на вопросъ любопытнаго, что дѣлаетъ И. А., онъ отвѣчалъ: «учусь». Послѣ того появляются въ его басняхъ темы, взятыя у этого учителя, который, впрочемъ, самъ не отказался бы поучиться у нашего Крылова. Прошли года; Крыловъ забылъ грековъ и самого Эзопа. Одинъ отрывокъ Электры уцѣлѣлъ отъ разрушительной руки времени. Этотъ отрывокъ сохранилъ Лобановъ.

Крыловъ достигъ цѣли всѣхъ своихъ завѣтныхъ стремленій. Покой увѣнчалъ его труды и слава увѣнчала его покой:

„За вѣтрами со всѣхъ сторонъ
Не движась, я смотрю на суету мірскую
И философствую сквозь сонъ“. (*Прудъ и Рѣка*).

Казалось бы, и дарованіе Крылова должно было заглохнуть, какъ онъ самъ предсказалъ это тому, кѣмъ «овладѣетъ лѣнь». Однако еще многіе годы его талантъ не ослабѣвалъ. Въ самой глубокой старости онъ еще даритъ свѣтъ своими баснями. Погружаясь все болѣе въ видимую безпечность, Крыловъ продолжалъ наблюдать, думать и все также тщательно работать надъ отдѣлкой басни. Въ этомъ разгадка неисчерпаемой свѣжести его таланта. Чѣмъ больше уходилъ Крыловъ отъ внѣшняго міра, тѣмъ богаче, разнообразнѣе и глубже становился его собственный, имъ созданный міръ. Въ тишинѣ кабинета или гостиной наполнялась его жизнь живымъ дѣйствіемъ воображенія. Тогда оживали бездушные предметы, получая даръ слова такъ-же какъ птицы и звѣри; инстинкты, пороки и добродѣтели воспринимали плоть и кровь; новый міръ возникалъ предъ баснописцемъ и укладывался по волѣ его на лоскуткахъ бумаги.

Пернатыя особенно платили И. А. взаимностью за его любовь къ этому міру. «Сидя на диванѣ противъ открытаго окна, онъ забавлялся наблюденіемъ смышленности движеній и пріемовъ воробья. Воробей, готовый уже, растопыривъ крылья, вспорхнуть на окно, гдѣ насыпанъ былъ кормъ, и довѣриться ласковому хозяину, пріостановился при моемъ приходѣ», разсказываетъ посѣтитель. «Посмотрите», сказалъ Иванъ Андреевичъ, «какъ онъ остороженъ! Это старый мой пріятель; онъ прилетаетъ ко мнѣ пообѣдать, но всегда съ крайней осмотрительностью, а теперь ужъ его не скоро заманишь».

Осторожный и осмотрительный, онъ бывалъ однако очень разсѣянъ въ мелочахъ; иногда клалъ въ карманъ что попадало подъ руку, и случалось, за обѣдомъ въ гостяхъ, вытаскивалъ вмѣсто носового платка то чепчикъ, то чулокъ. Друзья подшучивали надъ нимъ. Хотѣлъ онъ благодарить кого нибудь за присылку сочиненій—ему указывали совсѣмъ другое лицо; тотъ конфузился, Крыловъ извинялся и такъ продѣлывалъ иногда по нѣскольку разъ.

Какъ желудкомъ своимъ, такъ могъ онъ гордиться и здоровьемъ вообще. Живя въ домѣ Рибаса, гдѣ нынѣ дворецъ принца Ольденбургскаго, онъ ходилъ купаться въ каналѣ,

омывающемъ съ этой стороны Лѣтній садъ. Купался весь сентябрь и октябрь; наконецъ въ ноябрѣ, когда вода покрывалась льдомъ, онъ, скачкомъ проламывая ледъ, продолжалъ купаться до сильныхъ морозовъ.

*
* *

До 1841 г. не перемѣнилъ Крыловъ ни службы, ни занятій, ни даже квартиры. Не перемѣнилъ онъ и друзей, но только многихъ пережилъ.

Одна и та-же лѣстница, мимо Крылова, вела наверхъ въ квартиру Гнѣдича. Удобство сообщенія, холостая жизнь обоихъ, любовь къ литературѣ и одинаковыя отношенія къ дому Олениныхъ тѣсно связывали поэтовъ, хотя во многомъ велика была разница въ ихъ личности. «Умомъ своимъ всегда сосредоточеннымъ и дальновиднымъ», говоритъ Плетневъ: «сердцемъ опытнымъ и охлажденнымъ, характеромъ безпечнымъ и скрытнымъ, жизнью педѣятельною и неопрятной, пріемами простыми и чуждыми свѣтскости—Крыловъ представлялъ совершенную противуположность Гнѣдичу, который до многаго додумывался медленно и не всегда вѣрно, увлекался добрымъ и довѣрчивымъ чувствомъ, любилъ во всемъ порядокъ и щеголеватость, старался выказать знатока общественныхъ приличій и часто поддавался влеченію самолюбія». «Онъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ. Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, выходившихъ окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая, влѣво отъ нея, оставалась безъ употребленія, а послѣдняя—угольная, къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ хозяину. Здѣсь, за перегородкой, стояла кровать его, а въ свѣтлой половинѣ онъ сиживалъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ всегда садиться, на что не безъ

затрудненія можно было согласиться опрятно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары, съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жару и дыма. При разговорѣ сигара ежеминутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка, проходя изъ кухни черезъ залу, иногда съ пѣсенкой, приносила тоненькую восковую свѣчу безъ подсвѣчника, накапывала воску на столъ и ставила огонь передъ неприхотливымъ своимъ господиномъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, набрасывая зеренъ, привадилъ къ себѣ голубей съ Гостинаго двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи, на нихъ стоявшія, и все кругомъ носило на себѣ слѣды пребыванія этихъ ежедневныхъ гостей баснописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постели часу въ десятомъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ его по Академіи, привезъ ему съ вечера въ подарокъ богато переплетенный экземпляръ Фенелонова Телемака. Это было еще въ 1812 году. Ѣдучи по утру къ должности, полюбопытствовалъ онъ спросить у Крылова, понравился-ли ему переводъ, которымъ поэтъ нашъ и хотѣлъ-было, ложась спать, позаняться, но такъ неосторожно держалъ передъ сномъ въ рукахъ книгу, что она сползла съ кровати подъ столикъ. Переводчикъ, заглянувъ за перегородку, гдѣ Крыловъ еще спалъ, и увидѣвъ, куда попала золотообрѣзная книга его, тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не узналъ о его посѣщеніи».

Такъ, за сигарой, съ романомъ, иногда въ разговорахъ съ пріятелями, Крыловъ проводилъ время до того часу, въ которомъ надо было отправляться обѣдать въ англійскій клубъ. Продремавъ тамъ довольно времени послѣ обѣда, иногда заѣзжалъ онъ къ Оленину, иногда возвращался домой.

* * *

«Никогда не замѣчали въ немъ какихъ-либо душевныхъ томленій; онъ всегда былъ спокоенъ». Но взамѣнъ горячихъ порывовъ онъ проявлялъ иногда глубокую привязанность. «Елизавета Марковна», говорилъ онъ Олениной:—«когда наступитъ мой часъ, я „приду" умереть къ вамъ, сюда, къ вашимъ

ногамъ». Никогда не забывалъ онъ и своего единственнаго брата, съ которымъ видѣлся послѣдній разъ около 1806 г.; больше не суждено имъ было увидѣться до могилы.

Левъ Андреевичъ служилъ въ гвардіи въ Петербургѣ, когда Крыловъ издавалъ журналъ «Зритель». Перейдя потомъ въ армію, онъ тянулъ лямку на югѣ. Иванъ Андреичъ постоянно поддерживалъ его деньгами. Какъ только положеніе его упрочилось службой въ библіотекѣ и пенсіей, онъ сталъ подумывать о томъ, чтобы перевести брата въ Петербургъ. Мечты эти не исполнились, но онъ не переставалъ принимать живое участіе въ судьбѣ брата. Не смотря на небольшую разницу въ лѣтахъ, братъ называетъ Ивана Андреича не иначе какъ «любезный тятенька», «милый батюшка», «братецъ Иванъ Андреичъ». Единственное, въ чемъ братъ его постоянно упрекаетъ, это—что онъ подолгу не отвѣчаетъ на письма. Не можетъ преодолѣть Иванъ Андреичъ своей лѣни; онъ посылаетъ брату деньги, экземпляры изданій, даже списки басенъ и копіи съ докладовъ Оленина Государю о награжденіи его, но писемъ не пишетъ. Также неохотно исполняетъ порученія, требующія какихъ нибудь хлопотъ, хотя очевидно опять-таки изъ лѣни, а не по недостатку доброты. Братъ Левъ пишетъ ему о какой-то Марфушкѣ: «Я право полагалъ, что она давно на волѣ, а она, бѣдная, терпѣла *черезъ твою бсзпечность*. Однако-жъ теперь я очень радъ и благодарю тебя, что ты за все претерпѣніе ее наградилъ». Изъ этихъ словъ ясно выступаютъ черты характера Крылова—доброта и лѣнь, которыя часто спорятъ въ немъ, какъ вѣтеръ и солнце въ сказкѣ. Лѣнясь писать брату, Иванъ Андреичъ такъ интересуется имъ, что требуетъ описанія мельчайшихъ подробностей его быта. Послѣдній не отказываетъ въ этомъ. Талантъ къ музыкѣ—очевидно родовое достояніе Крыловыхъ, какъ и охота къ чтенію. Братъ Крылова тоже играетъ на скрипкѣ и очень любитъ читать. Кромѣ своихъ басенъ И. А. пользуется всегда случаемъ посылать ему и другія книги. Съ тѣхъ поръ какъ Крыловъ начинаетъ писать басни, братъ становится такимъ-же горячимъ поклонникомъ его таланта, какъ и вся публика. Онъ человѣкъ простой. Нѣсколько разъ былъ онъ въ походахъ за-границей, но кромѣ

подробнаго военнаго маршрута не вывезъ оттуда никакихъ впечатлѣній.

Тѣмъ интереснѣе его отзывъ о басняхъ. Больше всѣхъ, пишетъ онъ, понравилась ему басня «Сочинитель и Разбойникъ». «Въ жизни ничего лучшаго не читывалъ», замѣчаетъ онъ.— «Безпримѣрныя твои басни я пробѣжалъ и могу сказать, что не даромъ ты ими прославился, да и Государь Императоръ удостоилъ ихъ назвать пріятными и полезными... Я никогда не сомнѣвался, чтобы ты не употребилъ свои божественныя дарованія въ пользу общаго блага, и нахожу, что нѣтъ ничего достойнѣе благородной души, какъ совѣтами и самыми легкими доказательствами отвращать отъ порока и привлекать къ добродѣтели». Онъ говоритъ здѣсь, прилично случаю, нѣсколько высокопарно, но смыслъ отвѣчаетъ всеобщему убѣжденію. Такъ думалъ и такое значеніе придавалъ сатирѣ и въ особенности баснѣ самъ И. А., какъ мы видѣли выше. Онъ въ восторгѣ отъ почестей брата, но въ одномъ письмѣ замѣчаетъ: «Только жалѣю очень, любезный тятенька, что твоя муза такая сонливая и лѣнивая». Это относится уже къ 1821 году.

Въ это время Крыловъ получаетъ изъ Кабинета уже добавочную пенсію, а всего до 3,000 руб. ас., кромѣ жалованья. Въ 1820 г. награжденъ онъ орденомъ Владиміра 4 степени. Басни свои печатаетъ онъ то въ «Сынѣ Отечествѣ», то въ изданіи «Бесѣды». Его молодые друзья возмущаются. «Какъ не стыдно бросать въ навозъ», говорятъ они, когда Крыловъ читаетъ свои басни въ собраніяхъ Бесѣды, гдѣ обыкновенно «одинъ читаетъ чепуху, другой говоритъ «изрядно», третій хвастаетъ, четвертый хвалитъ себя и Шишкова». Но Крылову было поздно мѣнять свои привычки и друзей, да это и не мѣшало ни славѣ его, ни расположенію къ нему молодежи. Батюшковъ особенно горячо относился къ И. А. «Выпроси у Крылова басню», пишетъ онъ Гнѣдичу въ одномъ письмѣ; въ другомъ:— «поклонись отъ меня безсмертному Крылову, безсмертному— конечно, такъ!»—«Обними сосѣда (т. е. И. А.), но какъ обнять! Онъ, я думаю, толще всѣхъ поэтовъ вкупѣ и разсудкомъ, и тушею».

Жуковскій былъ также въ числѣ лучшихъ друзей Крылова

и цѣнителей его генія. Ив. Андр. съ удовольствіемъ проводилъ время въ его квартирѣ, на вечерахъ, въ обществѣ Пушкина, Батюшкова, кн. Вяземскаго, Гнѣдича, Уварова, Дашкова, Блудова и другихъ. Здѣсь-же бывали и Сперанскій, графъ С. Румянцевъ, а также Оленинъ и Карамзинъ. Въ группѣ людей на картинѣ, изображающей кабинетъ Жуковскаго въ его квартирѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, всѣхъ замѣтнѣе и интереснѣе фигура баснописца, рядомъ съ Пушкинымъ. Разъ, на одномъ изъ этихъ вечеровъ, Ив. Андр. сталъ искать чего-то въ бумагахъ на письменномъ столѣ. «Что вамъ надобно, Иванъ Андреичъ?» спросили его. «Да вотъ какое обстоятельство», отвѣчалъ онъ: «хочется закурить трубку; у себя дома я рву для этого первый попавшійся подъ руку листокъ, а здѣсь нельзя такъ: вѣдь здѣсь за каждый лоскутокъ исписанной бумаги, если разорвешь его, отвѣчай передъ потомствомъ».

Такъ говорилъ скромный баснописецъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ никогда не дорожилъ лоскутками, на которыхъ писалъ свои басни. Послѣ его смерти находили въ корзинахъ и на чердакѣ измятыя и изорванныя черновыя его басенъ, доставившія однако богатый матеріалъ для исторіи его творчества.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранятся разрозненные листки, сколотые булавкой, вырванные повидимому изъ тетради. На особомъ листѣ рукою Гнѣдича сдѣлана замѣтка: «Экземпляръ басенъ, сколотый булавкой, который Иванъ Андр. въ такомъ видѣ имѣлъ съ собой, когда читалъ Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ въ Зимнемъ дворцѣ въ 1813 году, будучи вмѣстѣ со мной». Обыкновенно писалъ онъ на лоскуткахъ и держалъ въ карманѣ помятые листки.

ГЛАВА VI.

Покой и слава.

Переводы басенъ.—Иностранная критика о Крыловѣ.—Брошюра Я. Н. Толстаго.—Болѣзнь.—«Василекъ».—Семья А. Н. Оленина.—«Три поцѣлуя». «Крестьянинъ и змѣя».—Письма брата.—Поѣздка въ Ревель.—Смерть брата.—Горесть И. А. Крылова.—Пособіе на изданіе басенъ въ 1824 г.—«Конь и всадникъ»—Письмо къ дочери Оленина.—«Муха и пчела».—Сборы за границу.—Домашнія затѣи.—Голуби въ гостиной.—Анекдотъ объ извѣстности Крылова.—Находчивость его.—Императоръ Николай даритъ бюстъ Крылова наслѣднику престола.—Шутка «фавориточки».—Маскарадъ въ Зимнемъ дворцѣ.—«Вельможа»—Юбилей.—Смерть Е. М. Оленина.—Отставка.—Жизнь Крылова на Васильевскомъ Островѣ.—Эпиграмма Воейкова.—Творчество въ баснѣ.—«Бѣдный богачъ».—Значеніе сатиры Крылова.—Рѣчь митрополита Макарія.—Прихожанинъ.—«Сочинитель и Разбойникъ».—«Гребень».—Смерть Крылова.—Памятникъ.—Эпиграфъ въ «Звѣздочкѣ».

Съ 20-хъ годовъ начали появляться иностранные переводы басенъ Крылова. Невнимательный къ своимъ біографамъ, Крыловъ иначе относился къ переводчикамъ, помогая и разъясняя имъ многое самъ. Переводы бывали иногда удачны, хотя чаще представляли неодолимыя затрудненія. Для передачи нѣсколькихъ строкъ Крылова приходилось часто измышлять десятки стиховъ. Простота и оригинальная мѣткость чисто-русскаго ума и языка не укладывались въ чужія формы. «Совокупилось пятьдесятъ семь талантовъ, чтобы одолѣть одинъ»—въ прекрасномъ изданіи графа Орлова, который, живя въ Италіи и Парижѣ, заинтересовалъ этими баснями корифеевъ итальянской и французской поэзіи. «Вандалы» первые ознакомились съ Крыловымъ и оцѣнили его геній. Французскіе критики простили

Крылову даже непріязнь къ французскому вліянію, уяснивъ себѣ, что непріязнь эта относилась лишь къ нелѣпымъ заимствованіямъ. Они справедливо не могли простить ему лишь того, что онъ «посадилъ въ адъ» знаменитаго философа, въ баснѣ «Сочинитель и Разбойникъ».

Въ оправданіе Крылова отъ этого обвиненія соотечественникъ нашъ въ Парижѣ, Яковъ Николаевичъ Толстой, написалъ брошюру, въ которой доказывалъ, что Крыловъ подъ «сочинителемъ» вовсе не разумѣлъ Вольтера. Однако защита была «не слишкомъ убѣдительна», какъ говоритъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ.

«Ни одинъ народъ не имѣетъ баснописца, который стоялъ бы выше Крылова въ изобрѣтеніи и оригинальности», говорилъ Лемонте во введеніи къ изданію гр. Орлова. Особенный успѣхъ имѣла басня «Гуси», переведенная нѣсколько разъ. Критикъ Геро ставитъ Крылова въ нѣкоторыхъ случаяхъ выше Лафонтена. Критикъ «Journal de Débats» говоритъ о здравомъ смыслѣ и умѣ баснописца; удивляется естественности басенъ, изящной простотѣ и остроумію, глубинѣ мысли и художественной отдѣлкѣ подробностей. Сальфи, въ предисловіи къ итальянскому переводу, признаетъ нашего баснописца первостепеннымъ, а переводъ басенъ его цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для итальянской литературы. Одинъ за другимъ слѣдовали переводы басенъ еще при жизни Крылова на разные языки, въ томъ числѣ на нѣмецкій и на скандинавскіе. Потомъ явились переводы на еврейскій, арабскій и изъ новыхъ языковъ—еще на польскій и англійскій.

Итакъ, чего еще оставалось желать баснописцу въ жизни? Его окружали покой, слава и любовь. Къ сожалѣнію его крѣпкое здоровье пошатнулось—онъ сталъ страдать приливами крови къ головѣ. При второмъ ударѣ, случившемся въ 1823 году, когда покривилось его лицо, больной Крыловъ дотащился до дома Олениныхъ на Фонтанкѣ, противъ Обуховской больницы, и сказалъ доброй Елизаветѣ Марковнѣ, которая заботами о немъ была ему точно вторая мать: «Вѣдь я сказалъ вамъ, что приду умереть у ногъ вашихъ; взгляните на меня». Крыловъ оставался въ домѣ Олениныхъ до выздоровленія. Когда-же весною

Императрица Марія Ѳедоровна переѣхала въ Павловскъ, и до нея дошла вѣсть о болѣзни маститаго поэта, она приказала А. Н. Оленину перевезти его въ Павловскъ, прибавивъ: «подъ моимъ надзоромъ онъ скорѣе поправится». Ив. Андр. въ самомъ дѣлѣ поправился совершенно и признательность къ августѣйшей покровительницѣ своей выразилъ въ граціозной баснѣ «Василекъ». Онъ написалъ ее въ одномъ изъ альбомовъ, что разложены были на столахъ въ «Розовомъ Павильонѣ» въ Павловскомъ паркѣ. На заглавной картинкѣ къ этой баснѣ, въ одномъ изъ изданій, Иванъ Андреичъ сидитъ на камнѣ въ Павловскомъ саду, возлѣ бюста Императрицы, и подслушиваетъ разговоръ Василька съ Жукомъ. Крыловъ говорилъ потомъ своему сослуживцу: «Да, мой милый, это одно обязываетъ меня написать исторію своей жизни». Онъ ее не написалъ однако. «Онъ перенесъ подъ 60° широты неаполитанскую безпечность и предается той роскошной лѣни, которая взлелѣяла геній Лафонтена и Шолье. Муза его уступаетъ только настойчивымъ просьбамъ другихъ. Это такой *басенникъ* (fablier, какъ-бы плодовое дерево), который нужно крѣпко потрясти, чтобы съ него упали плоды». Не даромъ и добродушный братъ его сожалѣлъ, что муза его «сонливая и лѣнивая». Оправившись отъ болѣзни, Крыловъ еще больше привязался къ семьѣ Олениныхъ. Домъ ихъ оставался постоянно радушнымъ и гостепріимнымъ. Оленинъ самъ былъ большимъ поклонникомъ талантовъ и искусствъ, а «еще больше кажется любилъ имъ покровительствовать», хотя ему «можетъ-быть недоставало смѣтливости и утонченнаго проницательнаго чувства, столь полезнаго въ художественномъ дѣлѣ». Онъ оставался однимъ и тѣмъ-же, и его маленькую, сухощавую фигуру неизмѣнно видѣли десятки лѣтъ за письменнымъ столомъ. Онъ былъ яростнымъ врагомъ Франціи и говорилъ о французахъ, что «нѣтъ народа, нѣтъ людей подобныхъ этимъ уродамъ, что всѣ ихъ книги достойны костра», къ чему не скупились прибавлять другіе: «а головы ихъ—гильотины». Послѣднія слова принадлежали юному поэту, который однако подъ стѣнами Парижа оплакивалъ участь осажденнаго города, а войдя въ него, въ мигъ поддался очарованію этого ужаснаго народа, этихъ «вандаловъ», о которыхъ писалъ уже съ восхи-

щеніемъ, съ восторгомъ. Парижъ дѣйствовалъ подобно чарамъ Цирцеи. Его ненавидѣли, пока не попадали въ его объятія, какъ въ волшебный чарующій міръ.

«Дому Олениныхъ служила украшеніемъ его хозяйка. Образецъ женскихъ добродѣтелей, нѣжнѣйшая мать, примѣрная жена, одаренная яснымъ умомъ и кроткимъ нравомъ, Елизавета Марковна оживляла и одушевляла общество въ своемъ домѣ». Она была болѣзненна. «Часто, лежа на широкомъ диванѣ, окруженная посѣтителями, видимо мучась, умѣла она улыбаться гостямъ», чтобы не разстроить бесѣды. Нашъ увѣсистый «Крылышко» покоился подъ ея крыломъ. Дочери ея съ дѣтства привыкли къ ласковому «дѣдушкѣ», который иногда баловалъ ихъ басенками. Однажды вечеромъ дѣвушки стали совѣтоваться, какъ разбудить старика, дремавшаго въ креслѣ. Онѣ рѣшились всѣ три поцѣловать его въ лобъ. Ив. Андр. проснулся и, тронутый милою шуткой, написалъ стихотвореніе «Три поцѣлуя», которое помѣстилъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ».

Особенное оживленіе было въ домѣ Оленина въ періодъ отечественной войны. Оленинъ принималъ дѣятельное участіе въ вооруженіи милиціи и самъ носилъ ополченскій мундиръ съ зеленымъ перомъ. Тогда и Крыловъ писалъ одну за другой свои басни и читалъ ихъ въ домѣ Оленина. Онѣ касались то прямо событій войны, какъ «Ворона и Курица», «Волкъ на псарнѣ», то направлены были противъ иноземцевъ вообще и французскаго воспитанія. Въ баснѣ «Крестьянинъ и Змѣя», онъ разумѣетъ подъ змѣей воспитателя-иностранца, точно такъ какъ и простые люди, особенно русскія няни въ барскихъ домахъ, называли еще недавно «змѣей» иностранца-гувернера. Въ это время отличался гоненіемъ на французовъ извѣстный издатель «Русскаго Вѣстника» Ѳ. Глинка, которому авторъ одной сатиры устроилъ уголокъ въ своемъ «желтомъ домѣ для литературной братіи».

Нумеръ третій—на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ.
Передъ нимъ духъ русскій въ стклянкѣ
Неоткупоренъ стоитъ.

* * *

Не привелось увидѣться Ивану Андреичу съ братомъ, несмотря на горячее желаніе обоихъ. Онъ посылаетъ ему постоянное «жалованье», басни и другія книги, на которыя Левъ Андреичъ высказываетъ свои наивныя замѣчанія: «Жуковскій пишетъ, кажется, только для ученыхъ и болѣе занимается вздоромъ (!), а потому слава его весьма ограничена. А также г. Гнѣдичъ—человѣкъ высокоумный, и щеголяетъ на поприщѣ славы между немногими. Но какъ ты, любезный тятенька, пишешь—это для всѣхъ: для малаго и стараго, для ученаго и простого, и всѣ тебя прославляютъ. Басни твои—это не басни, а *апостолы»*... Иванъ Андреичъ писалъ брату, что въ Павловскѣ бываетъ всегда за столомъ Императрицы и, участвуя въ забавахъ, игралъ роль Фоки, а кн. Голицынъ—Демьяна. Это дало поводъ къ забавному недоразумѣнію. Братъ понялъ такъ, что Ив. Андр. сдѣлалъ изъ басни оперу, и просилъ прислать ему. Прочтя въ «Инвалидѣ», что Ив. А. поднесли въ академіи золотую медаль, онъ проситъ прислать ему изображеніе, написать—на какой лентѣ, при этомъ ему желательно знать, кто президентъ и т. д. Ив. Андреичъ помогъ брату обзавестись маленькимъ хуторомъ; но не долго послѣдній имъ пользовался.

Оправившись вполнѣ послѣ своей болѣзни, Иванъ Андреичъ, какъ бы «наскуча жить Лафонтеномъ», вдругъ совершилъ путешествіе. Проходилъ онъ по набережной и встрѣтилъ знакомаго, который, собираясь ѣхать въ Ревель, сталъ звать его съ собою, навѣстить командира порта, знакомаго также Крылову и извѣстнаго своимъ хлѣбосольствомъ. Иванъ Андреичъ, не долго думая, сѣлъ на корабль.

Эта поѣздка и ея оригинальная внезапность были долго предметомъ разговоровъ. Крыловъ сообщилъ брату о событіи, и послѣдній былъ этимъ очень взволнованъ. «И такъ ты теперь, любезный тятенька, можешь назваться мореходцемъ,» писалъ онъ ему...

Это письмо было послѣднимъ. Черезъ мѣсяцъ Иванъ Андреичъ получилъ офиціальное извѣщеніе о смерти брата отъ сильной горячки. Послѣднія его слова были: «Ахъ, любезный братъ, ты не знаешь, какъ я боленъ».

Крыловъ написалъ, чтобы хуторъ со всѣмъ инвентаремъ и

двумя коровами отдали деньщику, а прочія вещи роздали на память.

Смерть брата сильно подѣйствовала на Крылова, хотя они не видѣлись больше 17 лѣтъ. Онъ не измѣнилъ образа жизни, посѣщалъ клубъ и домъ Оленина, но сдѣлался мраченъ и молчаливъ. Хотя никогда не былъ онъ разговорчивъ, но, говорятъ, бывалъ занимателенъ, если удавалось его вызвать на разговоръ. Никто не рѣшался спросить его, въ чемъ дѣло. Прошло недѣли три, пока онъ сталъ приходить въ нормальное состояніе. Тогда, на вопросъ Е. М. «Что съ вами было, Крылочко? Вы на себя не походили?»—онъ отвѣчалъ: «у меня былъ родной братъ, единственное существо на свѣтѣ, связанное со мной кровными узами. Недавно онъ умеръ. Теперь я остался одинъ».

Обвиненіе въ связи съ шулерами въ молодости могло положить тѣнь на честь Крылова. Но вся жизнь его и брата свидѣтельствуютъ напротивъ о твердыхъ правилахъ чести: «За грѣхъ и стыдъ почиталъ и почитаю, пишетъ ему братъ въ одномъ письмѣ, чѣмъ-нибудь непозволительнымъ пользоваться, черезъ что могъ-бы потерять честь и доброе имя. Да и на что мнѣ? Я, по твоей милости, нужды ни въ чемъ не терплю».

* * *

Уже въ 1814 году Крыловъ получилъ на изданіе басенъ въ 3-хъ книгахъ пособіе въ 4,200 руб. ас. изъ Кабинета Его Величества. Государь сказалъ тогда, что готовъ всегда помочь Крылову, если онъ будетъ продолжать «хорошо» писать. Опираясь на это Высочайшее слово, Оленинъ ходатайствуетъ теперь о пособіи для новаго изданія, такъ какъ съ тѣхъ поръ Иванъ Андреичъ издалъ еще три книги басенъ на свой счетъ, а теперь собралъ седьмую книгу изъ 20 новыхъ басенъ. Въ доказательство отвращенія Крылова отъ вольнодумства Оленинъ ссылается въ своемъ докладѣ на негодованіе французскаго журнала по поводу басни «Сочинитель и Разбойникъ». По докладу этому Императоръ Александръ разрѣшилъ выдать Крылову десять тысячь рублей ас. Въ новомъ изданіи первою была поставлена басня «Конь и Всадникъ», написанная еще въ

1814 г.». Въ ней Крыловъ разумѣлъ французскій народъ и революцію. Картинка къ ней исполнена была Зауэрвейтомъ по мысли А. Н. Оленина.

Эти басни доказали, что духъ баснописца не ослабѣлъ, какъ не ослабѣла и энергія его въ обработкѣ стиха; по собственнымъ его словамъ, онъ читалъ и перечитывалъ басню много разъ, пока какое нибудь мѣсто не переставало ему нравиться. Тогда онъ исправлялъ его. Никогда не торопился онъ печатать. Напротивъ баснямъ своимъ давалъ онъ долгій отдыхъ, держалъ ихъ какъ лежалыя сигары, какъ старое вино, оттого и были онѣ хороши. Вотъ почему въ 1819 г. онъ объявилъ, что думаетъ закончить свое поприще. Нельзя этому вѣрить. Скорѣе хотѣлъ онъ имѣть покой отъ назойливыхъ просьбъ и работать медленно. Такъ же вѣроятно подготовлялъ онъ и первыя свои три басни, съ которыми явился къ Дмитріеву. «Я авторъ и, сказать вамъ на ушко, довольно самолюбивый», говоритъ онъ въ письмѣ къ дочери Оленина. Увѣряя ее, что перечитывалъ письмо ея много разъ, онъ прибавляетъ шутя: «Но если-бы я зналъ, что мои стихи перечитываютъ столько разъ, то сталъ-бы спѣсивѣе г. Хвостова, котораго впрочемъ никто не читаетъ». Въ упомянутомъ изданіи одна уже «Муха и Пчела» говоритъ о томъ, какъ легко владѣетъ старикъ изящнымъ стихомъ, не уступающимъ «легкой поэзіи» Дмитріева.

Притомъ-же, жалуя полъ нѣжный,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой, иль шейкѣ бѣлоснѣжной.

Въ баснѣ «Богачъ и Поэтъ» маститый старикъ, много испытавшій на своемъ вѣку, вѣнчанный славой, но не забывшій лишеній и обидъ своей молодости, подаетъ руку бѣдному поэту на тернистомъ пути, напоминаетъ ему, что «въ поздній вѣкъ его достигнутъ лиры звуки». Въ баснѣ «Соловьи» сочувствуетъ бѣдняжкѣ Соловью, котораго

Чѣмъ пѣлъ пріятнѣй и нѣжнѣй,
Тѣмъ стерегли его плотнѣй.

Въ баснѣ «Два мужика» осторожный, но умный баснописецъ замѣчаетъ:

Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ не хуже-ль и въ потьмахъ.

* * *

Продавъ очень выгодно изданіе, Крыловъ сталъ было собираться за-границу и подговаривалъ къ тому-же Гнѣдича, но, оказалось, что послѣднему было легче убѣдить самого Крылова остаться дома. «Въ стихахъ, написанныхъ по этому поводу Гнѣдичемъ, много истины, меланхоліи и граціи». Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то трудно и вообразить себѣ нашего Крылова въ Европѣ. А интересно было-бы знать, какъ отозвался-бы его трезвый умъ на во-очію увидѣнную сказку.

«Оставшись дома, но чувствуя потребность въ какой нибудь перемѣнѣ наскучившей ему жизни, онъ рѣшилъ измѣнить обстановку и издержать деньги на убранство комнатъ. Явилась мебель Гамбса и картины въ новыхъ золоченыхъ рамахъ; полы устланы англійскими коврами. На великолѣпной горкѣ краснаго дерева, лучшей, какая была въ магазинѣ, разставлены фарфоръ и другія бездѣлушки; Крыловъ завелъ нѣсколько дюжинъ полотнянаго и батистоваго бѣлья и богатый хрусталь. Онъ пригласилъ на обѣдъ Олениныхъ и друзей, но это былъ первый и послѣдній опытъ. Чрезъ двѣ недѣли картина измѣнилась. Пыль и паутина снова покрывали мебель и картины, на коврѣ разсыпанъ овесъ, по старому пируютъ голуби—его пріятели и гости, а онъ съ сигарой на диванѣ лѣниво тѣшится ихъ аппетитомъ и воркованьемъ. При входѣ каждаго посѣтителя голуби быстро поднимались съ ковра и, разлетаясь по комнатѣ, садились на бронзу и картины, а хрусталь на красной горкѣ звенѣлъ, убавляясь съ каждымъ днемъ. Еще затѣялъ однажды Крыловъ устроить у себя садъ. Накупилъ до 30 кадокъ съ деревьями лавровыми, миртовыми, лимонными, апельсинными и украсилъ квартиру такъ, что съ трудомъ между ними проходилъ. Разумѣется и этотъ его эдемъ скоро завялъ и засохъ». Такъ проводилъ онъ годы на своемъ диванѣ, принимая иногда посѣтителей, которые никогда его не забывали. «Что сказалъ Крыловъ?» интересовался знать каждый авторъ новаго произведенія. Его замѣчаніями пользовались охотнѣе всего

молодые таланты. Глядя на него, въ самомъ дѣлѣ трудно было повѣрить, «что-бы въ эту громадносплоченную твердыню могли проникнуть какія нибудь страсти», кромѣ какъ ко сну и ѣдѣ, разумѣется. Слыша жалобы молодыхъ людей на желудокъ, онъ говорилъ: «А я такъ бывало не давалъ ему потачки. Если чуть задуритъ, то я наѣмся вдвое, такъ онъ себѣ, какъ хочетъ, пусть развѣдывается». Крыловъ говорилъ, что за столъ надобно такъ садиться, чтобы, какъ скрипачъ, свободно дѣйствовать правой рукою. Такъ и старался онъ садиться. За обѣдомъ онъ часто шутилъ. Съ забавнымъ остроуміемъ разсказывалъ онъ исторію ботвиньи—черезъ какія усовершенствованія она прошла до современной формы. Кромѣ какъ для обѣдовъ избѣгалъ онъ выѣзжать. Когда на одномъ изъ засѣданій покойной Россійской Академіи предложено было чаще собираться, Крыловъ согласился со всѣми, но съ важностью прибавилъ: «за исключеніемъ конечно почтовыхъ дней», какъ-бы забывая, что въ столицѣ почта отправлялась уже давно ежедневно. Да и забавно было въ самомъ дѣлѣ, что онъ оставлялъ за собою почтовые дни, онъ, который «изъ всѣхъ смертныхъ наименѣе пользовался письменною почтою». Однако онъ оставилъ нѣсколько писемъ къ дочери Оленина, въ которыхъ много оригинальнаго остроумія и добродушія.

Есть указанія еще на нѣсколько писемъ.

* * *

Къ славѣ своей Крыловъ не былъ нечувствителенъ: «Однажды лѣтомъ шелъ онъ по какой-то улицѣ, гдѣ передъ домами были разведены садики. Онъ издали замѣтилъ, что за одною отгородкою играли дѣти, и съ ними была дама, вѣроятно мать ихъ. Прошедши это мѣсто, случайно взглянулъ онъ назадъ и видитъ, что дама беретъ дѣтей поочередно на руки, поднимаетъ ихъ надъ заборчикомъ и глазами своими указываетъ на Крылова каждому изъ нихъ».

Со слезами на глазахъ, говорятъ, разсказывалъ Ив. Анд. объ этомъ друзьямъ. Къ этому-же времени относится и анекдотъ, разсказанный въ «Русской Старинѣ» въ 1870 году, какъ

двое студентовъ встрѣтили Крылова на улицѣ и одинъ изъ нихъ, не зная И. А., сказалъ: «вотъ туча идетъ». На что Крыловъ, будто-бы, услышавъ эти слова, сказалъ экспромтомъ: «и лягушки заквакали».—Тотъ-же разсказчикъ повѣствуетъ, что Крылова встрѣтилъ на Невскомъ Государь и сказалъ ему: «давненько тебя не видалъ», на что И. А. жившій какъ извѣстно въ Импер. Публичной Библіотекѣ отвѣтилъ: «а, кажись, сосѣди, Ваше Величество».

Иванъ Андреичъ пережилъ Екатерину, Павла и Императора Александра I. Десять тысячъ рублей на изданіе басенъ въ 1824 году была послѣдняя милость царя. Императоръ Николай такъ-же благосклонно относился къ баснописцу, и въ 1831 г., въ числѣ подарковъ своихъ на Новый годъ великому князю наслѣднику цесаревичу, прислалъ бюстъ Крылова. Нѣсколько лѣтъ спустя удвоена была ему пенсія. Императрица Александра Ѳеодоровна жаловала часто Крылову букеты. Онъ хранилъ ихъ, и засохшіе цвѣты положены были на груди его послѣ смерти, во время отпѣванья. Крылова приглашали и на маскарады во дворцѣ. Однажды въ домѣ Оленина замѣтили, что Ив. Андр. въ мрачномъ расположеніи духа. «Что съ вами, дѣдушка?»—спросила его Варвара Алексѣевна, которую онъ особенно любилъ.—«Да вотъ бѣда: надо ѣхать во дворецъ въ маскарадъ, а не знаю, какъ одѣться».—«А вы-бы, дѣдушка, помылись, побрились, одѣлись-бы чистенько, васъ тамъ никто-бы и не узналъ». Шутка искренно любимой «фавориточки», какъ называлъ Крыловъ любимицу, развеселила его, но забота осталась. По совѣту знаменитаго Каратыгина, баснописецъ нарядился въ костюмъ боярина—кравчаго.

Маскарадъ устроенъ былъ на англійскій манеръ. Кому достался кусокъ пирога со спрятаннымъ въ немъ бобомъ, тотъ былъ царемъ праздника. Къ этому-то царю Крыловъ, соотвѣтственно своей роли и костюму, обратился съ рѣчью.

По части кравческой, о царь, мнѣ рѣчь позволь,
И то, чего тебѣ желаю,
И то, о чемъ я умоляю,
Не морщась выслушать изволь.
Желаю, нашъ отецъ, тебѣ я аппетита,
Чтобъ на день разъ хоть пять ты кушалъ-бы до-сыта,

А тамъ бы спалъ, да почивалъ,
Да снова кушать-бы вставалъ.
Вотъ жить здоровая манера!
Съ ней къ году,—зá это я, кравчій твой, берусь—
Ты будешь ужъ не бобъ, а будешь царь-арбузъ!
Отецъ нашъ, не бери ты съ тѣхъ царей примѣра,
Которые не лакомо ѣдятъ,
За подданныхъ не спятъ,
И только лишь того и смотрятъ и глядятъ,
Чтобъ были всѣ у нихъ довольны и счастливы;
Но разсуди премудро самъ,
Чтò за житье съ такой заботой пополамъ?
И бѣднымъ кравчимъ намъ
Какой тутъ ждать себѣ награды?
Тогда хоть брось все наше ремесло,
Нѣтъ, не того бы мнѣ хотѣлось!
Я всякій день молюсь тепло,
Чтобы тебѣ, отецъ, пилось бы лишь да ѣлось,
А дѣло-бы на умъ не шло.

Государю понравилось это стихотвореніе. Тогда Крыловъ просилъ дозволенія прочесть «Вельможу»—эту басню почему-то не разрѣшали ему печатать. Она такъ понравилась царю, что онъ обнялъ Крылова, поцѣловалъ его и промолвилъ: «пиши, старикъ, пиши». Разумѣется Крыловъ получилъ дозволеніе ее напечатать. Такимъ образомъ умѣлъ Крыловъ и теперь достигать цѣли.

Справедливо, что безпечность и празднолюбіе Крылова происходили больше отъ равнодушія къ тому, чѣмъ жизнь увлекаетъ другихъ, нежели отъ истощенья душевныхъ его силъ. Свѣтлый умъ и твердая воля сохранились въ немъ до послѣднихъ дней.

* * *

Крыловъ еще имѣлъ довольно силъ, чтобы пережить свой праздникъ—пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности, 2 февраля 1838 года. Скромный баснописецъ сказалъ друзьямъ, пріѣхавшимъ за нимъ передъ началомъ праздника: «Я не умѣю сказать, какъ благодаренъ за все моимъ друзьямъ, и конечно мнѣ еще веселѣе ихъ быть сегодня вмѣстѣ съ ними. Боюсь только, не придумали-бы вы чего лишняго:

вѣдь я то-же, что иной морякъ, съ которымъ отъ того только и бѣда не случалась, что онъ не хаживалъ далеко въ море». Конечно такая скромность придавала только больше прелести празднику. Трудно описать трогательное величіе этого праздника, отличавшагося необыкновенной искренностью и сердечностью. Всему придавала особый характеръ оригинальная личность баснописца, его скромность, простота и слава, уже такъ давно окружавшая его имя. Жуковскій, кн. Одоевскій, Плетневъ, кн. Вяземскій и др. привѣтствовали его—кто рѣчью, кто стихами, а публика—цвѣтами и восторженными проявленіями любви и радости. Листки изъ одного вѣнка раздавалъ Крыловъ на память друзьямъ. Онъ былъ сильно тронутъ. Кромѣ тостовъ и гимна, Петровъ пропѣлъ положенные на музыку, стихи кн. Вяземскаго:

На радость полувѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ.
Здѣсь съ музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.
На этой свадьбѣ всѣ мы сватья,
И не къ чему таить вину:
Всѣ заодно всѣ безъ изъятья
Мы влюблены въ его жену и т. д.

Послѣ юбилея была выбита въ память его медаль. Крыловъ получилъ массу писемъ съ выраженіями поклоненія, любви и дружбы.

Оригинальное поздравленіе было въ письмѣ за подписью «Левъ—за себя и прочихъ звѣрей и скотовъ. Орелъ—за себя и прочихъ птицъ». Звѣри и птицы, узнавъ, что другія животныя (т. е. люди) празднуютъ юбилей баснописца, благодарятъ Крылова за то, что на пути къ безсмертію онъ взялъ съ собою и ихъ. Они обѣщаютъ ему, когда получатъ даръ слова, устроить свой праздникъ, на которомъ разскажутъ, какъ его басни исправили ихъ нравы. Соловьи будутъ воспѣвать своего пѣвца, а ословъ (это всего труднѣе) заставятъ молчать.

Газеты и журналы не переставали долго заниматься юбилеемъ Крылова и имъ самимъ; но самъ-то онъ вовсе этимъ не интересовался и ушелъ снова въ свой уголъ, на свой диванъ въ гостиной, гдѣ утопалъ въ облакахъ дыма, вы-

выкуривая въ день до 50 сигарокъ. Въ томъ-же году, вслѣдъ за радостью, почестями и славой, онъ потерялъ лучшаго друга. Умерла Е. М. Оленина. Въ утѣшеніе этого горя имѣлъ онъ удовольствіе въ это время выбрать и назначить двухъ стипендіатовъ на проценты съ собранной по случаю юбилея суммы около 60,000 руб. По желанію великой княгини Маріи Николаевны художникомъ Ухтомскимъ была списана съ натуры комната, гдѣ занимался Крыловъ, и онъ самъ въ томъ видѣ, «въ какомъ одна только муза его видитъ, т. е. въ шлафрокѣ».

Въ 1841 г. Крыловъ оставилъ службу, съ пенсіей около 12,000 руб. ас. и поселился на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ купца Блинова, по 1-й линіи. Отсюда даже въ Англійскій клубъ сталъ онъ выѣзжать довольно рѣдко. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ снова приглашеніе, отъ имени великой княгини Елены Павловны, принять участіе въ маскарадѣ, въ костюмѣ русскаго боярина, «въ кадрили знаменитыхъ поэтовъ». Страстный любитель музыки, онъ уже послѣ отставки, живя на островѣ, вышелъ изъ своего логовища послушать знаменитую Віардо-Гарцію. Собственная его скрипка давно уже висѣла беззвучно на стѣнѣ, и струны ея покрыты были густою пылью, какъ и все вокругъ него. «Лучшіе друзья его были уже въ могилѣ. Лѣта, а особливо тучность отягощала его; сердце осиротѣло, онъ грустилъ. Посѣщаемый литераторами, онъ былъ однако разговорчивъ, ласковъ и всегда пріятенъ». Патріархъ русской литературы, онъ пережилъ цѣлую плеяду молодыхъ поэтовъ: геніальнаго Пушкина и Грибоѣдова, Батюшкова, Лермонтова и др. Онъ остался одинъ предъ ихъ могилой, самъ уже усталый отъ жизни и славы, и правъ былъ, кажется, поэтъ, сказавшій въ это время желчно:

Державинъ спитъ въ сырой могилѣ,
Жуковскій пишетъ чепуху,
И ужъ Крыловъ теперь не въ силѣ
Сварить Демьянову уху.

* * *

«Когда Прометей задумалъ создать человѣческое существо, онъ взялъ у каждаго животнаго преобладающую черту его

характера, чтобъ эти черты соединить въ нашей природѣ». Крыловъ какъ-бы задумалъ разрушить его работу. Онъ извлекаетъ особенности нашей натуры, наши слабости и недостатки, иногда достоинства, и каждую черту превращаетъ въ живой образъ. Лесть, жадность, высокомѣріе, предательство, скупость —все это оживаетъ въ яркихъ образахъ, вызывающихъ смѣхъ. Дѣйствительность и фантазія уживаются въ этомъ мірѣ. Мѣшокъ въ углу разсуждаетъ, и мы слышимъ его ворчливый голосъ. Муравей тянется на возу съ сѣномъ, думая, что его видитъ весь свѣтъ, между тѣмъ какъ онъ «дивитъ только свой муравейникъ». Скупой умираетъ отъ истощенія силъ надъ золотомъ. Вотъ въ баснѣ «Бѣдный Богачъ» несчастный тащитъ одинъ за другимъ червонцы изъ кошелька, не смѣя ни одного истратить, чтобы не исчезло богатство. Крылову фортуна тоже сказала:

«Вотъ кошелекъ тебѣ: червонецъ въ немъ—не болѣ. Но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой».

Не такова-ли была природа его таланта? Но не будучи скупымъ, онъ не былъ и расточителенъ. Осторожный мудрецъ, онъ умѣлъ пользоваться своими червонцами, но не спѣшилъ таскать ихъ безъ счету. Въ басняхъ его говоритъ всегда мудрость. Она требуетъ во всемъ осторожности, но не застоя однако. Просвѣщенье и трудъ—это два его кумира. Гуманность, сочувствіе слабому сопутствуютъ ему вездѣ. Крыловъ всегда на сторонѣ обиженнаго. Онъ преслѣдуетъ невѣжество и произволъ. Взятки составляютъ болѣзнь, бывшую до нашего времени почти неизлечимою. Крыловскій «пушокъ на рыльцѣ» сталъ смущать покой многихъ. Его басни вѣчны. Это «неувядаемые цвѣты поэзіи», хотя самъ Крыловъ ничего не читалъ, «кромѣ *Всемірнаго Путешественника*, разсчетной книги и календаря», какъ подшутилъ одинъ изъ его друзей и горячихъ поклонниковъ. Но кромѣ общечеловѣческаго, въ нихъ есть родное, русское, есть въ небывалой мѣрѣ. Каждая басня его—урокъ человѣчеству, урокъ своему народу и въ то-же время источникъ неисчерпаемаго наслажденія.

Въ сказкѣ покойнаго сатирика совѣсть попадаетъ въ сердце «маленькаго русскаго дитяти», и «будетъ маленькое дитя боль-

шимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ совѣсть большою совѣстью. И исчезнутъ тогда всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ не робкая и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама». Въ началѣ этого пути стоятъ басни.

«Чтó онъ говорилъ?» спрашиваетъ митрополитъ Макарій въ своей рѣчи на открытіе памятника Крылову: «говорилъ то, что можетъ говорить человѣкъ самаго здраваго смысла, практическій мудрецъ, и въ особенности мудрецъ русскій. Братья соотечественники! договаривать-ли, чтó еще завѣщалъ намъ безсмертный баснописецъ? Онъ завѣщалъ любовь, безграничную любовь ко всему отечественному, къ нашему родному слову, къ нашей родной странѣ и ко всѣмъ началамъ нашей народной жизни... Итакъ, развивайте ваши молодыя силы и способности, воспитывайте и укрѣпляйте ихъ во всемъ прекрасномъ, обогащайте себя разнородными познаніями, *откуда-бы онѣ ни приходили*, старайтесь усвоить себѣ всѣ плоды общеевропейскаго, *общечеловѣческаго* образованія. Но зачѣмъ? затѣмъ, помните, чтобы все это добро, вами пріобрѣтенное, принести въ жертву ей, вашей родной матери—Россіи».

Такъ прекрасно поясняетъ просвѣщенный митрополитъ завѣтъ Крылова въ духѣ гуманности, любви, общественнаго согласія и терпимости. Всякій раздоръ, всякая непріязнь и нетерпимость не только чужды были Крылову въ личной его жизни, но и осмѣяны имъ въ басняхъ. Слѣпоту литературныхъ партій осмѣялъ онъ въ «Прихожанинѣ»; развратное и злое направленіе, сѣющее вражду въ странѣ—въ баснѣ «Сочинитель и Разбойникъ»; гибельную силу раздора—въ баснѣ «Алкидъ». Не слѣдуетъ забывать никогда и въ общественной жизни его «Гребня». Увы, «теперь имъ чешутся наяды».

* * *

Иванъ Андреевичъ Крыловъ скончался въ четвергъ, въ 7 ч. 45 м. утра, 9 ноября 1844 года, 76 лѣтъ 9 мѣсяцевъ 7 дней отъ роду.

Въ объявленіи о подпискѣ на памятникъ Крылову князь Вяземскій писалъ: «Памятникъ Крылову воздвигнутъ будетъ

въ Петербургѣ. И гдѣ-же ему быть, какъ не здѣсь? Не здѣсь родился поэтъ, но здѣсь родилась и созрѣла слава его. Онъ былъ собственностью столицы, которая дѣлилась имъ съ Россіей. Не былъ-ли онъ и при жизни своей живымъ памятникомъ Петербурга? Съ нимъ живали и водили хлѣбъ-соль дѣды нашего поколѣнія, онъ-же забавлялъ и поучалъ дѣтей нашихъ. Кто изъ Петербургскихъ жителей не зналъ его, по крайней мѣрѣ съ виду? Кто не имѣлъ случая любоваться этимъ открытымъ широкимъ лицомъ, на которомъ отпечатлѣвалась сила мысли и отсвѣчивалась искра возвышеннаго дарованія? Кто не любовался этою могучей, обросшею сѣдыми волосами львиной головой, не даромъ приданною баснописцу, который также повелитель звѣрей; этимъ монументальнымъ, богатырскимъ дородствомъ, напоминающимъ намъ запамятованныя времена воспѣтаго имъ Ильи-богатыря? Кто, и не знакомый съ нимъ, встрѣтя его—не говорилъ: *«вотъ дѣдушка Крыловъ!»* и мысленно не кланялся поэту, который былъ близокъ каждому русскому». Больше полу-вѣка назадъ, при жизни самого баснописца, съ его-же устнаго разсказа, была написана г-жою Карлгофъ статья о немъ для дѣтей въ журналѣ «Звѣздочка». Къ этой статьѣ эпиграфомъ служили стихи, которыми мы закончимъ біографію баснописца:

Какой-то чародѣй, какъ говоритъ преданье,
Ключъ къ тайнѣ нравиться въ волшебный ларчикъ скрылъ—
Его могло открыть одно лишь дарованье;
Крыловъ нашъ просто взялъ - да и открылъ.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ

С. БАЖИНОЙ.

Съ 44 картинками. Спб. 1889 г. 215 стр.

Содержаніе: Бѣглецъ.—Татьяна Острожная.—Мотька —Счастливчикъ.—Счастье.—Доброе дѣло.—Деревенщина.—Родное гнѣздо.

Цѣна 1 р. Въ папкѣ —1 р. 25 к., въ переплетѣ—1 р. 60 к.

РОБИНЗОНЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

ГЕЙБНЕРА.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Съ 107 рисунками. С.-Петерб. 1891 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Робинзонъ въ родительскомъ домѣ.—Поѣздка Робинзона въ Лондонъ.—Первое плаваніе Робинзона въ Гвинею.—Второе плаваніе въ Гвинею.—Бѣгство Робинзона.—Робинзонъ дѣлается въ Бразиліи плантаторомъ.—Робинзонъ ѣдетъ въ Гвинею.—Островъ и обломки корабля —Робинзонъ много разъ посѣщаетъ обломки корабля.—Робинзонъ приспособляется —Маленькая поѣздка Робинзона.—Нѣчто радостное и нѣчто странное.—Первая годовщина пребыванія на островѣ.—Робинзонъ продолжаетъ знакомиться съ островомъ.—Жатва.—Новые планы.—Робинзонъ создаетъ себѣ нѣкоторыя удобства.—Поѣздка вокругъ острова.—Робинзонъ ловитъ козъ.—Новое открытіе.—Робинзонъ дѣлаетъ еще открытія.—Робинзонъ открываетъ пещеру.—Новая высадка дикарей.—Неудачное происшествіе.—Новые планы путешествія.—Сонъ и происшествіе, оказавшее большое вліяніе на ходъ жизни Робинзона.—Робинзонъ ближе знакомится съ дикаремъ.—Робинзонъ въ роли учителя.—Приготовленіе къ поѣздкѣ на родину Пятницы.—Жаркій день.—Счастливая встрѣча.—Домъ Робинзона населяется.—Новые планы.—Испанецъ и отецъ Пятницы отправляются на родину этого послѣдняго.—Совершенно неожиданное происшествіе.—Прибытіе второй лодки съ заговорщиками.—Плѣнники.—Сраженіе изъ-за корабля.—Отъѣздъ.—Обратное путешествіе.—Пиринеи.—Робинзонъ на родинѣ.—Поѣздка Робинзона младшаго на островъ.—Исторія колоніи, образовавшейся на Робинзоновскомъ островѣ —Праздникъ и возвращеніе домой.

Цѣна **30** к. Въ папкѣ—**40** к. Въ переплетѣ—**60** к.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. А. Протопопова

Съ портретомъ Бѣлинскаго, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГР. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», В. ПОДЪЯЧ., 39
1891.

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЙ

(«ПАРАДОКСЫ»)

МАКСА НОРДАУ.

Перевела съ 4 нѣмецкаго изданія *Элеонора Зауэръ*. Спб. 1891 г. Второе (дешевое) изданіе. **Цѣна 1 р.**

СОДЕРЖАНІЕ: **Оптимизмъ или пессимизмъ?** Безнравственность мирового порядка. Человѣческая логика и міровое сознаніе. Страданіе—нашъ ангелъ-хранитель. Роль недовольства въ жизни. Оптимизмъ передъ лицомъ смерти. Двѣ иделизаціи: старости и дѣтства.

Геній и толпа. Желаніе меньшинства нравиться толпѣ. Пигмеи и великаны жизненной энергіи. Оригинальныя женщины. Чѣмъ объясняется пристрастіе къ новизнѣ, Сегодняшній геній—завтрашній филистеръ. Баррикады, какъ опоры общественнаго строя.

Успѣхъ въ жизни. Задача школы. Женскій успѣхъ. Жизненное поприще современнаго Апполона. Двойная тактика карьериста. Чудодѣйственная сила займовъ.

Психофизіологія генія и таланта. Опредѣленія генія и таланта. Органическая подкладка генія. Эмоціональная и разсудочная дѣятельность. Почему старое кажется поэтичнѣе новаго. Эмоціональныя поколѣнія, народы и эпохи. Наслѣдственность опредѣленныхъ талантовъ—заблужденіе. Злоупотребленіе эпитетомъ генія. Разсудокъ и воля. Іерархія генія. Мѣсто писателя въ этой іерархіи. Женщины и музыка. Послѣднее слово человѣческаго совершенства.

Внушеніе. Примѣръ и подраженіе. Механизмъ внушенія. Безсознательное чтеніе мыслей. Національный характеръ. Сходство умственной физіономіи у столичныхъ жителей.

Благодарное человѣчество. Благодарность не есть прирожденное чувство. Посмертная слава. Обратный законъ Сатурна.

Содержаніе беллетристики. Жизнь и литература. Исторія возникновенія женскихъ типовъ. Патологическій характеръ литературы. Шарлатанство «натурализма». Смѣлый проэктъ.

Естественная исторія любви Половая полярность ума. Мы любимъ только свой собственный органическій идеалъ. Какъ любитъ женщина и какъ любитъ мужчина. Женскія представленія о мужчинѣ.

Гдѣ истина? Два непримиримыхъ міровоззрѣнія. Область невѣдомаго намъ. Почему передача фактовъ очевидцами не имѣетъ цѣны? Что остается отъ явленія послѣ его анализа? Истины не существуетъ.

Національность. Общій языкъ есть единственный признакъ принадлежности къ одной націи. Значеніе языка въ прежнія эпохи и теперь. Ренегаты роднаго языка. Неумолимый міровой законъ.

Картина будущаго человѣчества. Что будетъ послѣ образованія національныхъ государствъ? Хлѣбный вопросъ. Наступленіе къ экватору. Превращеніе Молоха въ мать-кормилицу.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Января 1891 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

*

ИСТОЧНИКИ:

---

1) «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». *А. Н. Пыпина.* Два тома.
2) «Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ». *И. И. Панаева.*
3) «Катковъ и его время». *С. Невѣдѣнскаго.*
4) «Записки К. А. Полевого».
5) «В. Г. Бѣлинскій». Біографическій очеркъ *Свіяжскаго.*
6) «Бѣлинскій, какъ педагогъ». *О. Миллера.*
7) «Бѣлинскій, какъ моралистъ». Часть I. и мн. др.

I.

Введеніе.

«Чѣмъ больше узнаешь людей, тѣмъ больше начинаешь любить собакъ». Не нужно быть завзятымъ пессимистомъ, чтобы усмотрѣть въ этомъ горько-шутливомъ изреченіи значительную долю правды. Поэтъ былъ, разумѣется, не правъ, когда говорилъ, что «кто жилъ и мыслилъ—тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей». Но съ другой стороны несомнѣнно, что и теперь, и прежде «жить» значитъ разочаровываться, а «мыслить» значитъ все яснѣе и яснѣе сознавать страшную многосложность жизни и, какъ результатъ этой многосложности, убійственную медлительность и затруднительность нашего развитія.

Одно изъ самыхъ тяжелыхъ разочарованій, которое можетъ постичь человѣка,—это разочарованіе въ нравственныхъ свойствахъ тѣхъ людей, которыхъ онъ привыкъ уважать и любить за ихъ умственныя качества. «Можно быть честнымъ дѣятелемъ, не будучи честнымъ человѣкомъ»—этотъ софизмъ можно доказывать самыми разнообразными аргументами (какъ это и бывало между прочимъ въ нашей журналистикѣ), но онъ навсегда останется только софизмомъ, т. е. ловкой фальсификаціей истины, дешевой ея имитаціей. Противъ него протестуетъ наше непосредственное нравственное чувство. Нѣтъ, кто не живетъ такъ, какъ самъ учитъ жить, для кого *слыть* важнѣе чѣмъ *быть*, у кого слово расходится съ дѣломъ—тотъ не можетъ быть настоящимъ крупнымъ дѣятелемъ уже по одному тому, что его личность и его жизнь являются аргументомъ противъ

его идей, противъ силы и жизненности его ученія. «Учителю, очистися самъ»—это элементарное соображеніе тысячи лѣтъ существуетъ и еще тысячи лѣтъ просуществуетъ, ни на волосъ не утративши своей силы, потому что оно въ одно и то же время продуктъ и простого здраваго смысла и естественнаго человѣческаго инстинкта. Каждое ученіе, имѣющее хотя бы только посредственное и отдаленное отношеніе къ нашему нравственному міру, непремѣнно ставитъ тотъ или другой *идеалъ*, а всякій идеалъ влечетъ за собою *обязанности*, между которыми простѣйшей, первѣйшей и очевиднѣйшей является обязанность служить этому идеалу.

Сферы человѣческой дѣятельности въ высшей степени разнообразны и конечно между ними нетрудно указать такія, къ которымъ было бы напрасно прилагать нравственные критеріи. Какое дѣло напр. до человѣческой личности Эдисона? Что общаго между нравственностью и электрическимъ фонаремъ? Или какимъ образомъ фонографъ можетъ вызвать съ нашей стороны извѣстныя надежды и нравственныя требованія по отношенію къ его изобрѣтателю? Тѣмъ не менѣе почитателямъ Эдисона конечно было напр. пріятно узнать, что онъ съ негодованіемъ отвергъ просьбу сѣвероамериканскаго правительства—найти удобнѣйшій способъ смертной казни посредствомъ электричества. Законы органической жизни, раскрытые Дарвиномъ, относятся не къ этикѣ, а къ біологіи, и дарвинизмъ, какъ *любая чисто научная теорія*, лишенъ рѣшительно всякаго субъективнаго нравственнаго элемента, но все таки намъ пріятно было убѣдиться, что личныя нравственныя качества творца этой теоріи вполнѣ соотвѣтствуютъ его высокой умственной силѣ. Называйте какъ хотите это чувство или этотъ инстинктъ,—чувствомъ нравственной симметріи или инстинктомъ нравственной красоты, но фактъ тотъ, что это чувство живетъ въ насъ и только въ силу его насъ печалитъ и отвращаетъ безобразное соединеніе въ одномъ и томъ же человѣкѣ высокихъ достоинствъ ума съ дурными свойствами сердца. Но мы выбирали примѣры, такъ сказать, нейтральные, безразличные, такіе, въ которыхъ талантъ или геній человѣка слагался изъ спеціальныхъ, чисто умственныхъ, мозговыхъ способностей и

силъ. Сколько бы мы ни собрали еще примѣровъ той же категоріи—они все таки будутъ представлять собою не болѣе какъ исключеніе, а общее правило состоитъ въ томъ, что духовная дѣятельность человѣка направляется къ воздѣйствію одновременно и на наши идеи и на наши чувства, на нашъ умъ и на нашу нравственность. Во всѣхъ этихъ безчисленныхъ случаяхъ фарисейскій принципъ «можно быть честнымъ дѣятелемъ, не будучи честнымъ человѣкомъ» подвергается самому безпощадному разоблаченію и осужденію. Кто повѣритъ рабовладѣльцу и работорговцу, декламирующему противъ рабства? Цѣломудріе—вещь прекрасная; но проповѣдь цѣломудрія, исходящая отъ человѣка всласть «пожившаго», звучитъ ложью и ироніей. «Патріотъ», не находящій достаточно сильныхъ словъ для прославленія прекрасныхъ качествъ своего народа и въ то же время усиленно рекомендующій всякаго рода ежевыя рукавицы по отношенію къ этому самому народу—не можетъ возбуждать въ насъ ничего кромѣ негодованія и отвращенія. Человѣкъ, построившій свое благостояніе ловкой эксплуатаціей чужого труда и въ то-же время возстающій противъ принциповъ капитализма, конечно не привлечетъ къ себѣ умовъ и сердецъ, жаждущихъ справедливости. Проповѣдникъ, указывающій на бренность и ничтожность всѣхъ земныхъ благъ и въ то-же время напрягающій всѣ свои способности для достиженія именно этихъ будто бы презираемыхъ имъ благъ, только самыхъ наивныхъ людей увлечетъ своею проповѣдью. И не въ томъ главная сущность дѣла, что всѣ эти люди и дѣятели, противорѣча своими поступками своимъ словамъ, подрываютъ довѣріе къ своей личности, къ своей искренности и убѣжденности, а въ томъ, что они вредятъ своимъ ученіямъ, роняютъ достоинство тѣхъ идей, которыя они берутся защищать. Истина—сама себѣ цѣль, а они превращаютъ ее въ средство; идея, теорія, доктрина, преисполненная быть можетъ глубочайшаго смысла и огромнаго значенія, являются въ ихъ рукахъ только жалкими ширмами, подъ защитою которыхъ не дѣла дѣлаются, а дѣлишки обдѣлываются. Хороши идеи, если подъ ихъ флагомъ можно провозить какой угодно товаръ! Хороши идеалы, если на практикѣ ихъ назначеніе сводится къ тому, чтобы отводить на-

ивнымъ людямъ глаза! Хороша истина, если ею можно торгоговать «распивочно и на выносъ»! Вотъ заключенія, къ которымъ рано или поздно приводитъ «честная» дѣятельность какого нибудь фарисея,—заключенія въ логическомъ смыслѣ совершенно невѣрныя, но въ нравственномъ отношеніи почти неизбѣжныя и во всякомъ случаѣ вполнѣ естественныя. По адептамъ судятъ объ ученіи, и разочарованіе въ личности дѣятеля ведетъ къ разочарованію въ его идеѣ. Это конечно не логика разума, но это логика жизни, и въ этой логикѣ есть свой серьезный смыслъ. Да, искренній и безкорыстный обскурантъ менѣе вреденъ нежели просвѣщенный тартюфъ, которому свѣтъ дорогъ не потому, что онъ свѣтъ, а потому, что, по времени и обстоятельствамъ,

с либеральнаго
Направленія больше барышъ,
Нежели съ мѣста квартальнаго.

Писателямъ болѣе, чѣмъ кому либо, необходимо возможнополное согласованіе своихъ словъ съ своею жизнью. Для писателя, для человѣка, обладающаго безцѣнной привиллегіей обращаться сразу къ тысячамъ и къ десяткамъ тысячъ слушателей, и рискованно и преступно выступать съ какими бы то ни было иными цѣлями, кромѣ цѣли передать добытыя имъ крупицы истины и добра. Сила писателя въ талантѣ, но сила таланта прежде всего въ искренности. Безъ компромисовъ, безъ досадныхъ и унизительныхъ уступокъ не проживешь на этомъ свѣтѣ; но отсюда еще слишкомъ далеко до лицемѣрія, до отрицанія на практикѣ того, чему вѣришь и что исповѣдуешь въ теоріи. Почему читатели всѣхъ странъ и всѣхъ эпохъ интересуются даже мелкими и интимными подробностями жизни любимыхъ писателей? Конечно, не въ силу только одного празднаго любопытства, а въ силу сознательнаго или инстинктивнаго желанія въ живомъ примѣрѣ ихъ жизни почерпнуть новое и сильнѣйшее доказательство жизненности и истинности ихъ ученія. И благо тому писателю, который можетъ безбоязненно предстать на этотъ послѣдній судъ, чьи труды были не дѣломъ карьеры, а дѣломъ жизни, чьи произведенія — не красивыя

«словеса лукавствія», а выраженіе *убѣжденія*, т. е. не только вѣры, но и знанія—и не только знанія, но и вѣры. Пусть триста лѣтъ посмертной славы можно отдать за хорошее пищевареніе и пусть также «мертвые срама не имутъ». Но если живой будетъ предчувствовать, что его, хотя бы уже и мертваго, непремѣнно постигнетъ «срамъ» изобличенія; если писатель, въ тайникахъ своей совѣсти, будетъ сознавать, что онъ заслуживаетъ не славы, а безславія—то это уже достаточное возмездіе, и наше чувство справедливости можетъ считать себя удовлетвореннымъ.

Какихъ не вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться —
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться!

Судъ общественнаго мнѣнія, также какъ и судъ исторіи, также какъ и судъ совѣсти, не налагаютъ никакихъ формальныхъ каръ, но они страшнѣе суда уголовнаго для людей, не окончательно утратившихъ всякое нравственное чувство.

Къ своей теперешней задачѣ мы приступаемъ съ совершенно легкимъ сердцемъ. Мы своимъ разсказомъ не убьемъ въ читателѣ ни одного благороднаго вѣрованія; ни горечи, ни разочарованія не испытаетъ онъ, познакомившись съ нравственной личностью нашего знаменитаго критика. Наоборотъ: это одно изъ тѣхъ созерцаній, которыя освѣжаютъ душу и укрѣпляютъ вѣру,—вѣру въ человѣка и его достоинство. Безгрѣшенъ только Богъ, но и между людьми есть праведники, безъ которыхъ земля не стояла бы, и Бѣлинскій былъ однимъ изъ нихъ—это мы заявляемъ съ перваго же шага и безъ малѣйшихъ сомнѣній. Не литературныя симпатіи, не благодарныя и почтительныя чувства ученика къ учителю одушевляютъ насъ,—этого было бы мало—а именно гордость и радость за человѣческую природу, которая въ лучшихъ своихъ образцахъ представляется намъ почти на высотѣ идеала. Если намъ, какъ Гамлету, можетъ быть временами дѣйствительно «страшно за человѣка», тѣмъ должны быть дороже для насъ тѣ рѣдкіе случаи, когда за человѣка утѣшительно и радостно. Жизнь Бѣлинскаго полна

увлеченій, ошибокъ, заблужденій и иногда даже паденій, но именно о людяхъ этого типа и сказано, что имъ многое простится, потому что они возлюбили много. Не отъ равнодушія къ истинѣ, а наоборотъ отъ слишкомъ страстной и нетерпѣливой жажды ея проистекали эти ошибки. Ни чувствовать, ни мыслить вполовину Бѣлинскій не умѣлъ и не могъ. Его умъ былъ слишкомъ силенъ и дѣятеленъ для того, чтобы ограничиться пассивнымъ воспріятіемъ идей, представлявшихся ему истинными, безъ попытки самостоятельно развить и расширить эти идеи, а чувство слишкомъ искренно и пламенно, чтобы устрашиться какихъ бы то ни было логическихъ результатовъ. «Упорствуя, волнуясь и спѣша» (по прекрасному выраженію Некрасова), онъ шелъ всегда впередъ и вотъ почему одинъ невѣрный шагъ въ сторону отъ прямого пути заводилъ его въ глухія трущобы, куда за нимъ никто не осмѣливался слѣдовать. Съ проклятіями своему мнимому «невѣжеству», съ ожесточеніемъ противъ самого себя, онъ возвращался изъ этихъ трущобъ мысли, опять и опять принимался за свой трудъ піонера и кончилъ не уныніемъ, не отчаяніемъ, не паденіемъ, а тѣмъ, что овладѣлъ желаннымъ талисманомъ,—

И съ дерева невѣдомаго плодъ,
Безпечные, безпечно мы вкушаемъ.

Такія исканія не напрасны, *такія* заблужденія не суть заблужденія въ собственномъ смыслѣ этого слова, они—тѣ искупительныя жертвоприношенія, которыхъ, по слову поэта, проситъ судьба, потому что «даромъ ничто не дается».

«Что есть истина»? Мы знаемъ глубочайшій отвѣтъ, который послѣдовалъ на этотъ ироническій вопросъ. Да, не въ какой нибудь отвлеченной формулѣ выражается истина, а въ живой человѣческой личности, въ ея стремленіи къ добру, въ ея любви къ себѣ подобнымъ, въ ея готовности грѣхи нашего незнанія, нашей ограниченности и нашего равнодушія искупить цѣною собственнаго страданія. Проходятъ эпохи и поколѣнія, мѣняются задачи, лозунги и знамена, падаютъ устарѣвшіе идеалы и выдвигаются новые—но въ этомъ процессѣ смѣны

относительныхъ понятій и временныхъ задачъ есть нѣчто абсолютное и непреходящее. Умираютъ личности, но живетъ человѣчество; тускнѣютъ и выдыхаются идеи, но блещетъ вѣчнымъ свѣтомъ истина; падаютъ идеалы, но не исчезаетъ стремленіе къ идеальному. Какъ жизнь заключается въ процессѣ жизни, такъ истина заключается въ процессѣ ея раскрытія. Кто подвигаетъ людей на работу общую, кто своимъ примѣромъ, своею жизнью, своими идеями вызываетъ въ насъ дѣятельность ума и чувства—тотъ и есть достойный служитель истины, хотя бы прогрессирующая жизнь давно оставила за собою когда то живыя и широкія формы и пути его мысли.

Съ этой высшей и общей точки зрѣнія дѣятельность Бѣлинскаго, со всѣми ея уклоненіями, увлеченіями и переломами, стоитъ внѣ всякаго упрека. Но этого мало. Почти полвѣка прошло со времени смерти незабвеннаго писателя, но основная тема и основной тезисъ его литературно-критической дѣятельности до сихъ поръ сохранилъ свѣжесть самой животрепещущей современности. Фундаментальная идея воззрѣній Бѣлинскаго была формулирована имъ напр. такимъ образомъ: «*никто, кромѣ людей ограниченныхъ и духовно-малолѣтнихъ, не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирою порокъ; но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній*». Сказано, какъ отрублено. Это основное требованіе критики Бѣлинскаго выражено такъ категорически и формулировано такъ отчетливо, что рѣшительно не допускаетъ какихъ нибудь кривыхъ толкованій. Вся послѣдующая дѣятельность преемниковъ Бѣлинскаго, имена которыхъ и называть не нужно, была не инымъ чѣмъ, какъ развитіемъ этого принципа, въ примѣненіи конечно къ текущимъ литературнымъ явленіямъ. Само собой разумѣется, что значеніе этого принципа отнюдь не эстетическое и даже не чисто литературное, а строго и непосредственно общественное: приглашать поэзію

не чуждаться «вопросовъ времени» значитъ, въ сущности, призывать къ этому само общество, а это въ свою очередь значитъ развивать въ немъ сознаніе солидарности, будить въ немъ тотъ духъ общественности, безъ котораго нѣтъ ни прогресса, ни настоящей умственной жизни. Эстетика, какъ метафизика искусства, была для Бѣлинскаго не себѣ самой довлѣющей цѣлью, а довольно хорошимъ, за неимѣніемъ лучшаго, средствомъ.

И такъ, вотъ о комъ мы хотимъ разсказать читателю: не о мертвомъ а о живомъ и даже до сихъ поръ передовомъ человѣкѣ. Жизнь Бѣлинскаго столько же бѣдна внѣшними событіями, сколько богата внутреннимъ содержаніемъ. Руссо сказалъ про себя, что онъ явится на страшный судъ, держа въ рукахъ свои «Confessions». Бѣлинскій можетъ явиться на тотъ судъ, не выбирая между своими произведеніями, ни отъ чего не отрекаясь, ничего не скрывая и не утаивая. Онъ писалъ какъ думалъ и жилъ какъ писалъ. Въ этой полнѣйшей искренности не только его оправданіе, но и его нравственная заслуга, помимо его умственныхъ подвиговъ. Какъ писатель—онъ училъ насъ мыслить; какъ человѣкъ—онъ учитъ любить мысль и довѣрять ей. Бѣлинскій былъ натура *альтруистическая*—вотъ краткое резюме всей совокупности его нравственныхъ свойствъ.

II.

Дѣтство Бѣлинскаго.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился въ Свеаборгѣ, въ маѣ или въ февралѣ (это обстоятельство остается неразъясненнымъ) 1810-го года. Какъ очень многіе изъ русскихъ писателей, онъ происходилъ изъ духовнаго сословія: дѣдъ Бѣлинскаго былъ священникомъ въ селѣ Бѣлыни Пензенской губерніи Нижнеломовскаго уѣзда—откуда и фамилія Бѣлынскій, передѣланная въ «Бѣлинскій» нашимъ критикомъ. «Въ жилахъ Бѣлинскаго, по замѣчанію Тургенева, текла безпримѣсная кровь—принадлежность нашего великорусскаго духовенства, столько вѣковъ недоступнаго вліянію иностранной породы». Дѣдъ Бѣлинскаго—о. Никифоръ—былъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ, нисколько не отвѣчавшій обычному типу сельскаго священника того времени (какъ, впрочемъ, и нашего): онъ велъ уединенный и аскетическій образъ жизни, и память о немъ сохранялась въ семьѣ какъ о праведникѣ. Совершенно въ другомъ родѣ, но не въ меньшей степени былъ замѣчателенъ и отецъ Бѣлинскаго—Григорій Никифоровичъ. Онъ кончилъ курсъ въ петербургской медицинской академіи и служилъ лекаремъ во флотскомъ экипажѣ, во время стоянки котораго въ Финляндіи у него и родился первенецъ-сынъ Виссаріонъ. Въ 1816 году онъ перешелъ на службу въ родную Пензенскую губ., а именно въ Чембаръ на должность уѣзднаго врача. Чѣмъ была наша провинція въ первой четверти текущаго столѣтія—это намъ хорошо извѣстно хотя бы по разнообразной коллекціи гоголевскихъ типовъ. Въ Чембарѣ разыгралось нѣчто вродѣ «горе отъ ума» въ миніатюрѣ: Григ. Ник. Бѣлинскій былъ обвиненъ въ безбожіи, въ «вольтерьянствѣ» и долженъ былъ порвать съ уѣзднымъ обществомъ всѣ связи, кромѣ офиціальныхъ. Его жена

—мать нашего критика—насколько можно судить по слишкомъ скуднымъ даннымъ, сохранившимся о ней, наоборотъ, была во всѣхъ отношеніяхъ какъ разъ подъ стать туземному обществу и Григорій Никифоровичъ, лишенный поддержки и съ этой стороны, прибѣгъ къ исторически освященному и всероссійскимъ опытомъ оправданному источнику утѣшенія: онъ запилъ. Казалось бы, абрютировавъ себя такимъ способомъ, онъ могъ сойтись на дружеской ногѣ съ забраковавшимъ его обществомъ, но сближенія не послѣдовало очевидно потому, что пьяный Бѣлинскій все таки былъ гораздо умнѣе трезвыхъ Бобчинскихъ, Добчинскихъ, Коробочекъ и Собакевичей. Наоборотъ, отношенія еще болѣе обострились: потерявъ контроль надъ собой, Бѣлинскій-отецъ давалъ полную волю своему языку и амбиціозные Бобчинскіе дошли въ своемъ озлобленіи до того, что Бѣлинскій отказывался ѣздить по приглашеніямъ даже какъ докторъ, изъ опасенія быть убитымъ. Относя часть этихъ опасеній просто къ галлюцинаціямъ нервно-разстроеннаго человѣка, все таки остается несомнѣнной крайняя враждебность чембарскаго общества по отношенію къ Бѣлинскому и полное одиночество послѣдняго.

Понятное дѣло, что семейная жизнь, сложившаяся изъ такихъ элементовъ, не могла похвалиться внутреннимъ миромъ. Тѣмъ не менѣе, изъ различныхъ данныхъ, собранныхъ г. Пыпинымъ въ его книгѣ о Бѣлинскомъ, нѣтъ никакой возможности заключить, что нравственная атмосфера, въ которой росъ будущій критикъ, была исключительно плоха. Мы склонны даже думать какъ разъ противоположное. Для того, кто имѣетъ хотя отдаленное литературное понятіе о строѣ нашей такъ называемой патріархальной семьи, представится въ высшей степени необычайной напр. такая картина отношеній отца къ сыну, нарисованная близкимъ родственникомъ Бѣлинскихъ — Д. П. Ивановымъ: Григорій Никифоровичъ Бѣлинскій «съ самой ранней поры даровитаго ребенка не могъ не отличать и остроумія рѣчей, и страсти къ чтенію, и пытливой любознательности, съ которою мальчикъ прислушивался къ разсказамъ отца о прошедшемъ, къ его сужденіямъ о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе». «По словамъ г. Иванова—приба-

вляетъ далѣе г. Пыпинъ—между ними была симпатія, благодѣтельно дѣйствовавшая на обоихъ въ рѣзкихъ случаяхъ и дѣйствительно, заключаетъ г. Пыпинъ, Виссаріонъ, еще юноша, въ виду домашнихъ несогласій, сталъ заявлять свой голосъ, высказывать отцу свои укоры и отецъ выслушивалъ ихъ, не негодовалъ, не оправдывался: очевидно, голосъ сына онъ принималъ съ уваженіемъ». Поставивши эти свои «дѣйствительно» и «очевидно», г. Пыпинъ тѣмъ не менѣе, къ искреннему нашему изумленію, называетъ домашнія отношенія Бѣлинскаго «тягостными», его «родной кровъ» — *непріютнымъ*. Но неужели не отрадна эта дружеская близость между сыномъ и отцомъ? И неужели эта близость—не цвѣтущій оазисъ въ мертвенной пустынѣ тѣхъ отношеній, понятій и взглядовъ, которые формулировались въ классическомъ изреченіи — «мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю». Если тутъ что «дѣйствительно» и «очевидно», такъ это то, что Бѣлинскій-отецъ былъ головою выше не только своего захолустнаго, но и вообще современнаго ему общества. Виссаріонъ Бѣлинскій имѣлъ рѣдкое счастіе найти въ своемъ отцѣ не зоологическую любовь только, но и вниманіе и пониманіе. Ничто такъ не развиваетъ и не возвышаетъ дѣтей—въ особенности даровитыхъ и самолюбивыхъ—какъ разумно-дружеская короткость съ ними, отношеніе къ нимъ какъ къ равнымъ, безъ безпрестаннаго напоминанія о своемъ авторитетѣ, безъ злоупотребленія своими формальными правами. Бѣлинскій имѣлъ это исключительное счастіе, въ сравненіи съ которымъ мелкія домашнія стычки между родителями представляются совершечной бездѣлицей. Не были свѣтлыми, какъ къ отцу, но не были и мрачными, тяжелыми отношенія Виссаріона къ матери. Очевидцы говорятъ, что «мать была женщина добрая, но мало развитая, раздраженная и сварливая; ея образованіе ограничивалось посредственнымъ знаніемъ грамоты. Вся забота ея заключалась въ томъ, чтобы прилично одѣть и, особливо, сытно накормить дѣтей: когда Виссаріонъ жилъ въ Москвѣ, она еще снабжала его теплыми фуфайками и копчеными гусями, посылаемыми съ «*оказіей*». Что тутъ дурного или ненормальнаго спросимъ мы. Мать давала, что могла: сытно кормила и тепло одѣвала своихъ дѣтей, не претендуя на нравственное и умственное руководи-

тельство, не залѣзая въ душу и не насилуя совѣсти своего даровитаго сына. Дѣлалось ли это по небрежности или въ силу неяснаго сознанія, что такое руководительство—не ея ума дѣло, результатъ во всякомъ случаѣ былъ хорошъ: темные предразсудки матери остались безъ малѣйшаго вліянія на впечатлительнаго ребенка. Сколько людей могли бы позавидовать условіямъ дѣтской жизни Бѣлинскаго *).

Счастье продолжало благопріятствовать Бѣлинскому и далѣе. Грамотѣ онъ выучился у вольнопрактиковавшей (тогда на этотъ счетъ было просто) учительницы, нѣкоей Ципровской, о личности которой свѣдѣній не имѣется, дальнѣйшее же обученіе началось для него въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, только что тогда открывшемся. «На первое время—разсказываетъ г. Пыпинъ—весь педагогическій штатъ заведенія состоялъ изъ одного смотрителя, который былъ преподавателемъ по всѣмъ предметамъ. Этотъ смотритель былъ человѣкъ добрый и кроткій». «Вскорѣ,—разсказываетъ Ивановъ, поступившій въ училище въ одно время съ Бѣлинскимъ,—прибавились новые учителя—одинъ для Закона Божія, соборный священникъ; другой для русскаго языка—сынъ другого соборнаго священника, исключенный изъ семинаріи. Этотъ послѣдній былъ страстный любитель наказаній, розогъ, которыя онъ употреблялъ иногда въ видѣ ласки, наказывая ими сквозь платье, ради личной потѣхи, совершенно невиннаго и прилежнаго мальчика. Благородное негодованіе на этотъ вандализмъ Виссаріона возбудило энергическія жалобы къ смотрителю со стороны Григорія Никифоровича». Надобно замѣтить, «что Виссаріонъ никогда не былъ предметомъ этихъ дикихъ любезностей бурсака-учителя и вмѣшался въ дѣло не столько по участію къ товарищамъ, которые были моложе его классомъ, но потому, что находилъ подоб-

*) Замѣтимъ здѣсь разъ навсегда вотъ что: чрезвычайно обстоятельная и добросовѣстная біографія Бѣлинскаго, составленная г. Пыпинымъ, почти совершенно лишена критическаго элемента. Мы считаемъ нужнымъ указать на это, въ виду того, что эта біографія положена въ основу нашей работы. Всѣ фактическія свѣдѣнія, сообщенныя г. Пыпинымъ, мы считаемъ для себя почти обязательными; но выводы изъ этихъ свѣдѣній, тотъ свѣтъ, въ которомъ представлены факты, мы въ огромномъ большинствѣ случаевъ находимъ невѣрными и отвергаемъ ихъ.

ные поступки возмутительными. Преподаваніе въ училищѣ совершалось въ духѣ патріархальной простоты. Учителя не затруднялись оставлять учениковъ на произволъ судьбы, отправляясь домой для жертвоприношеній Бахусу, а ученики, въ лѣтнее время, иногда цѣлымъ училищемъ уходили купаться». Оставляя въ сторонѣ цвѣты восторженнаго краснорѣчія Иванова вродѣ «благороднаго негодованія на вандализмъ» со стороны одиннадцатилѣтняго пузыря, нельзя не увидѣть, что чембарское училище, благодаря «доброй и кроткой» личности смотрителя, было лучше другихъ училищъ, въ которыхъ «страстные любители наказаній» были не исключеніемъ, а правиломъ между учителями. Представители позднѣйшаго поколѣнія — Помяловскій, котораго высѣкли въ бурсѣ *четыреста* разъ, или Рѣшетниковъ, котораго только лѣнивый не билъ и не истязалъ,—могли-бы развѣ только подивиться на Бѣлинскаго, даже вчужѣ не выносившаго тѣлесныхъ наказаній. Но мало того, что училище по крайней мѣрѣ не портило Бѣлинскаго въ нравственномъ отношеніи, оно положительно помогло его умственному развитію, сообщило ему нѣкоторыя положительныя знанія. Директоромъ училищъ Пензенской губерніи былъ въ то время извѣстный романистъ Лажечниковъ, который оставилъ слѣдующій любопытный разсказъ:

«Въ 1823 году,—разсказываетъ Лажечниковъ, — ревизовалъ я чембарское училище. Новый домъ былъ только-что для него отстроенъ. Во время дѣлаемаго мною экзамена выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтлѣлся разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ между тѣмъ на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно... На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностію, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ-же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ, большей частью, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерыв-

ною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, также и то, что штатный смотритель не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ слово по учебной книжкѣ (какъ я привыкъ видѣть и съ чѣмъ боролся не мало въ другихъ училищахъ). Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостью, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. «Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лекаря», сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотой привѣтствовалъ его, тутъ-же потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книжонку, на заглавномъ листѣ которой надписалъ «Виссаріону Бѣлинскому за прекрасные успѣхи въ ученіи (или что-то подобное) отъ такого-то, тогда-то». Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства».

Разсказъ этотъ, немножко сантиментальный и, какъ водится во всѣхъ такихъ случаяхъ, не обошедшійся безъ преувеличеній («въ глазахъ разумъ не по лѣтамъ», «ястребокъ», «принялъ награду какъ дань» и пр.), кажется намъ замѣчательнымъ и правдивымъ въ томъ отношеніи, что Лажечниковъ въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ симпатію къ мальчику—Бѣлинскому: талантъ почуялъ талантъ, словесникъ инстинктивно узналъ словесника. Дѣло въ томъ, что любовь къ литературѣ сказалась въ Бѣлинскомъ чрезвычайно рано, по его собственному свидѣтельству. «Еще будучи мальчикомъ, писалъ онъ впослѣдствіи по одному поводу, ученикомъ уѣзднаго училища, я, въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно и безъ всякаго разбору списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Державина и пр.; я плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину Рощу»; я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума».

Разсказъ Лажечникова важенъ для насъ еще въ другомъ отношеніи. Бѣлинскій обрисовывается въ этомъ разсказѣ мальчикомъ нисколько не робкимъ, не забитымъ, не пригнетеннымъ, а ужь казалось-бы передъ кѣмъ и робѣть ученику уѣзднаго учи-

лища, какъ не передъ *самимъ* директоромъ! Ясно, что домашняя обстановка, отношенія къ родителямъ были совсѣмъ не такого свойства, чтобы развить въ ребенкѣ рабскія свойства — робость и затаенное озлобленіе.

Мы настаиваемъ на этомъ выводѣ тѣмъ упорнѣе, чѣмъ настойчивѣе біографы Бѣлинскаго стараются убѣдить читателя въ противоположномъ. Въ видѣ послѣдняго аргумента г. Пыпинъ ссылается на самого Бѣлинскаго. Онъ говоритъ: «Бѣлинскій самъ впослѣдствіи говорилъ, что не вынесъ изъ своей семьи никакого привѣтнаго воспоминанія. Одинъ изъ его ближайшихъ друзей послѣдняго времени разсказываетъ (вѣроятно, по воспоминаніямъ, слышаннымъ отъ самого Бѣлинскаго), что однажды, когда Бѣлинскому было лѣтъ десять или одиннадцать, отецъ его, возвратившись съ попойки, сталъ безъ всякаго основанія бранить сына. Ребенокъ оправдывался; взбѣшенный отецъ ударилъ его и повалилъ на землю. Мальчикъ всталъ пересозданнымъ: оскорбленіе и глубокая несправедливость запали ему въ душу».

Мы нисколько не сомнѣваемся въ возможности такого факта и допускаемъ его тѣмъ охотнѣе, что онъ, какъ говорится, вода на наше колесо. Именно потому этотъ случай и врѣзался Бѣлинскому въ память, что онъ былъ случай исключительный. Если-бы Помяловскаго или Рѣшетникова спросили: какое «оскорбленіе» или «глубокая несправедливость» особенно «запали въ душу» имъ изъ времени ихъ дѣтства и юности, они испытали-бы то затрудненіе, которое у французовъ называется embarras de richesse: какая, въ самомъ дѣлѣ, изъ *четырехсотъ* порокъ Помяловскаго была для него особымъ «оскорбленіемъ» или какой изъ безчисленныхъ пинковъ, тычковъ и ударовъ, доставшихся Рѣшетникову, былъ «глубокою несправедливостью»? А главное, нравственное и умственное вліяніе отца на сына, вліяніе, на личность котораго въ данномъ случаѣ никто не отвергаетъ, достигается не пощечинами, а задушевными бесѣдами, любовнымъ раскрытіемъ своего внутренняго міра. О пощечинѣ сгоряча или спьяна мы имѣемъ отъ біографовъ подробный разсказъ, да еще съ риторико-трагическими прикрасами («мальчикъ всталъ пересозданнымъ»); но объ этихъ бесѣдахъ, объ этихъ урокахъ и разсказахъ мы не находимъ по-

*

чти ни одного слова—точно ихъ и не бывало никогда. Въ заключеніе г. Пыпинъ приводитъ отрывокъ изъ позднѣйшаго письма Бѣлинскаго къ Боткину. Вотъ этотъ отрывокъ: «Имѣть отца и мать для того, чтобы смерть ихъ считать моимъ освобожденіемъ, слѣдовательно не утратою, а скорѣе пріобрѣтеніемъ, хотя и горестнымъ; имѣть брата и сестру, чтобы не понимать, почему и для чего они мнѣ братъ и сестра, и еще брата, чтобы быть привязаннымъ къ нему какимъ-то чувствомъ состраданія—все это не слишкомъ утѣшительно.. »

Безполезно, намъ кажется, и говорить, что это письмо ровно ничего не доказываетъ. Бѣлинскому было около тридцати лѣтъ, когда онъ писалъ это письмо; онъ давно уже на нѣсколько головъ переросъ всѣхъ своихъ родственниковъ и весьма естественно, что онъ чувствовалъ къ нимъ нѣкоторую отчужденность, которая и выразилась въ этомъ письмѣ. Вѣдь рѣчь идетъ въ письмѣ не объ одниxъ только родителяхъ, а также о братѣ и сестрѣ, на деспотизмъ которыхъ не могъ же жаловаться ихъ старшій братъ!

Итакъ, мы признаемъ несомнѣннымъ, что условія дѣтской жизни Бѣлинскаго не только не были исключительно тяжелы, а наоборотъ стояли выше обычнаго въ то время уровня воспитанія. Вмѣстѣ съ этимъ сами собой отпадаютъ и тѣ широкія заключенія, которыя сдѣлалъ г. Пыпинъ на основаніи анализа семейныхъ отношеній Бѣлинскаго. «*Здѣсь* былъ источникъ той сосредоточенности и того чувства человѣческаго достоинства, которыя отличали его еще мальчикомъ и *здѣсь-же* было начало его нервной раздражительности, того страстнаго негодованія противъ всякой несправедливости, которыя вспыхивали въ немъ даже по такимъ поводамъ, гдѣ другіе не находили бы никакой причины волноваться. *Отсюда* развивалась его странная боязнь людей, которая заставляла его робѣть и мѣшаться съ незнакомыми людьми, въ новомъ для него обществѣ». Какія, подумаешь, большія вещи таились «*здѣсь*» — въ маленькомъ Чембарѣ, и какіе огромные результаты произошли «*отсюда*»—изъ дѣтской и изъ уѣзднаго училища! Чембару отведена такая важная роль, что на долю всероссійской жизни почти ничего и не остается...

III.

Бѣлинскій въ гимназіи.

Лѣтомъ 1825 года Бѣлинскій поступилъ въ пензенскую гимназію. Ему шелъ уже шестнадцатый годъ—возрастъ, въ которомъ другіе поступаютъ не въ гимназію, а въ университетъ. Даровитый, начитанный, умственно-развитый юноша въ роли начинающаго гимназиста—такое положеніе было слишкомъ ненормально, чтобы могло продолжаться долго, и дѣйствительно, всего черезъ три съ половиной года послѣ своего поступленія, Бѣлинскій былъ исключенъ изъ гимназіи «за нехожденіе въ классъ».

Здѣсь мы уже можемъ отмѣтить ту особенность духовной жизни Бѣлинскаго, которая составляетъ очень характерную его черту. Умственное развитіе Бѣлинскаго намного опережало его научное образованіе. Фактическія свѣдѣнія, которыми располагалъ Бѣлинскій, были не пропорціональны его идеямъ. Какъ всякій дѣятельный и сильный умъ, Бѣлинскій умѣлъ съ небольшими средствами достигать большихъ результатовъ, умѣлъ такъ хорошо и цѣлесообразно утилизировать отрывочные, почти случайно схваченные факты, что общіе выводы являлись какъ-бы сами собой. Бѣлинскому достаточно было овладѣть хоть маленькою и побочною ниточкою, чтобы съ ея помощью добраться до самой сердцевины предмета. Это былъ умъ творческій, т. е. умъ по преимуществу дедуктивный. Онъ не изучалъ предметъ, а угадывалъ его. Онъ шелъ не отъ частнаго къ общему, не отъ подробностей къ ансамблю, не отъ частей къ цѣлому, а какъ-разъ противоположнымъ путемъ.

Дальше мы увидимъ этому новыя подтвержденія, а пока достаточно отмѣтить, что эта черта въ шестнадцатилѣтнемъ гимназистѣ выражалась также ярко, какъ и впослѣдствіи въ трид-

цатилѣтнемъ страстномъ гегеліанцѣ. Пензенская гимназія, по разсказу Лажечникова, бывшаго одно время ея директоромъ, какъ образовательное заведеніе, отличалась совершенно невозможнымъ характеромъ. Первая сцена, которую вновь пріѣхавшій директоръ (т. е. Лажечниковъ) встрѣтилъ въ гимназіи — было «погребеніе кота мышами», какъ объяснили ученики: они цѣлой толпой выносили на рукахъ изъ класса мертвецки пьянаго учителя русской словесности. Д. П. Ивановъ споритъ противъ Лажечникова, доказывая, что пензенская гимназія была не хуже другихъ русскихъ гимназій, и въ этомъ спорѣ обѣ стороны правы: пензенская гимназія конечно была ниже всякой критики и ни на волосъ не ниже установившагося типа гимназіи. Бѣлинскому однако, въ силу вѣроятно того, что на ловца и звѣрь бѣжитъ, даже среди преподавателей - «котовъ» удалось встрѣтить человѣка именно такого, какой ему былъ нуженъ въ этомъ фазисѣ его умственнаго состоянія. Это былъ учитель естественной исторіи, преподававшій въ то-же время и словесность въ старшемъ классѣ, М. М. Поповъ—человѣкъ, по всѣмъ признакамъ, далеко недюжинный. Онъ много пережилъ Бѣлинскаго и кончилъ свою карьеру «благополучнымъ россіяниномъ», въ крупномъ чинѣ, послѣ долгой службы, неимѣющей ничего общаго съ «народнымъ просвѣщеніемъ»; но это обстоятельство конечно мало изумитъ читателя, имѣющаго надлежащее представленіе о свойствахъ русской жизни вообще и той эпохи въ особенности. Во всякомъ случаѣ, въ описываемое время Поповъ былъ гораздо болѣе образованнымъ, но столь же пламеннымъ энтузіастомъ, какъ и Бѣлинскій, и между ними установилась самая прочная и—для Бѣлинскаго—въ высшей степени плодотворная связь, основанная на одинаковости умственныхъ стремленій. Поповъ оставилъ разсказъ объ этомъ времени, одинъ изъ лучшихъ разсказовъ для характеристики Бѣлинскаго по тому духу правды, искренности и простоты, который его отличаетъ. Видно, что этотъ тайный совѣтникъ горячо любилъ Бѣлинскаго и разумѣлъ нашего великаго писателя лучше и яснѣе, нежели многіе изъ такъ-называемыхъ друзей Бѣлинскаго. Приведемъ характернѣйшія мѣста изъ его разсказа.

«Бѣлинскій, не смотря на малые успѣхи въ наукахъ и язы-

кахъ, не считался плохимъ мальчикомъ. Многое мимоходомъ запало въ его крѣпкую память; многое онъ понималъ самъ, своимъ пылкимъ умомъ, еще больше въ немъ набиралось свѣдѣній изъ книгъ, которыя онъ читалъ внѣ гимназіи. Бывало, поэкзаменуйте его, какъ обыкновенно экзаменуютъ дѣтей, — онъ изъ послѣднихъ, а поговорите съ нимъ дома, по дружески, даже о точныхъ наукахъ—онъ первый ученикъ. Онъ бралъ у меня книги и журналы — пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ... По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неровный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ. Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи. Дома мы толковали о словесности; въ гимназіи онъ съ другими учениками слушалъ у меня естественную исторію. Но въ казанскомъ университетѣ я шелъ по филологическому факультету и русская словесность всегда была моей исключительной страстью. Можете представить себѣ, что́ иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ, еще молодымъ въ то время, учителемъ сидѣлъ такой же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники или орнитологіи и старался держаться этого берега, но съ средины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня ли, отъ Бѣлинскаго ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона-натуралиста я переходилъ къ Бюффону-писателю, отъ Гумбольдтовой географіи растеній къ его «Картинамъ природы», отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру въ сочиненіяхъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго. А гербаризація? Бывало, когда отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдешь до пасѣки, что позади городского ґулянья, или до рощи, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца.»

Все это было какъ разъ то, что требовалось Бѣлинскому. Эти бесѣды-лекціи, безсистемныя, безнорядочныя, о горячія и содержательныя, приносили Бѣлинскому несравненно болѣе пользы, нежели самое исправное зазубриваніе, что какой нибудь ursus arctos принадлежитъ къ такому-то виду и такому-то семейству и пр. и пр. Типъ такъ называемыхъ «первыхъ учениковъ» нашихъ низшихъ, среднихъ и высшихъ училищъ хорошо всѣмъ извѣстенъ. Это мальчики или юноши съ превосходною памятью и съ чрезвычайно пассивнымъ, лѣнивымъ умомъ, съ огромнымъ прилежаніемъ и безъ малѣйшихъ признаковъ живой любознательности. Они «на зубокъ» знаютъ по Востокову, что «грамматика есть руководство къ правильному употребленію словъ въ разговорѣ и письмѣ»—и двухъ строкъ не напишутъ безъ ошибки; на полный баллъ съ плюсомъ разскажутъ объ ursus'ѣ и не съумѣютъ описать незнающему человѣку медвѣдя.

Бѣлинскій былъ юноша совсѣмъ другого закала. Поповъ съ большою проницательностью подмѣтилъ въ немъ эту черту умственной самостоятельности и самодѣятельности и такимъ образомъ характеризовалъ ее: «Бѣлинскій и въ то время не скоро подавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснялъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте подумаю, дайте еще прочту.» Если же съ чѣмъ онъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ съ страшной увѣренностью: «совершенно справедливо.» Слишкомъ ясно, что даровитому юношѣ нечего было дѣлать въ гимназіи. Ни зубрить учебники, ни «погребать кота» Бѣлинскій былъ не въ состояніи и онъ совершенно логично пересталъ посѣщать гимназію, которая въ свою очередь тоже вполнѣ логично исключила его изъ своихъ нѣдръ «за нехожденіе въ классы».

Ивановъ говоритъ на этотъ счетъ слѣдующее: «назвать Бѣлинскаго плохимъ ученикомъ было невозможно, подозрѣвать его въ лѣни и нерадѣніи было бы грѣхомъ: ни одна минута не пропадала у него даромъ: онъ или читалъ, или списывалъ что нибудь въ тетрадь, или бесѣдовалъ съ дѣльными людьми, или предавался въ одиночку размышленіямъ. Чѣмъ же объяснить охлажденіе его къ ученію и преждевременный, до окон-

чанія курса, выходъ изъ гимназіи? Все это объясняется очень простою причиною: еще въ 1828 году Бѣлинскій задумалъ поступить въ университетъ.»

Такія объясненія ровно ничего не объясняютъ. Неужели для юноши, «задумавшаго поступить въ университетъ», логично и естественно прежде всего забросить гимназическую науку? И неужели преуспѣвавшіе товарищи Бѣлинскаго по гимназіи преуспѣвали потому, что не мечтали объ университетѣ? Бѣлинскаго конечно манилъ университетъ, какъ нѣкоторый центръ серьезной умственной дѣятельности, но его «нехожденіе въ классы» объясняется, во первыхъ — свойствами гимназической науки, гимназической «учебы», во вторыхъ—особенностями умственной организаціи Бѣлинскаго.

Пыпинъ прекрасно и совершенно справедливо поясняетъ отъ своего лица эту существеннѣйшую сторону дѣла. «Интересъ къ литературѣ—говоритъ г. Пыпинъ—т. е. интересъ къ поэтическому, изящному (мы сказали бы: поэтическому и философскому) былъ у Бѣлинскаго такимъ господствующимъ, что поглощалъ всю его умственную энергію; уже съ этихъ поръ у него не было охоты къ сухимъ и точнымъ изученіямъ, какъ осталось и до конца: онъ отдавался только тому, что затрогивало его идеальные интересы, возбуждало его энтузіазмъ. Оттого «нехожденіе въ классы» въ гимназіи, «нерадѣніе» въ университетѣ. Это вовсе не была лѣнь: напротивъ, онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ въ томъ, что̀ его занимало; впослѣдствіи онъ могъ работать до изнеможенія. Нѣтъ спора, что эта односторонность очень вредила ему, ограничивая кругъ его свѣдѣній, въ чемъ его такъ часто упрекали; но такова была его натура: онъ искалъ живого содержанія, которое разрѣшало бы волновавшіе его нравственные вопросы, питало бы его потребности изящнаго. Самыя стремленія его носили поэтическій складъ—оттого онѣ и искали поэтическихъ образовъ и картинъ; отрасли знанія, не касавшіяся идеальныхъ вопросовъ жизни и нравственности, не привлекали его.»

Ясно послѣ этого, что если бы Бѣлинскій и не «задумалъ поступить въ университетъ», онъ въ гимназіи все равно не удержался бы и благополучнаго окончанія курса въ ней не удостоился бы.

Изъ другихъ серьезныхъ эпизодовъ жизни Бѣлинскаго-гимназиста нужно остановиться на его отношеніяхъ къ кружку семинаристовъ, съ которыми онъ жилъ на одной квартирѣ, и на его возникшей любви къ театру.

«Совмѣстное житье съ семинаристами, говоритъ Ивановъ, было благодѣтельно для насъ во многихъ отношеніяхъ. Видя передъ своими глазами суровую, полную патріархальной простоты жизнь этихъ закаленныхъ въ нуждѣ тружениковъ школьнаго ученія, умѣвшихъ довольствоваться самыми малыми средствами, мы невольно учились безропотному перенесенію житейскихъ невзгодъ, мужали и крѣпли духомъ, запасались тою силою, безъ которой невозможна никакая борьба ни съ самимъ собою, ни съ жизнью. Не малую пользу приносили Бѣлинскому оживленные споры и бесѣды семинаристовъ о предметахъ, касавшихся философіи, богословія, общественной и частной жизни; при этихъ спорахъ онъ не всегда былъ только простымъ внимательнымъ слушателемъ, но принималъ въ нихъ и самъ дѣятельное участіе; уже здѣсь изощрялось его діалектическая сила. Семинаристы, жившіе съ нами, считали себя въ литературныхъ познаніяхъ ниже Бѣлинскаго и настолько довѣряли его вкусу, что нерѣдко просили его выслушать школьныя произведенія пера его. Бѣлинскій, бывало, читалъ имъ вслухъ статьи изъ добытыхъ имъ журналовъ, сообщалъ свои мнѣнія, дѣлился впечатлѣніями,—особенными участниками этихъ бесѣдъ были двое изъ семинаристовъ, очень даровитые люди.» Относительно любви къ театру тотъ же Ивановъ говоритъ: «самое лучшее, соединявшее всѣ вкусы удовольствіе доставлялъ театръ; страсть къ нему не была исключительной принадлежностью одного Бѣлинскаго; она въ равной степени овладѣвала всей учащейся молодежью.» Бѣлинскій приберегалъ деньги на театръ, дѣлалъ займы ради той же цѣли,—прибавляетъ г. Пыпинъ—и вообще его любовь къ театру, не будучи его исключительной принадлежностью, была исключительна по своей силѣ и страстности. «Театръ! Любите ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т. е. всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страст-

ная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? О, ступайте, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!» Вотъ какъ писалъ Бѣлинскій нѣсколько лѣтъ спустя въ своей знаменитой статьѣ «Литературныя мечтанія.»

Такимъ образомъ, годы, проведенные Бѣлинскимъ въ пензенской гимназіи, были въ узко-практическомъ смыслѣ временемъ потеряннымъ, но по своему внутреннему значенію этотъ періодъ его жизни долженъ быть отнесенъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ. Это былъ періодъ самой усиленной умственной работы, хотя и въ сторонѣ отъ патентованной науки и безъ всякой помощи съ ея стороны. Не школа, а жизнь формировала Бѣлинскаго; не учебники, а книги; не учителя, а живые люди способствовали его образованію и развитію. Бесѣды съ молодымъ даровитымъ учителемъ, споры и разговоры въ товарищескомъ кружкѣ семинаристовъ, чтеніе и наконецъ театръ—вотъ гдѣ была истинная школа Бѣлинскаго, выработывавшая въ немъ не только взгляды и идеи, но и сообщавшая ему положительныя знанія: развѣ знаніе русской литературы — не научное знаніе? Образъ будущаго «неистоваго Виссаріона» уже ясно проглядываетъ въ скромной фигуркѣ провинціальнаго гимназиста: это «святое недовольство», эта независимость и смѣлость мысли, это отвращеніе и презрѣніе къ торнымъ, рутиннымъ путямъ и наконецъ эта неприспособленность къ жизни, неумѣніе ладить съ ея практическими сторонами и вопросами—все это, только еще въ большей степени, мы найдемъ и въ знаменитомъ критикѣ. У цѣльныхъ и чистыхъ натуръ, какова была натура Бѣлинскаго, могутъ быть крутые и тяжелые умственные переломы, но въ нравственномъ смыслѣ онѣ всегда остаются вѣрными себѣ.

IV.

Бѣлинскій въ университетѣ.

Въ концѣ лѣта 1829 года Бѣлинскій, выдержавъ нетрудный экзаменъ, поступилъ въ число студентовъ московскаго университета. Ему, по его словамъ, только «съ большимъ грѣхомъ удалось съѣхать» изъ своего родного городка, въ которомъ онъ жилъ, послѣ исключенія изъ гимназіи, на рукахъ у своихъ родителей. О своемъ поступленіи онъ извѣщалъ своихъ родныхъ въ восторженныхъ выраженіяхъ: «съ живѣйшею радостью и нетерпѣніемъ спѣшу увѣдомить васъ, что принятъ въ число студентовъ императорскаго московскаго университета. Меня нестолько радуетъ то, что я студентъ, сколько то, что симъ могу доставить вамъ удовольствіе. Я съ своей стороны сдѣлалъ все, что только могъ сдѣлать: я передъ вами оправдался. Тѣмъ болѣе меня радуетъ и восхищаетъ принятіе въ университетъ, что я онымъ обязанъ не покровительству и стараніямъ кого-нибудь, но собственно самому себѣ. Хотя Лажечниковъ и просилъ обо мнѣ двухъ профессоровъ, но его просьба потому осталась недѣйствительна, что въ то время, когда я держалъ экзаменъ, вмѣсто ихъ другіе были назначены экзаменаторами.»

Тѣмъ не менѣе Бѣлинскій, къ полнотѣ своего благополучія, былъ принятъ въ число казенныхъ студентовъ, чѣмъ просто и легко разрѣшался мучительный вопросъ о матеріальныхъ средствахъ. Подъ впечатлѣніемъ этой удачи Бѣлинскому все представлялось въ розовомъ свѣтѣ. «Нумера наши, писалъ онъ домой, скорѣе сказать отлично хороши; полы крашеные, окна большія, чистота необыкновенная. Столы (въ столовой) всегда покрываются скатертями

и для всякаго студента особенный приборъ. Въ отношеніи свободы у насъ очень хорошо. Покуда все хорошо». Не болѣе однако какъ черезъ годъ послѣ этого письма Бѣлинскій писалъ о «казенномъ коштѣ» слѣдующее: «я теперь нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что лучше бы согласился быть подъячимъ въ чембарскомъ земскомъ судѣ, нежели жить на этомъ каторжномъ, проклятомъ казенномъ коштѣ. Если бы я прежде зналъ каковъ онъ, то лучше бы согласился наняться къ кому-нибудь въ лакеи и чищеніемъ сапогъ и платья содержать себя, нежели жить въ немъ.»

Ни большія окна, ни крашеные полы, ни скатерти на столахъ не подкупали уже нашего студента и не могли смягчить суровость его отзыва. Въ чемъ же было дѣло?

Дѣло было въ томъ, что московскій университетъ того времени былъ ни чѣмъ инымъ, какъ гимназіей высшаго ранга. Если пензенскіе гимназисты занимались погребеніемъ котовъ, то нисколько не лучшими дѣлами занимались и тогдашніе студенты московскаго университета. Такъ, однажды, когда одинъ профессоръ, читавшій лекціи по вечерамъ, долженъ былъ придти въ аудиторію, студенты, закутавшись въ шинели, забились по угламъ аудиторіи, слабо освѣщенной лампою, и какъ только профессоръ появился, запѣли заунывно: «се женихъ грядетъ въ полунощи». Въ другой разъ, на лекцію къ тому же профессору принесли воробья и во время лекціи выпустили: воробей принялся летать, а студенты, какъ будто въ негодованіи на нарушеніе порядка, принялись толпою ловить его. Нетрудно понять, какія чувства питали къ такимъ профессорамъ умственно-развитые студенты и въ особенности Бѣлинскій, у котораго какъ разъ съ этимъ «женихомъ въ полунощи» произошло однажды въ аудиторіи курьезное столкновеніе. Профессоръ, въ разгарѣ объясненій, вдругъ обратился къ Бѣлинскому: «что ты, Бѣлинскій, сидишь такъ безпокойно, какъ будто на шилѣ, и ничего не слушаешь? Повтори-ка мнѣ послѣднія слова, на чемъ я остановился?» «Вы остановились на словахъ, что я сижу на шилѣ», отвѣтилъ Бѣлинскій. Профессоръ не понялъ ѣдкой ироніи и, снисходя къ наивности студента, продолжалъ объясненія. Одинъ изъ университетскихъ

декановъ на вопросъ—по какому руководству онъ будетъ читать, отвѣчалъ, что будетъ читать по Пленку—«умнѣе Пленка-то не сдѣлаешься, хоть и напишешь свое собственное руководство». Когда, однажды, при томъ же профессорѣ стали хвалить молодого преподавателя, только что возвратившагося изъ заграницы, онъ замѣтилъ: «ну, не хвалите прежде времени, поживетъ съ нами, такъ поглупѣетъ». Все это факты, но если бы это были не факты, а только анекдоты, то и въ такомъ случаѣ они имѣли бы для насъ значеніе: исторія можетъ преувеличивать, но не можетъ сочинять, и на забытыхъ мертвецовъ никому нѣтъ надобности клеветать.

Послѣ этого разочарованіе Бѣлинскаго въ университетѣ становится совершенно понятнымъ. Хороша была университетская наука, но не хуже были и университетскіе нравы и университетскіе порядки и обычаи. Въ письмѣ къ родителямъ Бѣлинскій разсказываетъ одинъ эпизодъ изъ своего личнаго университетскаго опыта: «какъ только я пріѣхалъ,—пишетъ Бѣлинскій,—то ректоръ призвалъ меня въ правленіе и началъ бранить за то, что я поздно пріѣхалъ. Этимъ я обязанъ Перевощикову, который тогда очень помнилъ меня и отрекомендовалъ ректору и Щепкину. Когда ректоръ говорилъ со мною, то онъ (Перевощиковъ) безпрестанно кричалъ, что меня надобно выгнать изъ университета. Наконецъ ректоръ въ заключеніе спектакля сказалъ: замѣтьте этого молодца; при первомъ случаѣ его надобно выгнать. Передъ окончаніемъ холеры я не ночевалъ ночи двѣ или три дома. Прихожу къ Щепкину за однимъ дѣломъ, и онъ начинаетъ меня ругать: говоритъ, что меня за это онъ отдастъ, какъ какого-нибудь каналью, въ солдаты и наконецъ съ презрѣніемъ началъ выгонять изъ своихъ комнатъ... Надѣясь сорваться съ казеннаго кошта, я далъ себѣ клятву все терпѣть и сносить, и потому ничего ему не сказалъ...» Такія «пензенскія» условія университетской жизни привели къ соотвѣтственнымъ результатамъ, и съ Бѣлинскимъ повторилась прежняя исторія: онъ отшатнулся отъ офиціальной науки и снова обратился къ испытаннымъ источникамъ для утоленія жажды знанія. Между студентами составился кружокъ, о которомъ Бѣлинскій писалъ въ Чембаръ: «для раз-

сѣянія отъ скуки я и еще человѣкъ съ пять затворниковъ составили маленькое литературное общество. Еженедѣльно было у насъ собраніе, въ которомъ каждый изъ членовъ читалъ свое сочиненіе.» Онъ близко сошелся съ П. Я. Петровымъ, впослѣдствіи профессоромъ московскаго университета. «Мы— писалъ Бѣлинскій — часто бываемъ вмѣстѣ, судимъ о литературѣ, наукахъ и другихъ благодарныхъ предметахъ и всегда разстаемся съ новыми идеями. Вотъ дружба, которою я могу по справедливости хвалиться. Съ П. Я. Петровымъ я въ первое свиданіе не говорилъ ни слова, во второе поспорилъ, а въ третье подружился. Что это за человѣкъ! Какія познанія! Какія способности!» Чтеніе и наконецъ театръ, на сценѣ котораго въ то время подвизались такіе артисты какъ Щепкинъ и Мочаловъ, восхищавшіе Бѣлинскаго до послѣдней степени восторга (Щепкинъ—«необыкновенный геній», Мочаловъ— «не человѣкъ, а дьяволъ»—вотъ какъ отзывался о нихъ Бѣлинскій), довершали содержаніе той духовной пищи, которою питался Бѣлинскій. Онъ «какъ на шилѣ» сидѣлъ въ аудиторіяхъ профессоровъ, въ обществѣ которыхъ, по ихъ собственному справедливому признанію, можно было только «поглупѣть», но умъ его работалъ неугомонно—и эта работа шла въ прокъ. Старый гимназическій учитель Бѣлинскаго — Поповъ, проѣздомъ черезъ Москву, видѣлся съ нимъ и вынесъ изъ этого свиданія наилучшее впечатлѣніе: «умъ его возмужалъ; въ замѣчаніяхъ его проявлялось много истины. Такъ (въ Москвѣ) прочли мы только-что вышедшаго тогда «Бориса Годунова». Сцена «Келья въ Чудовомъ монастырѣ», на своемъ мѣстѣ, при чтеніи всей драмы, показалась мнѣ еще лучше. Бѣлинскій съ удивленіемъ замѣчалъ въ этой драмѣ вѣрность изображеній времени, жизни и людей, чувствовалъ поэзію въ пятистопныхъ безриѳменныхъ стихахъ, которые прежде называлъ прозаичными; чувствовалъ поэзію и въ самой прозѣ Пушкина. Особенно поразила его сцена «Корчма на литовской границѣ». Прочитавъ разговоръ хозяйки корчмы съ собравшимися у нея бродягами, улики противъ Григорія и бѣгство его черезъ окно, Бѣлинскій выронилъ книгу изъ рукъ, чуть не сломалъ стула, на которомъ сидѣлъ, и восторженно закричалъ: «да это живые: я ви-

дѣлъ, я вижу, какъ онъ бросился въ окно!»... Въ немъ уже проявился критическій взглядъ...

Въ литературно-студенческомъ кружкѣ, о которомъ мы говорили выше, Бѣлинскій выступилъ какъ авторъ трагедіи чрезвычайно романтическаго характера. Какъ литературное произведеніе и при томъ въ родѣ, совершенно несвойственномъ таланту Бѣлинскаго, эта трагедія никакого значенія не имѣетъ. Но общественно-историческій смыслъ ея очень серьезенъ. Насколько можно судить о ней по сохранившемуся отрывку, она живо напоминаетъ собою юношескія драмы Лермонтова; та же горячность чувства при неумѣньи найти для его выраженія надлежащую форму, та же отвлеченность и благородство идеаловъ и—что всего важнѣе—тотъ же страстный протестъ противъ крѣпостного права — главнаго зла тогдашней жизни. Напомнимъ читателю, что драмы Бѣлинскаго и Лермонтова написаны за шестьдесятъ лѣтъ до нашего времени, когда въ мнѣніи однихъ крѣпостное право было чуть ли не божественнымъ установленіемъ, въ мнѣніи другихъ—исторически-сложившимся государственнымъ «устоемъ», въ мнѣніи третьихъ—едва ли устранимымъ зломъ и только во мнѣніи численно-ничтожнаго меньшинства, къ которому принадлежали Бѣлинскій и Лермонтовъ, крѣпостное право являлось въ его настоящемъ свѣтѣ. Двѣ-три тирады персонажей трагедіи дадутъ читателю ясное представленіе о характерѣ произведенія Бѣлинскаго. Вотъ напр. разсказъ стараго слуги о положеніи крестьянъ послѣ смерти барина: «Какъ только онъ скончался, то барыня такъ начала тиранствовать надъ нами, что не дай Господи такого житья лихому татарину ни здѣсь, ни на томъ свѣтѣ. И била какъ собакъ, и отдавала въ солдаты, и пускала по міру, отнимала хлѣбъ, скотъ, осматривала клѣти, ломала коробы, обирала деньги, холстъ; кто малость въ чемъ-нибудь провинится, такъ ушлетъ въ дальнія вотчины. Да всего и пересказать нельзя. На каторгѣ колодникамъ лучше житье-то, чѣмъ намъ, грѣшнымъ, у барыни». Герой трагедіи изливаетъ свои чувства въ слѣдующемъ монологѣ: «Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ-же людей, какъ и они сами?... Кто далъ это

гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба, можетъ продать его какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!... Милосердый Боже! Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: твоя-ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змѣевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ, и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?» Трагедія Бѣлинскаго во всей русской литературѣ имѣла только одинъ прецедентъ, равный ей по силѣ и искренности чувствъ —это знаменитая книга Радищева, съ которой какъ разъ около этого времени (въ 1833 году) раздражительно полемизировалъ величайшій русскій поэтъ. Тѣмъ конечно трогательнѣе простодушная наивность Бѣлинскаго, мечтавшаго, что трагедія его не только безъ всякаго неудобства можетъ появиться въ печати, но и доставитъ ему «извѣстность и деньги», и именно «шесть тысячъ рублей». Почему именно шесть, а не пять или не семь? Это осталось тайною глубокихъ разсчетовъ нашего великаго практика. Благоразумные люди, начиная съ Лажечникова и кончая чембарскими знакомыми, пророчили Бѣлинскому фіаско, но ихъ предостереженія конечно остались безъ послѣдствій: нужно было, чтобы сама дѣйствительность, непререкаемая и безжалостная, дала Бѣлинскому свой тяжеловѣсный урокъ. За этимъ дѣло не стало, и вотъ какъ Бѣлинскій разсказывалъ объ этомъ:

«Мое сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности и цѣль его есть самая нравственная. Подаю его въ цензуру—и что же вышло?... Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензоровалъ Л. А. Цвѣтаевъ (заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ). Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: «Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!» Не буду много рас-

пространяться, скажу только, что несмотря на то, что мой цензоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ, и о немъ составили журналъ!... Каково это!... Я надѣялся на вырученную сумму откупиться отъ казны, жить на квартирѣ и хорошенько экипироваться — и всѣ мои блестящія мечты обратились въ противную дѣйствительность, горькую и бѣдственную. Лестная сладостная мечта о пріобрѣтеніи извѣстности, объ освобожденіи отъ казеннаго кошта для того только ласкала и тѣшила меня, довѣрчиваго къ ея дѣтскому легкомысленному лепету, чтобы только усугубить мои горести... Теперь, лишившись всѣхъ надеждъ моихъ, я совершенно опустился: все равно, вотъ девизъ мой...»

Это было еще не все. Трагедія была представлена въ цензуру Бѣлинскимъ въ 1831 году, а въ половинѣ 1832 года онъ былъ исключенъ изъ университета «за неспособность». Между этими двумя фактами есть-ли причинная связь? Самъ Бѣлинскій говорилъ объ этомъ глухо: «я — писалъ онъ домашнимъ—не буду говорить вамъ о причинахъ моего исключенія изъ университета: отчасти собственные промахи и нерадѣніе, а болѣе всего долговременная болѣзнь и подлость одного толстаго превосходительства. Нынѣ времена мудреныя и тяжелыя: подобныя происшествія очень не рѣдки...»

Г. Пыпинъ, не смотря на свою осторожность, говоритъ объ дѣлѣ довольно рѣшительно: «окончательной причиной исключенія изъ университета послужила, какъ говорятъ, его трагедія. Цензурныя власти совпадали тогда съ университетскимъ начальствомъ, и неблагопріятное мнѣніе, составленное объ авторѣ пьесы, отразилось на студентѣ. Цензурная власть и ректоръ Двигубскій пригрозилъ студенту за дерзкія мысли. Хотя Бѣлинскій написалъ послѣ домой, что положеніе его улаживается, впечатлѣніе его «дерзости» вѣроятно сохранилось, и по всѣмъ отзывамъ, какіе намъ приходилось читать и слышать, трагедія имѣла положительную роль въ исключеніи его изъ университета».

На нашъ взглядъ не можетъ быть и сомнѣнія, что если

трагедія Бѣлинскаго не была *поводомъ* къ его исключенію, то навѣрное была самою серьезною *причиною* его. Не знаемъ, существовала-ли тогда «неблагонадежность» какъ терминъ, но конечно существовала какъ понятіе, и вотъ за эту то неблагонадежность, замаскированную «неспособностью», Бѣлинскій и подвергся столь тяжкой карѣ. Впрочемъ Бѣлинскій и дѣйствительно былъ «не способенъ» къ самой главной наукѣ—наукѣ *жизни*, въ чичиковскомъ значеніи этого слова. Въ программу университетскихъ знаній эта наука не входила, но тѣмъ не менѣе стояла на первомъ планѣ. Немножко уступчивости, немножко сдержанности, немножко, говоря щедринскимъ выраженіемъ, «теплоты чувствъ» со стороны Бѣлинскаго—и все обошлось бы прекрасно. Онъ могъ писать трагедіи съ какими угодно тенденціями, но пугать и ошеломлять ими старичковъ, боявшихся не только какихъ-нибудь новыхъ идей, но и новыхъ учебниковъ—это конечно было донкихотство. Но въ томъ то и горе донкихотовъ, что они *не могутъ*, даже если бы и хотѣли, хоть на минуту и хоть немножко помолчалинствовать. Они «не способны» на это, какъ не способны ѣсть кирпичи и ходить внизъ головой. «Не ко двору» Бѣлинскій былъ въ своемъ уѣздномъ городишкѣ; «не ко двору» въ гимназіи, «не ко двору» въ университетѣ, да не ко двору и въ русской дѣйствительности, какъ увидимъ дальше: его настоящее мѣсто было въ храмѣ идеала, у подножія богини Истины и онъ бывалъ страненъ, нелѣпъ и смѣшонъ, выходя оттуда, въ своемъ молитвенномъ, благоговѣйно-страстномъ настроеніи, на нашъ базаръ житейской суеты. Причина всѣхъ причинъ и всѣхъ поводовъ къ его исключенію лежала именно здѣсь, въ несоединимыхъ свойствахъ нашей жизни и его нравственной природы. Человѣкъ совершенно посторонній Бѣлинскому въ житейскомъ смыслѣ, но близкій къ нему по нѣкоторымъ нравственнымъ свойствамъ,—князь Одоевскій—разсудилъ его дѣло такимъ образомъ: «У насъ Бѣлинскому учиться было негдѣ,—рутинизмъ нашихъ университетовъ не могъ удовлетворить его логическаго въ высшей степени ума; пошлость большей части нашихъ профессоровъ порождала въ немъ лишь презрѣніе; нелѣпыя преслѣдованія—неизвѣстно за что—развили въ немъ желчь, которая при-

*

мѣшалась въ его своебытное философское развитіе и доводила его безстрашную силлогистику до самыхъ крайнихъ предѣловъ».

«*Неизвѣстно за что.....*» Это сужденіе такого же идеалиста «не отъ міра сего». Напротивъ, очень понятно и очень извѣстно *за что:* за «неприспособленность», за несоотвѣтствіе условіямъ и характеру жизни. Быть гонимымъ и изгоняемымъ (а впослѣдствіи — прославляемымъ) — это судьба очень многихъ Бѣлинскихъ. Что касается *нашего* Бѣлинскаго, то пароксизмъ отчаянія, овладѣвшаго было имъ («я совершенно опустился: *все равно*, вотъ девизъ мой»), прошелъ скоро и онъ, ровно черезъ годъ послѣ исключенія изъ университета, писалъ своимъ родителямъ: «я нигдѣ и никогда не пропаду, не смотря на всѣ гоненія жестокой судьбы; чистая совѣсть, увѣренность въ незаслуженности несчастій, нѣсколько ума, порядочный запасъ опытности, а болѣе всего нѣкоторая твердость въ характерѣ—не дадутъ мнѣ погибнуть. Не только не жалуюсь на мои несчастія, но еще радуюсь имъ: собственнымъ опытомъ узналъ я, что школа несчастія есть самая лучшая школа. Будущее не страшитъ меня. Перебираю мысленно всю жизнь мою, и хотя съ какимъ-то горестнымъ чувствомъ вижу, что я ничего не сдѣлалъ хорошаго, замѣчательнаго, за то не могу упрекнуть себя ни въ какой низости, ни въ какой подлости, ни въ какомъ поступкѣ, клонящемся ко вреду ближняго...».

V.

Начало литературной дѣятельности Бѣлинскаго.

Въ настоящей работѣ нашей, имѣющей не критическія, а біографическія цѣли, мы не можемъ останавливаться на разборѣ литературныхъ и общественныхъ воззрѣній Бѣлинскаго. Однако мы все таки должны не только разсказать, но и характеризовать, и въ виду этого намъ приходится сдѣлать небольшую экскурсію въ сферу общихъ идей.

Исторія умственнаго развитія Бѣлинскаго раздѣляется на три рѣзко обозначенныхъ періода. Первый періодъ, литературнымъ выраженіемъ котораго явилась у Бѣлинскаго его трагедія, заключается въ «субъективно-нравственной» точкѣ зрѣнія, говоря выраженіемъ самого Бѣлинскаго, въ отвлеченной морализаціи, въ «прекраснодушной войнѣ съ дѣйствительностью» (опять его выраженіе). Основная идея его трагедіи была идея чисто моральная и, если тѣмъ не менѣе она имѣла общественный смыслъ, то это произошло не отъ намѣреній Бѣлинскаго, а отъ свойствъ, присущихъ самому явленію. Бѣлинскій морализировалъ, но тѣмъ самымъ являлся обличителемъ крѣпостного права, противорѣчившаго всякой морали. Мораль стараго завѣта, запрещавшая убивать, красть, лжесвидѣтельствовать, желать дома, скота, имущества ближняго своего, была въ большомъ противорѣчіи съ крѣпостною моралью, а основная заповѣдь новаго завѣта—любить ближняго какъ самого себя—была прямымъ и рѣзкимъ осужденіемъ этой, въ то время господствовавшей морали. Такимъ образомъ, отнюдь не выходя изъ роли морализатора, Бѣлинскій, вольно или невольно, явился протестантомъ противъ дѣйствительности. Этимъ заключился первый фазисъ его развитія.

Очень много хорошихъ людей (а женщины — почти всѣ) навсегда остаются на этой почвѣ абстрактныхъ нравственныхъ идеаловъ и все различіе (иногда очень серьезное, но все таки не основное, не принципіальное) между ними обусловливается тѣми отношеніями, въ которыя они поставляютъ свои идеалы къ дѣйствительности. Одни изъ нихъ вырабатываютъ возможную при данныхъ практическихъ условіяхъ програму личнаго поведенія; другіе истощаются въ призывахъ къ покаянію и къ самосовершенствованію; третьи караютъ порокъ въ лицѣ того или другого порочнаго индивида, типа, класса; четвертые, гдѣ нибудь въ укромномъ уголку, культивируютъ добродѣтель въ сообществѣ двухъ съ половиной единомышленниковъ; пятые прямо указываютъ на невозможность сближенія между ихъ идеаломъ и дѣйствительной жизнью и, опираясь на эту невозможность, отряхаютъ прахъ отъ ногъ своихъ и отходятъ отъ нашей сутолоки и борьбы—съ сарказмомъ, или съ отчаяніемъ, или съ негодованіемъ, или съ проклятіемъ,—глядя по характеру и сообразно съ своимъ темпераментомъ.

Нетрудно видѣть, что эти тысячи различныхъ путей, различныхъ линій лежатъ всѣ, говоря языкомъ математики, въ одной и той же плоскости. Человѣкъ долженъ идти вправо, человѣкъ долженъ идти влѣво, онъ долженъ жить съ людьми, онъ долженъ совершенствоваться въ уединеніи, человѣкъ хорошъ, человѣкъ дуренъ, онъ—рабъ, онъ—царь, онъ—червь, онъ—богъ,—все это совершенно различныя рѣчи, различныя программы, различные пути и средства; но основаніе, корень корней ихъ одинъ и тотъ же: *человѣкъ*, личность, индивидуумъ, разсматриваемый не какъ часть великаго цѣлаго и не какъ продуктъ жизни, а какъ самостоятельный нравственный міръ, которому, для того, чтобы *мочь*, нужно только *захотѣть*. Все въ этихъ теоріяхъ отъ личности исходитъ и къ личности же возвращается. Человѣкъ дуренъ—что дѣлать съ нимъ? *Убѣдить* его, чтобы онъ сталъ лучше, *зажечь* въ немъ вѣру, *укрѣпить* его волю, *возбудить* его энергію, потрясти его сердце, очистить его душу и т. д. и т. д.—вотъ однообразно-разнообразные отвѣты всѣхъ индивидуалистовъ-моралистовъ. Ну, а если *не хочется захотѣть*, какъ говорилъ Черева-

нинъ Помяловскаго? Ну, а если я и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ? Если условія жизни, дѣйствующія въ томъ же направленіи, какъ и мои страсти, постоянно берутъ верхъ надъ моими добрыми намѣреніями?

Обращаясь къ человѣку, говоря о человѣкѣ, имѣя въ виду человѣка, моралисты въ большинствѣ случаевъ именно человѣка-то и забываютъ, *живого* человѣка, т. е. существо не только съ волею, но и со страстями, не только съ разумомъ, но и съ предразсудками, со слабостями. Бѣлинскій - моралистъ могъ бы съ утра до вечера и съ вечера до утра патетически восклицать: «Отецъ человѣковъ! твоя ли рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ, и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы!» и предполагаемые «тигры» и ухомъ бы не повели на эти изобличенія, потому что какіе же они въ самомъ дѣлѣ тигры? Они — попечительные «отцы»; они — «даровые полиціймейстры»; они — люди по преимуществу «благородные». Они сами объ себѣ такъ думаютъ и, что гораздо важнѣе, объ нихъ такъ думаетъ все общество, ихъ такъ называетъ государство и законъ. «Помилосердуйте, Виссаріонъ Григорьевичъ, могъ бы отвѣтить Бѣлинскому какой нибудь Собакевичъ, за что вы такъ обидно бранитесь? Правда, я отдалъ въ солдаты Неуважай—Корыто и посѣкъ недавно Елизаветъ Воробья, но это для ихъ же пользы: Неуважай спился, а на казенной службѣ его вытрезвятъ, а Воробей—ехиднѣйшая бабенка, которая только языкомъ умѣетъ работать. Не знаете вы нашихъ деревенскихъ дѣлъ, оттого такъ и горячитесь».

Старая и вѣчно новая исторія—эта холодная вода житейской логики и житейской прозы, умѣряющая пылъ всякихъ слишкомъ категорическихъ требованій, всякихъ слишкомъ одностороннихъ и отвлеченныхъ идеаловъ! Тѣмъ не менѣе Бѣлинскій, какъ и всякій моралистъ на его мѣстѣ, положить оружіе не могъ, признать себя неправымъ былъ не въ состояніи: пусть нѣтъ звѣрей, но наличность звѣрства все таки не подлежитъ сомнѣнію; пусть никто не «пьетъ какъ воду» человѣческія слезы, но какъ же отрицать, что эти слезы ручьями льются? Пусть нѣтъ виноватыхъ, но развѣ нѣтъ вины? Но съ другой

стороны, какая же это вина, въ которой никто не виноватъ? Для Бѣлинскаго, который по своей натурѣ былъ не холоднымъ аналитикомъ, а пламеннымъ борцомъ—эти вопросы имѣли особенно важное значеніе: у него ускользалъ врагъ, съ которымъ онъ долженъ былъ бороться и который ему былъ необходимъ, какъ объектъ для нападеній и изобличеній—любимѣйшей формы его пропаганды.

Вопросы эти заполнили собою всю умственную жизнь Бѣлинскаго и онъ далъ на нихъ, втеченіе своей литературной дѣятельности, два рѣзко между собою несходныхъ отвѣта, содержаніе которыхъ и составило сущность двухъ послѣднихъ, упомянутыхъ нами выше, фазисовъ его развитія. Бѣлинскій точнѣйшимъ образомъ продѣлалъ самолично весь тотъ умственный процессъ, чрезъ который, согласно гегелевскому ученію, должна пройти всякая идея: положеніе (тезисъ), отрицаніе (антитезисъ) и отрицаніе отрицанія (синтезисъ).

Въ міросозерцаніи Бѣлинскаго этотъ процессъ произошелъ въ такой формѣ: *первый фазисъ*—индивидуальная мораль и нравственный законъ въсмыслѣ верховнаго регулятора человѣческихъ дѣйствій и отношеній; *вторый фазисъ*—отрицаніе всякой морали, какъ логическій результатъ преклоненія передъ дѣйствительностью и ея разумомъ; *третій* и окончательный *фазисъ*—возвращеніе къ морали въ смыслѣ идеала *общественной справедливости*, съ вытекающею отсюда обязанностью реформировать дѣйствительность въ духѣ этого идеала. Просимъ читателя никогда не упускать этого изъ виду и каждый разъ, когда зайдетъ рѣчь о Бѣлинскомъ, когда онъ услышитъ похвалы или порицанія ему—пусть онъ освѣдомится, о *какомъ* именно Бѣлинскомъ говорится въ данномъ случаѣ. Да, о *какомъ Бѣлинскомъ*, потому что, въ точномъ смыслѣ, мы имѣемъ не одного, а трехъ Бѣлинскихъ: Бѣлинскаго *двадцатыхъ годовъ*—отвлеченно-благороднаго проповѣдника общей человѣческой морали; Бѣлинскаго *тридцатыхъ годовъ*—проповѣдника не только необходимости, но и разумности *всего* существующаго, а стало быть и того, что противорѣчитъ всякой морали, раба и поклонника факта, защитника какихъ угодно безобразій, разъ они реализировались въ дѣйствительности; нако-

нецъ Бѣлинскаго *сороковыхъ годовъ*— умственно и нравственно просвѣтленнаго могучаго дѣятеля, съ вѣрнымъ критеріемъ въ рукахъ, строго и отчетливо разъединяющаго истину отъ лжи, добро отъ зла, дѣятеля, дающаго свою поддержку и санкцію тому лишь, что не только необходимо, но и нравственно справедливо.

Фактически переходъ Бѣлинскаго отъ абстрактно-моральныхъ воззрѣній къ преклоненію передъ «разумной» дѣйствительностью совершился постепенно и начало его нужно искать въ студенческихъ, необыкновенно замѣчательныхъ кружкахъ, организовавшихся въ университетѣ во время пребыванія тамъ Бѣлинскаго. Предоставимъ разсказать объ этихъ кружкахъ г. Пыпину, котораго изложеніе въ этомъ случаѣ не оставляетъ ничего желать.

«Два кружка, въ которыхъ собирались наиболѣе одушевленные юноши, образовались въ одно время; но при общемъ идеализмѣ совершенно расходились въ направленіяхъ. Одинъ кружокъ съ самаго начала увлекался общественными теоріями. Другой кружокъ, образовавшійся около Станкевича, первоначально воспитался прямо на философіи, выслушанной у Павлова и Надеждина, и, увлекаемый заманчивою перспективою рѣшеній для глубочайшихъ вопросовъ человѣческой мысли, отдался исканію этихъ рѣшеній, пренебрегая всѣмъ остальнымъ, какъ ничтожнымъ въ сравненіи съ этими всеобъемлющими вопросами. Оба кружка знали другъ о другѣ, но между ними не было симпатіи: мало понимая другъ друга, одни считали своихъ противниковъ фантазерами, безплодными и безчувственными къ животрепещущимъ вопросамъ общества; тѣ, въ свою очередь, смотрѣли свысока на «политиковъ» и пренебрегали мелкимъ либерализмомъ. «Имъ не нравилось и наше почти исключительно политическое направленіе,—говоритъ современникъ, тогда враждебный кругу Станкевича,—намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фрондерами и французами, мы ихъ—сентименталистами и нѣмцами». Бѣлинскій, съ самаго начала увлекавшійся поэтическими и отвлеченно-моральными интересами, рано присоединился къ кругу Станкевича; онъ встрѣчалъ здѣсь тѣ же стремленія, и вмѣстѣ съ

тѣмъ личность Станкевича произвела на него то привлекательное дѣйствіе, вліяніе котораго уцѣлѣло въ Бѣлинскомъ на многіе годы, и которое Станкевичъ производилъ вообще на всѣхъ, съ кѣмъ онъ сближался».

Трудно да и безполезно, вообще говоря, судить о томъ, что было бы, если бы и т. д. Въ данномъ случаѣ однако съ большою долею увѣренности можно сказать, что и для самого Бѣлинскаго, и для насъ, его почитателей, и для всей нашей литературы оказался спасительнымъ тотъ фактъ, что слишкомъ горячій и никакихъ компромиссовъ не переносившій Бѣлинскій очутился подъ примирительнымъ вліяніемъ кружка Станкевича.

Рано умершій Станкевичъ, къ памяти котораго Бѣлинскій и впослѣдствіи относился съ величайшимъ уваженіемъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ «прекраснодушныхъ» личностей, которыя живутъ не борьбою, а созерцаніемъ борьбы. Типъ этотъ давно извѣстенъ и великолѣпно обрисованъ и даже оцѣненъ почти двѣ тысячи лѣтъ назадъ любимымъ ученикомъ Христа: «Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ: о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ моихъ» (Апокалипсисъ). Станкевичъ былъ именно такимъ человѣкомъ: не холоднымъ и не горячимъ, а тепловатымъ, человѣкомъ, около котораго было отрадно свѣтло и тепло крошечной горсточкѣ людей, пользовавшихся счастіемъ его дружбы, но отъ котораго собственно обществу не могло быть ни тепло, ни холодно. Какъ есть жрецы «красоты», для которыхъ гравюра, картина, статуэтка важнѣе всѣхъ живыхъ дѣлъ и живыхъ вопросовъ; какъ есть фанатики юридической правды, для которыхъ писаный законъ важнѣе законовъ внутренняго сознанія, точно также есть и поклонники абстракта, готовые воскликнуть—«да восторжествуетъ истина и пусть погибаетъ міръ!» Станкевичъ принадлежалъ именно къ разряду такихъ любомудровъ для любомудрія. Мы не рѣшимся сказать, что ему было «вѣрить, не вѣрить—все равно, лишь бы доказано было умно». Нѣтъ, разумѣется вѣрить, т. е. обладать (въ субъективномъ смыслѣ) истиною для него было пріятнѣе, нежели не вѣрить, т. е. сомнѣваться и искать. Но это былъ для него не вопросъ

жизни и смерти, какъ для Бѣлинскаго, а вопросъ нравственнаго комфорта и умственнаго спокойствія. Станкевичу было уютно и тепло въ его теплицѣ и ничто не тянуло его на широкій вольный свѣтъ, на шумную улицу. Нравственные, внутренніе импульсы были у этого добрѣйшаго человѣка слишкомъ вялы, чтобы подвигнуть его на черный трудъ, на рискъ, на безпокойства и усилія, а внѣшнихъ побужденій у него, человѣка богатаго, не могло быть. Разумна или неразумна дѣйствительность, но собственно по отношенію къ Станкевичу она являлась не мачихой, какъ къ Бѣлинскому, а ласковой и любящей нянюшкой. Это обстоятельство не могло не дѣйствовать на Станкевича подкупающимъ образомъ, какъ бы онъ ни былъ самъ по себѣ гуманенъ, искрененъ, чистъ. Станкевича и Бѣлинскаго, ихъ нравственныя физіономіи и ихъ отношеніе къ міру и къ идеаламъ можно бы въ образахъ представить такимъ образомъ: «дѣйствительность разумна или по крайней мѣрѣ не глупа» говоритъ Станкевичъ, аккуратно и спокойно укладывая въ бумажникъ толстыя пачки ассигнацій, только что полученныхъ съ оброчныхъ имѣній. «Дѣйствительность разумна,—отрицать это могутъ только пошляки—да здравствуетъ разумъ, да здравствуетъ дѣйствительность!» — *«неистово»* кричитъ Бѣлинскій изъ всѣхъ силъ своей больной груди, полуодѣтый, полуголодный, рискующій «каждый день умереть съ голоду», по его собственному неложному признанію. Есть разница между такими отношеніями къ дѣлу и есть разница между этими двумя людьми, изъ которыхъ одинъ философствовалъ, тайно потакая своимъ инстинктамъ, а другой философствовалъ явно во вредъ своимъ личнымъ интересамъ. Если—въ чемъ впрочемъ нельзя сомнѣваться—Станкевичъ имѣлъ на Бѣлинскаго нравственное и умственное вліяніе, то это вліяніе имѣло характеръ нѣкоторой политической фонтанели, очень полезной по времени, по мѣсту и по обстоятельствамъ.

Необходимо отмѣтить еще слѣдующее обстоятельство. Незадолго до исключенія Бѣлинскаго, въ университетѣ началъ читать лекціи Надеждинъ, еще ранѣе того заявившій себя журнальными критическими статьями подъ псевдонимомъ Никодима Аристарховича Надоумко. Бѣлинскій усердно посѣщалъ лекціи

Надеждина, какъ прежде усердно читалъ его статьи—и многое изъ философскихъ и литературныхъ взглядовъ Надеждина произвело на Бѣлинскаго сильное впечатлѣніе и было усвоено и переработано имъ. При появленіи статьи Бѣлинскаго «Литературныя мечтанія»—говоритъ г. Пыпинъ—первое впечатлѣніе многихъ товарищей Бѣлинскаго было, что она написана самимъ Надеждинымъ: они встрѣтили въ ней много мыслей. уже знакомыхъ имъ по статьямъ и лекціямъ этого профессора. Спросимъ теперь: кто такой и что такое былъ Надеждинъ? Это былъ человѣкъ сильнаго ума и большой эрудиціи, но въ нравственномъ отношеніи онъ принадлежалъ къ тѣмъ «учителямъ», о которыхъ давно сказано:

Учить, какъ жить, я пять тысячъ беру;
Но жить, какъ учу, десяти не возьму.

Этимъ достаточно сказано. Послѣ изгнанія изъ университета положеніе Бѣлинскаго въ матеріальномъ отношеніи было ужасно и, въ поискахъ за работой, онъ въ эту пору лично познакомился съ Надеждинымъ, который не отказывалъ себѣ въ низкомъ удовольствіи третировать его свысока, но помогалъ ему доставленіемъ переводовъ какихъ-то пошлѣйшихъ Польдекоковскихъ романовъ. Ясно, что у Надеждина, не смотря на весь его умъ, не было и предчувствія о силахъ Бѣлинскаго и его будущемъ значеніи и онъ относился къ нему, какъ къ литературному чернорабочему. Какъ бы то ни было, идейное вліяніе Надеждина на Бѣлинскаго было очень значительно, даже до того, что г. Пыпинъ называетъ Бѣлинскаго «прямымъ продолжателемъ» Надеждина.

Таковъ былъ умственный запасъ Бѣлинскаго, когда (въ 1834 году) онъ серьезно выступилъ на литературную арену статьею «Литературныя мечтанія. Элегія въ прозѣ», напечатанною въ «Молвѣ». Дебютъ молодого критика былъ блистателенъ. Статья написана съ такою силою убѣжденія и съ такою страстностью пафоса, что производитъ впечатлѣніе даже теперь. Панаевъ (воспоминанія котораго о Бѣлинскомъ вообще являются однимъ изъ надежнѣйшихъ источниковъ для озна-

комленія съ личностью знаменитаго критика) разсказываетъ о впечатлѣніи, которое произвела на него эта статья, при ея появленіи: «начало этой статьи привело меня въ такой восторгъ, что я охотно бы тотчасъ поскакалъ въ Москву познакомиться съ авторомъ ея. Новый, смѣлый, свѣжій духъ ея такъ и охватилъ меня. Не оно-ли, подумалъ я, это новое слово, котораго я жаждалъ, не это ли тотъ самый голосъ правды, который я такъ давно хотѣлъ услышать?»

Что же это была за статья? Мы должны, на сколько возможно, остановиться на ней, потому что въ статьѣ этой находятся тѣ основныя философскія положенія, которыя потомъ Бѣлинскій развивалъ до крайнихъ логическихъ предѣловъ, о чемъ впослѣдствіи не могъ вспомнить безъ стыда и негодованія. Сущность этихъ положеній, на первый взглядъ очень невинная, формулируется Бѣлинскимъ такимъ образомъ:

«Весь безпредѣльный прекрасный Божій міръ есть не что иное какъ дыханіе единой, вѣчной идеи, проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи. Только пламенное чувство смертнаго можетъ постигать, въ свои свѣтлыя мгновенія, какъ велико тѣло этой души вселенной, сердце котораго составляютъ громадныя солнца, жилы—пути млечные, а кровь—чистый эфиръ. Для этой идеи нѣтъ покоя: она живетъ безпрестанно, то есть безпрестанно творитъ, чтобы разрушать, и разрушаетъ, чтобы творить. Она воплощается въ блестящее солнце, въ великолѣпную планету, въ блудящую комету; она живетъ и дышетъ—и въ бурныхъ приливахъ и отливахъ морей, и въ свирѣпомъ ураганѣ пустынь, и въ шелестѣ листьевъ, и въ журчаньи ручья, и въ рыканіи льва, и въ слезѣ младенца, и въ улыбкѣ красоты, и въ волѣ человѣка, и въ стройныхъ созданіяхъ генія... Кружится колесо времени съ быстротою непостижимою, въ безбрежныхъ равнинахъ неба потухаютъ свѣтила, какъ истощившіеся волканы, и зажигаются новыя; на землѣ проходятъ роды и поколѣнія и замѣняются новыми, смерть истребляетъ жизнь, жизнь уничтожаетъ смерть; силы природы борются, враждуютъ и умиротворяются силами посредствующими, и гармонія царствуетъ въ этомъ вѣчномъ броже-

ніи, въ этой борьбѣ начала и веществъ. Такъ—идея живетъ: мы ясно видимъ это нашими слабыми глазами. Она мудра, ибо все предвидитъ, все держитъ въ равновѣсіи; за наводненіемъ и за лавою ниспосылаетъ плодородіе, за опустошительною грозою чистоту и свѣжесть воздуха, въ пустыняхъ песчаной Аравіи и Африки поселила верблюда и страуса, въ пустыняхъ ледяного Сѣвера поселила оленя. Вотъ ея мудрость, вотъ ея жизнь физическая: гдѣ же ея любовь? Богъ создалъ человѣка и далъ ему умъ и чувство, да постигаетъ сію идею своимъ умомъ и знаніемъ, да пріобщается къ ея жизни въ живомъ и и горячемъ сочувствіи, да раздѣляетъ ея жизнь въ чувствѣ безконечной, зиждущей любви! И такъ она не только мудра, но и любяща! Гордись, гордись человѣкъ своимъ высокимъ назначеніемъ, но не забывай, что божественная идея, тебя родившая, справедлива и правосудна, что она дала тебѣ умъ и волю, которые ставятъ тебя выше всего творенія, что она въ тебѣ живетъ, а жизнь есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе есть борьба; не забывай, что твое безконечное высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи твоего *я* въ чувствѣ любви. И такъ вотъ тебѣ двѣ дороги, два неизбѣжные пути: отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами твое своекорыстное *я*, дыши для счастія другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага, и тяжкимъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи твоего ,*я* въ чувствѣ безпредѣльнаго блаженства!... Что? Ты не рѣшаешься? Этотъ подвигъ тебя страшитъ, кажется тебѣ не по силамъ?... Ну, такъ вотъ тебѣ другой путь, онъ шире, спокойнѣе, легче: люби самого себя больше всего на свѣтѣ; плачь, дѣлай добро лишь изъ выгоды, не бойся зла, когда оно приноситъ тебѣ пользу».

Стоитъ только немного вдуматься въ этотъ отрывокъ, характеризующій всю статью, чтобы замѣтить то переходное умственное состояніе, которое переживалъ его авторъ. Если абсолютная идея выражаетъ себя во всѣхъ безъ исключенія явленіяхъ, *то* всѣ безъ исключенія явленія имѣютъ совершенно одинаковое право на существованіе. Если можно поставить рядомъ рыканья

льва и слезу младенца, то исчезаетъ всякое различіе между вещами не только въ смыслѣ физическаго бытія, но и въ смыслѣ нравственнаго достоинства. Если бы не было мрака—не существовало бы понятія свѣта; мракъ и свѣтъ—различныя формы одной и той же сущности, различныя проявленія одной и той же «единой, вѣчной идеи». Поэзія Пушкина, военныя поселенія, «святыя чудеса запада» и крѣпостное право,—все это только грани одной и той же великой призмы. Всѣ явленія жизни—только конкретныя выраженія абсолютной идеи. А такъ какъ эта идея абсолютно-разумна, то разумны всѣ ея эманаціи, т. е. вся дѣйствительность. И такъ, что дѣйствительно, то разумно, что существуетъ, то и полезно, и мудро, и нравствено, и справедливо.

Какъ видитъ читатель, намъ было достаточно немногихъ строкъ, чтобы отъ положенія Бѣлинскаго логически перейти къ знаменитому положенію Гегеля: до такой степени они близки между собою. Разумѣется, такой логическій и безстрашный мыслитель какъ Бѣлинскій очень скоро сдѣлалъ этотъ шагъ, но собственно въ разсматриваемой нами статьѣ онъ еще воздержался отъ него, потому что въ немъ не умеръ еще ветхій человѣкъ, Бѣлинскій-моралистъ. Такова мудрость этой идеи—говоритъ Бѣлинскій—гдѣ же ея любовь? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ совершенно въ духѣ своей трагедіи,—до повторенія даже въ мелочахъ, въ метафорахъ («ползи змѣею между тиграми, бросайся тигромъ между овцами, пей кровь и слезы» и пр.) Индивидуально-нравственный идеалъ опять воздвигается передъ нами и на этотъ разъ совершенно некстати, потому что пантеистическая любовь, распространяясь на все живущее и на все существующее, исключаетъ выборъ, дѣлаетъ не нужнымъ судъ, сглаживаетъ различіе между благомъ и зломъ, красотою и безообразіемъ: надо любить все, всѣхъ и за все. И такъ мудрость «идеи» найдена; любовь ея опредѣлена. Бѣлинскій забылъ только поставить вопросъ о третьемъ аттрибутѣ: гдѣ же ея справедливость? Бѣлинскій додумался и до этого вопроса—но только уже далеко впослѣдствіи.

VI.

Жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго въ Москвѣ.

Скажемъ еще разъ: съ внѣшне-біографической стороны жизнь Бѣлинскаго не представляетъ ни матеріала, ни интереса. Періодъ пребыванія Бѣлинскаго въ Москвѣ можетъ быть изложенъ въ нѣсколькихъ строкахъ. Началъ онъ свою литературную дѣятельность въ «Молвѣ», продолжалъ ее въ «Телескопѣ» Надеждина. Послѣ запрещенія «Телескопа» (за извѣстную статью Чаадаева) редактировалъ «Московскій Наблюдатель» и писалъ въ немъ (съ 1838 г.); бѣдствовалъ въ матеріальномъ отношеніи; болѣлъ и ѣздилъ для поправленія здоровья на Кавказъ; въ октябрѣ 1839 года уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ вслѣдствіе приглашенія сотрудничать въ «Отечественныхъ Запискахъ». Вотъ главныя внѣшне-біографическіе пункты московской жизни Бѣлинскаго, не представляющіе собою, какъ видитъ читатель, ровно ничего замѣчательнаго или поучительнаго. Жизнь Бѣлинскаго съ внѣшней стороны была обыкновеннымъ сѣрымъ существованіемъ русскаго литератора, у котораго рядомъ съ вопросами философіи, искусства, идеаловъ, идутъ вопросы о задѣльной платѣ, о безработицѣ, о кускѣ хлѣба.

Но умственная жизнь била широкимъ и могучимъ ключемъ, не смотря на узость рамокъ. Кружокъ, къ которому все тѣснѣе и тѣснѣе примыкалъ Бѣлинскій и общепризнаннымъ главою котораго былъ Станкевичъ, все болѣе и болѣе углублялся въ вопросы духа, улучшался качественно и возросталъ количественно. Это былъ уже не студенческій кружокъ молодыхъ людей, собиравшихся для совмѣстнаго чтенія хорошихъ книжекъ и собственныхъ «пробъ пера»—это было общество замѣча-

тельныхъ людей, связанныхъ солидарностью воззрѣній и далеко опередившихъ свое общество. Въ составъ кружка, кромѣ Станкевича и Бѣлинскаго, входили такія люди какъ Константинъ Аксаковъ, Бакунинъ, Боткинъ, Кудрявцевъ, Грановскій, Кетчеръ, Красовъ, Клюшниковъ, Строевъ, Катковъ, Ефремовъ. Никакихъ спеціальныхъ, предуставленныхъ цѣлей этотъ кружокъ не преслѣдовалъ; онъ былъ простымъ результатомъ естественнаго тяготѣнія другъ къ другу людей одинаковыхъ понятій и одинаковой степени умственнаго развитія. Нужно перенестись мыслью за шестьдесятъ лѣтъ назадъ, чтобы понять всю необходимость такого явленія какъ наши кружки тридцатыхъ годовъ. Умственные запросы начали пробуждаться въ обществѣ, но никакихъ путей и формъ для удовлетворенія этой потребности почти не существовало. Университеты находились въ жалкомъ положеніи; журналистики не существовало. Интеллигентный человѣкъ былъ одинокъ, слабъ, скоро падалъ духомъ, спивался... Такъ было напр. съ Бѣлинскимъ-отцомъ, но такъ, къ счастью, не было ни съ Бѣлинскимъ-сыномъ, ни съ его друзьями, и въ этомъ дѣлѣ ихъ личнаго спасенія (а стало быть и огромной общественной выгоды) «кружокъ», единеніе, взаимная поддержка и взаимный контроль сыграли огромную роль. Бѣлинскій былъ не справедливъ, когда по распаденіи кружка, живя уже въ Петербургѣ, писалъ въ одномъ письмѣ: «я отъ души радъ, что нѣтъ уже этого кружка, въ которомъ много было прекраснаго, но мало прочнаго, въ которомъ нѣсколько человѣкъ взаимно дѣлали счастіе другъ друга и взаимно мучили другъ друга». Очевидно, это слишкомъ субъективная оцѣнка, подъ вліяніемъ боли еще незажившихъ ранъ. Но дѣло было не въ этихъ ранахъ, равно какъ и не въ «счастіи», доставляемомъ кружкомъ, а въ его умственно-развивательной и нравственно-презервативной роли.

«Бѣлинскій—говоритъ г. Пыпинъ—не занималъ въ кружкѣ перваго мѣста: онъ уступалъ однимъ въ силѣ теоретической мысли, другимъ—въ объемѣ свѣдѣній, но конечно превышалъ всѣхъ энергіей чувства, искренностью и полнотою убѣжденія, съ какими онъ въ каждомъ данномъ моментѣ отдавался своимъ идеямъ и которыя сдѣлали то, что именно онъ изъ цѣ-

лаго кружка и явился въ литературѣ представителемъ его содержанія и исторической заслуги».

Все это справедливо, за исключеніемъ однако того замѣчанія, что энергія чувства и полнота убѣжденія сдѣлали Бѣлинскаго литературнымъ представителемъ кружка: не энергія, а огромный литературный талантъ доставили ему эту роль представителя и выразителя, талантъ, которымъ Бѣлинскій далеко превосходилъ всѣхъ безъ исключенія членовъ *московскаго* кружка. Энергія чувства и полнота убѣжденія — только элементы таланта, но далеко не вся его сущность. Членъ кружка, обозначаемый обыкновенно г. Пыпинымъ иниціалами, едва ли уступалъ Бѣлинскому въ энергіи убѣжденія, но онъ плохо владѣлъ литературной формой, которой Бѣлинскій наоборотъ обладалъ въ совершенствѣ. Можно знать превосходно исторію и теорію музыки, не будучи музыкантомъ, но не имѣя голоса, нельзя быть пѣвцомъ. Можно сказать съ полною увѣренностью, что если бы въ составѣ кружка не было Бѣлинскаго, кружокъ не получилъ бы и четвертой доли того общественно-историческаго значенія, какое за нимъ признается благодаря именно тому, что онъ имѣлъ въ лицѣ Бѣлинскаго высоко-талантливаго популяризатора своихъ воззрѣній и теорій. Сколько бы ни защищалъ г. Пыпинъ Станкевича и какъ бы самъ Бѣлинскій ни превозносилъ своего друга, остается совершенно несомнѣннымъ, что Станкевичъ былъ не болѣе какъ «мужъ госпожи Тедеско», интимный другъ *нашего* друга, авторитетъ *нашего* авторитета. Вычеркните изъ біографіи Бѣлинскаго даже самое имя Станкевича и она только сократится на нѣсколько эпизодовъ, ни на волосъ не утративши своего значенія, но вычеркните изъ біографіи Станкевича имя Бѣлинскаго и она потеряетъ почти всякій raison d'être: «по какому случаю шумъ?» съ полнымъ правомъ спросимъ мы тогда. Кто такой господинъ Станкевичъ? Въ чемъ заключаются его общественныя заслуги? Да, мы согласны, что Бѣлинскій «не занималъ въ кружкѣ перваго мѣста», какъ не занималъ его и въ школѣ. Но какъ о чембарскомъ уѣздномъ училищѣ и его учителяхъ мы говорили потому только, что тамъ учился *не первый ученикъ* Бѣлинскій, такъ, или по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени такъ, мы разсуждаемъ теперь и о москов-

скомъ кружкѣ потому главнымъ образомъ, что въ немъ былъ Бѣлинскій, не занимавшій въ немъ «перваго мѣста». Бѣлинскій не былъ бархатно-мягокъ какъ Станкевичъ, не умѣлъ импонировать какъ Бакунинъ, не бахвалился и не лѣзъ на пьедесталъ, какъ лѣзъ самый молодой—изъ молодыхъ да раннiй—членъ кружка, а эти качества, сами по себѣ или безразличныя или прямо отрицательныя, зачастую сильнѣе всего содѣйствуютъ полученію «перваго мѣста». Станкевичъ былъ всеобщимъ любимцемъ и конфидентомъ своихъ друзей, его роль была ролью нѣкотораго нравственнаго центра и цемента кружка. Съ большимъ вѣроятіемъ можно сказать, что безъ него не было бы и кружка, но однако и безъ кружка мы имѣли бы тѣхъ же: критика Бѣлинскаго, профессоровъ Грановскаго и Кудрявцева и т. д.

Кромѣ Станкевича, Бѣлинскій очень близко сошелся съ В. Боткинымъ, котораго вліяніе на него было довольно значительно. Человѣкъ безспорно очень умный и начитанный, Боткинъ въ нравственномъ смыслѣ принадлежалъ къ числу тѣхъ «благороднѣйшихъ» людей, которые сіяютъ благородствомъ лишь до перваго серьезнаго испытанія и за которыхъ никогда нельзя поручиться, что они не кончатъ совершенно инымъ образомъ. Это люди съ воззрѣніями, но безъ убѣжденій. Они достаточно умны для того, чтобы самостоятельно составить для своего обихода отчетливый взглядъ на какое угодно сложное явленіе, но судьбою этого взгляда они дорожатъ немного болѣе, чѣмъ судьбою того мягкаго дивана, на которомъ они, философствуя, возлежатъ. Нѣтъ эгоистовъ хуже ихъ, и нѣтъ эпикурейства болѣе надменнаго и злостнаго, нежели ихъ самоуслаждающееся существованіе. Въ недавно опубликованныхъ (въ «Русскомъ Обозрѣніи») письмахъ Тургенева къ г. Фету есть слѣдующее замѣчательное мѣсто: «получилъ—пишетъ Тургеневъ—отъ этого франта (т. е. отъ Боткина) письмо изъ Парижа, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что ѣдетъ въ ноябрѣ въ Петербургъ и что у него происходитъ бурчаніе въ животѣ». Тутъ полная характеристика Боткина. «Бурчаніе въ животѣ»—это для Боткина такой фактъ, о которомъ стоитъ подумать, который стоитъ записать

и о которомъ стоитъ сообщить своему другу какъ о дѣлѣ большой важности. И это для Боткина логично. Кто ставитъ себя центромъ міра (какъ всякій послѣдовательный эгоистъ), тотъ не можетъ не придавать огромнаго значенія состоянію своего собственнаго центра.

Въ нашей характеристикѣ нѣтъ ни малѣйшей утрировки и мы могли бы, если бы имѣли достаточно мѣста, обосновать ее документально. И вотъ такой то человѣкъ, вмѣстѣ съ Станкевичемъ, пользовался интимною дружбою, довѣріемъ и уваженіемъ Бѣлинскаго и вліялъ на него! Мы вовсе не расположены изображать Бѣлинскаго въ видѣ какого-то ротозѣя, который могъ глядѣть чужими глазами и думать чужимъ умомъ. Однако самъ Бѣлинскій сказалъ: «я бралъ мысли готовыя, какъ подарокъ; но этимъ не все оканчивалось, и при одномъ этомъ я ничего бы не пріобрѣлъ: жизнью моею, цѣною слезъ, воплей души, усвоилъ я себѣ эти мысли и онѣ вошли глубоко въ мое существо». Позволительно спросить: чѣмъ вызывались эти слезы, какая была причина этихъ воплей души? Эти слезы отнюдь не были радостными слезами неофита, впервые узрѣвшаго истину,—эти слезы были свидѣтельствомъ мученія благородной натуры и любвеобильнаго сердца, возстававшихъ противъ насильственно къ нимъ прививаемыхъ ученій.

Чего стоило Бѣлинскому это насиліе, во имя мнимыхъ велѣній разума, надъ своею натурою и надъ своими интересами, видно изъ его слѣдующихъ словъ: «я мало принесъ жертвъ для мысли, или, лучше сказать, только одну принесъ для нея жертву—готовность лишаться самыхъ задушевныхъ субъективныхъ чувствъ для нея». *Мало* жертвъ, *одну* жертву—это, мимоходомъ замѣтить, характеризуетъ постоянный, а не случайный взглядъ на самого себя Бѣлинскаго. Это было не то смиреніе, которое паче гордости, не гоголевское напр. фарисейское смиреніе, это было выраженіе преклоненія передъ идеаломъ, въ сравненіи съ которымъ конечно всякій человѣкъ малъ и всякіе труды и жертвы недостаточны, это было наконецъ выраженіе того горькаго сознанія ограниченности человѣческихъ силъ, которое давнымъ давно уже имѣло знаменитую формулу: «я знаю только

то, что ничего не знаю». Но греческій мудрецъ говорилъ объ этомъ съ спокойнымъ объективизмомъ, а нашъ «великій самоучка» говорилъ то-же самое съ покаяннымъ чувствомъ самоосужденія. Но это—въ скобкахъ. И такъ, *одна* жертва, которая заключалась... въ чемъ? Въ отказѣ отъ «самыхъ задушевныхъ субъективныхъ чувствъ»! Въ переводѣ на простой языкъ это значитъ вотъ что: единственная, *малая* жертва Бѣлинскаго состояла въ подавленіи своей совѣсти. «*Задушевныя* субъективныя чувства», о которыхъ говоритъ Бѣлинскій—это чувство сострадательности къ тому, что «несчастно, голодно и бѣдно, что ходитъ голову склоня», чувство справедливости, чувство наконецъ своего личнаго, безпрестанно разумною дѣйствительностью оскорбляемаго достоинства, словомъ всѣ чувства и инстинкты альтруистическаго свойства, совокупность которыхъ и есть то, что мы называемъ совѣстью. Вотъ какою *малою* цѣною доставались Бѣлинскому его воззрѣнія, вотъ къ какимъ нравственнымъ результатамъ привело его слѣпое довѣріе къ руководительству отвлеченной мысли, не согрѣтой лучемъ непосредственнаго человѣческаго чувства. Мы приведемъ изъ писемъ Бѣлинскаго, напечатанныхъ въ книгѣ г. Пыпина, два отрывка, въ которыхъ хорошо резюмируются его тогдашніе философскіе и политическіе взгляды. Вотъ документъ по первому пункту:

«Внѣ мысли все—призракъ, мечта; одна мысль существенна и реальна. Что такое ты самъ? Мысль, одѣтая тѣломъ; тѣло твое сгніетъ, но твое *я*—останется; слѣдовательно, тѣло твое есть призракъ, мечта, но *я* твое существенно и вѣчно. Философія—вотъ что должно быть предметомъ твоей дѣятельности. Философія есть наука идеи чистой, отрѣшенной; исторія и естество знаніе суть науки идеи въ явленіи. Теперь спрашиваю тебя: что важнѣе—идея или явленіе, душа или тѣло? Идея ли есть результатъ явленія, или явленіе есть результатъ идеи? Безъ сомнѣнія, явленіе есть результатъ идеи. Если такъ, то можешь ли ты понять результатъ, не зная его причины? Можетъ ли для тебя быть понятна исторія человѣчества, если ты не знаешь, чтó такое человѣкъ, чтó такое человѣчество? Вотъ почему философія есть начало и источникъ всякаго знанія, вотъ почему безъ философіи всякая наука мертва, непонятна и нелѣпа. Только въ ней (въ философіи) ты найдешь

отвѣты на вопросы души твоей, только она дастъ миръ и гармонію душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастіемъ, какого толпа и не подозрѣваетъ и какого внѣшняя жизнь не можетъ ни дать тебѣ, ни отнять у тебя. Ты будешь не въ мірѣ, но весь міръ будетъ въ тебѣ. Въ самомъ себѣ, въ сокровенномъ святилищѣ своего духа найдешь ты высшее счастіе, и тогда твоя маленькая комнатка, твой убогій и тѣсный кабинетъ будетъ истиннымъ храмомъ счастія. Ты будешь свободенъ, потому что не будешь ничего просить у міра, и міръ оставитъ тебя въ покоѣ, видя, что ты ничего у него не просишь. Пуще всего оставь политику и бойся всякаго политическаго вліянія на свой образъ мыслей. Политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла, и ею могутъ заниматься только пустыя головы. Люби добро, и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Еслибы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства,—тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшею страною въ мірѣ».

Что тутъ сказать? Можно сказать, пожалуй, à la Собакевичъ, что тѣло человѣческое «нѣтъ, не мечта»; можно сказать далѣе, что философія, награждающая философа такимъ «счастіемъ», при которомъ приходится «лишаться самыхъ задушевныхъ субъективныхъ чувствъ»—философія чрезвычайно подозрительная и «счастіе», даваемое ею, хуже всякаго несчастія; можно замѣтить еще, что конечно, «если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства», то Россія «сдѣлалась бы счастливѣйшею страною», это просто, какъ азбука, и вѣрно, какъ таблица умноженія. Но лучше все таки эти совершенно вѣрныя мысли предоставить въ собственность Манилова и Кифы Мокіевича. Многое еще можно было бы сказать по поводу приведеннаго отрывка, но для характеристики достаточно и сказаннаго. Обозвавши «пустыми головами» всѣхъ русскихъ людей, занимавшихся политикой, Бѣлинскій представляетъ однако свою политическую программу:

«Россія не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свою свободу, но получитъ то и другое отъ своихъ царей, такъ, какъ уже много получила отъ нихъ того и другого. Правда, мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно; но это от-

того, что мы еще должны быть рабами. Россія еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости. Дать дитяти полную свободу — значитъ погубить его. Дать Россіи, въ теперешнемъ ея состояніи, конституцію—значитъ погубить Россію! Въ понятіи нашего народа, свобода есть воля, а воля—озорничество. Не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакъ побѣжалъ бы онъ пить вино, бить стекла и вѣшать дворянъ, которые брѣютъ бороду и ходятъ въ сюртукахъ, а не въ зипунахъ, хотя бы впрочемъ у большей части этихъ дворянъ не было ни дворянскихъ грамотъ, ни копѣйки денегъ. Вся надежда Россіи на просвѣщеніе, а не на перевороты, не на революціи и не на конституціи. Во Франціи были двѣ революціи и результатомъ ихъ конституція—и что же? въ этой конституціонной Франціи гораздо менѣе свободы мысли, нежели въ самодержавной Пруссіи. И это оттого, что свобода конституціонная есть свобода условная, а истинная, безусловная свобода настаетъ въ государствѣ съ успѣхами просвѣщенія, основаннаго на философіи, на философіи умозрительной, а не эмпирической, на царствѣ чистаго разума, а не пошлаго здраваго смысла. Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя свобода пріобрѣтается сознаніемъ. И такимъ-то прекраснымъ путемъ достигнетъ свободы наша Россія. И такъ оставимъ идти дѣламъ, какъ они идутъ, и будемъ вѣрить свято и напреложно, что все идетъ къ лучшему, что существуетъ одно добро, что зло есть понятіе отрицательное и существуетъ только для добра, а сами обратимъ вниманіе на себя, возлюбимъ добро и истину, путемъ науки будемъ стремиться къ тому и другому».

Приведя эти письма, г. Пыпинъ весьма умѣстно напоминаетъ, что «это примирительное направленіе, это довольство русской дѣйствительностью высказалось именно тогда, когда эта дѣйствительность была къ Бѣлинскому всего суровѣе, потому что въ это время его матерьяльныя обстоятельства были ужасны». Хорошей иллюстраціей къ этому замѣчанію г. Пыпина можетъ

служить одна сцена, разсказанная Панаевымъ въ его «Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ». Бѣлинскій приготовилъ для «Отечественныхъ Записокъ» статью, которую и прочиталъ Панаеву, пріѣхавшему на то время въ Москву.

«Лихорадочное увлеченіе, съ которымъ читалъ Бѣлинскій, языкъ этой статьи, исполненный странной торжественности и напряженнаго паѳоса, произвелъ во мнѣ нервное раздраженіе... Бѣлинскій самъ былъ явно раздраженъ нервически.

— «Удивительно! превосходно! повторялъ я во время чтенія и по окончаніи его;—но я вамъ замѣчу одно...

— «Я знаю чтó,—не договаривайте, перебилъ меня съ жаромъ Бѣлинскій,—меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь передъ властями... Пусть ихъ! Я не боюсь открыто и прямо высказывать свои убѣжденія, чтó бы обо мнѣ ни думали...

«Онъ началъ ходить по комнатѣ въ волненіи.

— «Да! это мои убѣжденія, продолжалъ онъ, разгорячаясь болѣе и болѣе... Я не стыжусь, а горжусь ими... И что мнѣ дорожить мнѣніемъ и толками чортъ знаетъ кого? Я только дорожу мнѣніемъ людей развитыхъ и друзей моихъ... Они не заподозрятъ меня въ лести и подлости. Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... они знаютъ это... Подкупить меня нельзя... Клянусь вамъ, Панаевъ,—вы вѣдь еще меня мало знаете...

«Онъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мною. Блѣдное лицо его вспыхнуло, вся кровь прилила къ головѣ, глаза его горѣли.

— «Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ... Мнѣ легче умереть съ голода—я и безъ того рискую эдакъ умереть каждый день (и онъ улыбнулся при этомъ съ горькой ироніей), чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унизить себя передъ кѣмъ бы то ни было, или продать себя...

«Разговоръ этотъ со всѣми подробностями живо врѣзался въ мою память. Бѣлинскій какъ будто теперь передо мною»...

Хотѣлось бы намъ, чтобы эта сцена также «врѣзалась въ память» и нашего читателя... Это было бы хорошо не только потому, что личность Бѣлинскаго получила бы вѣрное освѣщеніе,

но также и потому, что всѣмъ и всегда полезно во-очію увидѣть, что дѣйствительно не единымъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ, что идеальные интересы—не выдумка и не фраза, что «живъ Богъ нашъ и жива душа наша». Въ эпохи, когда равнодушіе къ истинѣ является основной характеристической чертой—это полезно въ особенности.

Строй идей, овладѣвшихъ Бѣлинскимъ въ этотъ періодъ его развитія, отразился на его литературной дѣятельности гораздо слабѣе, чѣмъ можно было ожидать. Этому способствовалъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, изъ которыхъ мы укажемъ на два, по нашему мнѣнію, наиболѣе важныя. Внутренній огонь, сжигавшій Бѣлинскаго, та потребность высказаться, которая сопровождаетъ каждое дѣйствительное убѣжденіе, въ значительной степени удовлетворялась Бѣлинскимъ не путемъ литературной проповѣди, а посредствомъ интимной бесѣды и переписки съ своими друзьями—главнымъ образомъ съ Боткинымъ и Станкевичемъ. Письма Бѣлинскаго къ этимъ лицамъ достигали иногда размѣра цѣлыхъ статей, въ которыхъ Бѣлинскій давалъ полную волю и своей мысли, и своему языку *). Другое обстоятельство заключалось въ особенностяхъ тогдашней литературы. Бѣлинскій, какъ критикъ, былъ чрезвычайно счастливъ въ томъ отношеніи, что современная ему русская литература блистала богатствомъ первоклассныхъ художественныхъ талантовъ: Пушкинъ былъ въ полномъ развитіи силъ, только что сошелъ со сцены Грибоѣдовъ, выступили Гоголь, Кольцовъ, Лермонтовъ, а вскорѣ за ними Тургеневъ, Некрасовъ, Григоровичъ, Гончаровъ, Достоевскій, не говоря уже о второстепенныхъ поэтахъ, какъ Полежаевъ, и второстепенныхъ беллетристахъ, какъ Панаевъ. Какое неистощимое поле для критики, какое богатство благодарнѣйшихъ темъ! Бѣлинскій разсматриваемаго нами періода, согласно общему духу своего тогдашняго міросозерцанія,

*) Значительное количество этихъ писемъ собрано и напечатано г. Пыпинымъ въ его книгѣ о Бѣлинскомъ, которую мы вообще усердно рекомендуемъ *нашему* читателю, если онъ еще не знакомъ съ нею.

держался въ критикѣ принциповъ чистой эстетики. Его девизъ былъ «искусство для искусства», его основнымъ требованіемъ было требованіе отъ художника объективности. Казалось бы—какихъ добрыхъ результатовъ можно было ожидать отъ критики, построенной на столь мертвенныхъ началахъ? И однакоже дѣятельность Бѣлинскаго въ московскихъ журналахъ имѣла огромное значеніе. Не о томъ говоримъ мы, что статьи Бѣлинскаго, страстно-одушевленныя, патетическія, дѣйствовали на читателя, независимо отъ своего содержанія, самымъ тономъ своимъ, возбуждали дѣятельность мысли, зажигали сердца и умы—это подразумѣвается само собою. Мы утверждаемъ, что критика Бѣлинскаго того времени принесла огромную пользу по самому содержанію своихъ ученій, не смотря на ихъ ошибочность. Основная задача, стоявшая тогда въ литературѣ на очереди, состояла въ томъ, чтобы расчистить путь тому реалистическому направленію, которое, въ лицѣ Гоголя, дѣлало свои первые, неувѣренные шаги. Сущность и будущее общественное значеніе этого направленія предугадать въ то время было слишкомъ мудрено, но были и тогда люди, которые почувствовали «новое слово» въ столь, повидимому, безхитростныхъ бездѣлкахъ, какъ первыя повѣсти Гоголя—и впереди всѣхъ между этими людьми стоялъ Бѣлинскій. Какъ эстетикъ, онъ доказывалъ въ «Телескопѣ» (статья «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя»), что повѣсти Гоголя—эстетически прекрасны, художественны, что «Гоголь—поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной» и т. д. Это и было какъ разъ то, что требовалось. Надо было привлечь вниманіе и сочувствіе общества къ новому явленію— и это Бѣлинскій сдѣлалъ положительно своими критическими статьями; надо было далѣе оборонять литературнаго новатора (самъ по себѣ Гоголь былъ совершенно беззащитенъ) отъ злобныхъ нападокъ литературныхъ старовѣровъ и ихъ прихвостней—и это Бѣлинскій сдѣлалъ отрицательно, съ большимъ полемическимъ усердіемъ и съ большою ловкостью осмѣивая литературныхъ противниковъ Гоголя. Бѣлинскій остался бы непонятымъ и неуслышаннымъ, если бы, опережая время, сталъ говорить о картинахъ русской жизни Гоголя не какъ о картинахъ, не какъ только и исключительно о художественныхъ произведеніяхъ, а

по ихъ содержанію, по ихъ горькому внутреннему смыслу. Къ счастію, да, *къ счастью*, поклоннику разумности дѣйствительности слишкомъ мудрено было прозрѣть этотъ смыслъ въ фигурахъ Пирогова, Ивана Ивановича, Ивана Никифоровича, Пульхеріи Ивановны и т. д. Онъ толковалъ объ ихъ общечеловѣческомъ содержаніи, восхищался «народностью», оригинальностью, юморомъ Гоголя и *пока* этого было вполнѣ достаточно. Для того чтобы подойти къ вопросу: «чего смѣетесь? надъ собой смѣетесь!» надо было прежде признать, что въ разумной дѣйствительности не все разумно—а это было у Бѣлинскаго еще впереди.

VII.

Жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго въ Петербургѣ.

Мы упоминали уже о томъ, что, по запрещеніи «Телескопа», Бѣлинскій взялся за редактированіе «Московскаго Наблюдателя»—захудалаго журнальца, издававшагося нѣкіимъ Степановымъ, человѣкомъ совершенно непричастнымъ литературѣ. Журналъ не пошелъ, денегъ на изданіе не было и положеніе Бѣлинскаго было крайнее. Краевскій какъ разъ въ это время организовалъ редакцію для пріобрѣтенныхъ имъ отъ Свиньина «Отечественныхъ Записокъ», и Бѣлинскій обратился къ Панаеву, хорошо знавшему Краевскаго, съ просьбою сблизить его съ новымъ журналомъ. Разсказъ Панаева объ этомъ дышетъ такой правдой и такъ хорошо обрисовываетъ еще одну сторону Бѣлинскаго—его крайнюю непрактичность,—что мы не пожалѣемъ для него здѣсь мѣста. Вотъ этотъ разсказъ.

— «Нѣтъ, сказалъ Бѣлинскій,—мнѣ, во что бы ни стало, надобно вонъ изъ Москвы... Мнѣ эта жизнь надоѣла и Москва опротивѣла мнѣ. Что, какъ вы думаете, можно будетъ какъ нибудь уломать жида-Краевскаго?

«Надобно сказать, что Бѣлинскій въ первые же дни нашего знакомства, сообщая мнѣ о погибели «Наблюдателя», объявилъ, что онъ не прочь былъ бы переѣхать въ Петербургъ и принять на себя критическій отдѣлъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Я не скрылъ отъ него, какъ Краевскій отзывается объ немъ.

— «Онъ вполнѣ надѣется, прибавилъ я,—что Межевичъ оживитъ его журналъ своей критикой, и я оставилъ ихъ въ самомъ пріятномъ и дружескомъ расположеніи.

«Бѣлинскій горько улыбнулся.

— «Ну, нечего сказать, хорошъ вашъ Краевскій!.. Да вѣдь этотъ Межевичъ—безталантнѣйшій смертный, совершенная тупица... Межевичъ ничего не можетъ сдѣлать, ему понадобится непремѣнно другой человѣкъ; а вы, между тѣмъ, напишите ему, что я не прочь... разумѣется, за хорошее вознагражденіе; напишите, что у меня есть статья о «Менцелѣ» — и расхвалите ее, разумѣется, какъ можно больше и что эту статью я предназначаю для его журнала... Она еще не написана,— ну, да это все равно. Сблизьте меня какъ нибудь съ нимъ, да обдѣлайте это дѣло половчѣе... Не говорите ему объ моей нищетѣ; онъ, пользуясь этимъ, еще пожалуй прижметъ меня.»

Какая, подумаешь, необычайная «тонкость обращенія»! Сколько дипломатіи обнаруживаетъ этотъ критикъ-Макіавелли и каково придется бѣдному редактору въ сношеніяхъ съ такимъ хитрѣйшимъ сотрудникомъ! Панаевъ сдѣлалъ свое дѣло, и какъ только Бѣлинскій вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Краевскимъ, всѣ его бѣлыми нитками сшитыя хитрости пошли прахомъ: онъ сейчасъ же забралъ у Краевскаго денегъ впередъ на уплату долговъ и на отъѣздъ изъ Москвы и *за одну тысячу руб. сер. въ годъ* принялъ на себя весь критическій и библіографическій отдѣлъ «Отечественныхъ Записокъ». Вотъ это называется ловко обдѣлать выгодное дѣло! Андрей Краевскій не имѣлъ ни малѣйшей роли въ развитіи понятій и идей Бѣлинскаго и мы на его личности останавливаться не намѣрены. Это былъ не мыслитель, а дѣлецъ; не литераторъ, а литературный антрепренеръ. Его отношенія къ Бѣлинскому совершенно походили на отношенія главноуправляющаго къ Пьеру Безухому въ романѣ «Война и миръ» Толстого: «главноуправляющій, весьма глупый и хитрый человѣкъ, совершенно понималъ умнаго и наивнаго графа и игралъ имъ какъ игрушкой». Бѣлинскій былъ наивенъ какъ дитя и Краевскому не составило никакого труда превратить его въ клячу, въ щедринскаго «конягу» своего журнала, конягу, которому надо только приговаривать: «но, но, каторжный!» да изрѣдка подсыпать овсеца, чтобы онъ влегъ въ хомутъ изо всѣхъ своихъ силъ. Въ Краевскомъ была та хорошая черта, что въ глубинѣ души онъ зналъ

свой шестокъ и, умѣренно и аккуратно гешефтмахерствуя, не лѣзъ на пьедесталъ; не претендовалъ на идейное руководительство, не стремился къ нравственному главенству. Совсѣмъ даже напротивъ: Бѣлинскій дебютировалъ въ его журналѣ крайне рѣзкими статьями въ духѣ своего московскаго настроенія — и Краевскій похваливалъ ихъ. Въ Бѣлинскомъ произошелъ идейный переломъ и онъ началъ писать статьи совершенно въ противоположномъ направленіи—Краевскій и эти статьи одобрялъ. Съ точки зрѣнія Краевскаго онъ нисколько не противорѣчилъ себѣ: вѣдь и тѣ и другія статьи Бѣлинскаго представляли собою ходкій товаръ, а это только и нужно было антрепренеру. За Краевскимъ во всякомъ случаѣ остается серьезная заслуга организатора журнала, въ которомъ могли высказаться Бѣлинскій и его друзья, и хотя послѣднее совершилось не только помимо воли, но и помимо сознанія организатора, тѣмъ не менѣе, не будь Краевскаго, не было бы журнала. Самая прекрасная дѣвушка не можетъ дать больше того, что сама имѣетъ, какъ говоритъ французская пословица и неужели было бы лучше, еслибы Краевскій употребилъ данные ему Богомъ таланты на организацію не журнала, а какого нибудь увеселительнаго заведенія? Всякій свое получилъ: Краевскій—деньги, Бѣлинскій—любовь и уваженіе цѣлаго ряда поколѣній. Желчныя обвиненія, направленныя Панаевымъ на Краевскаго главнымъ образомъ за Бѣлинскаго, рѣшительно не имѣютъ основанія.

Переѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ состоялся въ октябрѣ 1839 года. Г. Пыпинъ хорошо оцѣниваетъ значеніе этого переѣзда для Бѣлинскаго. «Петербургъ — говоритъ г. Пыпинъ — прежде всего отрывалъ Бѣлинскаго отъ тѣснаго кружка, въ которомъ до тѣхъ поръ сосредоточивалась его жизнь, и внѣшняя и внутренняя, и который такъ способствовалъ развитію и укрѣпленію его крайне-идеалистическаго настроенія. Эта жизнь въ кружкѣ уже исчерпывала себя къ концу пребыванія Бѣлинскаго въ Москвѣ; личные раздоры были признакомъ, что въ кружкѣ является что-то ненормальное, натянутое; нужно было освѣженіе отъ душнаго воздуха идеалистической экзальтаціи, выходъ въ простую дѣйствительную жизнь. Переселеніе въ Петербургъ было кризисомъ. Онъ былъ мучителенъ для Бѣ-

линскаго, потому что надо было отказаться отъ давней привычки, становившейся второю природою, отказаться отъ постоянныхъ личныхъ связей, гдѣ, кромѣ пищи идеализму, Бѣлинскій находилъ себѣ и искреннее сочувствіе, въ которомъ такъ нуждался. Въ Петербургѣ его окружали новые люди; онъ встрѣчалъ и отъ нихъ много искренняго расположенія, но для дружбы съ ними не было у него тѣхъ «историческихъ основаній», которыя онъ считалъ необходимыми и которыя дѣйствительно для нея необходимы. Нужно было время, чтобы онъ освоился съ новой обстановкой».

Это справедливо. Но болѣе важное указаніе г. Пыпина на сущность переворота, вскорѣ происшедшаго во взглядахъ Бѣлинскаго, требуетъ и серьезной поправки. Г. Пыпинъ говоритъ: «Основная черта этой внутренней жизни заключается именно въ томъ, что для Бѣлинскаго все больше и больше разъясняется фантастическое преувеличеніе его прежней точки зрѣнія и раскрывается иной взглядъ на вещи, который наконецъ и становится его господствующимъ воззрѣніемъ. Весь этотъ переломъ произошелъ втеченіе перваго же года его пребыванія въ Петербургѣ, и произошелъ въ немъ самостоятельнымъ развитіемъ: постороннія вліянія, которыя дѣйствовали до извѣстной степени, были только поводомъ, а главной причиной перелома было его собственное развитіе, встрѣча съ непосредственной дѣйствительностью, которой до того времени онъ не видѣлъ за философскими фантасмагоріями московскаго кружка. На него подѣйствовали не столько теоретическія возраженія, сколько сама жизнь, и, разъ ее увидѣвъ, разъ надъ нею задумавшись, онъ самъ передѣлалъ всю систему своихъ понятій...» Это говорится о тридцатилѣтнемъ человѣкѣ сильнаго ума и огромнаго литературнаго таланта... «*Разъ увидѣвъ жизнь*» — но развѣ до тѣхъ поръ Бѣлинскій на лунѣ, а не на землѣ жилъ? «*Разъ надъ нею задумавшись*»—но неужели философствованія Бѣлинскаго происходили въ какомъ-то безвоздушномъ пространствѣ, а не на почвѣ реальной дѣйствительности? Мученія Бѣлинскаго именно въ томъ и заключались, что несмотря на требованія своей примирительной философіи, онъ не могъ примириться съ дѣйствительностью, потому что видѣлъ ее, мыслилъ о

ней, хотя бы уже просто въ качествѣ литературнаго критика, постоянно анализирующаго явленія литературы, т. е. изображенія дѣйствительности. Далѣе, почему бы это Бѣлинскій, живя въ Москвѣ, никакъ не могъ разсмотрѣть дѣйствительности, а какъ переѣхалъ въ Петербургъ, тотчасъ ее и разсмотрѣлъ? Между московской и петербургской дѣйствительностью, не только въ философскомъ, но и въ болѣе узкомъ смыслѣ, разницы нѣтъ никакой и если Бѣлинскій находилъ для своего оптимизма достаточныя основанія въ Москвѣ, то онъ могъ бы удовлетворяться ими и переѣхавши въ Петербургъ.

Не потому Бѣлинскій эмансипировался отъ «философскихъ фантасмагорій» кружка, что физически разлучился съ нимъ, а потому, и только потому, что къ этому привелъ его процессъ его развитія. Съ полной увѣренностью утверждаемъ мы, что если бы Бѣлинскій остался въ Москвѣ и въ составъ кружка вошли бы еще нѣсколько новыхъ Станкевичей и Боткиныхъ—результатъ былъ бы тотъ же самый. Бѣлинскій пережилъ эту фазу развитія, переросъ кружковую философію — вотъ вся исторія его умственнаго переворота, происшедшаго единственно и исключительно въ силу внутреннихъ мотивовъ и процессовъ. Бѣлинскій принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которыя развиваются болѣзненно и трудно, но непрерывно, развиваются (вспомнимъ напр. Салтыкова) даже тогда, когда начинаютъ падать силы физическаго организма. Вспомнимъ еще разъ слова Бѣлинскаго, что ему, ради своей философіи, приходилось «жертвовать самыми задушевными субъективными чувствами своими». Для людей отвлеченной и пассивной благожелательности, какимъ былъ Станкевичъ, или для людей индифферентныхъ, какъ Боткинъ, такой разладъ съ самимъ собою, такой диссонансъ между мыслью и непосредственнымъ чувствомъ былъ не чувствителенъ и даже не замѣтенъ. Великое преимущество Бѣлинскаго надъ всѣми его друзьями состояло (помимо литературнаго таланта) именно въ активности его совѣсти, въ томъ, что онъ жаждалъ не только истины, но и справедливости. Будучи *человѣкомъ*, онъ не могъ быть только «головастикомъ». Состояніе кризиса, въ которомъ находился Бѣлинскій, прекрасно выражено имъ въ одномъ изъ его писемъ. «Мнѣ—писалъ Бѣ-

линскій—теперь ни до кого нѣтъ дѣла, я никого не люблю, ни въ комъ не принимаю участія, — потому что для меня настало такое время, когда я увидѣлъ ясно, что или мнѣ надо стать тѣмъ, чѣмъ я долженъ быть, или отказаться отъ претензіи на всякую жизнь, на всякое счастіе... Но я не могу и спиться... Мнѣ остается одно: или сдѣлаться дѣйствительнымъ, или до тѣхъ поръ, пока жизнь не погаснетъ въ тѣлѣ, пѣть вотъ эту пѣсенку—

Я увялъ и увялъ
Навсегда, навсегда,
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!»

Вотъ какъ заговорилъ человѣкъ, который еще такъ недавно толковалъ о «мирѣ», «гармоніи» и «счастіи», добытыхъ имъ путемъ отвлеченной мысли. Столь упорно и долго подавляемыя «задушевныя субъективныя чувства» взяли наконецъ верхъ надъ діалектическими построеніями—и въ этомъ состояла *нравственная* сторона овладѣвшаго Бѣлинскимъ кризиса.

Идейное содержаніе новаго направленія Бѣлинскаго опредѣлить еще легче. Строго говоря, формулу этого направленія Бѣлинскій могъ бы почерпнуть изъ той же гегелевской философіи, которую онъ исповѣдывалъ и которую — какъ оно и было на самомъ дѣлѣ—можно было истолковывать до того различно, что «гегеліанцы»—послѣдователи одного и того же учителя—стояли на различныхъ сторонахъ и относились другъ къ другу съ рѣшительною враждебностью. «Что дѣйствительно, то разумно»—вотъ какъ резюмировались московскія воззрѣнія Бѣлинскаго. «Что разумно, то дѣйствительно»—вотъ та формула, которая съ достаточной полнотой могла бы выразить воззрѣнія Бѣлинскаго петербургскаго періода. «Что *разумно*» — т. е. все, что допускается мыслью, всѣ формы жизни, всѣ идеалы и общественныя построенія, мыслимыя нашимъ разумомъ, суть *дѣйствительны* — не въ смыслѣ реальностей, а въ смыслѣ возможностей. Очевидно, что въ *этихъ* рамкахъ нѣтъ ни малѣйшаго стѣсненія для «задушевныхъ субъективныхъ чувствъ», нѣтъ никакихъ поводовъ къ разладу между разумомъ и лю-

бовью. Напротивъ, въ послѣднемъ своемъ выраженіи и развитіи, эта формула—«что разумно, то дѣйствительно»—превращается логически въ слѣдующую: «что нравственно и справедливо, то разумно, что разумно, то дѣйствительно». Читатель, надѣемся, безъ труда сообразитъ, что такая формула не къ квіетизму ведетъ, а призываетъ къ дѣятельности, открываетъ горизонты и перспективы почти безконечныя. Бѣлинскій напр. съ первыхъ же шаговъ въ новомъ направленіи рѣшилъ, что онъ «совсѣмъ не авторъ для *немногихъ*», какимъ онъ хотѣлъ быть прежде, что онъ долженъ писать не для друзей, а для публики.

Переворотъ произошелъ въ Бѣлинскомъ конечно не вдругъ, а мало по малу, какъ процессъ органическій, а не механическій. Въ письмахъ, приведенныхъ въ книгѣ г. Пыпина, можно почти шагъ за шагомъ прослѣдить развитіе этого процесса. Вотъ напр., что онъ писалъ изъ Петербурга Боткину:

«Да, по прежнему брезгаю французами... но идея общества обхватила меня крѣпче — и пока въ душѣ останется хотя искорка, а въ рукахъ держится перо,—я дѣйствую. Мочи нѣтъ, куда ни взглянешь—душа возмущается, чувства оскорбляются. Что мнѣ за дѣло до кружка — во всякой стѣнѣ, хотя бы и не китайской, плохое убѣжище. Вотъ уже нашъ кружокъ и разсыпался, и еще больше разсыплется, а куда преклонить голову, гдѣ сочувствіе, гдѣ пониманіе, гдѣ человѣчность? Нѣтъ, къ чорту всѣ высшія стремленія и цѣли! Мы живемъ въ страшное время, судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить... Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «О. З.». Я литераторъ — говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь. Теперь стараюсь поглупѣть, чтобы расейская публика лучше понимала меня: благодаря одуряющему вліянію финскихъ болотъ и гнусной плоскости, на которой основанъ Питеръ, надѣюсь вполнѣ успѣть въ этомъ...»

По поводу этого отрывка сдѣлаемъ мимоходомъ одно замѣчаніе, касающееся всей вообще переписки Бѣлинскаго. Письма Бѣлинскаго—замѣчательныя литературныя произведенія, болѣе замѣчательныя, нежели его печатныя статьи. Непринужденный

тонъ этихъ писемъ, неожиданные переходы отъ горькаго сарказма къ веселой шуткѣ, мѣткіе эпитеты, прелестныя сравненія, иногда лучше всякихъ общихъ опредѣленій представляющія предметъ — все это даетъ истинную мѣрку того, какъ могъ бы писать Бѣлинскій при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Заслуга г. Пыпина, разыскавшаго и напечатавшаго эти письма—заслуга можно сказать незабвенная. Въ другомъ письмѣ, написанномъ около того же времени, Бѣлипскій жалуется на овладѣвшую имъ апатію—вѣрнѣйшій признакъ и неизбѣжный спутникъ всякихъ серьезныхъ переломовъ, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ— но тутъ же намекаетъ и па возможность исцѣленія: «Мнѣ—пишетъ онъ — остается одно: объективный интересъ моей литературной дѣятельности. Только тутъ я самъ уважаю себя... потому что вижу въ себѣ безкопечную любовь и готовность на всѣ жертвы, только тутъ я и страдаю и радуюсь не о себѣ и не за себя, только тутъ моя дѣятельность торжествуетъ надъ лѣнью и апатіею. И потому я больше горжусь, больше счастливъ какою-нибудь удачною выходкою противъ Булгарина Греча и подобпыхъ..., нежели дѣльною критическою статьею... Видно и въ самомъ дѣлѣ я нуженъ судьбѣ, какъ орудіе (хоть такое, какъ помело, лопата или заступъ), а потому долженъ отказаться отъ всякаго счастія, потому что судьба жестока къ своимъ орудіямъ — велитъ имъ быть довольными и счастливыми тѣмъ, что они орудія, а больше ничѣмъ, и употребляетъ, пока не изломаются, а тамъ бросаетъ. Такъ и я: въ жизни... помучусь, поколочусь..., а тамъ... погружусь въ міровую субстанцію и въ ней заживу на славу. Лестная перспектива впереди!...»

Прошло еще немного времени и Бѣлинскій дѣлаетъ новый шагъ въ томъ же направленіи: «Съ французами я помирился совершенно: не люблю ихъ, но уважаю. Ихъ всемірно-историческое значеніе велико. Они не понимаютъ абсолютнаго и конкретнаго, но живутъ и дѣйствуютъ въ ихъ сферѣ. Любовь моя къ родному, къ русскому, стала грустнѣе: это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство. Все субстанціальное въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло.»

Еще нѣсколько мѣсяцевъ усиленной внутренней работы,

перемежавшейся припадками настоящаго отчаянія—и «неистовый Виссаріонъ» начинаетъ неистовствовать съ прежнею силою, но уже совершенно на другой мотивъ.

Какъ бы то ни было, соглашеніе произошло—и «Отечественныя Записки» (редакторъ которыхъ благоразумно и тактично оставилъ въ своемъ вѣдѣніи только административную и экономическую часть дѣла) сдѣлались центромъ и органомъ всего передового, талантливаго и живого въ нашей тогдашней литературѣ. Идея личности и ея правъ, не въ духѣ отвлеченно-моральнаго гуманизма, а въ смыслѣ задачи простого общественнаго благоустройства, въ смыслѣ требованія, вытекающаго изъ самой природы всякаго общежитія—эта плодотворная идея всецѣло овладѣла Бѣлинскимъ. Онъ развивалъ эту идею на почвѣ эстетическихъ вопросовъ и въ формѣ анализа чисто литературныхъ явленій и то-же самое дѣлали его сотрудники-друзья въ другихъ сферахъ мысли и науки. Благодаря этому журналъ достигъ рѣдкаго единства направленія и благодаря единству пріобрѣлъ огромное умственное вліяніе на общество. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Боткину *послѣ* перелома Бѣлинскій съ прелестной шутливостью, но и съ замѣчательной ясностью и глубиною опредѣляетъ все содержаніе своего новаго міросозерцанія. «Ты, пишетъ онъ Боткину, я знаю—будешь надо мною смѣяться... (это, въ скобкахъ сказать, хорошо характеризуетъ Боткина); но смѣйся, какъ хочешь, а я свое: судьба субъекта, индивидуума, личности, важнѣе судебъ всего міра! Мнѣ говорятъ: развивай всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачь, дабы утѣшиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣстницы развитія, а споткнешься, падай—чортъ съ тобою—таковскій и былъ сукинъ-сынъ... Благодарю покорно, Егоръ Ѳедоровичъ (Гегель)—кланяюсь вашему философскому колпаку; но, со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія,—я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр. пр.; иначе я

съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастія и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ быть, это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ конечно не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи. Впрочемъ, если писать объ этомъ все,—и конца не будетъ». Отъ этой шутливости вѣетъ бодростью, и Бѣлинскій чувствовалъ себя въ это время такъ повидимому хорошо и мирно, что даже объ извѣстныхъ русскихъ обще-литераторскихъ огорченіяхъ сообщаетъ съ добродушнымъ юморомъ: «въ «О. З.» напечатана моя вторая статья о Петрѣ Великомъ; въ рукописи это точно о Петрѣ Великомъ и, не хвалясь скажу, статейка умная, живая; но въ печати—это рѣчь о проницаемости природы и склонности человѣка къ чувствамъ забвенной меланхоліи».

Такое мирное настроеніе Бѣлинскій однако сохранялъ только для пріятелей. Въ журналѣ онъ велъ упорную борьбу съ противниками своихъ мнѣній, которые въ это время (1841) успѣли обзавестись еще новымъ органомъ — «Москвитяниномъ», издававшимся подъ редакторствомъ Погодина и Шевырева. Полемика была вообще одною изъ любимыхъ стихій Бѣлинскаго, а въ данномъ случаѣ онъ тѣмъ охотнѣе бросился въ борьбу, что Погодинъ и Шевыревъ были все таки болѣе приличные противники, нежели Булгаринъ и Гречъ, и что московскій журналъ явился выразителемъ тѣхъ самыхъ тенденцій, которыя только что отвергнулъ Бѣлинскій, но тенденцій, доведенныхъ до уродливой исключительности. Идеальный, общефилософскій элементъ былъ изгнанъ изъ этихъ тенденцій и они сводились къ превознесенію не дѣйствительности вообще (какъ это было у Бѣлинскаго), а дѣйствительности національной. Казалось бы, оно довольно безобидно: всякъ куликъ свое болото хвалитъ, какъ говоритъ пословица. Но дѣло конечно не могло остановиться на платоническомъ національномъ бахвальствѣ, а развилось въ цѣлое ученіе, которое тогда называли славянофильскимъ, но которое вѣрнѣе было бы назвать просто руссопетскимъ. Полемика эта продолжалась однако недолго, въ виду солидности тѣхъ аргументовъ, которые «москвитяне» вы-

двинули противъ Бѣлинскаго послѣ первой же его статьи объ нихъ. «Смотрите, чтобы не было вамъ какой бѣды...» писалъ въ попыхахъ Боткинъ въ редакцію «Отеч. Зап.» и сообщалъ факты, которые дѣйствительно пахли «бѣдою». Позднѣе, въ 1842 году, при появленіи первой части «Мертвыхъ душъ», Бѣлинскій, въ лицѣ Константина Аксакова, своего бывшаго пріятеля и единомышленника, далъ славянофиламъ генеральную битву, которая впрочемъ была только эпизодомъ общей борьбы, загорѣвшейся тогда между «западниками» и славянофилами и въ сущности продолжающейся до сихъ поръ.

Русскій человѣкъ въ большинствѣ своихъ слабостей (безпечности, безпорядочности, нерегулярности), какъ и въ большинствѣ своихъ достоинствъ (альтруистичности, сердечной нѣжности и мягкости, скромности), Бѣлинскій въ формальномъ смыслѣ по русски и работалъ: полосами и запоями. Дни и недѣли проходили въ письменныхъ и устныхъ бесѣдахъ съ пріятелями, въ игрѣ въ преферансъ и т. д.—«глядь, ужъ и 15-е число на дворѣ, Краевскій рычитъ, у меня въ головѣ ни полмысли, не знаю, какъ начну, что скажу, беру перо и статья будетъ готова—какъ, я самъ не знаю, но будетъ готова».

Это признаніе характеризируетъ нѣчто гораздо большее, нежели простые пріемы работы. Дѣло въ томъ, что сила таланта Бѣлинскаго заключалась не столько въ доказательности его доводовъ, сколько въ убѣдительности его тона, того постояннаго одушевленія, съ какимъ онъ говорилъ о предметѣ. Сердце автора давало вѣсть сердцу читателя. А для этого не требовалось ни строгой обдуманности общаго плана работы, ни соразмѣрности частей, ни особой чистоты языка, а требовалось, чтобы авторъ въ каждую минуту и на каждой строкѣ былъ самимъ собою, не насиловалъ ни своего ума, ни своей совѣсти—условіе страшно трудное и невыгодное для всѣхъ—кромѣ такихъ людей какъ Бѣлинскій. Бѣлинскому не надо было заметать никакихъ своихъ слѣдовъ, не надо было прятать никакихъ своихъ хвостовъ: онъ *сердился* на свои прошлыя ошибки, но не *стыдился* ихъ—и по праву, потому что вѣдь и ошибаясь онъ оставался все тѣмъ же алчущимъ и жаждущимъ правды человѣкомъ, какимъ былъ по натурѣ. И вотъ почему его статьи-

импровизаціи сплошь да рядомъ выходили удачнѣе, убѣдительнѣе, *дѣйствительнѣе*, нежели его болѣе обдуманныя работы. Для его впечатлительной натуры достаточно было небольшого внѣшняго побужденія, чтобы душа его «встрепенулась, какъ пробудившійся орелъ», и разъ начавши работу, возбуждаемый ея процессомъ, онъ не только быстро справлялся съ нею, но, благодаря ей, подготовлялъ незамѣтно для самаго себя и новыя темы, и новыя идеи, и новые доводы для будущаго. Развивая свои идеи, онъ развивался самъ. Счастливая способность, свойственная всѣмъ очень даровитымъ людямъ, ассоціировать и обобщать постоянно раздвигала его умственные горизонты. Онъ могъ сказать объ идеяхъ то, что сказалъ Пушкинъ о риѳмахъ: «двѣ придутъ сами, третью приведутъ». А внѣшніе, нужные ему импульсы заключались въ самомъ его положеніи, какъ литературнаго батрака. «Я—Прометей въ каррикатурѣ: «Отеч. Записки»—моя скала, Краевскій—мой коршунъ»—эта забавная шутка Бѣлинскаго конечно не выражала истиннаго положенія дѣла: коршунъ Прометея мучительствовалъ безсмысленно и безплодно; но коршунъ Бѣлинскаго, заботясь о своихъ интересахъ, работалъ на пользу общественную. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что безъ этого «коршуна», безъ его хозяйскихъ правъ надъ Бѣлинскимъ, не малая доля той нервной силы, которая вложена въ статьи Бѣлинскаго, была бы ухлопана на безчисленныя пульки въ преферансъ, о своемъ пристрастіи къ которому Бѣлинскій писалъ въ Москву: «страсть моя къ преферансу ужасаетъ всѣхъ. Я готовъ играть утромъ, вечеромъ, ночью, днемъ, не ѣсть и играть, не спать и играть» *).

Въ концѣ 1843 года Бѣлинскій женился на москвичкѣ,

*) Вотъ какъ напр. Кавелинъ разсказываетъ объ игрѣ Бѣлинскаго въ карты: „повѣритъ ли читатель, что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оплачивалась рублемъ, двумя, Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ большимъ увлеченіемъ, и если ему везло, былъ доволенъ и веселъ... поставя нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мрачнымъ, жаловался на судьбу, которая его во всемъ преслѣдуетъ и наконецъ съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату“.

сближеніе съ которой произошло лѣтомъ того года, въ одну изъ его поѣздокъ изъ Петербурга для свиданія съ московскими друзьями. «Важность этого событія для Бѣлинскаго, говоритъ г. Пыпинъ, должна быть ясна читателю изъ того, что мы знаемъ о нравственномъ настроеніи Бѣлинскаго за эти годы». Огромная важность этого событія для Бѣлинскаго вытекала не изъ какого либо частнаго, временнаго, нравственнаго его настроенія, а изъ всѣхъ свойствъ его натуры и его характера. Для людей, подобныхъ Бѣлинскому, находящихся въ состояніи постояннаго возбужденія, радостнаго или горестнаго волненія даже по поводу ничтожнѣйшихъ мелочей — миръ и покой тихой семейной жизни былъ бы самой лучшей обстановкой въ смыслѣ, если такъ можно выразиться, нравственной гигіены. Бѣлинскому была нужна не Далила, а Пенелопа и притомъ такая, которая кромѣ хозяйственныхъ талантовъ и «волоокихъ» очей имѣла бы хоть смутное понятіе о значеніи своего Улисса и судила бы о немъ не по камердинерски. Къ сожалѣнію, этотъ существенно-важный пунктъ біографіи Бѣлинскаго остается не разъясненнымъ. Госпожа Бѣлинская умерла только въ 1890-мъ году, переживъ своего мужа слишкомъ на сорокъ лѣтъ, и г. Пыпинъ по чувству понятной деликатности воздержался отъ опубликованія переписки Бѣлинскаго съ друзьями, касавшейся семейной жизни нашего критика. Г. Пыпинъ только глухо говоритъ, что «у домашняго очага началась для Бѣлинскаго новая жизнь, съ ея особыми интересами и тревогами»... Ясно, что въ «новой» жизни Бѣлинскій нашелъ только «особыя» тревоги, хотя и прежнихъ его тревогъ, нужныхъ и ненужныхъ, осмысленныхъ и неосмысленныхъ, было болѣе чѣмъ достаточно для такого «сосуда скудельнаго», какимъ былъ физическій организмъ Бѣлинскаго.

Въ концѣ 1845 года Бѣлинскій, такъ много и плодотворно поработавшій для «От. Зап.», долженъ былъ оставить этотъ журналъ изъ за какихъ то несогласій съ его редакціей. Конечно, въ этихъ несогласіяхъ гораздо менѣе удивительнаго, нежели въ шестилѣтнемъ «согласіи» между такими антиподами, какъ Бѣлинскій и Краевскій. На вопросы своихъ московскихъ друзей—какъ должны смотрѣть они на этотъ разрывъ,—Бѣлинскій

писалъ: «отвѣчаю утвердительно: радоваться; дѣло идетъ не только о здоровьѣ, о жизни, но и умѣ моемъ. Вѣдь я тупѣю со дня на день. Памяти нѣтъ, въ головѣ хаосъ отъ русскихъ книгъ, а въ рукѣ всегда готовыя общія мѣста и казенная манера писать обо всемъ. Ты не знаешь этого положенія. А что я могу прожить и безъ «Отечественныхъ Записокъ», можетъ быть еще лучше, это кажется ясно. Въ головѣ у меня много дѣльныхъ предпріятій и затѣй, которыя при прочихъ занятіяхъ никогда бы не выполнились, и у меня есть теперь имя, а это много».

Само собою разумѣется, что Краевскій совершенно не догадывался о значеніи Бѣлинскаго, смотрѣлъ на него, какъ на литературнаго чернорабочаго и заваливалъ его работой, которая была ниже Бѣлинскаго. Бѣлинскій былъ въ его глазахъ только чуть-чуть побольше, нежели ментранпажъ его типографіи — и, повторяемъ, нужно только удивляться долготерпѣнію Бѣлинскаго, шесть лѣтъ проработавшаго при такихъ условіяхъ. «Дѣльныя предпріятія и затѣи» Бѣлинскаго конечно не удались и не могли удасться по совершенной непригодности Бѣлинскаго къ практическимъ дѣламъ, но какъ разъ въ это время пушкинскій «Современникъ», совершенно упавшій подъ редакціей Плетнева, перешелъ въ руки Панаева и Некрасова,—друзей и почитателей Бѣлинскаго. Некрасовъ былъ практикомъ не хуже Краевскаго, но онъ былъ кромѣ того первоклассным писателемъ, и Бѣлинскій могъ бы работать въ журналѣ, не тревожась за редакціонную сторону дѣла. Но было поздно. Пѣсня Бѣлинскаго была почти спѣта.

Еще въ 1846 году московскіе друзья Бѣлинскаго, въ виду тяжелаго состоянія его здоровья, устроили ему поѣздку на югъ Россіи. Въ слѣдующемъ году они же нашли средства для отправленія его заграницу. Ни та, ни другая поѣздка не принесла здоровью Бѣлинскаго ни малѣйшей пользы, да нисколько не освѣжила его и въ нравственномъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что никакія новыя впечатлѣнія не могли заглушить его старыхъ заботъ, въ числѣ которыхъ забота о «расейской литературѣ» стояла на первомъ планѣ. Живя въ Крыму, онъ не переставалъ мысленно воевать съ своими главными литературными врагами—славянофилами. Одинъ отрывокъ изъ его крымскихъ

писемъ мы приведемъ — не только къ удовольствію, но и къ пользѣ читателя:

«Въѣхавши въ Крымскія степи, мы увидѣли три новыя для насъ націи: крымскихъ барановъ, крымскихъ верблюдовъ и крымскихъ татаръ. Я думаю, что это разные виды одного и того же рода, разныя колѣна одного племени: такъ много общаго въ ихъ физіономіи. Если они говорятъ и не однимъ языкомъ, то тѣмъ не менѣе хорошо понимаютъ другъ друга. А смотрятъ рѣшительно славянофилами. Но — увы! — въ лицѣ татаръ даже и настоящее, коренное, восточное патріархальное славянофильство поколебалось отъ вліянія лукаваго Запада. Татары большею частію носятъ на головѣ длинные волосы, а бороду брѣютъ! Только бараны и верблюды упорно держатся святыхъ праотеческихъ обычаевъ временъ Кошихина — своего мнѣнія не имѣютъ, буйной воли и буйнаго разума боятся пуще чумы и безконечно уважаютъ старшаго въ родѣ, т. е. татарина, позволяя ему вести себя куда угодно и не позволяя себѣ спросить его, почему, будучи ничѣмъ не умнѣе ихъ, гоняетъ онъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Словомъ, принципъ смиренія и кротости постигнутъ ими въ совершенствѣ, и на этотъ счетъ они могли бы проблеять что-нибудь поинтереснѣе того, что блеетъ Шевыревъ и вся почтенная славянофильская братія».

Заграницей Бѣлинскій точно также думалъ только объ интересахъ родной литературы и родного общества. Здѣсь именно написалъ и послалъ онъ свое знаменитое письмо къ Гоголю по поводу книги послѣдняго «Переписка съ друзьями», письмо, которое мы не будемъ приводить въ извлеченіяхъ г. Пыпина, надѣясь, что оно извѣстно читателю цѣликомъ. Тургеневъ, бывшій путеводителемъ Бѣлинскаго въ Парижѣ, хорошо характеризовалъ это равнодушіе нашего «западника» къ культурнымъ чудесамъ запада. «Онъ — разсказываетъ Тургеневъ о Бѣлинскомъ — изнывалъ заграницей отъ скуки, его такъ и тянуло назадъ въ Россію... Ужь очень онъ былъ русскій человѣкъ, и внѣ Россіи замиралъ, какъ рыба на воздухѣ. Помню, въ Парижѣ онъ въ первый разъ увидалъ площадь Согласія и тотчасъ спросилъ меня: «Не правда ли? Вѣдь это одна изъ красивѣйшихъ площадей въ мірѣ?» — И на мой утвердительный отвѣтъ

воскликнулъ: «Ну, и отлично; такъ ужь я и буду знать, — и въ сторону, и баста!» и заговорилъ о Гоголѣ. Я ему замѣтилъ, что на самой этой площади во время революціи стояла гильотина и что тутъ отрубили голову Людовику XV -му; онъ посмотрѣлъ вокругъ, сказалъ: а! — и вспомнилъ сцену Остаповой казни въ «Тарасѣ Бульбѣ».

Возвратившись изъ заграницы въ Петербургъ—опять «на оный путь, журнальный путь»—Бѣлинскій взялся за работу съ особенной энергіей. Дѣло въ томъ, что изнурительная болѣзнь Бѣлинскаго (чахотка) и ему самому и его друзьямъ внушала самыя серьезныя сомнѣнія въ его работоспособности. «Дѣло прошлое, писалъ онъ потомъ, когда убѣдился въ неосновательности своихъ сомнѣній—а я и самъ ѣхалъ заграницу съ тяжелымъ и грустнымъ убѣжденіемъ, что поприще мое кончилось, что я сдѣлалъ все, что дано было мнѣ сдѣлать, что я выписался и.... сталъ похожъ на выжатый и вымоченный въ чаѣ лимонъ. Каково мнѣ было такъ думать, можете посудить сами: тутъ дѣло шло не объ одномъ самолюбіи, но и о голодной смерти съ семействомъ. И надежда возвратилась мнѣ съ этою статьею».

Надежда была напрасна. Болѣзнь дѣлала свое разрушительное дѣло, а тутъ приспѣлъ 1848-й годъ... Бѣлинскій продолжалъ еще работать, но уже принужденъ былъ не писать, а диктовать свои статьи и рецензіи. Къ физическимъ страданіямъ присоединились тяжелыя нравственныя безпокойства, очень успѣшно помогавшія болѣзни. Свѣча догорала съ обоихъ концовъ. «Я—разсказываетъ Панаевъ—разъ зашелъ къ нему утромъ, это было или въ послѣднихъ числахъ апрѣля или въ первыхъ мая. На дворъ, подъ деревья, вынесли диванъ—и Бѣлинскаго вывели подышать чистымъ воздухомъ. Я засталъ его уже на дворѣ. Онъ сидѣлъ на диванѣ, опустя голову и тяжело дыша. Увидѣвъ меня, онъ грустно покачалъ головою и протянулъ мнѣ руку, всю покрытую холоднымъ потомъ. Черезъ минуту онъ приподнялъ голову, взглянулъ на меня и сказалъ: «плохо мнѣ, плохо, Панаевъ!» Я началъ было нѣсколько словъ въ утѣшеніе, но онъ перебилъ меня: «Полноте говорить вздоръ». И снова молча и тяжело дыша опустилъ голову».

26 мая 1848 года Бѣлинскій умеръ.

VIII.

Заключеніе.

О личности Бѣлинскаго мы кончили, но о его идеяхъ мы считаемъ небезполезнымъ сдѣлать два-три заключительныхъ замѣчанія.

Г. Пыпинъ въ своей біографіи Бѣлинскаго говоритъ: «для нынѣшнихъ читателей иногда странной, почти невразумительной кажется та тягостная внутренняя борьба, которую мы старались изобразить и цѣною которой Бѣлинскій приходилъ къ своимъ послѣднимъ выводамъ. Дѣло было повидимому такъ просто, и Бѣлинскій, казалось, былъ очень наивенъ, когда увлекался такъ далеко въ сторону отъ идей, принятыхъ имъ впослѣдствіи».

Панаевъ, имѣя въ виду московскій кружокъ Бѣлинскаго, писалъ: «сколько молодости, свѣжести силъ, усилій ума потрачено на разрѣшеніе вопросовъ, которые теперь, черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, кажутся смѣшными.»

И такъ, поколѣнію, для котораго тридцать лѣтъ назадъ писалъ Панаевъ, вопросы, волновавшіе Бѣлинскаго, были «смѣшны». Читателю, для котораго пятнадцать лѣтъ назадъ писалъ г. Пыпинъ, Бѣлинскій долженъ былъ казаться «очень наивенъ». Бѣдный Бѣлинскій, смѣшной, наивный, устарѣлый, отсталый! Зачѣмъ потревожили мы его память? Если тридцать лѣтъ назадъ онъ былъ смѣшонъ, пятнадцать лѣтъ назадъ—наивенъ, то чѣмъ онъ долженъ казаться теперь и какой терминъ примѣнитъ къ нему современный читатель?

Это пусть будетъ какъ кому угодно; мы же съ своей стороны безъ дальнѣйшихъ околичностей скажемъ, что и читателю шестидесятыхъ, и читателю семидесятыхъ, и читателю восьми-

десятыхъ годовъ нужно очень высоко загнуть свою голову, чтобы заглянуть Бѣлинскому въ лицо. Не о дарованіяхъ Бѣлинскаго и не о нравственной личности его говоримъ мы—эти достоинства не зависятъ отъ времени—мы указываемъ именно на его будто бы устарѣлыя идеи. Возьмемъ для примѣра спеціальность Бѣлинскаго—литературную критику. Критика шестидесятыхъ годовъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, была не болѣе какъ талантливымъ развитіемъ тѣхъ литературныхъ требованій и принциповъ, которые были выработаны Бѣлинскимъ въ послѣднемъ, петербургскомъ періодѣ его дѣятельности. Современная критика, отвергая эти принципы, выдвигаетъ.... что нибудь новое, свое, вы думаете? Нѣтъ, она возвращается только къ тѣмъ эстетическимъ принципамъ, которыми руководствовался Бѣлинскій въ московскій періодъ своего развитія и которые онъ рѣшительно осудилъ впослѣдствіи. То-же самое происходитъ и съ общественными идеями Бѣлинскаго. Бѣлинскій отсталъ? Мы искренно пожелали бы современнымъ передовымъ людямъ нашимъ въ такой же полнотѣ и съ такою же ясностью усвоить себѣ напр. идею личности, какъ это мы видимъ у Бѣлинскаго. Бѣлинскій устарѣлъ? О, какъ обновились и очистились бы наши понятія, если бы мы твердо усвоили хотя ту мысль Бѣлинскаго, что «народность, исключающая изъ себя человѣчность», тѣмъ самымъ подписываетъ себѣ нравственный приговоръ! Далеко ли мы уйдемъ современемъ —это неизвѣстно, но пока Бѣлинскій не есть только фактъ исторіи, а фактъ жизни. Исторія умственнаго развитія и умственныхъ переломовъ Бѣлинскаго не есть только исторія личности и даже не исторія поколѣнія, а выраженіе нашего общаго историческаго процесса, съ его акціями и реакціями, переходными моментами и промежутками апатіи.

СОЧИНЕНІЯ А. СКАБИЧЕВСКАГО.

Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики. 1868—1887.

СОДЕРЖАНІЕ: Новое время и старые боги. Русское недомысліе. Прудонъ объ искусствѣ. Герои голубинаго полета. Теорія Лассаля. Живая струя. Д. И. Писаревъ. Старая правда. Чего нужно добиваться реальному поэту. Сорокъ лѣтъ русской критики. Герои вѣчныхъ ожиданій. Графъ Левъ Толстой: Старый идеализмъ въ современной оболочкѣ. Три человѣка сороковыхъ годовъ. Сентиментальное прекраснодушіе. Наши грядущіе Бисмарки. Литературныя противорѣчія. Винигредъ современной морали. Наша современная беззавѣтность. Три письма о русской словесности. А. И. Левитовъ. Н. А. Некрасовъ. Разладъ художника и мыслителя. Эпидемія легкомыслія. Женскій вопросъ. Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни. Новый человѣкъ деревни. О нравственно-философскихъ идеяхъ гр. Л. Толстаго. Власть тьмы. Пѣсни о женской неволѣ. Русскій историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ. Женщины въ пьесахъ Островскаго. А. С. Пушкинъ.

Къ „Сочиненіямъ“ приложенъ портретъ автора, гравированный въ Лейпцигѣ **Геданомъ**. Цѣна за два большихъ тома (около 1700 стр.) **3 руб.** Въ простомъ переплетѣ—3 руб. 50 коп. Въ роскошномъ—4 руб.

СОЧИНЕНІЯ Н. ШЕЛГУНОВА.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Съ вступительной статьей **Н. К. Михайловскаго.**

СОДЕРЖАНІЕ. **Статьи историческія:** Европейскій западъ.—Убыточность незнанія.—Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи. Три народности.—Американскіе патріоты. Цивилизація Китая.—Россія до Петра Великаго.—Новый отвѣтъ на старый вопросъ.—Государственный классицизмъ.—Народный романтизмъ (чувство свободы).—Попытки русскаго сознанія.—Фанатизмъ историческаго прогресса.—**Статьи общественно-педагогическія:** Письма о воспитаніи.—**Статьи соціально-экономическія:** Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и во Франціи.—Государственное хозяйство. — Женское бездѣлье.—Соціально-экономическій фатализмъ.—**Статьи критическія:** Талантливая безталанность.—Философія застоя.—Историческая сила критической личности.—По поводу одной книги — Право и свобода.—Геній молодой Германіи.—Первый нѣмецкій публицистъ.—Нѣмцы мысли и нѣмцы дѣла.—**Статьи публицистическія.** На коммерческомъ основаніи.—Безсознательный піонеръ прогресса.—Колонизаціонное движеніе и новые центры.—Петербургъ и его „новые“ люди.—Свѣтлыя и мрачныя явленія. — Борьба-ли поколѣній ведетъ насъ впередъ.—Зачатки общественнаго доброжелательства. **Воспоминанія:** Изъ прошлаго и настоящаго.—Переходные характеры.

Цѣна за все Собраніе въ 2-хъ томахъ (съ портретомъ) **3** р. Въ перепл.—**4** р.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена. профессора Лозан университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.
МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.
РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи Домашнія занятія ремеслами. Съ франц 400 рис Ц. 1 р. 50 к
ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.
ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к
УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис Ц. 1 р. 75 к
КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч часовъ. Съ 18 рис Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к
СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міроведѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.
ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В Чиколева. Ц. 30 к.
О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В Чиколева. Ц. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ А. Гано и Ж. Маневрье. Перев Ф. Павленкова, В Черкасова и С. Степанова Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.
ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.
СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ. Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.
ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО. Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.
ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина, Ц. 75 к.
ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа, съ 8 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.
ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.
ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Тисандье. Съ рис. Переводъ съ французск. Ц. 50 к.
СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф Павленковъ. 500 стр., Ц 2 р. 50 к.
ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста Съ нѣм 704 стр., 48 рис. Ц. 3 р. 50 к
ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.
ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. А. Брема. (Дополненіе къ „Жизни животныхъ". Со многими рисунками. 2 тома. Цѣна за оба 2 р.
ТЕЛЕФОНЪ и ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Д-ра Мейера и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Ніоде. Перев. съ франц. Со многими рис. Ц. 2 р.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. Д. Соломенса. Пер. съ англ. Г. Головъ. Со мног. рис. Ц. 1 р.
НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. А. Альмедингена. Ц. 50 к.
ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев съ франц Со мног. рисун. Ц. 1 р.
ДАРВИНИЗМЪ, Э. Ферьера. Пер. съ фран. Попул. излож. ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растен. животн. и чел Ц 60к.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 00 ФЕВРАЛЯ 1891 г ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“, Б. ПО

Салтыковъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

М. Е. САЛТЫКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. Н. Кривенко

Съ портретомъ М. Е. Салтыкова, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ. № 39.
1891.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена. профессора Лозан университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.

МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ. гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис Ц. 1 р. 50 к

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер съ 5-го итальян. изд. Ц 1 р. 50 к.

ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Ц. 1 р. 50 к

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис Ц. 1 р. 75 к

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч часовъ. Съ 18 рис Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к

СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міро вѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ В. Чиколева съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В Чиколева Ц. 30 к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В Чиколева. Ц. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ А. Гано и Ж. Маневрье. Перев Ф. Павленкова, В Черкасова и С. Степанова Съ 340 рис. Ц 1 р. 50 к

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2 е изд. Ц. 1 р.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО. Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.

ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина, Ц. 75 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа. съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Гасандье. Съ рис. Переводъ съ францув. Ц. 50 к.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц Ф Павленковъ. 500 стр., Ц 2 р. 50 к.

ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста Съ нѣм 704 стр., 48 рис. Ц. 3 р. 50 к

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. А. Брема. (Дополненіе къ „Жизни животныхъ". Со многими рисунками. Цѣна 2 руб.

ТЕЛЕФОНЪ и ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Д-ра Мейера и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Ніоде. Перев. съ франц. Со многими рис. Ц. 2 р.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. Д. Саломенса. Пер. съ англ. Д. Головъ. Со мног. рис. Ц. 1 р.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. А. Альмедингена. Ц. 50 к.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев, съ франц. Со мног. рисун. Ц. 1 р.

ДАРВИНИЗМЪ, Э. Ферьера. Пер. съ фран Популя. излож. ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растен. животн. и чел. Ц. 60 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Дѣтство и юность.

Первыя дѣтскія воспоминанія Салтыкова.—„Нѣжное“ воспитаніе.—Отсутствіе родительской ласки. — Недостатокъ общенія съ природой.—Вліяніе евангелія на дѣтскую душу Салтыкова.—Живописецъ Павелъ и первые учителя. —Московскій дворянскій институтъ —Лицей.—Преслѣдованіе за чтеніе книгъ и сочиненіе стиховъ.—Лицейскіе „продолжатели Пушкина“. —Нѣсколько юношескихъ стихотвореній Салтыкова. Нелюдимость лицеиста.—Увлеченіе Франціей.

Близость смерти не позволяетъ обыкновенно видѣть настоящей величины заслугъ человѣка, и въ то время, какъ заслуги однихъ преувеличиваются, заслуги другихъ представляются несомнѣнно въ уменьшенномъ видѣ, хотя бы въ наличности ихъ никто не сомнѣвался и даже враги воздавали имъ молчаливо извѣстную дань уваженія. Послѣднее относится и къ Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Мало на Руси именъ, которыя говорили бы такъ много уму и сердцу, какъ его имя; мало писателей, которые имѣли при жизни такое вліяніе и оставили обществу такое обширное литературное наслѣдство, наслѣдство богатое и разнообразное, какъ въ отношеніи внутренняго содержанія, такъ и со стороны внѣшней формы и совсѣмъ особаго языка, который при жизни еще началъ называться «салтыковскимъ». Примыкая, по роду творчества, непосредственно къ Гоголю, онъ нисколько не уступаетъ ему ни въ оригинальности, ни въ силѣ дарованія. Мало, наконецъ, людей, которые отличались бы такимъ цѣль-

нымъ характеромъ и прошли бы съ такою честью жизненное поприще, какъ онъ.

Родился Михаилъ Евграфовичъ 15 января 1826 года, въ селѣ Спасъ-Уголъ, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи. Родители его — отецъ, коллежскій совѣтникъ, Евграфъ Васильевичъ, и мать, Ольга Михайловна, урожденная Забѣлина, купеческаго рода, — были довольно богатые мѣстные помѣщики; крестили же его тетка Марья Васильевна Салтыкова и угличскій мѣщанинъ—Дмитрій Михайловъ Курбатовъ. Послѣдній попалъ воспріемникомъ въ дворянскій домъ по довольно исключительному предшествовавшему обстоятельству, о которомъ Салтыковъ разсказывалъ въ шутливомъ тонѣ и лично, и потомъ въ «Пошехонской Старинѣ», гдѣ Курбатовъ выведенъ подъ фамиліей Бархатова. Этотъ Курбатовъ славился своею набожностью и прозорливостью и, ходя постоянно на богомолье по монастырямъ, заходилъ по пути и гостилъ довольно подолгу у Салтыковыхъ. Случилось ему такимъ же образомъ зайти къ нимъ и въ 1826 году, незадолго передъ тѣмъ, какъ родиться Михаилу Евграфовичу.—На вопросъ Ольги Михайловны, что у нея родится—сынъ или дочь, онъ отвѣчалъ: «пѣтушокъ, пѣтушокъ, востеръ ноготокъ! Многихъ супостатовъ покоритъ и будетъ женскимъ разгонникомъ». Когда родился дѣйствительно сынъ, то его и назвали Михаиломъ, въ честь Михаила-архангела, а Курбатова пригласили въ крестные отцы.

Воспитаніе помѣщичьихъ дѣтей велось въ ту пору по довольно распространенному шаблону, носило какой-то сокращенный, точно заводскій, характеръ и не изобиловало родительскою внимательностью: дѣтей ростили и воспитывали обыкновенно на особой половинѣ сначала кормилицы, а потомъ няньки и гувернантки или дядьки и гувернеры, потомъ учили ихъ лѣтъ до десяти приходскіе священники и какіе нибудь «домашніе учителя», не-

рѣдко изъ своихъ же крѣпостныхъ, а затѣмъ ихъ сбывали въ учебныя заведенія, преимущественно въ казенныя, или въ какіе нибудь приготовительные пансіоны. Воспитаніе это и вообще-то нельзя назвать раціональнымъ, а Салтыковское тѣмъ болѣе, благодаря суровости домашняго режима и той довольно исключительной семейной обстановкѣ, какая создалась на почвѣ крѣпостного права и подчиненія безхарактернаго отца практическою, дѣловитою матерью, которая больше всего думала о хозяйственныхъ дѣлахъ. Много видѣлъ маленькій Салтыковъ и крѣпостной, и семейной неправды, оскорблявшей человѣческое достоинство и угнетавшей впечатлительную дѣтскую душу; но даровитая натура его не сломилась, а напротивъ точно закалялась въ испытаніи и собиралась съ силами, чтобы впослѣдствіи широко расправить крылья надъ человѣческою неправдою вообще. Однажды мы заговорили съ нимъ о памяти, — съ какого возраста человѣкъ начинаетъ помнить себя и окружающее,—и онъ мнѣ сказалъ: «а, знаете, съ какого момента началась моя память? Помню, что меня сѣкутъ, кто именно не помню, но сѣкутъ какъ слѣдуетъ, розгою, а нѣмка — гувернантка старшихъ моихъ братьевъ и сестеръ—заступается за меня, закрываетъ ладонью отъ ударовъ и говоритъ, что я слишкомъ еще малъ для этого. Было мнѣ тогда, должно быть, года два, не больше». Вообще дѣтство Салтыкова не изобилуетъ свѣтлыми впечатлѣніями.

«Пошехонская Старина», имѣющая несомнѣнно автобіографическое значеніе, переполнена самыми грустными красками и даетъ если не буквально точную, то во всякомъ случаѣ довольно близкую картину его домашняго воспитанія въ періодъ до десятилѣтняго возраста. Михаилу Евграфовичу пришлось рости и учиться отдѣльно отъ старшихъ братьевъ, которые были въ то время уже въ учебныхъ заведеніяхъ, но все таки онъ помнилъ и ихъ дѣтство и испыталъ на себѣ, хотя и въ меньшей степени, тотъ же воспитательный укладъ, въ которомъ тѣлесныя наказанія въ разныхъ видахъ и формахъ явля-

лись главнымъ педагогическимъ пріемомъ. Дѣтей ставили на колѣни, рвали за вихры и за уши, сѣкли, а чаще всего кормили подзатыльниками и колотушками, какъ способомъ болѣе сподручнымъ.

«Припоминается безпрерывный дѣтскій плачъ, неумолкаемые дѣтскіе стоны за класснымъ столомъ, — заставляетъ онъ говорить своего Затрапезнаго,—припоминается цѣлая свита гувернантокъ, слѣдовавшихъ одна за другой и съ непонятною для нынѣшняго времени жестокостью сыпавшихъ колотушками направо и налѣво... Всѣ онѣ безчеловѣчно дрались, а Марью Андреевну (дочь московскаго нѣмца-сапожника) даже строгая наша мать называла фуріей. Такъ что во все время ея пребыванія уши у дѣтей постоянно бывали покрыты болячками».

Родители оставались ко всему этому равнодушны, а мать обыкновенно даже усиливала наказаніе. Она являлась высшею карательною инстанціею. Салтыковъ не любилъ вспоминать своего дѣтства, а когда вспоминалъ какія нибудь отдѣльныя его черты, то вспоминалъ всегда съ большою горечью. Никого лично онъ при этомъ не винилъ, а говорилъ, что тогда весь строй, весь порядокъ жизни и отношеній былъ такимъ. Ни сами каравшіе и расточавшіе кары не сознавали себя жестокими, ни посторонніе такъ не смотрѣли на нихъ; тогда просто говорилось: «съ дѣтьми безъ этого нельзя», и въ этомъ-то и былъ весь ужасъ, гораздо бо̀льшій личныхъ ужасовъ, потому что онъ-то и дѣлалъ ихъ возможными и давалъ имъ право гражданства. Внѣшнею обстановкою дѣтства, въ смыслѣ гигіены, опрятности и питанія, также нельзя было похвалиться. Хотя въ домѣ было достаточно большихъ и свѣтлыхъ комнатъ, но это были комнаты *парадныя*; дѣти же постоянно тѣснились днемъ въ небольшой классной комнатѣ, а ночью въ общей дѣтской, тоже маленькой и съ низенькимъ потолкомъ, гдѣ стояло нѣсколько дѣтскихъ кроватокъ, а на полу, на войлокахъ, спали няньки. Лѣтомъ дѣти еще сколько нибудь оживлялись, подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха, но зимой ихъ поло-

зительно закупоривали въ четырехъ стѣнахъ и ни единой струи свѣжаго воздуха не доходило до нихъ, потому что форточекъ въ домѣ не водилось и комнатная атмосфера освѣжалась только топкою печей. Одно только знали — топить пожарче и хорошенько закутывать. Это называлось *нѣжнымъ* воспитаніемъ. Очень возможно, что вслѣдствіе именно такихъ гигіеническихъ условій Салтыковъ и оказался впослѣдствіи такимъ хилымъ и болѣзненнымъ, какимъ былъ. Опрятность также плохо соблюдалась: дѣтскія комнаты нерѣдко оставались неметеными; одежда на дѣтяхъ была плохая, чаще всего перешитая изъ чего нибудь стараго или переходившая отъ старшихъ къ младшимъ. Прибавьте къ этому еще прислугу, одѣтую въ какую-то вонючую, заплатанную рвань. Тоже можно сказать и о питаніи: оно было очень скуднымъ. Въ этомъ отношеніи помѣщичьи семьи дѣлились на двѣ категоріи: въ однѣхъ ѣда возводилась въ какой то культъ, ѣли цѣлый день, проѣдали цѣлыя состоянія и дѣтей тоже пичкали, перекармливали и дѣлали обжорами; въ другихъ, наоборотъ, господствовала не то чтобы скупость, а какое-то непонятное скопидомство: всегда казалось мало и всего было жаль. Сараи, ледники, подвалы и кладовыя ломились отъ провизіи, готовилось много кушаній, но не для себя, а для гостей; себѣ же на столъ подавались остатки и то, что начинало уже портиться и залеживалось; на скотномъ дворѣ стояло по ста и болѣе коровъ, а къ чаю подавалось снятое, синее молоко, и т. п.

Такого рода порядокъ, да еще въ усиленной степени, былъ и въ семьѣ Салтыковыхъ. Но нравственно-педагогическій элементъ былъ еще ниже физическаго. Между отцомъ и матерью происходили постоянныя ссоры. Подчинившись матери и сознавая свою приниженность, отецъ отплачивалъ за это тѣмъ, что при всякомъ случаѣ осыпалъ ее безсильною руганью, упреками и укоризнами. Дѣти были невольными свидѣтелями этой брани, ничего въ ней не понимали, а видѣли только, что сила на сторонѣ матери, но что она чѣмъ-то кровно обидѣла отца,

хотя обыкновенно и выслушиваетъ молча его брань, и чувствовали поэтому къ ней безотчетный страхъ, а къ нему, какъ къ человѣку безхарактерному и не могшему защитить не только ихъ, но и себя, полное безучастіе. Салтыковъ говорилъ, что ни отецъ, ни мать не занимались ими, что росли они какъ посторонніе и что онъ по крайней мѣрѣ совсѣмъ не зналъ того, что называется родительскою ласкою. Любимчиковъ еще своеобразно ласкали, остальныхъ нѣтъ. Самое это подраздѣленіе дѣтей на любимыхъ и нелюбимыхъ должно было портить первыхъ и глубоко оскорблять вторыхъ. Затѣмъ, если несправедливыя и суровыя наказанія дѣйствовали ожесточающимъ образомъ на дѣтей, то поступки и разговоры, при нихъ происходившіе, распахивали передъ ними всю изнанку жизни; а старшіе, къ сожалѣнію, даже на короткое время не считали нужнымъ сдерживаться и безъ малѣйшаго стѣсненія выворачивали и крѣпостную, и всякую иную тину.

Не разъ Салтыковъ жаловался на отсутствіе въ дѣтствѣ общенія съ природою, на отсутствіе непосредственной и живой связи съ ея привольемъ, съ ея тепломъ и свѣтомъ, оказывающими такое благотворное вліяніе на человѣка, которое наполняетъ все его существо и проходитъ потомъ черезъ всю его жизнь. И вотъ что мы читаемъ въ «Пошехонской Старинѣ» отъ лица Затрапезнаго: «съ природою мы знакомились случайно и урывками—только во время переѣздовъ на долгихъ въ Москву или изъ одного имѣнія въ другое. Остальное время все кругомъ насъ было темно и безмолвно». Ни о какой охотѣ никто и понятія не имѣлъ; изрѣдка собирали грибы и ловили карасей въ пруду, но «ловля эта имѣла характеръ чисто хозяйственный и съ природой не имѣла ничего общаго»; затѣмъ, ни звѣрей, ни птицъ въ живомъ видѣ въ нашемъ домѣ не водилось, такъ что и звѣрей, и птицъ «мы знали только въ соленомъ, вареномъ и жареномъ видѣ». Сказалось это и на его произведеніяхъ: описанія природы у него рѣдко встрѣчаются, и онъ далеко

не такой мастеръ на подобныя описанія, какъ напримѣръ Тургеневъ, Лермонтовъ, Аксаковъ и др. Впрочемъ не особенно много радостей могла дать ребенку и сѣверная природа, природа бѣдная и угрюмая, производившая въ свою очередь удручающее впечатлѣніе не какою-нибудь величественною суровостью, а именно бѣдностью, непривѣтливостью и сѣренькимъ колоритомъ. Мѣстность, гдѣ родился Салтыковъ и гдѣ протекло его дѣтство, даже въ захолустной сторонѣ было захолустьемъ. Это была равнина, покрытая хвойнымъ лѣсомъ и болотами, тянувшимися безъ перерыва на многіе десятки верстъ. Лѣса горѣли, гнили на корню и загромождались валежникомъ и буреломомъ; болота заражали окрестность міазмами дороги не просыхали въ самые сильные лѣтніе жары, а текучей воды было мало. Небольшія рѣчушки еле брели среди топкихъ болотъ, то образуя стоячіе бочаги, то совсѣмъ теряясь подъ густою пеленой водяной заросли. Лѣтомъ воздухъ былъ насыщенъ испареніями и наполненъ тучами насѣкомыхъ, которыя не давали покоя ни людямъ, ни животнымъ.

Въ дѣтствѣ Салтыкова было два обстоятельства, благопріятствовавшихъ его развитію и сохраненію въ немъ той искры Божіей, которая потомъ такъ ярко горѣла. Одно изъ этихъ обстоятельствъ въ сущности отрицательнаго свойства—то, что онъ росъ отдѣльно и что за нимъ нѣкоторое время было меньше надзора, — дало однако положительный результатъ: онъ больше думалъ, сосредоточивался мыслью на себѣ и окружающемъ и сталъ самостоятельно читать и заниматься, пріучаясь къ самодѣятельности и самостоятельности, къ тому, чтобы полагаться на себя и вѣрить въ свои силы. Читать было почти нечего, такъ какъ въ домѣ почти не было книгъ, а потому онъ читалъ оставшіеся отъ старшихъ братьевъ учебники. Среди нихъ особенное впечатлѣніе произвело на него евангеліе. Это-то вотъ и было вторымъ обстоятельствомъ, оказавшимъ на него самое рѣшительное вліяніе. Вспоминалъ онъ о немъ потомъ, какъ о жи-

вотворномъ лучѣ, внезапно ворвавшемся въ его жизнь и освѣтившемъ и собственное его существованіе, и окружавшій его мракъ. Познакомился онъ съ евангеліемъ не схоластически, а воспринялъ его непосредственно дѣтскою душою. Ему было тогда 8—9 лѣтъ. Мы не сомнѣваемся, что въ лицѣ Затрапезнаго онъ вспоминаетъ именно о своемъ знакомствѣ съ «Чтеніемъ изъ четырехъ евангелистовъ». Вотъ эти чудныя строки:

„Главное, что я почерпнулъ изъ чтенія евангелія, заключалось въ томъ, что оно посѣяло въ моемъ сердцѣ зачатки общечеловѣческой совѣсти и вызвало изъ нѣдръ моего существа нѣчто устойчивое, *свое*, благодаря которому господствующій жизненный укладъ уже не такъ легко порабощалъ меня. При содѣйствіи этихъ новыхъ элементовъ я пріобрѣлъ болѣе или менѣе твердое основаніе для оцѣнки какъ собственныхъ дѣйствій, такъ и явленій и поступковъ совершавшихся въ окружающей меня средѣ... началъ сознавать себя человѣкомъ. Мало того: право на это сознаніе я переносилъ и на другихъ. Доселѣ я ничего не зналъ ни объ алчущихъ, ни о жаждующихъ и обремененныхъ, а видѣлъ только людскія особи, сложившіяся подъ вліяніемъ несокрушимаго порядка вещей; теперь эти униженные и оскорбленные встали передо мной, осіянные свѣтомъ, и громко вопіяли противъ прирожденной несправедливости, которая ничего не дала имъ, кромѣ оковъ... И возбужденная мысль невольно переносилась къ конкретной дѣйствительности въ дѣвичью, въ застольную, гдѣ задыхались десятки поруганныхъ и замученныхъ человѣческихъ существъ... Я даже съ увѣренностью могу утверждать, что моментъ этотъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на весь позднѣйшій складъ моего міросозерцанія. Въ этомъ признаніи человѣческаго образа тамъ, гдѣ, по силѣ общеустановившагося убѣжденія, существовалъ только поруганный образъ раба, состоялъ главный и существенный результатъ, вынесенный мною изъ тѣхъ попытокъ самообученія, которымъ я предавался втеченіе года“.

Не могу удержаться, чтобы не привести еще слѣдующаго замѣчательнаго по глубинѣ чувства мѣста, которое показываетъ процессъ сочувствія и тяготѣнія Салтыкова къ народу, процессъ, показывающій пониманіе народнаго настроенія и близкую, органическую связь этого настроенія съ его собственнымъ душевнымъ состояніемъ:

„Я понимаю, что религіозность самая горячая можетъ быть доступна не только начетчикамъ и богословамъ, но и

людямъ, не имѣющимъ яснаго понятія о значеніи слова: „религія“. Я понимаю, что самый неразвитый, задавленный ярмомъ простолюдинъ имѣетъ полное право называть себя религіознымъ, не смотря на то, что приноситъ въ храмъ, вмѣсто формулированной молитвы, только измученное сердце, слезы и переполненную вздохами грудь. Эти слезы и вздыханія представляютъ собой безсловную молитву, которая облегчаетъ его душу и просвѣтляетъ его существо. Подъ наитіемъ ея онъ искренно и горячо вѣритъ. Онъ вѣритъ, что въ мірѣ есть нѣчто высшее, нежели дикій произволъ, что есть въ мірѣ Правда и что, въ нѣдрахъ ея кроется Чудо, которое придетъ къ нему на помощь и изведетъ его изъ тьмы. Пускай каждый новый день удостовѣряетъ его, что колдовству нѣтъ конца; пускай вериги рабства съ каждымъ часомъ все глубже и глубже впиваются въ его изможденное тѣло... Онъ вѣритъ, что злосчастіе его не безсрочно, и что наступитъ минута когда Правда осіяетъ его, наравнѣ съ другими алчущими и жаждующими. И вѣра его будетъ жить до тѣхъ поръ, пока въ глазахъ не изсякнетъ источникъ слезъ и не замретъ въ груди послѣдній вздохъ. Да! колдовство рушится, цѣпи рабства падутъ, явится свѣтъ, котораго не побѣдитъ тьма! Ежели не жизнь, то смерть совершитъ это чудо. Недаромъ у подножія храма, въ которомъ онъ молится, находится сельское кладбище, гдѣ сложили кости его отцы. И они молились тою же безсловною молитвой, и они вѣрили въ то же чудо. И чудо свершилось: пришла смерть и возвѣстила имъ свободу. Въ свою очередь она придетъ и къ нему, вѣрующему сыну вѣровавшихъ отцовъ, и свободному, дастъ крылья, чтобы летѣть въ царство свободы, на встрѣчу свободнымъ отцамъ...“

Въ другомъ мѣстѣ, отъ лица того же Затрапезнаго, Салтыковъ говоритъ еще опредѣленнѣе:

„Крѣпостное право сближало меня съ подневольной массой. Это можетъ показаться страннымъ, но я и теперь еще сознаю, что крѣпостное право играло громадную роль въ моей жизни, и что только переживъ всѣ его фазисы, я могъ придти къ полному сознательному и страстному отрицанію его“.

Вообще «Пошехонская Старина» имѣетъ большой интересъ по отношенію къ автору, потому что бросаетъ свѣтъ не только на дѣтскую, но и на всю послѣдующую его жизнь. Хотя онъ тамъ и появляется только эпизодически, на фонѣ общей бытовой картины, хотя мы и не можемъ слѣдить за нимъ день за днемъ, но все таки видно, какъ, подъ какими вліяніями и изъ какихъ эле-

ментовъ слагался его характеръ, его умственный и нравственный обликъ. Повторяемъ: нельзя разумѣется, утверждать, что все именно такъ и было, какъ тамъ разсказано, но многое изъ того, что Салтыковъ лично разсказывалъ при жизни, воспроизведено имъ съ буквальною точностью, даже нѣкоторыя имена сохранены (напр. принимавшей его повивальной бабки, калязинской мѣщанки Ульяны Ивановны, перваго его учителя Павла и т. п.) или только отчасти измѣнены

Первымъ его учителемъ былъ свой же крѣпостной человѣкъ, живописецъ Павелъ, которому въ самый день рожденія Михаила Евграфовича, 15 января 1833 года, т. е. когда ему исполнилось семь лѣтъ, приказано было приступить къ обученію его грамотѣ, что онъ и сдѣлалъ, придя въ классъ съ *указкою* и начавъ съ азбуки. Тутъ есть нѣкоторая неточность: разсказывая о первомъ урокѣ Павла Затрапезному, онъ говоритъ, что до этого онъ ни читать, ни писать—ни по каковски, даже по русски, не умѣлъ, а выучился только около старшихъ братьевъ и сестеръ болтать по французски и по нѣмецки да заучивать, по настоянію гувернантокъ, и говорить въ дни именинъ и рожденій родителей поздравительные стихи; между тѣмъ приведенное въ V-й главѣ «Пошехонской Старины» французское стихотвореніе оказалось между бумагами Салтыкова и было написано дѣтскимъ почеркомъ и подписано такъ: «écrit par votre très humble fils Michel Saltykoff, le 16 octobre 1832». Мальчику тогда не было еще и семи лѣтъ, слѣдовательно можно сдѣлать одно изъ двухъ предположеній: или что онъ читалъ и писалъ по французски раньше, чѣмъ по русски, или что стихотвореніе было написано отъ его имени кѣмъ-нибудь изъ старшихъ дѣтей. Но это—незначительная неточность, на которой не стоитъ и останавливаться.

Въ 1834 году вышла изъ Московскаго Екатерининскаго института старшая сестра будущаго Салтыкова, Надежда Евграфовна, и дальнѣйшее обученіе его было ввѣрено ей и ея товаркѣ по институту, Авдотьѣ Пет-

ровнѣ Василевской, поступившей въ домъ въ качествѣ гувернантки. Имъ помогали священникъ села Заозерья, о. Иванъ Васильевичъ, обучавшій Салтыкова латинскому языку по грамматикѣ Кошанскаго, и студентъ Троицкой Духовной Академіи, Матвѣй Петровичъ Салминъ, котораго приглашали два года сряду на лѣтнія вакаціи. Занимался Салтыковъ усердно и настолько хорошо, что въ августѣ 1836 года былъ принятъ въ третій классъ шестикласснаго въ то время Московскаго дворянскаго института, только что преобразованнаго изъ университетскаго пансіона. Однако въ третьемъ классѣ ему пришлось пробыть два года; но это не вслѣдствіе дурныхъ успѣховъ, а исключительно по малолѣтству. Учился онъ попрежнему хорошо и въ 1838 году былъ переведенъ, въ качествѣ *отличнѣйшаго* ученика, въ лицей. Московскій дворянскій институтъ пользовался преимуществомъ отправлять въ лицей каждые полтора года двухъ лучшихъ учениковъ, куда они поступали на казенное содержаніе, и однимъ изъ таковыхъ и былъ Салтыковъ.

Въ лицеѣ, уже въ первомъ классѣ, онъ почувствовалъ влеченіе къ литературѣ и сталъ писать стихи. За это, а также и за чтеніе книгъ онъ терпѣлъ всевозможныя преслѣдованія какъ со стороны гувернеровъ и лицейскаго начальства, такъ и въ особенности со стороны учителя русскаго языка, Гроздова. Таланта его, очевидно, не признавали. Онъ вынужденъ былъ прятать стихи, особенно если содержаніе ихъ было не совсѣмъ одобрительно, въ рукава куртки и даже въ сапоги, но контрабанда отыскивалась и это оказывало сильное вліяніе на отмѣтки изъ поведенія: втеченіе всего времени пребыванія въ лицеѣ, онъ почти не получалъ, при 12 бальной системѣ, свыше 9 балловъ, до самыхъ послѣднихъ мѣсяцевъ передъ выпускомъ, когда обыкновенно всѣмъ ставился полный баллъ. Поэтому въ выданномъ ему аттестатѣ значится: «при *довольно* хорошемъ поведеніи», а это значитъ, что средній баллъ въ поведеніи, за послѣдніе два года, былъ ниже восьми. И все это на-

чалось со стиховъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединились «грубости», т. е. разстегнутая пуговица на курткѣ или мундирѣ, ношеніе треуголки съ поля, а не по формѣ (что было необыкновенно трудно и составляло само по себѣ цѣлую науку), куреніе табаку и иныя школьныя преступленія.

Начиная со 2-го класса, въ лицеѣ дозволялось воспитанникамъ выписывать на свой счетъ журналы. Такимъ образомъ при Салтыковѣ получались: «Отеч. Записки», «Библіотека для чтенія» (Сенковскаго), «Сынъ Отечества» (Полевого), «Маякъ» (Бурачка) и «Revue Etrangère». Журналы читались воспитанниками съ жадностью; особенно сильно было вліяніе «Отеч. Зап.», гдѣ писалъ критическія статьи Бѣлинскій. Вообще вліяніе литературы было тогда очень сильно въ лицеѣ: воспоминаніе о недавно погибшемъ Пушкинѣ какъ будто обязывало нести его знамя и въ каждомъ курсѣ предполагался его продолжатель. Такими продолжателями считались: В. Р. Зотовъ, Н. П. Семеновъ (сенаторъ), Л. А. Мей, В. П. Гаевскій и др., а въ томъ числѣ и Салтыковъ. Первое стихотвореніе его: «Лира» было напечатано въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1841 года, за подписью *С—въ*. Въ 1842 г. появилась тамъ же другая его пьеса: «Двѣ жизни», за подписью *С*. Затѣмъ, стихотворенія его появляются въ «Современникѣ» (Плетнева): въ 1844 г. — «Нашъ вѣкъ», «Весна» и два перевода, изъ Гейне и Байрона; въ 1845 г.—«Зимняя элегія», «Вечеръ» и «Музыка». Подъ всѣми этими стихотвореніями подпись: *М. Салтыковъ*. Онъ въ это время уже вышелъ изъ лицея, но стихотворенія эти были написаны еще тамъ. Вновь въ стихотворной формѣ онъ, повидимому, ничего больше не писалъ, по крайней мѣрѣ не печаталъ, а отдавалъ въ печать только то, что уже было въ портфелѣ, и отдавалъ не въ порядкѣ написанія, а какъ случится: позже написанныя вещи раньше, а раннія—позже. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, какъ для того, чтобы показать, какъ Салтыковъ писалъ стихи, такъ и для того, чтобы

видѣть отражавшееся въ нихъ душевное настроеніе юноши—будущаго выдающагося писателя.

Рыбачкѣ.

(Изъ Гейне) 1841 г.

О, милая дѣвочка! быстро
Челнокъ свой направь ты ко мнѣ!
Сядь рядомъ со мною, и тихо
Бесѣдовать будемъ во тьмѣ.
И къ сердцу страдальца ты крѣпко
Головку младую прижми—
Вѣдь морю себя ты ввѣряешь
И въ бурю, и въ ясные дни.
А сердце мое то же что море—
Бушуетъ оно и кипитъ,
И много сокровищъ безцѣнныхъ
На днѣ своемъ ясномъ хранитъ.

Музыка.

(1843 г.)

Я помню вечеръ: ты играла,
Я звукамъ съ ужасомъ внималъ,
Луна кровавая мерцала—
И мраченъ былъ старинный залъ.
Твой мертвый ликъ, твои страданья,
Могильный блескъ твоихъ очей,
И устъ холодное дыханье,
И трепетаніе грудей—
Все мрачный холодъ навѣвало.
Играла ты... я весь дрожалъ,
А эхо звуки повторяло,
И страшенъ былъ старинный залъ...
Играй, играй: пускай терзанье
Наполнитъ душу мнѣ тоской;
Моя любовь живетъ страданьемъ
И страшенъ ей покой!

Нашъ вѣкъ.

(1844 г.)

Въ нашъ странный вѣкъ все грустью поражаетъ
Не мудрено: привыкли мы встрѣчать
Работой каждый день; все налагаетъ
Намъ на душу особую печать.

Мы жить спѣшимъ. Безъ цѣли, безъ значенья
Жизнь тянется, проходитъ день за днемъ —
Куда, къ чему? Не знаемъ мы о томъ.
Вся наша жизнь есть смутный родъ сомнѣнья.
Мы въ тяжкій сонъ живемъ погружены.
Какъ скучно все: младенческія грезы
Какой-то тайной грустію полны,
И шутка какъ-то сказана сквозь слезы!
И лира наша вслѣдъ за жизнью вѣетъ
Ужасной пустотою: тяжело!
Усталый умъ безвременно костнѣетъ
И чувство въ немъ молчитъ, усыплено.
Что жъ въ жизни есть веселаго? Невольно
Нѣмая скорбь на душу набѣжитъ
И тѣнь сомнѣнья сердце омрачитъ...
Нѣтъ, право, жить и грустно, да и больно!..

Меланхолическое настроеніе автора, грусть и вопросы, зачѣмъ жизнь идетъ такъ печально и что этому причиной—слышатся опредѣленно и звучатъ искренностью и глубиною. Тогдашняя жизнь, дѣйствительно, мало представляла отраднаго и изобиловала тяжелыми картинами безправія и произвола. Для этого не надо было долго жить и далеко ходить, а достаточно было видѣть одно крѣпостное право. Но вы чувствуете, что настроеніе это не отдаетъ разочарованіемъ, которое складываетъ руки, не похоже также и на безплодную меланхолію, а, напротивъ, въ немъ слышится уже нота дѣйственной любви («моя любовь живетъ страданьемъ и страшенъ ей покой!»), которая потомъ все ярче и ярче разгоралась и не потухала до самыхъ послѣднихъ его дней. Стихи писать онъ скоро пересталъ,—потому ли, что они ему не давались, или что самая форма несоотвѣтствовала складу его ума,—но настроеніе осталось, и мысль продолжала работать въ томъ же направленіи.

«Еще въ стѣнахъ лицея,—говоритъ г. Скабичевскій— Салтыковъ оставилъ свои мечты сдѣлаться вторымъ Пушкинымъ. Впослѣдствіи онъ даже не любилъ, когда кто либо напоминалъ ему о стихотворныхъ грѣхахъ его молодости, краснѣя, хмурясь при этомъ случаѣ и стараясь всячески замять разговоръ. Однажды онъ высказалъ даже о поэтахъ парадоксъ, что всѣ они, по его мнѣнію, сумасшедшіе люди.—Помилуйте,

объяснялъ онъ, развѣ это не сумасшествіе, по цѣлымъ часамъ ломать голову, чтобы живую, естественную человѣческую рѣчь втискивать, во что бы то ни стало, въ размѣренные риѳмованныя строчки! Это все равно, что кто нибудь вздумалъ бы вдругъ ходить не иначе, какъ по разостланной веревочкѣ, да непремѣнно еще на каждомъ шагу присѣдая».—«Конечно,—добавляетъ г. Скабичевскій,—это была не больше какъ одна изъ сатирическихъ гиперболъ великаго юмориста, потому что на самомъ дѣлѣ онъ былъ тонкій знатокъ и цѣнитель хорошихъ стиховъ, и Некрасовъ постоянно ему одному изъ первыхъ читалъ свои новыя стихотворенія».

Ко времени, о которомъ мы говоримъ, относятся нѣсколько строкъ А. Я. Головачевой о Салтыковѣ-лицеистѣ въ ея литературныхъ «Воспоминаніяхъ»: «я видѣла его въ началѣ сороковыхъ годовъ въ домѣ М. Я. Языкова. Онъ и тогда не отличался веселымъ выраженіемъ лица. Его большіе сѣрые глаза сурово смотрѣли на всѣхъ и онъ всегда молчалъ. Онъ всегда садился не въ той комнатѣ, гдѣ сидѣли всѣ гости, а помѣщался въ другой, противъ дверей, и оттуда внимательно слушалъ разговоры». Улыбка «мрачнаго лицеиста» считалась чудомъ. По словамъ Языкова, Салтыковъ ходилъ къ нему, «чтобы посмотрѣть на литераторовъ». Мысль сдѣлаться и самому литераторомъ, очевидно, глубоко засѣла въ него. Кромѣ того, какъ мы уже сказали, въ лицеѣ того времени интересовались литературой и много читали, чтеніе само собою вызывало вопросы, которые волновали и мучили, требовали отвѣтовъ и порождали естественное желаніе слышать живое слово умныхъ людей. Кромѣ выписывавшихся періодическихъ изданій, въ лицеѣ читали и многое другое. К. К. Арсеньевъ говоритъ въ «Матеріалахъ для біографіи М. Е. Салтыкова», что «даже въ концѣ сороковыхъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, послѣ грозы 1848 г., послѣ дѣла петрашевцевъ, въ которомъ не случайно оказались замѣшанными многіе изъ бывшихъ лицеистовъ (Петрашевскій, Спѣшневъ, Кашкинъ, Европеусъ), между воспитанниками лицея бродили еще идеи, вдохновлявшія юношу Салтыкова».

Вышелъ Салтыковъ изъ лицея не по первому разря-

ду. Въ то время, какъ и теперь, изъ лицея выпускали окончившихъ курсъ съ чиномъ IX, X и XII классовъ, смотря по успѣхамъ въ наукахъ и «поведенію». Такъ какъ Салтыковъ получалъ плохіе баллы *изъ поведенія* и *изъ предметовъ* особенно не старался, то и вышелъ съ чиномъ X класса, семнадцатымъ по списку. Изъ 22 учениковъ выпуска 1844 года 12 человѣкъ было выпущено IX классомъ, 5—X-мъ и 5—XII-мъ. Къ средней группѣ и принадлежалъ нашъ лицеистъ. Любопытно, что съ чиномъ X-же класса вышли изъ лицея и Пушкинъ, и Дельвигъ, и Мей. Изъ товарищей Салтыкова по лицею, бывшихъ въ одно время съ нимъ какъ въ его, такъ и въ другихъ курсахъ, никто не составилъ себѣ такого крупнаго литературнаго имени, какъ онъ, хотя многіе писали и пробовали писать; въ отношеніи общественной дѣятельности также нѣтъ болѣе выдающагося имени; а по службѣ многіе достигли высокихъ положеній; напр., гр. А. П. Бобринскій, кн. Лобановъ-Ростовскій (посолъ въ Вѣнѣ) и др. По окончаніи курса, Салтыковъ поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министерства, при гр. Чернышовѣ.

Онъ не сохранилъ о лицеѣ хорошихъ воспоминаній и не любилъ вспоминать о немъ: «помню я школу,—писалъ онъ лѣтъ черезъ десять послѣ выпуска въ одномъ изъ своихъ очерковъ, — но какъ-то угрюмо и непривѣтливо воскресаетъ она въ моемъ воображеніи»... Наоборотъ, время юности, юношескія надежды и вѣрованія, страстное стремленіе изъ непроглядной тьмы къ свѣту и правдѣ, товарищи, стремившіеся къ тѣмъ-же идеаламъ, съ которыми онъ вмѣстѣ думалъ и волновался, вспоминаются имъ не разъ и съ удовольствіемъ. Сравнивая то, что было въ тогдашней, дореформенной Россіи, съ тѣмъ, что было въ Европѣ, молодежь особенно увлекалась Франціей.

„Съ представленіемъ о Франціи и Парижѣ,—читаемъ мы въ другомъ очеркѣ Салтыкова, — для меня неразрывно связывается воспоминаніе о моемъ юношествѣ, то есть о сороковыхъ годахъ. Да и не только для меня лично, но и для всѣхъ насъ, сверстниковъ, въ этихъ двухъ словахъ заключалось нѣ-

что лучезарное, свѣтоносное, что согрѣвало нашу жизнь и въ извѣстномъ смыслѣ даже опредѣляло ея содержаніе. Какъ извѣстно, въ сороковыхъ годахъ русская литература (а за нею конечно и молодая читающая публика) подѣлилась на два лагеря: западниковъ и славянофиловъ. Былъ еще третій лагерь, въ которомъ копошились Булгарины, Бранты, Кукольники и т. п., но этотъ лагерь уже не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на подростающее поколѣніе, и мы знали его лишь настолько, насколько онъ являлъ себя прикосновеннымъ къ вѣдомству управы благочинія. Я въ то время только что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно примкнулъ къ западникамъ".

Разсказывая дальше, что примкнулъ онъ собственно не къ наиболѣе обширному и *единственно авторитетному* тогда въ литературѣ кружку западниковъ, который занимался нѣмецкой философіей, а къ кружку безвѣстному, инстинктивно прилѣпившемуся къ французскимъ идеалистамъ, къ Франціи не оффиціальной, а къ той, которая стремилась къ лучшему и ставила широкія задачи человѣчеству, Салтыковъ говоритъ: во Франціи «все было ясно какъ день... все какъ будто только что начиналось. И не только теперь, въ эту минуту, а больше полустолѣтія сряду все начиналось, и опять, и опять начиналось, и не заявляло ни малѣйшаго желанія кончиться. Мы съ неподдѣльнымъ волненіемъ слѣдили за перипетіями драмы послѣднихъ двухъ лѣтъ царствованія Луи-Филиппа и съ упоеніемъ зачитывались «Исторіей десятилѣтія»... Луи-Филиппъ и Гизо, и Дюшатель, и Тьеръ—все это были какъ бы личные враги, успѣхъ которыхъ огорчалъ, неуспѣхъ радовалъ. Процессъ министра Теста, агитація въ пользу избирательной реформы, высокомѣрныя рѣчи Гизо... все это и теперь такъ живо встаетъ въ моей памяти, какъ будто происходило вчера». «Франція казалась страною чудесъ. Можно ли было, имѣя въ груди молодое сердце, не плѣняться этою неистощимостью жизненнаго творчества, которое, вдобавокъ, отнюдь не соглашалось сосредоточиться въ опредѣленныхъ границахъ, а рвалось захватить все дальше и дальше?»

Если къ этому прибавить, что Салтыковъ былъ рус-

скимъ человѣкомъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, крѣпко былъ связанъ всѣмъ своимъ существомъ съ русскою жизнью и горячо любилъ родную страну и народъ, любилъ ихъ не сантиментальною вовсе, а живою и дѣйственною любовью, которая не закрываетъ глазъ на недостатки и темныя стороны, а ищетъ способовъ къ ихъ устраненію и путей къ счастью, то увидимъ, что онъ вступилъ въ жизнь, если не вполнѣ готовымъ человѣкомъ, то человѣкомъ во всякомъ случаѣ уже съ довольно опредѣленнымъ міросозерцаніемъ и довольно опредѣленнымъ критеріемъ, которымъ оставалось только развиться дальше и окрѣпнуть. Любовь Салтыкова къ Россіи рѣдко высказывалась въ какихъ-нибудь славословіяхъ, но сказывалась такъ часто и въ столькихъ произведеніяхъ, что я затруднилъ бы читателя доказательствами и цитатами. Жалуясь на недостатокъ общенія съ природою въ дѣтствѣ, описывая скудную сѣверную природу того захолустья, въ которомъ ему суждено было родиться, онъ и къ ней проникается совсѣмъ особенною нѣжностью и любовью. Еще въ «Губернскихъ очеркахъ» мы читаемъ слѣдующее:

„Я люблю эту бѣдную природу, можетъ быть потому, что, какова она ни есть, она все-таки принадлежитъ мнѣ; она сроднилась со мной точно также, какъ и я сжился съ ней; она лелѣяла мою молодость; она была свидѣтельницей первыхъ тревогъ моего сердца, и съ тѣхъ поръ ей принадлежитъ лучшая часть меня самого. Перенесите меня въ Швейцарію, въ Индію, въ Германію, окружите какою хотите роскошною природою, накиньте на эту природу какое хотите прозрачное и синее небо—я все-таки вездѣ найду милые сѣренькіе тоны моей родины, потому что я всюду и всегда ношу ихъ въ моемъ сердцѣ, потому что душа моя хранитъ ихъ, какъ лучшее свое достояніе“.

II.

Жизнь Салтыкова въ Вяткѣ.

Въ канцеляріи военнаго министра.—Первыя двѣ повѣсти: „Противорѣчія" и „Запутанное дѣло".—Чиновникъ особыхъ порученій и совѣтникъ губернскаго правленія.—Дѣло о прекращеніи безпорядковъ въ Трушниковской волости.—Докладъ Салтыкова о бѣдственномъ положеніи крестьянъ и ходатайство о надѣленіи ихъ достаточнымъ количествомъ земли.—Вятское общество временъ Салтыкова.—Недовольство провинцій. Краткая исторія Россіи, написанная Салтыковымъ для дочерей Болтина.—Біографія Беккаріа.—Замѣтка объ идеѣ права.

23 августа 1844 года Салтыковъ былъ зачисленъ въ канцелярію военнаго министра, а черезъ два года, въ августѣ 1846 г., получилъ тамъ мѣсто помощника секретаря и, конечно, не думалъ, что скоро ему предстоитъ проститься съ Петербургомъ и отправиться на службу въ Вятку. Причиною послѣдняго была тоже литература, къ которой его продолжало тянуть. Первыми его произведеніями были рецензіи нѣкоторыхъ новыхъ книгъ въ отдѣлѣ библіографической хроники «Отеч. Зап.» (преимущественно учебниковъ и для дѣтскаго возраста). До 1846 г. отдѣломъ этимъ завѣдывалъ Бѣлинскій, потомъ, до половины 1847 г., главную роль игралъ въ немъ Валерьянъ Майковъ, а послѣ его смерти дѣло велось, повидимому, коллективно. Въ 1847 г., въ ноябрьской книжкѣ тѣхъ же «От. Зап.», была напечатана первая повѣсть Салтыкова «Противурѣчія», подъ псевдонимомъ М. Непанова, посвященная В. А. Милютину, родному брату Нико-

лая и Дмитрія Алексѣевичей. В А. Милютинъ и В. Майковъ, оба рано умершіе, были талантливыми и многообѣщавшими молодыми писателями, первый — въ области политическихъ и соціальныхъ наукъ, второй—въ критикѣ. Салтыковъ вспоминалъ о нихъ не разъ, когда заходила рѣчь о томъ времени.

Первому своему беллетристическому опыту онъ не придавалъ серьезнаго значенія и не включалъ повѣсть «Противурѣчія» ни въ одно изъ изданій своихъ произведеній, не исключая и послѣдняго, которое хотя и вышло уже послѣ его смерти, но составъ котораго былъ точно опредѣленъ имъ самимъ. Затѣмъ, въ мартѣ 1848 года, появилась въ «Отеч. Запискахъ» вторая его повѣсть: «Запутанное дѣло», которая и послужила поводомъ къ высылкѣ его въ Вятку. Можетъ быть этого и не случилось-бы, еслибы не произошло во Франціи февральской революціи и мартовскаго движенія въ Германіи, потому что основная мысль повѣсти—сочувствіе бѣднымъ и униженнымъ— только съ большою натяжкою могла быть истолкована въ смыслѣ прямого и непозволительнаго порицанія общественнаго строя. Къ этому присоединилось еще то, что находили нѣкоторое сходство между дѣйствительными лицами и изображенными. Въ повѣсти усматривалось вліяніе Ж. Зандъ и другихъ французскихъ писателей, проповѣдовавшихъ свободу и соціалистическія ученія и распространеніемъ идей которыхъ главнымъ образомъ объяснялось революціонное броженіе въ Европѣ.

По словамъ біографическаго очерка «Русской Библіотеки», просмотрѣннаго и одобреннаго самимъ Салтыковымъ, было обращено особое вниманіе на обѣ его повѣсти, хотя онѣ и были пропущены цензурой и не носили его подписи (вторая была подписана только иниціалами М. С.). Очень возможно, что были приняты въ соображеніе обѣ повѣсти, но главные пункты обвиненія все-таки были направлены противъ второй. Самъ Салтыковъ говоритъ: «въ мартѣ мѣсяцѣ я написалъ повѣсть («Запутанное дѣло»), а въ маѣ ужъ былъ зачисленъ въ штатъ вятскаго губернскаго правленія». Самое же дѣло

происходило такъ: «надо было случиться, говоритъ г. Скабичевскій, чтобы однимъ изъ первыхъ распоряженій комитета было строгое замѣчаніе военному министру за цензурныя неисправности въ «Русск. Инвалидѣ». Это обстоятельство вооружило гр. Чернышева противъ литераторовъ, и, какъ нарочно, въ то время какъ гр. Чернышевъ находился еще подъ впечатлѣніемъ полученнаго имъ замѣчанія, явился къ нему Салтыковъ, какъ подчиненный, проситься въ отпускъ»... Упустивши совсѣмъ изъ вида, что чиновникъ его занимается литературой, гр. Чернышевъ тутъ только вспомнилъ объ этомъ и спросилъ Салтыкова: «вы, кажется, въ журналахъ пишете?» На утвердительный отвѣтъ, гр. Чернышевъ потребовалъ, чтобы онъ представилъ ему свои сочиненія, а потомъ, молъ, «мы и посмотримъ, можно ли васъ отпустить»... Салтыковъ представилъ ему свои два разсказа, а тотъ поручилъ Н. Кукольнику написать о нихъ докладъ. Заклятый врагъ натуральной школы, Кукольникъ представилъ ему такой докладъ, что «гр. Чернышевъ только ужаснулся, что такой опасный человѣкъ служитъ въ его министерствѣ», и тотчасъ же препроводилъ докладъ въ Бутурлинскій комитетъ, а Салтыкова уволилъ изъ министерства.

28 апрѣля 1848 года онъ былъ отправленъ въ Вятку.

О жизни М. Е. въ Вяткѣ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало извѣстно. Одно только можно сказать, что жизнь онъ велъ дѣятельную и что выдающіяся его способности не заглохли и нашли и тамъ приложеніе. Сначала онъ былъ зачисленъ въ канцелярскіе чиновники при губернскомъ правленіи, т. е. пониженъ по службѣ, поставленъ въ самые послѣдніе ея ряды; но съ осени того же года положеніе его улучшилось — онъ былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Губернаторомъ въ то время въ Вяткѣ былъ Середа. Онъ не могъ не оцѣнить молодого чиновника, рѣзко выдѣлявшагося изъ среды провинціальной бюрократіи и образованіемъ своимъ, и знаніемъ дѣла. Салтыковъ два раза при немъ исправлялъ должность правителя гу-

бернаторской канцеляріи; сверхъ того ему было поручено составленіе по городамъ Вятской губерніи инвентарей недвижимыхъ имуществъ, статистическихъ описаній и соображеній о мѣрахъ къ лучшему устройству городскихъ дѣлъ. 5 августа 1850 г. Салтыковъ былъ назначенъ совѣтникомъ вятскаго губернскаго правленія. Въ 1851 г. Середа былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ оренбургскаго казачьяго войска и оставилъ Вятку, а на его мѣсто пріѣхалъ Семеновъ. При новомъ губернаторѣ дѣятельность Салтыкова становится еще разнобразнѣе. Помимо вышеупомянутой работы и одновременно съ нею, онъ состоитъ еще дѣлопроизводителемъ въ трехъ комитетахъ: о рабочемъ и смирительномъ домахъ, о порядкѣ отдачи въ аренду почтовыхъ станцій и о выставкѣ сельскихъ произведеній въ Петербургѣ, а затѣмъ на него же возлагается и распоряженіе вятской очередной сельскохозяйственной выставкой *). Въ 1852 г. Салтыковъ, въ качествѣ совѣтника губ. правленія, былъ посланъ губернаторомъ, вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ, въ Слободской уѣздъ, для принятія мѣръ къ прекращенію безпорядковъ между государственными крестьянами Путейскаго и Нелѣсовскаго сельскихъ обществъ Трушниковской волости; въ 1853 году былъ командированъ въ Нолинскъ для обревизованія дѣлопроизводства тамошняго земскаго суда.

Всѣ эти порученія, — какъ и многія другія, не попавшія въ его формулярный списокъ, — исполнялись имъ далеко не заурядным, чиновничьимъ образомъ: онъ тщательно изучалъ дѣло, выяснялъ всѣ его обстоятельства, старался раскрыть причину тѣхъ или другихъ явленій и найти средства къ предупрежденію ихъ. И дѣлалъ все это онъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ, а когда нужно было, то и съ гражданскимъ мужествомъ, не боясь высказывать прямо непріятную правду или предлагать мѣры, которыя легко могли быть поставлены на

*) Такую же дѣятельную роль по устройству мѣстной выставки въ Вяткѣ, лѣтъ за 15 передъ тѣмъ, игралъ Герценъ.

счетъ его неблагонамѣренности. Лучше всего это можно видѣть изъ сохранившейся въ его бумагахъ копіи съ донесенія, представленнаго имъ въ ноябрѣ 1852 г. губернатору, по вышеупомянутому дѣлу о прекращеніи безпорядковъ въ Трушниковской волости. Дѣло это, окончившееся при участіи Салтыкова миролюбиво, представляетъ значительный интересъ, какъ образчикъ положенія крестьянъ и дореформенныхъ административныхъ порядковъ.

Вкратцѣ состояло оно въ слѣдующемъ: существовала Камская казенная оброчная статья, смежная съ Путейскимъ и Нелѣсовскимъ сельскими обществами и сдававшаяся въ аренду то имъ, то частнымъ лицамъ (если тѣ платили хотя бы только 12 рублями дороже), которыя устраивали изъ нея источникъ наживы и притѣсненія крестьянъ. Въ точности ни размѣръ, ни границы этой статьи опредѣлены не были (въ 1836 г. въ ней числилось 1846 дес., въ 1846—720, въ 1850—991 дес.), вслѣдствіе чего между крестьянами и арендаторами происходили постоянныя недоразумѣнія. Крестьянамъ крайне необходима была эта земля, потому что своей было мало; они расчистили ее изъ подъ лѣса, привыкли владѣть ею и считали если не всю, то часть ея своею, а арендаторы требовали съ нихъ оброка даже за такія мѣста, которыя, по мнѣнію крестьянъ, не входили въ оброчную статью, а принадлежали сельскимъ обществамъ. Лѣсничіе не опредѣляли и не соблюдали границъ, а только доносили палатѣ гос. имуществъ, что камская статья заросла порослью и не имѣетъ межевыхъ знаковъ; землемѣры, не смотря на предписанія, либо отказывались возобновить знаки подъ какими нибудь предлогами, либо ссылались (какъ это было въ 1852 г.) на нежеланіе понятыхъ указать границы, которыхъ тѣ можетъ быть и не знали; палата втеченіе 16 лѣтъ ограничивалось «отпиской» и ни разу не потрудилась вникнуть какъ слѣдуетъ въ положеніе крестьянъ; судя по контракту съ послѣднимъ арендаторомъ, она даже *совершенно была незнакома съ предметомъ сдѣлки*. Словомъ, шла обычная канцелярская волокита, пере-

писка и отписка. Крестьяне то соглашались платить арендаторамъ оброкъ, то отказывались. Когда послѣдній арендаторъ отказался отъ дальнѣйшаго содержанія камской статьи и палата предписала лѣсничему принять ее въ свое хозяйственное распоряженіе, то послѣдній, вмѣсто того, возобновилъ вновь, съ своей еще стороны, переписку о взысканіи съ крестьянъ. Поѣхало на мѣсто дѣйствія временное отдѣленіе земскаго суда; крестьяне не только отказались отъ платежа взыскиваемыхъ денегъ, но и вынудили становаго, помощника окружнаго начальника и самого арендатора дать оправдывающую ихъ дѣйствія подписку; послано было за военной командой.

И вотъ какъ разъ въ это время былъ командированъ Салтыковъ. Изъ разспросовъ крестьянъ онъ узналъ еще о новомъ обстоятельствѣ, объясняющемъ ихъ *неповиновеніе* и *упорство*: въ 1844 г. спорная земля была нарѣзана имъ землемѣромъ по числу душъ и была предназначена къ отводу въ составъ земельнаго ихъ надѣла, что было крайне необходимо, потому что надѣлъ, которымъ они пользовались, былъ произведенъ еще по генеральному межеванію, а не по числу душъ 8-й ревизіи, и, достаточный тогда, сталъ недостаточенъ впослѣдствіи. Хотя нарѣзка эта и не была еще утверждена въ установленномъ порядкѣ, а была лишь предварительной,—почему-то этимъ медлили, — но крестьяне считали дѣло поконченнымъ, принимали нарѣзку за актъ окончательный. Убѣдить ихъ при такихъ условіяхъ въ необходимости исполненія предъявляемыхъ къ нимъ требованій было задачею не легкою, но Салтыковъ въ этомъ успѣлъ до прибытія военной команды.

Другой на этомъ и остановился бы: отрапортовалъ бы начальству, что «безпорядки прекращены и бунтовщики приведены въ надлежащее повиновеніе», и считалъ бы миссію свою блистательно исполненной; но не таковъ былъ М. Е.: взявшись за дѣло, онъ считалъ необходимымъ довести его до конца, по крайней мѣрѣ до конца логическаго, т. е. до выясненія причинъ извѣстнаго явленія и мѣръ, какія должны быть приняты, если не желаютъ

чтобы явленіе повторялось. И вотъ мы видимъ, что онъ тщательно описываетъ крестьянскій бытъ, до мелочей входитъ въ подробности хозяйства и промысловъ «бунтовщиковъ», не оставляетъ положительно ни одного обстоятельства не замѣченнымъ и не обслѣдованнымъ. Это приводитъ его къ убѣжденію, что крестьяне «находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи», что удобной земли у нихъ «едва-едва приходится на душу отъ 2 до 3 десятинъ» и что земля эта «самаго посредственнаго качества», такъ какъ хлѣбъ родится «едва самъ третій, а большею частію самъ другъ»; что это, вѣроятно, «и понудило крестьянъ дѣлать въ свободныхъ казенныхъ земляхъ расчистки, которыя впослѣдствіи были введены въ составъ камской оброчной статьи»; что хорошихъ сѣнокосовъ у нихъ «нѣтъ вовсе» и что лучшіе поемные луга по р. Камѣ также «введены въ составъ оброчной статьи и изъ пользованія крестьянъ изъяты»; что «скотоводство поэтому находится въ самомъ жалкомъ положеніи», а отъ этого страдаетъ и хлѣбопашество, что промысловъ, которыми занимаются крестьяне (бурлачество, поставка дровъ и угля на сосѣдніе желѣзодѣлательные и пермскіе солеваренные заводы), «едва достаточно на уплату государственныхъ податей», и т. д. А убѣдившись, что «причины, побудившія крестьянъ къ возмущенію», заключаются: во 1) въ самомъ ихъ положеніи, которое «представляется столь бѣдственнымъ, что съ перваго взгляда обращаетъ на себя особенное вниманіе», и 2) въ недоразумѣніи, возникшемъ «отъ неотграниченія и неприведенія въ извѣстность камской статьи», онъ приходитъ въ концѣ своего рапорта къ слѣдующему выводу:

«По моему мнѣнію, единственный способъ водворить между крестьянами прочный порядокъ и тишину заключается въ скорѣйшемъ надѣленіи ихъ землею по числу душъ 8-й ревизіи, причемъ, такъ какъ почти всѣ свободныя казенныя земли этого края таковы, что нарѣзка ихъ крестьянамъ нисколько не послужитъ къ улучшенію ихъ быта, а напротивъ того потребуетъ отъ нихъ же значительнаго труда и издержекъ, которые могутъ вознаградиться развѣ черезъ весьма долгое время,

то я полагалъ бы въ число земель, предполагаемыхъ къ надѣлу крестьянамъ по 8-й ревизіи, включить и камскую статью въ полномъ ея составѣ. Тѣмъ болѣе, по мнѣнію моему, предположеніе это заслуживаетъ уваженія, что статья сія составилась изъ лѣсныхъ полянъ, на расчистку которыхъ этими же крестьянами употребленъ не одинъ десятокъ лѣтъ».

Чтобы высказывать подобныя вещи въ 1852 году, да еще въ исключительномъ положеніи Салтыкова, дѣйствительно, надо было имѣть извѣстную долю гражданскаго мужества. Не щадилъ онъ при этомъ и многочисленныхъ упущеній со стороны вѣдомства государственныхъ имуществъ, въ которомъ частенько тогда попадались «озорники», «чиновники хозяйственнаго управленія» и Удодовы, выведенные имъ потомъ въ «Губ. очеркахъ» и «Благонамѣренныхъ рѣчахъ».

Однако провинціальная жизнь, хотя бы и очень дѣятельная, не могла удовлетворить Салтыкова. У него были другія духовныя потребности, кромѣ служебныхъ, у него были товарищи, друзья, отношенія и связи съ людьми, которыхъ онъ уважалъ и живая бесѣда съ которыми становилась тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ ниже было окружающее общество и чѣмъ онъ въ глубинѣ души чувствовалъ себя болѣе одинокимъ. «Вятскій чиновный міръ пятидесятыхъ годовъ,—говоритъ г. К. Арсеньевъ—состоялъ, большею частью, изъ оригиналовъ портретной галереи, наполняющей «Губернскіе очерки». Съ постояннымъ ихъ сосѣдствомъ онъ никакъ примириться не могъ». Были нѣкоторыя исключенія, какъ напр. А. П. Тиховидовъ, котораго онъ изъ учителей гимназіи убѣдилъ перейти на гражданскую службу и потомъ рекомендовалъ Муравьеву (сыну министра), когда тотъ, уже по возвращеніи его изъ Вятки, былъ назначенъ туда губернаторомъ; было и еще нѣсколько человѣкъ хорошихъ людей, съ которыми можно было «по человѣчески переговорить»; но все таки это было не то, что нужно было Салтыкову, и не они — нѣсколько человѣкъ — придавали окраску и тонъ жизни. Онъ скучалъ, боялся опуститься въ тину провинціальныхъ мелочей и вотъ что писалъ въ своей «Скукѣ:»

«О, провинція! ты растлѣваешь людей, ты истребляешь всякую самодѣятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать!.. Какая возможность развиваться, когда горизонтъ мышленія такъ обидно съуживается? Какая возможность мыслить, когда кругомъ нѣтъ ничего вызывающаго на мысль?... «Были у меня иныя времена, окружали меня иные люди, все иное! Были глубокія вѣрованія, горячія убѣжденія, была страсть къ добру!.. Гдѣ-то вы, друзья и товарищи моей молодости?.. Помню я долгіе зимніе вечера и наши дружескія, скромныя бесѣды, заходившія далеко за полночь. Какъ легко жилось въ это время, какая глубокая вѣра въ будущее, какое единодушіе надеждъ и мысли оживляло всѣхъ насъ!»

Положеніе его еще смягчалось тѣмъ, что къ нему очень хорошо относилось мѣстное общество. Его всюду звали, начиная съ высшихъ административныхъ лицъ, и вездѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Чаще другихъ онъ бывалъ въ домѣ вятскаго вице-губернатора Болтина, гдѣ скоро сдѣлался своимъ человѣкомъ и на одной изъ дочерей котораго, Елизаветѣ Аполлоновнѣ, впослѣдствіи женился. Вспоминая тѣ годы, Елизавета Аполлоновна говоритъ, что онъ чувствовалъ себя у нихъ вполнѣ хорошо, подолгу разговаривалъ съ ихъ матерью, шутилъ и разговаривалъ съ ними (она и сестра ея были въ то время еще дѣвочками), вообще, бывалъ веселъ, хотя и тогда она не помнитъ, чтобы онъ смѣялся, какъ другіе: «у него смѣялись только глаза». Отправляясь семьею кататься, они почти всегда заѣзжали за нимъ и брали его съ собою; при этомъ иногда находили его въ забавномъ положеніи: онъ не могъ ѣхать, потому что оказывался запертъ и не могъ выдти изъ дома; старый человѣкъ, который жилъ у него, отлучаясь не на долго куда нибудь въ лавку, обыкновенно запиралъ домъ и его тамъ. И Салтыковъ на это не сердился, а только въ комическомъ видѣ сообщалъ изъ окна о своемъ положеніи. Обращалъ онъ вниманіе и на учебныя занятія молодыхъ дѣвушекъ, и такъ какъ въ то время не было хорошаго учебника по русской исторіи, то онъ и составилъ спеціально для нихъ «Краткую исторію Россіи». Написанная по разнымъ источникамъ и доведенная до Петра I, рукопись эта со-

стоитъ изъ сорока довольно мелко написанныхъ листовъ и стоила не малаго труда. Хотя это есть простое сжатое изложеніе событій, но Салтыковъ старался не упустить въ немъ ничего существеннаго и отмѣтить самый духъ событій и значеніе ихъ для народа. Такимъ образомъ, напр., у него изложено царствованіе Іоанна Грознаго, общее направленіе внутреннихъ реформъ котораго, особливо въ лучшую эпоху (1547—60 гг.), имѣло въ виду подавленіе боярскаго произвола и озлобленіе котораго онъ объясняетъ постояннымъ противудѣйствіемъ, корыстолюбіемъ и непониманіемъ государственныхъ интересовъ со стороны окружавшей его среды. Писалъ Салтыковъ «Краткую исторію Россіи» отчасти въ Вяткѣ, а отчасти въ тверской своей деревнѣ, куда ему позволили на нѣкоторое время съѣздить, и посылалъ ее оттуда въ Вятку по частямъ.

О внутренней его жизни въ этотъ періодъ даютъ еще нѣкоторое представленіе сохранившіяся въ его бумагахъ замѣтки, выписки изъ прочитанныхъ книгъ, краткіе наброски мыслей, которыя потомъ предполагалось «развить» и т. п. Все это, не смотря на свою отрывочность, показываетъ, чѣмъ онъ интересовался, что думалъ и чѣмъ собирался заниматься. Сохранился, напр., приступъ къ біографіи Беккаріи и замѣтки «Объ идеѣ права». Къ начатой біографіи Беккаріи приложено нѣсколько выписокъ изъ него и противъ одной изъ нихъ, гдѣ онъ говоритъ, что «люди согласились, молчаливымъ контрактомъ, пожертвовать частью своей свободы, чтобы пользоваться остальнымъ спокойно» и т. д., Салтыковъ замѣчаетъ: «нельзя себѣ представить, чтобы человѣкъ могъ добровольно отказаться отъ части свободы, да и нѣтъ въ томъ никакой надобности». Въ замѣткахъ «Объ идеѣ права» бѣгло набросано нѣсколько мыслей, которыя повидимому должны были лечь въ основу этой работы: о важности сравнительнаго изученія уголовныхъ законовъ, о связи между законодательствомъ и нравами, о преступленіи вообще, о полныхъ любви и снисхожденія взглядахъ на

него у народовъ цивилизованныхъ, когда «въ сознаніи народномъ живетъ идея правды» и законодатель изучаетъ «глубочайшіе тайники природы человѣческой», о взглядѣ на преступленіе, какъ на дѣйствіе воли человѣка, направленное къ увеличенію суммы личнаго его благосостоянія и которое было бы вполнѣ законнымъ, еслибы не было сопряжено съ ущербомъ для другихъ, о причинахъ, вліяющихъ на мѣру наказанія. и несправедливости спеціальныхъ наказаній (напр. тѣлесныхъ) для цѣлыхъ сословій, о различіи преступленій противъ права естественнаго, противъ личности, отъ преступленій противъ права гражданскаго (искусственнаго). На особомъ листѣ начато было еще разсужденіе на тему: имѣетъ ли всякій членъ общества право требовать отъ него насущнаго хлѣба.

Мы едва ли ошибемся,—замѣчаетъ по этому поводу К. К. Арсеньевъ, по разсмотрѣніи этого наброска,—если скажемъ, что Салтыковъ хотѣлъ выставить въ этой работѣ «въ самомъ яркомъ свѣтѣ крайности мальтузіанства—и затѣмъ перейти къ его опроверженію...» Сохранились еще между Салтыковскими бумагами нѣсколько страницъ выписокъ изъ Токвиля («De la démocratie en Amérique»), Вивьена («Etudes administratives)» и Шерюеля («Histoire de l'administration monarchique en France»). Наконецъ о литературныхъ занятіяхъ свидѣтельствуютъ «Губернскіе очерки», сразу доставившіе ему громкую извѣстность и оказавшіеся, какъ скоро самъ онъ убѣдился при знакомствѣ съ другими, внутренними губерніями, настолько типичными, что въ далекомъ Крутогорскѣ какъ бы отразилась вся провинціальная Россія. Потому-то «Губернскіе очерки» и имѣли такое большое значеніе.

III.

Служба и литература.

Возвращеніе изъ Вятки въ Петербургъ подъ тяжелыми предчувствіями. — „Губернскіе очерки". — Женитьба. — Чиновникъ особыхъ порученій Министер. Внутр. Дѣлъ.—Докладъ Салтыкова о злоупотребленіяхъ по ополченскому дѣлу и записка о полиціи. — Журнальная дѣятельность Салтыкова.—Полемика со Ржевскимъ по крестьянскому вопросу. — Выходъ въ отставку. — Салтыковъ получаетъ отказъ въ просьбѣ издавать журналъ. — Сотрудничество въ „Современникѣ".—Недовольство литературой и перемѣна журнальной дѣятельности на административную. — Отношеніе къ служащимъ. — Воспоминанія рязанскихъ старожиловъ о служебной дѣятельности Салтыкова въ ихъ губерніи. — Салтыковъ окончательно оставляетъ службу и всецѣло отдается литературѣ.

Въ ноябрѣ 1855 г. Салтыкову было позволено выѣхать изъ Вятки, а 12 февр. 1856 г. онъ былъ отчисленъ отъ должности совѣтника вятскаго губ. правленія и причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, почти восьмилѣтняя ссылка кончилась. Обязанъ онъ былъ этимъ, по словамъ Михайлова, новому вятскому губернатору, Ланскому, а всего вѣроятнѣе въ лицѣ его—новымъ вѣяніямъ и перемѣнѣ взглядовъ послѣ крымской кампаніи. Но возвращался онъ въ Петербургъ не съ радостнымъ, а скорѣе съ стѣсненнымъ сердцемъ. Хотя въ дорогѣ ему и снилась погребальная процессія «прошлыхъ временъ», но надежды на будущее смѣшивались съ опасеніями, что въ дѣйствительности получится нѣчто гораздо меньшее ожиданій. Это было уже плодомъ горькаго опыта жизни, плодомъ близкаго знакомства

съ оффиціальнымъ Крутогорскомъ и невольныхъ отсюда обобщеній. Кромѣ того у него образовалась привычка къ далекому краю, къ его зыбучимъ пескамъ, большимъ хвойнымъ лѣсамъ и въ особенности къ населяющему его люду, «простодушному, смирному, слегка унылому, или, лучше сказать, какъ бы задумавшемуся надъ разрѣшеніемъ какой-то непосильной задачи», а затѣмъ были сомнѣнія въ собственныхъ силахъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Салтыковъ всегда преувеличивалъ опасенія. Къ счастью, это не оказывало парализующаго вліянія на его дѣятельность, не переходило въ разочарованіе и безплодное нытье, а являлось въ такой мѣрѣ, чтобы браться за дѣло всѣми силами и дѣлать его со всѣмъ тщаніемъ. О настроеніи его въ это время можно отчасти судить по очерку «Въ дорогѣ»:

«Передо мною растворяются двери новой жизни, — писалъ онъ, — той полной жизни, о которой я мечталъ, къ которой устремлялся всѣми силами души своей... И между тѣмъ внутри меня совершается странное явленіе! Я слышу, я чувствую, что какое то неизъяснимое тайное горе сосетъ мое сердце... Я огорченъ, я подавленъ, я уничтоженъ.. Мнѣ кажется, что меня тяжело оскорбили, что внезапно погибло все, что я любилъ, чѣмъ былъ счастливъ, что я неожиданно очутился одинъ, отторгнутый отъ всего живого... И въ самомъ дѣлѣ, что меня ждетъ впереди? Новая борьба, новыя хлопоты, новыя искательства? А я такъ усталъ ужъ, такъ разбитъ жизнью, какъ разбита почтовая лошадь ежечасною ѣздою по каменистой дорогѣ! И не то, чтобъ я, въ самомъ дѣлѣ, много жилъ, много извѣдалъ, много выстрадалъ... Нѣтъ... между тѣмъ сознаю, что душа моя дѣйствительно огрубѣла, а въ сердцѣ царствуетъ преступная вялость. Ужели же я погибну, не живши? спрашиваю я себя, и вдругъ чувствую нестерпимый приливъ крови въ жилахъ. Мнѣ хочется бѣжать-бѣжать, кричать-кричать... Но вмѣстѣ съ тѣмъ я, какъ выздоравливающій больной, ощущаю, что мнѣ сильный моціонъ еще не по силамъ, что одно желаніе моціона порождаетъ уже разслабленіе и усталость»...

Разумѣется, настроеніе это сейчасъ же прошло, какъ только онъ пріѣхалъ и взялся за дѣло. И дѣла у него сразу явилось по горло, какъ служебнаго, такъ и литературнаго (въ 1856 г. начали печататься въ «Русскомъ Вѣстникѣ» его

«Губернскіе очерки») и частнаго, такъ какъ въ этомъ же году онъ женился и долженъ былъ устраивать свои домашнія дѣла. По службѣ мы видимъ слѣдующее: 12 мая на надворнаго совѣтника Салтыкова возлагается составленіе свода распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ, относящихся къ войнѣ 1853—56 г.г.; 20 іюня онъ назначается въ томъ же министерствѣ исправляющимъ должность чиновника особыхъ порученій VI класса, а 5 августа командируется въ губерніи Тверскую и Владимірскую, для обозрѣнія на мѣстѣ письменнаго дѣлопроизводства губернскихъ комитетовъ ополченія. Результатомъ этой командировки явилась обширная записка, черновая рукопись которой сохранилась въ бумагахъ Салтыкова и въ которой онъ яркими чертами обрисовалъ закулисную сторону и многочисленныя злоупотребленія ополченскаго дѣла. Безобразія внутреннихъ губерній едва ли не превосходили вятскихъ. Кромѣ этихъ порученій, на него возлагались и другія, напр.: составленіе предположеній объ улучшеніи устройства земскихъ повинностей; объ устройствѣ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ; объ устройствѣ градскихъ и земскихъ полицій, и т. п. По послѣднимъ двумъ предметамъ также сохранились въ бумагахъ служебныя записки. Обширная записка о полиціи отлично рисуетъ административные взгляды Салтыкова и замѣчательна какъ по знанію и изученію предмета не только у насъ, но и въ европейской практикѣ, такъ и по той прямотѣ, съ какою онъ высказывалъ свои широкіе взгляды.

Къ сожалѣнію, объемъ этой записки не позволяетъ намъ остановиться на ней болѣе подробно, но все таки мы не можемъ не сказать, что Салтыковъ въ ней съ рѣзкостью изображаетъ неудовлетворительное состояніе тогдашней полиціи, разсматриваетъ вопросъ о централизаціи и децентрализаціи и является сторонникомъ послѣдней, защищаетъ самодѣятельность и самостоятельность «земства», а по пути затрогиваетъ и вопросъ о судѣ, говоря о необходимости общаго переустройства губернской и уѣздной администраціи.

Положительная сторона предложеній Салтыкова теперь можетъ, пожалуй, показаться нѣсколько странной (напр. составъ земскаго совѣта, послѣ изданія земскаго положенія), но тогда это было бы большимъ шагомъ впередъ, а многое изъ высказаннаго имъ и до сихъ поръ еще имѣетъ самое современное значеніе, напр.: упущенная изъ виду и потомъ только въ 80-хъ годахъ всплывшая въ земскихъ проектахъ мысль о необходимости объединенія уѣзднаго управленія, пріуроченіе этого управленія къ земской почвѣ, съ подчиненіемъ земству полиціи исполнительной, и вообще взглядъ на отношенія между земствомъ и центральной властью, который высказывается теперь лучшими представителями государственнаго права *).

Нужно замѣтить, что записка эта была писана раньше 1860 года, когда Салтыковъ, бывшій тогда уже вице-губернаторомъ (съ 6 марта 1858 года), участвовалъ въ занятіяхъ учрежденной при министерствѣ коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, и тѣмъ больше, конечно, она дѣлаетъ ему чести, какъ человѣку, который, едва вернувшись изъ Вятки, не остановился, ради истины и интересовъ общественныхъ, передъ соображеніями о личныхъ интересахъ и рѣшился съ такою прямотою высказывать свои взгляды. А если мы сличимъ эти взгляды съ тѣми выписками, какія онъ дѣлалъ въ Вяткѣ, то увидимъ и всю послѣдовательность и устойчивость его міросозерцанія и убѣжденій.

Въ 1858 году Салтыковъ былъ назначенъ въ Рязань вице-губернаторомъ. Въ 1860 году его перевели на ту же должность въ Тверь, гдѣ ему нѣсколько разъ пришлось исполнять должность губернатора. Хотя служебныхъ занятій у него было достаточно, но все таки онъ могъ удѣлять нѣкоторое время и литературѣ. Окончивъ въ 1857 г. «Губернскіе очерки»,

---

*) Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ содержаніемъ этой любопытной записки отсылаемъ къ статьѣ К. К. Арсеньева, которою мы пользуемся при изложеніи свѣдѣній о служебной дѣятельности Салтыкова и приложенной къ IX тому его сочиненій (изд. 1890 г.)

вышедшіе вскорѣ отдѣльнымъ изданіемъ, онъ въ томъ же году напечаталъ еще нѣсколько произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя не вошли въ полное собраніе его сочиненій (комедія — «Смерть Пазухина», появившаяся въ «Русск. Вѣстникѣ», и «Женихъ», картина провинціальныхъ нравовъ, въ «Современникѣ»). Въ 1858—59 г.г. Салтыковъ появляется въ «Русск. Вѣстникѣ», въ «Атенеѣ», въ «Современникѣ», въ «Библіотекѣ для чтенія» и въ «Московскомъ Вѣстникѣ». Почти все написанное въ это время вошло потомъ въ «Невинные разсказы». Съ 1860 г. Салтыковъ примыкаетъ къ «Современнику» и дѣлается постояннымъ его сотрудникомъ. Въ другихъ изданіяхъ появляются только нѣсколько сценъ его и разсказовъ во «Времени» 1862 года да нѣсколько публицистическихъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 г., когда ихъ издавалъ Коршъ. Первые потомъ были перепечатаны въ «Сатирахъ въ прозѣ», вторыя никуда не вошли и, къ сожалѣнію, совсѣмъ забыты, не смотря на представляемый ими интересъ. Это однѣ изъ наиболѣе горячихъ его статей, за полною его подписью, по поводу крестьянской реформы, когда противъ нея стали подниматься голоса консервативно-дворянской партіи и такихъ господъ, какъ Ржевскій, съ которымъ онъ полемизировалъ. Статьи эти: «Объ истинномъ значеніи недоразумѣній по крестьянскому дѣлу, «Объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ», «Гдѣ истинные интересы дворянства» и нѣсколько другихъ замѣтокъ и возраженій Ржевскому положительно заслуживаютъ того, чтобы войти вмѣстѣ съ другими интересными документами и работами, въ слѣдующее изданіе его сочиненій.

Онъ чувствовалъ и зналъ, что начинается реакція противъ реформы, что, выступая горячимъ защитникомъ ея, онъ не понравится многимъ и что это можетъ повліять на дальнѣйшую его службу, но тѣмъ не менѣе писалъ, такъ какъ трудно было переживать нечестивыя усилія молча.

Литература тянула его къ себѣ все сильнѣе и сильнѣе и

вѣроятно главнымъ образомъ подъ вліяніемъ этой притягательной силы онъ вышелъ въ 1862 году въ первый разъ въ отставку. Сначала онъ хотѣлъ было поселиться въ Москвѣ и основать тамъ двухнедѣльный журналъ; но когда это ему не удалось *), то переѣхалъ въ Петербургъ и вошелъ съ начала 1863 г. въ редакцію «Современника», гдѣ и сталъ дѣятельно работать.

За это время (1863—64 г.г.) онъ пишетъ очень много и въ разныхъ отдѣлахъ: пишетъ разсказы, очерки, московскія письма, отдѣльныя статьи, обозрѣнія общественной жизни, участвуетъ въ «Свисткѣ», разбираетъ и дѣлаетъ отзывы о новыхъ книгахъ; нѣкоторыя статьи подписываетъ прежнимъ псевдонимомъ Н. Щедрина, другія—К. Гурина (московскія письма), третьи—Михаила Зміева-Младенцева (въ «Свисткѣ»), а большинство оставляетъ совсѣмъ безъ подписи. Только незначительная часть изъ написаннаго имъ въ это время вошла въ отдѣльныя изданія и въ полное собраніе его сочиненій («Невинные разсказы», «Признаки времени», «Помпадуры и помпадурши»), остальное до сихъ поръ лежитъ подъ журнальнымъ спудомъ и было бы вѣроятно совсѣмъ забыто, еслибы А. Н. Пыпинъ не сдѣлалъ списка того, что принадлежало его перу **). Если не больше чѣмъ теперь, то во всякомъ случаѣ и тогда литература

---

*) Въ бумагахъ Салтыкова сохранилась рукопись: «Замѣчанія на проэктъ устава о книгопечатаніи», выработанный въ то время особой коммисіей при министерствѣ нар. просв., подъ предсѣдательствомъ кн. Д. А. Оболенскаго. Разбирая этотъ проэктъ (впослѣдствіи пересмотрѣнный другою коммисіею при министерствѣ внутр. дѣлъ, и тогда уже послужившій основаніемъ закона 1865 г.) Салтыковъ сообщаетъ между прочимъ и объ отказѣ ему въ изданіи журнала. Отказъ мотивировался министромъ народ. просвѣщенія, къ которому тогда поступали прошенія объ изданіяхъ, тѣмъ, что «такъ какъ разсматриваются новыя законоположенія о книгопечатаніи, то и принято за правило до окончанія этого дѣла не разрѣшать новыхъ журналовъ». Между тѣмъ, замѣчаетъ Салтыковъ «съ тѣхъ поръ разрѣшено не мало таки новыхъ журналовъ», не смотря на то, что новыя законоположенія все еще не разсмотрѣны.

**) «Вѣстн. Европы», 1889 г. № 10, 11 и 12.

была переполнена разными терніями, начиная отъ чисто нравственныхъ и кончая матеріальными. Салтыковъ зависѣлъ отъ журнальной работы, «Современникъ» много платить не могъ, приходилось, какъ самъ Салтыковъ однажды выразился, «перебиваться рецензіями», которыхъ больше всего имъ и писалось, а библіографическая работа самая неблагодарная. Не хорошо чувствовалъ себя Салтыковъ въ это время и сталъ подумывать опять о службѣ. Вотъ что говоритъ о немъ въ ту пору г-жа Головачева въ своихъ воспоминаніяхъ («Истор. Вѣстн.» № 11, 1889 г.):

«Сумрачное выраженіе лица еще болѣе усилилось. Я замѣтила, что у него появилось нервное движеніе шеи, точно онъ желалъ высвободить ее отъ туго завязаннаго галстуха (это осталось на всю жизнь). Изъ молчаливаго онъ сдѣлался очень говорливъ... Я была однажды свидѣтельницей страшнаго раздраженія Салтыкова противъ литературы. Не могу припомнить названія его очерка или разсказа, запрещеннаго цензоромъ. Салтыковъ явился въ редакцію въ страшномъ раздраженіи и нещадно сталъ бранить русскую литературу, говоря, что можно поколѣть съ голоду, если писатель разсчитываетъ жить литературнымъ трудомъ, что одни дураки могутъ посвящать себя литературному труду, что чиновничья служба имѣетъ передъ литературой преимущество. Салтыковъ увѣрялъ, что онъ навсегда прощается съ литературой, и набросился на Некрасова, который, усмѣхнувшись, замѣтилъ ему, что не вѣритъ этому».

Разумѣется, Некрасовъ, какъ большой знатокъ человѣческаго сердца и писательской психологіи въ особенности, былъ правъ; но Салтыковъ дѣйствительно оставилъ на нѣкоторое время литературу и опять поступилъ на службу: 6 ноября 1864 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ пензенской казенной палаты. Черезъ два года его перевели на ту же должность въ Тулу, а въ октябрѣ 1867 г. въ Рязань. Къ сожалѣнію, о времени его службы въ министерствѣ финансовъ, а равнымъ образомъ и о времени вице-губернаторства почти нѣтъ никакихъ свѣдѣній, между тѣмъ этотъ періодъ его дѣятельности особенно интересенъ, такъ какъ онъ былъ уже совсѣмъ въ иной роли, чѣмъ въ Вяткѣ.

Г. Скабичевскій разсказываетъ («Новости», № 116, 1889 г.), что ему приходилось слышать отъ провинціальныхъ чиновниковъ, служившихъ подъ его начальствомъ, что «начальникъ онъ былъ рѣдкій: какъ они ни робѣли порою отъ его, повидимому, грозныхъ окриковъ, но никто его не боялся, а, напротивъ того, всѣ очень любили его за то, что онъ входилъ въ нужды каждаго мелкаго чиновника и былъ крайне снисходителенъ ко всѣмъ его слабостямъ, которыя не приносили прямого вреда службѣ». Мнѣ тоже приходилось слышать объ его снисходительности и внимательности къ мелкимъ чиновникамъ и ихъ экономическому положенію; такъ, напримѣръ, при распредѣленіи наградныхъ денегъ къ праздникамъ, онъ всегда стоялъ за то, чтобы больше давать тѣмъ, кто получалъ меньше жалованья, и сокращать слишкомъ большія награды имѣвшимъ и безъ того хорошіе оклады. Слышалъ я, между прочимъ, и такой разсказъ: однажды Салтыкову во время служебной поѣздки нужно было во что́ бы то ни стало приготовить къ утренней почтѣ нѣсколько бумагъ, поэтому онъ и бывшій съ нимъ какой-то маленькій чиновникъ сѣли работать на ночь, — Салтыковъ въ одной комнатѣ, а тотъ рядомъ въ другой. Не долго выдержалъ чиновникъ и заснулъ на диванѣ. Услышавъ храпъ, Салтыковъ вышелъ и, видя его усталое лицо, взялъ и подложилъ ему подушку, а самъ сѣлъ на его мѣсто и кончилъ къ разсвѣту и его, и свою работу. Утромъ, когда бѣдный чиновникъ проснулся, то прежде всего испугался, что проспалъ и не кончилъ работы, но каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что работа кончена рукою Салтыкова. Страхъ, разумѣется, еще увеличился. А Салтыковъ между тѣмъ еще не спалъ: изъ сосѣдней комнаты слышался скрипъ его пера, — онъ что́-то поправлялъ и доканчивалъ въ своихъ бумагахъ. Но вотъ онъ кончилъ и выходитъ на ципочкахъ, чиновникъ ни живъ ни мертвъ, а онъ самымъ обыкновеннымъ образомъ говоритъ: «ну, батюшка, должно быть вы вчера очень устали, я ужъ подушку вамъ подложилъ да боялся все

разбудить, но куда тамъ — спите, какъ убитый, ничего не слышите». Тотъ, разумѣется, сталъ извиняться, а этотъ и не думалъ сердиться. Подобное отношеніе къ людямъ было совершенно въ характерѣ Салтыкова. Не мало было подобныхъ же фактовъ и изъ журнальныхъ отношеній, когда онъ обнаруживалъ рѣдкую деликатность и внимательность къ людямъ; входилъ въ такія положенія, въ какія, право, никто не вошелъ бы; когда вы ждали, что вотъ онъ разсердится, а онъ вдругъ начиналъ сочувствовать вамъ, или, начавъ на кого-нибудь сердиться и замѣтивъ ошибку, вдругъ замолкалъ и принимался ухаживать за человѣкомъ, ухаживать по своему, по неумѣлому, иногда даже съ воркотней, но такъ все-таки, что для васъ было очевидно стараніе загладить свой промахъ.

Въ два періода служебной дѣятельности (вицегубернаторомъ и предсѣдателемъ трехъ казенныхъ палатъ), о которыхъ мы говоримъ, у Салтыкова должно было быть особенно много столкновеній. Это время его дѣятельности, повторяемъ, очень интересно, такъ какъ, будучи въ иномъ положеніи, онъ и тамъ вносилъ въ дѣло ту же прямоту, ту же искренность и ничѣмъ не подкупную честность, какими отличался въ литературѣ. Разсказы его изъ этого времени полны тяжелыхъ впечатлѣній и самыхъ мрачныхъ красокъ. Ему приходилось видѣть воочію и переходную эпоху 60-хъ годовъ, со всѣми изворотами и ухищреніями недовольныхъ реформами, и всѣ прелести дореформенныхъ порядковъ: крѣпостное право, откупъ, судебную волокиту и взяточничество, самоуправство, насиліе и грубость, бюрократическое всевластіе, лѣнь и формализмъ, и, само собою разумѣется, что онъ не оставался ко всему этому равнодушенъ. Я какъ сейчасъ помню его разсказы о ревизіи тюремъ и мѣстъ заключенія: «Вы не можете представить, какіе ужасы мнѣ приходилось видѣть; я вѣдь засталъ еще застѣнки и деревянныя колодки, изъ которыхъ заставлялъ при себѣ вынимать людей». Имъ было возбуждено нѣсколько дѣлъ о жестокомъ обращеніи съ

крестьянами. Доклады, отзывы, заключенія и вообще переписка его по такимъ поводамъ, хранящаяся гдѣ-нибудь въ архивахъ, должна представлять большой интересъ. Писалъ онъ бумаги, по всей вѣроятности, не обычнымъ форменнымъ языкомъ, а языкомъ литературнымъ, живымъ и страстнымъ.

Кое-какія свѣдѣнія о пребываніи Салтыкова въ Рязани были сообщены нѣсколькими рязанскими старожилами г-ну Мачтету и попали въ печать *).

Пріѣхалъ Салтыковъ въ Рязань (15 апр. 1858 г.), на должность вице-губернатора, самымъ скромнымъ образомъ, въ простомъ дорожномъ тарантасѣ, какъ самый простой обыватель, чѣмъ несказанно удивилъ ожидавшее его мѣстное общество, которое уже знало его, какъ автора «Губернскихъ очерковъ». Зажилъ онъ также просто и скромно: у себя принималъ и изрѣдка самъ бывалъ въ гостяхъ, со всѣми просто обращался, кое когда игралъ въ карты, но большую часть времени посвящалъ служебнымъ дѣламъ. Работы было много. Въ качествѣ вице-губернатора онъ былъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, гдѣ дореформенные порядки были особенно не казисты. «Безграмотность была до того велика, напр., что одного бывшаго семинариста, горчайшаго пьяницу, держали, не смотря ни на что, въ канцеляріи только за то, что онъ въ трезвомъ видѣ умѣлъ кое-какъ справляться съ буквою *ѣ* и знаками препинанія.» Имъ дорожили и «берегли его для особо важныхъ бумагъ». Служащіе получали крохотное содержаніе; взятки были не только обычаемъ, но и правомъ и назывались «доходомъ». Прямо такъ и говорилось: жалованья столько то, а дохода столько то. Напр. стряпчему жалованья полагалось всего 480 р. въ годъ, а доходъ его опредѣлялся въ 2000 р. Обыватели также смотрѣли на это какъ на нѣчто установленное, какъ на «кормленіе», и безропотно дѣлали приношенія. «Взяткой» тогда называлось только грубое вымогательство. Поэтому

*) «Газета Гатцука», 1890 г., № 16.

назначеніе Салтыкова было многимъ непріятно; но большинство все-таки надѣялось, что все останется по старому, что сначала онъ можетъ быть и поусердствуетъ, а потомъ усядется, такъ что можно будетъ его проводить и дѣлать что́ угодно. Но Салтыковъ, при первомъ же пріемѣ служащихъ, сказалъ имъ: «брать взятокъ, господа, я не позволю и съ болѣе обезпеченныхъ жалованьемъ буду взыскивать строже. Кто хочетъ со мною служить—пусть оставитъ эту манеру и служитъ честно. Къ тому же, господа, я долженъ сказать вамъ правду: я обстрѣленный уже въ канцелярской кабалистикѣ гусь и провести меня трудно».

Одинъ изъ старожиловъ говоритъ въ присланныхъ воспоминаніяхъ: «въ короткое время бо̀льшая часть состава служащихъ губ. правленія обновилась, вошли новые элементы, желавшіе служить честно». Затѣмъ Салтыковъ добился наконецъ, что чиновники научились хоть мало-мальски грамотно писать и излагать свои мысли. Стоило это ему не малыхъ усилій и времени: ему приходилось просматривать лично каждую бумагу, самому корректировать орѳографическія ошибки, вводить смыслъ въ безграмотную тарабарщину и снова возвращать бумагу въ столъ для приведенія въ должный видъ. Помимо этой кропотливой и скучной работы въ канцеляріи, Салтыковъ нерѣдко увозилъ съ собою «цѣлые вороха такихъ бумагъ» и просиживалъ за ихъ исправленіемъ дома иногда цѣлыя ночи. Отношеніе Салтыкова къ служащимъ было самое простое, безъ всякаго подраздѣленія ихъ на ранги. Съ перваго взгляда, по обыкновенію, онъ казался сердитымъ и грубоватымъ, но «всѣ скоро свыкались съ этимъ и понимали, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ добрымъ, участливымъ, въ глубинѣ души крайне деликатнымъ, безусловно простымъ и честнымъ». Выведенный изъ себя, онъ иногда выкрикивалъ что нибудь рѣзкое, но всѣ видѣли, что собственно гнѣва тутъ гораздо меньше, чѣмъ горя.

Вотъ два случая, характеризующіе его отношенія, о которыхъ тогда долго и много говорилось въ Рязани.

Разъ одинъ столоначальникъ, человѣкъ не молодой,

безусловно честный, но въ то же время и безусловно безграмотный, поднесъ Салтыкову къ подписи бумагу по довольно важному дѣлу. Прежде составлявшіяся имъ бумаги Салтыковъ частенько рвалъ и затѣмъ, ворча и ругаясь, самъ писалъ ихъ. Бѣдняга былъ уже не разъ въ такомъ положеніи и, будучи человѣкомъ «амбиціоннымъ», вошелъ въ кабинетъ довольно взволнованнымъ. Салтыковъ прочелъ бумагу разъ, другой, поднялъ въ изумленіи плечи и воскликнулъ:

— Что это такое вы тутъ намудрили?

— Докладъ-съ, ваше п—ство!—отвѣчалъ тотъ, волнуясь еще болѣе.

— Докладъ!! Ахинея-съ, а не докладъ. Тутъ ни одинъ дьяволъ не разберетъ вашего доклада... Вы-то понимаете сами, что написали?

— Я понимаю-съ, ваше п—ство! сконфуженно сказалъ столоначальникъ.

Салтыковъ вспыхнулъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ, батюшка, извините,—одинъ изъ насъ несомнѣнный дуракъ.

Чиновникъ обидѣлся и сказалъ что-то о своемъ самолюбіи. Салтыковъ тоже сконфузился, взялъ его за руку, усадилъ, прочиталъ бумагу и спросилъ—можно ли понять. Чиновникъ согласился, что нельзя, простилъ обиду и сознался, что бумаги для него всегда были «дѣломъ темнымъ», такъ какъ онъ служилъ все по счетоводству, болѣе 25 лѣтъ служилъ, и столоначальникомъ сталъ за старшинство. Узнавъ это, Салтыковъ обѣщалъ и вскорѣ досталъ ему болѣе подходящее мѣсто; а чиновникъ всю жизнь потомъ разсказывалъ про этотъ случай и въ Михайловъ день всегда служилъ молебенъ за Салтыкова.

Другой случай былъ съ экзекуторомъ губ. правленія, когда Салтыковъ замѣнялъ уѣхавшаго въ отпускъ губернатора. Въ страшную, снѣжную бурю старикъ-экзекуторъ, по установленному обычаю, явился къ нему съ рапортомъ, что въ губернскомъ правленіи «все обстоитъ

благополучно», а тотъ, увидѣвъ, что старикъ опушенъ снѣжинками и, весь синій, дрожитъ отъ холода, принялся его отогрѣвать чаемъ съ ромомъ, совершенно забывъ о рапортѣ, и въ концѣ концовъ сказалъ ему, чтобы тотъ въ другой разъ не рапортовалъ въ такую погоду, такъ какъ онъ и самъ знаетъ, что «ни мятежа, ни глада, ни мора въ губ. правленіи быть не можетъ».

— Душа человѣкъ, что и говорить! разсказывалъ потомъ экзекуторъ, но, какъ строгій формалистъ, втихомолку ворчалъ и добавлялъ: а все таки не по формѣ это!.. Какъ это безъ рапортовъ! хоть и благополучно, а все таки слѣдуетъ.

Относясь къ сослуживцамъ просто, душевно, съ охотой исполняя ихъ законныя желанія, Салтыковъ однако былъ очень требователенъ въ работѣ. Онъ и себя не щадилъ и не баловалъ, самъ просиживалъ за работою цѣлыя ночи,—и отъ сослуживцевъ своихъ требовалъ большого труда. По важнымъ дѣламъ, въ особенности по дѣламъ о притѣсненіяхъ крестьянъ, по дѣламъ раскольничьимъ,—онъ всегда самъ составлялъ резолюціи и писалъ постановленія, не говоря уже о томъ, что самъ перечитывалъ и пересматривалъ каждую бумажку, каждое донесеніе. Эти резолюціи и постановленія представляютъ собою несомнѣнно очень цѣнный матеріалъ. Всегда и вездѣ Салтыковъ являлся горячимъ защитникомъ притѣсняемыхъ, и не только защитникомъ, а прямымъ ходатаемъ. Послѣднее давало поводъ ко всякаго рода непріятнымъ столкновеніямъ, породило недружелюбное отношеніе къ нему со стороны многихъ, довольно сильныхъ лицъ въ губерніи, служило предметомъ толковъ и пищей для клеветъ и инсинуацій, и въ концѣ-концовъ повлекло за собою даже переводъ Салтыкова въ Тверь, — но онъ не сдавался, а твердо и неуклонно шелъ своею дорогой.

— «Я не дамъ въ обиду мужика! Будетъ съ него, господа... Очень, слишкомъ даже будетъ» — сказанное Салтыковымъ по поводу одного дѣла, гдѣ несчастныхъ крестьянъ желали выставить чуть-ли не бунтовщиками,—

передавалось во враждебныхъ ему кружкахъ изъ устъ въ уста, какъ нѣчто крайне вредное, опасное, угрожающее. Въ такомъ же видѣ оно достигло и до столицы, гдѣ однако на эти слова взглянули, кажется, иначе.

Въ губерніи же онѣ послужили одному зоилу изъ «бѣлыхъ» поводомъ для передѣлки по отношенію къ Салтыкову слова *вице-губернаторъ* въ *вице-Робеспьера*.

Работы въ губернскомъ правленіи было по горло. Предшественниками Салтыкова дѣла были очень запущены, нѣкоторыя лежали безъ движенія цѣлые годы, другія тянулись десятки лѣтъ.

«Искореняя взяточничество,—пишетъ одинъ изъ бывшихъ сослуживцевъ Салтыкова — и внушая своимъ подчиненнымъ строгое отношеніе къ дѣлу, М. Е. невольно впалъ въ крайность, свойственную впрочемъ всякому усиленно работающему и относящемуся добросовѣстно къ работѣ человѣку. Запущенныя дѣла, доставшіяся ему отъ предшественниковъ, и желаніе хоть нѣсколько привести въ порядокъ канцелярію побудили его потребовать отъ своихъ подчиненныхъ и вечернихъ занятій. Онъ распорядился, чтобы служащіе, работавшіе и безъ того много, отъ 8 до 9 ч., приходили еще и по вечерамъ съ 8 часовъ». Въ правленіи поднялся горячій ропотъ на такое распоряженіе, и главнымъ образомъ роптала бѣднота, всѣ маленькіе чиновники, жившіе за городомъ. Мелкій чиновникъ того времени, при незначительности получавшагося имъ жалованія, принужденъ былъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ селиться въ немощенной окраинѣ города, среди страшнѣйшей грязи въ такъ называемой «Солдатской слободѣ», представлявшей собою колонію бѣднаго чиновничьяго міра. «Черезъ невылазныя грязи бѣдному чиновничьему классу приходилось ходить подъ дождемъ въ самомъ каррикатурномъ видѣ. Со снятыми ради экономіи сапогами, повѣшенными на плечи, съ подсученными по колѣни брюками, бѣднякъ-чиновникъ принужденъ былъ переправляться черезъ лужи, чтобы не портить обуви и платья, и тогда только рѣшался надѣть

сапоги, когда, обмывъ ноги въ послѣдней лужѣ, выбирался наконецъ въ мощеную часть города».

Ропотъ бѣдняковъ, отъ которыхъ вдругъ потребовали двойной работы, не увеличивая за нее платы, былъ вполнѣ понятенъ; и за нихъ вступился мѣстный корреспондентъ, выступившій съ негодующей статьею въ тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ одномъ изъ іюльскихъ номеровъ. Корреспонденція подписана была псевдонимомъ Сбоева и, горячо ратуя за бѣдноту, на голову которой вѣчно валятся шишки, осуждала произвольное распоряженіе Салтыкова относительно вечерней работы и совѣтовала ему прежде, чѣмъ требовать отъ людей крайняго напряженія силъ, присмотрѣться къ ихъ быту, посмотрѣть, какъ и гдѣ они живутъ.

Салтыковъ, какъ только прочиталъ это, такъ сейчасъ же отмѣнилъ свое распоряженіе и, ни мало не конфузясь, поѣхалъ въ Солдатскую слободу посмотрѣть, какъ дѣйствительно живутъ его подчиненные. Но этимъ дѣло не ограничилось. Онъ позвалъ къ себѣ одного изъ чиновниковъ, нѣкоего Иванова, и спросилъ его: не знаетъ ли онъ, кто этотъ Сбоевъ?

— Не знаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ.

— Да вы не думайте, что я со зла спрашиваю. Хоть онъ меня и отдѣлалъ,—я не сержусь, а очень ему благодаренъ, напротивъ. Я не злопамятенъ, какъ другіе,— говорилъ ему Салтыковъ, думая, что тотъ нарочно скрываетъ. Но Ивановъ увѣрилъ его, что дѣйствительно не знаетъ Сбоева.

— Жаль, искренно жаль!—повторялъ Салтыковъ. Я очень благодаренъ этому Сбоеву... Честный, видно, человѣкъ,—и я хотѣлъ бы съ нимъ познакомиться... Онъ написалъ правду,—свое распоряженіе я сдѣлалъ не подумавши...

Салтыковъ однако не успокоился, а поѣхалъ въ Москву и узналъ тамъ въ редакціи адресъ корреспондента. Оказалось, что Сбоевымъ подписался Смирновъ, инспекторъ Александровскаго дворянскаго заведенія. Воз-

вратившись изъ Москвы, Салтыковъ немедленно же поѣхалъ къ нему съ визитомъ. «Внезапное посѣщеніе вице-губернаторомъ,—пишетъ одинъ изъ стариковъ, хорошо знавшій обоихъ,—квартиры Смирнова смутило хозяина, тѣмъ болѣе, что онъ нечаянно встрѣтилъ гостя въ халатѣ.

— Пожалуйста не стѣсняйтесь! Я радъ съ вами познакомиться, какъ съ человѣкомъ, который оказалъ мнѣ услугу!—быстро заговорилъ Салтыковъ, замѣтивъ смущеніе Смирнова и крѣпко сжимая его руку. — Вы напечатали въ «Моск. Вѣд.» статью подъ псевдонимомъ Сбоева... Я читалъ ее... Нарочно ѣздилъ въ Москву, чтобы узнать имя автора, и теперь пріѣхалъ къ вамъ, чтобы поблагодарить васъ... Вы поступили честно и написали правду... Надѣюсь, что на этомъ наше знакомство не кончится...

Вскорѣ послѣ этого Смирновъ, съ которымъ Салтыковъ искренно подружился, принялъ на себя по его просьбѣ завѣдываніе неоффиціальною частью «Губернскихъ Вѣдомостей». Такимъ образомъ завязавшіяся хорошія отношенія продолжались до самой смерти Салтыкова. Когда его перевели въ Тверь, то онъ писалъ оттуда Смирнову, характеризуя тогдашнее тверское общество; переписывался съ нимъ также и изъ Петербурга, когда редактировалъ «Отеч. Записки».

Не менѣе любопытны также свѣдѣнія, сообщаемыя рязанскими старожилами о положеніи Салтыкова въ обществѣ въ то интересное время. Время тогда было дѣйствительно интересное: Россія была чуть не наканунѣ освобожденія крестьянъ. Общественное оживленіе и подъемъ духа не миновали конечно и Рязани: и тамъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, лучшіе элементы говорили о намѣченныхъ уже реформахъ, сплочивались и готовились послужить имъ. Одинъ изъ старожиловъ пишетъ:

«Однообразіе провинціальной жизни, со всегдашними ея спутниками: скукою, картами и сплетнями, къ концу 50-хъ годовъ нѣсколько оживилось у насъ. Слухи о предстоящихъ реформахъ стали волновать умы въ Рязани». «Въ клубѣ и во многихъ частныхъ домахъ, — продолжаетъ г. Ма-

чтетъ, цитируя полученныя имъ письма,—гдѣ преферансъ является до сихъ поръ исключительнымъ времяпровождеденіемъ, карты все болѣе и болѣе забывались. Люди стали думать, читать, интересоваться судьбою своей родины, а вмѣсто обычныхъ „пасъ" или „безъ козырей" стали слышаться умныя рѣчи и страстные споры. Все живое, молодое и честное рвалось на встрѣчу подготовлявшейся реформѣ и, полное вѣры въ будущее, въ жизнь, въ себя, считало прошлое похороненнымъ, исчезнувшимъ безъ слѣда, безъ возможности воскрешенія. Городской садъ весною и лѣтомъ наполнялся теперь не только дамами и кавалерами, но и почтенными, степенными отцами семействъ, до сихъ поръ вѣчно сидѣвшими за зелеными столиками. Этотъ садъ превратился въ клубъ, куда сходились люди для обмѣна мыслями, для толковъ и споровъ. „На террасѣ, за столомъ, — пишутъ намъ,— каждый вечеръ можно было видѣть Салтыкова, окруженнаго лучшими, интеллигентными людьми Рязани того времени: Офросимовымъ, кн. Волконскимъ (котораго Салтыковъ въ шутку называлъ „Жюль-Фавромъ съ затылка") и др. передовыми впослѣдствіи дѣятелями земской реформы". Въ этомъ кружкѣ каждый вечеръ шли толки и обсужденія основаній готовившейся реформы и онъ невольно приковывалъ къ себѣ общее вниманіе. Молодежь обыкновенно незамѣтно и тихо располагалась на ближайшихъ скамейкахъ или пряталась въ кусты и за стволы деревьевъ, „чтобы послушать, что говоритъ *онъ*, нашъ незабвенный М. Е.", какъ онъ смотритъ, чего ждетъ.—„Выберетъ себѣ мѣстечко поближе, — говорилъ намъ одинъ изъ старожиловъ — обопрется о дерево и стоитъ человѣкъ цѣлые часы, не шелохнется, чтобы не пропустить ни словечка, точно соловья слушаетъ... И сердце у него бьется, и глаза горятъ, и весь онъ живетъ.. Глядишь и себѣ не вѣришь,— тотъ-ли это самый Иванъ Ивановичъ, что до сихъ поръ только за поповнами ухаживалъ да банты голубые на шею нацѣплялъ?... Всѣ тогда какъ-то мѣняться стали!».

Но Салтыкову не долго пришлось оставаться въ Рязани и группировать около себя лучшіе элементы общества. Уже въ апрѣлѣ 1860 г. его вызвали въ Петербургъ для личныхъ объясненій по поводу возникшихъ у него столкновеній съ губернаторомъ, покойнымъ М., и затѣмъ перевели его въ Тверь. Столкновенія Салтыкова съ губернаторомъ начались давно и тянулись долго, пока не дошли до открытой ссоры, поводомъ къ которой послужило одно крестьянское дѣло. Губернаторъ былъ человѣкъ суровый, нетерпимый, съ крутымъ и тяжелымъ характеромъ. Его

ссору съ Салтыковымъ описываетъ одинъ изъ бывшихъ рязанскихъ чиновниковъ слѣдующимъ образомъ:

«Столкновеніе Михаила Евграфовича съ губернаторомъ произошло вслѣдствіе того, что послѣдній непремѣнно хотѣлъ провести одно дѣло въ губернскомъ правленіи, а Михаилъ Евграфовичъ на-отрѣзъ отказался подписать формальное постановленіе, которое безусловно противорѣчило его внутреннему убѣжденію и совѣсти». Губернаторъ все таки приказалъ написать постановленіе и прислать ему, что̀ и было исполнено. «Не видя подписи вице-губернатора, губернаторъ снова направилъ журналъ къ Салтыкову для подписи, но Салтыковъ остался непоколебимъ и возвратилъ его не подписаннымъ». Тогда губернаторъ вызвалъ Салтыкова къ себѣ и между ними произошелъ нижеслѣдующій разговоръ. Губернаторъ былъ очень сердитъ и въ возбужденіи прохаживался скорыми шагами, когда вошелъ къ нему Михаилъ Евграфовичъ, на видъ совершенно спокойный.

— Такъ вы не хотите подписать журналъ? — крикнулъ ему губернаторъ, какъ только его увидѣлъ.

— Повторяю, ваше пр-ство, не намѣренъ! — спокойнымъ, недопускавшимъ сомнѣній тономъ отвѣчалъ Салтыковъ.

Послѣ этого и тотъ, и другой сказали другъ другу нѣсколько колкостей, о чемъ ходило по городу много различныхъ варіантовъ.

Вызванный для личныхъ объясненій въ Петербургъ, Салтыковъ былъ переведенъ на ту же должность въ Тверь Въ октябрѣ 1867 г. Салтыковъ опять появился въ Рязани уже въ должности предсѣдателя казенной палаты. Его перевели съ той же должности изъ Тулы. Это вторичное его пребываніе тамъ было кратковременнѣе перваго, такъ какъ въ 1868 году онъ уже совсѣмъ вышелъ въ отставку и отдался литературѣ, но, не смотря на это, все таки успѣлъ пріобрѣсти ту же любовь и уваженіе своихъ новыхъ сослуживцевъ и точно также, какъ и раньше, «являлся защитникомъ всѣхъ честныхъ людей, ходатаемъ за

всѣхъ обездоленныхъ, нуждавшихся въ помощи и въ участіи». Не смотря на свое общественное положеніе и литературную извѣстность, которая возросла настолько, что превратилась уже въ настоящую славу, «онъ оставался все тѣмъ же простымъ, доступнымъ всѣмъ, душевнымъ человѣкомъ, какимъ и былъ. Его правдивость, его простота, его участливое отношеніе къ *низшимъ* ставились въ образецъ и сами собою, помимо литературной славы, окружали его ореоломъ». Много случаевъ, рисующихъ съ этой стороны Салтыкова, разсказывалось и до сихъ поръ еще живетъ въ памяти стариковъ. Вотъ что, напр., разсказываютъ о разборѣ имъ ссоры между казначеемъ и бухгалтеромъ въ г. Спасскѣ. Казначей былъ старикъ изъ «высиженныхъ», т. е. получившій мѣсто не за заслуги, а за долголѣтіе, и дѣло свое плохо зналъ, но показать этого не желалъ и былъ упрямъ и заносчивъ; а бухгалтеръ былъ изъ молодыхъ и изъ новыхъ, книжки читалъ, въ газетахъ пописывалъ и дѣло свое зналъ отлично. Сцѣпились они сразу же: казначей дѣлаетъ какое нибудь незаконное распоряженіе, а тотъ не исполняетъ и суетъ, въ свое оправданіе, статью закона или циркуляръ; казначей настаиваетъ, а тотъ требуетъ письменнаго приказанія на бумагѣ и только такія предписанія и исполняетъ, по обязанности подчиненнаго. Казначей началъ писать Салтыкову доносъ за доносомъ, обвиняя своего противника «чуть ли не во всѣхъ преступленіяхъ и въ полномъ незнаніи дѣла». Салтыковъ не вытерпѣлъ и поѣхалъ на мѣсто дѣйствія. Пріѣхалъ онъ въ Спасскъ въ простой почтовой кибиткѣ, чѣмъ несказанно смутилъ выѣхавшаго ему на встрѣчу исправника и удивилъ все спасское общество; а по пріѣздѣ немедленно же запечаталъ кладовую и принялся, не говоря никому ни слова, за ревизію дѣлъ. Разсмотрѣвъ книги и дѣла, онъ, въ изумленіи, позвалъ бухгалтера и сталъ ему указывать на цѣлый рядъ неправильностей и ошибокъ.

— Что это?—сурово сказалъ онъ ему—рекомендовали мнѣ васъ хорошо, человѣкъ вы грамотный, книжки чи-

таете, въ газетахъ пишете и столько глупостей надѣлали!...

— По предписанію, ваше пр-ство! отвѣтилъ спокойно бухгалтеръ.

— По какому предписанію?

Бухгалтеръ досталъ всѣ письменныя предписанія казначея. Дѣло такимъ образомъ выяснилось сразу. Салтыковъ позвалъ казначея и тутъ же объявилъ ему, что не можетъ допустить его къ дальнѣйшему отправленію должности.

— Доносы, доносы и доносы, — сказалъ онъ ему, — все я, я да я!.. А вотъ и выходитъ, гдѣ вы — тамъ и вранье... И доносить-то нужно умѣючи, а то вѣдь иной доносъ на русскомъ языкѣ и клеветой называется...

Однако казначея онъ все таки не оставилъ безъ мѣста и только перевелъ его куда-то бухгалтеромъ, а бухгалтера назначилъ казначеемъ, причемъ, говорятъ, сказалъ ему, чтобы онъ не особенно то увлекался служебными перспективами и ради нихъ не забывалъ книжекъ.

Разсказывали также люди «вполнѣ достовѣрные» такую еще черту Салтыковскаго прямодушія: «переводъ его изъ Тулы въ Рязань былъ крайне непріятенъ бывшему тогда губернаторомъ Б., который хлопоталъ объ этой должности для своего родственника М., и потому Салтыкову пришлось стать съ нимъ сразу въ натянутыя отношенія. Этимъ натянутымъ отношеніемъ поспособствовалъ и первый визитъ Салтыкова къ губернатору, рѣзко обрисовавшій его правдивый, искренній характеръ и нелюбовь къ дѣланнымъ любезностямъ. Дежурный чиновникъ, бывшій въ тотъ день у губернатора, разсказывалъ, что Салтыковъ вошелъ къ нему со словами: «ну, вотъ и я, ваше пр-ство». Губернаторъ разсыпался въ любезностяхъ, сталъ увѣрять, что очень радъ его видѣть, познакомиться съ нимъ и служить въ одной губерніи.

— Спасибо, спасибо, ваше пр-ство, — тѣмъ же хмурымъ тономъ перебилъ его Салтыковъ, причемъ губы его слегка улыбнулись, — очень благодаренъ и тронутъ!... А вотъ министръ просилъ меня передать вамъ, что хода-

тайство вашего пр-ства о назначенiи на мою должность г. М. уважено имъ, къ сожалѣнiю, быть не можетъ.

Губернаторъ вспыхнулъ и совсѣмъ растерялся.

Послѣ второй отставки, въ iюнѣ 1868 года, Салтыковъ на службу уже не возвращался и сталъ всецѣло принадлежать литературѣ. Съ января этого года начали выходить подъ новою редакцiею «От. Записки», куда онъ уже посылалъ статьи, а теперь сдѣлался фактически однимъ изъ редакторовъ ихъ, вмѣстѣ съ Некрасовымъ и Елисеевымъ. За время службы его въ министерствѣ финансовъ, въ продолженiи трехъ лѣтъ (1865—7), имъ была напечатана, кажется, только одна статья: «Завѣщанiе моимъ дѣтямъ» (Современникъ», № 1, 1866 г.), вошедшая потомъ въ сборникъ «Признаки времени», такъ что можно было думать, что онъ и въ самомъ дѣлѣ рѣшилъ разстаться съ литературой, но, къ счастью, этого не произошло, а сбылось предсказанiе Некрасова.

IV.

Салтыковъ—редакторъ «Отеч. Записокъ».

Совмѣстная дѣятельность Салтыкова съ Некрасовымъ и Елисѣевымъ.—Переходъ „Отеч. Записокъ" въ руки Салтыкова послѣ смерти Некрасова.—Замѣчательное трудолюбіе. — Артистическія передѣлки рукописей и необыкновенный художественный тактъ новаго редактора.—Предоставленіе широкой свободы талантамъ и постояннымъ сотрудникамъ.—Внимательность къ мнѣніямъ и замѣчаніямъ близкихъ лицъ о его статьяхъ.—Строгое разграниченіе домашнихъ и литературныхъ знакомствъ. — „Semper manent in secula seculorum!"

Хотя Салтыковъ создалъ себѣ почетное имя въ литературѣ еще со времени «Губернскихъ очерковъ», хотя онъ былъ извѣстенъ также и какъ одинъ изъ видныхъ сотрудниковъ «Современника», но все главное, что сдѣлало его Щедринымъ—Салтыковымъ, какимъ войдетъ онъ въ исторію русской литературы, къ ея вящшей славѣ, относится ко второму періоду его литературной дѣятельности. Въ эти годы имъ были написаны: окончаніе «Помпадуровъ и помпадуршъ», окончаніе «Признаковъ времени», затѣмъ «Письма изъ провинціи», «Исторія одного города», «Господа ташкентцы», «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ», «Благонамѣренныя рѣчи», «Господа Головлевы», «Недоконченныя бесѣды», «Въ средѣ умѣренности и аккуратности», «Культурные люди», «Итоги», «Современная идилія», «Убѣжище Монрепо», «Круглый годъ», «За рубежомъ», «Сказки», «Письма къ тетенькѣ», «Пошехонскіе разсказы», «Пестрыя письма», «Мелочи жизни», «Пошехонская старина» и нѣсколько очерковъ и статей

вошедшихъ въ «Сборникъ» (т. VI) и совсѣмъ не вошедшихъ въ отдѣльныя изданія. Появилось все это главнымъ образомъ на страницахъ «Отеч. Записокъ». Послѣ смерти Некрасова (въ 1877 году) онъ былъ утвержденъ отвѣтственнымъ редакторомъ журнала и стоялъ во главѣ его до самаго его запрещенія (въ апрѣлѣ 1884 г.), а затѣмъ долженъ былъ появляться въ чужихъ изданіяхъ: въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Недѣлѣ» и главнымъ образомъ въ «Вѣстникѣ Европы». Произведенія свои, писавшіяся въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ, но связанныя между собою общею идеею, а иногда и одними и тѣми же дѣйствующими лицами, онъ издавалъ въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ, подъ общимъ заглавіемъ. Большинство ихъ выдержало по нѣскольку изданій, а предпринятое имъ незадолго передъ смертью полное собраніе сочиненій, въ девяти большихъ томахъ, разошлось въ числѣ 6,500 экземпляровъ гораздо прежде, нежели завершился годъ послѣ его кончины.

Мы пишемъ біографическій очеркъ, а потому критическая оцѣнка произведеній Салтыкова не входитъ въ нашу задачу, да это и потребовало-бы отъ насъ гораздо больше мѣста, чѣмъ мы располагаемъ, а потому посмотримъ лучше, какъ онъ работалъ, какъ относился къ литературѣ и въ частности къ журналу, съ которымъ такъ тѣсно былъ связанъ.

Въ арендованныхъ у Краевскаго «Отеч. Запискахъ» сначала главная роль принадлежала Некрасову: онъ вѣдался, какъ съ самимъ Краевскимъ, такъ и съ типографіей, съ цензурой, съ конторой и вообще со всею внѣшнею стороною изданія, читая въ то же время нѣкоторыя рукописи и, въ качествѣ отвѣтственнаго редактора, корректуры всего журнала. Внутреннее свое значеніе онъ дѣлилъ и съ виду даже какъ-то подчинялъ Салтыкову и Елисееву, которые также читали редакторскую корректуру всего журнала и завѣдывали: первый, вмѣстѣ съ Некрасовымъ, беллетристикой, а второй—такъ называемыми серьезными статьями и вторымъ отдѣломъ,

за исключеніемъ переводныхъ романовъ. Краевскій въ литературную сторону совсѣмъ не вмѣшивался и никогда въ редакцію не ходилъ, такъ что многіе изъ сотрудниковъ и въ глаза никогда его не видали. Послѣ смерти Некрасова, отвѣтственнымъ редакторомъ сдѣлался Салтыковъ. Сначала онъ, по обыкновенію, опасался новой роли и принялъ ее неохотно, послѣ неоднократныхъ убѣжденій Елисеева. Ему казалось, что и не утвердятъ его, что и нареканій будетъ много на журналъ и что—главное—подписка упадетъ. Когда-же число подписчиковъ превысило 10 т., чего при Некрасовѣ не было, то я живо помню, какъ онъ былъ этимъ удивленъ и насколько этотъ успѣхъ былъ для него дѣйствительно неожиданностью.

Сколько самыхъ неусыпныхъ трудовъ, тревогъ и заботъ доставляли ему «Отеч. Записки»,—объ этомъ хорошо знаютъ всѣ сотрудники. Онъ читалъ рукописи по беллетристикѣ, правилъ ихъ и готовилъ къ печати, просматривалъ корректуры всѣхъ отдѣловъ журнала, велъ переписку съ нѣкоторыми изъ иногороднихъ сотрудниковъ, самъ писалъ статьи (иногда по двѣ въ мѣсяцъ, т. е. статью и маленькій фельетонъ), имѣлъ объясненія съ цензурой, и т. д., словомъ, онъ весь былъ въ журналѣ, всего себя въ него вкладывалъ и жилъ въ немъ душою. Работалъ онъ очень много, такъ много, какъ можетъ работать только очень привычный и сильный работникъ. Трудно даже понять, какъ это согласовалось и уживалось со слабостью его физическихъ силъ и давно уже начавшимися разными болѣзнями и недомоганіями; а объяснить себѣ это можно развѣ только однимъ: необыкновенною его любовью къ литературѣ и тою тѣсною связью, какая существовала между нею и личною его жизнью. Весь досугъ, всѣ передышки между приступами болѣзни и ночныя безсоницы, всѣ печали и радости, мечты и помыслы—все отдавалось литературѣ. Жить для него значило писать или что нибудь дѣлать для литературы. Какъ Некрасовъ говоритъ старику - разсыльному, у котораго болятъ ноги отъ ходьбы:

«жить тебѣ, пока ты на ходу», такъ можно было бы сказать тоже самое и Салтыкову относительно литературы. Литература была для него тѣмъ-же, чѣмъ земля для извѣстнаго миѳа, получавшаго силу отъ земли, или сказочная, чудесная вода для изрубленныхъ въ куски богатырей, которые, будучи ею окроплены, опять оживали, становились еще болѣе сильными и отправлялись на новые подвиги.

Сказать, что онъ просто читалъ и приготовлялъ къ печати рукописи, значитъ, мало еще сказать, потому что надо знать, какъ это дѣлалось: въ противоположность Некрасову и Елисееву, онъ сильно маралъ и исправлялъ рукописи, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ поступали въ типографію всѣ перемаранными, а иныя страницы и совсѣмъ вновь бывали переписаны на поляхъ его рукою. Что это была за египетская работа не всякій знаетъ и не можетъ представить себѣ, не зная близко журнальнаго дѣла. Кромѣ главной стороны:—чтобы не испортить вещи и не столкнуться съ авторскимъ самолюбіемъ,—тутъ много еще чисто техническихъ затрудненій: при соединеніи оставшихся частей, при измѣненіи оставшагося текста, согласно выпущеннымъ или измѣненнымъ мѣстамъ (чтобы не вышло несообразностей и противорѣчій), при соблюденіи архитектуры цѣлаго и отдѣльныхъ главъ, при вписываніи вставокъ, и т. д. и т. д. Н. К. Михайловскій разсказываетъ, напр., о такой операціи, произведенной Салтыковымъ надъ повѣстью Котелянскаго «Чиншевики»: онъ вытравилъ цѣликомъ на всемъ протяженіи повѣсти одно изъ дѣйствующихъ лицъ, со всѣми его довольно сложными отношеніями къ другимъ, оставшимся, дѣйствующимъ лицамъ. И Котелянскій потомъ былъ благодаренъ Салтыкову за эту операцію, такъ какъ она скрасила повѣсть, и только удивлялся, какъ онъ ухитрился это сдѣлать, какъ хватило у него на это терпѣнья и внимательности.

Но тутъ, кромѣ труда и внимательности, требовалось еще много чисто художественнаго такта, умѣнья и тщательности въ работѣ. Насколько успѣшно все это достигалось

Салтыковымъ, лучше всего, мнѣ кажется, можно видѣть изъ того, что большинство авторовъ, болѣе или менѣе постоянно появлявшихся въ «Отеч. Запискахъ», подобно Котелянскому, оставались довольны исправленіями и не только не вступали съ нимъ въ какія бы то ни было пререканія, но именно понимали, что произведенія ихъ выигрывали отъ его опытной руки. Случались конечно иногда и обиды, когда авторами были слишкомъ самомнительные люди, требовавшіе, чтобы ни одного слова у нихъ не было выпущено и измѣнено, или когда Салтыковъ, увлеченный работой и художественной правдой, дѣлалъ въ произведеніяхъ слишкомъ крутые перевороты. Объ одной изъ такихъ обидъ вспоминаетъ, напр., г. Скабичевскій: одна сантиментальная романистка непремѣнно желала окончить романъ свой смертью героини отъ чахотки, а Салтыковъ нашелъ, что той будетъ гораздо лучше выйти замужъ за героя и потому взялъ и повѣнчалъ ихъ. Но такихъ случаевъ было очень мало; едва ли даже это не единственный случай. За то гораздо чаще приходилось слышать вотъ что, о чемъ также припоминаетъ г. Скабичевскій: что люди, не знавшіе о тѣхъ операціяхъ, какія производилъ Салтыковъ надъ произведеніями второстепенныхъ беллетристовъ, приходили нерѣдко въ удивленіе, отчего это тѣ самые писатели, которые подъ редакціей Салтыкова помѣщаютъ весьма недурные разсказы и повѣсти, въ другія изданія приносятъ вещи ниже всякой критики и даже совсѣмъ не удобныя для печатанія. А, съ другой стороны, сдѣлано также и такое еще наблюденіе, что писатели, печатавшіеся прежде въ «Отеч. Зап.» и бывшіе вполнѣ приличными, значительно измѣнились къ худшему, въ смыслѣ литературной выдержанности направленія и порядочности, послѣ того какъ стали писать въ другихъ изданіяхъ, т. е. послѣ того какъ вышли изъ подъ вліянія извѣстной литературной атмосферы.

Но въ то время какъ Салтыковъ исправлялъ второстепенныхъ и начинающихъ беллетристовъ, онъ совсѣмъ не трогалъ произведеній большихъ талантовъ и тѣхъ уста-

новившихся уже писателей, которые постоянно писали въ «Отеч. Запискахъ». Въ этихъ произведеніяхъ онъ ничего не измѣнялъ, хотя между ними случались вещи слабыя или спѣшно написанныя, которыми онъ оставался недоволенъ и за которыя ропталъ на авторовъ. И не исправлялъ онъ такихъ произведеній вовсе не потому, что не могъ,—онъ могъ и поправлять ихъ, и совсѣмъ не принимать,—а потому, что считалъ себя нравственно не вправѣ вмѣшиваться и какъ бы учить людей, уже установившихся, которые сами за себя отвѣтственны. Еслибы дѣло касалось направленія, и основная мысль произведенія слишкомъ противурѣчила журналу, то это другое дѣло: тутъ онъ не замедлилъ бы снестись съ авторомъ относительно необходимыхъ измѣненій или возвратилъ бы рукопись, а собственно литературную сторону, т. е. исполненіе, пріемы, слогъ и проч. своимъ дѣломъ не считалъ. Невмѣшательство это простиралось иногда даже дальше литературной стороны, — до мысли, съ которою Салтыковъ былъ не согласенъ, лишь бы только она не шла въ разрѣзъ общему направленію и при условіи, чтобы статья была подписана авторомъ, т. е. чтобы отвѣчалъ за нее онъ самъ и не принимали ее за редакціонную.

Не касалась рука Салтыкова также всѣхъ статей второго отдѣла, которымъ завѣдывалъ не онъ, а ближайшіе его сотрудники, а равнымъ образомъ и не беллетристическихъ статей перваго отдѣла. Здѣсь онъ опять строго соблюдалъ невмѣшательство въ то, что̀ принадлежало другимъ. Во второмъ отдѣлѣ ему принадлежали только переводные романы, печатавшіеся въ приложеніи, а остальное все читалось, выбиралось, отдавалось въ типографію и исправлялось не имъ. Онъ только прочитывалъ редакторскую корректуру и смотрѣлъ, чтобы не было нецензурныхъ мѣстъ, да и то, если таковыя встрѣчались въ статьяхъ постоянныхъ сотрудниковъ, не вымарывалъ ихъ безъ ихъ вѣдома и согласія. Онъ обыкновенно только отмѣчалъ и указывалъ имъ сомнительныя мѣста, а иногда и то, что̀ ему почему-либо не нравилось или казалось не-

удобнымъ. Равнымъ образомъ и ему указывали тѣ изъ сотрудниковъ, кому посылались корректуры всего журнала, то, чтò имъ казалось сомнительнымъ и неподходящимъ въ его отдѣлѣ и въ его статьяхъ. И какихъ бы то ни было обидъ и недоразумѣній при этомъ никогда не возникало. Онъ не только умѣлъ избѣгать ненужнаго вмѣшательства, но и довѣрять людямъ, и не только довѣрять, но и уступать. Это рѣдкія черты характера, которыя говорятъ не только объ его умѣ, но и объ его искреннемъ сердцѣ.

Какъ ничего не измѣнялъ онъ въ статьяхъ постоянныхъ сотрудниковъ не потому, чтобы не могъ измѣнять, такъ и исправлялъ онъ столь усиленно начинающихъ и второстепенныхъ беллетристовъ вовсе не потому, что могъ дѣлать съ ними, что хотѣлъ, а потому, что это было лучше въ разныхъ смыслахъ, лучше какъ для журнала, такъ и для нихъ самихъ. Вмѣсто недовольства, котораго можно было бы ожидать, еслибы мотивы были иные, онъ привлекъ къ журналу и сгруппировалъ вокругъ него цѣлую группу беллетристовъ, благодаря чему, безъ всякаго преувеличенія можно сказать, ни въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, ни прежде, ни послѣ, не было такой богатой беллетристики, какъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Иногда ее упрекали въ избыткѣ мужика, но тѣмъ не менѣе постоянно всѣ читали, не исключая и тѣхъ свѣтскихъ людей, которые дѣлали подобные упреки. И создано это было главнымъ образомъ Салтыковымъ, потому что остальные либо никакого касательства къ беллетристикѣ не имѣли, либо помогали ему только совѣтомъ да предварительнымъ просмотромъ рукописей, когда таковыхъ скоплялось слишкомъ много въ редакціонномъ портфелѣ. Я сказалъ бы даже больше, что создано это было исключительно Салтыковымъ, еслибы раньше него не обращалъ особаго вниманія на беллетристику Некрасовъ и если бы ему не помогалъ въ томъ же направленіи Елисеевъ, который, хотя и не имѣлъ непосредственнаго касательства къ беллетристикѣ, но отлично понималъ важное ея значеніе для публики и журнала, и, кромѣ того, посто-

янно сглаживалъ неровности и шероховатости его характера по отношенію къ пишущей братіи, особенно къ начинающимъ писателямъ, не знавшимъ еще Салтыковскаго прямодушія и манеры говорить. Тѣмъ не менѣе, если начало дѣла принадлежало Некрасову, а поддержка Елисееву, то дальнѣйшее его развитіе и непосредственныя старанія принадлежатъ Салтыкову. Онъ больше всѣхъ вложилъ труда и заботъ въ беллетристику «Отечественныхъ Записокъ».

Повторяю, работать такъ, какъ работалъ Салтыковъ, не всякій можетъ. Работа для него превратилась не только въ обычное занятіе, но и въ какую то непреодолимую потребность. Онъ не могъ не писать: ни какія нибудь дѣла, ни усталость и желаніе отдохнуть, ни знакомства и отношенія, ни даже сама болѣзнь не могли удержать его отъ этого. Сплошь и рядомъ совсѣмъ больной онъ садился къ письменному столу и писалъ своимъ медленнымъ, сжатымъ почеркомъ страничку — другую, сколько могъ. Я засталъ его разъ пишущимъ на подоконникѣ, во время переѣзда на дачу, когда въ кабинетѣ все было уже уложено и столъ былъ чѣмъ-то загроможденъ; а за границею онъ ухитрялся иногда писать даже на маленькомъ кругломъ столикѣ, урывая нѣсколько минутъ между прогулкою и завтракомъ или между ванною и обѣдомъ. У него одна работа кончалась, другая начиналась, а иногда двѣ—три работы шли рядомъ; случалось, что раньше начатыя работы иногда откладывались на нѣсколько лѣтъ, а болѣе позднія печатались безостановочно, и тогда, по окончаніи ихъ, онъ снова брался за какую нибудь оставленную работу. Зависѣло это отъ разныхъ причинъ: и отъ бо̀льшей своевременности и необходимости позднѣе начатыхъ работъ, и отъ того, что онѣ имъ сильнѣе овладѣвали, такъ что оставить ихъ было не такъ-то легко. Иногда онъ жаловался на то, что работа затягивается и надоѣла ему, а разстаться съ нею все таки не могъ. Такъ напр., жаловался онъ на «Пошехонскую старину», которую кончалъ уже совсѣмъ больной, незадолго передъ

смертью, а между тѣмъ задумывалъ новое большое произведеніе и даже сдѣлалъ къ нему приступъ. Вотъ что говорилъ онъ мнѣ:

— Началъ я «Пошехонскую старину», дѣйствительно, съ удовольствіемъ, а потомъ надоѣла она мнѣ ужасно, просто измучила... Образы за образами поднимаются и лѣзутъ въ голову, а возиться съ ними и скучно, потому что все это уже давно извѣстно, и тяжело, потому что я вѣдь опять точно переживаю то время. А тутъ еще боленъ... Право, иногда кажется, что не кончу. Впрочемъ, нисколько объ этомъ не жалѣю: у меня на всякій случай окончаніе есть, всего-то въ одну страничку. Если самъ не успѣю написать, такъ пусть другой кто-нибудь напишетъ и скажетъ, что авторъ предполагалъ кончить свою исторію зимнимъ помѣщичьимъ весельемъ, пошехонскимъ раздольемъ. А вотъ о чемъ жалѣю, — продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы,—для этого стоило-бы начать снова жить: я задумалъ новую большую вещь — «Забытыя слова».

И онъ разсказалъ программу этой новой интересной работы. Салтыковъ вообще очень любилъ говорить о томъ, что предполагалъ писать, и развивать планы задумываемыхъ имъ работъ, причемъ вспоминалъ разныхъ лицъ, разныя обстоятельства и случаи, о которыхъ должна была идти рѣчь, любилъ также читать рукописи. Насколько публично читалъ онъ не хорошо, настолько же съ удовольствіемъ можно было слушать его въ кабинетѣ. Читалъ онъ просто, безъ всякой манеры, безъ удареній, безъ интонаціи и вообще безъ всякой искуственности, но увлеченіе предметомъ невольно передавалось и вамъ. Не знаю, были ли у Салтыкова вещи, написанныя сразу. Вѣроятно, были, но тѣ, которыя онъ мнѣ читалъ, были въ нѣсколькихъ варіантахъ или, лучше сказать, редакціяхъ, т. е. были написаны разъ, потомъ поправлены, измѣнены и переписаны. Помню, одно изъ «писемъ къ тетенькѣ» было въ двухъ редакціяхъ, а сказка о киселѣ—въ трехъ. Надъ этою крошечною сказкою Салтыковъ долго сидѣлъ и говорилъ

о ней съ неменьшимъ увлеченіемъ, чѣмъ и о самоотверженномъ зайцѣ и бѣдномъ волкѣ, которыя тоже читалъ, только уже не въ рукописяхъ, а въ корректурѣ. Съ какою скромностью онъ выслушивалъ замѣчанія и принималъ или отвергалъ ихъ! Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ совершенную противуположность другимъ писателямъ, которые ни единою строчкою изъ написаннаго не поступятся. Относительно своихъ статей онъ всегда испытывалъ робость, что у него плохо вышло, и всегда, бывало, спрашиваетъ:

— Скажите пожалуйста, а мою статью вы просмотрѣли? Ничего у меня вышло? Кажется, плохо?

На замѣчанія онъ никогда не обижался. Хотя и рѣдко приходилось ихъ дѣлать, но приходилось; а по тому вниманію, съ какимъ онъ выслушивалъ обыкновенно высказываемыя мнѣнія, лучше всего можно было видѣть, до какой степени онъ дорожилъ тѣмъ, что̀ писалъ, и интересовался всякимъ искреннимъ отзывомъ другихъ о написанномъ. Эта строгость къ себѣ и привычка спрашивать остались у него до самой смерти.

Салтыковъ вполнѣ искренно не довѣрялъ своему огромному таланту и думалъ, что онъ только трудомъ и можетъ брать. Онъ, вообще, скептически относился къ всемогуществу таланта, особенно если талантливые люди были слишкомъ проникнуты самоувѣренностью и думали выѣзжать на одномъ только талантѣ, безъ труда и знаній. Признавая ихъ талантливость, онъ однако же довольно часто иронизировалъ надъ ними, когда представлялся какой нибудь поводъ, говоря: «это геніальныя натуры, которыхъ простые смертные даже понять не могутъ. Я тоже не понимаю, потому что я не геніальный писатель», и съ гордостью добавлялъ: «за то я работникъ». Если онъ работалъ для журнала изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, если онъ не любилъ, чтобы произведенія его залеживались, то это не мѣшало ему тщательно обдумывать ихъ, по нѣскольку разъ переписывать и передѣлывать рукописи. Работникъ онъ, дѣйствительно, былъ замѣчатель-

ный. Вотъ что самъ онъ говоритъ въ одномъ наброскѣ, найденномъ въ его бумагахъ:

„Я никогда не могъ похвалиться ни хорошимъ здоровьемъ, ни физическою силою, но съ 1875 г. не проходило почти ни одного дня, въ который я могъ бы сказать, что чувствую себя изрядно. Постоянные болѣзненные припадки и мучительная воспріимчивость, съ которою я всегда относился къ современности, положили начало тому злому недугу, съ которымъ я сойду въ могилу. Не могу также пройти молчаніемъ и *непрерывнаго труда: могу сказать смѣло, что до послѣднихъ минутъ вся моя жизнь прошла въ трудѣ, и только когда мнѣ становилось ужъ очень тяжко, я бросалъ перо и впадалъ въ мучительное забытье*".

Смотря на Салтыкова, нельзя было не удивляться, какъ ему не мѣшаютъ работать посѣтители. Ни пріемныхъ и непріемныхъ дней, ни особыхъ пріемныхъ и непріемныхъ часовъ, какъ у другихъ, у него не было. Положимъ, что къ нему не во всякое время ходили; но утромъ, часовъ съ 11 и до обѣда, его всѣ и всегда могли застать и шли къ нему совершенно свободно. Случалось иногда заходить къ нему и вечеромъ, и опять никто не говорилъ, что онъ не принимаетъ или что его дома нѣтъ, и опять приходилось кого-нибудь встрѣчать у него. Правда, что онъ не со всѣми и не всегда бывалъ любезенъ; но надо же войти въ положеніе человѣка, которому мѣшаютъ писать, которому нѣсколько разъ приходится отрываться отъ рукописи и заниматься разговорами, можетъ быть совсѣмъ изъ другой области, чѣмъ та, о которой онъ думалъ, а сплошь и рядомъ и совсѣмъ для него не интересными.

Одни дѣловые разговоры по журналу, продолжавшіеся обыкновенно не долго, и тѣ могли докучать и въ общей сложности отнимали не мало времени. Каждый знаетъ, бывало, когда онъ занятъ, и думаетъ ограничиться нѣсколькими словами и нѣсколькими минутами, а проговоритъ полчаса-часъ; а тутъ, смотришь, и еще кто нибудь пришелъ. Однажды я зашелъ къ нему такимъ образомъ «на минутку» и засталъ его очень сконфуженнымъ:

— Представьте, какая штука со мною сейчасъ вы-

шла,—сказалъ онъ здороваясь, — просто опомниться не могу, такъ стыдно... Ждалъ я вчера къ себѣ Боткина: третьяго дня письмо ему написалъ и просилъ посмотрѣть меня; а онъ вчера не пріѣхалъ. Сегодня же, какъ нарочно, съ самаго утра гости: то одинъ, то другой; то по цѣлымъ мѣсяцамъ глазъ не кажутъ, а тутъ вдругъ всѣ соскучились!.. Мнѣ же, право, не здоровится, и я совсѣмъ сегодня былъ не расположенъ къ визитнымъ разговорамъ, а думалъ писать. Наконецъ, всѣ посидѣли, поговорили и распрощались; только было я къ столу, какъ вдругъ опять кто-то приходитъ. Вижу Ратынскій... такъ мнѣ стало досадно, что я отвернулся къ окну.—«Здравствуйте», говоритъ. Я подалъ руку, поздоровался.—«Какъ, говоритъ, ваше здоровье?»—Да ничего, какъ видите.— «Погода, говоритъ, нынче хорошая».—Ну, и слава Богу, говорю, съ чѣмъ васъ и поздравляю. — «Гуляли-ли?» — Нѣтъ, не гулялъ. Еще что-то спросилъ, я также коротко отвѣтилъ. Сидимъ и молчимъ. Я тутъ вотъ и въ окно смотрю, а онъ на вашемъ мѣстѣ. И прошло такъ должно быть съ полчаса. Наконецъ, по всей вѣроятности, это ему наскучило, и онъ поднимается и начинаетъ прощаться:—«я, говоритъ, къ вамъ лучше въ другое время заѣду». Тутъ только я взглянулъ, и можете себѣ представить мое удивленіе: передо мною былъ вовсе не Ратынскій, а Боткинъ. Каково положеніе! Какъ я раньше его не узналъ, — просто понять не могу. Если ужъ въ лицо не смотрѣлъ, такъ по походкѣ, по голосу, наконецъ по вопросамъ можно было узнать. Совсѣмъ про него забылъ. Но хуже всего то, что ничего ему не сказалъ, что принялъ его за Ратынскаго. Неловко какъ-то было. Такъ онъ и уѣхалъ. Что теперь обо мнѣ онъ можетъ подумать? Совсѣмъ, скажетъ, человѣкъ съ ума сошелъ, или отнесетъ это къ тому, что я обидѣлся за то, что онъ вчера же не пріѣхалъ, а я, право, объ этомъ и не думалъ, потому-что знаю, какъ онъ бываетъ иногда занятъ. Къ тому-же онъ всегда ко мнѣ такъ любезенъ и внимателенъ. Никогда я его такъ не принялъ-бы. Думаю письмо ему написать...

Не знаю, писалъ-ли что нибудь Салтыковъ Боткину или какъ нибудь иначе объяснился,—лично или черезъ знакомыхъ,—знаю только, что отношенія Боткина къ нему, вслѣдствіе этого случая, не перемѣнились, да дѣло и не въ этомъ, а въ томъ, что ему нерѣдко мѣшали работать и приводили его въ дурное настроеніе, и что, не смотря на это, онъ все таки не запиралъ своихъ дверей и ухитрялся много работать.

У Салтыкова было два рода знакомствъ и отношеній: чисто домашнія и литературныя, которыя онъ весьма резонно раздѣлялъ и никогда не смѣшивалъ, и не смѣшивалъ, я думаю, не столько во огражденіе домашней жизни, сколько во огражденіе литературы отъ всего ей сторонняго и чуждаго. Литература была для него, особенно въ тотъ періодъ, о которомъ мы говоримъ, главнымъ фокусомъ и факторомъ его жизни. Онъ считалъ ее не только важнымъ и серьезнымъ дѣломъ, но едва ли не самымъ важнымъ и серьезнымъ изъ всѣхъ земныхъ дѣлъ. Онъ видѣлъ въ ней высшее служеніе обществу и собственное личное призваніе, называлъ ее даже «вѣчнымъ дѣломъ» и вообще былъ связанъ съ нею самымъ тѣснымъ образомъ, какъ нравственно, такъ и матеріально, потому что, volens-nolens, она являлась и источникомъ существованія, источникомъ, подверженнымъ многимъ случайностямъ и переполненнымъ терніями. Литература занимала въ его жизни такое большое мѣсто и играла такую роль, что остальные интересы отступали на задній планъ. Вотъ что самъ онъ говоритъ въ наброскѣ, который мы цитировали выше: «наконецъ, закрытіе «Отеч. Записокъ» и болѣзнь сына окончательно сломили меня. Недугъ охватилъ меня со всѣхъ сторонъ» и т. д. А въ «Приключеніи съ Крамольниковымъ», изображающемъ его собственное душевное состояніе въ это время, читаемъ слѣдующее: у кореннаго пошехонскаго литератора Крамольникова «не было никакой иной привязанности, кромѣ общенія съ читателемъ... Въ этой привязанности къ отвлеченной личности было что-то исключительное, до бо-

лѣзненности страстное. Цѣлые десятки лѣтъ она одна питала его и съ каждымъ годомъ дѣлалась все больше и больше настоятельною. Наконецъ пришла старость, и всѣ блага жизни, кромѣ одного, высшаго и существеннѣйшаго, окончательно сдѣлались для него безразличными и ненужными» и все разнообразіе жизни и весь интересъ ея сосредоточились «въ одной свѣтящей точкѣ», т. е. въ литературѣ и въ томъ же общеніи, при ея помощи, съ читателемъ». Затѣмъ въ одномъ изъ «Писемъ къ тетенькѣ» Салтыковъ говоритъ, что литература ему особенно дорога потому, что на ней съ дѣтства были сосредоточены всѣ его упованія:

„Весь жизненный процессъ этого замкнутаго, по волѣ судебъ, міра былъ моимъ личнымъ жизненнымъ процессомъ; его незащищенность - моей незащищенностью; его замученность— моей замученностью; наконецъ его кратковременныя и рѣдкія ликованія — моими ликованіями. Это чувство отождествленія личной жизни съ жизнью излюбленнаго дѣла такъ сильно и принимаетъ съ годами такіе размѣры, что заслоняетъ отъ глаза даже широкую, не знающую береговъ жизнь“.

Не совсѣмъ конечно заслоняетъ, потому что Салтыковъ смотрѣлъ на литературу прежде всего какъ на отраженіе жизни, считалъ, что общеніе съ жизнью «всегда было и всегда будетъ цѣлью всѣхъ стремленій литературы» и, сообразно съ этимъ, возлагалъ на нее и великія упованія, и большую отвѣтственность. Литература представлялась ему однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ воздѣйствія на общество и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣломъ, имѣющимъ не минутное только и скоропреходящее значеніе, а соприкасающимся «съ идеею о вѣчности», дѣломъ въ своемъ родѣ *единственнымъ*, гдѣ «мысль человѣческая можетъ оставить прочный слѣдъ». Вотъ что говоритъ онъ въ «Кругломъ годѣ» нѣсколькимъ безшабашнымъ соотечественникамъ, мечтающимъ въ Ниццѣ объ искорененіи литературы:

„Милостивые государи! Вамъ, конечно, не безъизвѣстно выраженіе: scripta manent. Я же, подъ личною за сіе отвѣтственностью, присовокупляю: semper manent, in secula seculorum! Да, господа, литература не умретъ!.. Все, что мы видимъ во-

кругъ насъ, все въ свое время обратится частью въ развалины, частью въ навозъ. — одна литература вѣчно останется цѣлою и непоколебленною. Одна литература изъята изъ законовъ тлѣнія, она одна не признаетъ смерти. Не смотря ни на что, она вѣчно будетъ жить и въ памятникахъ прошлаго, и въ памятникахъ настоящаго, и въ памятникахъ будущаго. Не найдется такого момента въ исторіи человѣчества, при которомъ можно было бы съ увѣренностью сказать: вотъ моментъ, когда литература была упразднена. Не было такихъ моментовъ, нѣтъ и не будетъ. Ибо ничто такъ не соприкасается съ идеею о вѣчности, ничто такъ не поясняетъ ее, какъ представленіе о литературѣ".

Затѣмъ далѣе читаемъ:

„Я страстно и исключительно преданъ литературѣ; нѣтъ для меня образа достолюбезнѣе, похвальнѣе, дороже образа, представляемаго литературой; я признаю литературу всецѣло со всѣми уклоненіями и осложненіями, даже съ московскими кликушами".

Допуская въ литературѣ заблужденія, такъ какъ сама же литература, къ вящшему выясненію истины, и исправляетъ ихъ, Салтыковъ вѣрилъ, что московское кликушество, со всѣмъ его обскурантизмомъ, со всею его непреднамѣренною и преднамѣренною злобою и ложью, не выдержитъ открытой и равной борьбы съ истиной, что все низменное и темное исчезнетъ, пройдетъ и «однѣ только усилія честной мысли останутся незыблемыми». Таково, говоритъ онъ, мое глубокое убѣжденіе, и «не будь у меня этого убѣжденія, этой вѣры въ литературу, въ ея животворящую мощь, мнѣ было-бы больно жить». Не менѣе сильно любовь къ литературѣ сказалась и въ маленькой предсмертной припискѣ Салтыкова въ письмѣ къ сыну, гдѣ онъ какъ-бы завѣщаетъ ему эту любовь, говоря: «паче всего люби родную литературу, и званіе литератора предпочитай всякому другому».

Не мудрено, что Салтыковъ жертвовалъ литературѣ и здоровьемъ, и связями, и отношеніями. Самъ онъ мнѣ разъ говорилъ, что литература была причиною того, что онъ перессорился съ большинствомъ своихъ родныхъ и прежнихъ знакомыхъ, что бывшее его начальство товарищи и сослуживцы начали на него коситься, когда увидѣли,

что онъ всецѣло отдался литературѣ, да еще отрицательнаго направленія. Связей своихъ съ высшимъ обществомъ онъ впрочемъ и самъ не поддерживалъ. Въ началѣ онѣ какъ-то сами собою держались, а потомъ, хотя и не совсѣмъ прекратились, но все болѣе и болѣе ослабѣвали. Съ одними онъ разошелся принципіально, съ другими лично, какъ человѣкъ строгій и не любившій компромиссовъ, третьимъ, замѣтивъ съ ихъ стороны охлажденіе, не хотѣлъ кланяться: слишкомъ не соотвѣтствовало это его натурѣ.

— Я ни у кого не заискиваю,—говорилъ онъ съ достоинствомъ,—никому не кланяюсь и ни у кого не бываю; ко мнѣ еще, по старой памяти, кое-кто заходитъ, да и то рѣдко.

У него было нѣсколько человѣкъ хорошихъ знакомыхъ, по большей части стоявшихъ близко къ литературѣ и относившихся къ ней совсѣмъ иначе, которыми онъ и ограничивался. Это были знакомства постоянныя, многолѣтнія, которыми онъ дорожилъ, которыя не налагали на него узъ высшаго свѣта, не стѣсняли и не заставляли казаться въ иномъ видѣ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Съ нимъ не считались визитами, онъ могъ рѣже бывать, чѣмъ у него бываютъ, могъ ѣхать въ обыкновенномъ пиджакѣ, въ которомъ ходилъ каждый день, могъ, садясь за карты, ворчать сколько ему угодно, и т. д. А затѣмъ у него были знакомства чисто литературныя, какъ прежнія, такъ и новыя, которыя создавались «Отечественными Записками». Но все таки, благодаря своимъ прежнимъ связямъ въ высшемъ служебномъ мірѣ, онъ получалъ обыкновенно очень рано свѣдѣнія о недовольствѣ на журналъ и литературу вообще, о томъ, что ей предстоитъ впереди и что проэктируется на будущее время. Можно было также иногда встрѣтить у него, помимо литературныхъ и обычныхъ знакомыхъ, и кого нибудь изъ людей совершенно иного круга. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ напр., къ графу Лорисъ-Меликову, котораго онъ раньше зналъ и который былъ хорошъ съ Некрасовымъ,

онъ еще хорошо относился, но нѣкоторыя знакомства его положительно тяготили. Помню, напр., какъ онъ былъ недоволенъ и сердился, узнавъ, что къ нему собирается съ визитомъ Треповъ. Знаменитый петербургскій градоначальникъ, послѣ отставки, жилъ одно время въ одномъ съ нимъ домѣ, на Литейной, познакомился на прогулкѣ съ его дѣтьми и выразилъ желаніе и съ нимъ познакомиться, сказавъ, что думаетъ зайти для этого на дняхъ...

— Скажите пожалуйста, для чего это нужно? волновался Салтыковъ. Что я съ нимъ буду говорить?! Онъ литературой никогда не занимался, а я по полиціи никогда не служилъ, что же у насъ общаго? Если просто посмотрѣть на меня, любопытства ради, такъ не настолько я интересенъ. Онъ навѣрное видалъ многихъ.... интереснѣе меня....

Въ расположеніи своемъ къ людямъ Салтыковъ былъ очень постояненъ; но разъ это расположеніе, какъ личное чувство, сталкивалось съ вопросомъ о нелицепріятномъ и самоотверженномъ служеніи литературѣ, такъ ему становилось очень непріятно. Въ отрывкахъ изъ его писемъ къ Н. К. Михайловскому, напечатанныхъ въ «Русской Мысли», находимъ между прочимъ такого рода строки по поводу нѣкоторыхъ помарокъ, сдѣланныхъ имъ въ статьѣ Михайловскаго:

„Я утромъ ждалъ васъ, но не дождался. Впрочемъ корректуры съ моими помѣтками у васъ... Будьте такъ добры, сдѣлайте мнѣ эти уступки... Я зачеркнулъ, между прочимъ, и упоминаніе объ Анненковѣ. Если хотите, возстановите его, но онъ мой пріятель, и я какъ-то не возвысился еще до того, чтобы оставить отца и матерь и прилѣпиться къ журналу“.

Тоже самое было и со мною, по поводу Кавелина. Кавелинъ выпустилъ книжку о крестьянскомъ вопросѣ. Я написалъ рецензію, гдѣ не похвалилъ его и особенно подчеркнулъ политическую неопредѣленность его взглядовъ, стремленіе всегда стать на какую-то такую высоту, съ которой всегда получается двоякое рѣшеніе вопроса:

и такъ, и этакъ. Получаю отъ Салтыкова письмо. Прихожу и вижу у него на столѣ корректуру.

— У меня, говоритъ, есть къ вамъ большая просьба, которую, собственно говоря, я не вправѣ былъ бы дѣлать, потому что совершенно согласенъ съ вашимъ отзывомъ. Намъ иначе и нельзя относиться къ кавелинской эквилибристикѣ, но тутъ вопросъ чисто личный, мой: не ссорьте меня пожалуйста съ нимъ... Человѣкъ онъ, право, не дурной, а ужъ это такъ онъ по профессорски устроенъ. Я ужъ и такъ для литературы порвалъ рѣшительно всѣ свои прежнія отношенія: у меня вѣдь изъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ осталось всего на всего два-три человѣка. Пусть же хоть они останутся! Сдѣлайте мнѣ пожалуйста эту уступку: не будемъ печатать эту рецензію.

Разумѣется, я согласился. Говоря это, Салтыковъ возвышалъ тонъ, и я ясно видѣлъ, что онъ и конфузится, и сердится, что у него остается нѣчто, съ чѣмъ жаль и трудно разстаться. Хотя это нѣчто было такое маленькое, естественное и обыкновенное, что не стоило бы о немъ даже и говорить, такъ какъ у каждаго писателя есть отношенія и лица, которыя онъ щадитъ, но его это ужъ безпокоило.

Слишкомъ цѣльная у него была натура, тяготившаяся всякими компромиссами. И при этомъ, очевидно, ему и въ голову не приходило искать какихъ бы то ни было оправданій, а прямо рѣшалось, что онъ не поднялся до извѣстной высоты, до которой иные возвышаются. Ужъ онъ ли, кажется, не оставилъ многаго, ради журнальной дѣятельности и правды; но разъ являлось обстоятельство, мѣшавшее цѣльности понятія, онъ не могъ чувствовать себя удовлетвореннымъ. Послѣдовательность и строгость къ себѣ позволяли ему прилагать такую же мѣрку и къ сотрудникамъ. Больше всего онъ сердился за недостаточное усердіе и вниманіе къ журналу. Большинство сотрудниковъ, и я въ томъ числѣ, были значительно моложе М. Е., а потому онъ относился къ намъ иногда какъ

старшій къ младшимъ; но обиднаго въ такихъ отношеніяхъ ничего не было, такъ какъ вы сейчасъ же убѣждались и въ его искреннемъ къ вамъ расположеніи, и— весьма не рѣдко — и въ правотѣ. Самъ онъ, какъ я уже говорилъ, вкладывалъ въ журналъ всю душу и перенесъ въ дѣло чисто служебную привычку къ аккуратности и пунктуальности. Требовалъ того-же и отъ другихъ.

— Вы какъ слѣдуетъ никто не работаете, — обыкновенно говорилъ онъ,—и относитесь къ дѣлу спустя рукава. Вы все думаете, что мы вѣчно будемъ жить. Придется-же когда нибудь и вамъ самостоятельно вести журналъ... Дѣло это вовсе не шуточное. Это большое дѣло, а для васъ все равно

— Изъ чего-же это вы заключаете?

— Какъ изъ чего, слѣпой я что ли? Никогда посовѣтоваться не придете, каждый что вздумаетъ, то и пишетъ. Я еще, право, удивляюсь; какъ у насъ книжки болѣе или менѣе согласно составляются... Да и работаете то какъ: напишете листъ съ четвертью и думаете, что въ предѣлахъ земныхъ совершили все земное. Я больше васъ пишу.

— Не всякій такъ можетъ работать, какъ вы.

— Пріучайте себя.

— Да ужъ поздно пріучать то.

— Почему?

— Да потому, что мы ужъ не дѣти.

— А старики, да? Изъ васъ кто старше,—N? Позвольте узнать, сколько ему лѣтъ?

— Почти сорокъ.

— Ахъ, какой удивительный возрастъ! Я въ 40 лѣтъ только началъ работать какъ слѣдуетъ.

Иной разъ просто нельзя было не разсмѣяться, но на это всегда слѣдовало замѣчаніе, что «смѣяться мы умѣемъ», и приводился какой нибудь такой аргументъ, который долженъ былъ показать, что смѣшного тутъ ничего нѣтъ.

— Вотъ вы смѣетесь, а не угодно ли посмотрѣть *вотъ* (онъ показывалъ обыкновенно чью-нибудь всю перема-

раннюю корректуру, надъ которою сидѣлъ). Меня одни наши переводчики замучили своими переводами.

— Почему же вы сами это дѣлаете и не поручите кому нибудь? Вѣдь никто изъ насъ не отказывается...

— Потому, что желанія не вижу. Я не знаю, согласитесь вы на это, или нѣтъ. Это—работа египетская, каторжная.

Мы пробовали брать у него редакторскія корректуры, но это было безполезно, потому что онъ все равно надъ ними сидѣлъ, поправляя слогъ, измѣняя абзацы и т. п., и сидѣлъ не надъ исправленными уже формами, а надъ тѣми, которыя и ему посылались одновременно съ нами. Такой ужъ это былъ безпокойный и заботливый человѣкъ.

V.

Салтыковъ, какъ писатель и семьянинъ.

Внѣшнія особенности произведеній Салтыкова. —Разнообразіе фигуръ въ его сатирахъ. - Заразительный юморъ его личныхъ разсказовъ. — Умѣнье подмѣчать въ людяхъ ихъ скрытые недостатки и снимать съ лицемѣровъ маски. –Мѣткость его характеристикъ.—Отвращеніе Салтыкова къ скабрезностямъ.— Кое-что изъ воспоминаній о немъ С. Южакова, Н. Михайловскаго, А. Скабичевскаго и Я. Абрамова. — Соединеніе суровости съ деликатностью.—Одинаковость обращенія со всѣми людьми. — Денежныя отношенія Салтыкова къ сотрудникамъ журнала. Семейная заботливость и родительская нѣжность.

Хотя критическая оцѣнка произведеній Салтыкова не входитъ въ нашу задачу, но мы не можемъ все таки не сказать о нихъ нѣскольких словъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что прикладывать къ нимъ какую либо изъ установившихся критическихъ мѣрокъ — довольно трудно. Онъ до того перетасовывалъ всѣ роды и виды литературы:—поэзію съ публицистикой, эпическое повѣствованіе съ сатирой, трагедію съ комедіей и т. д.,—что, читая его сочиненія, затруднительно сказать, что̀ именно передъ вами, а между тѣмъ впечатлѣніе получается сильное, цѣльное и живое. У него сплошь и рядомъ нѣтъ никакой внѣшней архитектуры, а между тѣмъ есть произведенія, которыя, по глубинѣ мысли, яркости красокъ и силѣ художественнаго впечатлѣнія, могутъ быть сопоставлены съ произведеніями лучшихъ европейскихъ писателей и съ образцами всемірной литературы. Онъ совершенно игнорировалъ установившіяся рамки и формы и руководился больше всего овладѣвавшими имъ въ данное

время идеями и тѣми возвышенными цѣлями, которыхъ желалъ достигнуть; поэтому произведенія его выходили въ высшей степени своеобразными. А потому, при оцѣнкѣ ихъ, лучше всего руководствоваться ихъ идейнымъ содержаніемъ и тѣмъ непосредственнымъ, живымъ впечатлѣніемъ, какое онѣ производятъ на читателя. Мы найдемъ у Салтыкова цѣлыя коллекціи сознательныхъ и безсознательныхъ лицемѣровъ, лгуновъ, жестокосердыхъ людей, самодуровъ, безличныхъ «чего изволите», съ національными чертами, и т. д.; а вмѣстѣ съ тѣмъ найдемъ также не менѣе богатую коллекцію униженныхъ и оскорбленныхъ, то сохраняющихъ еще въ душѣ чувство недовольства и надежды на нѣчто лучшее, то совсѣмъ уже задавленныхъ жизнью и не протестующихъ, а молча несущихъ гнетъ или молча же ждущихъ, когда наступитъ на ихъ улицѣ праздникъ, чтобы безъ всякой пощады и состраданія мстить своимъ притѣснителямъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ Анфиса Порфирьевна относительно мужа въ «Пошехонской старинѣ» Врядъ ли у кого либо изъ другихъ писателей окажется такое обиліе и разнообразіе фигуръ, какъ у Салтыкова. Все слабое и угнетаемое, начиная съ дѣтей, надъ которыми производятся всевозможныя эксперименты и которыя въ защиту себя ничего сказать не могутъ, и кончая крѣпостною подневольною массою, находило въ немъ горячую защиту, а все стѣснявшее жизнь, напротивъ, встрѣчало недремлющаго противника. Его сатира часто была единственнымъ возмездіемъ злу и апелляціей къ разуму, чести и совѣсти. Иногда онъ повторялся, что̀ и самъ признавалъ, когда его въ этомъ упрекали; но повтореній у него всетаки немного и не такъ ужъ онѣ буквальны и безъинтересны, чтобы ставить ихъ ему на счетъ. Объяснялъ онъ это очень просто и вполнѣ естественно, а именно тѣмъ, что онъ всегда былъ занятъ исключительно злобами дня, къ которымъ пріурочена была вся его литературная дѣятельность и которыя втеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ тоже повторялись съ удручающимъ

однообразіемъ. Есть для этого и другія объясненія, лежащія въ самыхъ условіяхъ журнальной работы; наконецъ Салтыкову приходилось иногда возвращаться къ сказанному съ цѣлями полемическими.

Кто зналъ лично М. Е., тотъ, при чтеніи его сочиненій, получаетъ особое удовольствіе, потому что писалъ онъ часто то, что говорилъ, и писалъ совершенно также, какъ говорилъ (только лирическихъ отступленій да подробностей въ разговорѣ обыкновенно не встрѣчалось), такъ что точно видишь его передъ собою и слышишь его голосъ.

А видѣть его всегда было интересно. Смотря по состоянію здоровья и настроенію, онъ въ редакціи или говорилъ только о текущихъ дѣлахъ по журналу и коротко, какъ бы нехотя, отвѣчалъ на вопросы, или начиналъ что нибудь разсказывать: по большей части какіе нибудь слухи и новости, имѣвшіе общественное значеніе, проэкты разныхъ мѣропріятій, касавшіеся преимущественно литературы, причемъ нерѣдко можно было слышать обычный его возгласъ: «каково положеніе!» Настоящее всегда связывалось и сопоставлялось съ прошлымъ, такъ что можно было услышать отъ него и воспоминанія, какъ изъ своей прежней жизни, такъ и изъ жизни нѣкоторыхъ лицъ высшаго общества, изъ которыхъ одни были его товарищами по школѣ, а съ другими—какъ, напр., съ гр. Д. А. Толстымъ—судьба свела его потомъ, по выходѣ изъ школы. Продавши подмосковное имѣніе, Салтыковъ купилъ небольшое имѣніе подъ Петербургомъ *) и пытался тамъ хозяйничать, но испытывалъ только неудачи. Эти неудачи, въ связи съ самымъ способомъ пріобрѣтенія имѣнія, тоже неудачнымъ, были темою цѣлаго ряда живыхъ и интересныхъ разсказовъ, которые потомъ

*) Подмосковное имѣніе Салтыкова находилось въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Для покупки его, онъ занялъ у матери 20 т. руб., изъ которыхъ 16 т. выплатилъ ей самой, а остальныя 4 т., послѣ ея смерти, по завѣщанію, кому-то изъ сонаслѣдниковъ. Второе имѣніе находилось въ 16 верстахъ отъ Ораніенбаума.

вошли въ «Монрепо». Монрепо это въ концѣ концовъ также было продано, принеся хозяину только убытки. Нерѣдко Салтыковъ начиналъ также разсказывать что нибудь такое, надъ чѣмъ нельзя было не смѣяться, особенно глядя при этомъ на его почти всегда серьезное лицо. По большей части эта была дѣйствительность, изукрашенная его фантазіей. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ присутствовавшіе хохотали самымъ неудержимымъ образомъ, самъ же онъ никогда громко не смѣялся, а только изрѣдка улыбался, да и то въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда добродушно разсказывалъ что нибудь комическое про знакомыхъ или когда предметъ, о которомъ шла рѣчь, былъ незначителенъ и только забавенъ. Смѣшить — вовсе не было его цѣлью; напротивъ, онъ всегда боялся прослыть писателемъ «по смѣшной части» и даже въ разговорѣ оставался иногда недоволенъ тѣмъ, что смѣются, хотя могъ бы ужъ, кажется, привыкнуть къ этому и допускать, что нельзя не смѣяться, слушая смѣшныя вещи. Зависѣло это отъ совершенно своеобразныхъ свойствъ его разсказа и столь же своеобразнаго отношенія къ тому, о чемъ онъ говорилъ: онъ часто возмущался и негодовалъ, но въ то же время придумывалъ для предмета негодованія одно положеніе смѣшнѣе другого, и чѣмъ онъ больше останавливался на такомъ предметѣ, тѣмъ, кажется, неистощимѣе становилась его фантазія. Это было чисто личною его особенностью, чисто личнымъ оружіемъ, какъ хоботъ у слона, какъ зубы и когти у медвѣдя, оружіемъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ и которое пускалъ въ ходъ чисто рефлективно, хотя въ то же время и не безсознательно, а постоянно держа его подъ контролемъ и руководствомъ разума.

Онъ не могъ спокойно и хладнокровно относиться къ тому, что было безсмысленно, безсовѣстно, фальшиво, надменно, цинично, словомъ, что возмущало его чувство и не мирилось съ логикой, и сейчасъ же реагировалъ на это, какъ могъ и умѣлъ, какъ находилъ лучше и цѣлесообразнѣе. Людей и предметы, которые въ этомъ отри-

цательномъ смыслѣ обращали на себя его вниманіе, онъ всегда почти освѣщалъ со стороны совершенно неожиданной, самой прозаической, характеризовалъ ихъ необыкновенно мѣтко нѣсколькими штрихами и открывалъ въ нихъ какую нибудь новую глупость или гадость, которыхъ вы, можетъ быть, и не подозрѣвали. Къ такимъ скрытымъ и приличія ради прикрытымъ глупостямъ и гадостямъ онъ былъ особенно безпощаденъ и вытаскивалъ такихъ людей на свѣтъ, безъ всякой церемоніи, во всей ихъ наготѣ, въ наиболѣе показной и неудобной для нихъ формѣ: смотрите, молъ, какая это гадина, какая скотина! Онъ сердился при этомъ на нихъ, но до злобной вражды и ратоборства съ ними рѣдко доходилъ, а по большей части смотрѣлъ на нихъ съ извѣстной высоты общечеловѣческаго и своего личнаго достоинства. Это была, съ одной стороны, настоящая мѣра вещей, а, съ другой, если хотите, извѣстная доля душевной мягкости и художественной объективности.

Рисуя ужаснѣйшихъ злодѣевъ и негодяевъ, онъ или указывалъ причины и условія, сдѣлавшія ихъ такими, или искалъ способовъ воздѣйствія на нихъ, пробужденія въ нихъ стыда или по крайней мѣрѣ страха передъ судомъ дѣтей и потомства, вообще, вѣрилъ въ возможность просіянія злодѣйской души и не могъ понять своею человѣческою душою злодѣйства темнаго и совсѣмъ безпросвѣтнаго. Можетъ быть въ отношеніи истины и самаго взгляда на такого рода отрицательныя явленія это было неправильно, но за то это поддерживало въ немъ вѣру въ человѣческую природу и спасало отъ разочарованія.

По всей вѣроятности это и подало поводъ въ 70-хъ годахъ одному критику посмотрѣть на его смѣхъ, какъ на смѣхъ больше для смѣха, потому будто бы и не особенно обидный тѣмъ, на кого онъ направленъ. Какою это было ошибкой со стороны талантливаго критика—нечего, конечно, и говорить. Салтыковъ опровергъ это всею своею какъ прежнею, такъ и въ особенности послѣдующею дѣятельностью, опровергъ цѣлымъ рядомъ произведеній,

возбуждающихъ не смѣхъ только и совсѣмъ смѣха не возбуждающихъ. Были вещи, надъ которыми Салтыковъ не смѣялся, которыя точно подавляли его, и надъ которыми и другіе тоже не смѣялись, когда онъ о нихъ говорилъ или разсказывалъ. И такихъ вещей было не мало. Были также вещи, надъ которыми онъ не смѣялся по другимъ причинамъ, чтобы не дать оружія въ руки врагамъ, чтобы даже какъ-нибудь косвенно не поддержать реакціонныхъ усилій, или надъ которыми хоть и смѣялся въ частной бесѣдѣ, но никогда не напечаталъ о нихъ ни строчки, не смотря на то, что могъ бы создать пресмѣшныя вещи. Повторяю: смѣхъ никогда не былъ для него цѣлью, а былъ только средствомъ. Но если бы даже онъ ограничился только смѣхомъ, только приклеиваніемъ позорныхъ ярлыковъ и надѣваніемъ дурацкихъ колпаковъ на людей, которые этого заслуживали, то и это было бы ужъ большою заслугою: общественный смѣхъ есть признакъ сознанія и критическаго отношенія къ тому, что считалось дотолѣ выше какихъ бы то ни было сомнѣній, что незаслуженно пользовалось авторитетомъ и злоупотребляло имъ. Можно указать случаи, когда смѣхъ Салтыкова достигалъ именно той цѣли, какую онъ имѣлъ въ виду; можно указать также и людей, которые до самой смерти ходили, а другіе и теперь еще ходятъ и будутъ ходить съ его ярлыками.

Въ мужскомъ обществѣ и тѣмъ болѣе въ своемъ кружкѣ Салтыковъ въ выраженіяхъ не стѣснялся, и замѣчательно, что это никогда не производило дурного впечатлѣнія и не носило дурного характера, какъ у другихъ. Вотъ ужъ именно: то же слово, да не такъ молвится. Вы ясно видѣли, что говоритъ это человѣкъ несомнѣнно нравственный, который дѣлаетъ нецензурныя сравненія только потому, что такъ короче и изобразительнѣе выходитъ, что, наконецъ, самому предмету, о которомъ онъ говоритъ, наиболѣе приличествуетъ именно такая форма выраженія. Отчасти это можно видѣть и въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ, гдѣ тоже попадаются иногда кое-какія сло-

вечки и положенія, соотвѣтствующія нескромному характеру и свойствамъ дѣйствующихъ лицъ, но гдѣ вы все-таки не найдете скабрезности. Салтыковъ не терпѣлъ вообще скабрезности и порнографіи, особенно въ литературѣ. Одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ «Отеч. Записокъ» (С. Н. Южаковъ) разсказываетъ о немъ, между прочимъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, почему онъ однажды не принялъ повѣсть начинающаго автора, и какъ не могъ удержаться, когда тотъ пришелъ за отвѣтомъ, чтобы не сказать въ его присутствіи случившимся тутъ же сотрудникамъ: «вѣдь вотъ авторъ — совсѣмъ юноша... а мнѣ, старику, было стыдно читать его повѣсть, столько скабрезности». Скабрезность всегда его шокировала даже у извѣстныхъ писателей и въ хорошихъ произведеніяхъ.

Мы знали Салтыкова главнымъ окразомъ въ литературныхъ его отношеніяхъ, и въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, лучшею для него характеристикой можетъ служить тотъ удивительно единодушный взглядъ на него, какой высказали всѣ писавшіе о немъ сотрудники. Не могу не привести нѣсколькихъ строкъ изъ воспоминаній своихъ бывшихъ товарищей, какъ для того, чтобы показать ихъ сходство, такъ и для того, чтобы самому избѣжать повтореній.

Н. К. Михайловскій говоритъ, что Салтыковъ часто былъ рѣзокъ, раздражителенъ, несдержанъ въ выраженіяхъ и что внѣшность его только усиливала это впечатлѣніе: рѣзкая перпендикулярная складка между бровей на прекрасномъ открытомъ лбу, сильно выпуклые глаза, сурово и какъ-то непреклонно смотрѣвшіе прямо въ глаза собесѣднику, грубый голосъ, угрюмый видъ, «но иногда это суровое лицо все освѣщалось такою почти дѣтски-добродушной улыбкой, что даже люди, мало его знавшіе, но попадавшіе подъ свѣтъ этой улыбки, понимали, какая наивная и добрая душа кроется подъ его угрюмою внѣшностью. О тѣхъ, кто его близко зналъ, нечего и говорить. Онъ не могъ не поворчать въ разговорѣ съ кѣмъ бы то ни было... но всѣ знали, что это только воркотня и что

въ концѣ концовъ она ни чѣмъ не отзовется на дѣлѣ и дѣйствительныхъ отношеніяхъ... Это былъ истинно добрый человѣкъ, всегда готовый помочь нуждающемуся словомъ и дѣломъ. Мелкихъ же чувствъ мстительности, подозрительности, соперничества въ немъ не было даже самыхъ слабыхъ слѣдовъ».

А. М. Скабичевскій сообщаетъ: въ обществѣ ходили баснословные слухи о мнимыхъ суровости, жестокости и даже бранчивости, съ какими Салтыковъ будто бы обращался съ людьми не только близкими, но и совершенно незнакомыми, которыхъ въ первый разъ видѣлъ. Вслѣдствіе этихъ слуховъ, начинающіе авторы, впервые являвшіеся къ нему съ своими начинаніями, сильно потрухивали и робѣли. «Но эти слухи крайне преувеличены. Дѣйствительно, его лицо носило по большей части суровое и нѣсколько даже мрачное выраженіе, и въ нервномъ голосѣ очень часто слышались ноты болѣзненной раздражительности, что могло пугать каждаго непривычнаго человѣка. Но все это не мѣшало ему быть человѣкомъ, въ сущности, крайне добрымъ, съ мягкимъ и даже нѣжнымъ сердцемъ, неспособнымъ отказывать въ чемъ-либо людямъ и, вообще, оставаться безучастнымъ къ ихъ нуждамъ». «Часто случалось, говоритъ онъ дальше, что къ нему обращались за авансомъ сотрудники, забравшіе не мало уже денегъ и потерявшіе, повидимому, всякое право на новые авансы. Салтыковъ выходилъ изъ себя въ такихъ случаяхъ. Грозный голосъ его начиналъ раздаваться по всѣмъ комнатамъ редакціи: «это невозможно!— кричалъ онъ—это чортъ знаетъ что такое!.. Мы и безъ того роздали безвозвратно до 30 тысячъ! Что же съ нами будетъ наконецъ, чѣмъ же это кончится?» и т. д. И кончалось всегда тѣмъ, что... онъ бралъ листъ бумаги и писалъ ордеръ въ контору о выдачѣ сотруднику суммы, которую тотъ просилъ». Равнымъ образомъ и состоявшіе при редакціи конторщики, метранпажи и другіе служащіе нисколько его не боялись и прямо говорили: «что намъ Михаилъ Евграфовичъ! Онъ только такъ кричитъ, а мы

его нисколько не боимся». Однажды при Скабичевскомъ онъ съ ужаснымъ гнѣвомъ напустился на метранпажа за то, что тотъ слишкомъ скоро набралъ весь отданный въ типографію матеріалъ для книжки и явился за новымъ. — «Чего вы торопитесь, — кричалъ онъ — ѣдите вы что-ли рукописи? Ему не успѣешь дать рукопись, ужъ у него и готово. Да что вы въ недѣлю хотите набрать книжку, что-ли?... Набрали, такъ и ждите теперь, а отъ меня вы больше ничего раньше недѣли не получите, ничего!..» Понятно, что, слушая такую распеканцію, метранпажъ еле удерживался отъ смѣха, потому что она въ сущности была ему похвалою. Но Салтыковъ, дѣйствительно, сердился въ это время.

«Страхъ, который внушалъ Салтыковъ робкимъ людямъ, — говоритъ г. Скабичевскій, — происходилъ главнымъ образомъ отъ двухъ его достоинствъ: отъ крайняго прямодушія и нервнаго отвращенія ко всему фальшивому и неискреннему. Какъ только онъ видѣлъ что-либо подобное, его сейчасъ же начинало коробить, онъ не могъ не высказать человѣку въ глаза того впечатлѣнія, которое тотъ на него производилъ, и высказать со всѣмъ тѣмъ саркастическимъ остроуміемъ, которымъ онъ былъ надѣленъ. Не гнѣвъ его былъ страшенъ, а скорѣе тѣ шуточки, которыми онъ способенъ былъ уничтожить собесѣдника... Но за то если Салтыковъ усматривалъ въ человѣкѣ природный умъ, честность и искренность, онъ дѣлался съ такимъ человѣкомъ крайне мягокъ, деликатенъ, любезенъ и вполнѣ откровененъ».

Я. В. Абрамовъ также опровергаетъ разные нелѣпые слухи, ходившіе относительно Салтыкова, и говоритъ, что онъ является въ его воспоминаніяхъ «чрезвычайно мягкимъ, добрымъ и глубоко-симпатичнымъ человѣкомъ», что онъ всегда встрѣчалъ въ немъ «внимательнаго и заботливаго человѣка», интересовавшагося какъ его занятіями, такъ и «матеріальнымъ положеніемъ», и что таково же, насколько онъ могъ замѣтить, «было его отношеніе и ко всѣмъ другимъ сотрудникамъ». То же или почти то же

самое говоритъ и г. Южаковъ. То же самое, разумѣется, сказалъ бы и я, и не знаю — сказалъ-ли бы лучше, а потому посмотримъ на черты его характера, менѣе подчеркнутыя и не такъ рѣзко бросавшіяся въ глаза.

Не смотря на свою прямоту и суровость, онъ былъ въ отношеніи сотрудниковъ и людей, которыхъ зналъ или которые ему казались искренними, замѣчательно деликатенъ. Я уже указывалъ выше, какъ онъ умѣло велъ редакторское дѣло, не оскорбляя литературныхъ самолюбій, едва-ли не самыхъ болѣзненныхъ въ мірѣ, съ которыми ему приходилось постоянно встрѣчаться. А между тѣмъ въ то же время онъ всегда указывалъ людямъ ихъ ошибки и промахи, нисколько не стѣснялся высказывать непріятныя истины прямо въ глаза. Дѣлалось это, не смотря на кажущуюся внѣшнюю рѣзкость, въ такой сердечной, чисто товарищеской формѣ, что люди не обижались, а если и обижались, то чувствовали себя не вправѣ сердиться: на его сторонѣ была правда и самое задушевное доброжелательство. Человѣкъ чувствовалъ, что его не желаютъ вовсе оскорбить или какъ бы то ни было унизить, а просто говорятъ ему то, что слѣдуетъ и чего отъ другихъ онъ во вѣки вѣковъ не услышитъ и ни за какія сокровища не купитъ. Еслибы Салтыковъ оказался не правъ и кому нибудь незаслуженно причинилъ обиду, то это навѣрное долго его мучило бы.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣчто подобное происходило, или когда онъ только предполагалъ, что человѣкъ могъ обидѣться, онъ всегда извинялся передъ нимъ и говорилъ: «вы пожалуйста на меня не сердитесь», «пожалуйста извините, но, право, я не хотѣлъ васъ обидѣть». Морщился онъ при этомъ, непріятно было ему сознавать свою неправоту, но тѣмъ не менѣе извинялся всегда съ самымъ чистымъ серцемъ, потому что сердце у него было дѣйствительно чистое, чуждое какихъ либо дурныхъ чувствъ противъ ближняго. Послѣ каждой горячности и крупнаго разговора онъ обыкновенно становился очень мягокъ, точно смотрѣлъ: не обидѣлъ-ли кого и не нужно-ли загладить обиду.

Въ обращеніи съ людьми Салтыковъ былъ совершенно одинаковъ, какъ бы ни была велика разница въ ихъ общественномъ положеніи: былъ-ли передъ нимъ богачъ или бѣднякъ, графъ, князь, генералъ или простой мѣщанинъ и разночинецъ въ длинныхъ сапогахъ и ситцевой рубахѣ,—со всѣми онъ говорилъ одинаково. Онъ различалъ людей только по ихъ достоинствамъ и внутреннимъ качествамъ, когда узнавалъ ихъ ближе: одни ему нравились, однихъ онъ любилъ или уважалъ и относился къ нимъ замѣчательно хорошо, другихъ, наоборотъ, совсѣмъ не уважалъ и не любилъ, и скрыть этого уже никакъ не могъ. Его такъ и тянуло или посмѣяться и сказать что-нибудь непріятное такому человѣку, или уйти отъ грѣха, уйти отъ того непріятнаго впечатлѣнія, которое тотъ на него производилъ. Были нѣкоторые посѣтители и посѣтительницы, заходившіе иногда въ редакцію по какому-нибудь дѣлу, которыхъ онъ просто не выносилъ и при одномъ появленіи которыхъ сейчасъ же замолкалъ, начиналъ на нихъ коситься и всячески избѣгать разговора.— «Не угодно-ли вамъ поговорить (съ нимъ или съ нею)», «примите пожалуйста чашу сію, а я просто не могу»,— говаривалъ онъ иногда кому нибудь изъ сотрудниковъ, или начиналъ спрашивать: — «какъ вы думаете, скоро они уйдутъ?»

Не могу не разсказать, какъ онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ стѣснялся возвращать рукописи. Помню, разъ черезъ меня поступила въ редакцію рукопись одной моей знакомой писательницы, человѣка очень скромнаго и малоизвѣстнаго. Это было въ самомъ началѣ моего сотрудничества въ «От. З.». Я въ то время жилъ въ Лѣсномъ и не каждый разъ бывалъ въ редакціи; а потому въ назначенный срокъ, черезъ двѣ недѣли, сказалъ знакомой, чтобы она сама зашла за отвѣтомъ. Салтыковъ никакого отвѣта ей не далъ, а сказалъ только, что желаетъ видѣть меня и что черезъ меня же и дастъ отвѣтъ. Нѣсколько дней я былъ занятъ и въ городѣ не былъ, а потому не былъ и у него. Въ воскресенье получаю отъ него

письмо: непремѣнно проситъ пріѣхать завтра въ редакцію. Пріѣзжаю, отводитъ меня въ сторону и говоритъ:

— Послушайте, должно быть эта ваша знакомая—очень хорошій человѣкъ. Это по разсказу видно, но что дѣлать: разсказъ-то вѣдь плохъ, не по мысли, а въ литературномъ отношеніи. Она тутъ была въ прошлый понедѣльникъ. Отказать—языкъ не поворачивается: можетъ быть она нуждается и надѣялась на эту работу; въ разсказѣ у нея такое знакомство съ нуждой, что вѣрно она сама ее испытала или испытываетъ... А, съ другой стороны, и намъ тоже какъ-то неловко слабыя вещи принимать. У насъ ихъ и безъ того достаточно. Сдѣлайте для меня такое одолженіе: снимите съ меня эту тягость и скажите ей объ этомъ какъ-нибудь такъ, чтобы она не обидѣлась. Когда знаешь человѣка, то это какъ-то лучше выходитъ. А если ей деньги нужны, то можно будетъ выдать: что нибудь другое напишетъ, можетъ быть удачнѣе выйдетъ.

Вспоминаю также случай деликатности со мною, тоже отчасти касавшійся денежнаго вопроса. Вышла разъ на меня проруха: написалъ я рецензію о сочиненіи Чичерина о нѣмецкихъ соціалистахъ—К. Марксѣ и Лассалѣ. Рецензія эта, не смотря на то, что была чисто теоретическою, не понравилась въ цензурѣ.... Прошло года три или четыре, Чичеринъ какъ-то опять проявился на московскомъ небосклонѣ съ вышеуказаннымъ сочиненіемъ и кандидатурою на должность московскаго городского головы, а я, не прельщаясь надѣлавшею тогда эфекта его рѣчью, расширилъ свою рецензію въ статью и пустилъ ее подъ другимъ названіемъ, надѣясь, что черезъ такое значительное время она пройдетъ. Книжка была послана въ цензуру и срокъ ей истекалъ, по обыкновенію, къ редакціонному дню, какъ это приноравливалось для удобства раздачи гонорара и новыхъ книжекъ сотрудникамъ и для соображенія матеріала, имѣющаго войти въ слѣдующую книжку. Прихожу я въ редакцію, ничего не подозрѣвая; Салтыковъ любезенъ,

какъ-то даже особенно ласковъ и говоритъ, что книжка вышла; тоже повторяютъ и другіе; тоже говоритъ и конторщикъ, раздавая деньги сотрудникамъ.—«Получите— говоритъ—и вы». Я получилъ сколько причиталось и росписался. Спрашиваю: а гдѣ же книжка, нельзя ли получить экземпляръ?—«Сейчасъ, говоритъ—ее принесутъ». Затѣмъ посидѣли нѣкоторое время, поговорили о текущихъ дѣлахъ, приходили посѣтители, словомъ все шло своимъ чередомъ, и я ничего не замѣчалъ. Наконецъ Салтыковъ распрощался и уѣхалъ, а какъ только онъ уѣхалъ, такъ вдругъ откуда-то появилась и книжка. Смотрю, моей статьи въ ней нѣтъ.... Салтыковъ, не желая меня огорчать или, лучше сказать, видѣть моего огорченія, просилъ всѣхъ не говорить мнѣ объ этомъ, пока онъ не уйдетъ изъ редакціи. Онъ по себѣ зналъ, насколько это огорчительно, а съ другой стороны и статья ему нравилась. Мнѣ дѣйствительно было очень непріятно и жаль статью, а затѣмъ и положеніе мое относительно гонорара вышло довольно неловкимъ: я уже получилъ разъ деньги за исключенную рецензію, а теперь вторично получалъ въ сущности за ту же самую работу, которая также не пригодилась журналу. Выходило такъ, какъ будто я обладаю какой-то сказочной цѣнностью, которая другому не дается и постоянно ко мнѣ же возвращается. Къ тому же, денежное мое положеніе было вовсе не плохимъ: кромѣ платы за статьи, я получалъ еще отъ редакціи хорошее жалованье. Видя, что конторщикъ уже ушелъ, я, когда возвращался домой, зашелъ въ контору и предложилъ ему деньги обратно, но получилъ въ отвѣтъ, что онъ сдѣлать этого никакъ не можетъ, потому что Салтыковъ приказалъ не брать отъ меня денегъ: — «не велѣлъ—говоритъ—сказывать вамъ, что статья исключена и книжку не велѣлъ показывать, покуда денегъ не получите, а потомъ денегъ назадъ не велѣлъ брать». Значитъ, онъ и тутъ уже распорядился. Говорилъ я ему потомъ объ этомъ раза два, но онъ и слушать не хотѣлъ, повторяя только одно: «ахъ, какъ это скучно, право. Вѣдь и

во второй разъ вы работали надъ статьею, не сама же она написалась, слѣдовательно не о чемъ тутъ и говорить; если же не хотите брать денегъ или у васъ ихъ такъ много, что некуда дѣвать, такъ отдайте кому-нибудь». Положеніе мое въ данномъ случаѣ было впрочемъ вовсе не исключительнымъ: всѣ статьи, разъ принятыя редакціей, оплачивались, хотя бы почему-нибудь—по независящимъ или инымъ причинамъ—и не были напечатаны.

Вообще, въ денежныхъ вопросахъ и дѣлахъ съ пишущею братіею Салтыковъ былъ гораздо болѣе щедръ, чѣмъ это могло показаться по скромности его личныхъ потребностей и тѣмъ случаямъ, когда онъ начиналъ ворчать при выдачѣ нѣкоторыхъ авансовъ. Онъ при этомъ легко могъ производить впечатлѣніе человѣка скупого и прижимистаго, и относительно непроизводительныхъ тратъ, предметовъ роскоши и безтолковаго разбрасыванія и раздачи денегъ дѣйствительно былъ прижимистъ. Не походилъ онъ также и на поэта, живущаго постоянно въ эмпиреяхъ и не знающаго счета въ деньгахъ. Онъ былъ просто, по крестьянски, домовитымъ человѣкомъ, желалъ, чтобы трудъ его не пропадалъ, чтобы въ домѣ у него былъ достатокъ, чтобы ни отъ кого ему не зависѣть и никому не кланяться, чтобы и самому въ старости не нуждаться и умереть съ увѣренностью, что и семья тоже не будетъ нуждаться. И все это на почвѣ труда, энергіи и бережливости. Желалъ онъ того же и другимъ, и мало того, что желалъ, а считалъ это даже необходимымъ для каждаго и безпокоился, когда кому нибудь не удавалось достигнуть хоть самаго небольшого довольства, или сердился, когда видѣлъ, что человѣкъ живетъ безтолково и не думаетъ о будущемъ. Онъ постоянно выдавалъ авансы, и авансы значительные; мало того, самъ даже предлагалъ иногда денегъ, когда узнавалъ, что люди нуждаются, и предлагалъ людямъ, которыхъ мало зналъ, лишь бы только они были писателями и изъ писаній ихъ было видно, что они люди порядочные.

Я только что указалъ одинъ такой примѣръ отно-

сительно знакомой моей писательницы, хотя она предложеніемъ и не воспользовалась. Другой такой же примѣръ разсказываетъ г. Абрамовъ про себя: Салтыковъ совсѣмъ его еще не зналъ и въ первый разъ видѣлъ (только одна первая статья его тогда была напечатана въ «От Зап.»), а между тѣмъ, узнавъ изъ разговора, что онъ ѣдетъ съ небольшою суммою въ дальнюю дорогу, самъ предложилъ ему «порядочный авансъ», какой тотъ самъ назначилъ. Навѣрное были и можно припомнить еще подобные же случаи. Г. Абрамовъ совершенно вѣрно говоритъ, что если не всѣ, то почти всѣ сотрудники «прибѣгали постоянно къ этимъ авансамъ, а нѣкоторые такъ и не выходили изъ долговъ», что «кажется, не проходило редакціоннаго дня безъ того, чтобы кто-нибудь не обращался за авансомъ» и что «отказа никогда не было». Салтыковъ не любилъ только безконечныхъ авансовъ, какъ называлъ онъ тѣ случаи, когда человѣкъ, не давая долго статей, чуть ли не каждый мѣсяцъ атаковалъ его просьбами, и не любилъ также слишкомъ маленькихъ выдачъ, которыя только усложняли счеты. Арендуя «От. Зап.», онъ могъ бы получать отъ изданія гораздо больше, еслибы, подобно другимъ издателямъ, меньше думалъ объ интересахъ пишущихъ. Онъ всегда порицалъ маленькіе гонорары, существующіе въ нѣкоторыхъ изданіяхъ для людей начинающихъ и малоизвѣстныхъ, и всегда назначалъ плату не низшую, а высшую, чѣмъ въ другихъ журналахъ, а затѣмъ, съ теченіемъ времени, плата эта повышалась. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гонорары «От. Зап.» достигали очень большихъ размѣровъ. Нѣкоторые сотрудники получали больше, чѣмъ Салтыковъ: я помню время, когда ему расчетъ производился по 200 р. за листъ, а другіе получали по 250 р. Потомъ это сравнялось. Случайныя статьи извѣстныхъ писателей также иногда оплачивались дороже. Въ числѣ сотрудниковъ всегда было нѣсколько человѣкъ, которые получали постоянное жалованье. Въ случаѣ болѣзни или какихъ-либо житейскихъ передрягъ жалованье это сохранялось долго за ними или выдавалось

ихъ семьямъ. Долги сотрудниковъ, когда ихъ положеніе было плохо, постоянно смарывались. Когда «Отечественныя Записки» закрылись, то многіе оказались должными журналу, и всѣ эти долги были уничтожены; кромѣ того почти всѣ, кто постоянно работалъ для журнала и жилъ текущею работою, получили по нѣскольку сотъ рублей, что дало имъ возможность перебиться до пріисканія новой работы.

Въ домашней жизни Салтыковъ былъ замѣчательно заботливымъ семьяниномъ и нѣжнымъ отцомъ, хотя тоже часто ворчалъ и на жену, и на дѣтей. Отношеніе его къ семьѣ отлично обрисовывается въ коротенькомъ предсмертномъ письмѣ къ сыну. Вотъ полный текстъ этого письма:

„Милый Костя, такъ какъ я каждый день могу умереть, то вотъ тебѣ мой завѣтъ: люби мать и береги ее; внушай то же и сестрѣ. Помни, что ежели вы не сбережете ее, то вся семья распадется, потому что до совершеннолѣтія вашего еще очень-очень далеко. Старайся хорошо учиться и будь безусловно честенъ въ жизни. Вотъ все. Любящій тебя отецъ. Еще: паче всего люби родную литературу, и званіе литератора предпочитай всякому другому".

Въ письмѣ къ В. И. Лихачеву, вскрытомъ послѣ смерти, но приготовленномъ еще въ октябрѣ 1887 года, когда, вслѣдствіе усилившихся припадковъ болѣзни, Салтыковъ почувствовалъ, вѣроятно, что смерть была недалеко, также съ замѣчательною заботливостью и предусмотрительностью говорится о семьѣ и дѣтяхъ. Онъ проситъ В. И. Лихачева, какъ «будущаго попечителя» дѣтей, оградить ихъ отъ всякихъ случайностей, высказываетъ желаніе, чтобы сынъ, по выходѣ изъ лицея, поступилъ на службу, предусматриваетъ даже такія подробности, какъ устройство ему каникулъ, въ томъ случаѣ, если семьѣ понадобится лѣтомъ отправиться за границу, и говоритъ въ заключеніе: «вообще, я умоляю обратить вниманіе на мою семью». Выдержки изъ этого письма приведены въ матеріалахъ для его біографіи, собранныхъ К. К. Арсеньевымъ.

Не менѣе интересны также письма его къ дѣтямъ, писанныя весной и лѣтомъ 1880 и 1881 гг., когда они

съ матерью были за границей, а онъ оставался временно въ Петербургѣ. Сыну его въ 1880 г. было около 9 лѣтъ, дочери — около 7.

„Доношу вамъ, - говорится въ письмѣ отъ 12 мая, 1880 г.,— что безъ васъ скучно и пусто. Когда вы были тутъ, то бѣгали и прятались въ моей комнатѣ, а теперь такая тишина, что страшно. И еще доношу, что куклы ваши здоровы и въ цѣлости. Имъ тоже скучно, что никто ихъ не ломаетъ. А еще доношу, что сегодня Арапка (только что оперившаяся канарейка), когда я вошелъ въ игральную, сѣлъ сначала мнѣ на плечо, а потомъ забрался на голову, и не успѣлъ я оглянуться, какъ опъ уже сходилъ. Вотъ такъ сюрпризъ. Что же касается до Крылатки, то она еще совсѣмъ голенькая, но мать начинаетъ уже летать отъ нея. Ни конфектъ, ни апельсиновъ послѣ вашего отъѣзда въ Петербургѣ ужъ нѣтъ; всѣ уѣхали слѣдомъ за вами въ Баденъ. Я думаю, что вы ужъ возобновили съ ними знакомство. Будьте умники и учитесь. Пишите ко мнѣ что вздумается, но непремѣнно пишите. Я буду прятать ваши письма, и когда вы будете большіе, мы станемъ вмѣстѣ ихъ перечитывать. Цѣлую васъ обоихъ крѣпко-на-крѣпко. Какъ только можно будетъ, прилечу. Не забывайте папу“.

Въ другихъ письмахъ Салтыковъ пишетъ:

„Дѣла наши въ томъ же положеніи. Куколка лежитъ въ кроваткѣ и почиваетъ; Арапка летаетъ совсѣмъ какъ большой; Бепка (отецъ канареечнаго семейства) обходится съ нимъ совсѣмъ какъ съ товарищемъ... А я все кашляю, и все на старый манеръ, даже новаго ничего выдумать не могу. И скучно мнѣ очень, что не слышу больше вашего дѣтскаго милаго шума“ (17 мая, 1880 г.). „Совѣтую тебѣ (дочери) писать по линейкамъ. Ты еще маленькая, и надо привыкать писать прямо. Попроси маму, чтобы она васъ по нѣмецки говорить пріучала: теперь вы легко научитесь, а потомъ будетъ очень трудно. Я всѣ дни сижу дома и скучаю. И дѣлать ничего не хочется. Птицы тоже скучаютъ безъ васъ и одичали. Арапка совсѣмъ дикій сдѣлался и даже не ночуетъ въ клѣткѣ, а забирается на карнизъ на печку“ (20 мая, 80 г.). „Имѣю честь доложить вамъ, что Крылатка вышелъ изъ гнѣзда, а мадамъ (канарейка—мать) опять начала нести яйца. Крылатка — премиленькій, весь въ Бепку: желтенькій, съ сѣрымъ хохолкомъ и сѣрыми крылышками. Лизина кукла все почиваетъ; никакъ разбудить нельзя“ (80 г., безъ числа)... „Костя! пересталъ ли ты вертѣться? Смотри, пріѣду, увижу, что ты вертишься и заплачу. Мадамъ уже три дня какъ сидитъ на яйцахъ, но сколько яицъ—не знаю, потому что какъ ни придешь, а она все си-

дитъ. Скучно она, бѣдная, лѣто проводитъ“ (безъ числа же, 80 г.). „Сегодня madame вывела одного маленькаго, а другое яйцо еще цѣло. Какъ назвать новорожденнаго?.. Коверъ твоей куклы, Лиза, цѣлъ и спрятанъ отъ моли; ты можешь быть спокойна. Я очень радъ, что ты мнѣ сама, безъ диктовки, пишешь. Такъ и впередъ дѣлай. Мнѣ хочется знать, что ты думаешь“ (9 іюня, 80 г.). „Я скоро пріѣду и буду часа полтора каждый день читать и заниматься съ вами. Вижу, что вы извольничались безъ меня и никто васъ не наказываетъ. А я буду съ вами ходить и покупать ягоды и шоколадъ пить—вотъ и наказанье“... „Объ какихъ куклахъ вы мнѣ пишете? Какія я могу вамъ привести отсюда—не лучше ли купить тамъ или въ Парижѣ, гдѣ куклы красивѣе и дешевле. Я думаю, что вы и сами, подумавши, согласитесь съ этимъ. Лиза! ты хоть и не поцѣловала меня въ письмѣ, но я знаю, что это не нарочно случилось и что ты непремѣнно сейчасъ же объ этомъ вспомнила и мысленно поцѣловала меня. И я тебя, дружокъ, крѣпко цѣлую“. (безъ числа, 80 г.).

Остальныя письма относятся къ 1881 году. Въ одномъ изъ нихъ, отъ 22 мая, Салтыковъ обращаетъ вниманіе сына на почеркъ:

„Буквы у тебя выходятъ пузатенькія, съ ножками и рожками. Надо получше писать, потому что члену литературнаго фонда безъ этого стыдно глаза въ свѣтъ показать. Лиза гораздо пріятнѣе пишетъ и надо ее догонять. Очень я радъ, голубчики что вамъ хорошо живется. Гуляйте и пользуйтесь случаемъ, чтобы по нѣмецки научиться. Научитесь — будете родителей за границей выручать, потому что родители ваши по нѣмецки не мастера говорить. А мнѣ здѣсь очень скучно; цѣлые дни на своемъ мѣстѣ сижу и все молчу или кашляю“.

Въ двухъ другихъ письмахъ разсказывается дѣтямъ сказка о похожденіяхъ канареекъ—Бепки, поступившаго въ гимназію, Арапки, вышедшей замужъ за чижа, и т. д.

Въ перепискѣ этой достаточно видна душевная нѣжность Салтыкова, которой многіе конечно и не подозрѣвали въ такомъ мрачномъ и суровомъ на видъ ворчунѣ. Онъ не только былъ нѣжный отецъ, но еще и баловникъ, дѣлавшій такія вещи, какихъ другіе отцы не дѣлаютъ, напр. шалости маленькаго сына, бывшаго сначала въ гимназіи, сплошь и рядомъ находили въ немъ защитника, а гимназическое начальство порицалось за мелочность и придирчивость; или, напр., затрудняется дочь въ

сочиненіяхъ, и онъ вдругъ самъ пишетъ ей сочиненіе и получаетъ она за это сочиненіе плохой баллъ.

Я. В. Абрамовъ разсказываетъ «въ Недѣлѣ» (№ 19, 1889 г.), какъ онъ однажды былъ у него съ покойнымъ А. Я. Гердомъ, директоромъ женской гимназіи, въ которой училась его дочь, и какъ онъ, когда кончился разговоръ о сборникѣ въ память Гаршина, о которомъ они приходили поговорить, началъ добродушно подсмѣиваться надъ преподаваніемъ въ этой гимназіи русскаго языка и исторіи: «Какія у нихъ тамъ темы для сочиненій даются»,—говорилъ онъ, кивая на Герда,—«не угодно ли написать сочиненіе о пустынѣ и морѣ! Да ни одна изъ ученицъ не видѣла отродясь никакой пустыни, а вмѣсто моря видѣла только Маркизову лужу (устье Невы)—вотъ и сочиняй. А то не угодно ли описать Аничковъ мостъ!» И Салтыковъ разсказалъ анекдотъ, какъ будто бы ученицы цѣлаго класса явились на Аничковъ мостъ изучать его для сочиненія и смутили этимъ стоявшихъ у моста городовыхъ. «Я самъ уже попробовалъ написать сочиненіе для вашего свирѣпаго учителя,—продолжалъ Салтыковъ обращаясь къ Герду,—и ничего, слава Богу, получилъ за свое сочиненіе тройку!» Учителя исторіи Гердъ взялъ подъ свою защиту и вступилъ въ горячій споръ о цѣляхъ преподаванія исторіи, но кончилось тѣмъ, что Гердъ ушелъ въ полномъ восторгѣ отъ Салтыкова и съ увлеченіемъ разсказывалъ потомъ о своемъ свиданіи съ нимъ.

VI.

Салтыковъ, какъ мірской человѣкъ.

Товарищеская складка. — Редакціонныя собранія. — Заботливость относительно „своихъ“ и радость за ихъ успѣхи.—Случай съ иногороднимъ сотрудникомъ. Отношеніе къ слабѣющимъ литературнымъ силамъ. — Работа за троихъ. — Чувство одиночества. — Два слова о „міросозерцаніи“ Салтыкова. — Можно-ли было его обвинить въ неотзывчивости. — Скромность его домашней жизни. — Несправедливые нападки на Салтыкова проницательныхъ читателей.

Въ заключеніе мнѣ хочется отмѣтить одну чисто народную черту характера Салтыкова: онъ былъ артельнымъ, мірскимъ человѣкомъ, не въ смыслѣ мірского времяпрепровожденія или какихъ-либо развлеченій, совершенно для него чуждыхъ, а въ смыслѣ склонности жить и дѣйствовать артелью, міромъ, постоянно принимать близко къ сердцу общественные интересы. Это типъ на Руси вполнѣ опредѣленный и сохранившійся еще до сихъ поръ: изъ него выходятъ порицатели общественной неправды и пороковъ, ходоки, заступники и вообще радѣтели о мірѣ, личная жизнь которыхъ неразрывно соединяется съ мірскою, которые не мыслимы безъ міра такъ-же, какъ растеніе безъ земли и птица безъ воздуха. У него и обличье было чисто русское: схожія лица встрѣчаются и среди помѣщиковъ, и у крестьянъ сѣверныхъ губерній; только такого прекраснаго выраженія глазъ не скоро найдешь. По первому внѣшнему впечатлѣнію онъ легко могъ показаться нелюдимомъ, но чѣмъ больше вы его узнавали и ближе къ нему присматривались, тѣмъ для васъ становилось оче-

виднѣе, что въ немъ сильно развито общественное чувство, что онъ именно не мыслимъ безъ міра, что его даже нельзя представить себѣ въ одиночку: прежде всего безъ извѣстнаго кружка близкихъ людей одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій, затѣмъ безъ извѣстнаго круга читателей, который служилъ мысленнымъ продолженіемъ этого кружка и который онъ постоянно имѣлъ въ виду, и наконецъ безъ заботъ объ общественномъ благѣ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Заботы объ общественныхъ интересахъ достаточно видны изъ его произведеній, изъ которыхъ каждое имѣло общественное значеніе; но немногимъ конечно извѣстно, насколько въ непосредственныхъ, литературныхъ отношеніяхъ Салтыковъ былъ заботливымъ, вѣрнымъ и прекраснымъ товарищемъ, насколько мало стремился онъ преобладать, властвовать и подчинять себѣ людей и насколько самъ умѣлъ подчиняться, насколько заботился объ единодушіи и общемъ тонѣ работъ, насколько расположеніе его къ людямъ, съ которыми свела его судьба, было прочно и насколько онъ дорожилъ ими и цѣнилъ ихъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ даже нѣсколько пересаливалъ, какъ зачастую пересаливаютъ (что впрочемъ совершенно естественно) всѣ вообще общественники, артельщики и даже люди политическихъ партій, считающіе дороже и выше всего свою общину, свой монастырь, свою ближайшую среду и относящіеся къ остальному міру, если не съ предубѣжденіемъ раскольниковъ, то во всякомъ случаѣ какъ къ чему-то чужому: это вотъ свои, а то чужіе; это нашъ, а то чужанинъ. Нашъ можетъ быть и съ нѣкоторымъ изъянцемъ, да молодецъ и человѣкъ вѣрный, а тотъ—кто его знаетъ, что такое, можетъ быть и нѣчто хорошее, а можетъ быть и плохое.

Какъ умнаго человѣка, это не приводило его къ крайности, къ заключенію, что только и свѣта въ окошкѣ, что у насъ; напротивъ, онъ часто порицалъ свое, отлично зналъ его слабыя стороны и всегда стремился привлечь къ журналу все новое, маломальски даровитое и чест-

ное, признавалъ порядочность и заслуги другихъ, какъ на литературномъ, такъ и на иныхъ поприщахъ, извинялъ и тамъ ошибки и слабости, лишь бы только не было неискренности, лжи, ренегатства и вилянья хвостомъ ради какихъ-либо низменныхъ цѣлей и выгодъ, но отношеніе къ своему все-таки было несомнѣнно предпочтительное передъ постороннимъ. За своихъ онъ всегда готовъ былъ постоять, а сознаніе, что и со своими можно постоять за общія убѣжденія доставляло ему большое удовольствіе. Къ постороннимъ людямъ онъ вообще относился какъ-то искоса, если можно такъ выразиться: не любилъ, напр., когда посѣтители, приходя въ редакцію, долго засиживались и разговаривали. Вообще, стороннихъ онъ не жаловалъ и, наоборотъ, очень любилъ, чтобы сотрудники «От. Зап.» всегда приходили, и чѣмъ больше собирался кружокъ, тѣмъ онъ становился довольнѣе и одушевленнѣе. Какъ только кого-нибудь не доставала, такъ сейчасъ же начинались вопросы: почему не пришелъ, здоровъ ли и т. д., а когда замѣчалъ, что человѣкъ какъ будто уклоняется отъ посѣщеній, то всегда узнавалъ: не разсердился ли онъ и не обидился ли на что нибудь. Я какъ сейчасъ слышу его слова: «Отчего вы прошлый разъ не были? Что же это мы всѣ врозь будемъ писать .. право, разъ въ недѣлю не трудно ходить». А еслибы кто нибудь изъ постоянныхъ сотрудниковъ, участвовавшихъ въ чтеніи рукописей и въ текущихъ отдѣлахъ, вздумалъ не ходить, то тутъ навѣрное была бы цѣлая исторія, и Салтыковъ и самъ замучился бы, и его замучилъ бы вопросами, записками, объясненіями, а въ концѣ концовъ, вѣроятно, поссорился бы. Его безпокоило уже то, когда кто нибудь изъ сотрудниковъ переѣзжалъ жить изъ Петербурга куда-нибудь въ провинцію, даже въ какое нибудь изъ ближайшихъ петербургскихъ предмѣстій, вродѣ Лѣсного. По его мнѣнію, настоящій писатель долженъ жить въ Петербургѣ, потому что, живя въ провинціи, нельзя принимать такъ близко къ сердцу происходящихъ явленій.

— Это, говорилъ онъ, ужъ я по себѣ знаю; да и по другимъ тоже: вотъ X живетъ въ деревнѣ—много онъ пишетъ? А Z, какъ переѣхалъ въ деревню, такъ чортъ знаетъ что сталъ писать.

Ему просто было нужно, чтобы всѣ собирались, говорили, совѣтывались, чтобы онъ видѣлъ, что журналъ есть общее и близкое всѣмъ дѣло. Въ отрывкахъ изъ его писемъ къ Н. К. Михайловскому, напечатанныхъ въ «Русской Мысли», не мало фактовъ глубокой его привязанности къ журналу и заботливости о сотрудникахъ; обо всѣхъ онъ думаетъ, неудачниковъ жалѣетъ, говоритъ о важности работы въ общемъ тонѣ и въ своемъ мѣстѣ, а по поводу неодобреннаго имъ полемическаго фельетона одного изъ сотрудниковъ высказываетъ, что «подобные шаги должны быть рѣшаемы сообща, чтобы можно было и впослѣдствіи поддержать полемику, а не отступать», и т. д.

Послѣ его смерти одинъ мало знавшій его писатель высказалъ, что онъ будто бы имѣлъ привычку обо всѣхъ заглазно дурно отзываться. Это неправда. Онъ, дѣйствительно, имѣлъ привычку на многихъ ворчать (въ томъ числѣ и на себя), по поводамъ иногда самымъ незначительнымъ, но и въ глаза, и за глаза всегда высказывалъ одно и то же, хотя можетъ быть и не въ одинаковыхъ выраженіяхъ, причемъ сплошь и рядомъ въ глаза высказывался гораздо рѣзче, потому что терялъ самообладаніе. Мнѣ приходилось слышать его воркотню чуть ли не обо всѣхъ и каждомъ изъ сотрудниковъ, но я положительно не помню случая, когда дѣло касалось бы чьей-нибудь чести и добраго имени.

Вы сейчасъ же чувствовали, что это вовсе не злословіе, а скорѣе доброжелательство и забота объ общемъ литературномъ интересѣ, что это только слишкомъ строгая точка зрѣнія и нервное отношеніе къ тому, что онъ не нелюбитъ, а именно любитъ и считаетъ своимъ. Дурно отзывался онъ только о тѣхъ, кто этого заслуживалъ, но въ большинствѣ случаевъ онъ уже не могъ спокойно видѣть и говорить съ такими людьми или только съ вели-

кимъ трудомъ выносилъ ихъ. Въ воркотнѣ же его противъ своихъ я никогда не могъ усмотрѣть обиды: то онъ начнетъ, по поводу неакуратности и небрежности работъ, увѣрять, что «у насъ все пишутъ загадочныя, поэтическія натуры», то про сотрудника, путающаго свои денежные счеты, начнетъ говорить: «это у насъ министръ финансовъ», и т. д.

За то рѣдко, бывало, кто такъ скоро замѣтитъ, какъ онъ, когда кто нибудь въ редакціонные дни былъ скученъ или просто не въ своей тарелкѣ. По большей части прямо онъ объ этомъ не спроситъ, точно стыдится показаться экспансивнымъ или боится неделикатности вмѣшательства, а кого нибудь другого непремѣнно спроситъ: «скажите пожалуйста, что это N такой скучный,—боленъ онъ что ли? А какъ дѣла его?» Вообще, войти въ положеніе человѣка, понять это положеніе и отнестись къ нему сочувственно—было для него положительно какою-то потребностью. Иногда думаешь, что онъ останется безучастнымъ, а онъ тутъ-то именно и распахнетъ свою душу. Иногда думаешь, что онъ разсердился, а онъ тутъ-то именно и покажетъ себя настоящимъ человѣкомъ. А какое искреннее удовольствіе доставляла ему каждая написанная кѣмъ нибудь хорошая работа: какія восторженные отзывы дѣлалъ онъ, напримѣръ, объ «Устояхъ» Златовратскаго, которые ему очень нравились, о «Власти земли» Успенскаго, не смотря на то, что съ нѣкоторыми конечными его заключеніями былъ не согласенъ. Онъ положительно становился даже какъ-то гордъ въ такія минуты, гордостью чисто общественною: «дескать, все-таки мы впереди», хотя преобладающимъ чувствомъ было конечно не это, а чисто художественное и идейное удовольствіе, какое онъ получалъ. За то какъ онъ оставался недоволенъ, когда кто-нибудь изъ сотрудниковъ отдавалъ статью и появлялся въ какомъ-нибудь другомъ журналѣ, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ». Это было для него настоящею обидою, особенно если онъ дорожилъ сотрудникомъ: «зачѣмъ да почему, если недоволенъ чѣмъ, то отчего не сказать? какъ это идти въ чужое мѣсто, да что про насъ

скажутъ? Скажутъ, что мы разгоняемъ людей» и т. д. Случалось это впрочемъ довольно рѣдко, такъ какъ всѣ знали, насколько это Салтыкову непріятно.

Въ «Отеч. Запискахъ» было нѣсколько человѣкъ провинціальныхъ и иногородныхъ сотрудниковъ, которыхъ мы и въ глаза не видали и съ которыми велъ переписку и сношенія онъ самъ. Это были преимущественно беллетристы и этнографы, писавшіе не постоянно, а отъ времени до времени присылавшіе свои разсказы, повѣсти и очерки. И ими тоже Салтыковъ очень дорожилъ, что можно видѣть изъ той аккуратности, съ какою онъ извѣщалъ ихъ о полученіи рукописей, когда онѣ пойдутъ, что въ нихъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, измѣнить, и т. д. и постоянно старался удержать ихъ въ журналѣ. Помню, какъ одинъ изъ этихъ сотрудниковъ разъ огорчилъ его: онъ ему только что написалъ, что прибавляетъ ему полистную плату,—(вмѣсто 75 р.—100 р.),—а тотъ, до тѣхъ поръ ничего не говорившій о высшей платѣ, написалъ, что желаетъ получать по 130 р. за листъ. Позвалъ меня М. Е. къ себѣ и разсказалъ и о своемъ неудовольствіи, и о невозможности исполнить такое требованіе.

— Очень это мнѣ непріятно, говорилъ онъ: молодой еще человѣкъ, у насъ же началъ писать, мы же съ нимъ возимся, а онъ какъ на лавку какую-то смотритъ: дескать, сами прибавили, такъ и еще прибавите. Да мы наконецъ и не можемъ всѣмъ столько платить. Въ исключительное же положеніе, право, его ставить нельзя: конечно онъ не дурно пишетъ, но такъ пишутъ всѣ; тогда придется и другимъ прибавлять...

Я сказалъ, что и на меня этотъ случай производитъ также непріятное впечатлѣніе и что я вообще привиллегированныхъ платъ и положеній не люблю.

— Ну, я очень радъ, что не одинъ я такъ смотрю, сказалъ Салтыковъ прощаясь.

Но каково-же было мое удивленіе, когда въ первый же редакціонный день я услышалъ отъ него:

— А, знаете, я написалъ X, что согласенъ на его при-

бавку: пусть по его будетъ. Не ловко какъ-то: можетъ быть у него какіе нибудь расчеты съ этимъ связаны.

Никто не долженъ былъ уходить, пока не расходился во взглядахъ съ журналомъ.

Нѣкоторые изъ этихъ сотрудниковъ были людьми не особенно даровитыми, и Салтыковъ возился съ ними, исправлялъ ихъ рукописи, подкрашивалъ, но никогда не отказывалъ, точно по пословицѣ: «чѣмъ дитя несчастнѣе, тѣмъ матери милѣе». Не менѣе интересно также его отношеніе къ писателямъ слабѣющимъ. Это одинъ изъ драматическихъ моментовъ въ писательской жизни: вслѣдствіе возраста, или какихъ-либо другихъ внутреннихъ причинъ, иногда только временныхъ, человѣкъ вдругъ начинаетъ утрачивать интересъ, живость мысли и впечатлительности, начинаетъ писать мало или вяло и шаблонно, точно лапти плести. Это состояніе характеризуется выраженіями: «сталъ исписываться», «сталъ слабѣть», «не можетъ идти въ уровень съ жизнью» и т. п.; но опредѣленія эти сплошь и рядомъ бываютъ ошибочны: человѣкъ иногда нисколько не старѣетъ и не слабѣетъ, а просто устаетъ работать, или переживаетъ какой-нибудь временный душевный процессъ. Но какъ-бы тамъ ни было, а сотрудники болѣе живые и энергичные выдвигаются въ это время впередъ, начинаютъ больше работать, разбирать темы и вообше дѣйствовать, а тотъ понемногу отстаетъ и переходитъ въ задніе ряды. На моей памяти были такіе примѣры, и Салтыковъ сейчасъ же это замѣтитъ, ободритъ человѣка, придумаетъ или попроситъ другихъ пріискать ему работу, такъ что тотъ иной разъ и не подозрѣваетъ, кто о немъ думаетъ, и, смотришь, человѣкъ опять входитъ въ колею и начинаетъ работать нисколько не хуже прежняго, да и не хуже другихъ.

Я не могу сказать, чтобы я пользовался какимъ нибудь особеннымъ расположеніемъ М. Е., я былъ простымъ рядовымъ сотрудникомъ, и потому-то—тѣмъ съ бо̀льшимъ основаніемъ могу утверждать, что отношенія эти были больше чѣмъ обыкновенными дѣловыми хорошими отно-

шеніями, что это были именно отношенія мірскія, когда вы чувствовали, что составляете часть чего-то цѣлаго, на что можете опираться, и сознавали, что васъ не вышвырнутъ въ одинъ прекрасный день, какъ изъ машины винтъ негодный, на улицу. Случались конечно между Салтыковымъ и нами, сотрудниками, недоразумѣнія и пререканія, но все это необыкновенно скоро кончалось, и если ему принадлежало начало неудовольствія, то въ большинствѣ случаевъ ему-же принадлежалъ и конецъ: онъ говорилъ при первомъ же случаѣ или даже нарочно ѣхалъ къ обидѣвшемуся и говорилъ, что «такъ и жить нельзя, если ничего сказать нельзя», и совершенно забывалъ о своемъ недовольствѣ, забывалъ дѣйствительно безъ остатка, такъ что недоразумѣнія эти были чисто домашними и никакихъ послѣдствій не имѣли. Вообще, нужно правду сказать, мы тяготились слушать его воркотню, обижались за его порою рѣзкое слово, за которымъ не было дурного чувства и которое только выражалось въ рѣзкой формѣ, не принимали въ соображеніе его нервности, болѣзненности и огромныхъ трудовъ, которые на немъ лежали. Положимъ, что онъ самъ ихъ на себя накладывалъ, но мы все таки гораздо меньше его работали и гораздо больше жили другою жизнью. Мы стѣснялись ходить къ нему, а вслѣдствіе этого онъ часто чувствовалъ себя одинокимъ, и это его ужасно обижало и причиняло ему нравственную боль.—«Я одинъ, всѣ меня забыли, никто ко мнѣ не ходитъ, или ходятъ только по дѣлу»,— вотъ его постоянныя жалобы въ послѣдніе годы. Одинъ-же жить онъ положительно не могъ; онъ не только не любилъ единолично рѣшать разные общіе вопросы, но ему просто необходимо было съ кѣмъ нибудь предварительно поговорить и посовѣтоваться: «Если вамъ не о чемъ совѣтоваться, если вы все такъ счастливо рѣшаете, то мнѣ нуженъ совѣтъ». Прежде онъ всегда и больше всего совѣтовался съ Г. З. Елисеевымъ. Кажется, было достаточно и одного такого опытнаго и дальновиднаго совѣтчика, но онъ въ то же время совѣтовался также и съ Н. К.

Михайловскимъ, заступившимъ мѣсто Некрасова; но и этимъ не довольствовался, а совѣтовался и съ другими. Обычная его фраза: «какъ вы думаете, а?» всѣмъ вѣроятно памятна. Когда Елисеевъ заболѣлъ въ 1881 году и долженъ былъ на долго отправиться за границу, а Михайловскій выѣхалъ изъ Петербурга, то положеніе его стало особенно труднымъ. Въ послѣдніе два года передъ закрытіемъ «Отеч. Зап.» чаще другихъ ходили къ нему: я, А. Н. Плещеевъ (бывшій секретаремъ редакціи) и А. М. Скабичевскій, и все таки онъ постоянно жаловался: «вы знаете, что я никуда почти не могу самъ ѣздить, потому что боленъ; поэтому надо ко мнѣ чаще ходить. Развѣ я виноватъ, что боленъ?.. А у меня между тѣмъ никто не бываетъ». Ему нужны были не просто знакомые, которыхъ у него было достаточно, а именно литературные и изъ литературныхъ свои люди, причастные къ журналу. Если литература была для него дорогою областью, то они въ ней были наиболѣе дорогими людьми, около которыхъ постоянно вращалась его мысль. Это я говорю на основаніи многихъ фактовъ.

— Что это мы съ вами встрѣтились, точно *чужіе*, — сказалъ онъ разъ, послѣ того какъ мы нѣсколько лѣтъ не видались и какъ самъ же онъ, вмѣсто того чтобы какъ слѣдуетъ поздороваться, сталъ сначала выговаривать мнѣ за то, что я ему не писалъ.

Не чужіе, а свои были ему всѣ, кто работалъ въ «Отеч. Запискахъ».

Иногда сущія недоразумѣнія и неумѣнье самого Салтыкова выразить то, что онъ хотѣлъ, были причиною, что къ нему нѣкоторые неохотно шли. Помню, напримѣръ, такой случай. Говорю я одному изъ сотрудниковъ, про котораго онъ часто вспоминалъ, почему онъ не зайдетъ къ нему, а онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Какъ я къ нему пойду... Представьте, прихожу въ послѣдній разъ: «Ну, здравствуйте, садитесь», говоритъ, какъ вдругъ въ это время кто-то позвонилъ, а онъ и говоритъ: «А вотъ и еще чортъ кого-то принесъ».

Я глубоко убѣжденъ, что Салтыковъ не хотѣлъ этого сказать, что сорвавшаяся у него фраза не только не имѣла отношенія къ собесѣднику, но даже и къ тому, кто вновь пришелъ, а просто выражала досаду, что помѣшаютъ поговорить съ человѣкомъ, котораго онъ хотѣлъ видѣть; между тѣмъ фраза вышла такой неудачной, что произвела обиду. Помню такой еще случай. Однажды я пришелъ къ нему какъ-разъ послѣ многолюдной компаніи знакомыхъ (не литературныхъ), которая только что ушла отъ него, и услыхалъ отъ него слѣдующее:

— Боюсь, какъ бы эти господа на меня не обидѣлись... Представьте: то не ѣдутъ, не ѣдутъ цѣлые мѣсяцы, а тутъ вдругъ всѣ сразу пожаловали, сидятъ и разговариваютъ между собою, хохочутъ, а я слушай. Ну, вотъ я и сказалъ имъ это, а они вдругъ взяли шапки да уѣхали. Право же, я не хотѣлъ имъ ничего обиднаго сказать, а просто хотѣлъ только выразить, что гораздо лучше они сдѣлали бы, если бы не сразу пріѣзжали, что мнѣ пріятнѣе было бы видѣть ихъ порознь и чаще, самому говорить съ ними, чѣмъ слушать ихъ разговоры между собою.

Припомню еще нѣсколько фактовъ, характеризующихъ его со стороны, о которой говорю, со стороны склонности жить и дѣйствовать міромъ. Онъ это исповѣдывалъ не только лично, но и предъявлялъ къ другимъ, и предъявлялъ не только при ихъ жизни, но даже послѣ смерти. Когда умеръ Некрасовъ и завѣщалъ похоронить себя въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, то надо было видѣть, какъ Салтыковъ сердился за это на покойника.

— Вотъ видите, — говорилъ онъ на панихидѣ, — не захотѣлъ со всѣми на Волковомъ кладбищѣ быть, а выдѣлиться захотѣлъ. Я, дескать, такая величина, что не хочу со всѣми лежать. А не все ли равно гдѣ лежать; между тѣмъ для общества это значеніе имѣетъ. Онъ вотъ и при жизни такой же былъ: все одинъ, все въ особенку да въ тихомолку.

И нѣсколько разъ Салтыковъ повторялъ на разные лады тоже самое. Видимое дѣло, что это его очень огор-

чало и что онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, какъ это «такой умный человѣкъ и могъ сдѣлать такое распоряженіе». Потомъ онъ сталъ даже иронизировать надъ Некрасовымъ...

Словомъ, и послѣ смерти нужно быть со своими.

Еще фактъ: пришелъ я къ нему незадолго передъ смертью и засталъ его въ самомъ тяжеломъ состояніи: сидѣлъ онъ въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ, закрывъ глаза, ничего не говорилъ и тяжело дышалъ. На измученномъ лицѣ лежали слѣды страданія жизни, уступающей смерти. Смотрѣть даже было тяжело. Поздоровавшись, я посидѣлъ минутъ пять и спросилъ: не обременяю ли его своимъ приходомъ?

— Нѣтъ, сказалъ онъ, пожалуйста посидите и разскажите что-нибудь, а мнѣ трудно говорить.

Что же, думаю разсказать ему? Ничего для него нѣтъ интереснѣе литературы, а потому сталъ разсказывать объ устраивающемся литературномъ вечерѣ, въ которомъ принимаетъ участіе и Н. К. Михайловскій. Какъ только произнесъ я его имя, такъ Салтыковъ вдругъ открылъ глаза и сердито сказалъ:

— И зачѣмъ онъ съ ними связывается?.. Тамъ и писателей-то, кромѣ него, нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?—сказалъ я и назвалъ нѣсколько старыхъ, извѣстныхъ фамилій.

— Какіе же это писатели, это просто . . . . (тутъ было сказано обычное крѣпкое словечко). Свои не должны были смѣшиваться съ кѣмъ попало.

Въ печати безъ направленія и направленія зазорнаго нѣсколько разъ говорилось, что будто бы у Салтыкова не было опредѣленнаго міросозерцанія, что онъ не былъ человѣкомъ партіи и будто бы билъ иногда своихъ. Уже въ самомъ соединеніи этихъ опредѣленій есть противорѣчія: если онъ не былъ партійнымъ человѣкомъ и не имѣлъ опредѣленнаго міросозерцанія, то какъ могли быть у него свои, и, наоборотъ, если у него были свои, то, значитъ,

онъ принадлежалъ къ извѣстной группѣ (велика она была или мала—это все равно) и имѣлъ извѣстное міросозерцаніе. Міросозерцаніе Салтыкова было очень широкимъ и въ то же время очень опредѣленнымъ. Юность его приходится на сороковые годы, когда въ русской литературѣ образовалось два теченія—западническое и славянофильское. Онъ воспитывался на статьяхъ Бѣлинскаго и, будучи по природѣ русскимъ и оставаясь имъ до самой смерти, примкнулъ навсегда къ западникамъ, т. е. сталъ желать для отечества того, что на западѣ было выработано жизнью хорошаго. Примкнулъ онъ однако не къ большинству западниковъ, занимавшемуся популяризированіемъ нѣмецкой философіи, а къ небольшому кружку, прилѣпившемуся къ Франціи, къ Франціи не Гизо и Луи-Филиппа, а къ Франціи Фурье, Сенъ-Симона, Луи-Блана и Жоржъ Занда. «Оттуда,—говоритъ онъ,—лилась на насъ вѣра въ человѣчество, шло все доброе, любвеобильное и желанное, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не назади, а впереди насъ» («За рубежомъ»). Онъ еще въ лицеѣ читалъ этихъ авторовъ и увлекался ими, и когда потомъ въ Вяткѣ собирался писать «Объ идеѣ права» и біографію Беккаріи, когда писалъ «Краткую исторію Россіи» и ставилъ въ заслугу Іоанну Грозному его борьбу съ боярствомъ на почвѣ мѣстнаго управленія и учрежденіе судныхъ старостъ и цѣловальниковъ, «чтобы лишить областныхъ правителей возможности грабить народъ», когда, участвуя въ служебныхъ командировкахъ, ревизіяхъ и комиссіяхъ, высказывался даже въ офиціальныхъ бумагахъ за свободу личности, экономическое благосостояніе народа, вредъ полицейскаго всевластія и бюрократической централизаціи и стоялъ за необходимость общественнаго контроля и мѣстнаго самоуправленія, то во всемъ этомъ уже сказывались соціально-политическія идеи этихъ писателей, не просто на вѣру взятыя, а продуманныя и согласованныя съ русской дѣйствительностью. Идеи эти какъ нельзя болѣе гармонировали съ его чисто русскими общинными склонностями.

Онъ и въ послѣдніе годы, будучи уже старикомъ, много разъ вспоминалъ въ разговорѣ объ этихъ писателяхъ, хотя съ практическою стороною ученій Фурье (напримѣръ съ устройствомъ фаланстеровъ, и т. п.) далеко не былъ согласенъ. Признавая и высоко цѣня общія положенія, всю практическую часть онъ ставилъ въ зависимость отъ времени, развитія и желанія людей и скептически относился къ возможности разъ навсегда придумать формы жизни. Какъ русскій народъ, выработавъ общинный порядокъ и храня его, какъ главную основу своего быта, остановился на извѣстномъ разстояніи отъ перехода въ коммунизмъ и отъ поглощенія общиной личности, такъ и онъ—и инстинктивно, и путемъ высшаго процесса мысли—также остановился на извѣстномъ разстояніи отъ категорическихъ формъ, которыя могли бы быть придуманы на вѣчныя времена, остановился во имя той же свободы личности, предоставляя ей самой устраиваться въ подробностяхъ. Истина несомнѣнно здѣсь, въ этой сторонѣ говорилъ онъ, — но можно ли назвать формы жизни, придуманныя хотя бы и великими людьми, окончательными? Прекрасныя, справедливыя и удобныя для данной эпохи, не превратятся ли онѣ въ прокустово ложе для будущаго? Въ частномъ письмѣ къ одному изъ писателей, отрывокъ изъ котораго приводитъ г. Арсеньевъ въ «Матеріалахъ для біографіи Салтыкова», онъ говоритъ:

„Мнѣ кажется, что писатель, имѣющій въ виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые изстари волнуютъ человѣчество. А именно: свобода, равноправность и справедливость. Что же касается до практическихъ идеаловъ, то они такъ разнообразны, что останавливаться на этихъ стадіяхъ—значитъ добровольно стѣснять себя. Я положительно увѣренъ, что большее или меньшее совершенство этихъ идеаловъ зависитъ отъ большаго или меньшаго усвоенія человѣкомъ тайнъ природы и происходящаго отсюда успѣха прикладныхъ наукъ... Фурье былъ великій мыслитель, а вся прикладная часть его теоріи оказывается болѣе или менѣе несостоятельною и остаются только неумирающія общія положенія. Это дало мнѣ поводъ задаться болѣе скромною миссіей, а именно спасти идеалъ свободнаго изслѣдованія, какъ неотъемлемаго права всякаго человѣка, и

обратиться къ тѣмъ современнымъ основамъ, во имя которыхъ эта свобода изслѣдованія попирается".

Чѣмъ обстоятельства, въ какихъ приходилось дѣйствовать Салтыкову, были труднѣе, тѣмъ, само собою разумѣется, приходилось дольше стоять на общихъ положеніяхъ, тратить больше силъ и времени на подготовительную работу, «на корчевку старыхъ пней», какъ онъ выразился однажды въ разговорѣ съ однимъ изъ сотрудниковъ, и отодвигать положительный идеалъ дальше; но тѣмъ не менѣе онъ никогда не упускалъ его изъ вида, и все его отрицаніе клонилось къ осуществленію и уясненію этого идеала, къ водворенію въ жизнь общихъ положеній, которыя самымъ тѣснымъ образомъ съ нимъ соединялись и входили въ него.

Когда говорятъ, что Салтыковъ будто бы не щадилъ своихъ и бранилъ и смѣялся надъ всѣми одинаково, то для этого нужно представлять доказательства, которыхъ обыкновенно не представляютъ, потому что ихъ трудно найти, но еслибы что-либо подобное и было найдено въ его сочиненіяхъ, то это еще ничего не доказывало бы, потому что и свои могутъ ошибаться и заблуждаться и заслуживать порицанія, а еще чаще чужіе могутъ взять ваши идеи, особенно наиболѣе слабыя, и компрометировать ихъ неудачнымъ примѣненіемъ или прямо искажать и предавать поруганію однимъ своимъ прикосновеніемъ. Человѣкъ съ меньшимъ умомъ и практической выдержкой могъ бы очень много написать про своихъ и про молодое поколѣніе, тѣсно съ ними соприкасавшееся. Много было смѣшного, ошибочнаго, претендующаго и лично оскорблявшаго Салтыкова, но онъ никогда не терялъ самообладанія. Сколько смѣшного разсказывалъ онъ, напримѣръ, про одну фельдшерицу, отправившуюся, по земскому приглашенію, на борьбу съ сифилисомъ; но зная, что этотъ фактъ частный, и боясь, что имъ могутъ воспользоваться противники женскаго образованія,--и не подумалъ смѣяться надъ нимъ печатно. Сколько непріятныхъ писемъ и объясненій ему приходилось имѣть съ молодежью, но зная,

что передъ нимъ не все молодое поколѣніе, а только наиболѣе нетерпѣливыя единицы, — ни строки дурной не написалъ о молодомъ поколѣніи и сохранилъ къ нему любовь и вѣру. Надо было знать, насколько непосредственно могли раздражать нѣкоторые факты и положенія. Одно время (въ серединѣ 70-хъ годовъ) положеніе Салтыкова было просто нестерпимымъ: съ одной стороны, на него постоянно были недовольны такъ называемыя сферы и цензура, а съ другой, его бранили молодежь и публика за то, что онъ недостаточно послѣдователенъ, не то пишетъ и не то дѣлаетъ, что нужно и т. д. Это уже потомъ ему стали посылаться многочисленные адресы, а вначалѣ читатель къ нему былъ очень строгъ, порою просто даже безмилосерденъ. Такъ напр. его постоянно звали читать въ пользу чего-нибудь, участвовать въ литературныхъ вечерахъ, онъ отказывался его бранили, не желая знать никакихъ извинительныхъ причинъ и объясняя отказъ исключительно нежеланіемъ и его неотзывчивостью къ добру. Между тѣмъ, онъ часто не могъ читать просто по болѣзни, не говоря уже о томъ что для него появляться на эстрадѣ и читать публично было чистою мукою.

— Вотъ вы посидите да послушайте, какъ я кашляю — говорилъ онъ иногда приглашающимъ,—тогда и увидите, могу ли я читать.

Кашель Салтыкова дѣйствительно, продолжался иногда минутъ 5—10 подъ рядъ и не давалъ ему слова сказать. Но отвѣчать такъ и представлять такіе аргументы можно было только въ спокойномъ, хорошемъ настроеніи, а въ другое время можно было говорить просто: «не могу, не пойду», а такъ какъ говорилъ онъ это, по обыкновенію, сердитымъ тономъ, то это также ставилось ему въ счетъ. Затѣмъ Салтыкова считали чуть ли не милліонеромъ и постоянно осаждали просьбами о пожертвованіяхъ на разныя благотворительныя цѣли. Онъ давалъ сколько могъ, а иногда и отказывалъ, и опять его бранили, какъ за отказъ, такъ и за то, что не охотно-де раскошеливается и ворчитъ сначала при этомъ. Состояніе Салтыкова было

очень невелико и поправилось только за послѣдніе годы, когда возросла подписка на «Отеч. Записки» и когда стали расходиться его сочиненія отдѣльными изданіями. Служилъ онъ по необходимости, работалъ въ литературѣ также далеко не по одной только охотѣ. Въ «От. Запискахъ» онъ получалъ сначала не особенно много для семейнаго человѣка его круга, живущаго въ Петербургѣ; а въ «Современникѣ», дѣла котораго въ то время были не блестящи, онъ имѣлъ только 150 р. въ мѣсяцъ и самъ говорилъ мнѣ, что долженъ былъ какъ волъ работать и перебиваться рецензіями. Это и заставило его искать опять мѣста и вторично поступить на службу, до послѣдней отставки. О семьѣ своей онъ дѣйствительно думалъ, желая оставить ей обезпеченіе, но въ личной своей жизни, повторяю, отличался большою скромностью: даже больной, онъ не имѣлъ отдѣльной прислуги; кабинетъ его, гдѣ онъ главнымъ образомъ и жилъ, отличался замѣчательною простотою, и т. д. Опасаясь «полуголодной старости», онъ работалъ до самой смерти и имѣлъ полное право написать слова, которыя мы приводили уже выше: «могу смѣло сказать что до послѣднихъ минутъ вся моя жизнь прошла въ трудѣ и только когда мнѣ становилось ужъ очень тяжко, я бросалъ перо и впадалъ въ мучительное забытье». Въ 1888 г., когда я его спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Увѣряю васъ что каждый день ложусь съ неувѣренностью что проснусь утромъ

И тѣмъ не менѣе и въ это время работалъ. Однимъ словомъ, матеріальное положеніе Салтыкова въ то время, о которомъ мы говоримъ, вовсе не было такимъ блестящимъ, какъ объ этомъ думали осаждавшіе его просьбами. На нѣкоторыя просьбы онъ почти никогда не отказывалъ, хотя также считалъ нужнымъ поворчать.

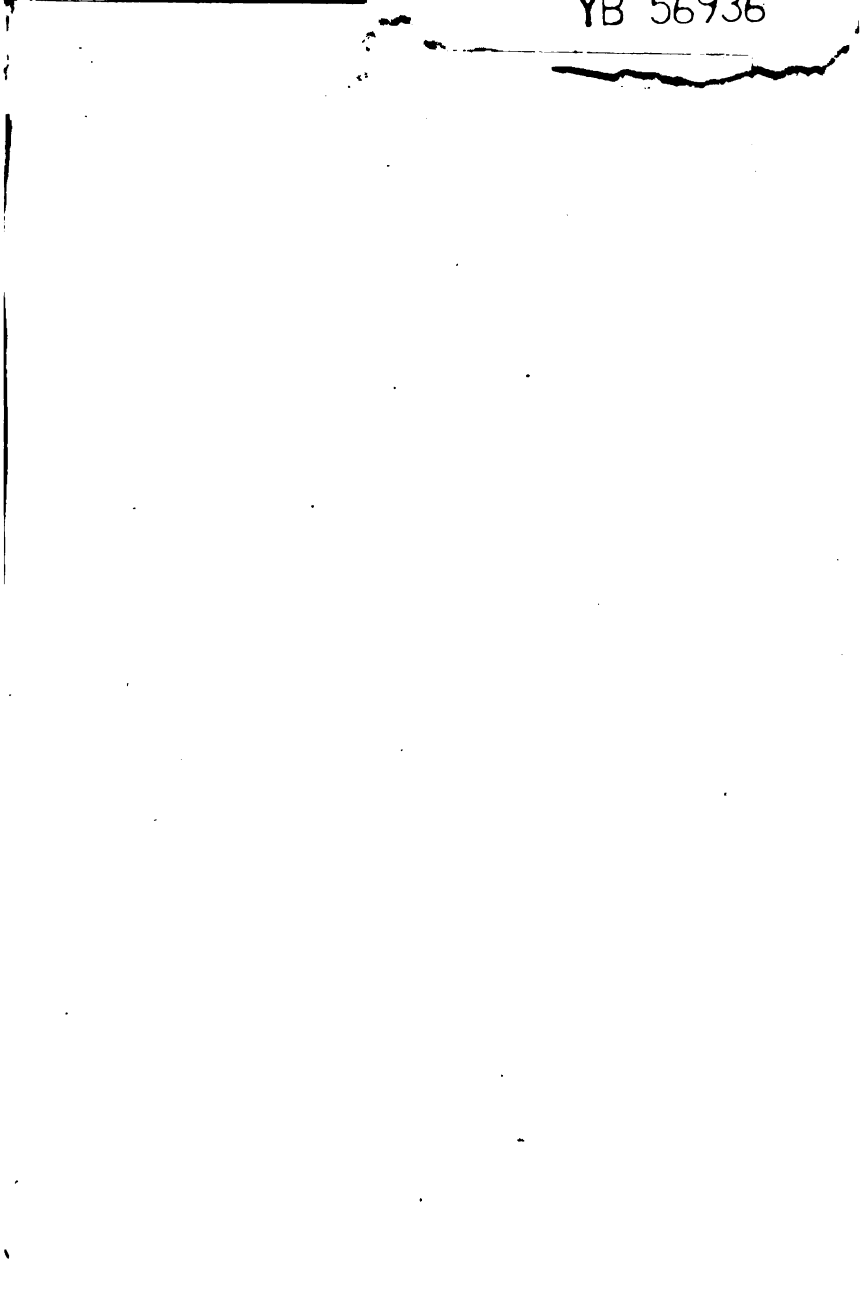
Я. В. Абрамовъ разсказываетъ, какъ они съ Гердомъ ходили просить его принять участіе въ литературно-художественномъ сборникѣ «Памяти В. М. Гаршина», т. е. попросту, чтобы онъ далъ что нибудь даромъ въ сборникъ,

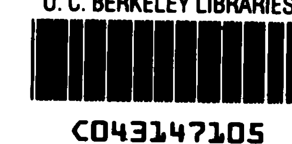
выручка съ котораго предназначалась на доброе дѣло, въ память покойнаго. Нужно замѣтить, что В. М. Гаршинъ былъ сотрудникомъ «Отеч. Записокъ». На нашу просьбу, говоритъ Я. В. Абрамовъ, Салтыковъ отвѣтилъ самымъ рѣшительнымъ отказомъ: «не могу и не могу!... У меня глаза болятъ... Я писать ничего не могу... Да и что тамъ за сборникъ такой! Что это за манера—только умретъ писатель, сейчасъ ему въ догонку сборникъ!» Гердъ замѣтилъ, что было бы очень пріятно, еслибы каждому умершему писателю «въ догонку» посылалась товарищами книга, сборъ съ которой шелъ бы на хорошее дѣло; но Салтыковъ и слышать ничего не хотѣлъ: «и что выйдетъ изъ вашего сборника? продолжалъ онъ. Вотъ противъ меня букинистъ Клочковъ,—у него всѣ сборники, и вашъ тамъ же будетъ... Да и гдѣ мнѣ писать?» — «Я зналъ, говоритъ Абрамовъ, чѣмъ кончится вся эта тирада, и потому ждалъ молча. Но А. Я. Гердъ, незнакомый съ пріемами Салтыкова, сконфуженно поднялся и сталъ извиняться за причиненное нашимъ визитомъ безпокойство, обнаруживая намѣреніе уйти. Едва Салтыковъ это замѣтилъ, какъ тотчасъ же перемѣнилъ тонъ: «Да что вы это? Куда вы? Да неужто вы думаете, что я откажусь отъ общаго дѣла?... Я дамъ все, что могу. Вотъ у меня есть кое-что, берите что хотите! Самое лучшее — возьмите вотъ эти сказки». И онъ подалъ нѣсколько не напечатанныхъ своихъ произведеній. Исполнять же всѣ просьбы благотворительныхъ обществъ, кружковъ, разныхъ дамскихъ комитетовъ и т. д. очень трудно. Въ этомъ отношеніи у насъ дѣло стоитъ, вообще, довольно любопытно: когда, напр., писатель дѣлаетъ изданіе, то получаетъ всегда массу просьбъ пожертвовать изданіе или прислать «по удешевленной цѣнѣ». Пишутъ библіотеки, больницы, школы и т. д., не исключая и частныхъ лицъ. Во многихъ мѣстахъ заведены для этого даже спеціальные, печатные бланки. Еслибы писатель удовлетворилъ всѣ просьбы, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ легко могло бы случиться, что ему самому ничего не осталось бы; но нерѣдко онъ даже не можетъ самъ

распоряжаться своимъ изданіемъ, такъ какъ издаетъ его не онъ, а другое лицо, которому онъ его продалъ. Между тѣмъ, этого знать не хотятъ или никакъ понять не могутъ и пишутъ претензіи, выговоры, упреки за то, что слово не согласуется съ дѣломъ, что на словахъ одно, а на дѣлѣ другое и т. д. Салтыкову не мало приходилось выслушивать подобныхъ упрековъ, и я знаю случаи, когда онъ самъ покупалъ свои же сочиненія, чтобы послать кому-нибудь.

Но этого рода упреки были еще не такъ обидны, какъ упреки другого рода, упреки чисто принципіальные и нравственные, которые также приходилось выслушивать, по поводамъ сплошь и рядомъ самымъ неосновательнымъ. Такъ, напримѣръ, его звали на студенческія сходки. Я воображаю Салтыкова на студенческой сходкѣ. Этимъ онъ, впрочемъ, не обижался, но когда ему приходилось выслушивать упреки за литературную дѣятельность, когда ее неправильно истолковывали относительно направленія и молодого поколѣнія и въ особенности когда упреки шли со стороны самой молодежи, то это его очень огорчало. Я знаю случай, когда Салтыковъ, получивъ одно такое несправедливое и рѣзкое обвинительное письмо, заплакалъ. И тѣмъ не менѣе онъ никогда не обмолвился не только дурнымъ, но даже просто раздражительнымъ словомъ противъ молодого поколѣнія, какъ таковаго. При его нервности и раздражительности, такая выдержка говоритъ только объ его большомъ умѣ и прочности его убѣжденій. Я увѣренъ, что не одно, а нѣсколько молодыхъ поколѣній придутъ на Салтыковскую могилу и вспомнятъ его добрымъ словомъ. Это одинъ изъ замѣчательныхъ людей эпохи преобразованій, которая цѣликомъ отразилась въ его произведеніяхъ, со всѣми нашими недугами и слабостями.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Апрѣля 1891 г.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C043147105

